

Галина Львовна Романова Властимир

Властимир – 1

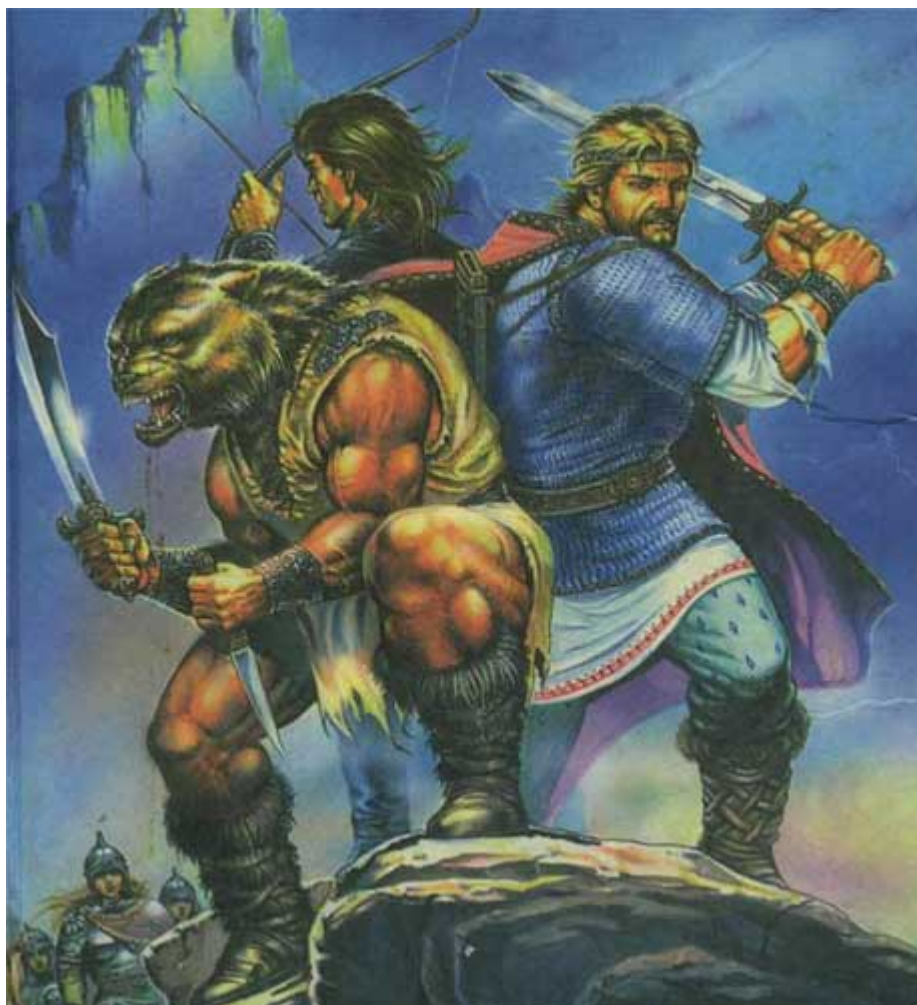
slavophil.narod.ru

«Властимир»: Центрполиграф; Москва; 2000

Аннотация

Первая книга цикла «Властимир»:

Древняя Русь. Змееобразные пришельцы из космоса — гэты — проводят над славянами генетические эксперименты. Их цель создание на земле своей колонии, что грозит гибелью славянской культуре и рабством для людей. Резанский князь Властимир и новгородский гусяр Буян вступают в жестокую неравную битву с врагами. Но кто помогает героям? Земляне и не догадывались, что не только для них голубая планета давно стала родиной...

ВЛАСТИМИР

ПРОЛОГ

Над рекой лился серебряный звук трубы, и эхо, унося его в леса, долго-долго играло им.

По весне над заводями трубили лебеди, им вторили журавли с Лисьих болот. Летом по опушкам и лугам звенели рожки и дудки пастухов. Осенью в прозрачном воздухе разносились трубные клики влюбленных оленей и туров. Зимой их сменяли рога охотников. А порой звучали окованные серебром или железом боевые туры рога, сзывая ополчение или дружину. Но чаще лишь верховой ветер с трубным ревом гонял взад и вперед поземку надо льдом.

Потому-то и реку называли Трубенем.

Закатное солнце позолотило верхушки деревьев вокруг поляны, где собралось перед возвращением в село стадо. Коровы уже стояли, поворотив головы в сторону тропы, по которой их пригнали сюда перед самым полуднем. Изредка раздавалось короткое нетерпеливое мычание, но пастух с подпаском все медлили.

Вдруг неяркий вечерний свет померк перед сиянием, что поднялось с юга над вершинами. Что-то затрубило в вышине, задрожали листья, с дуба посыпались мелкие, недоспелые желуди. Стадо испуганно замычало, шарахнулось, сбилось в кучу, словно это могло защитить от того неведомого, что надвигалось с южной стороны в облаке багрового цвета с ревом, вставшим как стена.

Маньяк¹ — как его называли в деревнях с давних пор — пролетел через опушку над обезумевшим стадом и двумя пастухами, что от удивления открыли рты, боясь сдвинуться с места. Их словно накрыло слепящее глаза сияние, оглушительный рев и грохот и ураганный ветер, от которого трещали и валились деревья.

Маньяк пролетел и скрылся. Мир вернулся в свой прежний вид, только где-то у самого озера, довольно, впрочем, близко, что-то ревело, затихая, словно умирающий тур, да перепуганное стадо разбежалось по лесу.

Пастух бросился туда, где затихал рев маньяка. Он сам не задумывался над тем, что влечет его туда, хотя первым делом надо было собрать стадо и спешить в деревню, рассказать людям и Перунову волхву, чтобы тот объяснил, что значит сие знамение. Волхв говорил уже, что кровавого цвета звезда, что видна порой на рассвете на краю окоема, есть знамение бед, что грядут на землю, и что посему всем надо усерднее молиться и чаще приносить жертвы Перуну, дабы отвратил могучий бог гнев свой от людей.

Но совсем не об этом думал пастух, продираясь через заросли молодых елок и кусты — так не терпелось ему раскрыть секрет маньяка. Если он живой, как человек или зверь, то после такого падения долго еще будет приходить в себя, и можно хоть одним глазком взглянуть на него, хотя бы издали.

Густая, малохожая чаща не пускала человека — ветви перегораживали путь, цеплялись за рубаху, деревья подставляли узловатые корни. Над головой перекликались птицы, тревожно шепталась листва. Лес предупреждал человека: не ходи! — но что он мог сделать с упорством и упрямством, худшими советниками, когда человек молод и горяч.

Впереди, в редколесье, замелькал свет. Но здесь не было поляны — пастух знал лес, как любой выросший в этих местах, когда с пяти-шести лет мальчишка уже бродит в нем без провожатых. Поляна была саженях в трехстах влево, значит, он нашел маньяка быстрее, чем думал.

Чем ближе подходил пастух, тем шел медленнее. К дикому зверю следует приближаться крайне осторожно, чтобы не спугнуть. А маньяк, даже если он и не знамение бога, должно быть, гораздо чувствительнее любого зверя. Не разобрав, может и убить.

Последние несколько сажен пастух прополз так тихо, что, будь на прогалине волк-одиночка, вышедший на добычу, и то не услышал бы. Ни один листик не дрогнул, ни одна травинка не шелохнулась и веточка не треснула. Лишь воин-разведчик был бы сноровистее его.

Подползши, пастух приподнял голову и застыл. То, что он увидел, разом наполнило его душу страхом, но он не мог даже пошевелиться, как ни хотел.

Трава и кусты на прогалине сгорели дотла, ветви поваленных и устоявших по краям деревьев обгорели и почернели. Сизый дым поднимался вверх и уходил в сторону. А в самом центре пепелища возвышалось нечто, похожее на камень-валун, побывавший в костре. Станный камень весь светился, от него тоже поднимался дым, тая в небе над лесом.

Стояла тишина, словно недавно тут ничего и не грохотало. Ушедший наполовину в землю валун не шевелился. Дымок рассеивался. Откуда-то послышался голосок иволги, над головой запищала малиновка. Лес успокаивался, снова зажил своей жизнью.

Выждав еще немного, пастух поднялся и, крадучись, пошел к валуну. Если это упавший с неба камень — один волхв, забредший в деревню во время моровой язвы, рассказывал, что так случается иногда, — то можно обойти его кругом и даже потрогать — если хватит смелости.

Под ногой мягко похрустывала обгорелая трава. Птицы забеспокоились было, когда он сделал несколько первых шагов, но пастух не придавал этому значения. Они заметили его — только и всего. А может, какого зверя валуном придавило и сороки созывают друзей-подружек на пир.

¹ Маньяк — Древние славяне так называли падающие звезды. (Примеч. ред.)

Он прошел уже десяток шагов, когда с другой стороны валуна долетел тихий скрип, будто дверь отворилась. Пастух замер на одной ноге, не зная еще, идти вперед или назад. Наконец, решившись, он сделал шаг вперед...

И увидел чудовище.

Оно вышло из-за валуна и точно так же застыло на месте. Видно было, что оно поражено не меньше, или пастуху так показалось. Чудовище пришло в себя быстрее. Оно подняло какую-то странную палку, что тащило с собой в передних лапах, и наставило ее на человека.

В его выпученных глазах, похожих на глаза огромной лягушки, человек почуял холод и ненависть. Он отпрянул с криком и, так же не раздумывая, как и прибежал сюда, бросился прочь. Он не оборачивался и не видел, как из одного конца палки вырвался тонкий голубой луч и ударил ему в спину. Он успел только почувствовать какое-то холодное липкое прикосновение. Больше его никто никогда не видел.

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1

Веденея шла тропой вдоль берега озера, возвращаясь в деревню с поля. Земля приятно грела ноги сквозь лапти — весна выдалась теплая и погожая. Далеко вверху, не углядишь, звенел жаворонок — чистый воздух был пронизан его песенкой, и девушке самой хотелось петь, хотя вроде бы и не с чего.

Тропа вилась, следуя всем изгибам берега озера, возле которого стояла деревня Ласкова, раскинувшаяся от заводи до опушки леса. Селение за тыном было уже совсем рядом — в сотне саженей.

У самого поворота тропы от воды к деревне, на невысоком холме, откуда был виден дальний берег Ласково — деревня звалась по озеру, — за частоколом стояли боги — Перун Громовержец, Сварог, властелин небес, и Белее, скотий бог. Туда сходились все жители этой и окрестных деревенок, приносили жертвы и выслушивали толкования примет. Именно здесь

пахарь получал благословение пахать и жать, воин — идти в поход, охотник — в лес за дичью, и всякий человек получал ответы на все вопросы. В землянке за тыном жили двое волхвов-гадателей, ветхие годами, но не слабые телом и духом старцы и их помощник, блаженный отрок. Юноша потерял разум четыре года назад, когда случайно увидел, как исчез пастух. С того дня он не сказал ни одного слова — только все мычал и махал руками, но был уже тих и понимал простые слова. Проходя мимо, Ведет: ея увидела его — он шел по вытоптанному двору с ведром к выходу за частоколом. Девушка улыбнулась ему, но юноша ее не заметил. Старцы говорили, что Перун поразил его немотой и замутил его разум за то, что он слушал хулу, которую пастух расточал на богов. Пастух был взят маньяком, а его подпасок навечно остался калекой.

Деревня стояла на плоской вершине холма. Слева к нему почти вплотную примыкала заводь, заросшая камышом и ивняком, а с противоположной стороны к тыну подступал лес — его отделял только овраг и светлый березняк, где на Радуницу девушки украшали березы венками и кумились, а на Русалии жгли костры и гадали о суженом. Холм был пронизан подземными ходами — из подпола почти каждого дома шел ход или в лес, или к заводи с обрывистыми берегами. Не раз эти ходы спасали мирных жителей Ласковы от хазар или угров, что раньше часто заходили сюда.

По мосту Веденя перешла овраг и оказалась за тыном своего селения. Дом ее стоял на другой стороне — чтобы попасть туда, ей надо было пересечь всю деревню. А та словно вымерла — все мужчины и подростки, а с ними кое-кто из женщин и стариков были в поле. По домам сидели только больные, старые, малые да матери с младенцами. Все же с несколькими женщинами Веденя обменялась поклонами — в деревне все знали друг друга в лицо, многие приходились друг другу дальней и близкой родней, а уж Веденя многим была больше чем родная — скольких она исцелила, скольким, помогла. К ней приходили и из соседних деревень — она славилась знанием трав, корней и слов-заговоров, одаренная богами умением и мудростью.

Когда она шла по деревне, ей вслед часто летели добрые пожелания — многие верили, что в ответ на ласковое слово ведунья приворожит любимого или нагадает счастье. Кто-то просто вспоминал добро, что сделала девушка, кто-то вздыхал о ней самой.

Высокая, стройная, как береза, что росла у их дома, Веденя не блистала особой красотой, и ее давно затмили другие девушки, среди которых первой была ее младшая сестра, красавица Прогнева. Парни и холостые воины с заставы, где жил брат девушек, Ждан, увивались вокруг ее младшей сестры, а Веденя, прожив двадцать и два года жизни, оставалась бобыл-кой. Обычно таких девушек, которые до восемнадцати лет не вышли замуж, не очень привечают, но Веденя была траво-знатица и ворожея, и о ней никто не мог сказать дурного слова, даже если бы и захотел, — слишком многим она помогла.

Из избы вышла молодая женщина с ведром — видно, собралась за водой. Увидев Веденю, поклонилась с особым почтением — этой зимой, в самые лютые морозы, родила она сына, и только благодаря заботе ворожеи малыш выжил.

— Веденя! К тебе гость пожаловал! — крикнула она. Девушка остановилась:

— Какой?

— А чужой, тот, что все ездит... Ну, сама знаешь! — И она, махнув рукой, чтоб ворожея поторопилась, пошла своей дорогой.

Веденя прибавила шаг, заворачивая за угол. Ездить к ней мог только один человек, которого деревня знала как «чужого», но сердце ее все равно радостно забилося, когда она увидела привязанного к заветной березе серого жеребца с черной гривой и лежащее рядом на земле седло.

Только у одного человека в мире был такой конь и такое седло. Девушка ничуть не удивилась, увидев, что дверь распахнута. Она вбежала в дом и увидела сидящего на лавке у стола высокого плечистого мужчину с полуседой бородой и смотрящими из-под кустистых бровей синими спокойными глазами. Рубаха и штаны его были из небеленого полотна, на плечи накинута душегрея из волчьей шкуры, на широкой груди висели обереги и амулеты, на

поясе дубленой кожи — нож в плетеных ножнах. При виде хозяйки гость молодо и стремительно вскочил, отмахнул поясной поклон:

— Мир дому этому, здоровья его хозяйшке!

Веденя поставила на лавку у двери пустой горшок, который принесла с собой, ответила приветливо:

— И тебе, гостюшка! Здрав буди, Чистомысл! Давно не виделись. Рада, что заглянул.

— И я рад, Веденя, — отозвался Чистомысл, садясь. — Не сердись, что вошел незван-непрошен?

— Этот дом тебе всегда рад. — Девушка прошла к сундуку в глубине избы. — Давно ждешь?

— Нет.

— Погоди еще — я поесть соберу. Не взыщи — в поле была, горячего не сготовила. Откушай, что есть.

Девушка поставила перед гостем мису для молока, подала початый каравай хлеба и, пока тот отрезал ломоть, принесла молока. Чистомысл, не отрываясь, смотрел, как молоко лилось тонкой струйкой и заполнило мису чуть более половины. Кувшин опорожнился.

— Куда же прочее девалось? — спросил он. — Корова у тебя хорошая, детей малых нет в доме...

— В поле носила. Все наши там.

— Пашут? — догадался Чистомысл.

— Уж заканчиваем, день-два — и сеять, — сказала Веденя. Беда с этим Чистомыслрм! Словно не знает, откуда хлеб берется! Ну, да что ему! Он волхв — ему всякий хлеб-соль вынесет, пахать-сеять не надобно, и так проживет.

Чистомысл тем временем отломил кусочек хлеба, макнул его в молоко и ловко бросил прямо в печь, шепотом помянув духов-шуров, чтоб хранили сей дом и живущих в нем. Только после этого он принялся за еду, а Веденя хлопотала, готовя настоящий обед: в честь гостя надо было расстараться.

Волхв ел не сводя с нее глаз.

— Ты кому ж молока носила? — спросил он. — Не жениху ли?

— Уж и скажешь, Чистомысл! Брат с заставы прискакал — помогает нашим. Хотела Прогневу послать, да той след простыл. С парнями небось...

— А ты что ж?

— А что мне? У меня свое дело есть... Да и кто меня возьмет такую? Все уважают, но считают, что я с нечистью лесной знаюсь.

— А ты не забываешь? — вдруг подался вперед Чистомысл.

Вместо ответа Веденя показала на несколько сухих прошлогодних листьев и один свежий, крошечный, этого года, прилепленный к затянутому бычьим пузырем оконцу. Чистомысл улыбнулся:

— Вижу, и тебя помнят... А раз так, то верь мне, старику, — верно ты делаешь! Давно они были?

— Пятый день уж миновал. Ты к ним приехал?

— Не только. Хотелось и на тебя посмотреть...

Веденя только пожала плечом, склоняясь над варевом в горшке.

Она знала Чистомысла с детства. Десять лет назад откуда-то доползла в Ласкову моровая язва. Первыми умерли два маленьких брата девушки, слегла и мать, потом заболели сестры. Придя в себя после трех дней беспамятства, девочка увидела склоненное над собой лицо чужого человека. Сначала она подумала, что это ее пращур пришел за нею, и испугалась, но потом поняла, что это живой человек. Чистомысл выхаживал всю деревню, наведываясь по временам в две соседние. Мать Веденеи и Прогневы он не спас, но отца выходил. В тот год Чистомысл прожил у них до осени и ушел в начале грудня. Большинство даже не узнало его имени. С тех пор он посещал их раз или два в год, появляясь неожиданно,

и никогда не говорил, где бродит и где живет. Насколько помнила Веденя, за десять лет, что она его знала, он ничуть не изменился.

Во время встреч Веденя рассказывала ему новости. Четыре года назад, как раз когда пропал пастух, маньяк иногда пролетал над деревней, садясь пару раз у подножия холма, а весной девушка Млава неожиданно-негаданно родила мальчишек-близнецов. Несколько дней она их кормила, а потом ее братья отнесли оборотней в лес подальше и положили в дупло старого дуба: вот тебе, леший, дети твои — что из леса вышло, то в лес и ушло. Случилось это перед самой Радуницей, а на Радуницу явился Чистомысл, но тогда Веденя ему ни словом не обмолвилась о том случае. В другой раз он приехал через год, вскоре после Русалий, и громко возмущался забывчивостью Веденеи и жестокостью деревенских, а потом исчез в лесу на целых девять дней. Девять дней девушка ухаживала за оставшимся без хозяина конем, а на десятый, перед рассветом, волхв стукнул в дверь.

Веденя, кое-как одевшись, вышла в предутренний туман. Чистомысл велел ей быть тише тени лебедя на глади реки. Они вышли через тайный ход из селения, перебрались через овраг, дошли до опушки леса и, пройдя его, вышли в рощу. Здесь Чистомысл велел Веденее ждать, а сам прошел чуть вперед и подал голос. Вскоре откуда ни возьмись появились два мальчика девяти-десяти лет, близнецы, волос к волосу. Оба белоголовые, чистенькие и красивые, как кувшинки в тихой заводи. Они смотрели на девушку с испугом, а на Чистомысла вопросительно. Волхв шагнул к ним и заговорил на странном языке, похожем на шорох листвы под ветром. Затем толкнул мальчиков к Веденее и назвал их имена: Явор и Ярок.

Веденя стояла молча, приложив руки ко рту, а близнецы разглядывали ее со смешанным чувством удивления и недоверия. Потом они ушли...

Через два дня Чистомысл уехал, ни словом не обмолвившись об этой утренней встрече.

Веденя уже начала забывать о близнецах, но через месяц, проснувшись на заре от собачьего лая, увидела на окне лист явора. Девушка сразу вспомнила все и прибежала в ту рощу. Мальчики вышли ей навстречу. Они посмотрели на девушку, переглянулись и положили на траву один — пучок трав, другой — несколько грибов-боровиков. Веденя приняла дары. С той поры близнецы тайком зачастили в дом на краю деревни. Они носили редкие травы, которые не всякий травознай находит, таскали лесные гостинцы и, осторожно подбирая слова, говорили с Веденеей, но в дом ни разу не заходили — боялись чего-то.

Доев, Чистомысл остался сидеть, глядя, как споро Веденя готовит обед. Хорошая она девушка, жаль, если увянет до срока.

— Ну, рассказывай, есть ли новости?

— О чем ты? — отозвалась она от печи. — Все у нас по-старому. За травы тебе благодарствую, помогли они этой зимой, а так...

— Я про тебя...

— Про меня разговор кончен, — отмахнулась Веденя. — Ты б моей сестре жениха сыскал!

Не в обычае вятичей выдавать замуж младшую прежде старшей. Порой иная сколько лет ждет очереди, пока сестру не пристроят. Только мать и отец имеют право беспокоиться о дочерях, сестры о незамужней сестре реже пекутся. Слышать такое было для волхва странно.

— За сестру просишь? Не рано ли о себе забыла?

— Так ведь что я? — Веденя подняла голову от огня, отбросила со лба прядку волос. — Про меня ты знаешь все — кружит в чистом небе сокол, высматривает утку. Рядом все летают гусыни-лебедины, орлицы-соколицы, ему парочки. Но сидит в камышах серая утка — чуть взлетит она — сокол кинется. И то знают они оба, ведают, что однажды все так и сбудется.

Чистомысл только покачал головой — видно, и правда, живет в его выученице дар особый, раз такое говорит. А потом вдруг протянул ей мису из-под молока:

— А ну-ка, проверим, правду ли баешь!.. Возьми-ка мису — на дороге я после дождя

лужи видел, конь мой в одну из них наступил. Ты из той калужины воды всклинь почерпни с мутью и грязью, но смотри не пролей и мису не споласкивай!

Веденея не стала спорить или удивляться, а скорее обрадовалась. Давно ожидала, что еще раз волхв покажет свое умение, — и сбылось. Быстро, без слов выполнила его наказ и с поклоном, как и положено, поставила перед ним мису.

Чистомысл заглянул в воду, повел над нею руками и кивнул девушке:

— Гляди!

Веденея села рядом. Вода была мутная, с белесоватыми разводами от молока на поверхности. Но вот гладь ее дрогнула, подернулась рябью, и проступило в глубине видение.

Сбоку вроде крыльцо высокое, у крыльца два воина прощаются. Один словно седой, другой темнее. Сошла с крыльца женка с младенцем, протянула ребенка темноволосому. Тот его поднял ласково, что-то тихо сказал прощальное и, вернув ребенка матери, одним прыжком вскочил на коня снежно-белого. Обернулся, махнул рукой — и только его и видели. Но в этот краткий миг успела Веденея разглядеть его лицо — суровое, но улыбчивое, глаза серые с гордым прищуром, не старик и не хрупкий юноша.

Чистомысл тронул край мисы — и видение пропало. Теперь это была просто вода с грязью и песком.

— Аи, молодец, девушка! — добродушно похвалил волхв, поглаживая бороду. — Верно ты про себя сказывала, правду чистую, что душа твоя!

Веденея все сидела, не спуская глаз с мисы.

— Это он и есть? — молвила она растерянно. — Я и не разглядела его как следует, лишь глаза его запомнила...

— По глазам узнают любимого, как по силушке — добра молодца! — кивнул Чистомысл. — То и правда был сокол. Не князь — так боярин, не боярин — так князев ближник. То судьба твоя, Веденеюшка, — от судьбы не уйдешь, не спрячешься!

— Все это так, Чистомысл. — Веденея наконец поднялась, пошла к печи. — Но я это давно уже ведала, увидела воочию только что, а Прогнева... У сестры моей в небе от птиц черно: кружат там соколы и ястребы, орлы и лебеди ясные, а порой пролетит ворон черное крыло. Страшно мне за нее!

— За кого это тебе страшно?

Веденея и Чистомысл обернулись — в дверях замерла только что вошедшая Прогнева, упираясь руками в косяки-ободревники. Синие глаза сверкали гневом, длинная коса висела почти до бедра. Расшитая белая с алым тонкого полотна рубаха обвила ноги. Она ворвалась ураганом, и Веденея с Чистомыслом невольно застыли при виде ее. Волхв только в мыслях похвалил ее — едва ли не за год расцвела она так, что остается только удивляться.

— Жениха мне решили сосватать? — с придыханием воскликнула Прогнева. — Замуж выдать? Не отец ты мне, Чистомысл. Я вольна в своих делах — кого хочу, того и изберу!

Так набрасываться на гостя не в обычае славян. Подобное небрежение может родить обиду на годы, а то и вражду. Но волхв и ухом не повел, улыбнулся только:

— Верно говоришь — сама изберешь. Я тому мешать не буду... Лови!

Он сделал быстрое движение рукой, но Прогнева заметила и поймала то, что он кинул. Девушка разжала кулак. На ладони лежали пять подвесок на шнуре. В середине была одна большая деревянная фигурка воина с мечом и щитом. Четыре других — костяные пластинки с искусно вырезанными на них с обеих сторон знаками: стрела, ключ, крест, звезда-пятиугольник, спираль, трезубец, круг, свастика...

— Что это? — удивилась Прогнева, разглядывая знаки.

— Оберег, — ответил волхв. — Запомни, девочка, — отдашь его только одному человеку. И тот, кому он попадет в руки, твой суженый.

Прогнева разом стихла.

— Это правда? — выдохнула она.

— Разве я когда-нибудь обманывал тебя, девочка? — строго сказал Чистомысл. — Все так и сбудется. Но помни — отдать его можно лишь единожды в жизни, иначе силы он своей

лишится навеки!

Прогнева задумалась и пошла прочь, не сводя глаз с оберега. После ее ухода в доме установилась тишина.

Веденя закончила свои дела, быстренько собрала на стол, достав новый, непечатый каравай хлеба. Чистомысл, хоть и закусил, отказываться не стал, принял угощение, вначале, вслед за хозяйкой, опять плеснув из ложки варево и бросив кус хлеба на угли — духам-пращурам, по обычаю обратясь к ним с благодарностью. Когда они уже ели, тихо вернулась Прогнева, села напротив, глядя скромницей, — оберег висел на шнуре на ее шее. Когда Чистомысл подмигнул ей, гневно сдвинула брови, покраснела и потупилась, но не ушла.

Веденя едва успела прибрать со стола, а Чистомысл собрался что-то ей сказать, когда снаружи послышался пере-брых дворовых собак и быстро приближающийся топот копыт.

Всадник осадил коня у самого дома и шагнул в дверь прямо навстречу торопливо поднявшейся Веденее.

Она остановилась, ожидая увидеть того, кого указал ей волхв, но вошел человек ни капли не похожий.

Он шагнул через порог, согнувшись, и выпрямился, моргая глазами с яркого света улицы. Был он высок, повыше и поплечистее самого Чистомысла, но гораздо моложе, годился ему в сыновья. Куртка и штаны его были из хорошо выделанной кожи, расшитой тесьмой, украшены были и далеко не новые сапоги. За плечами незнакомца висел плащ, не похожий на те, что носили славяне, — был шире и с откинутым назад капюшоном, отороченным мехом. На узорчатом поясе висели нож в кожаных ножнах и меч. Узкое не улыбчивое лицо его потемнело от загара и обветрилось. Рыжие волосы падали на плечи. Синие глаза оглядели по очереди всех, а горбатый нос с густо сидевшими крупными веснушками слегка сморщился.

Разглядев наконец Чистомысла, приезжий вспомнил о вежливости и отвесил девушкам поклон. Потом прошел к столу, полез за пазуху и молча высыпал перед Чистомыслом горсть угольков.

Волхва словно подменили. Лицо его потемнело, он привстал, впившись глазами в принесенное. Дождавшись, пока Чистомысл посмотрит на него, приезжий коротко кивнул, сгреб угольки в ладонь и вышел.

— Кто это, Чистомысл? — шепнула Веденя. — Не сын ли твой?

— Что ты! — волхв поднялся, оправляя одежду. — Мой сын еще мальчик двенадцати лет... А это тоже волхв, из моих дальних родичей, из моего корня, Лисохвост его имя.

Прогнева прыснула — к ней вернулась ее обычная веселость, — но Веденя была в тревоге. Когда Чистомысл направился к двери, она метнулась следом:

— Куда ты? Что за весть он принес?

Волхв придержал ее за плечи, глянул в глаза:

— Страшную весть, Веденеюшка, страшную. Беда там, откуда принес он сии угли, — горит земля, горюют люди. Я еду туда. Прощайте!

Девушки только успели выбежать из дома — оба всадника уже сидели в седлах. Рыжий Лисохвост торопился, горяча коня, а Чистомысл свесился к сестрам и молвил приветливо:

— Не бойтесь, девицы, не дадим вас в обиду. Живите спокойно, ни о чем не думайте! Еще свидимся, еще на свадьбах у вас погуляем!

И, нахлестывая коня, поскакал за отъезжавшим Лисохвостом.

Немало напугав поселян, всадники вырвались из-за ограды и поскакали берегом озера, а потом углубились в сосновые смолистые боры, что со всех сторон окружали озеро и деревню на его берегу.

Боры тянулись здесь с небольшими перерывами и перелесками во все стороны, кроме южной, а на север — до самого дома Чистомыслова и далее. Между медно-бурыми и рыжими стволами сосен далеко было видать — вольготно дышится в сосняке. Жеребцы ходко рысили по усыпанной иглами и старыми шишками тропе, поросшей редкой травой. По краям ее, среди брусничных и черничных кустиков, пробивались молодые побеги

папоротника — разрыв-травы.

Кони сами выскочили на дорогу пошире, видно было: по ней и телеги ходят. Впереди уже виднелась река, которую Чистомысл еще по старой привычке выдавать себя за му-ромлянина называл по-фински — Йоки хотя уже сами му-ромляне давно звали ее на славянский манер — Ока.

Здесь их, даже если бы кто и захотел, не смог подслушать. Сдержав бег не в меру горячего коня, Чистомысл велел остановиться и Лисохвосту:

— Дай-ка на угольки глянуть.

Тот молча опять полез за пазуху, вынул один, побольше, и протянул волхву. Горбатый нос Лисохвоста, резкие скулы и тонкий хищный рот напряглись, следя за наставником.

Чистомысл вертел уголь так и эдак, прикидывая.

— Станный он какой-то, — наконец произнес он в раздумье. — Что-то в нем такое есть тайное, а что — не пойму! Где взял?

— Угли от дома, — объяснил Лисохвост, выговаривая слова на странный чужой манер, — Дом сгорел, жилой. Да не один сгорел — вся деревня. Чего тут странного?

— Так ведь и огонь разным бывает!

— Конечно, — кивнул Лисохвост. — Этот от смоляного факела зажжен — степняк на соломенную крышу факел бросил, вот и занялось.

Волхв только усмехнулся самоуверенности своего спутника. Он понемногу начал догадываться, что такого чудного было в углях.

— Хороший ты следопыт, Лисохвост, — молвил он. — Муравей по песку год назад прошел, а ты все про него расскажешь, и даже то, что он думал тогда. А только здесь ты ошибся — не от факела зажжен этот огонь.

— А от чего же? Уж не от молнии ли?

Услышав это, Чистомысл сердито пристукнул себя по колену. Брови нахмурились.

— Запомни раз и навсегда, — прошептал он, оглядываясь, — здесь ее, молнию, стрелой Перуна кличут. И никак иначе! Ты бы еще вспомнил, отчего она бывает. Остерегись где-нибудь при людях ляпнуть — подумают, что ты нечисть... А здесь, — уловив, что Лисохвост все понял, Чистомысл оставил наставления и сдвинул уголь пальцами, бросив повод, — не от мол... стрелы Перуновой занялось... Слушай! — заговорил, прикрыв глаза. — Загорелся дом не сверху, а снизу, и загорелся враз — как сухой стог вспыхнул, так что те, кто в нем был, не успели выскочить. Двое детей, младенец в люльке, старик... Откуда достал?

Подивившись про себя тайному знанию волхва, Лисохвост широко обвел рукой:

— Отовсюду. Со всей Руси...

— Опять неверно, — перебил Чистомысл почти сердито. — Нет пока еще Руси! Ты ее Русью вслед за своими византийцами кличешь, а так ли они себя через века именовать станут—про то нам неведомо. Молодая сия земля, силы еще много, и сила та не мерена. Может, возрастет, может, истает с годами — рано еще загадывать. Но уже сейчас чую муку великую для земли этой — варяги едва десяток лет тут посидели, а уже вон какие гостинцы подкидывают!

Он подбросил уголек на ладони и протянул его Лисохвосту, но тот не взял. Мысли его были далеко. Очнувшись от толчка, он оглянулся на Чистомысла:

— Ну как же так можно, чтобы дом сразу весь, как сухой стог? Что за огонь должен быть?

— Небесный, — сухо ответил волхв.

— Неужели — Змей?

Оба разом сторожко оглянулись, словно их могли подслушать. Враг мог подстергать их везде.

— Вот теперь ты верно назвал того, кого под именем Змея знают! — вполголоса сказал волхв. — Они самые! Больше некому... Это они рубят деревья, что плодов не приносят, вместо того чтобы подождать урожайного года.

— Ну так надо их найти и вышвырнуть, пока не поздно! — с горячностью молодости

воскликнул Лисохвост. — Эдак они всю землю спалят!

— Давно ты в наших рядах, Лисохвост, — строго осадил его Чистомысл, — а одного не усвоил — не мы защищаем землю. Мы только помогаем ее героям, если им мешают свое дело делать. Сами мы не должны вмешиваться в дела новых народов, только если людям дело не под силу. Наша цивилизация отмирает, а молодые еще малы и слабы.

— Уж больно ты о них печешься. Это правду говорят, что ты с ними в родстве, со славянами?

Склонив голову на грудь, Чистомысл долго молчал. Не так-то просто сказать, что кончилось время его народа, что пришло время уступать планету другим людям, еще не родившимся странам и народам. Вспомнив о вопросе Лисохвоста и отогнав непрощенные мысли, он кивнул:

— Правда... Пришел когда-то сюда, еще до Христа, спасаясь от потопа, Род Славный и привел сюда людей. От его десяти сыновей и пошли десять племен великих, что по предку славянами, «славными», себя величают. От старшего, Слова, ведут род словени ильменские, от Полянина — поляне, от Суворы — северяне, от Радомира — радимичи, от Кривого — кривичи, от Драгого и Древа — дреговичи и древляне, от Вятки — вятичи, мы по их землям едем. Десятый, Вол, ушел к югу, от него волыняне и прочие племена пошли. Он много жен имея. Самого старшего звали Волховом, и все волхвы от него род считают.

— И ты?

— И я. А сын мой вырастет — дело мое продолжит. Волхов был остальным родной только наполовину — по отцу. Мать его, из племени звездных людей, утонула при том потопе, и, придя сюда, Род снова женился, уже на простой. Потому-то Волхов стоял особняком, и его сыновья от его матери долгий век переняли и тайные силы, но дали клятву стеречь внуков и правнуков братьев своих. Потому и я себя так веду и тебе то же наказываю.

Лисохвост, как драгоценность, принял от Чистомысла уголек и взвесил его на ладони:

— Ну ладно. А с этим что нам сейчас делать?

— Не бойся, герои уже родились, они уже в пути. Надо только их встретить и глаза открыть... Сейчас мы расстанемся. — Он подобрался в седле, натянул повод. — Ты скачи дальше к северу и потом на восток, к Мурому, найдешь в лесах жреца муромского племени Таргитая, отдашь ему это. Он знает, что делать, но на всякий случай перескажи ему наш разговор.

С этими словами Чистомысл стянул с пальца кольцо и протянул его Лисохвосту. Прежде чем надеть, тот глянул — на кольце был искусно вырезан ворон с мечом и спираль — символ верховного волхва в той тайной среде, где уж не первый год вращался Лисохвост. В который раз подивившись на своего спутника, Лисохвост надел кольцо.

— А что ты?

— А я сейчас до дома. Мне надо спешить — чую, гусяр у ворот коня скоро осадит. Надо успеть!

Они выехали на идущий вдоль течения Оки кряж. Отсюда открывался вид на леса, голубую ленту реки и другой берег. Леса тянулись до самого окоема, лишь кое-где близ реки их разрезали прогалины и поля. С облаков, играя волосами всадников и гривами лошадей, спустился ветер — Стрибог.

Еще раз окинув взглядом землю, Чистомысл указал Лисохвосту направо, предлагая спуститься к реке, а сам направил коня левее, в лес.

ГЛАВА 2

Земля эта покрыта лесами. Они были во дни сотворения мира и останутся здесь вовеки. Сплошным ковром, если глянуть сверху птице, легли они на лоно земли, покрыв низины и холмы, заполнив кустарником овраги. Даже болота и те скрыты под кронами сосенок и можжевельника. Сквозь их чащи порой даже лесные звери пробираются с трудом, обходя самую глухомань, где вольготно живут русалки, лешие и их родичи. Там, вдалеке от

людского глаза, водятся такие твари, что видевшему их и описать трудно.

Трудно ходить по лесам — надо знать, где какую тропу удобнее проложить, чтобы не попортить вечного порядка и покоя, устроенного еще до появления беспокойного человека, которому непременно надо куда-то идти, которому не сидится на месте, и все влечет его куда-то, то ли в дальние страны, то ли к соседу в гости. Только реки текут по лесам, не нарушая их покоя. Но реки — кровь земли, на них человеку грех жаловаться, что не так и не туда текут. Они все знают лучше.

И человек, впервые проходя по лесам, шел вдоль рек, и там, где эти же реки рождали плес или излучину, рубил он первые грады. И дороги все шли по рекам и вдоль них. В глухие же леса уходили поначалу самые сильные и нелюдимые, ибо не выжить человеку один на один с вековечным владыкой Лесом.

Шло время, города росли, ширились, давали жизнь выселкам. Уходя в леса, люди вырубали и выжигали деревья, чтобы на этом месте поставить деревню или засеять поле. Все дальше и дальше в леса уходил человек, сливаясь с ними, врастая, как корень в землю¹, в их плоть и кровь, сам становясь их плотью и кровью. Разбросанные города и деревни тянули в стороны руки-дороги. Тропы расширялись всадниками. Потом по ним проезжали телеги, и получались торные дороги. Такая уж не зарастет, и лес отступает от нее в стороны, чуждаясь в своем вековом покое людской спешки. Дорога ложится через лес, обрастая полянами и деревнями, и лишь где-то в глубине дикого бора еще выются тонкие, как дрожащая на солнце паутина, похожие на звериные пути тропинки, с которых начинается любая дорога — человека ли, зверя ли, судьбы ли...

По одной из таких троп, забыв о существовании торных дорог, скакал Буян, спасая свою жизнь. Конь под ним шатался, спотыкался, из вороного стал бурым от покрывшей его пены, все ниже клонил голову, но отдыха ему хозяин не давал, хотя давно было пора. Сзади сквозь шум крови в ушах доносился топот копыт — третьи сутки за ним гнались.

Кто бы мог заподозрить преступника в этом высоком статном красавце двадцати двух лет, с синими глазами, волосами, как спелая пшеница, и чарующим голосом, от которого сладко замирали женские сердца целого города с пригородами и посадами! Да и кто мог поверить, что известный во всем Новгороде гусляр променяет славу лучшего певца и всеобщего любимца на судьбу мятежника, а эту — на горькую долю изгоя, бездомного бродяги, которого всякий мог убить, как пса.

Спасаясь после поражения, он унес свою жизнь только для того, чтобы стать всеми презируемым скитальцем и двуногой дичью для мстителей.

Зиму и часть весны он странствовал по землям к востоку от Новгорода, ночуя в землянках мери и веси, платя за гостеприимство своим голосом. Свои, словени, несколько раз спугивали его, поднимая с насиженного места, и, когда сошла большая вода, он тронулся на юг, к Чернигову и Киеву, где никто не знает его прошлого, а при дворе Аскольда и Ди-ра хороший певец может безбедно прожить.

Он шел по дорогам вдоль рек, озлобленный на своих, славян, как медведь-шатун, лишь ночами подбираясь к околицам деревень.

Одна находка смягчила его сердце. Издавна на Руси на крыльце, на столбе возле идолов оставляли для странников хлеб, репу, лук, а порой и молоко в кувшине. Частенько Буян пользовался этими гостинцами, подолгу живя только ими. Но в одном селе на крыльце он увидел краюху хлеба, а рядом, уже слегка зачерствевшую, детскую коврижку. Видимо, мать велела ребенку, а то и сам малыш последовал примеру родительницы. И избушка вроде маленькая, неказистая... Должно быть, живет молодая вдова. Сама не обильна, а хватает тепла растить доброго сына или дочь.

Не взять гостинец Буян не мог — обидит и хозяев, и духов-пращуров. Он поклонился в пояс маленькому дому и, пускаясь в дорогу, решил помнить деревеньку на излучине, обещая себе вернуться и отплатить добром той, что вернула ему веру в людей.

Детскую милостыню он сберег, и сейчас, когда жизнь его висела на волоске, она лежала за пазухой, у самого сердца.

Буян осмелел. В городе Росток, где его вряд ли кто знал, постучался в ворота местного князя, попал на почетный пир. Да после пира опять беда — из-за вспыльчивого своего нрава повздорил с местными витязями княжьей дружины. Одного убил, и теперь по его следу шли варяги — один из них был братом убитого. Погоня приближалась. Если бы сейчас остановился, то сквозь шум леса и гул в ушах уловил топот копыт. Его усталый конь шел тяжелым скоком, на подъемах переходя на шаг, а у варягов кони были сильные, застоялые, да еще и запасные имелись.

Спотыкаясь, едва не падая, конь, надрываясь, внес его на яр, и, прежде чем направить его вниз, увидел Буян на вершине соседнего, вполосину меньшего холма одинокий дом, окруженный глухим тыном, из-за которого даже отсюда были видны только крыши дома и навесов. Что-то сломалось в душе усталого Буяна, и он послал коня вниз, чтобы довериться неведомому хозяину избушки или погибнуть под тыном от варяжских мечей.

В низине холмы разделяла узкая, в две-три сажени, речка с крутыми берегами, заросшими осокой и молодой порослью ветлы. Сверху не углядев воды, Буян в сердцах помянул лесовика и самого дядьку водяного недобрым словом, что так зло обманули надежду на спасение. Но тут уже конь его без страха вломился с берега в реку — жесткая трава распрямилась за ним облегченно, — звериным чутьем угадав брод, перешел по брюхо темную воду, из последних сил взобрался со всадником по крутояру и встал против ворот, шатаясь и вода запавшими боками.

Тогда Буян сполз с седла и ударил кулаком в ворота.

Он уже не слышал ничего и ничего не ждал от лесовика-изгоя, ни хорошего, ни плохого, когда воротина отворилась и навстречу шагнул высокий широкоплечий хозяин заимки. Буян бессильно повис на подставленных руках.

Его долго потом куда-то влекло, тянуло, невидимые руки рвали из стороны в сторону, холодными железными когтями впивались в тело, давили на грудь, мешая дышать. Он обливался потом, отбивался от них, но они вновь возникали, как по волшебству, и опять набрасывались на него.

Проснулся он в испарине и, еще не открывая глаз, немного полежал, прислушиваясь.

Его окружала тишина дома, заполненная тихим шорохом веретена, поскрипыванием качающейся зыбки и неясным шумом со двора. Никто не разговаривал, и по речам было не догадаться, куда он попал. Выждав немного, Буян открыл глаза.

Он оказался в избе, сложенной из хорошо отесанных бревен. Рублен был дом по-городскому, как видел он только в Новгороде или Росток, — с потолком, настилом из лозняка и обмазанной глиной печью. В деревнях все по-другому. Не поворачивая головы, гусяр оглядел лавки да стол у окна, ради теплого дня распахнутого настежь. У двери аккуратно было развешано оружие хозяина, и там же Буян заметил свой меч на отдельном крюке. На прочих крюках, вбитых в стены по всей длине, сушились пучки трав, конская сбруя и одежда. Буян лежал на лавке у стены против двери, ближе к печи. В ногах его холстиной отгорожен был угол хозяйской кровати. Его самого заботливо прикрыли медвежьей шкурой и сняли сапоги — начищенные, они стояли у лавки.

Скрип зыбки доносился чуть правее. Осторожно, поскольку от каждого движения все плыло перед глазами, Буян повернул голову и увидел сидевшую на лавке женщину лет тридцати в домашней рубаше с вышитым горлом и подолом, подпоясанной узорчатым поясом. Толстая коса лежала на ее коленях словно змея. Женщина пряла и время от времени мягко толкала рукой зыбку. Заметив, что Буян смотрит на нее, она отбросила с лица непослушную прядь волос, выбившуюся из-под платка, и улыбнулась ему. Буян не отвел глаз.

— Где я, хозяйка? — спросил он.

— В доме нашем, — приветливо откликнулась она. — Как, хорошо отдохнул?

Буян вспомнил свой сон, но ответил:

— Да, лучше, чем дома, выспался... — Все еще туго соображая, он забеспокоился: —

Как я здесь очутился?

— Не помнишь? — женщина отложила веретено. — Вчера ты к нам стучал. Мой муж зышел, а ты ему на руки без памяти упал. Наконец-то в себя пришел.

Только она сказала, как Буян сразу все и вспомнил — и погоню, и близкий страх смерти, и отчаяние. Вспомнились и те, кто хотел его смерти. Где они теперь? Вчера ведь почти наступали на пятки.

— А что те, — рванулся он встать, — что гнались за мной?

Одиночки-изгой, что покидают род и живут в лесах, надеясь только на себя, обычно не связываются с варягами и вообще с теми, кто сильнее их. А у хозяина дома ребенок и жена молодая, он должен вдвойне бояться варягов. Но женщина снова спокойно взялась за веретено.

— Их муж мой увел, — объяснила она между делом. — Тебя — в дом, коня — в стойло, а сам в леса ушел. Под утро только вернулся. Осмотрел тебя и сразу сына куда-то услад. Дело было на рассвете, а сейчас время за полдень, а сына все нет.

Она отложила работу и поднялась готовить обед. Буян следил за ней и спросил:

— А где муж твой?

— На дворе, ладит что-то. Позвать ли?

— Нет, не надо...

В это время в зыбке заплакал ребенок. Женщина склонилась к детке, укачивая и сунув хлебный мякиш в соску из чистой льняной тряпицы.

— Сын? — спросил Буян.

— Дочь, — с нежностью ответила женщина и сама спросила — А ты женат ли?

— Один я.

Послышались шаги, и, распахнув дверь уверенным движением, вошел, слегка согнувшись, хозяин. Был он высок, плечист, едва не касался головой балок на потолке. Волосы были перетянуты шнурком, полуседеа, ровно подстриженная борода лежала на груди. По виду он был слишком стар для такой молодой жены, но его живые глаза смотрели пристально и молодо. Двигаясь легко, как юноша, он подошел к лежащему Буяну и кивнул ему:

— Ну здрав буди! Раз очнулся — значит, выживешь. Имя мне Чистомысл. Живу я здесь, но в молодости везде побывал, по всей земле, где наш язык звучит... А ты кто и откуда, добрый молодец, гусляр-певец?

Услышав эти слова, Буян утратил весь страх, какой еще оставался в нем.

— А как ты узнал, что я гусляр? — воскликнул он. — Я же слова не сказал!..

— Зато гусли с собой вез, — возразил Чистомысл.

Буян улыбнулся. Голосом своим и гуслими он гордился, как не всякий гордится золотой казной и воинской выучкой — то и другое можно обрести, а голос в человеке с рождения заложен.

— Так откуда ты, гусляр? — спросил хозяин.

— Имя мне — Буян. Я из Новгорода, что стоит на берегу Ильмень-озера и Волхов-реки.

— Город я знаю — торг там велик, сам видел. Много там купцов, гостей, да-а... Богат и славен твой Новгород. Гусляры да песельники там отменные, слышал, ведаю... Но чтобы Новгород гусляра в такие дали мещерские загнал — впервые слышу.

— То не он меня, то я сам себя, — поспешил открыть правду гостеприимным хозяевам Буян. — О прошлом годе смута была в городе — против варягов народ вышел, Вадим Храбрый его вел.

— Ну а ты чего?

— Так ведь он отец мне! — воскликнул Буян. — Не мог я отца отвергнуть, за ним пошел до конца... Или ты ничего не слышал о том?

— Как же, — степенно кивнул Чистомысл, оглаживая бороду. — Знавал я Вадима. И ты сын ему? Не поверил бы!.. Я, помню, еще советовал ему не лезть на рожон, а он, вишь, не

сдержался! Где он теперь?

Буян опустил голову:

— Погиб в последнем бою. После того нас уж только гнали и били. Мало кто ушел.

— А ты спасся?

Буян зарделся и потупился, поймав внимательный понимающий взгляд Чистомысла.

— На сеновале у одной вдовы три дня прятался, — тихо ответил он.

Волхв, ухмыльнувшись, тронул его руку:

— Видать, за красоту...

Багровый румянец, заливший нежные, как у девушки, щеки Буяна, подтвердил его догадку. Гусяр отвернулся к стене, но тут же повернулся опять, услышав голос хозяина:

— Дай-ка, осмотрю тебя.

Волхв провел руками над плечами гусяра, взяв в ладони, подержал голову, слегка сдвинул руки. Лицо его осветилось обнадеживающей улыбкой, и Буян спросил:

— Я здоров?

— А как ты сам-то чувствуешь себя?

— Здоров, только...

Буян рванулся было откинуть медвежью шкуру и, привстав, свесить ноги с лавки, но рука не слушалась. Он попробовал еще и с ужасом обнаружил, что не только поднять руку — и пальцем шевельнуть ему не по силам. Он мог двигать только головой, но и то в шее что-то болело при каждом движении. В страхе он попытался вновь приподняться, но не чувал ни кусочка своего тела. Оно было словно чужое.

Чистомысл молча смотрел на него и, когда Буян обратил в его сторону испуганный взор, спросил участливо:

— Что, не получается?

— Не могу, — выдохнул Буян. — Руки как не мои, ног не чую... Что мне делать теперь?

Голос его сорвался, он зажмурился, выдавливая из-под длинных ресниц слезы. В его годы вот так остаться калекой без дома и семьи, на руках у чужих людей вечным нахлебником! Лучше б уж зарубили тогда варяги! На что он спасал жизнь? Чтобы только мучиться?

Чистомысл тайно проник в мечущиеся, как звери в кольце огня, мысли гусяра. Слаб человек, малый недуг его пугает, любое препятствие страшит, а того не знает он, что в нем самом сил не считано. Если решится выпустить их на волю, горы свернет. Да только слаб человек, всего боится.

Он протянул руку и ласково погладил Буяна по голове. Тот открыл глаза. Влажные ресницы его казались еще длиннее.

— Ничего, — тихо и уверенно, словно отец сыну, молвил Чистомысл, — это все пройдет. Ты мне доверился, когда в ворота постучал, и я тебя не обманул — погоня твоя в болотах заплутала, кто твоей гибели взалкал, сам смерть нашел. Так доверься мне еще раз.

— Ты меня вылечишь?

— Вылечу. И сам научу раны исцелять. И еще многому и многому смогу обучить, коли радивым учеником окажешься.

— Я что хочешь сделаю, тебя вместо отца стану почитать, только помоги поскорее, — взмолился Буян. — Нельзя мне таким жить, не для чего!

— Смысл во всякой жизни найти можно, — строго сказал волхв. — Но тебе я помогу... Вот только сын мой вернется.

— Что-то давно его нет, — откликнулась от печи женщина. Все это время она хлопотала по хозяйству, не вмешиваясь в разговор мужчин. — Я уж все сготовила...

Чистомысл прикрыл глаза, нахмурился, сжимая кулаки на коленях.

— Идет он, — сказал негромко. — У ворот уж... Встречай, мать! Что-то быстро вернулся, как бы пустой не пришел!

Тут стукнула воротина, что была сделана с наклоном, чтобы сама, своей тяжестью,

захлопывалась за входящим. Хозяйка оторвалась от печи, выпрямилась, но не успела и шага сделать, как отворилась дверь и вошел отрок лет двенадцати с корзиной, в которой был обмотанный тряпицей кувшин с заткнутым горлышком.

Отрок был в холщовой рубахе и штанах, но на ногах, чему немало удивился Буян, были у него сапожки, сшитые по его мерке, и явно не дома, а купленные на торгу. На плечах мальчика висел короткий, тоже под его рост, лук с колчаном стрел и козий плащ. Льняные волосы слегка топорщились от быстрой ходьбы, а серые глаза на усталом лице горели тем же светом, что и у отца.

Войдя, отрок кивнул отцу, поклонился матери и поставил корзину на лавку у входа. Ловким движением сбросив с плеча лук и колчан, он по-мужски скупомотнул головой назад:

— Я там дичину принес, мать...

Женщина все поняла, перехватив взгляд Чистомысла, и быстро вышла.

Когда дверь отгородила ее от мужчин, волхв спросил сына:

— Есть, Мечислав?

Отрок поправил пояс и подошел ближе:

— Пуст ушел, не дуст вернулся.

— Где нашел?

— Не там, где ты сказывал. Подалее, у самого Светлого озера. Кабы не птицы, век бы не сыскал.

— А та ли?

— Проверено.

— Ну, давай, достань!

Буян забыл про свою хворь, с интересом слушал их разговор. Он еще не мог догадаться, что искал в камышах у озера отрок.

А тот вернулся к корзине, достал из нее кувшин, бережно прижимая к себе, поднес отцу. Чистомысл стал разматывать тряпицу, освобождая кувшин. Мечислав же принес чару.

Когда тряпица была снята, Буян подивился, что круглые бока кувшина запотели, словно его только что вынесли из погреба на яркий полдень. Даже отсюда чувствовался холод.

Когда Чистомысл откупорил горлышко, оттуда поднялся облачком пар, а края покрылись инеем. Мечислав подставил чару, и волхв наклонил над нею кувшин.

Буян глядел с любопытством и волнением. Он никак не мог взять в толк — чего можно было набрать столь холодного в кувшин в такую теплынь. Воображение рисовало кровь убитого отроком Мечиславом чудовища, тягучую и темную, как хмельные меды на пирах в родном Новгороде, но в чару тонкой струйкой полилась... с виду обычная вода.

В избе наступила тишина — затихла даже девочка в зыб-ке. Слышно было только, как журчит вода. Мечислав поджал губу — видно, кусал холод руки, но чару держал отрок ровно, глаз не сводя с воды.

Наполнив чару до краев, Чистомысл бережно поставил кувшин на пол и, взяв чару из рук сына — тот сразу принялся дуть на покрасневшие пальцы, — протянул ее Буяну с приговором:

Ты возьми испей, добрый молодец,
Ты Буян-гусяр да Вадимович!
Ты испей воды всю до донышка,
Всю до донышка с первой капельки.
Уж как в цвет-воде сил не мерено,
Жизней в ней — что листьев на дереве.
Тайна цвет-воды не разгадана,
Где течет она — тайна тайная.
Где исток ее — нам не ведомо
И где устье — про то не сказано.

Силу все дает цвет-вода жива
И взамен ничего не потребует...

Чара была перед новгородцем. Зачарованный голосом Чистомысла, Буян потянулся к ней, забыв, что не чувствует рук. Но он не поверил своим глазам и чуть не закричал, когда рука медленно поднялась, как чужая, и приняла сосуд на ладонь.

По пальцам пробежал холод. Чуть не выронив чары, Буян в последний момент придержал ее другой рукой. Мечислав поддерживал его за плечи, помогая приподняться.

— Пей, — молвил Чистомысл. — Пей во имя Сварога и Хорса. Ну!

Руки, взяв чару, опять застыли, как неживые. Буян потянулся губами, приник, сделал первый глоток...

Горло ожег нестерпимый холод. Буян закашлялся — все внутри вдруг запылало огнем. На смену холоду пришли жар и жажда. Стремясь охладить пылающее горло, Буян пил большими глотками, чувствуя только, как огонь течет по нутру все дальше и дальше.

Он сам не заметил, как опустела чара. Чистомысл взял ее из ослабевших рук Буяна, а Мечислав помог парню лечь и отошел.

На глазах Буяна лежало словно по раскаленному на углях камню. Внутри же что-то росло. Буян почувствовал, как его тело словно раздавалось в стороны, лезло вон из тесной оболочки, с треском рвало ее... и он наконец взлетел.

Он закружил над ложем, и стены завращались, расступаясь. Гусяр воспарил к небу, увидел с высоты лес до самого края земель, реки, вьющиеся голубыми змеями, степи, горы и далекие моря за неведомыми землями, похожие на опрокинутое небо. Потом замелькали перед глазами незнакомые города иных языков, чудные твари земные и морские, земли дикие. Зазвучала чужая речь, волной нахлынули чужие новости и мысли. Буян проник во все — не только в людей, но и в зверей, — воплотился во всех разом, от мала до велика, рванулся вверх, к солнцу, но не выдержал его жара и...

Проснулся он на следующее утро.

Разбудило его легкое прикосновение. Открыв глаза, он увидел, что к нему склоняется Чистомысл. Волхв прижал палец ко рту, приказывая молчать, и глазами указал назад, на спящую за холстом жену. Буян согласно кивнул. Чистомысл наклонился и плеснул в чару из того же кувшина, который так и стоял под лавкой. Наполнив чару, он протянул ее Буяну.

Гусяру сразу вспомнился вчерашний полет. Он испугался его повторения и покачал головой, отказываясь.

— Пей! — сердито шепнул Чистомысл. — Иначе на коня сесть не сможешь.

Буян с тревогой прислушался к себе. На сей раз все было по-другому. Что-то в нем оживало, какая-то сила ворочалась, словно потревоженный медведь в берлоге, перед тем как выскочить и начать крушить лапами охотников. В ногах будто камень лежал, сбросить который ничего не стоило, грудь двигалась тяжело и медленно. Волхв показался Буяну маленьким и хрупким — одним пальцем можно перешибить. Он протянул руку, чтобы потрогать старика и проверить это, но тот чуть отодвинулся и снова протянул ему чару.

Вот ведь упрямый! Буяну стало весело. Он еще посмеется над глупым старичком, а пока глотнет этой водички — от нее силы еще больше будет, тогда он сам себе хозяином станет.

От резкого движения чара едва не выпала из руки, но гусяр удержал ее и осушил одним глотком.

Он ожидал огня, текущего по жилам, пробужденной силы, рвущейся на борьбу, но на языке остался вкус простой родниковой воды. Гусяр вскинул на Чистомысла глаза, прося ответа, но тот просто протянул руку:

— Идем!

И Буян поднялся, легко, как прежде. От испуга он остановился у своей лавки, не решаясь сделать следующего шага, но волхв взял его за локоть и сказал:

— Иди, не бойся! Испил ты цвет-воды в первый раз слишком много. Кабы сейчас не

принял чары из рук моих, осталась бы в тебе сила мертвая — не снесла бы тебя земля-матушка. Но принял ты чару второй раз — и воскрес-исцелился. И то, что пришло к тебе с цвет-водой, так с тобой и останется!

Опираясь на руку Чистомысла, Буян вышел из избышки и со двора. Там, не удержавшись, он прислонился к бревнам тына и задышал полной грудью. Подумать только, двое суток назад в это же самое время он прощался с жизнью, а теперь все изменилось. Он жив, здоров и свободен. Жизнь прекрасна, и великие боги, что охраняли его, не отдали Смерти-Морене!

С высоты холма открывались нескончаемые дали, какие уже видел Буян в недавнем вешем сне-полете. Всюду, сколь хватало глаз, раскинулась страна лесов, владения Святобора. Волнами вздымались холмы, кое-где искрами сверкали реки и озера, а порой и светлые пятна полян, лугов и распаханых полей. Надо всем этим стоял высокий купол неба, где только-только пропадали звезды, а заря едва начала расписывать своими красками его края. Воздух был чист и прозрачен и пах свежо, как бывает лишь ранним холодным утром. Ветер стих, листья на деревьях молчали, не было слышно даже птиц — все будто ожидало чего-то чудесного от зари.

— Смотри, Буян, — легла на плечо рука Чистомысла, не порушив светлого очарования в душе гусяря. — Смотри... Что видишь там?

— Звезды гаснут, — тихо отозвался тот. — Зоря-Зорюшка занимается, лес росой умывается, новый день начинается. — И добавил неожиданно для себя, но уверенно: — Новый путь открывается...

Волхв незаметно кивнул, словно эти слова и были главными сегодня, но спросил:

— А над самой землею, там, на юге? Что это?

Небо там, куда указывал Чистомысл, было серо-багровое, словно Зоря собрала по краям всю ночную тьму. И среди этой тьмы увидел Буян яркую мерцающую точку, что одна светила ярче всех звезд и горела красным светом, как кровь. Он ни разу не видел ее, но по сказаниям знал и сам пел о ней столько раз, что узнал с первого взгляда.

— Глазам не верю! — воскликнул он. — Неужели знамение? Красная звезда?

— Она, — ответил Чистомысл. — Имя ей звезда Полынь. Видна она только на рассвете, в то время, когда солнце касается окоема. И видит ее лишь тот, кто рожден для нее, кого она избрала. Смотри, Буян, смотри на нее — она твоя.

Свет Полынь-звезды лился гусярю в очи, а в памяти всплывало все, что слышал он о зловещих знамениях и бедах, что грядут с появлением Полыни на небе. Раньше он почитал эти легенды за небылицы и посмеивался в душе, когда пел девушкам и детям, просившим поведать что-нибудь по-страшнее. Но он никогда не думал, что Полынь изберет его.

— Объясни мне, Чистомысл, — попросил он, — что значит это?

— Твой путь начертан богами, Буян, на тебя пал их выбор. Знал я, что гусярь едет, коня у моих ворот осадит, и ждал его. Тебя ждал, Буян. Звезда эта укажет тебе дорогу. Как покинешь этот дом да заночуешь в дороге — встань пораньше, взгляни вокруг — где сияет звезда Полынь, туда и путь держи. Чуть свернешь с пути — исчезнет Полынь, напрасно будешь искать ее. Путь свой до срока завершишь, а зло все равно на мир сойдет.

— Но, Чистомысл, мне ли биться со злом? Я — гусярь, мое дело — гудение струнное да песня звонкая...

— Были, — строго оборвал волхв. — Изгнал тебя Новгород, так послужи своему языку, всему народу земли нашей. Будет тебе встреча в пути, она цель и смысл укажет, по ним и следуй. А потом — на себя надейся и на сердце свое вещее. Помни — испил ты не из простого источника: тот родник реку Смородину питает, а она свои воды во все реки несет, по всей земле течет. Родники мудрость и силу земли хранят, вода их особая, не каждому дается. Кто из родника испил — родине присягнул, кто родник обиходил — родину приукрасил, кто родник засыпал — родины да памяти лишился. И твоя душа, что родник, чиста — это родина на тебя глядит...

Голос волхва слабел, удаляясь, и уже казалось Буяну, что говорит с ним сама звезда

Полынь.

Два дня спустя, отдохнув и выслушав последние напутствия, гуслер покинул одинокий дом и направил бег коня на юго-восток, в самые дебри Мещерского заповедного бора.

ГЛАВА 3

Едва год просидел Рюрик один после смерти Синеуса и Трувора на столе Новгородском, а на третий год в страну под его началом и по его призыву хлынули варяги, Рюрик едва успевал раздавать им должности посадников или князей там, где природных князей не было. Посаженные варяги поначалу вели себя со славянами тихо, но потом почуяли власть и силу, и вскоре то один, то другой шел войной на соседний город и порой завоевывал его. Редко какой славянский князь, подвергавшийся нападению, мог защититься от врагов — разве что город был слишком мал и беден для варяжьих ненасытных глаз, или стоял на отшибе, отгородившись лесами и болотами, или же князь попадался воинственный и давал отпор варягам.

А на славянских землях и без варягов росли города — крупные поселения скоро обрастали посадами, возводили крепость-детинец, и на земле появлялся новый город. Там, где власть Рюрика не признавалась, местные воеводы дружинников сами становились князьями.

Воевода и волхв Резанец на берегу Оки основал маленькую крепостцу. Именно он первым задумался об объединении славян-вятичей под властью одного князя, а не многих старейшин. Всю жизнь положил он на достижение этой своей мечты и ее же завещал сыну воплощать с молодых ногтей. Сын продолжил дело отца вместе с братьями, а при его уже сыне, Улебе, внуке воеводы Резанца, крепость стали именовать Резанью, а ее воеводу — князем.

Улеб унаследовал от отца и деда небывалое честолюбие и жажду возвыситься. В те поры варяги много пошаливали вокруг, грабя и зоря вятичей. Изверги родов и жители разоренных деревень стекались под сильную руку князя Улеба, ставили дома в крепости и вокруг, иные, потеряв все, шли на самый княжеский двор — в дружину или же в услужение. Когда же варяги стали брать верх в городах, становясь князьями, из тех городов порой тоже убегал люд, и многие шли в Резань или в другой такой же город, где правил свой князь, не чужеземец. Князь Улеб принимал всех, и город его рос неч по дням, а по часам.

Прибыв в Муром, ставленник Рюрика Свибрагер сразу узрел на берегу Оки небольшой городок Резань. Наведавшись пару раз вроде как в гости к новым соседям, он по весне пошел войной на резанского князя, осердившись будто бы на то, что в Резань бежали от него кузнецы-оружейники и рудознатцы. С ним была его проверенная во многих сражениях дружина, но и резанцы оказались не лыком шиты. Два сына Улебова, старший Властимир и младший, совсем еще тогда юный Радомир, были хорошими воинами и отменными воеводами. Много пролили крови, а ни одна сторона не могла взять верх.

Упрямству Свибрагера могли бы позавидовать горы — тяжелая война длилась почти два года. В одной из схваток от руки Свибрагера пал князь Улеб. Став в двадцать пять лет князем, Властимир поклялся отомстить за смерть отца, и вскоре срубил он в сече голову неумному варягу и торжественно привез ее в город, держа за заплетенную в косицу бороду.

Вскоре в Резань приехал из Мурома новый конунг, Тор-болд, с единственной целью — получить обратно голову убитого, дабы похоронить вождя по обычаю варягов. Прибыл он с малой свитой, Властимир поверил добрым намерениям врага и допустил нового конунга в город.

Когда тот во дворе снял рогатый шлем, под ним обнаружилось синеглазое безусое лицо, обрамленное белыми кудрями. Торболд оказался племянником Свибрагера и не был, кажется, настроен дальше воевать с резанцами, напрасно теряя в диких лесах и болотах людей. Следуя обычаю, пригласил Властимир гостя в горницу, и мать его вынесла варягу с поклоном чару зелена вина. Но еще не успел князь с гостем серьезно поговорить, как в

горницу неожиданно заглянула сестра Властимира, Красава. Спросив у брата какой-то пустяк, она бросила быстрый взор из-под узкой изогнутой брови на сидящего на лавке варяга, притворно смутилась, пряча улыбку, и выскочила вон, как резвая коза. Властимир заметил розовый румянец, заливший щеки варяга, и понял, что воевать тот не будет.

Той же осенью сыграли свадьбу, и вот уже третий год Красава была женой муромского конунга Торболда и матерью его сына, а резанский князь Властимир гостил у сестры и зятя.

Приехал он в самом конце березозола, когда просохли болота, а селяне завершали пахоту. Ожидавший его три года Торболд не знал чем и потешить гостя, но вскоре ему принесли весть о табуне тарпанов, диких лошадей, прикочевавших с юга и травивших озими. Весной и летом зверя не бьют, дают подрасти молодым, но в этом табуне были сплошь жеребцы и стригуны — матки с малышами паслись отдельно. Варяги любили мясо лошадей, порой ловили и приручали тарпанов, а потому, отправив вперед загонщиков, чтобы выследили табун, Торболд с Властимиром по ночной поре отправились на ловитву.

Травленные поля находились всего в пяти-шести верстах от города. Дружина резанского князя, смешавшись с отрядом Торболдовых всадников, ходко шла волчьей грудью — такой мелкой рысцей приученные лошади могут идти весь день, не особо утомляясь.

Тишина и покой окружали поле, к которому их привели загонщики. Легкий туман закрывал добрую половину его, так что растянувшимся в цепи охотникам и ловцам был виден только край леса и часть поля. Его дальний край пропадал, как и все звуки, в тяжелом волглом воздухе. Тонкому душой человеку в таком тумане чудятся русалки, что на рассвете подбираются к людям.

Послышался крик совы — на рассвете совы уже не кричат, но и так по еле заметной дрожи земли и воздуха опытное ухо различило: идут тарпаны. Всадники замерли. Стоявший в лучшем месте — на опушке, куда должны были выйти лошади, — Властимир твердо решил не бить коня, а заловить, коли удастся, хотя бы одного. Любимый конь его, Облак, что был под ним, стал стареть, и пора было искать ему замену и отпустить в табун к кобылам.

Ему показалось, что впереди сквозь туман мелькают легкие тени, будто водяницы подкрадываются по росе. Но вот чуть развиднелось, тени приблизились, и стало видно, что это — лошади. Числом поболее десятка, все жеребцы и холостые матки, есть несколько стригунов. Они шли не спеша, наслаждаясь утренней прохладой — дни начала травня стояли жаркие, как летом. Впереди, подняв маленькие ушки на тяжелой, как из камня высеченной, голове, выступал косячный вожак — уже немолодой, матерый, с сединой на морде. Туман и прохлада прибавляли запах притаившихся людей — а славяне могут затаиваться так, что не всякий зверь учует, — но вожак все равно медлил, не доверяя туману. Табун позади него топтался на месте, прядая ушами и не сводя глаз с вожака, готовый, как единое тело, броситься бежать при первой опасности. Но седомордый все не подавал сигнала тревоги, и осмелевшие лошади стали подходить.

Табун вышел на самую границу поля, и у Властимира захватило дух — впереди, след в след вожаку, шел крапчатый жеребец. По светлой шкуре, как сотня глаз, рассыпались крапины, белая грива свисала на сторону. Он был еще молод, двух-трех лет, не более, — самое время приучать к седлу, — и Властимир понял, что именно его он и словит взамен стареющему Облаку. Осторожно, боясь раньше загонщиков спугнуть коней, он потянулся к аркану.

В тумане вой волка — сигнал начала — был почти не слышен, но кони, вспугнутые новым звуком, рванулись прочь и поздно поняли, что чутье и опыт вожака подвели их. С двух сторон табун встретили стрелы и арканы, и вот уже несколько лошадей забилося на земле с проткнутыми шеями, орошая кровью траву, а двое стригунов метались и брыкались, стараясь вырваться из крепких объятий веревок-змей. Вот еще один аркан обвился вокруг ног жеребенка, и тот упал наземь, еще не поняв, что случилось и почему ноги не двигаются.

Несколько жеребцов — среди них вожак — уходили, рассыпавшись цепью. Заложив уши и страшно выкатив глаза, они шли напролом через цепь загона. Двух достали на излете стрелы, но большая часть табуна вырвалась. Последним мчался крапчатый жеребец, почти

по пятам преследуемый Властимиром.

Никто из дружины своей и варяжской не скакал вдогон князю — он успел крикнуть на скаку, что сам возьмет коня. Воля гостя — закон. Торболд позже отправит подмогу по следам, если князь задержится слишком долго.

Крапчатый летел так, словно все понимал лучше человека, но держался по странной прихоти судьбы достаточно близко, чтобы Властимир не выпускал аркана из рук. Еще чуть ближе—и взлетит веревка, прекращая вольную жизнь красавца тарпана. Однако жеребец бежал к лесу, а там аркан бесполезен. Скоро оторвался, затих позади шум охоты. Только лесной шум да топот копыт двух лошадей нарушали тишь. Крапчатый жеребец не замедлял, но и не прибавлял ходу, словно на его спине сидел невидимый всадник. А Облаком словно овладела чья-то сила — не нуждаясь в поводе и кнуте, он птицей стлался над землей, стараясь не отстать от тарпана. Будто новая сила появилась в нем.

Лес, вначале редкий, начал вдруг густеть и темнеть. Замелькали толстые стволы дубов и вязов, елей и сосен. Ветви смыкались над головой шатром, а жеребец все бежал вперед.

Вдруг он прибавил хода, словно берег все силы для этого рывка. Властимир не успел опомниться, как между ними легло саженой сорок против начальных десяти. Показавшийся белым пятнышком, жеребец взвился на дыбы, и до князя донеслось победное ржание. Огласив своим кличем чащу, жеребец исчез в лесу.

Властимир натянул повод, останавливаясь и пробуждаясь от скачки. Чары спали — ему больше не был нужен красавец тарпан. Жеребец был только приманкой, чтобы заманить его по велению лешего, а то и самого Святобора в эту глушь.

Торопясь, Властимир развернул коня и поехал назад по своим следам.

По его расчетам, он ускакал всего на три-четыре версты, но след все вел и вел, забирая в такую чащобу, что становилось страшно. За что мог гневаться на него Святобор? За то ли, что, сам того не ведая, погнал Властимир его личного коня? Если так, то ему отсюда вовек не выбраться.

Лес вокруг становился все гуще и темнее. Толстые стволы вековых дубов и елей смыкались стенами. Под копытами коня хрустел валежник и прошлогодняя листва, сквозь нее кое-где пробивались лесные травы и бледный, слабый подрост. Сухие сучья торчали в стороны. С них свешивались борода мха, паутины и лишайника. Кучками торчали на стволах трутовики. Облак переступал через коряги, толстые валежины. Он вскидывал голову, скалился, пуча глаза, — его взору открывалось в лесной чаще то, что пока было скрыто от глаз человека.

Вдруг впереди развиднелось. Властимир прищепил жеребца, радуясь если не концу пути, то хотя бы поляне — под сводами вечного леса, где не видно неба, он чувствовал себя неуютно. Начинили мерещиться чьи-то глаза, таинственные голоса и лики — то ли лешие стекаются, то ли проклятые матерями дети завидели живого человека и тянутся к нему, надеясь, что освободит он их и вернет домой, а то и русалки, что спросонок плохо видят и в такой тьме могут забрести в поисках человечинки далеко от воды.

Свет приближался, и Властимир приободрился, посылая Облака вперед. Тот и сам прибавил шагу и скоро вынес хозяина на круглую поляну, небольшую, всего около десятка саженой в поперечнике. В низине, в центре, обнаружилось маленькое озерко стоячей воды, со всех сторон окруженное короткой щеткой молодых камышей, пробивающихся сквозь войлок прошлогодних. Мягкая трава на поляне была осыпана звездами росы. А под сводами вековых деревьев, окружавших поляну плотным кольцом, царил полумрак — свет дня еще не добрался сюда. Ни единый звук не долетал из чащи, лес словно вымер — только какой-то неутомонный комар зудел у самого уха князя.

Не дожидаясь знака хозяина, Облак сам шагнул к воде, протягивая морду через щетку камышей. Властимир натянул повод, останавливая коня, и в эту самую минуту совсем рядом послышался шорох.

Облак остановился, вскинул голову, тревожно прядая ушами. С другой стороны поляны кусты раздвинулись, и навстречу князю вышла юная девушка, не старше

четырнадцать лет. Светлые волосы ее были распущены и густой волной падали на плечи, окутывая стройную фигуру невесомым облаком. Кроме длинной полупрозрачной рубахи до колен, на ней ничего не было. Девушка была бледна и как-то странно светилась изнутри — кожа ее казалась зеленоватой. На узком маленьком личике сияли огромные ярко-зеленые глаза и пухлые губы. Она вышла сторожкой плавной походкой, боясь чего-то, и сначала чуть было не бросилась прочь, увидев на поляне человека. Властимир спешно двинул коня к ней и сказал как можно мягче:

— Не бойся меня, девица. Скажи-ка лучше... Он осекся, увидев, как сверкнули при звуках его голоса глаза незнакомки. Она пошла прямо на него, не отводя от его лица пристального взгляда. Глаза ее были бездонны и пусты, от этого взгляда Властимиру стало жутко, и он натянул повод, разворачивая Облака.

Русалка мгновенно оказалась совсем рядом и положила свою маленькую ладошку на плечо задрожавшего коня.

— Что, заблудился, князь резанский? — пропела она чуть хриплым, завораживающим голосом.

Властимир не ответил — он вспомнил, что опасно заговаривать с русалками. Но водяная дева уже и так все поняла и радостно захлопала в ладоши и запела, пританцовывая:

— Заблудился князь резанский! Заблудился князь резанский!

На ее голос откуда ни возьмись появились другие девы — в один миг поляна наполнилась ими. Они сбегались отовсюду, раздвигали камыши, выскакивали из лесной чащи, две спрыгнули с веток березы. Все они были одинаковы, князь скоро потерял среди них первую.

Русалки заполнили всю поляну, окружив Облака и хватая его за хвост и щекоча бабки, так что конь только вздрагивал и фыркал, чуя нечеловеческую природу проказниц. Некоторые девы, взявшись за руки, уже начинали водить хоровод, другие прыгали вокруг и смеялись, кто-то качался на ветвях березы, нарочно показывая тонкие стройные ножки, каких не сыщешь у смертных. Их смех звенел серебряными колокольчиками, и они повторяли на разные голоса, вместе и поодиночке:

— Заблудился князь резанский! Заблудился князь резанский!

— Слушайте, девы! — вдруг тоненько воскликнула одна, захлопав в ладоши. — А давайте проводим его?

— Проводим, проводим, — загалдели русалки, еще пуще пускаясь в танец. — Проводим с песнями и танцами... Проводим князя, проводим! Идем с нами, князь!

Сразу две или три русалки подбежали, схватили повод испуганно храпящего Облака, потянули за собой. Конь мелко дрожал, пятился. Сам Властимир торопливо вспоминал слова заговора против водяной нежити, но в голове все путалось. Он то и дело запинался, принимаясь проклинать себя за то, что не распознал русалку сразу и заговорил с нею, чем приманил ее и других.

Облака тянули к воде. Властимир не знал, спешиться ему или нет. Если остаться в седле, его увлекут на дно озера вместе с конем, а если сойдешь, русалки подхватят его и защекочат — самая шустрая уже примеривалась, пытается дотянуться.

Из-под воды навстречу ему — с седла Властимиру было видно — уже поднимался сам водяной — старик, опутанный водорослями, собственной бледно-зеленой спутанной бородой, за которую цеплялись раки, и с обрывком рыбацкой сети вокруг тела. Он вынырнул и шумно встряхнулся — во все стороны полетели брызги и водоросли. Увидев его, русалки засмеялись громче и удвоили усилия.

И вдруг водяной, что уже тянул худую руку с длинными грязными ногтями вперед, остановился и повел головой по сторонам. Русалки тоже что-то услышали, неведомое Властимиру, и засуетились. Их голоса зазвучали испуганно. Водяной хлопнул рукой по воде и шумно нырнул.

Вынырнул он уже в камышах, перед самыми копытами Облака, и тот попятился, вскидываясь и стряхивая повисших на нем русалок. Водяницы с визгом отскочили в

стороны, и жеребец бросился прочь.

Властимир уже понял причину странного поведения русалок и карабкавшегося позади него на берег водяного — из глубины леса летело, нарастая, многоголосое эхо, слуга лешего. Оно шумело, трещало, бормотало, гудело и ревело. Слышно было, как хрустят ветки валежника под чьими-то шагами. Качались верхушки деревьев.

В кронах дубов, окружавших поляну, замелькало что-то буро-рыжее. Это были белки, сотни белок. Они метались по ветвям, прыгали по стволам и перелетали с дерева на дерево. Водяной и русалки со страхом следили, как их становится все больше и больше. Кроны пришли в движение — всюду появились белки, и число их все прибывало. А из чащи леса доносился гулкий хохот и перестук по ветвям — к поляне шел сам леший.

Водяной стоял в камышах по колено в воде и потрясал кулаками. Русалки сгрудились позади него и жалобно щебетали. О Властимире все забыли, и он от души порадовался вечной вражде водяных с лешими — при появлении своего давнего супротивника водяной отпустил его на все четыре стороны.

Властимир часто слышал о том, что водяные дерутся с лешими. Сейчас он мог увидеть это своими глазами, но не стал задерживаться — кто бы ни победил, от победителя ему хорошего ждать нечего. Надо было выбираться из леса, пока леший занят.

И снова его окружал густой темный лес. С веток свешивался мох и паутина. На седых от времени стволах деревьев, словно светившихся в темноте, торчали огромные березовые грибы. Сучья норовили пропороть всадника насквозь. Облак то и дело спотыкался о поваленные деревья и корни. Солнце, давно уже взошедшее, с трудом достигало дна этого лесного подвала, кажется совсем нежилого. Только комары чувствовали себя здесь в порядке.

Властимир ехал молча, опасаясь с неосторожным словом, еще раз попасть впросак. Привыкший к седлу и тяготам воинского дела, князь не успел устать — он проводил в седле и больше времени и научился не ощущать голода. Но беспокоило другое: когда уезжал, позади, на поляне, как раз начался треск и топот, прерываемый по временам завываниями и ревом дерущихся. Теперь шум давно уже затих, а князь, похоже, запутал — лес вокруг не менялся, и пора было задуматься, уж не бродит ли он по кругу. Если это так, то, похоже, леший победил водяного и теперь с ним забавляется.

Проезжая мимо невесты как попавшей в дубраву березы, он сломил нависшую перед лицом ветку и содрал немного коры, обнажив зелень. И некоторое время спустя перед его лицом снова закачалась сломанная им же самим ветка!

В сердцах Властимир совсем отломил ее и бросил наземь. Но за такие шуточки лесовик мог рассердиться, а потому надо было спешно уносить ноги. Князь огляделся — саженях в десяти ровные стволы деревьев чуть раздавались в стороны, образуя прогалину. Там князь увидел корягу и поехал к ней.

Оказавшись на крошечной прогалине — такой маленькой, что ветви почти не размыкались над нею, — он обнаружил в центре ее еле возвышающийся над слоем опавшей листвы старый толстый пень когда-то стоявшего здесь дуба. Почти лишившийся коры ствол лежал рядом.

Спешившись, Властимир на ходу отстегнул застёжку плаща, бросил его на ствол и стащил кафтан и рубаху через голову. Потом быстро вывернул все это наизнанку, надел снова и, присев на ствол, переобул сапоги — правый на левую, а левый на правую ногу.

Верный Облак стоял над ним, не нуждаясь в привязи. Вдруг он фыркнул и шагнул в сторону, тронув князя губами за плечо.

Закончив возиться с сапогами, Властимир поднял голову и обнаружил, что на пне сидит какой-то старичок в кафтанчике из кожи, войлочных штанах и липовых лаптях. В густой бороде его застряли травинки и сухие листья, по рукаву ползла улитка. Маленькие глазки в сетке морщинок смотрели на князя не отрываясь.

В один миг Властимир оказался в седле и оттуда разглядел старичка попристальнойей.

Так и есть — кожа лешака отливала слабой голубизной.

Однако старичок углядел швы на одежде князя и печально покачал головой.

— Догадался? — молвил он. — Коль так, иди, чего уж там...

— Благодарствую, — ответил перепуганный Властимир и тронул коня.

Но Облак не успел сделать и трех шагов с поляны, как леший догнал его и ловко схватил за узду, останавливая.

— Не туда правишь! — строго сказал он и указал корявым пальцем. — В ту сторону, там тебя ждут!

Властимир глянул — леший показывал в самую чашу леса, где было еще темнее, чем там, откуда он приехал.

— Да-да, благодарствую, — быстро сказал он и завернул коня, но стоило лешему отвернуться на мелькавшую над головой сову, что полетела ночевать, как он вернулся на старую дорогу и прищепил коня.

Облак как на крыльях понесся вперед. Что-то заполошно закричал леший, заметалось вслед ему эхо, но запуталось в сухих сучьях и отстало, а князь все погонял и погонял.

В ушах засвистел ветер. Дрогнули, закачались дубы и яворы, застучали сучьями. Заскрипели томившиеся в них души человеческие, заголосили. Вой ветра перерос в грохочущий гул, кативший князю навстречу и гнувший деревья. Мрак накрыл и без того темный лес. Во мраке только и видно было, как, словно руки, шевелятся сучья, цепляясь за одежду и гриву лошади. Сквозь рев и шум послышался мерный тяжелый топот.

Неужели он по неведению обидел самого Святобора? Тот ведь может в один миг оказаться в любом месте своих владений, а Властимир явно нарушил заповедные границы его лесов. И ведь он поехал не туда, куда указывал ему леший. Наверняка лешего послал ему сам Святобор и теперь покарает за ослушание.

Шум и топот нарастали — неведомый был все ближе. Облак испуганно завизжал, развернулся на задних ногах и помчался прочь.

Сзади заревело громче и яростней. Деревья затрещали от гнева лесного бога, посыпались отломанные сучья, стали валиться стволы. Разгневанный Святобор крушил лес, чтобы добраться до дерзкого.

Припав к гриве мчавшегося сломя голову Облака, Властимир не оглядывался, доверяясь коню, как уже не раз доверялся ему в стычках с хазарами и иногда заходившими в приокские леса остатками когда-то сильного кочевого племени угров. Облак спасал ему жизнь, и теперь, ослабив поводья и дав коню полную свободу, князь поклялся Велесу и Перуну, что, коли вынесет его Облак, не разлучит его с конем ничто, кроме смерти.

Что-то белое мелькнуло рядом — крапчатый жеребец, что заманил его в леса, выскочил сбоку и помчался бок о бок с Облаком. Потом он обогнал его, и конь послушно поскакал за крапчатым. В эту пору показалось князю, что впереди мчит сам Индрик-зверь, спасая его.

Шум позади понемногу ослаб и отстал. Махнув хвостом, исчез жеребец, и, лишившись провожатого, Облак перешел на рысь, а потом и на шаг, успокаиваясь сам и успокаивая всадника мерной ходьбой.

Лес вокруг изменился, ожил. Среди вековых стволов показались тонкие рябинки, заросли бересклета и боярышника, на прогалине обнаружился орешник, опавшие листья скрыла трава и лесные цветы. В ветвях замелькали птицы, и воздух наполнился их голосами и запахом трав. Этот лес был живой, в нем настоящий славянин не заблудится никогда. Глянув на солнце, Властимир прикинул, что время близко к полудню. Значит, к Мурому ему надо свернуть немного левее.

Повернув коня, князь скоро попал в редкую дубраву. Могучие дубы возносили тяжелые сучья к самому небу. За каждым стволом мог легко затаиться всадник вместе с конем, но ни единого человеческого следа или отпечатков копыт лошади не встретилось князю.

Впереди ухо различило звон ручья, но еще раньше его почуял Облак, прибавив шагу. Путь пошел вниз — верный признак того, что поблизости есть овраг или низина, по которой протекает ручей.

Ручеек прыгал с камня на камень среди узловатых корней дубов. Вода в нем даже на вид была вкусна, и Властимир, соскочив наземь, припал к ней рядом с конем.

Ему показалось, что он никогда не пил ничего вкуснее, но осторожный Облак вдруг вскинул голову и притопнул ногой.

Властимир оторвался от воды и прямо перед собой увидел старика.

По всему было видно, что это волхв. Он был мал ростом — ежели выпрямится, с трудом достанет макушкой князю до плеча — и невероятно худ, словно давно голодал. Тощее, давно не мытое тело обволакивала грубоотканая грязно-серая рубаха с драным подолом, но богато расшитая зверями, птицами и загадочными символами. Поясом служил тройной ряд веревок с оберегами в виде костяных, каменных и деревянных фигурок. На плечах болталась волчья шкура. Нечесанные волосы и борода свисали до пояса. Из-под грязных патл на почти черном сморщенном личике зорко смотрели бледные глаза под набрякшими веками. Рот был совсем беззубым. Босоногий волхв судорожно цеплялся за суковатый посох с вырезанной головой оленя и непрерывно двигался, притопывал и переступал на месте. На Властимира веяло запахом грязи и пота. Он со страхом следил за стариком.

Вдруг волхв прекратил двигаться:

— Князь?

Властимир отшатнулся от нацеленного на него костлявого пальца и поморщился от визгливого хриплого голоса. Он кивнул.

— Резанский?

— Да, — ответил Властимир.

— Заблудился на дороге? — волхв засмеялся, качая головой. — Пришел спросить?.. Верно пришел! Иди за мною!

Опираясь на посох, старик пошел в глубь леса. Как зачарованный, Властимир последовал за ним.

Волхв завернул за один наиболее толстый дуб, и под ним обнаружился просторный вход в пещеру, над которым нависали корни дерева. Старик махнул князю, приглашая спуститься, и первым ушел под землю.

Мысленно обратившись ко всем светлым богам, каких вспомнил, с просьбой о помощи, князь шагнул в темный провал.

Под землей было холодно. Посреди небольшой пещеры на полу ярко горел не дававший тепла огонь, над которым на цепях висел котел с кипящей водой. Волхв стал бегать вокруг костра в бешеном танце, стуча посохом о землю и гремя оберегами. Стены пещеры пропадали во тьме, и Властимир не видел, откуда старик то и дело выхватывал какие-то корешки, травы и камешки. Все это под непонятное бормотание сыпалось в котел, в котором что-то булькало и клекотало.

Из-под котла от обрызганных каплями варева дров повалил густой едкий дым. Не вызывая слез, он кружил голову, дурманил. Околдованный его запахом, князь расслабился и шагнул ближе, склоняясь над темной бурлящей жидкостью со странно знакомым запахом.

— Гляди, гляди! — донесся из-за завесы пара голос волхва. — Гляди зорче, князь! Что видишь?

Повинуясь, Властимир напрягся, силясь хоть что-то разобрать в кипящей мути, и правда увидел далеко внизу, так далеко, что захватывало дух, чей-то пристальный ищущий взгляд. Синие глаза скользнули по его лицу и пропали. Потом перед взором ошеломленного видением князя предстала горящая деревня. Дома на берегу реки полыхали как факелы. Метались люди, обезумевшие от ужаса, а над ними кружило огромное чудовище с крыльями и безобразной мордой, из которой валил дым и показывались язычки пламени. Чудовище снизилось и схватило девушку. Та неслышно закричала, но когти сомкнулись, обрывая ее крик навсегда, и крылатый убийца взмыл вверх.

Каким-то чудом взор князя следовал за ним. Всюду, где ни пролетал Змей, оставались пепелища и горы мертвых тел. За чудовищем двигались отряды кочевников, хватая

уцелевших и грабя добро погибших. Пылали не только деревни — вдалеке дымились кровли разрушенного городка, поруганное капище с опрокинутыми богами и зарезанными жрецами, дым тек по пашням, горели леса. Всюду торжествовали огонь и смерть, а над всем этим в небе неспешно плыл огромный Змей.

Глядя в бурлящую в котле воду на страшные образы, что открывались там, Властимир забыл про старого волхва. А тот тенью кружил вокруг, исполняя какой-то загадочный танец. Вот он остановился позади князя и воздел над головой худые руки, притопывая ногами и что-то бормоча беззубым ртом. Обереги при каждом его движении гремели и стучали друг о друга, но Властимир сейчас не слышал ничего.

Затухающий огонь уже давал меньше дыма. Чары начали спадать, и видение задрожало и помутнело. Змей исчез, дали растворились в темных завихрениях воды, и только те же самые глаза вновь возникли в глубине — беспокойные, манящие. Глаза расширились, дрогнув ресницами, и пропали.

Властимир выпрямился, отер рукой мокрый лоб. Ему стало жарко, сердце стучало под самым горлом. Он верил и не верил тому, что все это было на самом деле.

Волхв завозился рядом, и князь развернулся к нему.

— Видел ли? — спросил тот скрипучим голосом, тяжело и смрадно дыша на резанца.

— Видел, — кивнул Властимир. — Но правда ли это?

— Правда, — скрипнул волхв. — Понял ты, что значит сие? — Что?

— А вот когда поймешь, тогда и узнаешь, что делать надо, — проворно отпрянул старик, словно князь ловил его. — На, возьми!

Властимир опустил глаза — на грязной морщинистой ладони волхва поблескивал перстень, на котором искусно был вырезан ворон с мечом и спираль.

— Нет. — Он убрал руку.

— И верно! — захихикал волхв, пряча кольцо. — Свое в свой срок получишь, и скоро, коли поймешь. А теперь уезжай, — он показал князю на выход. — Сперва на солнце, чтобы в очи светило, а потом, в березняке, направо повернешь... Поезжай — не заплутаешься, князь резанский...

Хитрый прищур старика не понравился Властимиру, и он поспешил покинуть пещеру и выйти к Облаку, который бросился к нему с радостным ржанием, словно надежду дожидаться хозяина потерял. Загадочный старик не последовал за ним, и Властимир, не тратя времени, поехал в указанном направлении.

На сей раз лес не играл с ним в прятки, лешие шуток не шутили, и, когда солнце опустилось к скорому закату, он выехал в березняк. Вскоре впереди послышался конский топот, и навстречу выехало несколько всадников. Увидев Властими-ра живым и здоровым, они окружили его и поехали назад — Торболд беспокоился о пропаже гостя и весь день искал его по окрестным лесам. Уже приехав, князь узнал, что отсутствовал он целый день, ночь и еще полдня.

ГЛАВА 4

Поездка в лес не прошла для Властимира даром. В ту ночь он не мог сомкнуть глаз и долго думал, часто выходя из терема на высокое крыльцо и глядя в темноту. Хотелось вернуться в лес к тому волхву — он чувствовал, что там осталась тайна, которую он знал, но забыл. Ветер, прилетая из ночной прохладной дали, навевал какие-то слова. Властимир чуял, как они выются вокруг него в ночи — тайный язык деревьев, трав и кустов, недоступный даже лесовикам, но понятный тому смертному, кто смог прикоснуться сердцем к сокровенному. Иногда ему казалось, что он понимает несказанные слова, но смысл их исчезал в тот же миг, как дым. А Властимир был совершенно уверен, что в них и есть та самая тайна, которая не дает ему заснуть.

Только под утро, когда ветер с полей стих и запели петухи, он забылся беспокойным сном.

Весь день он раздумывал, ища ответ на свои сомнения, и к вечеру понял свою судьбу. Он сообщил о своем решении Торболду — не знавший, что случилось с князем в лесу, варяг посоветовал немного подождать, не спешить.

Но наутро следующего дня Властимир стал собираться в путь. Едва проснувшись, он велел седлать Облака, собрать в тороки запас хлеба для себя и ячменя для жеребца, и, когда солнце поднялось над землей, он сошел с крыльца.

Провожать его вышли воевода его дружины и сам Тор-болд. Отрок держал в поводу Облака — предчувствуя долгий путь, жеребец бил копытами по земле, грыз удила и пофыркивал.

Властимир сам осмотрел упряжь, проверил, сколько и чего сложили в мешки, и еще раз повторил воеводе, что он должен сказать его матери и брату по возвращении в Резань — он не поведал воеводе ничего о причинах своего отъезда и о том, что едет, сам пока не зная, куда и зачем, а просто потому, что тянет его в дорогу, и все тут.

Только Торболд догадывался об этом.

— Ты все-таки едешь? — спросил он, когда они остались одни.

— Должен ехать, — кивнул князь. — Иначе не могу — земля зовет.

— Я тебя не понимаю, — признался варяг. — Ты особенный, я таких ни дома, ни здесь не встречал. Может, есть еще где-то за морями страна, где живут такие же люди, как ты, с таким же сердцем, но пока никто до такой земли не добрался. Поезжай, и пусть хранят тебя боги!

Они обнялись на прощание по обычаю троекратно, и Торболд потянул с пальца перстень.

— Вот, возьми. — И надел его на палец Властимиру. — Когда-то такой перстень получал всякий, кто приходил на эту землю за Рюриком и выполнял его поручения. Я не знаю, куда ты едешь и что встретится тебе на пути, но сейчас на дорогах неспокойно. Он защитит тебя от варягов — любой из них признает этот знак Рюрика и поможет тебе.

Властимир повертел серебряное кольцо с печаткой, на которой был выдавлен трезубец, обрамленный листьями, сложенными в венок. Это был личный герб Рюрика, символ его власти.

— Благодарствую, Торболд. Это поистине бесценный дар.

— Прощай и знай, что мы помним о тебе!

В знак почтения и благодарности Властимир коснулся герба губами и потянулся к истомившемуся в ожидании Облаку. Но не успел он вскочить в седло, как на крыльце показалась Красава.

— Брат!

Красава выскочила как была — в домашней понеже, простоволосая — коса с растрепавшимся концом болталась на плече. Сейчас она не была похожа на княгиню — простая женка, такая же, как и другие жены и девы, что от века провожали на труд и подвиг мужей, отцов и братьев. И ни капли не осталось в ней от той шаловливой девчонки, что три года назад покорила сердце молодого варяга. К груди она прижимала сына. Годовалый мальчик еще ничего не понимал, только таращился тревожно.

Красава сбежала с крыльца и протянула князю племянника:

— Прощай, брат! Властимир принял ребенка.

— Счастья тебе, Игорь сын Торболда, — негромко сказал он. — Ради тебя еду!

— Береги себя, — всхлипнула Красава, припав к его плечу. — Возвращайся жив!

Торболд нахмурился:

— Иди в дом, женщина, не пророчь беды заранее. Властимир вернул ей малыша. Почувствовав что-то, тот заплакал, и Красава поспешила уйти. Мужчины смотрели ей вслед.

— Женское сердце — вещун, — тихо молвил Властимир. — Но я еду. Не могу не ехать. Там кровь льется — если не остановлю ее, и сюда беда доберется. Ради Игоря твоего.

— Тогда, может, ехать и мне?

— Нет, Торболд. Это — мое дело, я о том наверняка знаю.

— Ну, тогда прощай!

Красава не ушла в дом. С крыльца, передав ребенка мамке, она смотрела, как, махнув рукой в последний раз, Властимир выехал за ворота двора. Он еще мелькнул на улице — сверху было видно далеко, — но за углом пропал, будто его и не было.

Облак бежал ходко, радуясь дороге. Он фыркал, играл под всадником и норовил перейти на скок, чего давно с ним не бывало. Легко, как на крыльях, вынес он князя за городские ворота, простучав подковами по бревнам моста, и поскакал по дороге, по которой навстречу князю уже торопились в город люди. Многие провожали его взглядами, иные ломали шапки — князь кивком отвечал им, но не останавливался.

Только один раз сдержал он бег коня — пройдя версты три-четыре, дорога разделилась у придорожного камня на три. Правая убегала на север, в сторону Ростока и Новгорода, левая — на юг, к Резани и далее, до Киева и Чернигова. Центральная взбиралась на холм впереди, долго извивалась на нем, как змея с перебитым хребтом, а потом пропадала в частом ельнике. Что скрывали ели за широкими лапами, словно руками загораживая это от людского глаза, он не ведал, но пришпорил Облака и поехал прямо.

Утомленная бегом, дорога доползла до лесной чащи и там наконец замедлила ход, истончившись до узкой тропы. После ельника, где ей пришлось продираться сквозь колючки, она еле плелась по земле, почти не поворачивая, будто оберегая исцарапанные бока, но в густой лесной чаще ожила, заскакала меж корней деревьев по склонам овражков и вдоль течения ручья.

День клонился к закату. Властимир ехал шагом по лесной дороге, оглядываясь по сторонам и выбирая подходящее место для ночевки. Запасов хлеба у него было достаточно, имелось пока и вяленое мясо, а травы для приправы в лесу знающий да умелый найдет сколько угодно. Он уже не раз спешился, собирая дикий чеснок, гусиный лук и попавшийся ему как-то на поляне щавель. Удача улыбнулась ему на берегу ручья — выпало найти гнездо дикой утки с яйцами. Оставалось только разжечь костер и сготовить ужин, но Властимир медлил с остановкой, оглядываясь по сторонам.

Больно уж тих был этот лес. В начале травня он с утра до ночи звенит птичьими голосами — у лесных пернатых одна забота: свить гнездо, заманить в него сладким пением подругу и, пока она сидит на яйцах, кормить ее и петь от радости без отдыху, так что, когда вылупятся жадные до корма птенцы, многие отцы-певцы хуреют и забрасывают песни до новой весны, а то и вовсе бросают подругу и улетают кормиться в одиночестве, но все равно молча. Здесь же тишина пугала — даже сороки не трещали. У берега ручья князь ни разу не заметил ни одного ужа или лягушки, дорогу ни разу не пересек свежий след зверя. Только его Облак топтал опустевшие лесные тропы. Не иначе как что-то неведомое бродит тут. Может, это и есть тот самый Змей, за которым он отправился?

В глубине леса уже сгустилась тьма, когда он в овражке выбрал место и, пустив Облака на росы пасти, разжег костер. Живая душа огня разогнала страхи, а фыркание радующегося росистой траве коня помогло забыть, что он совсем один на версты вокруг.

Князь сидел на камне у костра, при свете его правя упряжь. И узда, и седло были отличные, новые, все дары Тор-болда, и Властимир только обматывал полоской кожи стремя — варяжские несколько отличались от тех, к каким он привык с детства. Он то и дело отвлекался на пляску языков пламени — шаловливых детей огня, пытаясь угадать, дают ли они ему тайный совет или просто так радуются жизни, славя Перуна.

Вдруг Облак, катавшийся по росе, вскочил и громко фыркнул. Ударив хвостом по боку, подбежал к хозяину и встал подле, тревожно нюхая воздух.

Князь поднялся, вытаскивая из ножен меч. Не зря лес так тих — недобрая сила тут бродит. Но стоящие плотным угрюмым кольцом деревья молчали — никто не показывался из чащи.

— Да присядь, добрый молодец! — вдруг совсем рядом послышался старческий голос.

Облак шархнулся от неожиданности, и сам Властимир едва не выронил меч — у

костра, неизвестно откуда взявшийся, сидел на камешке стар-старичок росточком с кочку. Он надвинул шапку на уши, зябко кутался в кафтанчик и тянул маленькие ладошки к огню. Крошечные блестящие глазки смотрели виновато и хитро, как у мальчишки, которого заметил в опасной близости от своего сада хозяин.

Не сводя глаз со странного гостя, что появился как из-под земли — ни один ведь лист не дрогнул! — Властимир снова сел, но меча из рук не выпустил и, уже сев, глянул на ноги старичка. Он почти не удивился, признав в нем лешего, но все-таки спросил:

— Ты кто будешь-то, дедушка?

Тот весело захихикал и придвинулся ближе к костру.

— А так себе, стар-старичок, леший-лешачок, — бойко ответил он. — Шел мимо, увидел огонь, пришел глянуть, гостя приветить... Не найдется ли чем угоститься, князь?

Властимир медленно, еще не придя в себя от удивления, отломил хлеба и протянул гостю.

Леший вцепился в хлеб лапками, и некоторое время на поляне было слышно только чавканье. Доев, леший вытер рот ладошкой и уселся поудобнее.

— За угощение благодарствую, княже! Ты меня не обидел, и я тебя не обижу. Проси чего угодно — если в моем лесу не сыщется, в соседний наведаюсь, до света управлюсь!

— Да ничего мне вроде не надо. — Властимир оглядел свои вещи, подумал — так ли это.

Леший захихикал, обхватив колени руками. От его хохота где-то в чаще проснулось эхо и заголосило на разные голоса — словно не один леший на полянке веселился, а десяток голосистых девок разом заплутали.

— Как же мне того не знать, не ведать, князь резанский, — молвил он, отсмеявшись, — когда мы о тебе наслышаны заранее!

— От кого наслышаны?

— Аи не помнишь, князь? — прищурился леший. — Да сосед мой мне давеча все порассказал про тебя — и как ты за Святоборовым коньком погнался, и как на девок-водяниц нарвался, и как за тебя леший с водяным дрался, и как потом ты от него сбежал, когда он отвернулся, и как ты в самые заповедные Святоборовы владения заехал и Святобора самого чуть не прогневал, и как с волхвом повстречался, и как едва навеки у него не остался.

— Все так, — согласно кивнул Властимир, — но откуда ты взял, что я мог у волхва навеки остаться? Он же меня вывел!

— Аи забыл, конечно, что волхв тебе чуть не вручил? — серьезно спросил леший, — Коли взял бы ты кольцо, никогда бы к своим не вернулся! Кто что от таких людей берет, тот их слугами становится!

В городах и деревнях все кому не лень рассказывали истории и сказки про колдунов, что таким способом передают ничего не подозревающим людям свою черную силу, чтобы и они служили Чернобогу. Тот волхв ему не очень понравился, но тогда получается, что и его видения Змея и бед людских — только обман, марь, колдовские чары?

— Но ведь этот волхв мне путь указал! — воскликнул князь. — Что же это выходит — он кривил душой и ничего этого не было и я в путь пустился зря?

— Не зря, княже, очень даже не зря, — покачал головой леший. — Старец тот всю правду тебе открыл, а про кольцо это уж он сам от себя, без ведома богов — от старости, видно, стал путаться! Так что не бойся — путь твой мерен, путь твой верен.

— Ну, раз ты все знаешь, леший, то скажи мне тогда — в чем мое призвание? Почему мне дома не сидится — нет ли тут чар каких?

— Чар тут мало, всего только — постоять за нашу землю. И ты, и я — все мы на этой земле живем, если что с нею случится — ни вам, людям, ни нам, лесным да водяным жителям, никому житья не будет. Да за примером далеко ходить не надо — глянь хоть на мой лес!

Лешачок повел рукой по сторонам, и Властимир, невольно тоже оглянувшись, вспомнил, что во всем лесу за день не встретил никого, кроме лешего.

— А скажи-ка мне, стар-старичок, леший-лешачок, отчего это в твоём лесу тишь, как на погосте в летний полдень? Ночь для вашего брата самое время, да и лесные птицы о такую пору голосисты, а в твоём хозяйстве тишь да пустота, сон да немота! Отчего так?

Леший при его словах явно опечалился, понурился, подперев ладошкой щеку.

— Был лес-лесок, а в лесу—соловья голосок, — забормотал он, — да только ныне тишь, не слышать и мышь. Опустел мой лес — кто в дальние леса подался, кто затаился, мало кто остался, да и тот попался... Как поедешь на север отсюда три версты, а потом три версты на восток, увидишь ручеек. Тот ручей все бежит-спешит к Светлоозеру. Только раньше оно было светлое, в ясный полдень видать донышко, а теперь оно заросло-зацвело, ну а где и от берега навсегда ушло. Захолодело, заболотело, у русалок не стало родины.

— Ну и что из того? На то дед-водяной есть, чтобы за озерами следить!

— Да ведь и водяной дед оттуда ушел! Поселилось в том озере чудище водяное, болотное! — Глаза лешего округлились то ли от страха, то ли от волнения. — Откуда оно взялось — никто не знает, не ведает, а только приползло и живет, всем житья не дает. Уж кто плавает — да не выплывет, а уж кто нырнет — да не вынырнет, зверь к воде придет — и того задерет! Оттого-то все и разбежались и попрятались!

Властимир почувствовал, как странно стеснило грудь — как когда-то в детстве, когда слушал песни о змеях и чудищах, с которыми бились богатыри, что жили во времена Трояна. Он думал, что все это сказки для малых и глупых и такого вовеки не было, а вот теперь сказка обернулась былью и случилось это с ним!

Он вскочил, свистнул, подзывая Облака. Верный конь подошел сразу и встал позади хозяина, недоверчиво косясь на лешего, сидевшего у костра мохнатым комочком, грея руки.

— Где, говоришь, это озеро? — спросил князь. — Три версты на север, а потом три версты на восток и по течению ручья?

— Да ты что, княже? — вскочил лешачок. — Куда собрался? Властимир сосредоточенно собирал свои вещи в мешки.

— К озеру, — ответил он. — Посмотреть, что за чудище такое, что от него даже водяные разбежались!

Леший подбежал и вцепился ему в руку:

— Не спеши, человеке! Ночами оно в глубоком омуте отлеживается, тебе до него не добраться, а на рассвете оно выплывает охотиться. Теперь в озере взять нечего, оно и на берег выходит. На суше не так ему привольно — плохо оно по земле ходит. А в воде с ним не совладать! Если в ночь поедешь — оно тебя с воды схватит, утянет в омут да и разорвет. Дождись утра — утро вечера мудренее, а тебе перед боем сила нужна!

Почувствовав на руках мягкие прохладные пальчики лешего, Властимир опять сел. Старичок был прав: следовало выманить чудовище из воды — ведь и медведя не берут в берлоге, а выманивают, а медведь послабее будет, наверное, чем это диво. В раздумье он стал жевать разогревшееся на углях вяленое мясо.

Лешачок следил за ним голодными глазами. Поняв без слов его взгляд, Властимир отрезал и ему — видимо, совсем в лесу худо стало, раз и его хозяин так оголодал! Тот остался доволен куском и долго, отвернувшись, жевал.

Лесной гость пригрелся у огня, хотя обычно лешие его терпеть не могут, опасаясь, как бы он не спалил леса. Но этот леший был необычным — уже засыпая, Властимир видел его маленькую фигурку, склонившуюся над костром.

Густой молочно-белый туман лежал над озером и окружавшей его поляной, словно снег, когда Властимир на следующее утро подъехал к берегу и огляделся.

Все было так, как рассказывал ему леший. Он проводил человека до самого ручья и всю дорогу говорил о том, что чудище любит, что ему не по нраву и где его вернее искать. Прощаясь, он обещал подождать его на этом месте.

Озеро было вытянуто в длину на две или три версты — дальний берег пропадал в тумане. Сколько было ширины, Властимир тоже не мог определить. Леший уверил его, что

оно узкое и глубокое, с обрывистыми берегами, поросшими камышом. Только с одного берега камыши и тростник росли не так густо — там был водопой и туда-то любило выползать это чудище.

Омут, где оно могло сейчас спать, был совсем рядом — в десятке саженей. Обрывистые берега нависали над зеркалом гладкой и обманчивой тихой воды. Ветлы, на которых раньше любили сидеть русалки, качали тонкими ветвями у самой воды. По поверхности плавали листья водяных растений — князь узнал пока еще небольшие пластинки одолень-травы и водокрас, его родню. Вода в омуте была чиста, но он был слишком глубоковод, чтобы можно было что-то в нем разглядеть.

Привязав Облака у опушки и приготовив оружие, князь подобрал несколько камней покрупнее и вернулся к омуту. Надо было выманить чудовище, чтобы одолеть его на суше, по совету лешего.

Камень с гулким всхлипом упал в воду, подняв брызги. Второй камень Властимир бросил с таким расчетом, чтобы он произвел как можно больше шума — в детстве с мальчишками он частенько так развлекался на берегу Оки и один раз поднял сома из ямы.

Он покидал так почти все камни, но чудище не показывалось, словно его там и не было. Князь уже почти поверил в то, что леший его обманул, но тут вода заволновалась. В глубине заворочалось что-то большое и длинное, как утонувшее бревно. Последний камень вылетел из рук князя и шлепнулся как раз на всплывающее существо. Оно дернулось, изгибаясь, и Властимир понял, что спугнул неведомое чудище.

Но он все еще не мог разобраться, с кем ему предстоит сразиться. Воображение рисовало зверя, похожего на того сома из воспоминаний детства, только гораздо больше и, может быть, с лапами. Он ждал тупую морду с широкой прорезью рта и крошечными глазками по бокам, осененную десятком усов-змей.

Вода вспенилась, вскипела, и прямо перед князем стремительно вынырнула узкая голова, вся, кажется, состоящая из длинной пасти, усаженной зубами. Пасть раскрылась, обнажая розовое нутро, но захлопнулась прежде, чем Властимир успел ткнуть туда мечом. Все же он замахнулся и со всей силы опустил меч на уродливую голову.

Разъярившись, чудище нырнуло, но только для того, чтобы тут же выскочить из воды на сушу так легко, словно его толкнули снизу. Властимир попятился, не сводя с него глаз, — это было совсем не то, чего он ждал.

Его враг, как ни странно, больше походил на ящерицу, если бы она выросла до четырех-пяти саженей в длину и обзавелась когтями на кривых лапах, твердой кожей, похожей на ржавый доспех, усыпанный шипами и шишками. Приподнявшись на толстых коротких лапах, чудище разинуло пасть и проворно бросилось на него. Большие выпуклые янтарные глаза на макушке внимательно следили за человеком.

Чудище взревело, когда меч князя второй раз достал его по голове, не причинив заметного вреда. Оно целиком выползло на берег и теперь в ярости било по траве хвостом с таким же звуком, как бьет конский бич, только гораздо глуше, и ревело хриплым басом — все-таки две царапины остались на его уродливой голове.

Властимир не стоял на месте — чудище металось за ним, щелкая зубами. Один раз оно схватило корень ветлы, на который поставил ногу князь, — дерево затрещало под его зубами, как солома под огнем.

Князь уводил врага подальше от воды, надеясь, что оно как рыба — долго без нее не может. Но твердая броня защищала чудище не только от его меча, но и от высыхания. Нужно было найти уязвимое место в его шкуре.

По опыту он знал, что глаза и горло — две слабые точки у любого зверя. Ворон клюет в глаза, волк бросается к горлу. Князь попробовал попасть острием меча в глаз врагу.

Зверь медлил с броском, ожидая, видно, что двуногий враг сам ринется ему в пасть, и князю повезло — кончик лезвия вошел в ярко-оранжевое глазное яблоко, перечеркнутое черным.

Истошный рев, прокатившийся над лесом, возвестил, что удар был удачен. Ослепшее

на один глаз чудище от ярости и боли забыло осторожность и с удвоенной злобой ринулось на человека.

Окрыленный удачей, Властимир примеривался, чтобы поразить и второй глаз врага, но тут чудище изогнулось, как тугой лук, что-то просвистело рядом, и тяжелый удар — хвоста сбил человека с ног.

Видимо, зверь так и убивал свои жертвы — сила удара была такова, что Властимир покатился по земле, выронив меч. Он тут же вскочил, протянул к мечу руку — тот упал совсем рядом, — но над ним раздался торжествующий рев, и зубы чудища сомкнулись на его ноге.

Оно дернуло, и князь опять растянулся на земле. Пятясь, чудище поволокло его в воду, мотая из стороны в сторону, словно собака крысу.

Властимир шарил по сторонам руками, пытаясь задержаться, но чудище двигалось слишком быстро. Князю удалось уцепиться за корень ветлы, но враг как раз в эту минуту; поджал задние лапы, скользя к воде по гладкой и скользкой-траве. Зубы его проткнули сапог и мясо до кости с жутким хрустом, и князь не выдержал и разжал руки.

В последний миг он вспомнил о ноже за сапогом, сделал —. - глубокий вдох, и, когда ледяная вода сомкнулась над ним, рука нащупала костяную рукоять и плотно сжала ее — последнее оружие на крайний случай.

Чудище тащило его на глубину. Преодолевав застилавший сознание кровавый туман, задыхаясь, Властимир потянулся к горлу своего врага и схватил челюсть свободной рукой, пытаясь ее разжать.

Зверь запаниковал — до этого он не сталкивался с такой жертвой, что сопротивляется даже под водой. Он ударил хвостом, поднимаясь на поверхность. Пальцы князя коснулись мягкого горла чудища, и он, не теряя времени, ударил ножом...

Что-то холодное коснулось его лба, словно легкая рука девы Мангуры остудила пылающее чело раненого воина. Капля скользнула по щеке, и князь вздохнул.

Властимир почувствовал, как чьи-то руки касаются его лица, заботливо ослабляют ворот.

Он лежал на земле, под головой — что-то мягкое, вроде свернутого плаща. Сапоги и верхнее платье с него сняли, он был весь мокрый, но не мерз — совсем рядом горел костер. Левая нога жутко болела, словно до сих пор сразу несколько чудовищ тянули и жевали ее. Князь застонал, и над ним кто-то склонился.

— Больно, да? — услышался озабоченный голос. — Потерпи, я сейчас!

Кто-то коснулся раненой ноги, стал ее гладить, мять и пришептывать что-то еле слышно. К немалому удивлению Властимира, боль начала отпускать. Когда она стихла, князь открыл глаза.

Он лежал на траве у костра, вокруг которого были разложены для просушки его вещи — на нем самом оставалось только исподнее и плащ, которым его заботливо укрыли. Подле Облака пастуха чужой вороной конь, а возле князя сидел незнакомый парень в вышитой льняной рубахе, полосатых штанах, закатанных до колен, и босой. Его сапожки со щегольски загнутыми носами стояли у огня рядом с Князевыми. Юноша осматривал князя с беспокойством, но, встретив его взгляд, улыбнулся и кивнул.

— Ну, очнулся наконец! — молвил он приятным голосом. — С возвращением. Видать, боги пока не хотят тебя к себе... И дернул тебя леший в пасть Змею лезть, да еще в одиночку! — продолжал он укоризненно. — А если б он попроворнее тебя оказался? Но ты везучий человек, раз такое чудище одолел!

Его последние слова заставили Властимира забыть о том, что его неожиданный спаситель говорил с ним так, как только отцы говорят с неразумными чадами. Он попытался приподняться.

— Одолел? — переспросил он — А разве я его убил?

— Ну да, — кивнул незнакомец, — убил — вон валяется.

Парень помог Властимиру сесть.

В озере, куда его затащило чудище, на поверхности взбаламученной воды плавали обломанные ветки, трава, вырванные водоросли, наполовину вытащенная на берег, лежала огромная туша кверху лапами. Князь увидел на ее белом вздутом горле глубокую рваную рану. Но этого было мало — бок чудовища тоже был распорот наискось, и густая темная кровь сочилась в воду озера, мутя ее.

Вид вывалившихся сизых кишок заставил его поморщиться и закрыть глаза. Князь откинулся назад, юноша заботливо поддержал его, не давая упасть.

— Ох и нажрутся раки досыта, — заявил он. — Глотку ему это ты перерезал, да я добавил, когда тебя от него оттаскивал... А на брюхо, что порвано, не смотри — это я, когда печень вырезал.

Властимир снизу вверх взглянул ему в лицо:

— А ее-то зачем? Или в ней душа его?

— Душа? — юноша откинулся назад, заливаясь смехом. — Ну и насмешил! Откуда душа у этого страшилища?.. А печень — она наша добыча по праву. Скажешь — нет? Суди сам — он бы тебя одолел, съел бы не поморщился. А мы его одолели — тоже должны съесть. А печень у любого зверя — первое лакомство...

На углях костра уже покрывались корочкой темные куски печени, расточая терпкий аромат. Властимиру вдруг захотелось есть, и он решил отложить на потом выяснение имени юноши и почему тот его победу делит на двоих.

Разговорились они позже, когда добрая половина звериной печени была съедена, а остатки юноша завернул в лопухи и положил в седельный мешок. Князь назвался первым, чтобы не возникло недомолвок, и с удовольствием наблюдал, как смутился и восхитился одновременно его собеседник. Юноша явно никогда раньше не разговаривал с князьями.

— Ну, а ты кто таков, какого роду-племени? — спросил Властимир в свой черед. — И что за человек, что мне в помощники набиваешься?

— Имя мне — Буян, сын Вадима Храброго, — молвил он. — Я гусляр из Новгорода. Ехал куда глаза глядят, услышал шум да крик, сюда прискакал — как раз вовремя, чтобы тебя, Властимир, спасти.

— Я тебе не Властимир, а князь. А ты мне лучше скажи, что гусляр из Новгорода так далеко от него заехал?

Буян перестал улыбаться.

— Нравишься ты мне, княже, — тихо ответил он, — тебе я правду скажу. Изгнал меня Новгород навеки, и Росток тоже выгнал. Бездомный я — только гусли мои при мне да товарищ верный — конь Воронок...

Он с любовью оглянулся на вороного жеребца, а потому не видел, как посерьезнело лицо Властимира.

— За что же тебя изгнали? — спросил он.

— Я на варягов восстал! — не поворачивая головы, ответил Буян. — За то и выгнали.

— Так ты — изгой?

Изгоями становились только преступники — убийцы, воры, насильники. Все, кто не желал признавать своей вины, были осуждены на вечное бродяжничество и одиночество. Ходили слухи, что варяги таких клеймили, чтобы никто им не помогал. Видимо, этот сбежал до клеймения. Среди славян изгоев тоже не жаловали — только дикие народы, что жили на севере, да одиночки-изверги, которых род изверг, почти приравняв к изгоям, иногда помогали им, если не боялись быть обвиненными в сообщничестве. Спутник изгоя сам становился изгоем — это было Властимиру известно.

— Изгой? — повторил он. — Убирайся вон и благодари богов, что я ранен и не могу помешать тебе уехать! Вон!

— А если я не хочу?

Синие глаза Буяна сияли гордостью и вызовом.

— Я хочу остаться с тобой, князь, и я останусь, — твердо ответил он.

— Да как ты... Да что ты себе позволяешь, изгой! — вспыхнул Властимир.

Его отец был не в меру честолобив, за что и поплатился. Властимир был горд тем, что он князь и зять варяга. И эта гордость ударила ему в голову, смешавшись со стыдом от того, что он обязан помощью изгою.

Рука нашарила нож, каким он только что пластал печень, и подняла его. Властимир размахнулся, целясь в грудь гусяря, но тот не дрогнул и только молвил спокойно:

— А кто тебя из пасти вытащил?

Властимир заглянул в честные глаза человека, не пытающегося защититься от ножа. Взгляды их скрестились, как два меча, готовые не давать пощады врагу. Потом взор гусяря скользнул вниз. Проследив за ним, князь понял, что тот смотрит на его раненую ногу — нога была промыта, обложена целебными растениями и перевязана чистой тряпицей. Это тоже сделал Буян.

Властимир до боли сдвинул рукоять ножа и с бессильной яростью вонзил его в землю.

ГЛАВА 5

Всю ночь он лелеял надежду, что благодаря целебным растениям рана заживет, затянется, но наутро проснулся от сильной боли. Нога распухла, края повязки врезались в кожу, из-под нее сочилась полупрозрачная жидкость. Прикоснуться к ней было невозможно, а встать — тем более. Попытавшись опереться на ногу, Властимир упал на землю, тихо поминая непотребными словами все на свете.

Буян после вчерашнего не приближался, даже спать лег с другой стороны поляны, у самой опушки, саженьях в десяти от костра. Сейчас он спокойно чистил своего вороного жеребца, который игриво хватал его зубами за рубаху и приплясывал на месте. Он даже не обернулся, когда пытавшийся встать князь упал, скрипя зубами от боли.

Властимир, потерпев несколько неудачных попыток, понял, что без посторонней помощи ему не обойтись. А Буян уже седлал коня, что-то тихонько насвистывая.

— Эй! — позвал князь хриплым шепотом. — Эй, ты! Гусляр спокойно увязывал свои вещи, тихо разговаривая с конем.

— Эй! — громче позвал Властимир. — Как там тебя... Буян!

— Что угодно князю? — отозвался тот, не прекращая своего дела.

— Куда ты собрался?

— Как куда? — тот обернулся. — Ты вчера сам велел мне убираться вон, и сегодня я так и делаю. Прощай, князь!

Он взял жеребца под уздцы и повел его прочь.

— Стой! — Властимир привстал на колено здоровой ноги, стараясь не обращать внимания на боль в ране. — Ты же не можешь вот так меня бросить! Ты же меня на смерть оставляешь! Я встать не могу...

— Ты хотел, чтобы я уехал, — холодно возразил Буян. — А теперь говоришь, что я тебе нужен.

Этого князь не говорил, но боль в ране не располагала к спорам.

— Я... ошибся, гусляр, — тихо молвил он. — Ты мне нужен. Помоги мне!

Буян стоял, держа коня под уздцы. Властимир не поднимал глаз — ему было стыдно просить о помощи того, от кого по суровым законам славян зазорно было принять даже мольбу о милости. Он не видел, как улыбка расцветила лицо Буяна, и тот тихо сказал:

— Заставлю тебя помаяться, заставлю тебя помучиться, но ведаю я наверное, что все у тебя получится.

— Что? — спросил князь, не расслышав, что бормочет гусляр.

— Ничего, — отрезал Буян и, отвернувшись, привязал жеребца к дереву. Властимир увидел это, и душу его наполнила радость.

Прогнева возвращалась из рощицы, где она с другими девушками заклинала кукушку и плела венки. Праздник Семик подходил к концу, и новые кумушки отправлялись по домам

на общую трапезу.

Девушки шли, держась за руки парами, кума с кумой. Некоторые из них были из соседних деревень, а две пришли даже с заставы. Сегодня праздничная трапеза была в Ласкове, а завтра девушки отсюда собирались в гости к соседям.

Они уже вышли к повороту от берега к деревне, когда с другой стороны показались двое всадников.

Впереди на вороном коне ехал красавец юноша в расшитой рубахе. При виде девушек он широко и весело улыбнулся. Он вел в поводу белого кологривого коня, на котором, наклонившись вперед, сидел воин постарше его и побогаче одетый. Лицо его было напряжено, как у человека, терпящего боль или несущего в душе тяжкую думу. Оба были при оружии, а у седла юноши в мешке угадывались гусли. Поравнявшись с девушками, юноша сдернул с головы шапку и поклонился в седле, тряхнув светлыми волосами.

— Девицы-красавицы, любушки-голубушки! — воскликнул он звонко и весело. — Ехали мы полем, ехали мы лесом, ехали по городу, ехали селом. Не подскажет ли кто из вас, красавицы, где нам найти знахаря — другу моему совсем худо, помощь нужна!

Его спутник только поморщился на слова юноши и отвернулся.

Прогнева вышла вперед:

— Поезжай за мной, молодец. Я укажу.

— Благодарю тебя, красна девица, — отозвался юноша, проворно спрыгивая и подхватывая поводья обоих коней.

Попрощавшись с подругами и пообещав непременно быть завтра в условленном месте, Прогнева первая свернула к деревне. Юноша шел за нею. Остальные девушки немного отстали, чтобы без помех посудачить о приезжих.

Прогнева совсем не удивилась просьбе незнакомца и не могла отказать ему в помощи — к ее сестре приезжали, случалось, и из города. Возможно, им о ней рассказывал кто-то из уже леченных у Веденеи.

Юноша, очевидно, не мог долго молчать.

— Как зовут тебя, красна девица, и какого ты рода-племени? — спросил он.

— Прогнева, — коротко ответила девушка.

— А меня звать Буяном, гусяр я из Новгорода. А друг мой — князь из славного города Резани, что стоит на Оке, — указал рукой Буян. — Ехали мы лесами Муромскими, да в такие чащобы заехали, где чудища водятся страшные. Напало на нас одно чудище, и князь его в честном бою одолел, да только вот беда приключилась — оцарапало оно молодца.

— Это ты Веденее расскажи, — оборвала его Прогнева. — А я знахарства не ведаю.

— Аи, Прогнева ты да красавица, до чего ты, Прогнева, неласкова! — весело воскликнул Буян. — Улыбнись посветлее, будь поласковой, милая!

Властимир только морщился, слушая болтовню гусяра. Да что тому — нога не болит, душа легка. Совсем еще зелен, неопытен, вот и веселится и играет, чисто конь молодой. Сат мому князю было не до смеха — рана с каждым днем болела все сильнее, уже не помогало искусство гусяра, когда тот заговаривал боль.

Веденея была на дворе, перебирала для просушки травы, когда в ворота чужой человек ввел в поводу коня, на котором, сгорбившись, сидел другой чуженин. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что нужна ее помощь. Девушка отложила травы и пошла навстречу.

— Здравствуйте, гости дорогие, с чем пожаловали?

— С бедой мы к тебе, красна девица, — начал снова Буян, ломая шапку. — Князю помощь нужна, а ты, говорят, целить можешь, боль одолеваешь!

— Рану-то я исцелю, а боль одолеть я не в силах — с нею только сам он и может справиться. — Веденея подошла ближе.

Властимир поднял голову, чтобы взглянуть на ворожею, — да так и застыл, не в силах слова вымолвить. Только мельком видел он эти глаза, но запомнил на всю жизнь. Тот же пристальный ищущий взор глянул на него из глубин котла старого волхва там, в Муромских

лесах. Тот, но другой — глаза ворожеи были живыми и близкими, да и потемнее, но это были они.

Веденя тоже обомлела, касаясь рукою стремени князя. Она тоже не верила своим глазам, но Чистомысл показал ей в мисе с водой именно этого человека: конь, одежда, лицо, глаза — все, что она помнила, совпадало до мелочей! И ей предстояло помочь ему!

— Ты помочь ли сумеешь, девушка? — молвил Буян. Ворожея и князь разом вздрогнули. Веденя отвела взор и твердым голосом приказала:

— Помоги его в дом занести, коли сам не сможет. Я посмотрю, что там!

Властимиру хотелось прыгнуть наземь, как бывало, но нога была как чужая, и ему пришлось опереться на плечо Буяна. С другой стороны его поддержала Веденя.

В доме его усадили на лавку, куда Прогнева, забежав вперед, успела постелить чистое рядно. Ловкими пальцами расстегнув пряжку плаща, Веденя велела ему прилечь и стянула сапог.

Властимиру показалось, что она содрала его вместе с кожей. Он дернулся, скрипнув зубами.

Нога распухла и потемнела. Рана снаружи была чиста — только заживать не хотела. Девушка посмотрела на стоявшего рядом Буяна:

— Ты лечил?

— Я, — с улыбкой молвил он. — Вез я его два дня, третий... Ох и намучился с ним в дороге-то! Князь, а как младенец — все ему не по нраву да не в обычае.

— Рану ты лечил правильно, — кивнула Веденя. — Только кто ее нанес такую?

— Чудище, — вместо балагура-гусяра ответил Властимир — молчать он больше не мог и заговорил, чтобы не кричать. — Оно меня за ногу зубами схватило, а я его... ножом, да поздно!..

Веденя коснулась раны пальцем, и князь чуть не завыл — ему показалось, что раны коснулось каленое железо.

— Все понятно, — молвила девушка. — Рана бы давно сама зажила, да попала в нее стынть болотная с зубов того чудовища... Вот что, выйди-ка, друг дорогой, конями займись, а я подумаю, чем лечить будем.

Буян вздохнул, ободряюще похлопал князя по плечу и вышел.

Оставленные во дворе кони потянулись к нему мордами. Он приласкал своего Воронка, с которым третий год не расставался, погладил и белого Облака и стал расседлывать лошадей.

Привязав их под навесом, где летом стоял скот, он чистил их, что-то напевая про себя — не мог без песни, как птица без неба! — когда скрипнула дверь. Буян оглянулся — из дома вышла Прогнева с пустым ведром. Проходя мимо, она бросила в его сторону такой взор, что Буян забыл все дела и двинулся к ней.

— А куда это ты, девица?

Прогнева обернулась к нему из калитки:

— За водой. Сестра велела — будем князю твоему ногу отпаривать.

— Проводи и меня туда, — засуетился Буян, бросаясь отвязывать лошадей, — мне надо коней напоить.

Девушка дернула плечом, поджидая, и пошла впереди, прямая и гордая, а Буян — следом, ведя лошадей в поводу. Вообще-то он мог бы и бросить поводья — Воронок и так бегал за ним, как собака, да и старый Облак уже привык к молодому товарищу и мягким рукам его хозяина, а сейчас, на новом месте, и подавно старался держаться поближе.

Буян сзади разглядывал девушку. Невысокая, ему едва до плеча, худенькая и совсем юная — верно, и восемнадцати нет, а то и всего шестнадцать. А тонкий стан, коса ниже пояса, а тот взор, что сжег его только что... Буяну сейчас хотелось свернуть горы, выдрать перо из хвоста Жар-Птицы и достать с неба звезду — только бы еще раз встретить тот же взгляд.

Прогнева же словно нарочно медлила, идя вдоль берега к мосткам. Заведя коней в

озеро и ожидая, пока они напьются, Буян смотрел на девушку. Она не обращала на него внимания, болтая с каким-то парнем, своим ровесником. Понимая, что он чужой, гость в их деревне, Буян тем не менее, был готов на все, чтобы оказаться на месте этого парня. Бросив коней, он пошел к мосткам.

Парень вскочил на спину своего низкого конька, подхватил поводья двух заводных и усккал, махнув Прогневе рукой. Она с усилием подняла наполненное ведро, но не сделала и шага, как дорогу ей заступил Буян.

— Чего это ты? — нахмурилась девушка. — Дай пройти!

— А ты бы мне ведро дала. Тяжелехонько такое в гору нести.

— Не твоя забота — тяжелее носила.

— Так ведь и я не только повод в руках держал!

— Пусти! — Прогнева посмотрела исподлобья. — А не то смотри у меня — спуску не дам!

Буян улыбнулся:

— Так что — помочь не позволишь?

— Нет.

— А если я тебе спою — тогда позволишь?

— Споешь? — удивилась Прогнева. — А ты можешь?

— Я гуслир из самого Новгорода, а тамошние гуслиры во всем мире лучшие! — гордо молвил Буян. — Так как?

— Ну, если мне понравится... — начала Прогнева и поставила ведро, готовая слушать.

Буян обрадовался, и тотчас же гладь озера, синь неба над ним, леса и ивы вдоль берега стали величайшим богатством, которое он готов был подарить Прогневе, ставшей для него единственной во всем свете.

Он мог петь везде и всегда, с гуслирами и без них, новые песни и старые, но та, что родилась сейчас, была совсем новая:

То не свет-заря разливается,
То не солнышко с ясным месяцем,
То на холм высок поднимается
Моя Ладушка, красна девица.
От красы ее травы клонятся
Да роса блестит скатным жемчугом.
Поглядит она — птицы радуются,
Для нее поют песни звонкие:
Уж ты Ладушка, красна девица!
Присушила ты добра молодца,
Присушила ты красотой своей,
Приневолила сердце вольное.

Когда он замолк, Прогнева вздрогнула и огляделась. Ее поразило, какая на озере наступила тишина. К берегу приплыли утки, чирки и гуси. На ветвях кустов расселись птахи мелкие, а поодаль, по глади озера, словно тени русалок, невесть откуда взявшись, скользили два лебедя. Даже жеребцы положили головы на спины друг другу и застыли, прикрыв глаза. Только ветерок перебирал молодую листву.

Заглянув в глаза Прогневы, Буян широко улыбнулся и поднял с мостков ведро.

В самую последнюю минуту Прогнева обогнала его и пошла впереди, прямая и гордая, чтобы гуслир не возгордился, что, спев лишь раз, уже покорила ее, пусть и песней, спетой явно для нее одной. Так они и пошли обратно в деревню: впереди — Прогнева, за нею — Буян с ведром, а за ним — два коня.

Веденея сразу взялась за дело, только мельком осмотрев ногу князя. Она не сказала ему

ничего, чтобы не знал и не волновался раньше времени, но Буян и привычная к делам сестры Прогнева догадались, что дела Властимира плохи и будут еще хуже, если не помочь немедленно.

За домом у Веденеи была маленькая банька — в ней она помогала роженицам, если роды были трудными, отпаривала язвы и обморожения. Там всегда было чисто вымыто ключевой водой с корнем папоротника и полыни, был запас травяных настоев и веников из ветвей березы и дуба.

Нагрев воды, Веденея с помощью Буяна и Прогневы, некстати разругавшихся и не глядевших друг на друга, отвела туда Властимира и усадила его на лавку, велев снять одежду.

Оставшись в одном исподнем, князь сидел на лавке, с интересом оглядывая закопченные стены, обмазанный глиной очаг в центре комнатки, на котором на огне закипало два котла воды, и развешанные по стенам веники и пучки трав. Маленькое единственное окошко, затянутое пузырем, почти не пропускало света. От пара уже было жарко и душно, кружилась голова.

Вошел Буян с двумя ведрами воды из колодца, поставил их у входа и уже открыл рот, чтобы что-то спросить у Веденеи, но та бросилась к нему и вытолкнула прочь:

— Иди, иди, не мешайся!

Уже в дверях гуслир поймал взгляд князя, подмигнул ему весело и вышел. Веденея заперла дверь на щеколду.

Только когда дверь закрылась, Властимир заметил, что они с Веденеей остались одни. Девушка скинула верхнюю ру-, баху, оставшись в длинной белой рядине с открытыми руками, распустила волосы с неслышным для Властимира приговором и стала бросать в кипящую воду то щепотку, то целый пучок разных трав. К каждой она обращалась по имени и просила ее отдать силы на доброе дело. Князь сидел на лавке, вытянув ноющую ногу, и молча смотрел на ее приготовления.

Обмакнув в воду сухой березовый веник, Веденея помешала им в котле, потом, подхватив одно из принесенных Буяном ве-дер, плеснула на камни очага. Вода зашипела, превращаясь в пар. Все скрылось в нем. Властимир почувствовал, как привычно ударил в лицо жар, тело начало потеть, запахло травами.

— Ляг, князь, — мягко сказала Веденея. — Но прежде испей-ка!

Она подошла, с поклоном подала чашу, над которой вился горячий пар. От напитка так сильно и пряно пахло, что в жизни не пивший ни одного лекарства Властимир подозрительно поморщился:

— Что это?

— Целебный отвар. Не бойся, княже, он поможет!

Он принял чару, стараясь не дышать, и единым духом, как зелено вино, осушил ее.

Словно огонь прошелся по всем жилам. Ему показалось, что, если он сейчас выдохнет, изо рта полыхнет пламя. От внутреннего жара он закашлялся, и Веденея велела ему лечь.

Что-то в отваре было подмешано особенное, потому что Властимир смутно, как сквозь сон, чувствовал руки Веденеи, касающиеся его то ласково и нежно, так что дух захватывало, то сильно и грубо, разом вырывая из сладкого дурмана. Он словно о чужой ноге догадывался — знахарка что-то делает с ней, промывает рану, удаляет гной, снимает отек. Глухо, через клубы пара, доносился тихий голос ворожей-исцелительш:

— Ты пади-уйди, стынь болотная, улети-растай, словно синей весной. Разомкни ты, стынь, когти крепкие, уברי ты, стынь, зубы острые. Отпусти ты, стынь, руду-кровушку, руду-кровушку течь из ранушки...

Властимиру было жарко и трудно дышать. Снаружи его волнами охватывал пар и духота, внутри бродил огонь. Но горячее всего было раненой ноге. Ее словно раздирали раскаленные клещи. Князь не открывал глаз и не видел, что происходит на самом деле, но ему казалось, что раскаленный нож раз за разом входит в самую рану и пластает ее, добираясь до кости. Последний раз такую боль князь испытывал много лет назад, когда его

помял медведь.

В ноге что-то зашевелилось. Оно росло в ней, как зерно в земле, и двигалось к поверхности, буравя кожу медленно, продлевая пытку. А мягкие руки уже не несли облегчения, они словно стремились оторвать ногу.

Слышно было, как Веденея отошла, потом вернулась, и на рану полилась горячая вода, расточавшая запах трав. Князю показалось, как что-то внутри раны злобно вскрикнуло и отпрянуло, забираясь поглубже.

— Терпи, князь, терпи, — услышал он далекий голос Веденеи, в котором звучало волнение и нетерпение. — Выходит... Ты пади-уйди, стынь болотная. Ты пади-уйди во сыру землю, во сыру землю да в болотину. А уж в той земле да в болотине чист ручей течет с ключевой водой. Ты пади-уйди, стынь, в ручей-воду, унесет ручей тебя вон с земли. Вон с земли твердой, в море-океан, в море-океан на остров Буян. Как на острове том Алатырь-камень, камень бел-горяч лежит выше туч. Как на камне том да Зоря сидит, да Зоря сидит, за землей следит. Омакнет Зоря руку белую да в ручей-воду, в стынь болотную, да возьмет ее, стынь болотную, да под камень тот и спрячет ее. И лежать ей там, на том острове, пока камень тот неподъемлем есть. А поднимет кто камень Алатырь, так вернется и стынь болотная! И на это есть слово крепкое, слово крепкое, слово верное...

Словно ножом полоснуло по ране. Радостно вскрикнула Веденея, а в следующую секунду на ногу с шипением плеснул такой огонь, что Властимир не выдержал и вскрикнул.

Когда он открыл глаза, все было кончено. Он лежал в доме на полатах в чистой рубахе, по грудь укрытый медвежьей шкурой. На ноге ощущалась тугая повязка, под нею что-то щипало и покалывало, но жар и тянущая боль уже прошли.

Первое, что он увидел, было лицо Веденеи. Девушка успела прибраться и сидела рядом, ожидая его пробуждения с чашей на коленях. Встретив подозрительный придиричивый взгляд Властимира, она улыбнулась:

— Это горячий мед. Восстанови силы, князь.

Во всем теле была приятная легкость и здоровая усталость, как после целого дня, проведенного в седле на охоте на туров и диких лошадей. Властимир взял чашу, сделал глоток и почувствовал, как понемногу возвращаются силы. Веденея с легкой улыбкой взяла пустую чашу и протянула князю что-то на ладони.

— В твоей ране остался обломок зуба чудовища — смотри. И зуб ядовитый. Был бы простой, мне бы не пришлось так долго трудиться. Но он вышел, и кровь твоя чиста.

На ладони ее лежал совсем небольшой осколок, с четверть ее мизинца. Властимир взял его, повертел.

— И из-за такой малости я мог умереть? — спросил он.

— Теперь уж не умрешь, — девушка взяла с его ладони осколок, отложила. — Только ногу несколько дней не труди. Подвиг твой не таков — пару дней подождет.

— Подвиг? — насторожился Властимир. — Откуда ты знаешь про подвиг? Кто сказал?

Он надеялся — она сейчас скажет что-то такое, что даст ему право думать, что это ее глаза тогда манили его в пещере волхва.

— Ты сам и сказал! — Девушка протянула руку. Властимир ждал затаив дыхание. Кончики пальцев легонько, коснулись его ресниц, будто мотылек присел отдохнуть. — Твои глаза сказали! — Пальцы невесомо соскользнули по щеке, и Веденея поднялась прежде, чем князь успел ее задержать.

Властимир и Буян загостились у девушек. Брат их на заставе в десяти верстах отсюда, отец ушел с торговым караваном вниз по Оке и должен был вернуться не скоро. Никто не нарушал покой больного.

Целыми днями Властимир отлеживался на полатах у окна. Веденея хлопотала по хозяйству, вспоминая о князе, только когда приходило время осмотреть рану, — за все три дня они не разу толком не перемолвились и словом. А Буян запропал куда-то. Властимир не знал, что тот целыми днями гуляет с девушками и поет, словно соловей, — лишь бы

слушали. Несколько раз даже Веденея уходила послушать гусяра, оставляя князя совсем одного. На третий день он начал уже ненавидеть красавца певуна, что всюду был как рыба в воде.

Благодаря травам и тайным словам Веденеи на четвертый день князь уже мог встать и сам выйти из дома на лавку у крыльца. Рана хорошо подживала, нога болела, только если опираться на нее всем весом тела, — в седле можно было этого и не замечать, тем более если под ним послушный Облак. Тогда Властимир решил, что назавтра пустится в путь.

Буян просиял и сказал, что тоже едет с ним. Веденея же ничего не сказала, только пошла собирать в дорогу вещи гостей. Что же до Прогневы, то она гордо вскинула голову и пошла со двора. Буян бросился за ней и не заметил недовольного лица князя.

Веселиться Властимиру было не с чего. Этот неугомонный Буян решил ехать с ним — князь заранее знал, что гусяр не отвяжется: за те три дня, что тот вез его в Ласкову, Властимир успел понять, что Буян может добиться чего угодно любыми средствами, а он сейчас все еще не до конца здоров и ему, как это ни противно сознавать, может еще потребоваться помощь изгоя.

Но и с этим еще можно было смириться — все-таки не худой человек этот Буян. Властимиру не давало покоя, до чего спокойно отнеслась к его отъезду Веденея. Будто и впрямь не ее взор манил его тогда. А ведь он почти поверил в это! Что ж, знать, где-то ждет его звезда ясная!

Буян догнал Прогневу уже в роще. Девушка шлана голоса подруг, что окликали ее среди берез. Увидев с нею гусяра, они окружили его с просьбой спеть.

От этого Буян никогда не отказывался, лишь бы просили, и с готовностью затянул песню о девице, что прощалась с суженым на лесной дороженьке. При этом он смотрел только на Прогневу. Она же, прислонившись к березке, ни разу не взглянула на гусяра — взор ее блуждал где-то далеко.

Девушки запели, подхватывая последние слова Буяновой песни, и, когда он закончил, одна из них затянула песню, начиная хоровод. Одна за другой девушки присоединились к подруге, и скоро Прогнева и Буян остались единственными, кто не вошел в круг.

Вертя в руках травинку, Прогнева шла по березняку. Сквозь тонкие стволы было видно, как солнце красит небо в алые цвета, садясь за леса. Белые деревья-девицы розовели, словно смущались чистого взора заряницы. Вдалеке мычало, возвращаясь, стадо.

— Так завтра поутру вы с князем уезжаете? — вдруг спросила Прогнева.

— Да, но, знаешь, я... — Буян замялся.

— А мне все равно! — гордо перебила Прогнева. — Уезжаете—и хорошо. А то мне наши парни прохода не дают — когда, спрашивают, ты уедешь. Скорее бы завтра!

— Почему же? — воскликнул Буян. — Или тебе песни мои не нравятся?

— Они нашим парням не нравятся, вот что! А так — иди, пой себе. Тебя зовут, слышишь?

Девушки кричали им, аукали, звали назад, но Буян словно оглох.

— Идем вместе, — предложил он.

— Они зовут тебя, — со сдержанной злостью ответила Прогнева. — Иди, не нужен ты мне совсем!

Не раз о струны его гусель разбивались сердца дев и жен, но сердце самого певца пока было цело. Но сейчас в нем образовалась трещина, и оно зазвенело, как звенит под ветром расщепленное дерево. Буян узнал этот звон и остановился как вкопанный, не веря себе.

Прогнева, видя, что он не уходит, сама пошла прочь, потом побежала, раздвигая руками кусты, вниз, в овраг и к озеру. Буян припустил за нею.

Носок его сапога обо что-то запнулся. Гусяр наклонился, поднял находку и помчался догонять девушку, зажав вещицу в кулаке.

Прогнева стояла у ветлы, что склонилась над бочажиной, и смотрела на темную воду у своих ног. Услышав шаги Буяна, она резко обернулась и сдвинула брови.

Погоди, Прогнева, — заговорил тот, подходя. — Я сейчас Уйду, только посмотри — это не ты потеряла?

Он протянул свою находку, и девушка ахнула, схватившись за грудь, — на ладони у Буяна лежал подаренный Чис-томыслом оберег.

— Твой?

— Мой. Но как он попал к тебе?

— Нашел! — Буян невольно все крепче сжимал ладонь, словно оберег мог ожить и убежать. — Шнурок развязался, верно... А что это?

Прогнева не сводила глаз с его кулака — он сжал руку, словно пальцы свела судорога. Из кулака свисали концы шнура, который и правда развязался, а не порвался.

— Это оберег, — тихо молвила она. — Мне его подарил... один человек. Он сказал, что я должна его отдать...

Она замолчала, не решаясь продолжать.

— Ты должна его отдать? Я завтра уезжаю, но если бы ты отдала его, я бы взял, — сказал Буян.

Оберег приятно грел руку, он казался родным, давно знакомым, когда-то утерянным, а теперь вновь обретенным. И он принадлежал ему с самого начала — гусяр был в этом уверен.

Прогнева не смотрела на него.

— Если бы ты его взял, я бы отдала, — совсем тихо ответила она.

Не взять оберега Буян не мог — вещий голос звучал в нем, говоря, что эта вещь должна принадлежать ему так же, как меч — воину, плуг — пахарю и гусли — певцу.

— А я и беру, — сказал он.

— А я и отдаю, — вздохнула Прогнева.

Буян не понял ее печали и, связав кончики шнурка, надел оберег и спрятал его под рубаху.

ГЛАВА 6

На следующее утро два всадника вывели коней за ворота и, вскочив в седла, обернулись.

Обе воротины были распахнуты настежь, и дворовый пес, с которым не страшно было бы выйти и на медведя, настороженно принюхивался к чему-то на улице. Жеребцы нетерпеливо крутились под всадниками.

Прогнева стояла у крыльца, хмуро глядя на них. Оберег болтался на шее гусяра, который улыбался неизвестно чему. Она-то теперь знала, что и сама бы отдала ему вещицу, но он наверняка не понимал ее значения и не ведал, что Прогнева — его суженая. А что, если он и вовсе забудет дорогу к их порогу? Он вольная птица, где сытно накормили — там и дом, а ей ждать и надеяться. Зачем он только вообще приехал — такой красивый и веселый!

Властимир тоже был не так весел, как можно было ожидать от человека, который несколько дней назад спасся от смерти. Он все медлил, сдерживая Облака.

Веденея не показывалась из дома, но он надеялся, что она выйдет хотя бы узнать, что так долго не уезжают гости. Тогда он ее увидит и, возможно, догадается, будут ли о нем помнить здесь.

Наконец она вышла, неся что-то в руке. Ворожея подошла к князю и с поклоном протянула ему плетку.

— Возьми на добрую память, княже, — молвила она. — Плетка эта не простая, в ее хвосты стебли перелет-травы вплетены. Как захочешь, чтобы твой конь поскакал выше леса стоячего, ниже облака ходячего, ударь его плетью этой промеж ушей. А захочешь, чтобы он вновь на обычный скок перешел — изловчись и ударь его по глазам. Но помни: пользоваться ею можно только три раза — на четвертый она смерть коню принесет!

Властимир подумал — принимать ли такой дар. Отвел глаза и неожиданно встретился

взглядом с Буяном.

— Бери, князь, не сомневайся, — сказал тот. — Девушка умом сверстна, каждое слово ее — правда чистая!

Князь принял плетъ и спрятал ее в седельный мешок. Пока он искал отдарок, Веденея не отходила от его лошади. Взглянув на нее, чтобы повиниться, что не нашел ничего достойного, Властимир заметил, что она заплетает в косицу прядь гривы Облака и что-то приговаривает одними губами. Она улыбнулась и стала завязывать конец косицы ниткой, которую ловко выдернула из рукава.

— Это тебе памятка, — объяснила она. — Как расплетется моя косица, так тебя назад потянет. А пока ниточка эта в ней, так и я с тобой буду...

Губы ее дрогнули жалобно, и она быстро ушла в дом.

— Едем, княже. — Буян тронул его за локоть, — Пора и честь знать!

— Погоди! Ты видел? Видел, что она сделала? — прошептал князь.

— Да все я видел, все. А теперь едем!

Властимир тяжело вздохнул, повернул коня, и всадники покинули деревню.

Во время пути князь все надеялся, что Буян скажет: «Ну, прощай», — свернет и оставит его одного, но гуслар держался рядом или чуть позади с независимым видом. Он беспрестанно вертелся в седле, весело скалился, что-то напевал про себя. Кроме того, он болтал без умолку, и к вечеру первого дня Властимир твердо решил, что если случай не избавит его от гуслара, то он избавится от него сам, доложив о нем в Резани варяжской общине. Те схватят изгоя-убийцу и отвезут его в Росток. В память о помощи, что Буян оказал ему, князь вступится за него, упросит дать ему право отстоять свою жизнь в поединке, не казня, — перстень, врученный Роолдом, давал князю такие полномочия. Но пусть изгой не надеется на большее.

Они ехали по берегу вниз по течению Оки. Вокруг расстилались земли княжества Резанского, его, Властимирова, отчина. Взяв власть, Улеб, его отец, расширил свои владения, забрав под свою руку многие деревни и мелкие города вверх и вниз по течению реки и некоторых ее крупных притоков. Сначала он брал кроме клятвы верности от городов-заложенников отроков десяти—пятнадцати лет. Теперь эти мальчишки давно выросли, многие стали воеводами на своей родине и верными слугами резанского князя, а иные жили в Резани, до сих пор служа в княжьей дружине или на его дворе.

Ни разу не заезжая в деревни — в Ласкове запаслись съельею и ячменем для лошадей на месяц или больше, — они на вторую ночь остановились всего в четырех верстах от переправы на Резань. До города оставалось всего ничего, но Властимир твердо решил, что Резань он минует. Он все думал и долго без сна ворочался на земле, подложив под голову кулак.

Буян тоже полночи не смыкал глаз. Впервые за все время он почувствовал оберег — при касании тот слабо жег руку, а в душе рождалось недоброе предчувствие. Он должен следовать за князем повсюду, что бы ни случилось, — наказ Чистомысла, хоть волхв ни разу не сказал ему вслух, сидел в нем прочно, как собственное имя. Может, князю не придет в голову завернуть в родной город? А если все-таки придет? Что тогда будет? Ведь и там есть варяги...

Едва на востоке показался краешек алой фаты зари, Буян встал и, крадучись, направился к обрыву, с которого открывался вид на правый берег Оки и дали за нею. Там он сел на мокрую от росы траву, обхватив колени руками.

Мир еще спал, хотя ночные твари уже прятались в свои норы и гнезда, а дневные не спешили просыпаться. Был самый тревожный час суток, когда яснее всего голос тревоги, а сон крепче всего и слаще. В такую пору нападают враги и совершаются тайные убийства и побеги. Не сбежать ли ему от князя?

Юг, куда смотрел Буян, пропадал в ночной мгле, но свет прибавлялся, и вот уже можно отличить небо от земли. Безлунная ночь катилась к закату, звезды гасли одна за другой, а свет зари становился все ярче и ярче, словно она вбирала в себя их блеск. Уже повеял

утренний свежий ветер, гуслир обхватил плечи руками — его начал пробирать холод.

И в этот миг взошла звезда Полынь.

Он просмотрел ее появление, или же она явилась внезапно — будто далеко боги запалили факел. В ночь звезда светила ярко-алым светом, и ослепшему от ее сияния гуслиру показалось, что она мигает, словно и впрямь была глазом огромного чудовища. Буян привстал, чтобы поточнее определить, в какой она стороне, и так и остался стоять — там, куда упал его взор, лежал город Резань.

Сейчас город был скрыт расстоянием и ночной тьмой, но он был именно в той стороне. Значит, ему придется проехать совсем близко от него, а там его ждет опасность, и, глядя на звезду Полынь, он понял какая.

Дождавшись полного рассвета, Буян, удрученный, вернулся к кострищу.

Сон разметававшегося у погасшего костра Властимира был неспокоен. Буян видел, как подергивается его лицо и дрожат веки. Гуслир с жалостью поглядел на князя и стал готовить завтрак.

Властимир проснулся, учуяв запах жареного, и некоторое время полежал, не открывая глаз.

— С добрым утром, — донесся голос Буяна. — Я знаю, что ты не спишь. Вставай и присоединяйся!

Князь поднялся, спустился к воде умыться и вернулся к костру как раз тогда, когда у гуслира все было готово и можно было приступить к трапезе. Буян предложил князю жареного мяса, но тот принял угощение с таким видом, что Буян сразу заподозрил неладное.

— Что случилось, князь? Или тебе нездоровится?

— Здоров я, — хмуро откликнулся Властимир, — только...

— Потерял что?

— Да нет. Просто сон мне был странный... Приходит ко мне мать моя, прямо сюда, и говорит: «Вернись домой, сынок! Если уедешь в путь-дороженьку, никогда уж не воротиться. Сложишь в землях чужих буйну голову, и никто того не уведает. Останешься в чистом поле воронам на съедение, людям лихим на поругание...» А мать моя вещуньей слыла, она никогда слова зря не говорила. Вот я и думаю — а не голос ли это божества!

От этих слов у Буяна сразу отлегло от сердца.

— Это голос страхов твоих, княже! — воскликнул он. — Напугало тебя то чудище, что встретил ты в лесах Муромских, вот и думаешь ты, что еще почуднее и пострашнее может встретиться. А так ли то будет — ни ты, ни я не ведаем. То знают одни боги, но они так легко воротиться с дороги не дозволит.

— Но до моего города не так уж далеко ехать. Не зря мне сей сон был!

— Не зря! — разгорячился Буян. — Подумай, княже, вдруг это боги тебя испытывают, посылают тебе знамение. И должен ты либо свернуть с пути, и другого искать им надобно для подвига, либо ты достоин их чести окажешься и продолжишь дорогу славную. Верь слову моему, князь! Не следует заезжать в Резань, хоть и тянет тебя на родину, — заедешь, никогда уже Резань не покинешь, да и мне, — он коснулся оберега, — беда грозит в том городе.

Властимир не нашел что ответить. Он же ничем не выдавал своих мыслей, как же гуслир догадался?

— Я и сам не очень-то хочу ехать туда, — сознался он. — Но матери как-то приснилось, когда и как отца убьют, — и это в точности в указанный день исполнилось. И если она говорит, что меня ждет гибель, то так оно и есть!

Буян вскочил, и на миг показалось Властимиру, что не гуслир это вовсе, а богатырь.

— Слушай меня, князь! — молвил Буян так, что князь не осмелился ему перечить. — Ты — воин и мужчина. Воину не след доверяться бабьим сказкам и глупым выдумкам. Гибнет не тот, кому на роду так написано, а тот, кто в самый последний момент струсил... Женское дело, — продолжал он тише, садясь опять, — дома сидеть, за домом глядеть. Она в поле не выезжает, воинской жизни не знает, вот и выдумывает страхи да мороки, лишь бы

мужа подле себя удержать, а того не ведает, глупая, что муж у материнской или жениной юбки слабеет телом и духом. Не позволяй ослабить себя, князь. Ты — князь и воин, тебе и судьбу свою решать, тебе миром править, Властимир!

Никогда еще не слышал князь таких слов и такого голоса — ни один гуслиар Резани не мог сравниться с Буяном. Они посмотрели друг другу в глаза, и каждый прочел в них недосказанное.

— И подумай еще, княже, — спокойно добавил Буян, — ты же не один едешь. Я рядом буду, если что — помогу.

Властимир почувствовал досаду — гуслиар догадался, что он задумал. Раз он узнал про это, придется подождать другого раза.

Час спустя они выехали на берег Оки как раз напротив Резани.

Город лежал на берегу. Леса, окружавшие его на равнине, отступили от него во все стороны — вокруг были только поля, пашни, деревни и маленькие рощицы. Во все стороны Тянулись дороги. День занялся ясный и солнечный, и город отражался в реке, словно лебедь молодой в зеркале вод.

Бревенчатые стены с рубленными по углам сторожевыми башнями стояли на высоком валу. За стенами были видны кровли домов и палаты княжеские. В центре города был естественный невысокий холм, на котором, сейчас невидимые с такого расстояния, жили боги — Перун, Белее, Купала и другие, помладше. Ворота города были уже распахнуты. Из ближних к реке как раз выезжала телега.

Встав на стременах, Буян осматривал противоположный берег так, как если бы хотел завоевать город.

— Нам туда, — наконец сказал он, — мимо города до той роши, что левее, а там должна быть какая-нибудь дорога, что нам подойдет.

— Откуда ты знаешь, куда нам ехать? — подозрительно оглянулся князь. — От дома родного отговорил, теперь нача-ловать взялся? Да кто ты такой?

— Никто, — опустил глаза Буян. — Но про Змея я много ведаю. В тех песнях, что гуслиары поют, про него правда чистая сказана. Улетает тот Змей к югу, в горы... А про Змея ты сам поведал мне, — добавил он.

Это последнее было правдой — Властимир доверился ему в первый же день. Но сейчас князю показалось, что его спутник чего-то недоговаривает. Твердо решив, что больше он ему ничего не скажет, но будет следить за ним в оба, Властимир первым начал съезжать к переправе.

Мимо Резани они прошли так близко, что были едва не узнаны сторожами — хорошо, что те плохо знали Властими-ра в лицо. Буян хранил молчание, но, когда стены Резани остались позади и чувство тревоги прошло, он вновь повеселел и, подбоченясь в седле, что-то запел.

Кони ходко рысили по обочине дороги, дабы не мешать проезжим телегам. Один раз их обогнал спешащий галопом небольшой отряд — дружина с какой-то заставы. Резань оставалась все дальше и дальше.

Два дня пути уже легли между родным городом Власти-мира и путниками. Бывавший в Муроме, на востоке, западе и в самом Ростке, резанский князь никогда не заезжал так далеко на юг. Когда они пересекли границу с соседним княжеством, проехав через распахнутые спокойного дня ради-врата, где несколько витязей брали проездную пошину, он стал думать только о том, что грядет.

Подходя к лесу, дорога вильнула хвостом, как лисица, и уползла в сторону, к распаханным полям, где подрастали хлеба. В лес, на юго-восток, куда указывала Полынь-звезда, вела узкая тропка. Лес поднимался впереди нестрашный, тем более что после заповедных боров Святобора Властими-ра трудно было чем-то запугать. Буян теперь помалкивал, так что под сень леса они вступили в молчании.

Эту ночевку в чужом лесу Буян долго вспоминал потом. Князь давно спал, дремали и

жеребцы, а он все не мог сомкнуть глаз, сидя у огня. Дыма над костром почти не было, только золотисто-рыжие языки пламени плясали в ночи. I Усляр смотрел на них не отрываясь. В пламени, как всегда, плясали дети огня, по игре которых знающие люди предсказывали будущее. В Новгороде Буяну раз выпало увидеть, как один жрец толковал эту пляску. Вспоминая, что и как тот делал, гусляр склонился к самому костру и зашептал заговор-молитву богу огненному с просьбой о милости.

Тишина леса нарушалась только шорохом ветвей, мерным дыханием спящего человека и двух лошадей и потрескиванием головешек. Изредка вдалеке кричала сова и хохотал филин. Совсем близко тявкнула лисица. Глаза Буяна устали глядеть. Он мигнул, протер их, и в этот самый миг в глубине костра что-то показалось.

Какие-то маленькие различимые фигурки задвигались на углях, совершая свой, не понятный никому танец. Буян разглядел всадников и пеших воинов, были там и мирные люди. Вокруг них рушились дома, метались лошади и коровы. Шла большая беда. Потом вроде как кто-то огромный оторвался от земли в небо — и все пропало. Костер сбился и расстелился по земле от неожиданного порыва ветра.

Все же он что-то увидел. Буян поклонился костру, благодаря его за весть. Он нашарил в суме кус хлеба, отщипнул немного и бросил на угли — дух огня потрудился, надо ему восстановить силы и получить пищу.

Но лучшая пища для костра — сухие ветки. Буян встал и пошел в чащу собрать для костра угощение. Но не успел он сделать и трех шагов, как порыв ветра повторился, и гораздо ближе. К нему примешивался шелест ветвей, будто на дерево села тяжелая птица.

Ураганный ветер налетел так внезапно, что Буян чуть не был сбит с ног. Он покачнулся и ухватился за дерево.

Лес гудел и ревел под новыми порывами невиданной силы ветра. Деревья гнулись, как тростник на реке, трескали сучья, наземь падали ветки с листьями. Где-то недалеко со стоном и треском надломилось дерево и рухнуло. Закричали птицы, слепо мечась в ночном лесу. Какая-то перепуганная птаха налетела на человека, задев Буяну крылом глаз. Сквозь завывание урагана долетел испуганный визг и ржание лошадей.

Буян крикнул, зовя Властимира, но голос его утонул в лесном шуме. Князь наверняка проснулся... Подумав про князя, гусляр удивился, что не чувствует тревоги, словно такие бури — обычное дело.

И тут вдалеке он услышал чей-то голос.

Призывный крик долетел до его слуха сквозь рев ветра и стоны ломаемых деревьев. Что-то нечеловеческое было в нем — торжество и такая воля, которой никто не смеет ослушаться.

Буян не осмелился даже помыслить о том, что можно не откликнуться на зов. Он собрал все силы, преодолевая порывы ветра, и пошел туда, откуда звучал крик.

В лесу все качалось, металось и падало. Ветер дул сразу со всех сторон. Ветки били по лицу, сучья норовили вцепиться в одежду и царапали руки. Буян хватался за ветви, уворачивался от колющих сучков, но упрямо шел на голос. Призыв все звучал с равными промежутками. Гусляр забыл про князя, про бурю, про все на свете — оставался только тот призыв и острое желание отозваться на него. Он не ведал, кому мог принадлежать голос, да и не хотел это узнать.

Ночной мрак впереди озарился странным оранжевым светом, и послышался плеск огромных крыльев. Гусляр остановился в нерешительности, но призыв все звучал, в нем слышалась власть бога, который не привык ждать. И Буян пошел на свет, раздвигая качающиеся ветви и уворачиваясь от норовящих упасть на него стволов.

Впереди внезапно разверзся простор поляны с холмом посередине, на котором лежало несколько валунов. Толстый дуб цеплялся меж них узловатыми корнями. Его корявые сучья громко скрипели под порывами бури.

На него с небес лился свет. А все вокруг было черным-черно, словно мгла поглотила весь остальной мир. Буян замер на самом краю поляны, не в силах сделать дальше ни шага.

Новый порыв ветра подхватил его и бросил наземь, лицом в примятую траву. Он упал, но тут же поднялся, ибо над ним опять послышался плеск крыльев.

Буян встал, шатаясь и закрываясь от нестерпимого света рукою. Свет лился от крыльев огромной птицы с серебристо-серым с голубыми и золотыми искрами оперением. Она медленно опустилась на дуб, и гусяр с содроганием увидел, что голова у птицы человеческая, женская. Вокруг ее грозного, искаженного гневом лица вместо волос вились, похоже, змеи. Чем ниже спускалась птица, тем сильнее выл ветер. Но все же Буян старался держаться на ногах прямо.

Когда птица села и сложила крылья, ветер слегка притих. Если раньше буря напоминала разъяренного зверя, что кидается на всех, защищая хозяина, то теперь зверь словно сел у ног своего господина, но готовый в любую минуту броситься в атаку.

Птица повела головой по сторонам, и взор ее остановился на Буяне.

— Ты пришел на зов богов! — воскликнула она. — Иди сюда.

Буян сделал шаг:

— Вот он я! Что тебе нужно, птица?

В ответ птица взмахнула крылами, а буря завывала с новой силой. Буян еле удержался на ногах.

— Знай же, о смертный, — прозвучал гневный голос, — что имя мне — Гамаюн! По воле богов призван ты сюда слушать песнь Гамаюна!

Пораженный Буян отпрянул, отступая назад. Он, конечно, слышал о Гамауне, вестнике богов, но не очень верил в его существование. Гусяру стало страшно.

Склонив голову, Гамаюн следил за ним. В его ясных глазах читалось ободрение.

— Я рад видеть тебя, человек, — наконец промолвил Гамаюн. — Ты достоин выслушать меня. Внимай же — сами боги говорят с тобой моими устами, витязь Боян!

Услышав его слова, Буян попятился, закрываясь от света рукою. Неожиданно позади встало дерево. Он уперся в него спиной — ноги отказывались служить ему.

— Ты ошибся, Гамаюн! — воскликнул он, стараясь перекрыть вой ветра и треск ломающихся деревьев. — Ты прилетел не туда! Мое имя — Буян, я гусяр из Новгорода...

Его слова были встречены громким гневным криком. Гамаюн забил распахнутыми, как паруса, крыльями так, что дуб под ним застонал.

— Молчи, неразумный! — крикнул он. — Боги никогда не ошибаются в выборе! Они знают тебя под этим именем, и тебе уже не уклониться с дороги, что предназначена тебе и твоему князю, хотя ему и не дано этого познать. Предназначено с давних пор, еще до рождения этого мира. Ты уже получил один знак избранничества, так узнай же и второй. Ты услышишь сейчас то, что не мог бы услышать, останься ты простым человеком. Ты услышишь песни Гамаюна. Хотя многие слышали их — никто не понял ни слова, ибо это язык богов. Готов ли ты слушать?

Ясные глаза Гамаюна заглянули в самую душу Буяна, и неожиданно на эти слова откликнулся оберег. Гусяр прикоснулся к фигурке — воин словно дышал под пальцами, стремясь куда-то. Порыв фигурки передался гусяру, и он крикнул:

— Я готов, Гамаюн, готов!

— Ты колеблешься, — неожиданно тихо и печально промолвила птица. — Ты боишься не справиться, ибо знаешь, что обратного хода уже нет. Ты не хочешь подвести твоих богов в трудную минуту, ведь ты так молод и неопытен... Не бойся — ты молод, но имя твое старо, оно видело всякое, оно вынесет тебя, как выносило не раз... Слушай, неразумный! Имя человеку дают при рождении, но человек вырастает, растет и его имя, и бывает, что человек перерастает его. Тогда он остается жить в памяти людской на века под другим именем или прозвищем. Бывает, что имя перерастает человека и губит его, раздавив своей тяжестью, но гибнет и само, ибо оно без человека ничто. И только в силах человека сделать выбор, возвеличит он имя свое или нет. Но имя, не освященное делом, даже если о нем никто не знает, бесплодно и, подобно дыму костра, тает в памяти. Имя же, освященное даже самым

малым делом, будет долго жить. Не сомневайся в моих словах и своих силах, вещий Боян! Твое имя само нашло тебя.

Пораженный правотой его слов, которую почувствовал сердцем, Буян молчал, не поднимая глаз и прижавшись к стволу дерева. Ветер сорвал его шапку и трепал волосы.

Гамаюн взмахнул крылами, поднялся на лапах, вытянул шею и запел. При первых звуках гуслиар вскинул голову. В голосе птицы и песне без слов слышались рев бури, треск вырываемых с корнем деревьев, грохот горных обвалов и водопадов, гул пожаров, топот и ржание испуганных табунов, стук мечей о щиты, крики битвы и песни воинов над курганами павших бойцов. Буян вскинул голову и, преодолевая порывы ветра, сделал несколько шагов к дубу.

И тут же изменилась песнь Гамаюна. К своему удивлению, Буян разобрал слова:

Слушай меня, Буян-гуслиар, камень-оберег!
Слушай пророчество — Гамаюн
зря не откроет тайн.
Только тебе из живущих сейчас
ведом мой язык.
Боги героев послали в поход,
в дальний опасный путь.
Боги послали героев своих
туда, куда хода им нет.
Там, где сияет Полынь-звезда,
крася собой восход,
там притаился великий Змей,
свив для себя гнездо.
Слуги его караулят вход
в сумрак подземных домов,
где подрастает смена его,
чтоб покорить весь мир.
Многие могущества у него —
больше, чем думал ты.
Знает уж Змей, что герой в пути,
знает, что он дойдет.
Слуг он пошлет, чтоб его задержать
или остановить.
Будет других немало преград —
зло и без Змея сильно.
Будет грозить вам гибель не раз
даже из рук друзей,
ведь повторить этот трудный путь
долго не сможет никто.
Но коли в сердце твоём жива
тяга земле помочь,
стань оберегом и князя путь
жизнью своей защити!

Последние слова Гамаюна потонули в вое ветра. Порыв подхватил Буяна, словно тот был травинкой, и поволок куда-то, хлеща ветками деревьев. Гуслиар отчаянно пытался уцепиться хоть за что-то, чтобы остановить этот полет, но все усилия были напрасны. Он вспомнил, что смертный, услышавший пение Гамаюна и понявший хоть одно слово, обречен на мгновенную смерть. Словно подтверждая его догадку, издалека доносился торжествующий хохот птицы-вестника.

Утром Властимир проснулся от того, что солнечный луч упал ему на лицо. Отлично выпавшийся князь встал, намереваясь сделать Буяну выговор за то, что тот тоже проспал и не удосужился разбудить его пораньше, — и замер с открытым ртом.

Поляны больше не было. Кусты, окаймлявшие ее, были сломаны, вокруг валялись обломанные ветки и целые стволы. Поперек поляны, чудом не задев его, лежало вырванное с корнем дерево. Ощущение было такое, что ночью здесь прошел разъяренный великан, ломая все на своем пути.

С другой стороны поляны доносилось тихое испуганное ржание. Опасаясь самого худшего, Властимир поспешил туда, перешагивая через бурелом.

На его счастье, оба жеребца были целы, не придавлены упавшими деревьями, хотя те были свалены вокруг так аккуратно, словно кто-то начал ставить сруб. Облак и Воронок жались друг к другу, косясь по сторонам. Заметив подходящего князя, они разом вытянули шеи и заржали призывно, но с места не двинулись.

Только подойдя ближе, Властимир обнаружил, что Воронок длинным поводом, на который его всегда отпускал Буян пастись, запутался в сучьях упавшего дерева. Повод Облака был разорван.

Буяна нигде не было видно. Буян исчез, но еще удивительнее было то, что ночью тут прошел ураган, а князь ничего не слышал.

— Буян! Э-ге-гей! Буян, где ты? — крикнул он.

Эхо послушно подхватило его голос и помчалось с ним в чащу. Прислушиваясь, Князь ждал, но ответа не было.

— Буян!.. Буя-ан!

И снова ответом была тишина.

Воронок рвал повод у него из рук и вдруг вырвался и, заржав, поскакал в лес.

Властимир вскочил на Облака как был, без седла, и помчался догонять сбежавшего коня. Он ни минуты не верил, что тот может найти Буяна, но нагнал его неожиданно скоро — не более чем в паре сотен саженей от поляны.

Воронок стоял под деревом, у которого бурей был сломан сук, и с тревогой нюхал траву. Подскакав, князь увидел, что в траве, положив под голову руку, мирно спит Буян.

Досада его была так велика, что, соскочив с коня, Властимир пнул гусяра ногой:

— Вставай!

Буян дернулся, что-то промычал спросонок и сел, протирая глаза. Склонившись над ним, князь тряхнул его за плечо:

— Ты что тут делаешь?

Буян недоуменно и возмущенно захлопал глазами:

— Я? Я ничего.

— Но что же произошло? — допытывался князь. — Я ничего не слышал, просыпаюсь — всюду как ураган прошел, ты за сотню саженей от поляны. Можешь мне объяснить, что случилось?

При каждом слове он встряхивал Буяна, и тот наконец стал что-то соображать. Но объяснить все оказалось не так-то просто.

— Понимаешь, княже, — он задумчиво потер лоб. — Да ничего и не было. Просто мне... мне странный сон приснился. Словно здесь птица Гамаюн была. И она... он мне сказал...

— Сказки! — перебил его Властимир. — Гамаюн, конечно, где-то есть, но людям он никогда не показывается. Это ты все выдумал.

Буян хотел было пересказать слова птицы, но подумал, что князю не следует слишком много знать, и решил промолчать.

Он встал, отряхнулся и послушно пошел за князем назад, к оставленной ими поляне.

ГЛАВА 7

Ночи конца травня, месяца, запирающего весну и отпирающего лето, тихи, теплы и праздничны. Лес уже оделся листвою и цветами, посев уже окончен, птицы переживают пору любви и песен. В такие ночи просыпаются русалки и выходят ночами на берега водоемов водить хоромы и подкарауливать неосторожных людей.

Маленькое лесное озерко, со всех сторон окруженное частым лесом, где с липой перемешались ель и сосна, меж которых мелькали дуб и береза, днем не отличалось от всех Других озер и ручьев, что вместе несут свои воды в озеро Ласково или реки — Трубень, Оку и другие.

Крутые берега озера поросли жесткой травой, что распрямляется сразу за прошедшим человеком ли, зверем ли, не оставляя следов. Седые при свете только что народившегося месяца ветлы клонят к темной воде свои гривы. Когда-то ветлы были лошадьми. Носили они колесницу самого Стрибога, но как-то, когда остановился он, даруя миру минутку затишья, наклонились они над гладью впервые успокоившегося озера и замерли, любясь на себя, — ведь до этого они ни разу не видели своего отражения. Напрасно звал их Стрибог — окликал лаской, грозил карой, даже бил плетью, — не сдвинулись с места очарованные кони, потому что забрал их души обитавший в том озере водяной. В отчаянии и досаде обратил Стрибог своих коней в ветлы, чтобы дождались они живыми того часа, когда сразится он с водяным и отнимет у него души своих любимых коней. Оттого-то всегда так волнуется вода, когда пробегает над нею ветер — водяной боится, что однажды Стрибог ворвется в его чертоги и начнет битву. Но слишком упорно хранит свои тайны вода, не пускает ветер в глубину, и вечно стоять ветлам-лошадям, любясь своими отражениями и порой грустя о потерянной силе и свободе. А водяной с той поры научился воровать души тех, кто, придя на берег водоема, задумается и заглядится в воду так, что трудно оторваться.

Темная вода маленького озерка казалась твердой, словно отлитой из стали или свинца. Ни единая морщинка не тревожила ее чела — вода словно спала. Даже ветлы замерли — ветра не было. Мелкие звездочки отражались в воде, обозначая опрокинутое небо — небо подводного царства, где все как у нас, но только наоборот. Тишина, и только в кустах на том берегу вели переключку два соловья-соседа.

Еле слышно плеснула вода. Крупной рыбы в озере не водилось — слишком мало оно для этого, — но все-таки по воде побежала рябь. Волночки расходились кругами из-под корней ветлы, что зашла в воду дальше всех и корнями касалась воды.

Там, на фоне темной морщинистой коры, что-то забелело. Русалка плавным движением отбросила прядь светло-зеленых влажных волос, в которых поблескивали чешуйки, и оглядела берег. Потом обернулась к озеру и тихо позвала.

На ее призыв тут же отозвались — вода озера заволновалась, раздалась сразу в нескольких местах, и на поверхности показались головы трех или четырех дев. Они плыли к берегу, на который уже выбралась первая. Встав на росистую траву, она отжала длинные густые волосы и раскинула руки, греясь под лучами молодого месяца.

Выходящие на берег девы присоединились к ней. Вода текла с них, сверкая в свете звезд. Одна из них проворно вскочила на корявый ствол ветлы и забралась повыше. Другие со смехом последовали за нею.

— Нет-нет, я выше! — смеялась первая, поднимаясь почти к самой кроне. Она скользила по ветвям так легко, что те даже не дрожали под ее тяжестью. — Не догоните! Не догоните!

— Вернись — поймем, в росе изваляем! — воскликнула одна со смехом. Ее слова были встречены восторженными криками.

Первая внезапно подпрыгнула и серебристой тенью бросилась с дерева в воду озера. Волны разошлись и сомкнулись почти без шума, принимая ее. Она вынырнула и закричала задорно:

— Прыгайте за мной!

Одна из русалок тут же последовала ее примеру, но другая, захотевшая влезть повыше,

помедлила, оглядываясь.

— Ну что же ты! Иди сюда! — кричали ей снизу.

— Погодите, сестры! — откликнулась она. — К нам гости! Русалки, что были в воде, тут же нырнули, те, что были на берегу, поспешили к озеру. Оставшаяся не ветле смеялась над ними, качаясь на ветке.

— Бросьте мне цветов! — крикнула она. — Я одна встречу гостей, раз вы боитесь!

Те из русалок, кто не успел нырнуть, вернулись. Любопытство пересилило страх перед неизвестным — ведь русалку может погубить только любовь к смертному, если он устоит перед ее чарами.

— Кто там, сестра? Что за человек?

— Не человек и не один, — лукаво отвечала русалка, не спеша спускаясь пониже.

— А кто же?

— Увидите.

Русалки высыпали обратно на поляну. Только держались поближе к воде — сейчас они еще не имели полной силы и было их слишком мало, чтобы можно было заманить к себе человека.

Слух водяных дев остр — они слышат, что шепчет ручей за десять верст от них, но на сей раз ничто не говорило им о приближении человека — наоборот, все, что они уловили, было тихим шорохом волчьей поступи.

Выкормыши леса, приемыши Чистомысла, Явор и Ярок, которых из всех людей мира видели только сам волхв, Веденя и мать их Млава в самый момент рождения, возвращались с ночной прогулки. Это только в сказках хищные звери бродят всю ночь напролет — на самом деле они выходят из своих нор на закате и возвращаются в них перед самой полночью, второй раз выходя на охоту перед рассветом, когда Дичь еще не проснулась или готовится ко сну.

Близнецы шли плечо к плечу, в точности повторяя движения другого. Они не говорили ни о чем — и так каждый понимал все чувства и мысли друг друга.

Юноши, которым на вид было не больше шестнадцати лет, никогда не знали другой жизни, кроме лесной. Выходил их леший, выкормили дикие звери, обучив своей нехитрой науке жить. Только благодаря Чистомыслу и самой Веденее они знали, что они — люди, но не такие, как живущие в деревне. И волхв, и ведунья не объясняли им, почему они должны жить в лесу и чем они отличаются от прочих. Волхв знал, но скрывал. Ведунья не знала и поэтому молчала. Она вообще мало рассказывала мальчикам — по обрывкам и недомолвкам, как по следам зверя судят о его состоянии, близнецы узнали, что у них где-то есть, как у всех в мире, мать, человек, но она отнесла их в лес из-за чего-то, о чем знал только волхв. Веденя не хотела показать близнецам ту, кому они были обязаны своим рождением, — Млава была отмечена богами и должна была уже который год вымаливать у Перуна прощение по велению главного жреца старца Сухобоя.

В ожидании, когда им будет разрешено вернуться к людям, близнецы вели привычную с рождения жизнь — днем почти всегда отсиживались в своем логове в дупле дуба, куда их когда-то положили, а ночью бродили. Часто во время ночных странствий они принимали облик волков, орлов или туров-быков — это у них получалось само собой, они умели это всегда и не видели в своем умении ничего странного.

Но сейчас никто бы не догадался об этой их тайне, ибо по лесу невесомым шагом пробирались два мальчика, невысокие, стройные и слишком хрупкие по сравнению со своими ровесниками в поселке. На узких живых лицах ярко выделялись слегка раскосые темно-серые с янтарно-желтым оттенком глаза. Белые волосы были растрепаны. Из одежды на них были только штаны из грубого холста — подарок Веде-неи, — да безрукавки из волчьих шкур. Сильные ноги были босы. Никакого оружия у близнецов не было — они полагались на волчьи зубы и турьи рога.

Не зная, как живут прочие оборотни, мальчики жили по-своему. Любой оборотень все-

таки человек, и часть времени он проводит в деревне или городе. Близнецы все время жили в лесу, без страха общаясь с теми, кого простые люди боялись и избегали.

Юноши возвращались с удачной охоты, и путь их пролегал как раз мимо озера. Когда они вышли на его берег, поджидавшая их русалка подбежала с криком:

— А мы уж вас заждались!.. Что у тебя в руке — полынь или петрушка?

Близнецы переглянулись.

— Петрушка, — первым молвил тот, что стоял слева. Русалка завизжала от радости.

— Ах, ты моя душка! — вскрикнула она и бросилась ему на шею, ловя его губы.

Остальные русалки с визгом окружили другого мальчика, увлекая его за собой в хоровод. Он с готовностью закружился с ними в пляске, в то время как его брат, уже забыв про него, обнимался с русалкой. Они мешали все ускоряющемуся хороводу и немного отошли в сторону, присев на склоненный ствол ветлы.

— Я так рада! — русалка едва могла говорить от волнения. Она тяжело отдувалась, словно только что проплыла несколько поприщ без остановки. — Ты так редко сюда приходишь! В этом году всего третий раз.

— Ну, так ведь лето еще даже не началось, — ответил мальчик. — Успеется, нагуляемся еще!

— Тебе хорошо так говорить, Ярок! — молвила русалка. — А я ползими глаз сомкнуть не могла — вдруг завлечет тебя какая-нибудь из земных дев — они тоже целоваться горазды.

— Не завлечет, — пообещал Ярок — Теперь уже никакая не завлечет!

Русалка взвизгнула и прижалась к нему.

— Погубишь ты меня, — сказала она. — Ты смертен, а я нет. Вот понесу от тебя — тут мне и конец. Нам от смертных детей иметь заказано — мы сами смертными становимся... Но ведь ты меня не оставишь?

— Никогда! До самой смерти не оставлю.

— Ой, лукавишь, человек! — водяница погрозила пальчиком. — Али не знаем мы с сестрами, как вы в шук обращаетесь и за купающимися девушками у деревни подглядываете? Уведет тебя какая-нибудь, умру я от тоски.

Ярок отодвинулся от нее:

— И так смерть, и так смерть. Что же ты выбираешь-то? Может, мне уйти лучше?

Он сделал движение, чтобы спрыгнуть с дерева, но русалка с силой вцепилась в него.

— Не уходи! — вскрикнула она так страстно, что будь на месте Ярока простой человек, он бы бросился за нею в омут, теряя голову от любви. — Останься, милый... Я выбираю смерть, но с тобой!

Ярок опять придвинулся ближе, и русалка обвила его шею руками и прильнула к нему с поцелуем.

Явор же, забыв про брата, весело играл с русалками. Близнецы разнились нравом — Ярок был серьезнее Явора, а Явор был добрее и любопытнее. Как и брат, он не боялся любви водяных дев, но ни одна пока не овладела его сердцем.

Именно он по привычке все замечать вдруг остановился в разгар игры. Водившая русалка не успела остановиться и налетела на него.

— Водить! Явор, тебе водить! — закричала она, хлопая в ладоши.

Но мальчик вскинул руку:

— Тише, девы! Вы ничего не слышите?

Русалки мигом замерли кто где был, водя головами по сторонам. На поляне установилась тишина.

— Ничего, — наконец молвила одна из них. — Тихо все!

— А это что?

Все разом обернулись на его голос — над самым лесом в их направлении двигалась новая звезда.

Русалки сбились в кучку и бросились к воде. Там, зайдя в воду по пояс, они остановились, глядя на невиданное чудо.

— Ярок! — позвал Явор. — Гляди!

Тот уже оторвался от жадных губ русалки, но еще сидел с нею на дереве. Из-за ветвей он видел звезду не очень хорошо.

— Пошли посмотрим? — предложил Явор. — Куда?

— Она садится — не замечаешь? Пошли — узнаем, что это.

Ярок выскользнул из объятий русалки, которая пыталась его задержать, и присоединился к брату. Водяницы смотрели им вслед.

— Возвращайтесь, — робко попросила одна.

Близнецы согласно кивнули и, пригнувшись, поспешили в чашу в том направлении, в котором двигалась, постепенно снижаясь, звезда. По их расчетам, она должна была опуститься на землю перед самым восходом, но довольно далеко отсюда.

Хейд не спеша шел по лесу, прислушиваясь к голосам местных тварей и небольшими порциями втягивая через фильтры тысячи запахов, которые тут же подвергались анализу. Наконец-то он здесь, на этой планете, о которой столько всего слышал! Она оказалась гораздо интереснее, чем ее описывали все, кто побывал тут.

Их корабли наведывались сюда уже давно — изучали биологию, историю, политику и психологию населения планеты, все больше убеждаясь в том, что эта небольшая планетка, третья в системе желтого карлика, по давно забытой традиции упорно называемая Дэвсой, хотя сами дэвсы, первичное население планеты, почти все вымерли и их остались единицы, эта небольшая планета до сих пор представляла собой столь значительную ценность, что следовало отбросить эмоции и всерьез, целеустремленно заниматься ее дальнейшим изучением. Наука и истина требовали жертв во все времена и на всех планетах, но чем выше и больше цель, тем меньше настоящий ученый задумывался над ценой затраченных усилий.

Группа, в которой работал Хейд, уже была тут не один раз. В прошлый ее прилет, четырехлетней давности, был заложен эксперимент, произведен посев генетического материала. Теперь настало время посмотреть на результаты опыта.

Проводил закладку материала один гэтский ученый, а Хейда послали ускорить завершение опыта. Когда он собирался сюда, получили подтверждение первичные данные о том, что аборигены развернули подозрительную деятельность, догадавшись об их опытах. Агенты доносили об утечке информации и о двух случаях вербовки людей дэвсами. К тому же наемники уже тронулись в путь. Пока на этой планете их опасаться было рано, но в центре уже шла активная разработка планов по нейтрализации наемников. Хейда же срочно отправили сюда. Что бы ни случилось в центре, эксперимент должен быть завершен.

Уже наступил день, когда он тронулся в путь, замаскировав космический корабль. Прибор, позволяющий ему сразу найти искомое, был настроен и начал действовать — верный признак того, что поблизости есть кто-то, имевший отношение к эксперименту. Это была либо та девушка, с которой тогда был поставлен опыт, либо тот, кого она родила, — если, конечно, эксперимент был удачен.

Настроив поисковый аппарат, Хейд спешил на встречу.

Явор и Ярок немного не дошли до того места, куда, как они видели, упала звезда. Поскольку уже был день, они решили немного передохнуть и вышли на поляну, тут же поняв, что поляна занята — посреди нее в траве лениво возлежал крупный лев.

Львы водились на юге, по берегам моря, о котором близнецам рассказывал Чистомысл, но старики одиночки, выгнанные из стай, забирались порой довольно далеко на север. Этот был, похоже, из таких — мальчики видели сдину в гриве и на морде, торчащие позвонки, мутный взор. Зверь, несмотря на грозный вид, был неопасен, тем более что близнецы в любой момент могли принять обличье туров и затоптать его. Поэтому они, забыв о звезде, которая все равно никуда не денется, а днем искать ее нечего — известно ведь, что звезды видны только по ночам, — вышли к зверю.

Лев и правда был стар, да еще и сыт. Он только повернул голову, когда почуял их

приближение.

Он встречал людей в своей жизни — на правой задней лапе до сих пор что-то ныло порой: след от вонзившейся стрелы. Он был готов встретить их по достоинству, но люди подходили как-то странно — не спеша, не целеустремленно. Лев был сбит с толку — от них пахло не так, как он привык, — лесом, травами, зверем и старой кровью — знак того, что они тоже недавно охотились и наверняка сыты. Да и руки их были пусты — познакомившись с копьями и луками, лев знал, как выглядит оружие человека, и мог отличить копьё от простой палки.

Пока он раздумывал, один из людей остановился прямо перед ним, достаточно близко, чтобы дотянуться лапой.

Лев приподнялся, но человек легко шагнул назад, сохраняя расстояние.

Он отступил, он боялся хищника! Это лев понял и шагнул вперед. Но человек отступил на столько же. Лев сделал обманный выпад, но человек разгадал его маневр и сам ответил тем же. Взбодрившийся лев не мог понять: это охотничья хитрость или игра? Он то припадал на задние лапы, пытаясь достать дерзкого человека передними, то останавливался и изображал полное равнодушие. Всякий раз нахальный пришелец то вовремя отступал, то наскакивал, провоцируя льва. Один раз он изловчился и коснулся рукой кончика его носа. В другой раз, увернувшись от лапы, хлопнул по боку.

Ярок издали наблюдал, как брат играет со львом, заставляя зверя вертеться на месте и подпрыгивать, по ошибке ловя свой хвост. Постепенно юноша вошел во вкус, лев стал казаться ему не страшнее хоря или выдры, с которой он как-то раз забавлялся, шутки ради обернувшись щукой. Лев был не поворотливее выдры, но, возможно, все дело было в его возрасте.

Яроку тоже хотелось принять участие, но следовало и приглядеть за львом со стороны — вдруг чего случится, зверь был им мало знаком. Дождавшись, когда Явор посмотрит на него, он сделал жест рукой и губами. На условном языке, который придумали для себя братья, это означало: теперь моя очередь. Явор отступил, ускользая от выпада тяжелой лапы с пока еще втянутыми когтями, и подал знак: готовься.

Ярок присел в траве.

Лев припал к земле. Он уже изучил возможности своего неожиданного противника и понял, что тот не делает больших прыжков — очевидно, человек был ранен кем-то. Зверь помедлил и бросил свое тело вперед.

Он еще мог прыгать так стремительно и далеко, что позволяло ему охотиться даже в одиночку здесь, в чужих лесах. Любая добыча не увернулась бы от такого прыжка, но в самый последний момент Явор просто нырнул под брюхо зверя и перекатился по траве в сторону. Все было сделано так быстро, что льву показалось, будто намеченная жертва растворилась в воздухе.

Он развернулся, рыхля лапами землю, и огляделся. Его удивление достигло предела, когда он увидел этого человека в нескольких шагах от себя, сбоку!

Лев понял, что его дурят. Ярость от осознания этого не знала границ — так не позволяли себе даже те люди, что охотились на него! — он отбросил свою рассудительность и опыт и с рычанием погнался за дерзким.

Близнецы не знали, как быстро может бегать лев, но Ярок видел, что делал Явор, и не спешил убегать, сохраняя расстояние, чем еще больше ярил льва, который лупил себя хвостом по бокам и скалил желтые, сточенные с годами клыки. Помахивание хвостом мальчики принимали за проявление симпатии, как поступают волки, и продолжали игру.

Все трое крутились на поляне и, заигравшись, не почувствовали, что именно сюда спешит тот, кто прилетел на звезде, — Хейд.

Прибор сообщил о присутствии двух людей и зверя. Видимо, они охотились или же забавлялись со своим домашним животным — на этой планете было приручено довольно много видов местной фауны.

Чтобы не привлекать к себе внимания раньше срока — лучше, если люди подольше не

будут догадываться о его присутствии, — Хейд старался ступать как можно осторожнее. Ему и в самом деле удалось подобраться к поляне незамеченным, но он увидел только одного человека, который бесстрашно крутился под носом у хищника. Другого нигде не было видно. Уж не растерзал ли его лев? Прибор не давал ответа на вопрос, жив или нет объект, — он только его указывал.

Судя по прибору, эти двое юношей были результатом эксперимента. Такая удача — тот, которого видел Хейд, ничем не отличался от остальных жителей планеты, — окрылила его. Опыты стоило продолжать!

Но где же второй? Хейд выглянул из-за кустов и был тут же замечен Явором, который следил за всем вокруг. Появление существа, не похожего ни на одного зверя, так поразило мальчика, что он вскочил и крикнул:

— Ярок, сзади!

Ярок обернулся...

Лев тоже повернулся в сторону крика и увидел необычное существо. Но настоящая добыча была ближе и не смотрела в его сторону. Лев прыгнул.

Остальное случилось за доли секунды. Увидев, что зверь готов поразить ценный образец, Хейд бросился вперед, выхватывая оружие. Заметив это движение, Ярок сделал шаг в сторону. Что-то вспыхнуло у него перед носом, раздался коротко оборвавшийся рев, что-то царапнуло юношу по плечу, и он откатился в сторону, сбитый с ног падающим львом.

Ярок осторожно потормошил лежащего лицом вниз брата. Близнецы знали, что такое смерть, — им приходилось убивать, — но ни один из них не мог даже подумать, что они тоже могут умереть.

Из плеча Ярока текла кровь — лев успел прочертить двумя когтями рваные борозды от плеча до локтя. Третья царапина была на боку.

— Ярок, Ярок, — тихо позвал Явор. Не зная, как привести брата в чувство, он занялся более неотложным делом — стал зализывать раны, склонившись над ним, как учили его волки.

Ярок вскоре пришел в себя — и не в такие переделки попадал. Он тут же сел и сам, где смог дотянуться, попробовал зализывать царапины.

— Я так за тебя испугался, Ярок, — сказал Явор. — Особенно когда он на тебя кинулся!

— А кто его убил? — оторвался от дела Ярок.

— Его убило то чудовище, что выскочило из леса. Я его увидел и поспешил предупредить тебя.

— А где оно? — Ярок завертел головой.

На поляне никого не было — только они да мертвый лев. Глядя на него, близнецы вспомнили вспышку, что мелькнула как раз в тот момент, когда незнакомое чудовище бросилось на льва. Не вспышка ли его убила? И что это за существо, которому подвластны стрелы Перуна?

Явор вдруг встал и, крадучись, направился к льву.

— Ты чего? — окликнул его Ярок.

— Смотри!

Тот подошел и обомлел — под зверем было что-то необычное. Падая, лев придавил его собой.

Близнецы оттащили льва и воззрились на невиданное существо.

Больше всего оно было похоже на змею, только с лапами и в странной, блестящей коже нескольких цветов. Голова тоже напоминала змеиную. Явор прикоснулся к телу и воскликнул:

— Оно теплое!

— Не может быть. — Ярок тоже дотронулся до кожи чудовища там, где у всех знакомых им зверей была шея, и ахнул: — Оно дышит!

— Дышит, но не шевелится, — определил Явор. — Скорее всего, его помял зверь... Он,

наверное, никогда не видел таких зверей, раз не догадался увернуться. И тот его ранил...

— Теперь он сдохнет, — спокойно молвил Ярок.

— Нет! — Явор даже схватился за тонкую руку чудовища — если это была рука. — Он бросился между тобой и зверем — я все видел. Он хотел спасти тебя, я это только сейчас понял. И он убил зверя, который мог убить тебя. Мы должны теперь спасти его...

— Но как?

— Отнесем его Веденее — она должна знать как. Она все знает.

Явор легко вскинул тело чудовища на плечо — оно оказалось совсем легким и не скользким, как можно было ожидать, — и пошел в сторону поселка.

Спустился вечер. Веденее подоила корову и возвращалась в дом, когда в полутьме ей почудился знакомый силуэт. Девушка остановилась, ставя ведро на лавку у двери.

Дворовый пес глухо заворчал, чуя чужого, но она прикрикнула на него, и он замолк. Только тогда к ней приблизился Явор и, не говоря ни слова, протянул ей лист явора. Передав его ворожее, он повернулся и растворился в полумраке.

Это означало, что близнецы хотят ее видеть. Быстро отнеся молоко в дом, Веденее набросила платок и поспешила через тайный выход из деревни в овраг.

Ей пришлось пробираться на голос, поскольку в низине уже скопилась тьма — ждущее своего часа воинство Ночи. Ее ждали не на условленном месте, а чуть дальше, в кустах. Подойдя, девушка сразу поняла причину.

В траве, пригнувшись, сидел Ярок, обхватив колени руками. Девушка сразу увидела раны, оставленные на его плече львом, и поспешила к нему в тревоге:

— Что случилось? Ты ранен?

— Дело не в этом, — махнул рукой Явор. — Ты лучше посмотри.

Он указал на нечто, что лежало в траве у ног Ярока, и Веденее отпрянула, еле сдержав крик ужаса.

На земле, вытянувшись, лежало высокое, тощее, похожее на змею существо. Кожа его походила на змеиную — бледно-зеленоватая с нездоровым бурым оттенком, не гладкая, не как чешуя змеи. Плоская голова имела выпуклые глаза. Они были слегка приоткрыты, и виднелись желтоватые зрачки. Рот походил на прорезанную ножом щель. От него уловимо пахло чем-то странным, горьковатым, не сравнимым ни с чем. Существо не шевелилось, но, приглядевшись, можно было заметить, что оно дышало.

— Что это? — прошептала Веденее.

— Мы сами не знаем, — ответил Ярок. — Но он встал между мной и зверем, когда тот на меня бросился. Зверь помял его, и мы решили, что стоит отплатить ему за то, что он попытался спасти меня.

Веденее присела около существа.

— И что же вы решили сделать?

— Мы решили отнести его тебе. Ты все можешь и вылечишь его — за добро надо платить добром, ведь так? — сказал Ярок.

Девушка ничего не смогла возразить на это. Явор не принимал участия в разговоре и, стоя рядом, внимательно слушал и смотрел по сторонам.

— Неужели вы думаете, что я это смогу? — наконец выговорила девушка. — Если это существо помогло вам, ему тоже надо помочь, так учит Чистомысл. Но я не знаю, что ему нужно. Я боюсь сделать что-то не так, и тогда...

— Ты все можешь, — убежденно молвил Ярок. — Я верю тебе. Ты поможешь ему. Надо помогать тем, кто сделал нам добро, — человек ли, зверь ли!

— Надо, — растерянно кивнула Веденее. — Но я даже не знаю, что это. Как я могу ему помочь?

— Ты подумай.

Веденее еще раз посмотрела на существо. Если близнецы так за него просят — а они чувствуют все и их совершенно невозможно обмануть, — то оно заслуживало того, чтобы ему помочь. Но оно выглядит так странно — только змеи и ящерицы похожи на него.

Человек ли это или тварь из дальних земель, о которых иногда рассказывал Чистомысл?

В любом случае не было и речи о том, чтобы внести его в дом — Веденея не согласилась бы спать в одном доме с этим существом, как бы она ему ни доверяла. И вообще от таких нужно держаться подальше, но, с другой стороны, она привыкла помогать всем.

— Хорошо, — медленно сказала она. — Несите его за мной. И мне от вас кое-что будет нужно, если вы и правда хотите ему помочь.

Она встала и пошла обратно не оборачиваясь.

У каждого дома в деревне был подпол, из него шел подземный ход в овраг или к обрыву над озером, которыми пользовались в случае опасности. Веденея с близнецами незаметно прошла в подпол своего дома. Она уже решила, что это подходящее место для такого существа — его никто не увидит, а оно само не сможет отсюда выбраться.

ГЛАВА 8

Пока собирали вещи, седлали дрожащих лошадей и выбирались из развороченного леса, Властимир не переставал подтрунивать над Буяном, в который раз поминая ему его подозрительные и наверняка лживые слова. Гуслир и ухом не вел, только иногда огрызался беззлбно.

Лес как вымер — очевидно, все зверье спряталось подальше почуяв бурю, и еще не успело прийти в себя. Только птицы, как будто ничего не случилось, славили новый день.

Странная буря прошла по лесу полосой — они проехали всего три-четыре версты, когда следы урагана исчезли. Вывороченные с корнем деревья, обломанные сучья и сорванная листва остались позади. Кони нашли тропу и брели, спокойно опустив голову.

Буян был насторожен и задумчив — он не знал, куда ехать. Что же до Властимира, тот явно не задавался подобным вопросом.

Густая чаща перешла в светлый березняк, который становился все реже и реже. Навстречу им вышла старая торная дорога, приглашая следовать за собой.

Всадники выехали в поле. Дорога шла по склону холма, огибая его. Лес остался позади, кругом были только небольшие островки деревьев. Сокращая путь, они поднялись на холм и окинули взглядом округу. В десятке верст впереди, куда устремлялась с холма дорога, снова начинался лес. Он чем-то манил к себе, хотя был выше и гуще, чем тот, из которого они только что выехали. Что-то в нем таилось, но что — сказать было трудно.

Властимир первым тронул жеребца, устремляясь напрямик к лесу. Буян задержался, перебирая пластинки оберега.

— Эй, погоди, княже! — крикнул он. — Помедли немного.

— Зачем? — не поворачивая головы, отозвался тот. — Что еще случилось?

— Но мы же вместе...

— Нет. Ты сам по себе, я сам по себе. Если ты решил ехать своим путем, я препятствовать не буду, но и за тобой не поеду!

Буян пришпорил Воронка и догнал князя.

— Слушай, — заговорил он, — Мы не можем так! Надо же знать, куда нам ехать, — не слепые же мы котята!

— Мой путь меня найдет, — спокойно сказал князь. — А тебя я с собой не звал — можешь ехать куда угодно, я не держу.

— Но мы не знаем, что готовит нам будущее, — убеждал его Буян.

Властимир потянул повод.

— Как ты мне надоел! — в сердцах сказал он. — Оставь меня в покое — я лучше знаю. Я старше и опытнее, я князь, мне приходилось воевать и с варягами, враждой с которыми ты так кичишься. Но ты с ними только враждовал, а я еще и научился жить в мире, чего тебе вовек не добиться. Так что или отправляйся своей дорогой, или замолчи и предоставь мне решать. Я все сказал!

Он вновь тронул Облака навстречу лесу.

Легче всего было повернуть коня назад или в сторону, выбирая свою дорогу. Буян не представлял себе, как он дальше будет защищать человека, который не желает принимать от него помощь.

Оберег кольнул ладонь. Гусяр почувствовал, что коснулся пластинки со свастикой — выбор пути. Зажав оберег в кулаке, он поскакал вдогонку за князем.

Властимир не оглянулся при его приближении, только хмыкнул в усы, но Буян не обратил на это внимания — он уже заметил то, что раньше увидел князь.

Лес стоял на холме, растекаясь зелеными зарослями по его склонам. Дорога взбиралась на холм, пропадая над деревьями, но она была не одна. У подножия, примерно на расстоянии двух-трех поприщ от основания холма, она разделялась на три. Одна из боковых уходила круто влево, туда, где щетинился ельник. Другая не менее круто сворачивала вправо, в луга. На том месте, где дороги расходились в стороны, лежал глубоко ушедший в землю огромный валун.

Властимир, конечно, видел камень. Он спокойно объехал его и направился дальше по прямой дороге. Но Буян, бросив один беглый взгляд на поверхность валуна, остановил коня и соскочил наземь.

— погоди, княже! — позвал он.

— Что еще?

— Вернись.

Подивившись необычно решительному голосу гусяра, князь остановился и с неохотой вернулся, но не спешил. Буян стоял у камня, опершись на его шероховатый бок.

— Князь, — нетерпеливо молвил он, — конечно, ты старше и опытнее, но неужели ты не заметил, что здесь написано?

— А что там может быть написано? Это простой камень, кто на нем будет что писать в открытом поле?

— Это камень у дороги. Проезжать мимо такого камня — верх легкомыслия... Или ты грамоте не учен?

В голосе гусяра было ехидство, будто он нарочно хотел рассердить князя. Властимир ответил ему под стать:

— А сам-то ты читать умеешь? Хотя где тебе! Ты же был простым гусяром, их грамоте никто отродясь не учит. Грамота нужна летописцам, купцам, воеводам, князьям и их ближникам. А гусяру ее заменяют память да песни... Ты надеялся, что я тебе прочту, что тут написано? Не выйдет!

— И не надо, — пожал плечами Буян. — Многого я не ведаю, но слова эти мне понятны. И если хочешь, я прочту тебе, что здесь написано.

— Сделай милость, — холодно молвил князь, не собираясь спешиваться...

Он был уверен в себе, а что мимо камня проехал — так не все ли равно, по какой дороге ехать! Путь сам приведет его к цели.

Он по опыту знал, что все дороги, что вот так расходятся в стороны, потом обязательно соединяются и, значит, не имеет смысла выбирать лучшую.

Строки были старые, полустертые, некоторые буквы вовсе исчезли. Все слова были написаны на древнем языке, который почти повсюду был забыт. Буян не знал, что именно на этом языке написана Велесова книга, о которой он в первый раз услышал от Чистомысла. Но едва он взглянул на строки, сразу понял все, до последней буквы.

Властимир ждал, опершись на луку седла. Буян уловил его насмешливый взгляд и заговорил:

— Слушай, князь! Написано здесь вот что: «Прямо пойдешь — судьбу найдешь, налево пойдешь — все желания твои исполнятся, направо — самая короткая дорога в Ореховец».

— Это правда? — спросил Властимир, забыв, что изображает всезнающего.

— Правда, сам взгляни!

— «Прямо» могу понять, «налево» — тоже, но при чем тут дорога на Ореховец?

— Как? — искренне удивился Буян. — Ты не знаешь? В Ореховце же самый известный

торг! На севере всем известен Новгород, на юге — Киев, на западе — Чернигов, а на востоке — Ореховец. Едем туда, — он схватился за стремя князя, — этот город ближе всех, а на торгу чего только не узнаешь! И про Змея своего...

Властимир нетерпеливо высвободил ногу. Ему неинтересно было, что там гуслар говорит про торг — гуслару торг ведь лучшее место, они частенько там толкуются: деньги есть — гуляют, денег нет — ищут, у кого бы подзаработать. Его больше занимали два других направления.

— Все желания, говоришь? — вслух подумал он. — Налево?.. У меня одно желание — поскорее найти дорогу в Змеево логово. Едем налево — там все узнаем: и где Змей прячется, и как его одолеть. Ну?

Но Буян не тронулся с места.

— Трусись? — догадался Властимир. — Ну так сворачивай на свой торг Ореховский или куда там хочешь. А мне по торгам разъезжать недосуг. Если ты в ту сторону хочешь — про-Щай. Тебе направо, мне налево!

Он уже развернул коня, когда Буян бросился к нему и вцепился в повод, повиснув на морде Облака. Жеребец всхрапнул и попятился, осаживаясь.

— Отпусти! — вскрикнул Властимир. — Не мешайся под копытами — мой Облак приучен топтать врага ногами. Прочь, если жить хочешь!

Он вздыбил коня, но Буян упрямо тянул повод Облака на себя, разворачивая его.

— Не пущу! — крикнул он. — Ты сам не знаешь, что тебя там ждет!

— Меня ждет там одно — там не будет тебя! Прочь с дороги! Меня моя судьба зовет, слышишь?

Он вскинул руку, и Буян невольно прислушался.

В небе звенел жаворонок, в траве трещали первые, еще робкие сверчки и кузнечики, гудела пчела, шуршали травы. Но больше ничего не было слышно. Гуслар уже хотел сказать об этом, но в то же мгновение откуда-то из ельника донеслись отзвуки песни. Что за песня — отсюда не разобрать, но голос был нечеловечески нежен и притягателен. В нем было что-то знакомое.

— Эта песня тебя зовет, княже?

— Это голос моей судьбы. С дороги! Я постигну мою судьбу!

Из чащи ельника опять донеслась песня, но на этот раз гораздо громче. Лошади заволновались. Властимир ударил по бокам Облака, тот рванулся вперед, вырываясь из рук Буяна, который с трудом удержался на ногах, и поскакал в ельник.

— Он с ума сошел! — схватился за голову Буян. Воронок рядом с ним нервно перебирал ногами, фыркал.

Только привычка удерживала его на месте, но когда Буян вскочил в седло, с места стремительно помчался вперед. Буян чувствовал, что эта песня не к добру.

Облак далеко вырвался вперед, но Воронок был моложе и сильнее. Буян догнал князя в-ельнике, поравнялся с ним и, улучив минуту, свесился с седла и поймал Облака за узду, останавливая его так, как умиряли понесших коней. Схватившись за узду, он выбросил ноги из стремян и вылетел из седла, повиснув на морде Облака.

Испугавшись неожиданной тяжести, жеребец остановился, вскидывая голову с придушенным храпом. Буян с трудом уворачивался от копыт, пригибая его голову к земле.

— Ты что, совсем разум потерял? — разозлился Властимир. — А ну, пусти немедленно! Я спешу, мне время дорого, и вообще я не желаю больше иметь с тобой дела. Мы попрощались уже! У меня теперь своя дорога!

— погоди, княже! дай слово молвить, — взмолился Буян.

— О чем это еще? А... догадался — я же тебе за услугу не отплатил! На, держи.

Он потянулся к висевшему на поясе кошельку, на ощупь отсчитывая монеты-резаны, но Буян ударил снизу по протянутой руке, рассыпав их.

— Я раньше ничего не просил у тебя, князь, — гордо промолвил он, — а сейчас и

подавно не попрошу. Одно только позволю молвить на прощание, коли решил от меня отделаться. Я — певец, мое дело — песня да былина, что к случаю рассказана. И прежде чем ты дальше поедешь, хочу кое-что тебе поведать...

Как-то я слышал быль-правдивую,
быль правдивую о прошедших днях.
Человек один чудотворцем слыл,
чудотворцем слыл да кудесником.
Как-то раз зимой да он в сад пошел,
в голый сад пошел, где ни листочка нет.
Подойдя, поклонился яблоне
и сказал: «Хочу тотчас яблоко».
Только яблоня не послушалась,
не дала зимой плода летнего.
Осерчал тогда да кудесник тот,
наложил на нее он заклятие:
«Как отныне ты, суха яблоня,
будь навек суха за такие дела!»
Все по слову его и осталось —
по весне, когда все вокруг
листвой да цветами убирается,
лишь была суха одна яблоня.
А за что ее оболгали-прокляли?
А за то лишь, что знала истину:
«Не бывать зиме прежде осени,
а плодам — пока цветов не было».

И ты, князь, запомни — желание любое исполнится лишь после того, как ты сам к нему руку приложишь. Сказать же и ждать, что по слову твоему все исполнится, так ни один колдун и волхв даже не умели; Не гонись за словом неписанным — лучше едем другой дорогою!

— Это ты верно сказал, — оборвал его Властимир. — «Не бывать зиме прежде осени!» Не иди слуге пред хозяином. Я путь выбираю — я князь... Все равно наши пути расходятся.

Он решительно двинул коня вперед, но Буян повис на узде Облака.

— И до чего ты, князь, неразумен! — воскликнул он, разворачивая его назад. — Ну будто дитя малое!

Этого Властимир снести не мог. Мало того что этот изгой себе слишком много позволяет, так он еще им и командует! Размахнувшись, он ударил Буяна плетью.

— Прочь, враг! — крикнул он. — Я князь и буду делать все так, как хочу! Вон отсюда. Слишком долго я тебя терпел!

Плеть свистнула еще раз, и Буян с коротким криком закрыл лицо руками. От боли брызнули слезы. Он замер, не в силах отнять рук, а князь спокойно поехал дальше.

Воронок тихо подошел сзади, ткнулся носом в плечо. Буян медленно отнял руки, моргая мокрыми ресницами. На пальцах осталась кровь — щека под правым глазом была рассечена.

— Я бы его убил, — молвил он Воронку. — Меня еще никто никогда, даже те варяги... Ну и поделом ему!

Зло махнув рукой, он рукавом вытер кровь со щеки и вскочил в седло, заворачивая Воронку назад, вон из леса. Расставшись с князем, он вернется в Ласкову, а может, и еще куда направится — теперь он сам по себе.

Тихая песня коснулась его ушей — нежная, ласковая, призывная и тревожная. Та, кому принадлежал этот голос, знала, как тяжело у него на душе, и звала его к себе, предлагая

отдых и утешение. Но не это сейчас нужно было Буяну, и он остался равнодушен к неведомой певице.

Воронок топтал пышные заросли, что поднимались под пологом густого леса. Буян уезжал прочь, но песня не затихала — наоборот, она звучала, казалось, совсем рядом, не приближаясь и не отдаляясь. Гуслиару почудилось даже, что он знает ту, которая ее пела.

Голос певички усилился, и повеление в нем зазвучало яснее, она приказывала идти к ней, грбзя за ослушание страданиями — это слышалось в ее голосе. Воронок под Буяном вдруг заупряился, осаживаясь на задние ноги и выворачивая шею назад.

— Что с тобой, Воронок? — воскликнул гуслиар, когда его конь опустился на колени, храпя и вытягивая шею.

Он в тревоге соскочил наземь и склонился над жеребцом. Лишившись седока, Воронок быстро вскочил и поспешил назад, на голос, в котором звучало теперь блаженство и торжество.

— Приди! Приди! — доносилось оттуда.

Это были единственные слова, что разобрал Буян, но ему сразу все стало ясно.

Впереди — ловушка. Владелец этого голоса заманивает в нее всех подряд, не разбираясь, а самонадеянный князь отправился прямо ей навстречу и уже, наверное, попался...

Ноги сами понесли гуслиара вдогонку за своим конем. Что-то в нем отзывалось на песню, но он понимал, что может легко повернуть назад. Просто иного способа поймать убежавшего Воронка у него не было.

Песня звучала издали, маня к себе. Заблудиться было невозможно.

Властимир был полностью во власти своих дум. Снова и снова он вспоминал Буяна и их неудачное прощание. Не так надо было поступить, но иначе он не мог. Ушедший целиком в воспоминания, он почти не слышал песни и слегка удивился, когда деревья раздались в стороны и Облак выступил на большую поляну, на которой почти не было травы. В центре ее возвышался холм — забытый курган. Когда-то здесь, возможно, было поле или вырубка, на которой славяне справили тризну по умершим собратьям и насыпали этот курган. С тех пор прошло не два-три века, а больше, но поле не уступило лесу, и курган оставался на месте как свидетель былого. На его вершине сохранился каменный идол в виде птицы, сидевшей распустив крылья.

Солнце било князю в глаза, до кургана было саженой пятьдесят, и он проехал добрую половину расстояния прежде, чем понял — что-то в этом памятнике неизвестным воинам странное. В ту же минуту птица, оказавшаяся настоящей, не каменной, пошевелилась, подняла голову, и в небо полилась та самая песня, что привела его сюда.

Властимир много раз слушал песни дев, гуслиаров и скоморохов, но никогда не подозревал, что на свете может быть что-то, сравнимое с этим голосом. Песня лилась и лилась, как вода из сосуда, — ровно и мягко. В ней было все — и сладость отдыха, и горение битвы, и тревожное ожидание боя, и упоение победой, и светлая печаль по павшим, и обещание награды для выживших. Властимир не разбирал ни одного слова, да ему это было и не нужно — он понимал песню и так.

Облак мягким шагом поднес его почти к самому подножию кургана и встал, опустив голову, словно его сморил сон. Властимир спешился и, оставив верного коня, стал взбираться на курган.

Птица была огромная — даже сейчас, сгорбившись на расставленных лапах, она была ростом примерно с низкорослого хазарского конька, если бы у того выросли крылья. Ее жесткое оперение отливало черно-синим цветом, на животе кончики некоторых перьев были серые и почти белые. Длинные перья хвоста волочились по земле, кривые когти бурого цвета цеплялись за камень. Голова и грудь у нее были человеческие, женские, и при одном взгляде на нее Власти-миру стало даже жаль, что ниже груди, усыпанной монистами и бусами из жемчуга и янтаря, у нее птичье, а не женское тело. Встретить он женщину такой же несравненной красоты, что и эта заколдованная птица, — немедля сделал бы ее княгиней. А

вдруг она и есть заколдованная девица, что только ждет того, кто ее освободит?

Князь, пораженный этой догадкой, на минуту отвлекся и увидел, что курган засыпан неровно — с его стороны склон был глаже, на нем росли кусты, торчали камни. А позади птицы он обрывался довольно круто. Но Властимир не заметил, что под кустами тут и там валяются обглоданные лошадиные и человеческие кости, а правую лапу птицы охватывает толстый железный обруч, от которого к камню тянется цепь достаточной длины, чтобы достать человека у подножия кургана.

Птица все пела и пела, и остановившийся князь почувствовал, что у него кружится голова. Жара и усталость навалились свинцовой тяжестью, заныла нога, которая уже несколько дней как совсем перестала болеть. Он потер рукой лоб, недоумевая, почему ему вдруг захотелось спать.

В песне птицы слышалось что-то о горе, страданиях и неудачах, о преградах, что встают на пути у любого человека, и о бессилии людей пред лицом судьбы. Только одно средство есть против всех напастей в этой жизни, и оно здесь, с нею, в ее голосе...

Властимир опустил на колени, потом прилег, не сводя глаз с чудесной птицы. «Она одна понимает меня и может понять всех, — думал он, чувствуя, как слипаются глаза. — Странно, почему я о ней ничего не слышал? Она знает, как мне выполнить то, зачем я пустился в путь... Вот только она допоет, и я спрошу. Не может быть, чтобы она не знала. Она знает все, все тайны!..»

Глаза его сами собой закрылись, голова опустилась на землю, и князь уснул, убаюканный песней. В нескольких шагах от него, у подножия кургана, опустив голову, дремал Облак.

Птица замолчала и внимательно поглядела на спящего человека и лошадь. Красивое лицо ее исказилось, губы хищно скривились. Она неловко соскочила с камня, звеня цепью, и, переваливаясь, пошла к спящему князю. Подойдя, она осторожно, кончиком крыла, потормошила его и, убедившись, что он ни на что не реагирует, подергала лапой за цепь, давая кому-то на том конце сигнал.

Но, кто бы там ни был, ответа она получить не успела, потому что неожиданно затрепетали кусты и на поляну вышел решительным шагом вороной жеребец с пустым седлом.

Птица сразу же подобралась и, вытягивая шею, запела ту же самую песню без слов, приманивая коня, который и не пытался сопротивляться. Она по опыту знала, что где такой конь, там и всадник.

И верно — вслед за жеребцом к ней вышел человек.

Буян остановился у самой опушки, окидывая взглядом поляну, курган, к которому направлялся его Воронок, и птицу, певшую с самозабвением и страстью. Он заметил белого Облака, спящего в нескольких шагах от кургана. Самого князя поблизости не было видно — его закрывали кусты, но не это увеличило тревогу и страх, что поползли по душе гусяря при одном взгляде на птицу. В ней он сразу, хотя никогда не видел, узнал помощницу злых сил мира и самого Чернобога — Сирин!

Смерть грозила всякому, кто услышал ее песню, — ничто не могло остановить смерть. Человек забывал даже мать родную и был способен убить лучшего друга, если тот вставал у него на пути. Судя по всему, князь не избежал чар Сирин, которые действовали на любого человека или животное.

Буян ни на минуту не задумывался над тем, почему его самого не клонит в сон, хотя Сирин продолжала петь и его Воронок уже присоединился к Облаку в последнем сне. Гусляр понял, что Сирин поет для него, но, пока яд ее голоса не успел подействовать, надо было выяснить, что с князем. И он побежал к кургану.

Яд песни все-таки проник в него: он слышал внутри себя слабый голос сомнения — князь крепко обидел его, обошелся с ним, как только хазары обращаются с рабами, а теперь он должен выручать князя? Не проще ли бросить его здесь на произвол судьбы, отомстить за боль и рану на щеке?

Буян остановился у подножия кургана подле спящего Облака. Под лапой певшей Сирина-птицы он заметил разметавшегося во сне Властимира. Лицо резанского князя уже покрыла смертельная бледность — песни Сирина навевают смертный сон — чем дольше их слушаешь, тем быстрее сон переходит в смерть. Лицо спящего казалось по-юношески невинным, и Буян отбросил колебания.

Он бросился к своему коню за оружием. Сирин прервала песню и поспешила к нему, вытягивая шею. Но потом оглянулась на лежащего и вернулась.

Выхвативший меч Буян ахнул в тревоге. Сирин схватила когтями тело Властимира и тяжело поднялась со своей ношей в воздух. Цепь, которую гусляр только сейчас заметил, помешала ей улететь, но такая крупная птица могла легко ее оборвать и исчезнуть с добычей. Она уже дернула один раз, и цепь зазвенела. Что-то хрустнуло — еще один рывок, и Сирин окажется на свободе и улетит. Она рвалась снова и снова, камень шатался. Тело князя болталось в ее когтях.

— Стой! — закричал Буян, бросая меч.

Птица не обращала внимания на его крик, но он не стал медлить и поднял лук. Попасть в такую большую птицу ничего стоило, но следовало помнить, что у нее в когтях человек.

Цепь наконец лопнула от очередного рывка, Сирин стала набирать высоту, и Буян выпустил стрелу.

Сирин закричала — стрела попала ей туда, где начиналось женское плечо. Громко вскрикнув, она разжала когти, роняя человека, и поспешила сесть.

Бросив лук, гусляр поспешил к упавшему князю. Тот скатился ниже по склону и лежал, застрев у куста, лицом вниз, не шевелясь.

Буян склонился к нему, но тут раздался громкий крик ярости, и страшный удар сбил его с ног. Перекатившись, он вскинул голову и увидел над собой Сирин. Она волочила правое крыло — стрела торчала из плеча, и кровь текла из раны на оперение и высокую тугую женскую грудь. Левое крыло ее было приподнято, готовое нанести второй удар. Раненная, Сирин забыла о чарах своего голоса или же поняла, что встретила того единственного человека, которого боялась и ненавидела заранее, единственного, кто на всей земле не поддается чарам ее песни. Она все-таки попыталась еще раз запеть. Действие ее голоса не замедлило сказаться — спящий князь почти перестал дышать, лицо его исказила судорога, а кони сделали несколько шагов к ней. Но гусляр, что стоял перед нею, не дрогнул.

Это был странный поединок — Буян, не сводивший глаз с Сирина, уже не слышал ничего притягательного в ее голосе: только чистые совершенные звуки, доступные и человеку. Он вскинул руки и ответил ей ее оружием.

Услышав голос врага, Сирин замолчала, потом яростно заклекотала хриплым голосом и побежала на него, махая здоровым крылом и переваливаясь на коротких кривых лапах. Со стороны это могло выглядеть забавно, но Буян понимал, что один удар этого крыла повергнет его наземь, и тогда Сирин убьет его, разорвет, как орел разрывает зайца.

Сирин махала крылом, гусляр уворачивался, отбегал, изматывая ее.

Неожиданно он вспомнил об одной вещи, о которой совсем было забыл. Опрометью бросился он к Облаку и, запустив руку в тороки, выхватил семихвостую плетку — дар Веденеи. Она говорила, что в хвосты вплетены стебли перелет-травы. Что ж, ревун-трава только что помогла его стреле ранить неуязвимую Сирин, должна трава помочь и на этот раз.

На сей раз он не стал убегать от удара крыла Сирина и упал, сбитый с ног. Птица испустила торжествующий крик и, подскочив, наклонилась над ним.

В этот самый миг Буян ударил Сирин плетью по лицу, как недавно его самого князь.

Крик ужаса и боли был ему ответом. Сирин подпрыгнула, намереваясь поразить его сверху, но непонятная для нее сила подняла ее в воздух и понесла прочь.

Проводив взглядом удаляющуюся птицу, Буян с явным уважением свернул плетку.

— Действует, — тихо промолвил он. — Вернусь, надо сказать Веденею... И Чистомыслу — тоже!

Вспомнив о том, кто дал плеть, Буян вспомнил и о князе. Тот лежал недвижим. Прикоснувшись, гуслир ощутил пальцами смертный холод.

Но Властимир еще дышал. Скинув плащ, Буян укутал плечи князя, обхватил его, прижимая его голову к себе и растирая холодные ладони. Потом вспомнил о песне Сирин и тихонько, на ухо князю, зашептал ту мелодию, что чаще всего пели девушки в Ласкове, — о девушке, прощающейся с милым на лесной дорожке. Один раз он слышал, как ее напевает сама Веденя, только с другими словами:

Не уезжай, — сказала
ему я в горький час,—
придумали так люди,
что разлучили нас...

Властимир глубоко вздохнул, и обрадованный Буян потормошил его:

— Вставай, княже! Не время спать!

Властимир разлепил веки:

— А, это ты... Вернулся-таки?

— Да не вернись я, тебя и на свете бы не было! Ты чуть не погиб от чар Сирин-птицы. Она уж тебя совсем в когтях унести хотела, да я не дал.

С помощью гуслира князь сел, потирая лоб и собираясь с мыслями.

— Ничего не помню, — молвил он наконец. — Птицу, что тут сидела, это я помню, голос ее... чарующий...

— Смертоносный, — перебил Буян. — Ты на лошадей глянь!

Властимир повернулся и вскрикнул — Облак и Воронок стояли опустив головы. Старый Облак шатался, собираясь не то лечь, не то упасть. Вдруг он и вообще завалился на бок, дрыгнув ногами.

— Товарищ мой верный, — прошептал пораженный князь. — Что с тобой?

— Поразила его песня Сирин. И с тобой такое случилось бы, не явись я вовремя.

Оставив Властимира сидеть на земле и озираясь на черепа и кости, которые он увидел впервые, Буян пошел к лошадям, окликая их:

— Уж вы гой еси, вы, лошадушки, уж вы коники-кони рые! Поднимайтесь-просыпайтесь да на голос мой собирайтесь. Слишком долго вы спали-грезили, не пора ль открыть очи ясные?

На глазах удивленного князя сначала Воронок, а потом и Облак вскинули головы и пошли к нему, с каждым шагом быстрее приходя в себя. Подойдя к гуслиру, они ткнулись носами ему в руки.

— Пора ехать, княже! — обернулся тот. — Кони застоялись, а ты загостевался!

Властимир с готовностью попытался встать, но сила ушла из его ног, и он остался сидеть.

— Не могу сейчас, Буян, — молвил он. — Устал я. Все тело ноет, словно три дня сражался без отдыха... Давай подождем немного тут — Сирин не скоро вернется, а я тем временем отдохну.

— Не время бока отлеживать! — Буян решительно направился к князю и силой поднял его, потащив к Облаку. — Нельзя нам тут задерживаться, княже! Чует мое сердце, опасно тут!

— Нет у тебя сердца, Буян, — огрызнулся Властимир. — Иначе ты бы дал мне роздыху. Я воин, я старше, я знаю, когда надо человеку отдохнуть... Зря ты вернулся!

— Ничего-ничего, — пробурчал Буян, подсаживая князя. — Придет время, ты мне за эту спешку в ноги поклонисься!

— Не в ноги поклонюсь, а еще раз плетью отхлестаю, — пообещал князь, — если и дальше верховодить будешь. Я сам не знаю, почему тебя слушаюсь!

Он продолжал ворчать и дальше, но Буян не обращал на него внимания. Сев на

Воронка, он под локоть поддерживал Властимира, который все заваливался в седле вперед и в самом деле засыпал, не в силах бороться с остатками зачарованного сна птицы Сирин.

Они покинули поляну как раз вовремя и не увидели, что камень, к которому была прикована птица, стал медленно вращаться, открывая круглое отверстие хода, уходящего глубоко под землю. Из него показалось зеленоватое длинное существо, похожее на змею, с тонкими руками и выпученными глазами, закутанное во что-то серебристое. Существо огляделось, что-то прошипело злобно на своем языке и скрылось. Камень пришел в движение, загрозя ход, в который быстро втянулась цепь с ноги Сирин.

ГЛАВА 9

Кони ехали шагом. Воронок на ходу успевал хватать губами траву и сочно ею хрустеть. Облак брел понуриив голову — ему передалось настроение его хозяина.

Властимир боролся со сном. На глазах словно лежало по монете резане, большого труда стоило держать их открытыми. Он уже не спорил с Буяном — у разумного гусяря на все находилось возражение. Тот вообще не давал князю вставить слово и даже сейчас что-то бормотал, хотя Властимир молчал. Князь наконец прислушался — Буян теперь описывал повадки птицы Сирин, перечислял все случаи, о которых поют гусяря по всему свету. Сирин издавна вставала на пути богатырей и просто витязей — чуть кто окажется силен, смел да удал, как она тут как тут: обличье меняет, в доверие втирается, на хитрости и ворожбу решается, только чтобы в угоду Чернобогу уничтожить героя.

Буян умел сплести рассказ. Не выдержав, Властимир спросил, больше для того, чтобы не уснуть в седле, — опозориться перед мальчишкой, как он мысленно оценивал Буяна, ему не хотелось:

— А что же, гусяря, всех витязей и богатырей эта Сирин-птица извела? Никто не спасся?

— Ведаю, почему ты спросил, княже. Многие пали, сладить с ней непросто — только тогда, когда она обличье меняет. В те поры она обладает только половиной силы, но и тогда надо вовремя ее распознать, а то подпадешь под ее чары, и поздно будет. Ее чар избегнет тот, кто заранее знал, что с нею встретится, и приготовиться успел.

— Значит, и ты был готов?

— Я? Почему?

— Ты меня спас, на тебя чары не подействовали, ведь так? Значит, ты знал, что меня ждет. Знал и не сказал!.. Это говорит об одном — ты что-то скрываешь, и если ты мне не раскроешь что — я буду считать тебя помощником врага и слугой Змея!

— Да я тебя сколько пытался отговорить! — возмутился Буян, срываясь на крик. — А ты меня слушал? Нет! Более того, плетью огрел, будто я какой-то... Да я вообще мог и не возвращаться за тобой — больно надо. Еще раз плетью по лицу получить? Благодарствую!

— И отправляйся своей дорогой! — махнул рукой Властимир. — Помог мне — и свободен.

Чтобы показать, что он не нуждается в нем, князь выпрямился в седле, но покачнулся, и Буян заботливо поддержал его под локоть.

— Ну, куда ты без меня? — молвил он успокаивающе — Тебе отдохнуть надо, а ты...

— Да-да, отдохнуть, — пробормотал князь, у которого теперь разболелась голова. — Только выберусь на дорогу и отдохну... чтобы не заблудиться... Она где-то здесь — я ехал по ней, когда эта песня меня сманила.

— Да помню я эту дорогу, — с готовностью отозвался Буян, подхватывая повод Облака и поворачивая его. — Это недалеко, в сотне саженой отсюда, ты уклонился от нее.

Он повернул коней. Доверившись ему, Властимир схватился за луку седла, склонил голову и закрыл глаза.

Гусяря правил на центральную из трех бегущих от камня дорог, но Властимир, конечно, этого не знал.

Впереди посветлело, деревья стали тоньше, и всадники выехали на дорогу. Согретые солнцем, лошади приободрились и зашагали быстрее.

Выехав вперед, Буян скоро углядел в стороне, в низине, полянку и ручей поблизости. Он подхватил повод Облака и направил коней туда в тот самый миг, когда Властимир уже собирался напомнить ему о необходимости отдыха.

Князь устал сильнее, чем ожидал. Он уснул, как только голова его коснулась земли.

— А я уж думал, что ты никогда не проснешься! — весело приветствовал князя Буян на следующее утро, когда тот наконец открыл глаза. — Ты так сладко спал, что у меня не поднялась рука тебя разбудить.

— И хорошо, что не поднялась, — отозвался Властимир. Он отлично отдохнул, выспался, и настроение у него улучшилось. Он вскочил и, на ходу снимая рубашку, пошел к ручью.

Когда он вернулся, поздний завтрак был готов. Вчерашнее было забыто, и они отправились в путь, ни словом не вспоминая о ссоре.

Лес вскоре опять загустел, превращаясь в дремучую чащу, в которой молчали птицы и царил полумрак, несмотря на то что время было самое светлое — только что миновал полдень. Голоса птиц все-таки раздавались где-то там, далеко, но подле двух прищельцев лес как вымер.

Вокруг все было тихо и неподвижно, но всадники все равно чувствовали чьи-то глаза, неослабно следящие за ними. Оба обрадовались, когда впереди резко посветлело и они выехали на довольно большое поле. Стена леса уходила в стороны, открывая пространство, словно созданное для копыт усталых коней. Дорога, дойдя до этого места, терялась в траве, продолжаясь тонкой тропкой.

Помедлив, всадники поехали по ней, попрощавшись с лесом.

Чем дальше, тем больше им приходилось удивляться тому, что за место выпало им проезжать. Трава проросла между пустыми шлемами и панцирями, что валялись тут повсюду. Виднелось ржавое и совсем новое оружие, конская сбруя и упряжь. Панцири скрывали скелеты, некоторые останки были совсем свежими. На одном трупе сидели два ворона и лениво клевали внутренности. От тел несло тяжким смрадом гниения. Неподалеку бродила лошадь — увидев людей, она умчалась, унося на боку потрепанное седло.

Они проехали уже сажень двести и всюду встречали то же самое — черепа, кости, ржавые доспехи и оружие, говорившие о том, что когда-то здесь гремело большое сражение.

— Не нравится мне все это, — молвил Буян. — Что за мертвое поле? Что тут случилось?

— Бились тут наверняка славяне против степняков, — показал Властимир на поржавевшую кольчугу хазарина, — Видно, давно это было...

— А это, — остановил его Буян, — тоже давно случилось?

Он махнул рукой вправо, и Властимир с некоторым удивлением увидел вовсе свежий труп — очевидно, человека убили вчера или позавчера. Его еще даже не успели изуродовать вороны.

— Что же здесь случилось? Может, свернуть, пока не поздно?

— Поздно! — прозвучало рядом.

Оба разом натянули поводья, останавливая лошадей. Они не заметили, откуда взялся высоченный широкоплечий всадник, весь закованный в броню и казавшийся цельной железной статуей. Могучий конь под ним шел так, что земля вздрагивала от его шагов. Всадник был во всем угольно-черном — доспехи, шлем, плащ, сапоги, оружие, — и вороным же под ним был его жеребец. Он подъезжал широким шагом, чуть опустил к земле тяжелое копьё, на кованом наконечнике которого болтался черный султан. На щите его был нарисован герб — птица с распахнутыми крыльями.

Приблизившись на расстояние в десяток сажень, всадник поднял копьё:

— Стойте! Ни шагу дальше! Поворачивайте назад. Раньше, чем Властимир успел

открыть рот, вперед вылез Буян:

— А почему? Дорога не куплена, не мерена! Мы едем по своим делам, в твои не лезем!

Он тронул Воронка, но всадник не давал им проехать.

— Я стою на страже этой земли, и никто не может проехать мимо, не заплатив пошрины, — мрачно объяснил он.

Буян опять открыл рот, но на сей раз его опередил Властимир:

— Охолонь, — строго осадил он гусляра. — Он прав. — И повернулся к всаднику: — Мы готовы заплатить. А что это за пошрина?

— Битва! — воскликнул незнакомец. — Всякий, кто проедет мимо, должен сразиться со мною или повернуть назад. Только победитель может продолжать путь.

Буян окинул его пристальным взглядом.

— Мы, пожалуй, поедem назад, — предложил он. — Так можно поступить?

— Нет! — рявкнул всадник и двинулся на них. — Вы будете биться со мною, или я все равно убью вас. Вас двое, поэтому скорее выясните, кто будет первым. Я уже готов!

В доказательство он подкинул на руке копьe, как соломинку.

Буян заметно нервничал, поглядывая на него.

— Слушай меня, княже, — шепнул он быстро, — что я скажу. Давай первым выйду я. Если он меня победит, ты на моем примере узнаешь, чего от него ждать. А если я его одолею, тебе, князь, не сделает чести победа над таким слабым противником...

Властимир молчал, обдумывая его предложение, но не успел ничего сказать, потому что грозный витязь круто развернул своего коня к ним и угрожающе потряс копьем.

— Я не буду драться со слугой, господин которого такой трус, что заставляет повторять вызов дважды! — объявил он. — Ты или выходишь сам, или я от тебя мокрого места не оставлю и всем буду рассказывать, какого труса я выбил из седла!

— Ах ты нечисть поганая! — не выдержал Властимир, выезжая вперед. — Не ошипав, уже кушаешь! Резанские князья никому спуска не давали и не дадут от века! Готовься к смерти!

— Вот это по-нашему! — обрадовался незнакомый воин, чуть отъезжая назад. — Давно я не забавлялся!

У Властимира своего копьа не было — он и не брал его в путь. Поэтому он соскочил на землю и подобрал одно из многих, валявшихся повсюду на земле. Найденное копьe было крепкое и длинное, как раз по силе князя. Взвесив его на руке, он вернулся к Облаку.

Поединщики разъехались в стороны, на расстояние поприща. Буян вертелся рядом.

— Будь осторожен, княже, — шепнул он. — У него ратовище длиннее твоего копьа на вершок или более. Может, сразу на мечях?..

— Нет. Мериться так мериться!

Незнакомец первым тронул своего огромного тяжелого жеребца. Чтобы не отстать, Облак сразу перешел на скак, но все-таки не успел как следует разогнаться, как противники сошлись.

Раздался; оглушительный треск ломающегося дерева. Оба копьа переломились.

Властимир сидел в седле крепко, как учили еще в детстве и юности его, ничем не выделяя из таких же подростков. Он сжимал коленями бока Облака, и сильный удар чужого копьа в середину щита только заставил его покачнуться, не более. Напоровшись на него, древко треснуло, но князя качнуло в седле, и его ратовище врезалось в окованное железом седло черного всадника. Старое копьe не выдержало и сломалось, а всадник даже не дрогнул. Но сила удара была такова, что Властимир потерял равновесие и упал на землю.

Над ним вырос всадник. Подняв палицу, он бросился на пешего врага, но не тут-то было. Князь увертывался так ловко что поединщик его ни разу не достал. Потеряв терпение, черный воин тоже спешил.

Властимир, хотя и имел меч, все еще не вынимал его. Его палица осталась притороченной у седла Облака. Прикрываясь щитом, он все время двигался, не давая незнакомцу примериться для решительного удара и выжидая удобного момента.

Палица взлетала снова и снова. Богатырь-поединщик хрипло выкрикивал угрозы и оскорбления, стремясь разозлить противника, но Властимир не спешил переходить в нападение. Солнце еще не спряталось за деревья, конец травня был по-летнему жарким, а его противник был целиком, как рак в панцирь, закован в доспехи. Ему было, наверное, тяжело и жарко бегать по полю, и князь стремился измотать богатыря.

Скоро он понял, что это ему удастся. Черный стал делать более редкие рывки, медленнее опускал и поднимал палицу. Князь слышал его прерывистое дыхание — значит, тот выдыхается.

Это обрадовало его, но в следующий миг он понял, что чуть не ошибся. Улучив момент, богатырь бросился вперед как вихрь. Властимир еле успел увернуться — тяжелая палица вонзилась в землю как раз в том месте, где он только что стоял.

— Я тебя! — захрипев от натуги, богатырь попытался выдернуть палицу из земли, но она сидела крепко. Он схватился обеими руками, уперся покрепче ногами и потянул. Палица не дрогнула.

У разъяренного поединщика из-под шлема на узкую черную бороду потек пот. Он что-то рывкнул на непонятном наречии, но сделать третью попытку не успел — Властимир вынул меч, подскочил и сбоку нанес ему удар.

Меч скользнул по броне доспехов, не причинив особого вреда, но богатырь рассердился. Оставив в земле бесполезную палицу, он выхватил меч и как был, без счета, накиннулся на князя.

Теперь битва была на равных — оба противника оказались достойными друг друга: ловкость и хитрость резанца против силы и напора чужака. Буян приободрился — если и Дальше так дело пойдет, то Властимир выстоит.

Длинный меч незнакомца сверкал, мелькая в лучах солнца. Властимир чувствовал, что противник сильнее его. Черный воин был и выше, и тяжелее и действовал держа меч Шумя руками, в то время как князь только одной. Ему приходилось отступать.

Неожиданно нога князя запнулась обо что-то в траве — старый шлем или ржавый доспех. Покачнувшись, князь вскинул меч, защищая голову, и отбил удар. Меч выдержал, но рука сразу онемела почти до локтя. Пальцы сами собой разжались, и оружие выпало.

Это было поражение. Бросив бесполезный щит в голову противника, Властимир приготовился к последней схватке-борьбе и понял, что проиграл ее, в тот самый миг, как его стиснули мощные ручищи богатыря. Князь тоже попытался сдвинуть его ребра, но железный панцирь не поддавался.

Руки черного богатыря, словно стальные тиски, прижимали локти князя к бокам. Властимир почувствовал, как его легко, словно пушинку, поднимают вверх и с размаху бросают на землю.

Властимир умел падать не ушибаясь, даже вместе с конем, когда лошадь наваливается боком на ногу, но в этот миг ему показалось, что душа расстается с телом. Он не сразу смог прийти в себя, а когда смог, понял, что поздно — богатырь навалился на него всем весом, словно бык, и его толстые пальцы потянулись к горлу. Твердое, словно каменное, колено уперлось Властимиру в грудь.

Не хватало воздуха, но Властимир еще боролся за Свою жизнь, стараясь хотя бы оттянуть конец. Пальцы врага сомкнулись на его горле...

Все-таки и черный воин устал — на лицо князю падали капли пота, он слышал тяжелое хриплое дыхание богатыря. Собрав все силы, что еще оставались, Властимир старался развести его руки и только благодаря этим усилиям все еще оставался в живых — как ни могуч был богатырь-поединщик, пересилить князя ему было трудно.

Отчаянно борясь за каждую секунду жизни, за каждый глоток воздуха, Властимир не сразу расслышал над собой голос. Ему почудилось, что это дева Мангура, Перуница, спустилась с небес, чтобы последним поцелуем остудить его лоб и унести в небеса, но голос повторился, и он почувствовал, что страшный обруч на шее чуть-чуть ослаб — ровно настолько, чтобы он мог ответить.

Сквозь застилавшие глаза пот и туман Властимир увидел полузакрытое шлемом лицо богатыря — тонкий хищный нос, тяжелую челюсть и узкую хазарскую бородку. В глубине налобника поблескивали черные глаза.

— Давно сражаюсь, а такого противника не встречал, — прогудел богатырь. — Пока ты жив, хочу сделать тебе подарок — назови свое имя и откуда ты родом, чтобы я мог поехать и передать твоим родным, что пал ты как настоящий воин. Ну?

Он хотел дать Властимиру пожить еще немного. Все в князе отчаянно стремилось только к этому, и в тот мир, когда богатырь заговорил, Властимир увидел единственный выход для себя.

Когда черный витязь говорил, его борода слегка шевелилась порой приоткрывая темную загорелую шею с кадыком. Плетенная из тонких железных колечек рубашка оставляла уязвимое горло незащищенным — места хватало, чтобы попасть ножом. Его только нужно было незаметно достать из сапога...

Пальцы правой руки князя мягко, словно обессилев, разжались.

— Благодарю тебя, витязь, но поберегись — за меня могут найтись много мстителей, — прохрипел Властимир, ловя воздух ртом. — Ибо имя мне — Властимир, сын Улеба, князь города Резани, что на берегу реки Оки стоит. В Резани найдешь мою мать и брата меньшого — им ту весть и передашь. А жены и детей нет у меня, никого ты не осиротишь...

— Что ж, сделаю, — пообещал богатырь. — А теперь, князь, умри.

Он сжал пальцы, но еще быстрее рука Властимира метнулась вверх. В этот удар князь вложил всю силу. Скрежетнув по кольцам железной рубашки, нож словно провалился куда-то... Властимир еще успел подумать, что промахнулся, но руки богатыря последний раз дрогнули и застыли.

От боли в горле князь зажмурился, а открыть глаза сразу не смог — что-то горячее хлынуло ему на лицо. Он ощутил на губах вкус крови — она попала в рот, он сплюнул и постарался освободиться. Вдруг державшие его за горло руки обмякли, и богатырь завалился на бок, не отпуская князя. С яростью отцепив от шеи пальцы врага, Властимир поднялся, протирая глаза.

Его противник лежал на боку, вытянув вперед руки с еще скрюченными пальцами. Князев нож торчал у него из шеи под самым кадыком, уйдя в нее почти до рукоятки. Кровь продолжала толчками выплескиваться из раны.

Подбежал Буян, опустился перед поверженным на колени, с усилием сорвал шлем, открыв темное узкоглазое лицо, оледнеющее перед ликом смерти.

— Хазарин, — определил он, — или еще какой-нибудь степняк... Ну и поделом — не будет на нашей земле свои порядки устанавливать. Ишь ты — «судьбу найдешь»!.. Да, от судьбы не уйдешь, сколько ни играй с огнем... Как ты, княже?

Властимир отерся рукавом от крови и помял шею.

— Ничего, — ответил он. — Живой покамест.

— Идти-то можешь? — вскочил Буян, протягивая руку. — надо отсюда выбираться!

— Забросать бы его землей, что ли? — Властимир не спеша обтер нож и встал. — А то еще мстить живым примется...

— Не стоит! — Буян легкомысленно махнул рукой, — Он скольких людей, убив, так валяться оставлял?.. Теперь пусть сам попробует, как это — неупокоенному. Я сам изгой — знаю! Пусть и он изведает!

У Властимира перед глазами еще стоял туман, дышать было трудно, горло болело. Спорить с гусярем сил не было. Он молча влез в седло, принял поданные Буяном меч и щит и тронул Облака каблуками.

Но уехать далеко им не пришлось. Всего сотня или две сажень легло между ними и местом боя, как впереди, на возвышении, увидели они небольшой терем, окруженный садиком.

Вперед выходило резное и расписное крыльцо, маленький сад огораживал забор с

витыми башенками по углам. Через забор свешивались ветки яблонь и вишен, у крыльца рос куст сирени. Расписные оконца из-за жары были распахнуты. В одном из них мелькнуло лицо девушки и пропало.

Но ни единый звук не доносился оттуда, и больше ни в одном окне никто не показывался.

— Уж не это ли сторожил тот богатырь? — вслух подумал Властимир. — Надо взглянуть.

— Погоди, княже, — опять заосторожничал Буян. — А вдруг там ждет нас неласковый прием? Вдруг там вдова или его мать? Что ты скажешь тогда? А коли ждут там тебя воины? С десятком-двумя мы совладаем, а с сотней?

— Ты трусливей зайца, Буян, — бросил ему Властимир. — Я победил его в честном бою — мне нечего бояться. Оставайся здесь, коли так хочешь, — насильно тебя не тащат!

Он направил коня к терему, но едва успел доехать до крыльца, как двери распахнулись и на пороге показалась девушка. Выскочив, она замерла, схватившись за витой столбик крыльца.

Краса ее заставила обоих путников заглядеться. Две тугие черные косы гибкими змеями спускались чуть не до колен. Золотисто-розовое, расшитое по подолу платье выделяло тонкий стан и высокую грудь. Очи под густыми бровями сверкали, как две звезды. Она в тревоге поджидала незнакомцев, потом обо всем догадалась, и на ее лице засияла улыбка. Всплеснув руками, она воскликнула:

— Вы убили его! Какое счастье!

Нежный голос ее звучал как сладкая песня. Никто не успел опомниться, как она сбежала по лестнице, ловко забралась в седло к Властимиру и обхватила руками его шею:

— Спасибо тебе, богатырь! Наконец-то ты меня избавил от этого чудовища!

Она содрогнулась, прильнув к нему нежным телом, и Властимир невольно крепко обнял ее за тонкую, как тростинка, талию.

— Кого же я победил? — спросил он.

— Это был сам Одихман Туркан, — молвила девушка. — Его и брата его, Соловья, на Востоке все знают, — она пугливо оглянулась, словно Соловей был рядом. — Когда-то в великом Самарканде и землях вокруг него они правили жестоко и безбожно, пока не восстал народ и не прогнал их прочь. Ушли братья в славянские земли, в леса, да здесь и расстались. Соловей в чащобах засел, прохожих свистом пугает да потом грабит, а Одихман тут жил. Всех, кто ни проедет, он на бой вызывал забавы ради...

— А ты кто такая, какого рода-племени? Как оказалась у такого злодея?

На миг Властимир подумал, что Буян оказался прав и эта девушка — жена убитого богатыря. Но она потупилась, метнув стыдливый взгляд из-под длинных ресниц:

— Не своей я волей... Имя мне Сур-Топаз. Я дочь волшебника Барым-Джамара, что жил в Самарканде. Одихман похитил меня и привез сюда. Он хотел, чтобы я стала его женой. Но я была тверда, — добавила она смущенно, — я верила, что однажды найдется смелый витязь и спасет меня. А Одихман надпись на камне сделал, нарочно сюда смельчаков заманивал и убивал.

Она с доверчивой улыбкой, как потерявшийся ребенок, ласкалась к Властимиру, а Буян отчего-то хмурился. Чувствовал он сердцем, что красавица, возможно, и лжет.

Сур-Топаз погладила Властимира по щеке:

— Прошу быть моими гостями, о богатыри! Сур-Топаз будет счастлива отблагодарить своих избавителей... А потом отвезете меня в Самарканд, к отцу...

Властимир вывернул шею, ловя взгляд Буяна:

— Ты слышал про такой город?

— В Новгороде все языки мира встречаются, — пожал плечами тот. — И из Самарканда люди были, и из Бухары, и из Урганта тож... Чудные люди, право! Но в Самарканд нам не по пути — у нас свое дело, красавица.

Властимиру показалось, что девушка при этих словах сердито нахмурилась, но тут же с

милой улыбкой соскользнула наземь и ступила на крыльцо.

— Что ж, — сказала она, — не судьба. Но не откажите быть моими гостями. Вам следует отдохнуть перед дорогой, запастись силами. — Махнув рукой князю, она пошла в терем.

Проводив ее взглядом, Властимир спешил. Тут же, как из-под земли, выросли молчаливые слуги, бережно приняли повод Облака. Князь уже поднимался по ступенькам, и гуслиарю ничего не оставалось, как последовать за ним.

В честь гостей Сур-Топаз расстаралась. В зале был накрыт стол, ломившийся от яств. Полунагие рабыни, соблазнительно качая бедрами, все вносили и выносили кушанья на серебряных и золотых блюдах, разливали вина.

По приказу девушки князя усадили на почетное место, на пуховые подушки, от которых волнами растекались ароматы ее далекой родины. Несколько рабынь оведали его опашалами из перьев диковинных птиц, что водятся за морями, другие играли на музыкальных инструментах и напевали что-то протяжное и нежное. Сама Сур-Топаз сидела подле князя, часто касаясь его рукою, глядела ему прямо в глаза, томно вздыхала и сама угощала, не скупясь на похвалы.

Лилась и лилась музыка, через открытые окна доносилось журчание фонтана в саду, мягко звенели колокольчики на ногах рабынь, сладко пахли сласти и вина, от курильниц поднимались кружащие голову ароматы, а нежная Сур-Топаз под полупрозрачной рубашкой поневоле притягивала взор. В руках у Властимира подрагивал в который раз наполненный бокал, он не сводил глаз с девушки и всякий раз, как она придвигалась ближе, тянулся к ней.

Буян сидел чуть ниже, поджав ноги, и наблюдал. Рабыни делали попытки увлечь его нежными словами, лаской и винами, но он не сводил глаз с Сур-Топаз. Позволив князю обнять себя за ослепительно белые плечи, та шептала ему о прелестях жизни вдвоем в тихом домике, где никого — только они двое и их любовь. Очи ее подернулись поволокой, нежный голос сладко дрожал, источая чары.

— Только ты и я! Ты и я, — шептала она. — Останься, сердце мое! Я буду жить только для тебя!

И она сама потянулась к нему приоткрытыми губами.

— О, князь, кого ты слушаешь! — не выдержал Буян. — Оглянись, протри глаза: перед тобой не девица — змея подколотная!

Глаза Сур-Топаз сверкнули темно-зеленым огнем, она вся как-то странно вздрогнула при этих словах, и Буян с ужасом понял, что оказался прав. В тревоге он схватился за оберег — и ощутил слабый укол в подтверждение.

— Князь! — взмолился он. — Князь, послушай...

Властимир глянул на него мутнеющим взором:

— Что ты говоришь?

Сур-Топаз мгновенно сунула ему в руки бокал с вином и подтолкнула, чтобы тот пригубил. Свободной рукой она обвила его шею.

— Не обращай внимания, о мой витязь! — проворковала она. — Испей чару любви и забудь про все. Я предпочла тебя, могучий победитель Одихмана, вот спутник твой и ревнух...

При этих словах Властимир словно очнулся. Он выпрямился и взглянул на Буяна с гневом.

— Не смей! — воскликнул он. — Думай что хочешь про что хочешь, а про нее — не смей!.. Я встретил ту, что будет жить для меня, что меня полюбила, а ты... Я женюсь на ней. Я князь или не князь?

Он попытался вскочить, но Сур-Топаз повисла на нем, осыпая его шею и плечи быстрыми, как укусы змеи, поцелуями.

— Успокойся, любимый, — умоляла она. — Давай я тебе спою! Только для тебя!

По ее знаку рабыни заиграли новую мелодию, а она тихо затянула какую-то восточную песню, склонив голову князю на плечо. В голосе ее звучала скрытая буйная и темная страсть.

Под звуки этой песни забывалось все. Очи Властимира затуманились, и он обнял чаровницу, притягивая ее ближе и не сводя глаз с ее губ.

Буян с тревогой следил за ним, до боли сжимая в кулаке оберег. «Отпусти, отпусти!» — твердило что-то в нем, но он крепился, понимая, что, раз поддавшись уговорам, превратится в такое же безвольное существо, что и князь, и кинется на него с яростью, чтобы отвоевать себе право на обладание этой девушкой, которая сама разжигает в них эту страсть. Подумать только, до чего быстро человек ломается, оступаясь! Сколько раз за их недолгий путь вместе кичился пред ним Властимир тем, что старше и разумнее его! А вот теперь опять не выдержал! Эх, князь, князь! Не тот умен, кто много прожил, а тот умен, кто опыт нажил!

Буян осторожно перебирал пластинки оберега. Первой под пальцы попала пластинка со знаком круга. Это значило, что они в кольцо и ловушка уже почти захлопнулась. Но следующим был крест. Обычно это говорило о встрече или о выборе, что ждет на пути, но сейчас, в сочетании с кольцом, у креста было иное толкование — когда он в кольце, это означает столкновение двух сил, двух волей, и из круга выйдет лишь тот, чья воля сильнее.

ГЛАВА 10

Оставшись один, Буян огляделся.

Ему отвели просторную комнату с окном, выходящим в сад. Сейчас, ради ночной прохлады, оно было распахнуто, и оттуда доносилась веселая и звонкая песнь соловья.

Стены комнаты были причудливо расписаны цветами, травами, диковинными плодами и птицами дальних стран. В росписи на полу были изображены звери, бродившие в траве, а наверху, на потолке, — птицы, свободные и прекрасные. Вдоль стен стояли лавки с резными ножками, крытые цветным иноземным сукном. На них были разложены вещи, что могли пригодиться гостю. У двери стояли два сундука, где, очевидно, хранилась одежда на выбор — гусяр не стал проверять.

Слегка пошатываясь — с отвычки вино ударило в голову, — он дошел до окна, свесился в сад и задышал полной грудью. Снаружи свежо пахло росой и травой, веял тонкий аромат ночных цветов. На ясном небе сияли крупные звезды и луна — приближалось полнолуние, самая пора для всякой нечисти, что сейчас копила силу.

Буян оглянулся на предназначенную ему кровать. Она занимала почти четверть комнаты — широкая, высокая, вся обложенная пышными подушками. На ней можно было улечься хоть вдоль, хоть поперек, и не одному. Кровать была придвинута к стене, которую закрывал ковер, похожий на те, что Буяну приходилось видеть у торговых гостей с Востока в Новгороде. На нем был выткан тигр — огромная восточная рыжеполосатая кошка, терзающая оленя. Если не знать, что это ковер, можно было подумать, что хищный зверь сейчас прыгнет на кровать — до того он казался живым.

Стянув сапоги и рубашку, Буян бросился ничком на кровать. Десять дней миновало, как пришлось им покинуть кров Веденеи в Ласкове. Десять ночей проспал он на земле, укрываясь плащом. Привыкший и не к такому, гусяр не роптал, но все-таки как приятно было опять очутиться в постели, от которой столь хорошо пахло травами и цветами! Дрема вышла из мягких подушек. Буян еще успел подумать, есть ли на двери крючок или засов, запирающий ее изнутри, но сил, встать уже не было, и он так и заснул, смежив веки.

Среди ночи он вдруг проснулся и немного полежал, не открывая глаз и стараясь догадаться, что за неясное предчувствие потревожило его сон. Терем жил своей жизнью, которая не прекращалась даже ночью, — кто-то там ходил, разговаривал, возможно, даже двигал мебель. Потом раздался тихий скрип, словно поворачивался колодезный ворот.

Что-то все равно беспокоило, и надо было бы встать и проверить, но на перинах было так приятно лежать, ночной дурман не давал поднять головы, и гусяр не пошевелился, постепенно опять погружаясь в сон.

На сей раз ему приснилась юная хозяйка. Сур-Топаз неожиданно появилась в комнате и, крадучись, пошла к нему. Она была очень соблазнительна в полупрозрачной сорочке,

оставлявшей открытыми ее нежные руки и босые ножки. Пышные волосы ее, распущенные, спускались ниже бедер; чуть вытянутые, раскосые, как у лани, глаза сияли на покрасневшем лице.

Буян отлично видел ее сидящей на краю постели и жалел об одном — что это только сон. Сур-Топаз приблизилась к нему, склонилась, протягивая руки. Ее волосы шевелились, как змеи. Она тяжело дышала через рот, и вдруг из-под ее губ вылезли два клыка, как у зверя. Девичьи пальцы скрючились, ногти на них изогнулись, превратились в когти. Эти когти тянулись к его горлу.

Буян попытался отодвинуться, но не мог пошевелиться. Оставалось только ждать, чем кончится этот сон, и в тот миг, когда Сур-Топаз коснулась его, он проснулся.

Открыв глаза, он увидел над собой лицо девушки. Встретившись с ним взглядом, она вздрогнула, но справилась с собой и опять потянулась к его шее. Лицо ее приняло нежное и обольстительное выражение.

— Ты звал меня, милый, — прошептала она, — и я здесь!

На миг Буян обрадовался, но тут пальцы Сур-Топаз коснулись шнура оберега. Соблазнительно придвинувшись, она попыталась стянуть с гусяра эту защиту.

Это отрезвило его, и он перехватил ее руки:

— Ты чего это удумала, красавица?

— Отдай! — прошипела она.

— А зачем он тебе?

— Добром отдай, не то пожалеешь! — Она вывернула руки так стремительно, что не ожидавший от нее такого Буян выпустил ее запястья. Освободившись, Сур-Топаз тут же бросилась на него снова — в руке ее сверкнул кинжал.

Буян еле успел увернуться — девица промахнулась. Гусяр соскочил на пол и приготовился к бою.

Зарывав от неудачи, Сур-Топаз кошкой набросилась на него, но Буян, поднырнув под кинжал, опять схватил запястья девушки. Почувствовав себя в тисках и убедившись, что из этих рук вырваться трудно, она упала на кровать, увлекая его за собой и пытаясь опрокинуть на бок.

— Пусти! — прошипела она. — Все равно теперь уже поздно! Уступи — тогда вы оба отсюда живыми выйдете, и твой князь — тоже...

Упоминание о князе, которого он оставил наедине с этой девицей, подхлестнуло Буяна. Он сжал руки Сур-Топаз так, что она взвыла. Перехватив ее запястья одной рукой, он вырвал у Сур-Топаз кинжал и приставил к ее горлу. — Что ты сделала с князем? Говори!

— Не заставишь! — изогнувшись, как змея, Сур-Топаз вонзила зубы в его руку. Не ожидавший этого, гусяр ослабил хватку, и девушка оттолкнула его так сильно, что он упал на пол.

Не теряя времени, с воем дикого зверя Сур-Топаз прыгнула на него, и они покатались по полу, стараясь вырвать друг у Друга кинжал. Девушка хрипела от ярости, лицо ее исказилось. Она сражалась с силой, неожиданной для ее хрупкой фигурки. Схватив двумя руками его руку с кинжалом, она выкручивала ее, царапая ногтями. Кровь из глубоких царапин потекла на локоть Буяна, и кинжал выпал. Сур-Топаз тут же завладела им, но Буян ударил ее по руке, и оружие отлетело в сторону.

Они оба бросились к кинжалу. Сур-Топаз была чуть ближе, но гусяр схватил ее за сорочку, оттаскивая. Тонкая ткань сорочки порвалась.

Пораженный, Буян застыл, не сводя глаз с открывшегося ему тела. Лицо и шея разгневанной Сур-Топаз побагровели, она выпрямилась и, даже не пытаясь прикрыться руками, пошла на остоленевшего гусяра.

Но вдруг Буян увидел — на гладком округлом плече девушки темнела недавно зажившая ранка — след от стрелы. И, была она на правом плече...

— Птица Сирий? — воскликнул он, пораженный. Сур-Топаз отпрянула.

— Догадался? — в бешенстве крикнула она — Ну, так умри! Она бросилась на гусяра.

А тот уже забыл, что перед ним хрупкая девушка. Размахнувшись, он ударил ее кулаком так, как дома, в Новгороде, в кулачном поединке. Сур-Топаз упала. Не успела она прийти в себя, как кинжал опять оказался у ее горла. Другой рукой Буян прижал ее к полу.

— Говори, где князь? — потребовал он. — Иначе я тебе горло перережу, и не посмотрю, что ты девица!

— Зачем тебе князь? — сверкнула глазами Сур-Топаз. — Кто он тебе? Ты же и без него все можешь. Брось его, уходи!

— Не могу без него.

— Почему?

— Друг он мне! Говори!

Кинжал оцарапал нежную кожу, и Сур-Топаз вскрикнула:

— Он там, где надо и где скоро будешь ты, если не уберешься вон!

— Без него не уйду. Где он?

— Все равно ты ему уже ничем не поможешь, и я тебе ничего больше не скажу!

Ее упорство взбесило Буяна.

— Скажешь! — рявкнул он. — Или пожалеешь!

Вскочив, он поднял брыкающуюся Сур-Топаз на руки и бросил на кровать.

Упав, она вскрикнула страшным голосом и попыталась сползти с кровати, но гусяр толкнул ее обратно и только хотел последовать за нею, как кровать пришла в движение.

Буян отпрянул, не веря своим глазам, а Сур-Топаз завывала и забилась в пышных подушках. Кровать медленно, со скрипом поднималась, опрокидываясь к стене. Девица не могла уже выбраться. Буян неожиданно вспомнил, что точно такой же скрип он слышал недавно и подумал, что это колодезный ворот. Теперь он понял, что это был за колодец и что случилось с князем...

Кровать приподнялась, сталкивая девушку куда-то вниз. Мелькнул черный провал подземелья. Сур-Топаз скатилась в него. Далеко внизу затих ее испуганный визг — и кровать вернулась на свое место, такая же соблазнительная и коварная, как и прежде.

— Стой, куда? — закричал Буян, бросаясь к стене.

Одним рывком содрал ковер, он обнаружил под ним совершенно гладкую стену с невинной росписью — не было ни щели, ни трещинки, ни тайного замка.

Воспользоваться кроватью, чтобы попасть туда, где находится князь, Буян не решился. Туда, в тайник, наверняка должен быть и второй, не такой крутой вход, и им пользовалась сама Сур-Топаз.

Буян выскочил из комнаты, держа кинжал наготове, и помчался по темным коридорам терема, ища дорогу в подвалы. Оберег молчал, хотя гусяр то и дело касался его рукой. Возле одной лестницы руку кольнуло. Гусяр нырнул под ступени, там отбросил в сторону окованный железом сундук и увидел маленькую дверь. Она распахнулась под ударом сапога, и гусяру открылась темная пасть подвала. Он видел только первые ступеньки, дальше они пропадали во тьме.

Не раздумывая, Буян побежал по лестнице.

Споткнувшись обо что-то, он кубарем скатился вниз и шлепнулся на гладкий скользкий пол, едва не выронив кинжал, но быстро вскочил. Впереди он увидел свет.

Придерживаясь за стену, Буян поспешил туда, стараясь ступать как можно осторожнее.

Светил факел на повороте. Вынув его из гнезда, гусяр увидел, что вниз под уклон уходит грязный коридор, из которого тянет гнилью, и пошел туда.

Эхо его шагов гулко отдавалось под сводами, и ему послышалось, что издали донесся тихий железный звон. Он прибавил шаг.

Коридор расширился в низкий сводчатый зал, где вдоль стен и посреди него стояли колонны. Ступив на порог, гусяр застыл, вытаращив глаза.

В зале были люди. Два тусклых светильника освещали почти три десятка мужчин — молодых, средних лет и постарше. Все они лежали вповалку на соломе, брошенной прямо на пол. Судя по их виду, они были тут не так давно — одни, возможно, всего несколько дней,

другие — несколько недель или месяц-другой. Их одежда еще была цела. Судя по яей, здесь собрались витязи не только славянских народов, но и варяги, другие западные и восточные соседи. И все они были прикованы к колоннам — одни за ногу, другие за руку или за шею. Его шаги разбудили некоторых узников. Они удивленно моргали глазами и, постепенно понимая, что Буян не тюремщик, начали расталкивать остальных.

— Доброй ночи! — нарочито бодро и весело крикнул Буян, взмахнув факелом. — Вы что, тут опочив держите? Ну, и как спится?

— Прекращай изгиляться, — хмуро ответил один из узников. — Ты кто таков?

— Тот, кто вам дальше бока пролеживать помешает, — еще веселее ответил Буян и добавил издевательски — Разоспались тут! А еще богатыри называются! Я вот простой гуслиар из Новгорода, а...

— Богатыри, — перебил тот же голос. — Тут любая сила в ничто обращается с этой девицей... Заманивает она нас и в подвалах заковывает.

— Всех?

— Знамо дело, всех.

— С одними ее богатырь сражается, — заговорил его сосед, судя по всему какой-то рыцарь с Запада. — Слабых он убивает, а кого одолеть не может, тот попадает к ней. Она его сначала кормит-поит, ласково величает, на постель провожает, а потом — раз! — и ты тут оказываешься... Чертова девка!

— Не знаю, каким это ты ее словом назвал, — почесал Буян затылок, — но это не девка — птица Сирий это. Она в девушку обратилась, чтобы меня погубить. А в обличье птицы я ее ранил, из лука подбил... А зачем ей столько пленников?

— Если это и вправду Сирий, — сказал первый узник, — то я знаю зачем. Здесь разговоры ходят, что иногда сюда приезжают слуги самого Змея, что в горах Сорочинских живет, — забирают тех, кого она в подвалы заманивает, и к Змею отвозят.

— К Змею? — Буян склонился, освещая факелом лицо говорившего. — Да неужто правда?

— Кривда, — бросил тот. — Скоро сам увидишь, или ты еще не понял, что отсюда нет возврата?

— Понял, — гуслиар выпрямился. — Я тут друга ищу, Вла-стимиром его зовут. Князь он резанский, мы сюда вместе приехали. Я без него никуда. Не видал ли его кто?

Узники хмуро переглянулись.

— Здесь нет твоего Властимира, — наконец сказал кто-то. — Но чуть подалее есть еще один подвал, а может, и не один. Твой князь наверняка там!

Говоривший указывал вправо — там темнел полукруглый ход.

— Отлично! — Буян направился туда, перешагивая через лежащих. — Я пошел его искать — нам поодиночке никак нельзя.

Его провожали в изумленном молчании.

— Видать, песня Сирий отняла у вас не только свободу, но и разум, — сказал он, — если вы до сих пор не поняли, что я не такой же, как вы, узник, а пришел сюда своей волей и уйти могу так же свободно.

Его слова словно разбудили узников. Сразу несколько рук вцепилось ему в пояс, сапоги, подол рубашки, остальные тянулись издали, звеня цепями.

— Освободи и нас! — закричали все разом. — Не оставляй! Будь милостив! Не бросай нас! Не уходи!

Его заклинали Перуном, Родом, Буддой, Магометом, Христом, другими богами с такими причудливыми именами, о каких он и не слышал. Вырвавшись из державших его рук, гуслиар склонился к толстому кольцу — цепь была одна на всех и крепилась к этому кольцу.

Тот, кто заговорил с ним первым, взял у Буяна факел осветить. Осмотрев замок странной формы, Буян стал раздумывать — как бы его отпереть. В надежде получить ответ у оберега, он тронул его — и вдруг нашел решение. Он просто коснулся замка резной фигуркой воина.

Раздался громкий щелчок, и замок открылся. Гусляр недоуменно рассматривал оберег, удивляясь его странной силе, а вокруг него узники торопливо сбивали цепи и торопились покинуть подвалы.

Кто-то сунул ему обратно его факел, и очнувшийся Буян побежал искать Властимира.

Князя он обнаружил не скоро — только в четвертом подвале. Освобожденные Буяном пленники разбежались. А тут их было всего трое — незнакомый могучий пожилой мужчина, похожий на кузнеца, сам князь и шипящая от злости Сур-Топаз.

Когда Буян ворвался к ним, кузнец приветственно махнул рукой:

— Явился-таки! Давай скорее. — И тряхнул цепью.

— Откуда ты обо мне знаешь? — молвил Буян.

— А вон она только о тебе и говорит, — махнул в сторону Сур-Топаз мужчина. — Так что давай живее!

Буян уже знал, что делать с замком, он освободил кузнеца, потом князя и протянул ему руку, помогая встать.

— Ну, княже, теперь понял ли, пригожусь я или нет? — спросил он.

Властимир не взял руки и вскочил сам.

— Понял, — буркнул он.

— Возьмешь меня с собой?

— Да.

— Тогда пойдем, — гусляр по-приятельски хлопнул его по плечу, и они пошли к выходу.

— Стойте! — закричала им вслед Сур-Топаз. — Стойте! А как же я? Вы не можете меня тут бросить одну!

Гусляр и князь обернулись. Девушка, натянув цепь на ногу, ползла за ними, умоляюще протягивая дрожащие руки. Казалось, ей и в самом деле было страшно.

— Нет, — строго ответил Властимир. — Мы уходим. А тебе это урок — не будешь впредь такие шутки шутить.

— Дождись вместо нас своего Змея, — со смехом добавил Буян. — А нам недосуг!

Они поспешили прочь опустевшими подвалами. Вслед им неся злобный крик Сур-Топаз и звон единственной цепи.

Когда они вышли во двор, то увидели, что там в свете факелов стало оживленно. Одни седлали лошадей, другие навьючивали на коней узлы с добром, третьи уже выезжали за ворота, что темнели на фоне неба пустым провалом, как глазницы черепа. Кто-то бежал через двор, таща на плече отчаянно визжавшую и отбивавшуюся рабыню Сур-Топаз. Бросив девушку поперек седла, похититель усккал во тьму.

Невдалеке слышался звон оружия и хриплые крики — освобожденные узники схватились со стражей, и короткая битва быстро подходила к концу: озлобленные люди сражались яростно. Почти всех охранников перебили, остальные разбежались по дому.

Буяна и князя приветствовали криками и стуком мечей о щиты. Не теряя времени, гусляр бросился к конюшням, из которых люди выводили лошадей, громко зовя Воронка. Из нутра конюшни донеслось знакомое ржание — верный Воронок тянулся к хозяину. Оседлав его, Буян выскочил на двор.

Там оставались только те, кто потратил время на сражение со стражей. Теперь и они уезжали, везя награбленное добро и рабынь. Некоторые девушки не плакали и не отбивались — они успели разглядеть, что их похитители молоды и даже привлекательны. Откуда-то тянуло дымом, на задах, где стояли сараи и склады товаров, уже плясал красный петух — его подпустил кто-то из сбежавших узников. Уже сидя в седле, Властимир оглянулся на начинающийся пожар.

— Как там Сур-Топаз? — вслух подумал он. — Совсем одна, в огне...

— Брось жалеть, — оборвал его Буян. — Ничего с ней не случится — глубоки те подвалы, крепко держит земля сырая.

Словно вспомнив о подвалах, Властимир опустил голову.

— Спас ты меня, Буян, — тихо молвил он. — И словом о старом не обмолвился, а ведь мог... Если еще не раздумал, будь мне спутником.

Он затаил дыхание — вспомнил отчаяние, охватившее его в тот миг, когда сомкнулась на его ноге цепь во мраке, знаменуя крушение всего, на что он надеялся. А Буян только весело ухмыльнулся:

— А ты думал, что я от тебя так просто отвяжусь? — молвил он. — Нет, княже, я тебе еще надоесть успею.

Властимир не успел и рта раскрыть, как их окликнули. Несколько всадников приблизились к ним.

— Мое имя Рейнальдо де Мадор, — сказал один. — Мы просим вас, благородные рыцари, присоединиться к нам, или позвольте следовать нам за вами. Я говорю от имени всех — мы так многим обязаны вам...

Властимир задумался, что ответить, но Буян нашелся раньше.

— Сожалею, господа, — он поклонился в седле до самой шеи Воронка. — Наша дорога слишком длинна и опасна. Мы благодарим вас за предложение, но у нас свои дела. Возвращайтесь домой, и добрый вам путь!

— Но как же нам отблагодарить вас?

— А просто расскажите всем, кого встретите, о том, что случилось. Это и будет именно то, что нужно! Прощайте!

И Буян первым повернул коня на юг, туда, где над зубчатым краем леса уже вставала звезда Полынь.

Откланявшись, всадники поехали в другую сторону, оставив Властимира и Буяна одних.

Догнав гусяра у самой кромки леса, Властимир поймал Воронка за узду.

— Ты с ума сошел! — рявкнул он. — Что себе позволяешь? Ты заставишь меня пожалеть о том, что я так легко согласился взять тебя с собой! Подумай — столько рыцарей и витязей предлагали нам помощь, а ты отказался! Почему?

— Ты неразумен, князь, — необычно строго молвил гусяр. — Они не справятся. Только ты — или никто на всей земле. Если ты оступишься или погибнешь, — придется ждать нового человека, а он пока еще не родился. И в этом деле тебе не нужно столько попутчиков — они будут только мешать.

— А может быть, мне будешь мешать еще и ты?

— Я — другое дело. Я с тобой для того, чтобы ты не наделал глупостей. А ты их наделал уже сейчас более чем достаточно. Или ты уже забыл подвалы Сур-Топаз?

Буян попал не в бровь, а в глаз. Пробурчав что-то, Властимир оставил спор — все равно у этого гусяра на все готов ответ.

Уже достаточно рассвело, а они все не слезали с седел, стремясь поскорее покинуть эти места, где правили слуги Змея. Путь Буяна и Властимира лежал к самому Змею.

Заря-заряница только-только свернула свою алую фату, наменуя начало дня, когда тишина была нарушена нарастающим свистом ветра позади. Сразу замолкли птицы и мошара, деревья тревожно зашевелили ветками, трава припала к земле. Жеребцы заволновались, прядая ушами.

Всадники прислушались. Им в спины дул и гудел ветер, катаясь, словно огромный ком, подминающий под себя лес. Трещали стволы, ломались ветви. На краткий миг все перекрыл свист такой силы, что лошади присели в испуге, а молодая березка рядом с Облаком сломалась с хрустом.

— Что это такое? — вслух подумал Властимир. Он никогда не слышал ничего подобного.

Встав на стременах, Буян вглядывался в чашу позади них. Залихватский свист повторился — прилетел низовой ветер, вздувая гривы лошадей. С гусяра сорвало шапку. Он бросился догнать ее, подхватил и взмахнул ею, зовя князя.

— Едем, княже, дальше! — крикнул он. — Пока целы!

И первым ударил каблуками по бокам своего коня. Облак, не дожидаясь понукания, поскакал следом. Властимир поравнялся с Буяном, спросил на скаку:

— Но что это такое? Ты знаешь?

— Еще бы не знать! — прокричал, перекрывая вой ветра и свист, гусяр. — Помнишь, Сирин... то есть Сур-Топаз про Соловья, брата Одихманова, говорила?.. Это он и есть! Сирин, верно, сестра ему! Он прознал, что с нею и с братом стало, и теперь за нами гонится!

Услышав такое, Властимир осадил Облака и развернулся навстречу нарастающему свисту и урагану, что катился по лесу, как снежный ком с горы, выхватил меч и поднял щит.

— Ты что задумал? — бросился к нему Буян.

— Я брата его одолел, неужели перед ним отступлю?

Буян не успел ответить — раздался новый свист, да такой силы, что Облак упал на колени, а сам Властимир усидел в седле с большим трудом. С деревьев посыпалась листва и мелкие веточки.

— Не совладать тебе с ним, княже! Едем — может, оторвемся!

Облак сам был рад умчаться прочь, да и уверенность князя сильно поколебалась. Властимир не стал спорить с гусяром, хотя не был уверен, что им удастся уйти от погони — свист раздавался все ближе и ближе, а за деревьями порой мелькало что-то огромное и темное.

Испуганные свистом кони мчались по лесу, а за ними катился ураган. Ветер дул в спины и все усиливался. Трещали ветки над головой, стонали дубы, и Буяну уже показалось, что за ними опять гонится вестник Гамаюн.

Впереди развиднелось, и кони вылетели на крутой берег реки. Ивы склонились над темной водой, вода подмывала берега. Лес и река словно вели спор — кому будет принадлежать земля.

Всадники еле успели осадить лошадей, иначе те с разгону могли сорваться с обрыва вниз. Властимир не успел и рта открыть, чтобы сказать, что на сей раз выхода нет и придется сражаться, как Буян выехал на пляшущем Воронке впе-пед на самый обрыв, и, горяча коня, закричал, вскинув руку:

— Уж ты гой еси, быстра реченька! Защити-укрой нас от врага! А уж я тебя, быстра реченька, за такое дело пожалею! — И махнул в седле поклон до гривы Воронка.

Ненадолго замер, прислушиваясь, и поманил князя:

— Скачем!

Тот не очень поверил, что гусяр смог договориться с рекой. Ничто не указывало на то, что река слышала призыв Буяна.

Но они не проскакали и двух поприщ, как под корнями одной ветлы, что держалась за берег только половиной корней, у самого уреза воды открылась узкая заберега. Над ней нависал обрыв, а совсем рядом плескалась вода. Будь уровень чуть выше, ее нипочем бы не разглядеть.

Не теряя времени, Буян направил Воронка прямо туда. Послушный конь сиганул с берега, чудом не сломав ноги. Следом за ним под обрыв прыгнул и Облак.

Лошади встали на тесной песчаной полоске плечом к плечу, и в ту же минуту вода стала прибывать. Не успел Властимир ахнуть, как она поднялась до колен, хлынула в сапоги, дошла до стремени и только тогда остановилась. Но гусяр был спокоен.

Спешившись, всадники зажимали лошадям ноздри, чтобы им не пришло в голову заржать или фыркнуть, выдавая свое присутствие. Над их головами зашумело, и что-то большое пролетело на другую сторону реки так быстро, что сквозь свисающие корни ничего нельзя было разглядеть. Только на той стороне послышался треск ломаемых ветвей, топот и злобный свист. Он повторился пару раз, удаляясь, и наконец все затихло.

Только после этого вода начала медленно отступать, но и после того, как опять открылась заберега, всадники не спешили выбраться из-под защиты обрыва. Наконец Буян припал ухом к земле, прислушался и мигнул князю с улыбкой.

Они вывели лошадей на берег, вылили из сапог воду, а затем Буян, порывшись в тороках, выудил оттуда цветастый расшитый платок. Почтительно поцеловав его, он с силой оросил его в воду. Упав в реку ярким пятном, тот плавно заскользил по течению, а гуслар молвил с поклоном:

— Многая тебе лета, быстра реченька. Твоего я не знаю имени, но уж ты будь в том уверена — я твоей не забуду милости!

Властимир с любопытством косился на него и, когда они отъехали подальше, не выдержал и спросил:

— Откуда этот платок у тебя, гуслар? Вроде ты ни о ком не вздыхаешь...

— А может, и вздыхаю! — беспечно молвил тот и, помолчав, добавил: — Платок этот — память о матери: все, что у меня осталось!

— От матери? — удивился Властимир. — Но как же ты мог пожертвовать этим, да еще реке?

— А ты не понял, княже? — Буян был серьезен. — Река нам жизнь спасла — она нам теперь как мать. Нечестно было бы ей за такое не отплатить.

Властимиру ничего не оставалось, как только промолчать — гуслар был прав.

— Я вот что думаю, княже, — молвил тот немного погодя. — Соловей опять на наш след может напасть, да и разгром, терема Сур-Топаз нам даром не пройдет. Рано или поздно, а за нами отправятся те, кому Соловей и та девица служат. С ними мы не справимся, а нам теперь во что бы то ни стало надо к Змею попасть — мнится мне, не только Сур-Топаз ему людей поставляла. Поэтому следует нам свернуть с пути — все равно мы со Змеем встретимся.

— А не заблудимся?

— Положись на меня, княже! — улыбнулся гуслар. — Нам сейчас самое главное — на время исчезнуть, чтобы живыми остаться. А дорогу потом всегда найти можно — мнится мне, половина путей к Змею приводит!

И он первым, не раздумывая, свернул на восток — так как путь на запад им отрезала река.

Чистомысл предупреждал о путеводной звезде Полюнь. Но волхв не знал, с чем придется столкнуться его посланцу и его спутнику. А потому гуслар был в себе уверен — в случае чего он сумеет найти дорогу. Высоко над ними, невидимей в дневном свете, пролетел маньяк. Он спешил в Ласкову.

ГЛАВА 11

От предков, на которых на этой планете больше всего были похожи змеи, Хейду досталась способность обнаруживать предметы с закрытыми глазами — распознавая их по теплу. Так он, еще не полностью придя в себя, уже знал, что находится в подвальном маленьком помещении — что было не ново, так как его народ давно уже предпочитал селиться под землей, — и что подле него время от времени появляется одна и та же женщина из местных. Хейд уже давно знал в теории жизнь населения планеты и понял, что эта женщина, судя по всему, все это время его лечила. Удивление вызывали только два вопроса — первый: подействуют ли на него ее снадобья, потому что он и сам знал, что нуждается в помощи, и второй: почему она это делает? Если в благодарность за то, что он сохранил или пытался сохранить жизнь тому человечку, на которого бросился зверь, то все еще больше запутывалось — ведь, судя по всему, она не имела отношения к эксперименту: ее параметры были совершенно иными. Об этом Хейд мог судить наверняка: опознавательный прибор все еще находился у него на руке.

Что ж, ему придется установить с ней контакт и выяснить, каким образом она связана с подопытными экземплярами и как ему их найти.

Он постарался придумать подходящую легенду, объясняющую его присутствие здесь и знание их языка — его гэты изучили с помощью ранее отловленных аборигенов, — и,

выбрав момент, решил пойти на контакт.

Когда он открыл глаза, Веденея была подле него одна. Она всегда приходила в одиночку, и он не знал, с кем она еще встречается. Конечно, он мог и заглянуть ей в сознание — все гэты телепаты, — но пока решил этого не делать.

Увидев, что пришелец смотрит на нее, ворожея отпрянула, чуть не выронив свечку, которую собиралась поставить в изголовье. Хейд испугался, что она может совсем уйти, и поспешил тихо сказать:

— Не бойся!

Услышав тихий хриловатый голос, похожий на шипение змеи, Веденея немного успокоилась. Он говорит — значит, он не зверь.

— Кто ты? — спросила она.

— Хейд. Я не причиню тебе зла, не бойся меня. Где я?

— У меня дома... Но откуда ты взялся такой?

— Я приехал издалека, — сказал он. — Из-за моря... Я богач. Так что могу отблагодарить тебя за помощь.

Веденея осторожно присела на край ложа.

— Да какая благодарность, — мягко молвила она. — Я даже не думала, что смогу помочь. Ты так странно выглядишь... А У вас все такие?

— Все, — ответил Хейд и замолчал. Такими были не все, но этой девушке про то знать не следовало.

— А откуда ты знаешь нашу речь?

— Мне было все интересно. Я смотрел, слушал, запоминал... Мы следим за вами.

— Ты купец? — спросила она.

— Почему ты так думаешь?

— Это торговые гости знают много языков чужих и всюду ездят — им надо.

— Я не купец, я... — он замялся, подыскивая в ее языке замену слова «исследователь» и нашел: — врач.

— Целитель?

— Да. И если ты захочешь, я потом кое-что открою тебе из наших секретов. Есть еще такие болезни, которые ты, наверное, не можешь лечить.

— Есть, — Веденея вспомнила ту самую моровую язву, от которой умерла мать и могла умереть она сама, если бы не Чистомысл.

— Я готов помочь тебе, — торопливо повторил Хейд. Если девушка согласится, он проникнется ее доверием и скорее найдет этих двоих, не вызывая ни у кого подозрений.

Скоро Веденея привыкла к странному чужеземцу. В конце концов, ведь Чистомысл рассказывал ей много о заморских чудесах — каких только не бывает. На змею он был похож не сильно, больше все-таки на человека. И целебные травы помогали ему так же, как и простым людям.

По мере того как ему становилось лучше, девушка все чаще задерживалась около него — с каждым днем все ближе становился миг, когда он собирался исполнить обещанное. А пока Хейд рассказывал Веденею о дальних странах, где он якобы побывал. И девушка даже огорчилась, когда ее странный пациент покинул подвал, обещая навестить через несколько дней.

Его не было трое суток. Снова встретились поздно вечером в той самой баньке, где некоторое время назад Веденея отпаривала ногу Властимиру. Хейд появился первым, и, когда девушка вошла, он поднялся. На лавке рядом с ним были разложены маленькие коробочки разного цвета. Некоторые из них были открыты — там оказались желтые и бурые порошки.

— Я принес, что обещал, — сказал он.

Веденея осторожно взяла в руки одну из коробочек, раст сматривая ее содержимое.

— Что это?

— Высушенные растения, — ответил Хейд — жители этой планеты, часто используя

травы, легче поймут такое объяснение. — Они растут на моей родине, в своих лесах ты таких не найдешь. Вот это, например, — он протянул ей коробочку, где был желтый, резко пахнущий порошок, — кора дерева. Она помогает при жаре, лихорадке, немного при болезни, которую у вас называют «моровая язва»... А вот это — от укусов ядовитых змей, ее надо растворить в воде и пропитать ею повязку на ране.

Веденея приняла из рук Хейда шкатулку, где перекачивались полупрозрачные крупинки, похожие на икринки крупных рыб. Укусы змей... Она почему-то подумала про князя — он тоже ехал сражаться со Змеем. Вдруг это бы ему пригодилось? Но князь уже далеко...

Хейд заглянул ей в лицо. Он, как и любой гэт, был телепатом, и его поразило, что она думает о том же самом человеке, что уже несколько суток занимал умы всех его коллег.

После этого он еще не раз прилетал в Ласкову на встречу с Веденеей, в надежде, что она откроет ему местонахождение тех двоих мальчиков. Он торопился, подгоняемый неутешительными известиями разведки.

Все было плохо. Выяснилось, что Властимир и Буян не просто искатели приключений, каких полно на этой планете, — за ними стоит какая-то могущественная организация, действующая против гэтов. Властимир и Буян были очень опасны, сомнения в этом рассеялись после того, как от них пострадали два агента гэтов. И церемониться с ними нечего, тем более что из первой отложенной кладки готовы были вылупиться детеныши. Первая кладка на этой планете, шанс для выживания их расы! Перед величиной и важностью этого события меркнет все — даже ценность жизни аборигенов этой планеты. Их агенты столько веков работали здесь тайно, изучая этот мир, что теперь имеют право на явные действия.

Получив приказ как можно скорее закончить эксперимент, Хейд не стал осторожничать и решился на прямой контакт.

До сего момента он всегда оставлял аппарат на окраине села, на крыше одинокого дома, где никто не жил, и в темноте пробирался к избе Веденеи окольными путями. Но сегодня он торопился и пролетел над поселком средь бела дня, сверху наблюдая за суесящимися людьми. Садиться прямо на крышу дома ворожей он побоялся и приземлился невдалеке, во дворе дома, стоящего на отшибе, там, где тын, огораживающий Ласкову, слегка покосился.

Это был дом, где жила Млава. После рождения близнецов ее считали порченной — никто не хотел на ней жениться. Старый жрец Перуна Сухобой предлагал принести ее в жертву, как порой кое-где делали, но братья отстояли ее, и она жила У своих родителей бобылкой.

Почти ни с кем не общаясь, она большую часть времени проводила во дворе, занимаясь чем-нибудь по хозяйству в помощь невесткам, женам братьев, что не считали зазорным общаться с нею как с работницей. В тот день, кроме нее, на Дворе никого не было.

Млава увидела свет из окошка и выскочила на двор посмотреть, что случилось. На крыше она с ужасом узнала точ-° такой же огненный шар, который прилетел к ней четыре года назад. Только тогда это было ночью. От сияющего, в темноте шара отделились двое, подошли к оцепеневшей от удивления девушке, взяли ее за руки, и один коснулся ее лба холодной твердой рукой. Млава тогда лишилась чувств. Смутно она сознавала, что существа прикасаются к ее телу, но боли не чувствовала — только холод и тепло, сменяющие друг друга. Она пришла в себя за домом, в кустах, и ничего не подозревала, пока не поняла, что случилось...

Все это всплыло в памяти Млавы живо, как будто случилось вчера, и когда она увидела такой же свет, то закричала и бросилась вон со двора.

На улице было много народа — все видели летящего маньяка и выбежали из домов, чтобы на него посмотреть. Увидев Млаву, что с криком бежала прочь от своего дома, люди понимающе переглядывались, и кое-кто уже тянулся к оружию.

Млава выскочила за ворота деревни к капищу.

На пыльном дворе было пусто. Идолы Перуна, Белеса и Купалы стояли в центре, окруженные жертвенниками. Поодаль — Стрибог и Лад. У подножия Стрибога блаженный юноша, что когда-то потерял разум от встречи с маньяком, ползал в пыли и что-то мычал. Увидев Млаву, он закричал, тыча в нее пальцем.

Из-за идолов вышел, опираясь на суковатую дубину, высокий худой старец в белой ряднине до земли, подпоясанный узорно вышитым поясом с оберегами. Длинные растрепанные волосы и борода его были совершенно белы, а лицо — серdito. Млава со всхлипом кинулась ему под ноги.

— Сухобой! — крикнула она, порываясь обнять ноги жреца. — Помоги! Не могу больше! Сколько лет ждала, мучилась, а теперь страх берет! Помоги!

— Уйди! — хриплым, севшим от старости голосом отвечал ей жрец. — Поди прочь! Иди к нему!

— Сухобой! — Млава подползла к нему, а тот отступал к идолам. — Защити! Укрой, к тебе взываю!

— Он пришел за тобой! — В руке жреца появился выхваченный из жертвенной колоды нож, и он замахнулся им на Млаву. — Иди к нему, или тебя заберут боги! Оборотни около Ласкова бродят — ты их от Змея Огненного прижила. Теперь он опять прилетел — родишь новых. Смерть тебе!

— Смерть! — повторили за ним два других жреца, появившихся между идолами, но Млаве от страха показалось, что это сказали сами боги.

Сухобой двинулся на нее, стуча посохом по земле. Блаженный пополз следом. Млава отпрянула, пытаясь встать на ноги и закрывая лицо руками. Наконец ей удалось вскочить. Она развернулась к выходу с капища, но увидела, что сюда подходят люди из деревни. Передние уже были в нескольких шагах от нее. Млава прижалась к бревнам тына и закрыла лицо руками...

Хейд, издавелека наблюдавший эту сцену, досадливо нахмурился. Он не хотел выдавать местным свою связь с Веденеей и решил, что мальчики должны явиться на выручку матери, потому и спровоцировал Млаву. Но дело повернулось не так, как он рассчитывал, — она не собиралась звать детей на помощь, а толпа явно решила расправиться с нею.

Выхода не было, Хейд поднял аппарат в воздух.

С гулом, который все, очевидно, приняли за вой рассерженного Змея, он пролетел над самым капищем, в небольших количествах распыляя одуряющие вещества. Много их не требовалось — увидев над головами ревущего маньяка, люди разбежались с криками. Несколько человек попрыгали в озеро. Разохотившись, Хейд преследовал одного парня вдоль берега до самой рощи, где потерял его из виду. Оставив его в покое, он развернул аппарат к капищу, но там уже никого не было.

Жители деревни и жрецы разбежались и попрятались, оставив разбросанные дубины и копья. Но исчезла и Млава. Куда она направилась, Хейд не знал. Мысленно он обругал себя идиотом — шансы найти мальчиков уменьшались. Нужно было придумать что-то другое.

Когда Млава вбежала в свой дом, к ней вышла ее мать. Старуха молча сунула дочери в руки узелок и ушла из сеней, не оборачиваясь. Женщина обнаружила в узелке ломоть хлеба, две луковицы и несколько крупинок соли в тряпице. Были там же и ее котлы и алые бусы, что ей еще в детстве привез с торгоа отец. Увидев их, Млава поняла, что ее просто выгнали — никто не хотел терпеть рядом ту, за которую столь явно заступается нечисть.

Размазывая по лицу слезы, Млава покорно побрела в глубь леса. Ей было страшно там, но еще страшнее было оставаться на месте, ожидая, пока с ней расправятся свои. В лесной чаще живут изверги. В хозяйстве любого из них лишние руки пригодятся, тем более что извергов часто почитают колдунами — они смогут понять ее и помочь. Но она не знала, где их искать.

Она брела до тех пор, пока не поняла, что заблудилась. Над ее головой смыкались кроны вековых дубов, почти не пропуская на землю лучей солнца. Здесь полумрак царил

даже среди дня. Млава присела на выступающий корень и заплакала, уронив лицо на колени.

Возможно, она даже немного задремала, потому что неожиданно почувствовала совсем близко чье-то присутствие, это могли быть люди из деревни, что пошли по ее следам, а мог быть и маньяк, прилетевший за нею, — для Огненного Змея нет ничего невозможного. Млава вскрикнула, но не вскочила, пригвожденная к месту двумя парами глаз. Перед нею стояли два волка.

Крупные, с трехмесячного телка, с раскосыми зелеными глазами, они были какими-то особенными и выглядели не так, как обычные волки в начале лета. Они разглядывали ее не по-звериному пристально и не спешили уходить или нападать.

В глазах их Млава прочла почти человеческое участие. Она вспомнила сказы про колдунов, что таились от людей в чащобах и для своих черных дел заманивали людей к себе, околдовывали, одурманивали, превращали их в волков и заставляли служить себе. Таких несчастных можно было узнать по печальному взору, незлобивости и неприятно сырого мяса. Наверное, она сейчас и повстречала двух таких волкодлаков, а значит, где-то, возможно даже совсем близко, есть логово колдуна.

Но Млава почему-то сейчас не боялась колдуна. Обхватив колени руками, она смотрела на волков и ждала.

Звери подошли к ней поближе. Порывшись в узелке, Млава отломил кусок хлеба и протянула его волкам на ладони. Тот, что слева, почти припав к земле, осторожно потянулся вперед и принял дар.

Затаив дыхание, Млава смотрела, как он жует хлеб. Когда она отломил второй кусок, другой зверь тоже взял хлеб из ее руки, и молодая женщина окончательно уверилась, что повстречала волкодлаков.

Угостившись, звери сели рядом и позволили погладить свои лохматые загривки. Перебирая грубую шерсть, Млава еле сдерживала слезы — люди выгнали, а дикие звери приняли. Заметив на ее щеках следы влаги, волки ласково стали лизать ее щеки, и она заплакала, зарывшись лицом в шерсть одного из волков.

Он повиливал хвостом и скулил, не двигаясь. Но потом бочком отступил и попятился прочь. Его товарищ уже ждал его в нескольких шагах. Волки обернулись на сидящую Млаву и бесшумно ушли.

Веденеи в тот день в поселке не было — она ходила на дальние поляны за травами. Лекарствам Хейда она пока не очень доверяла, больше полагаясь на то, что было ей привычно.

Ворожея ушла из поселка накануне и переночевала в лесу. Лукошко ее было полно коры и трав — выкопанных с корнями или одних оторванных стеблей и листьев: у всякой травы своя часть пригодна для лечения. Есть и такие, что идут целиком. От сердечной боли помогает цвет боярышника, хвощ-трава и корень лопуха. Хороша и кора крушины. Но хот же хвощ можно давать при поносе. Кора крушины лечит ожирение, если смешать ее с корнем одуванчика, а дубовая — простуду и боли в животе. Ромашка, фиалка, мята и зверобой годятся сразу при нескольких недугах — и бессонницу одолеют, и с кожи язвы исцелят, и коли разболится что внутри. Хот же самый лопух в смеси с ромашкой и мятой лечит лысеющих, а хмелем и крапивой хорошо промывать волосы... Трав много, и способов их применения — в одиночку или смесью — тоже немало.

Впереди вдруг мелькнули две тени. Волки подошли так быстро, что Веденея испугалась и не сразу признала Явора с Яроком. Она знала, что братья могут оборачиваться волками, но сама видела их в этом облике лишь второй раз. Звери закружили около, и ворожея поняла, что они зовут ее за собой. Видать, что-то случилось, и Веденея отправилась за ними. Через версту звери отстали, и тут девушка услышала чей-то голос — женщина причитала, всхлипывая:

— Ой ты батюшка, ты дубравный лес, уж ты матушка, ты сыра земля! Защити-укрой меня, бедную, от людской злобы, от лютости!

Веденя узнала этот голос и вышла из кустов к Млаве.

Услышав шорох шагов, та вскочила и увидела односельчанку, единственную, которая ни разу еще не сказала про нее худого слова.

— Ты что тут, Млавушка? — спросила Веденя.

— Ушла я из Ласковы, — всхлипнула та. — Насовсем!

Веденя всплеснула руками:

— Да что же ты сделала, неразумная? О родне, о братьях подумала?

— Не своей я волей. — Млава содрогнулась. — Выгнали меня. Маньяк опять прилетал и сел сразу на крышу нашего дома. Я тогда там одна была. Выхожу глянуть — а он на крыше сидит и светится, как тогда. Я бежать — он за мной. Я к богам — и он туда, — Млава едва могла сдержать рыдания. — Налетел — ревет, и огонь к небесам полыхает. И все время за мной...

Веденя обняла ее за плечи, погладила по голове. Ласка растопила лед, и Млава прижалась к ворожее, как дитя к матери, и выговорила от всего сердца:

— Сухобой сказал, что это я приманила маньяка. Он ведь гадал на пепле черного петуха еще давно, и так вышло, что снова эту нечисть приманю. И вот сбылось... Он сказал, что ныне Перун требует моей крови и что это надо было сделать Давно.

— И что?

— Маньяк не дал им меня убить, все разбежались, а я — в лес. Мать еды на дорогу дала. Нельзя мне там оставаться, Веденеюшка. — Млава вытерла глаза.

Веденя посмотрела на нее строго:

— И что ты решила?

— Не вернусь я в деревню!

— Так куда же тогда?

— Не знаю.

Млава опять разрыдалась. Веденя погладила ее по вздрагивающей спине, раздумывая, как ей помочь.

— Успокойся, Млава, — вдруг сказала она решительно. — Пойдем со мной!

Поддерживая всхлипывающую Млаву, Веденя повела ее в глубь леса.

Сначала та не соображала, куда ее ведут, и когда ворожея вышла на торную тропу, которую наверняка протоптали люди, Млава подумала — неужто обратно?

Млава остановилась.

— Куда ты меня ведешь? — воскликнула она. — В Ласкову я не вернусь!

— Не в Ласкову, — ответила Веденя. — В другое место. Доверься мне.

Они и в самом деле шли в другую сторону. Чтобы попасть в деревню, надо было пересечь овраг, где на краю справа стоит корявый дуб, потом по мосткам перейти ручей, дальше по березняку до полей, там полевой межей до берега озера, а на берегу деревня и стоит. Веденя и Млава дошли до того оврага, но дуб у них остался не по правую, а по левую руку. За оврагом они углубились в сосновый лес, заросший малиной. Раздвинув колючие ветки, девушки вышли на маленькую распаханную поляну. Стараясь не попасться на глаза хозяину-отшельнику, прошли мимо.

Дорога поднималась на холм. Веденя уверенно шла вперед.

На вершине стоял старый дуб в окружении молодого подростка и сосен. Узловатые корни обвивались вокруг валунов, словно змеи. Крона раскинулась, как большой шатер. На нижних сучьях рядами висели выцветшие тряпицы. Лошадиные и медвежьи черепа, сухие венки. Оказавшись под дубом, Млава застыла в изумлении, выронив узелок.

— Пришли, — сказала Веденя.

— Что это? — выдохнула Млава. — Неужели Велесов дуб?

— Он самый. — Ведунья поставила лукошко на корень. — Подождем.

— Кого? Кто сюда придет? — Млава с тревогой оглянулась, ожидая увидеть того же маньяка.

Веденя молча присела на корень, стала перебирать травы. Млава робко под села к ней.

— Идут, — вдруг тихо сказала ворожея. — Приготовься.

— К чему?

— Ты помнишь, — Веденя взяла ее руку, — тебе не дали даже посмотреть на тех малышей как следует, перед тем как унести их навсегда? Я ведаю — их отнесли к этому дубу, положили на эти самые корни, где мы сидим.

Млава вскочила, вырвав руку:

— Они... Они здесь?

Вместо ответа Веденя протянула руку, указывая.

Млава взглянула и застыла, как громом пораженная.

К дубу не спеша подходили два волка. Те самые волки, что сегодня ели из ее рук хлеб. Они остановились в нескольких шагах от девушек, разглядывая их.

Веденя поднялась, обняла отшатнувшуюся Млаву за плечи и обратилась к волкам:

— Вы всегда спрашивали у меня, кто та, что дала вам жизнь. Вот она!

Волки переглянулись, подошли поближе и двинулись в обход дуба — один направо, другой налево, все время косясь на Млаву.

В молчании звери зашли за дерево, а вышли из-за него двое юношей, хорошо знакомых Веденее. Только теперь они не были так похожи друг на друга — в память о случае со львом на руке и плече Ярока красовался шрам от когтей зверя. По-прежнему молча они подошли с двух сторон, внимательно и настороженно, как звери, разглядывая Млаву.

Та как зачарованная не сводила с них глаз, пораженная, что всего за четыре года они так выросли, и даже не заметила, как Веденя ушла назад, оставив их наедине.

Она оглянулась с тропинки — дети стояли перед своей матерью, и один из них, Явор, что-то тихо говорил. Ворожея улыбнулась — юноши, благодаря трудам Чистомысла и ее самой, выросли хорошими людьми. Они не бросят Млаву одну.

Несколько дней после этого Хейд искал Млаву и близнецов и наконец наткнулся на них.

Помогла ему Веденя, рассказав, где можно найти их. Спрятав аппарат в овраге на полпути к старому дубу, Хейд отправился туда пешком, чтобы не напугать их.

Близнецы сами вышли ему навстречу. Они не удивились его появлению и посмотрели на него с любопытством.

— Он живой, — сказал Явор.

— Я же говорил, что она поможет, — кивнул Ярок.

Хейд понял, что они его не боятся.

— Я искал вас, — сказал он, — и рад вас видеть. Меня зовут Аеид.

— Он говорит по-нашему! — воскликнул Явор.

— Знаете ли вы, что я прибыл сюда издалека только ради вас двоих? — объявил Хейд. — Я нашел вас, когда вы сражались с тем зверем...

— Мы не сражались, — перебил его Ярок, — мы с ним играли!

Хейд не стал спорить.

— Пусть играли, — согласился он. — Я о другом. Я хочу, чтобы вы меня выслушали, и поверили, и согласились пойти со мной.

Близнецы переглянулись.

— Куда? — спросил Явор.

— Со мной, на нашу общую родину, — Хейд решил не говорить им пока, что они только плод удачного эксперимента. — Вы из моей страны, у нас с вами общая родня, только вы жили здесь и потому похожи на людей, а не на меня. Все это время мы искали вас и очень рады, что встретили. Теперь мы будем вместе...

Близнецы слушали молча. Они присели в траву у ног Хейда на пятки, опираясь на руки, как сидят волки. Хейд не обратил на это внимания.

— Подумайте, — соблазнял он их. — Здесь вы живете в лесу, как дикие звери. Люди вас ненавидят и боятся, потому что вы отличаетесь от них. Вы одиноки, но есть те, кто

думает и чувствует так же, как и вы. И мы хотим, чтобы вы жили с нами.

— Так мы с тобой одной крови? — недоверчиво спросил Явор.

— Да. Вы не похожи на меня лишь потому, что вы жили не там, где я, и...

— Понятно, — кивнул юноша. — И это так необходимо — нам ехать с тобой?

— Да, — ответил Хейд. — От этого зависит жизнь... очень многих. И моя.

— Почему?

— Я не знаю, — Хейд просто не мог им объяснить — близнецам отводилась роль подопытных животных в лабораториях. — Но если вы не поедете со мной, вас смогут привезти к нам другие, и тогда...

Тут он почувствовал, что допустил ошибку. Близнецы уловили в его голосе угрозу и сразу напряглись.

— Это ваш долг, — заявил Хейд. — Как жители моей страны, вы должны отправиться со мной — вас ждут.

— Ну, если так... — начал Ярок, но Явор остановил брата:

— погоди, Скажи, Хейд, а мы можем взять с собой нашу мать?

Хейд не знал, что Млава уже несколько дней жила вместе с сыновьями у дуба. По плану, они не должны были знать ничего о своей родне среди людей, чтобы не тянуться к ней.

— Нет, — решительно ответил он. — Нельзя.

— В таком случае, — молвил Явор, — я никуда не поеду.

— И я, — сказал Ярок, — без брата я никуда. Мы вместе!

Они поднялись и пошли, не оглядываясь.

— Стойте! — крикнул Хейд, бросаясь вдогонку. — Вы не можете так уйти. Я получил приказ доставить вас к нам, и я это сделаю!

У гэтов была строгая дисциплина — если есть приказ, следовало выполнять его беспрекословно. Близнецы были наполовину гэтами, и у них должно быть это в крови. Услышав это еще не совсем понятное слово, они остановились и обернулись. Хейд приближался к ним, вынимая парализатор. Он не причинит им вреда, даже не лишит их сознания — просто подчинит себе их волю в известных пределах. Но близнецы подумали, что он достает оружие. Пришелец собирался напасть на них!

Юноши прыгнули в разные стороны так стремительно, что парализатор выстрелил в пустоту.

Хейд увидел, что два волка уходят в чащу. Они исчезли из виду прежде, чем он решил, в кого из них стрелять первого.

Раздосадованный провалом, Хейд с размаха ударил стволом парализатора по стволу дерева. Близнецы теперь будут настороже и не подпустят его близко. Неудача следовала за неудачей. Мало им проблем с Властимиром и Буяном. Теперь этих двоих оборотней упустили...

ГЛАВА 12

Покинув терем Сур-Топаз, Властимир и Буян за неделю добрались до берега широкой реки. Казалось, что по ней проходит граница двух миров — на этом берегу стояли высокие холмы, заросшие лесами и частым кустарником, меж которых кое-где попадались луговины и большие поляны, а на том берегу, едва видном с высоты, было все ровно и гладко.

Всадники выехали на вершину одного холма, где сквозь россыпь камней пробивалась редкая трава. Здесь гулял ветер, хотя у подножия не шевелился ни единый листок. Впе-'еди мир перечеркивала синяя лента реки, слева и сзади высились холмы. Справа, между скальными грядами, пролегла Узкая долина, со всех сторон окруженная лесами.

— Что это за река? — спросил Властимир гусяра.

— Итиль.

— Итиль? Какая широкая! Как же мы переправимся на ту сторону?

— Мы не будем переправляться, — ответил Буян. — Мы пойдем по берегу вниз по течению, в хазарскую степь. Змей нас сейчас наверняка потерял и не ждет с этой стороны. Едем в ту долину.

Властимир не стал спорить.

Ближе к подножию склон холма стал более пологий, и кони пошли ходче.

Путешественники выехали на равнину, заросшую высокой травой. Правее поднимались крутые склоны горы, где острова леса перемежались выходами песчаника и гранита. Вершина ее была почти голой. Вторая такая же гора поднималась впереди. На ее склонах темнело несколько пятен, похожих на выходы огромных пещер.

Всадники быстро направились к той горе. До начала нового подъема оставалось чуть более трех сотен саженей, когда Буян придержал Воронка:

— Ты слышал, княже?

Властимир прислушался. Издалека и в самом деле в эту минуту донесся чей-то срывающийся крик.

— Это там!

Не раздумывая, оба развернули лошадей и поскакали в сторону крика.

Он повторился вскоре уже ближе — высокий, хриплый, полный отчаяния:

— Отпустите!

Властимир и Буян обогнули заросли кустарника и увидели, что в их сторону не спеша движется отряд из двух десятков всадников в доспехах и полном вооружении. Между лошадьми они тащили на двух арканах упиравшегося парня. Он то и дело падал на колени и вопил не переставая. Иногда один из всадников, ехавших сзади, колот его копьём в спину. В полумверсте за ними шел еще один конный отряд, побольше.

Всадники вместе со своим кричащим пленником направлялись к одиноко стоящему валуну, за которым спрятались Властимир и Буян.

Гусляр пристально вгляделся в фигуры всадников.

— Поляницы, — догадался он.

— Кто-кто?

— Девы-воительницы. Я слышал в Новгороде, что такие живут на берегах Итиля. Поехали-ка отсюда, княже, пока целы, — они не больно-то жалуют мужчин. Вон уже поймали одного!

— Интересно, а что они с ним теперь сделают?

— Это ты сейчас сможешь увидеть.

Девы остановились у самого валуна. Пленник упирался, пока его пытались привязать к камню. Несколько поляниц тем временем достали луки и приготовились к стрельбе.

— Они хотят расстрелять его! — ахнул Властимир. — Буян, за мной!

Гусляр не успел открыть рта, как князь выехал вперед.

Увидев нового всадника, поляницы на время забыли о предстоящей забаве. Девушки опустили луки, и трое из них двинулись навстречу князю и державшемуся позади Буяну. Все они были стройные, крепкие и красивые. Из-под шлемов на плечи падали косы, под кольчугами угадывалась грудь.

— Стойте, чужаки! — звонко крикнула одна. — Ни шагу, пока не скажете, кто вы и зачем сюда прибыли. Иначе вы будете убиты!

В доказательство того, что она не шутит, две ее спутницы вскинули луки.

— Мы просто проезжали мимо по своим делам, — объяснил Властимир, — и слышали крики. Человек звал на помощь, и мы решили узнать, в чем дело. Нас всего двое, вам нечего нас бояться!

— Я — Буян, гусляр из Новгорода, что далеко отсюда, на северном Ильмень-озере и на реке Волхове, стоит, — миролюбиво заговорил гусляр, выезжая вперед. — Друг же мой — князь из славного города Резани, что на реке Оке. Коль того пожелаете, могу спеть. — И он, готовно потянул из седельного мешка гусли.

Поляницы переглянулись.

— Мы верим, что вы говорите правду, — снисходительно молвила первая. — Я не припомню, чтобы мы враждовали с Резанью и Новгородом — мы даже названий таких не слышали. Если вы сейчас уедете, мы не будем вам мешать!

— Мы уедем, — кивнул князь, — но только сначала хотим узнать, за что вы собираетесь казнить человека?

Тот услышал, что говорят о нем, и бросился, ища защиты, к всадникам. Но пленительницы сбили его с ног, и он рухнул в траву, крича:

— Я не виноват! Отпустите меня!

— Он правду говорит? — спросил Властимир. — Мой друг утверждает, что вы так относитесь ко всем мужчинам, что попадают к вам.

Девушки рассмеялись.

— Если бы это было так, то вы оба уже присоединились бы к нему, — насмешливо бросила одна из них и добавила: — Вы вступаете за него, еще не зная, что он сделал!

— Если бы вы видели мою сестру, когда мы нашли ее! — сказала другая. — Он склонился над ее растерзанным телом! Он с ней... он ее... Он ел ее!

— Да ничего подобного! — завопил пленник, поднимая голову. — Я ее увидел уже мертвую и просто хотел взять ее нож! Мне был нужен нож, а мертвой он ни к чему!

— А почему у тебя вся пасть была в крови? — обернулась к нему та, что назвалась сестрой убитой поляницы. — И ты еще что-то жевал, когда тебя увидели. Ты же не станешь отрицать, что твое племя воюет с нами? С тебя мало содрать шкуру, собака!

— Что бы он ни сделал, — все-таки вступился князь, — его надо судить, а не убивать сразу. А может, он не врет? Тогда надо божьим судом, и если...

— Испытание? Собаке? — переспросила старшая поляница. — Ты что, не видишь, кто перед тобой? Был бы он человеком, мы бы поступили с ним по-иному, даже отпустили бы, ибо мы никогда не нападаем первыми, но ты ошибся, князь. Посмотри — это не человек!

Властимир взглянул в пленника и удивленно поднял брови. Поляницы оказались правы — в траве на коленях стоял псоглавец, настоящий псоглавец, о племени которого он слышал сказки. Властимир даже не верил, что они существуют, но на него смотрел заросший шерстью человек с волчьей мордой. Волосняной аркан опутывал его, теряясь в шерсти. Видно было, что его били, пытали каленым железом и хорошенько вывалили в грязи. Одно ухо его было отрезано, и кровь еще сочилась. Но, несмотря на отталкивающую внешность, он смотрел преданно, как собака.

Буян нерешительно коснулся оберега, испрашивая совета, но тот молчал. Решение следовало принимать самому.

— Что решим, княже? — тихо спросил он. — Они вроде как правы, но я верю этому псоглавцу. А девицы не внушают мне доверия.

— Чем же?

— Хотя бы тем, что у них оружие хазарское. Только хазары так мучают пленников.

Он умолк, указывая глазами в сторону. Князь глянул и понял, что Буян прав в своих подозрениях. Пока несколько девушек разговаривали с ними, их медленно окружали. Поляницы двигались не спеша, но постепенно замыкали кольцо.

— Мне кажется, мы тут слишком задержались, — нарочито громко сказал князь. — Не пора ли в путь? Они сами разберутся!

— Нет, — откликнулась одна из поляниц. — Нам кажется, что вы бы могли остаться и кое в чем помочь нам. Объяснить кое-что...

При этом она подала рукой знак, словно сжимая что-то, и Властимир понял, что придется драться. Поляницы, похоже, и правда одинаково относились к любым мужчинам.

Подхлестнув Воронка, Буян первым вырвался вперед, поднимая меч. Поляницы, словно только того и ждали, устремились ему навстречу, выхватывая оружие. Они могли бы легко окружить и победить Буяна, но за ним скакал Властимир.

Перед гусяром оказалась совсем юная девушка, и он задержал руку. Ему почудилось, что это Прогнева, и он уже был готов отступить, но поляница занесла меч. Наваждение

прошло — у Прогневы в глазах никогда не горело такой ненависти, и Буян резко опустил свой меч на нее. Она вскрикнула и упала под ноги Воронка.

Драться с девушками было непривычно, но они лезли в бой, подчас мешая друг другу, с перекошенными от ярости лицами, и скоро молодцы забыли об их природе. Жеребцы под Буяном и Властимиром крутились, лягаясь и пытаясь достать зубами шеи лошадей поляниц.

Несмотря на численный перевес, поляницы быстро несли потери. Две из них так и не вступили в схватку, охраняя пленника. Но даже раненые девушки упорно лезли в бой.

Псоглавец напрягся, вскинул голову. Шерсть у него на голове между ушами встала дыбом, нос сморщился, обнажились кривые клыки.

Вдруг он сбросил с плеч руки охранниц и, подбежав к Буяну, который оказался ближе к нему, протянул связанные руки. Гусляр мечом разрезал веревку, оцарапав грудь псоглавца. Тот даже не заметил этого и с криком бросился на своих охранниц, уже спешивших к нему. Перехватив одну из них за руку, он вырвал у нее меч и принялся рубить налево и направо. Лезвие меча тут же потемнело от крови.

Уцелевшие поляницы криками звали остальных. В дальнем отряде уже заметили суматоху. Несколько десятков всадниц мчались к ним с воинственным кличем. Увидев новых врагов, Властимир окликнул Буяна:

— Пора уходить! Мы не выстоим против всех!

— Езжай, князь! — Буян сорвал с плеча лук, вложил стрелу. — Я их задержу!

Зазвенела тетива, и передняя всадница завалилась в седле на гриву лошади. Вторая стрела тоже не прошла мимо. Третья убила лошадь под одной поляницей. Четвертую стрелу выпустил не гусляр. Буян оглянулся — отъехав подальше, теперь Властимир прикрывал Буяна. Забросив лук за спину, гусляр поскакал к нему.

Отстреливаясь попеременно, они, преследуемые поредевшим, но не утратившим пыла отрядом поляниц, влетели в ес, окруживший подножие горы. Здесь им пришлось опустить луки и положиться на лошадей. Можно было не опасаться стрелы в спину — в чаще лук бесполезен.

Путь резко пошел вверх. Жеребцы сбавили скорость, перейдя на шаг. Деревья стали встречаться реже, сменившись кустарником.

А потом и кустарник исчез, как срезанный ножом, открыв каменистую вершину, где между валунами кое-где торчали кусты травы. Вершина была всего в нескольких сотнях саженей впереди.

Властимир прыгнул с седла:

— На конях мы далеко не уйдем — лошади здесь переломают ноги.

— Но мы же их не бросим?

— Нет, но мы должны непременно перебраться на ту сторону вершины! — И князь повел Облака в поводу. — Там эти девы нас не достанут.

Буян тоже спешил и окликнул князя:

— Ты ничего не замечаешь?

— А что?

— Поляницы...

Властимир оглянулся:

— Догнали?

В кустах позади них справа и слева слышалось похрустывание и шорох. Один раз что-то блеснуло на солнце.

— Окружают, — шепнул Буян.

— Нам надо поторопиться, — сказал князь.

Заметив, что мужчины остановились, поляницы стали сужать кольцо. Их шлемы замелькали среди камней — девушек было уже около сотни.

Беглецы оказались на небольшой площадке у отвесной стены. На ней едва можно было расположить лошадей, но с боков ее закрывали валуны — естественное прикрытие. Они вскинули луки, готовые поразить первую подобравшуюся к ним поляницу.

Сбоку слышалось чье-то тяжелое дыхание. Кто-то бежал к ним. Буян и Властимир разом повернулись в ту сторону, но стрелы так и остались на тетивах — это был псоглавец.

Буян опустил лук, и новый союзник перебрался через камни к ним.

— Я с вами, — молвил он, протягивая руку с короткими пальцами.

Князь и гусляр смерили его взглядами. Все в нем изобличало бывалого воина — коренастое, покрытое шерстью тело состояло, казалось, из сплошных мышц. Широкие плечи обтягивала кожаная куртка с нашитыми железными бляхами. Только голова его была звериной — острый нос, клыки, выпуклый лоб, желтые раскосые глаза.

— Я с вами, — повторил он. — Я хочу отплатить вам за спасение.

На его плече висел где-то подобранный лук и колчан с десятком стрел, в руке был меч.

— Становись, — быстро приказал Властимир.

Тот радостно оскалился и протянул руку князю. Властимир ответил на рукопожатие.

— Имя мое — Рат, — сказал псоглавец. — Я уже сражался с ними не раз.

— А вы их правда едите? — спросил Буян.

— Их? — усмехнулся Рат. — В степи дичи полно — зачем людей есть? Вы не знаете, что они с нами творят! Стариков и детей наших волками и медведями травят, на наших женщин псов спускают и радуются, если те их покрывают...

— Хватит болтать, — сказал князь. — Пора.

Поляницы не спеша приближались, сверкая оружием. Три лука поднялись одновременно, и три стрелы сорвались с тетив. Две девушки упали замертво, но остальные попрытались за камни так быстро, что один выстрел пропал даром.

— Стрелять наверняка, — предупредил Властимир, не сводя глаз с россыпи камней. — У нас стрел мало.

Тенькнула тетива — неосторожная поляница поплатилась за спешку. Рат не спеша вставил стрелу, ожидая новой возможности.

— Им спешить некуда, — молвил Буян. — Пока мы тут отстреливаемся, они могут обойти нас и напасть сверху.

Все трое разом посмотрели наверх. Рат улыбнулся и ткнул коротким толстым пальцем. В нескольких саженьях над ними в скале чернела дыра, небольшая, но достаточная, чтобы в нее можно было ввести лошадь. Перед ней была небольшая естественная площадка, а сверху нависал каменный козырек.

— Пещера, — сказал псоглавец. — Там они не смогут нас окружить.

Поляницы тем временем то ползком, то короткими перебежками стягивали кольцо. Их становилось все больше и больше, словно их рождали из своих недр горы, и мужчины поняли, что пещера была единственным спасением.

Князь и гусляр повели лошадей по склону. Рат прикрывал их. Они превратились в отличные мишени, но поляни-Цам не удалось этим воспользоваться: Рат оказался прекрасным лучником — не давал им поднять головы. Только потратив все стрелы, Рат скрылся в спасительной темноте.

Пещера начиналась узким ходом, так что лошадей пришлось вводить по очереди, но дальше она расширялась, уходя в неизвестную глубину. Снаружи козырек и несколько камней на краю площадки образовывали отличное укрепление — а ним трое могли отбиться от целой армии.

Поляницы это поняли после нескольких неудачных атак. Они отступили, но не ушли. Прячась за камнями, союзники видели их блестящие на солнце шлемы — девушки спустились ниже, вне досягаемости стрел, и там расположились станом.

— Не уйдут, — вздохнул Властимир. — Эх, впутались мы в историю!

— Ты с ними воевал, Рат, — сказал Буян. — Скажи, долго они способны вот так держать осаду?

— Не знаю, — ответил псоглавец и втянул воздух носом. — Я сталкивался с ними только на равнине... Наверное, долго. У них вода и пища.

Князь и гусляр переглянулись — об этом они не подумали. В тороках был хлеб, мясо и

сушеные овощи, но воды не было ни капли. А с ними еще лошади...

Прошло немного времени. Поляницы, соскучившись, пару раз обстреляли их издалека, но не причинили вреда. Они жгли костер, пели, плясали вокруг пламени.

Вдруг их стража что-то крикнула. Девушки обернулись в ту сторону. Кто-то принялся затаптывать костер.

Славяне и псоглавец сверху все отлично видели. В гору взбиралось несколько всадников. Впереди ехал высокий, плечистый мужчина.

— Килия, Килия! — донеслись крики воительниц. Большинство прибывших спешилось. К стану верхом подъехал мужчина, с ним, придерживая повод его коня, шли две девушки. Всадник из-под руки стал внимательно оглядывать местность.

Когда он приблизился, стало ясно, что и это тоже женщина, высокая и полная. Она была одета в мужскую одежду, которая ничуть не скрывала, а скорее подчеркивала ее пышные формы. Две толстые, соломенного цвета косы лежали на ее груди. Вместо оружия у нее был посох.

— Как думаете, кто это? — спросил князь, глядя, как она принялась размахивать руками.

— Их жрица, — ответил Рат. — Наши говорят, что она великая колдунья, может все.

— Посмотрим, — усмехнувшись, вставил Буян.

Однако вскоре им пришлось убедиться, что Рат прав. Произнеся что-то, неслышное на расстоянии, Килия отошла подальше, воздела руки и закричала протяжным тонким голосом.

Это послужило сигналом. Девушки выхватили оружие и полезли вверх. Осажденные выпустили в них последние стрелы.

Поляницы накинулись на них, как ураган. На тесной площадке им было трудно развернуться, и только это уравнивало шансы. Девушки становились легкими жертвами, но их было слишком много.

Славяне могли до поры не бояться превосходящего по числу противника, но ведь воительницы в конце концов могли взять их измором.

— Что это? — вдруг вскрикнул Рат.

Поляницы быстро отступили. Князь и гусляр повернулись к псоглавцу, который вертел головой и прислушивался.

— В чем дело? — быстро спросил Властимир.

— Не знаю, но... Вы не чувствуете? Гора...

Отдуваясь, Буян прислонился спиной к скале и тут же выпрямился с воплем:

— Князь, гора дрожит!

Но тот уже сам услышал тихий гул, рождающийся где-то под ними. Привязанные к камням жеребцы визжали и бились, обрывая поводья.

Под ногами что-то дрогнуло, скала словно вздохнула. Сверху оторвались и покатались вниз камни. Поляницы куда-то скрылись, но после того, как гора дрогнула второй раз, сильнее, они не спеша двинулись вперед, уверенные, что толчки выгонят осажденных из пещеры.

— Это сделала Килия, — уверенно сказал Рат. — Я говорил, что она может все, — вот она и заставила гору трястись.

— Меня не интересует, что и как сделала эта толстая ведьма, — раздраженно бросил Властимир. — Гораздо важнее, что делать нам — идти навстречу поляницам и погибнуть в битве или... Я не вижу другого выхода!

— В пещеру! — крикнул Буян. Две пары глаз уставились на него.

— Ты с ума сошел, — поднял брови князь. — В пещеру? Чтобы нас засыпало?

— Но это единственный выход — она достаточно большая, чтобы нам было где укрыться, и потом — смотрите!

Он указал куда-то вверх. Подняв головы, князь и псоглавец увидели, что козырек над их головами — не творение природы. Сначала они не заметили этого, но, приглядевшись, обнаружили остатки двух клыков и сморщенного носа, когда-то высеченных в скале. Пещера

напоминала пасть чудовища.

— Это сделали древние, — сказал Буян, — может быть, народ, который возглавлял Волхв сын Рода. Люди не могли сделать только один вход. Идемте!

Увидев, что враги уходят в пещеру, поляницы с криками бросились в яростную атаку. Гусляр повел лошадей внутрь, а князь и псоглавец встретили поляниц на пороге.

Ход был так узок, что и один человек мог обороняться от Целого отряда. Звон оружия смешался с воплями девушек. Несколько убитых и раненых упали между нападавшими и оборонявшимися. Отбившись, князь и псоглавец бросились в наступление, но тут скала под ногами опять дрогнула.

Сверху посыпались камни, целая лавина. Поляницы с криками бросились бежать, теряя подруг, раздавленных обломками скалы, а князь и псоглавец — в глубь пещеры. Вход завалило. Свет померк.

Они решились заговорить, когда все стихло.

— Эй, вы здесь? — послышался голос Властимира.

Кругом царила полная темнота и тишина. Вход засыпало, отрезав их от мира; в воздухе чувствовался запах пыли.

— Живой, княже? — откликнулся голос Буяна.

— Видишь, что ты натворил? — раздраженно воскликнул Властимир. — «В пещеру!.. В пещеру!» Ну и к чему это привело? Мы отрезаны от мира и обречены на смерть без солнца!

Эхо от его крика испуганно заметалось во мраке. Вдалеке ему откликнулся гулкий грохот, словно пробудился какой-то зверь.

— Тише, князь, — послышался хриплый голос Рата. — В пещере нельзя кричать — можно пробудить духов земли.

— А ты откуда знаешь? Ты что, бывал тут?

— Можно знать, не бывая, — ответил тот. — Везде законы одни — в чужой дом со своими порядками не лезут.

Он нащупал руку князя. Тот от неожиданности чуть не вскрикнул, выпуская из рук повод Облака, который, очутившись во тьме, пугливо жался к хозяину.

— Князь, — молвил псоглавец, — надо уходить.

— Надо. Но куда?

— Ты эхо слышал? — сказал Буян. — Пещера эта далеко под землей простирается. Возможно, есть и выход.

— Верно, — оживился Рат. — Я пойду вперед и разведу — у меня волчий нюх: я дорогу туда и обратно найду! Ждите меня здесь — я вернусь.

Звук его шагов затих.

Некоторое время спустя Властимир услышал, что Буян рядом разрывает ткань. Потом Буян спросил:

— Княже, огниво еще у тебя?

— Есть, — откликнулся Властимир.

— Достань-ка. Сейчас свет будет.

Властимир пошел на голос, протягивая огниво. Буян нащупал его и сунул князю какую-то палку:

— Подержи.

Послышался стук огнива, блеснула искра, и на конце самодельного факела, сделанного из кнутовища и жирной тряпки, обмотанной веревкой, затеплился небольшой огонек, осветив широкую улыбку гусляра.

— У нас недалеко от Новгорода есть пещеры, — молвил он с важным видом. — Мальчишками мы туда лазили. Я в детстве научился факелы такие делать.

Разгоревшийся факел освещал свод и часть коридора, уходящего чуть вниз. Ход был довольно высок, так что можно было вести лошадей с собой. Другого пути не было. Стало ясно, что псоглавец побежал именно туда.

В это время с той стороны донесся тихий вой. Лошади шарахнулись в испуге.

— Рат! — воскликнул Буян. — Он что-то нашел.

Взяв у князя факел и подхватив повод Воронка, он пошел первым.

Трудно было сказать, сколько они прошли — факел не успел догореть и до середины. Неожиданно коридор расширился, и они вышли в небольшой грот, где их ждал Рат.

— Свет? — удивился он. — Хорошо. Смотрите, что я нашел!

Он стоял у маленького, всего чуть больше сажени в поперечнике, выложенного камнем бассейна у дальней стены пещеры. Сверху с нескольких сталактитов капала вода. За те века, что она текла тут, не тревожимая никем, она наполнила собой весь бассейн до краев.

Рат лег животом на камни и стал жадно лакать.

— Пейте, — ненадолго прервался он, — Вода чистая, хорошая. Лошади быстро потянулись к воде, словно понимая, что второго такого случая может долго не быть. Напившись, Буян пошел с факелом вдоль стен грота, рассматривая их.

— Ну, я был прав! — вдруг сказал он. — Мы спасены!

Его спутники оторвались от воды. Гусляр указал им на странные знаки, выбитые на стене, — какие-то стрелки, кружочки, буквы непонятного, письма, все вместе напоминавшие какой-то план. Часть его пострадала от времени — кусок стены отвалился и рассыпался, но кое-что еще можно было разобрать.

— Думаю, здесь нарисована наша пещера, — заговорил Буян. — Но что здесь что?

— И думать не надо, — молвил Властимир. — Если это — входы, то мы сейчас здесь, — он показал на кружок на плане. — От него идут три дороги, но мы можем пользоваться только двумя. И то не зная, куда они ведут.

Это было правдой — один из ходов засыпало, и обвал был совсем рядом, у входа. Там же, где кончались два других хода, как раз и отсутствовал кусок стены. После некоторых споров решили, что выберут левый.

ГЛАВА 13

На поверхности, наверное, уже кончался день, но в темноте пещеры узнать время было невозможно. Путники решили идти, пока хватит света — первый факел уже догорал. В запасе оставался еще один, сделанный из кнута Властимира.

Несколько раз они чуть не заблудились, когда попадались боковые ходы или главный ход раздваивался на разные ветки. Путь пролегал то по ровному коридору, где мешали только сталактиты и камешки, то среди валунов, обрушившихся когда-то. Однажды ход понизился настолько, что сажений сто они прошли по воде — там текла подземная река. Течение у нее было быстрое. Как объяснил всезнающий Буян, эта река дальше, должно быть, падает с высоты в бездну, а потому тут бежит так резво. Насколько им помнилось, на плане реки не было — это значило, что она успела образоваться за то время, что подземными ходами не пользовались. Шли в основном молча, не желая даже думать о тех загадках, что ждут впереди.

Часто попадались боковые ходы с невысокими гладкими стенами, уходящие вниз и вдаль. Лошади и Рат, проходя мимо, всегда настораживались, а Облак рвал повод из рук и пятился.

Из одного бокового ответвления, как раз когда они остановились передохнуть и перекусить, вдруг раздался громкий скрежет и шипение. Жеребцы забились, стараясь оборвать поводья и убежать. Рат припал к камням и оскалится.

Пугающие звуки стали громче, и оттуда появился обитатель этих мест. Это был огромный слепой паук — лобастая голова, жвалы, с которых капало что-то белое и тягучее, волосатые толстые лапы. Туловище волочилось сзади, две передние лапы тянулись вперед — коготки на их концах подрагивали. На голове не было и намека на глаза — только выступы под кожей.

Путешественники поспешили удрать вместе с лошадьми, но чудовищный паук

устремился им вслед, вытягивая лапы. Жеребцы порывались перейти на бег, люди еле поспевали за ними.

— Оставьте одного ему, — прохрипел на бегу Рат. — Он насытится и уйдет, а иначе...

— Нет! — оборвал его Властимир. — Я обет дал не разлучаться с конем. А резанцы верны слову!

— И у нас не принято друзей в жертву отдавать, — добавил Буян.

— Тогда он нас догонит. И убьет, — сказал псоглавец. Паук был всего в десятке сажений позади и не собирался отставать. Видимо, он давно ничего не ел.

Буян на бегу выхватил второй факел и зажег его от первого. Обмотанный тряпицей кнут вспыхнул сразу. Гусляр остановился.

— Уходите вперед! — крикнул он. — Я его придержу.

— Нет, — Властимир бросил повод. — Драться — это мое дело. Ты иди!

— Но, княже...

— Сзади! — завизжал Рат.

Но было уже поздно. Паук подскочил и обрушил на людей свои лапы. Властимира, стоящего чуть дальше, отбросило в сторону, а Буян попал как раз под паучьи жвалы...

Взвыл, словно забыл человеческую речь, Рат. Сдавленно вскрикнул гусляр. Последнее, что увидел князь перед тем, как погас факел и наступила крошечная тьма, это отчаянный рывок Буяна вверх, навстречу жвалам...

Слышался только храп напуганных лошадей да тихие звуки, что пропадали вдалеке, — паук уходил назад, шурша волосатым брюхом по камням.

Кони переступали с ноги на ногу, фыркали, даже как-то постанывали. Когда Властимир немного успокоился, он услышал шепот Рата, успокаивающего жеребцов. Под сводами, наполненными эхом, что тоже, видно, изголодалось без звуков, храп коней, топот подков по камням и хриплый голос псоглавца производили так много шума, что Властимиру пришлось повысить голос, окликая Рата.

— Князь? — откликнулся тот. — Ты здесь?

— Здесь, — Властимир двинулся на голос.

— Что будем делать? Решай.

Властимир горестно понурил голову. Надо было жить и действовать — нельзя вечно скорбеть, как ни тяжело. Все-таки гусляр пропал не зря — они живы и, хоть и во тьме, могут продолжать путь.

— Надо выбираться и на солнце устроить тризну в память о Буяне, — тихо сказал он. — Гусляр спас нас — мы должны жить.

— Надеюсь, его душа упокоится в мире, — сказал Рат.

— Кто там собрался бросить меня здесь? — вдруг невдалеке послышался недовольный голос. — Обрадовались, что ничего не видать?

— Буян? — воскликнули Властимир и Рат. — Ты жив?

— Нет, умер, — беззлобно ответил тот. — Я факел потерял, а у вас нет терпения подождать, пока я его найду!

— Ну, скаженный! — не сдержался князь. — Не мог голос подать? Знаешь, как я переволновался!

В темноте послышался топот ног, и, немало напугав князя, на него налетел гусляр, ощупью отыскивая его руки.

— Повтори, что ты сказал? — радостно прошептал Буян. — Ты волновался? Ну, наконец-то! — Он встряхнул Властими-ра за плечи.

— Мы все живы и здоровы, надо уходить, — заторопился Буян. — Рат, у тебя был лук. Давай его сюда — я факел потерял, новый сделаю.

Тряпиц оставалось мало, и новый факел горел слабо, мигая.

— Скоро погаснет, — определил Рат.

— Что поделать, — Буян пошел вперед. — Тот, хороший, пауку достался.

— Как ты отбил от него? — спросил князь.

— Очень просто — сунул в пасть горящий факел. Мнится мне, он здорово опалился! Теперь не погонится.

Они прошли немногим более версты, когда их подстерегла новая неожиданность. Ход внезапно расширился, раздался вверх и в стороны, образовав огромный грот, дальние стены которого терялись во мраке — слабый свет факела не позволял определить его размеры.

Путники остановились на пороге.

— Пришли, — устало молвил Рат — Это конец. Мы ошиблись. Всеми овладело тягостное настроение — пройти столько, и зря! А возвращаться — во мраке и куда? Там их ждет то чудовище, раненное и злое. Но даже если бы его не было — куда им идти, не видя дороги? Факел еле теплился, долго он не продержится.

Буян нерешительно двинулся в глубь пещеры. Каждый его шаг отражался многократным эхом, и оно превратилось в сплошной шум, когда его догнали князь и псоглавец с лошадьми в поводу.

— Мы прошли так много, — сказал гуслар, — неужели мы не можем сделать еще несколько шагов? Ведь мы не знаем, что на той части плана, которая не сохранилась, может, там сразу выход?

Бесшумно и неожиданно из мрака им навстречу показалось чудовище. Все замерли, не в силах пошевелиться, но, приглядевшись, поняли, что бояться нечего. Чудовище было каменным.

Но даже изваянное из камня и пострадавшее от времени, оно поражало взгляд.

Чудовище имело вид огромной уродливой ящерицы, вставшей на задние лапы и зло оскалившей тяжелые зубастые челюсти. Задние лапы и хвост у него были толстыми и мощными, а передние — маленькими и казались птичьими. Голова чудовища склонялась над алтарем, где лежали давно остывшие угли.

Увидев чудовище, Рат припал на передние лапы и зарычал. Шерсть на его загривке встала дыбом.

Буян как зачарованный приблизился к алтарю и воткнул факел в щель сбоку.

— Глазам не верю, — благоговейно прошептал он. — Неужели Ящер?

— Кто? — спросил Властимир.

— Ящер, княже, — тихо сказал Буян. — Когда-то он правил этой землей. Люди, которых привел сюда Волхв, поклонялись ему. Сам Перун брался с ним — ему Ящер передал тайные знания. Из-за знаний они поссорились, и Перун велел народу забыть про Ящера. После его смерти люди разрушили алтари Ящера и воздвигли идола Перуну. Но Ящеру еще долго поклонялись тайно некоторые волхвы и их последователи. Ящер был могущественнее всех богов и добрее к людям. Эта доброта его и сгубила... Но память о нем не пропала.

— Чтобы славяне поклонялись такому зверю? — скривился Властимир. — Не верю!

Гуслар кротко вздохнул, подошел к своему коню и извлек из тороков гусли:

— Смотри!

При неверном свете чадающего факела Властимир и Рат увидели на обратной стороне гусель искусно вырезанную картину жертвоприношения идола Ящера — каменный идол был как две капли воды похож на того, что стоял перед ними.

— Сам Волхв ставил Ящеру капище в Новгороде, — молвил Буян. — Некоторые до сих пор верят, что Ящер незримо помогает тем, кто верит в его помощь.

Он убрал гусли и пошел к статуе, подняв руки, как жрецы на рисунке его гусель.

— Ой ты гой еси, Ящер, боже наш, — напевно заговорил он. — Ты прими мое славословие, ты прими от нас и почтение и к делам твоим уважение. За добро твое и за нужный труд до сих пор тебе все хвалы поют и тебя в Перуне жалеют.

Поклонившись земно статуе, он достал из сапога нож и стал расчищать алтарь, откапывая угли.

— Не прогорели до золы, — сообщил он радостно. — Еще, может, примутся...

— Что? — ахнул князь. — Чем ты собрался заниматься? Нам время дорого, а ты тут...

Но Буян уже ломал лук-факел на части и от горящего конца разжигал огонь. Он не звал Властимира и Рата в помощники. Те только стояли и смотрели. Разжегши костерок, Буян закатал рукав, простер руку над пламенем и, бросив взгляд на статую, полоснул по коже ножом.

Хустая кровь каплями потекла на огонь. Запахло паленым. Надавив на локоть, чтобы крови вышло побольше, Буян обмакнул нож в рану и помазал им клыки Ящера.

— Испей, о творец всего сущего, помощник и первый товарищ всех богов, жертвенной крови, — молил он торжественно, — и не оставь нас в своей милости ныне и впредь. Все мы дети твоих воспитанников — дети неразумные, своего прошлого не ведающие, но не по злобе, а по молодости и глупости. Я ведаю, — добавил он тише, — что тебе не дары и не жертвы надобны, а лишь память в сердце людей и вера, что не зря ты жил. И мой костер тебе — знак памяти моей и благодарности. Прими и славься, Ящер!

Огонь на алтаре горел, распространяя запах паленой крови из раны гусляра. Он был единственным источником света в огромной пещере, ее стены совсем пропали во мраке. И Властимир, когда смолк Буян и эхо его голоса отзвучало где-то вдалеке, очнулся как от колдовства.

— Буян, — окликнул он, — что ты над—цдл! Ты же лишил нас последнего факела. Что будем делать, когда догорит этот костер и мы окажемся в полной темноте?

Гусляр, все это время простоявший опершись на край алтаря и не сводивший глаз с идола, глянул через плечо.

— Утешься, Княже. Свет не от огня — свет от души человеческой. Боги ведают все — чем-нибудь помогут. Пока же поклонись тому, кто был, когда еще никого здесь не было, — наши предки знавали его воочию.

Рат вдруг подался вперед, шевеля раздутыми ноздрями и растопырив уши, словно за алтарем притаилась дичь. Он сделал несколько шагов и припал на колено, впившись взором в Ящера. Жеребцы разом присмирели. В пещере установилась такая тишина, что было слышно напряженное дыхание Властимира, когда он подошел и встал рядом с псоглав-цем. Не было ничего удивительного, что он поначалу забыл о факеле перед ликом того, кого даже сам Перун почитал за старшего в самом начале мира.

— Прими, о Ящер, наш поклон, — молвил Буян, — и позволь продолжить путь, дабы осталась живой память о тебе и было кому передать по всей земле весть об этой встрече. Ты знаешь о нашем пути — так помоги снова найти дорогу во мраке! Именем твоим!

Он отступил, потому что в это время послышалось, будто какой-то громадный зверь в глубине пещеры пробудился и зевнул. Все трое разом подумали об еще одном пауке, но вдруг глаза идола Ящера вспыхнули огнем. Оттуда пали две молнии на догорающий костерок, вдохнули в него новую жизнь. Во все стороны брызнули искры, ожегши кожу у стоявшего слишком близко Буяна. Одна же искра, чуть поболее прочих, упала на пол, но не угасла, а продолжала гореть с шипением и потрескиванием, словно мокрая кожа, попавшая на уголья.

Вдруг она подпрыгнула, как живая, и покатилась, смутно осветив проход в одной стене. Буян протянул ладони над горячими углями.

— Многая тебе лета, Ящер, боже наш, — кивнул он и оглянулся на князя: — Это, княже, тебе знамение — тебя боги узнали древние и следят за твоей дороженькой. И не время нам ждать да медлить — надо в путь собираться за звездочкой!

Рат сразу сообразил, что надо делать, и повел коней в освещенный проход. Властимир был поражен видением путеводного огонька. Уходя вслед за спутниками, он оглянулся на Ящера: перед ним ровно горел костер, и в его свете каменный Ящер выглядел гордым и сильным божеством.

Путеводный огонек, посланный Ящером, вел их не спеша, но и не останавливаясь, еще очень долго. Возможно, при свете дня они прошли бы-этот путь за полдня, но под землей, когда нельзя определить, где солнце, время текло незаметно! Огонек не останавливался ни на миг и только менял скорость.

Лошади устали и спотыкались через каждые два-три шага, люди притомились тоже. Рат, шедший то впереди, то позади, молчал, но было ясно, что и его выносливость на пределе. Он дышал тяжело, по-собачьи высунув язык, хотя и двигался по-прежнему легко и плавно.

Властимир уже боялся — а что, если его верный Облак откажется идти дальше или вовсе падет, — но тут к нему с легкой улыбкой обернулся Буян:

— Мы выходим, княже.

— Откуда ты знаешь?

— Дорога вверх пошла!

Но до выхода было еще далеко. Если бы можно было узнать, сколько они уже провели под землей, никто бы не удивился, когда бы выяснилось, что миновало несколько месяцев. Но скорее всего, кончались вторые или начинались третьи сутки их путешествия вслед за искрой. Лошади уже еле брели, понунив головы, а огонь все так же призывно светил впереди, дразня недоступностью. И по-прежнему не давал остановиться.

Они решились на это единожды — когда узкий ход, в котором можно было идти след в след, вдруг расширился и в свете звездочки показался точно такой же водоем, что и в самом начале пути. Можно было подумать, что они, сделали круг и вернулись к засыпанному входу. Учув воду, лошади, вырывая поводья, устремились пить. Люди тоже последовали за ними, но едва они наклонились к воде, как искра, учу-~яв, что за нею никто не идет, вернулась и с шипением закружила над водой, отгоняя путников от нее. Потерявший терпение Рат с рычанием пытался изловить ее, но она уворачивалась. Когда же ему наконец удалось отогнать ее от воды, то оказалось, что она полетела даром — вода ушла на глубину.

Последние несколько верст они преодолели с трудом. Искра наконец остановилась, шипя и брызгая огнем, как в начале пути. Но на сей раз она остановилась перед каменной стеной.

При ярком свете искорки можно было разглядеть, что стена сложена из плотно подогнанных каменных глыб, промазанных чем-то вроде глины. Не было ни щели, ни щербинки, чтобы можно было попытаться разрушить кладку.

— И куда нас завел Ящер? — в сердцах воскликнул Рат. — Это же тупик!

Оставив коня, Буян подошел к кладке и оперся на нее плечом, потом присел — его плохо держали усталые ноги. Но вдруг он выпрямился. Лицо его впервые за долгое время похода расплылось в улыбке.

— Княже, — тихо молвил он, — она непрочная! Я чувствую, как она подается, если надавить сильнее! Иди сюда!

Властимир и Рат приблизились, прижали ладони к камням, а гусяр толкнул стену. Они ощутили дрожь — каменная кладка держалась плохо. При втором толчке из нее посыпался песок.

— Мы спасены — это и есть выход! — сиял Буян. — Ящер помог нам. Давайте разом!

От нового общего толчка стена дрогнула. Что-то хрустнуло в ней, и путники едва успели отскочить — неприступная с первого взгляда, стена рушилась в облаках пыли. Камни падали и раскалывались с грохотом.

Когда камнепад затих и пыль улеглась, в глаза отвыкших от солнца людей и лошадей хлынул свет. Забыв про все, толкаясь и смеясь, как дети, они выскочили из тьмы, подставляя лица небу. Буян прыгал, выкрикивая хвалы Хорсу и Сварогу и еще что-то невнятное.

Когда восторги немного улеглись, они огляделись. Позади них, чуть ниже старого могильного кургана, что сооружали древние в степях, поднимался небольшой холмик. В его поросшем травой и колючим кустарником боку зияла дырка, через которую они и вышли. А вокруг, сколь хватало глаз, раскинулась вольная степь — земля кочевников и неисчислимых вольных стад диких коз и лошадей. Легкий ветерок колыхал стебли ковыля, высоко в поднебесье звенел жаворонок, из-под ног людей и дорвавшихся до травы лошадей брызгали во все стороны кузнечики. Позади них, уже наполовину скрытое курганом, садилось солнце.

Царило полное безлюдье.

Усталые жеребцы принялись и обнаружили с противоположной стороны кургана маленький ручеек. Все вдосталь напились, а Буян не только умылся, но и вымыл сапоги и смочил водой волосы, чем заслужил насмешки Властимира — удалой гусяр всегда готов встретить красавицу.

Напившись, Рат поднял от воды мокрую морду.

— Князь, мне пора, — сказал он. — Благодарствую за вашу помощь, но я ухожу.

— Куда? — воскликнул Буян — он был явно огорчен решением псоглавца.

— Здесь степь, — Рат обвел рукой оком, — мой дом родной. Там, на юге, сейчас кочует мое племя — мы, отряд охотников, отправились вперед, чтобы разведать уголья на лето, но меня поймали поляницы. Они перебили почти всех. Я должен предупредить остальных, что в те края опасно соваться.

— Идем с нами, — предложил Буян. — Ты хороший воин, а где ты будешь искать своих в такой степи?

— Нет. Я воин своего народа, надо возвращаться. Сердце укажет мне верный путь. Знайте — я умею быть благодарным и еще помогу вам. Если понадобится, найдите меня. Спрашивайте у любого степняка мое имя без страха. А я пока всем поведаю о князе из славянского города Резани и его спутнике, и все псоглавцы будут помнить и чтить ваши имена до конца жизни. Прощайте — может, еще свидимся!

Он коротко кивнул на поклоны князя и гусяра и, не прибавив ничего более, побежал куда-то на юг, склонив голову и приняв хиваясь.

Властимир и гусяр посмотрели ему вслед.

— Пора и нам в путь собираться, княже, — молвил гусяр. — Кони отдохнули, мы тоже, а у кургана Ящера задерживаться нельзя долго.

— Куда же ехать-то?

— К югу. Мы и раньше в ту сторону чаще сворачивали. Те, кто по следу нашему шли, верно, нас уже потеряли в пещере — думают до сих пор, что мы все плутаем там или же погибли давно.

— Полагаешь, слуги Змея могут нас снова найти?

— Покуда не ведаю, княже. Но у меня на душе тишина — беда нам не грозит покамест. — И Буян украдкой коснулся оберега. Тот молчал, подтверждая его слова.

Расседланные кони бродили по траве, сочно и торопливо хрустя стеблями — оголодали под землей. Они неохотно дались в руки. Старый, привычный к походам Облак скоро смирился, а Воронок выкатывал глаза, спотыкался и баловал. Буян в сердцах огрел его кулаком, смиряя норов.

Оседлав лошадей, путники поехали по степи, правя чуть левее садящегося солнца.

На отдых пришлось остановиться скоро — когда утомленные подземельями кони опять стали спотыкаться. Дабы обезопаситься от непрошенных гостей и провести ночь спокойно, путники въехали на курган — оказалось, что степь изобиловала ими: они торчали вехами, куда ни поедешь. На плоской вершине его было достаточно места для двух лошадей и костра. Усталые, они спали очень крепко и не видели, как в небе мечется странная звездочка, словно выискивает что-то в бескрайних просторах степи.

ГЛАВА 14

Они уже несколько дней ехали по степи и не встретили ни единого человека. Однажды утром их разбудила легкая Дрожь земли. Казалось, что каменный идол забытого божества какого-то древнего кочевого племени на вершине кургана, у подножия которого они заночевали, начинает качаться и готовится выпрямиться и сойти вниз. Удивленные путники одновременно вскочили, прислушиваясь и стараясь понять, что это означает.

Издаleка уже доносились гулкие удары в барабаны, крики и пение сотен людей. От их согласованных шагов земля мелко дрожала. Лошади пугливо жались друг к другу, скаля

зубы и закладывая уши. Шум становился все громче.

— Что это? — спросил Властимир. Буян судорожно вцепился в оберег:

— Не ведаю. Но надо уходить.

— Может, лучше переждать?

— Нет, — отмахнулся Буян — Оберег беду чувствует. И смерть! — Он принялся собирать вещи и, взяв уздечку, позвал своего Воронка.

— погоди седлать! — сказал Властимир. — Надо же посмотреть, от чего или от кого мы удираем.

— Некогда, — через плечо бросил Буян. — Если мы промедлим, то погибнем. Как ты не понимаешь?

Он не решился сказать князю то, что почувствовал от прикосновения к оберегу, — смерть будет грозить ему первому, а Властимира, ежели тот будет осторожен, она минует. Но Властимир только махнул рукой и пополз на вершину холма.

С четырнадцати лет он ходил на охоту один, и порой на опасного зверя. Он мог подкрасться даже к осторожным гусям. И теперь князь залег под идолом, и ему открылось удивительное зрелище.

В их сторону двигалась странная процессия. Впереди шел высокий статный старик в драном халате, тупоносых сапогах и наброшенной на плечи шкуре, с длинными, до пояса, седыми волосами, увешанный черепами мелких зверьков и амулетами, гремящими, как детская погремушка. Он выступал чинно, его глаза пророчески блестели. Справа и слева от него два подростка несли на шестах лошадиные черепа. За ними шли десятка два крепких, как на подбор, широкоплечих воина, несших дрова и еще какие-то вещи. Позади гнали скот — двух коров, быка, телят, овец и молодого коня, и воины тащили на руках связанных людей — несколько мальчиков-подростков и девушку. По виду связанные принадлежали к этому же племени.

А дальше шли и плясали на ходу юноши и девушки. Одни били посохами по земле и притопывали ногами. Другие стучали в обтянутые кожей большие барабаны — каждый нес несколько человек, а один ударял в натянутую кожу палками. Многие что-то пели гнусавыми голосами. По бокам всю процессию охраняли вооруженные всадники.

Замыкала шествие толпа сотни в две-три людей. Некоторые ехали на низкорослых степных лошадях, другие пели или подражали пляске жрецов, подпрыгивая на ходу. А совсем вдали Властимир разглядел повозки, расставленные полуколем, и стада. Вчера еще этого стана не было. По длинным косам, кожаным одеждам и островерхим шапкам-башлыкам князь узнал кочевников-угров, или мадьяр, как они сами называли себя.

Мадьяры с приходом хазар мало тревожили славян — у них появился новый враг, который вытеснял их с обжитых степных угодий. Большая часть мадьяр откочевала далеко на запад, за Бут, другие вернулись на восток, прочие понемногу мешались с хазарами. Это была, вероятно, одна из последних орд мадьяров, которая еще кочевала в этих степях. И она была довольно велика — Властимир заметил, что в толпе совсем мало женщин и нет детей младше тех, кто предназначался в жертву. Те, должно быть, остались в повозках. Зато к кургану приближалось не меньше четырех сотен воинов.

Властимир и Буян наблюдали за происходящим, уже отъехав на некоторое расстояние.

Когда процессия поднялась на вершину, жрец и его помощники закружились вокруг идола в танце и наперебой заголосили хвалу богу. Было похоже, что они просят бога принять жертву, даровав своему народу удачу. Они так были увлечены этим обрядом, что не обратили внимания на случайных свидетелей, которые находились совсем рядом.

Пока вокруг идола продолжалась пляска, в которую кроме жреца с помощниками включился кое-кто из зрителей, воины-охранники спешно сооружали алтарь из камней, разводили костер и раскладывали обрядовые ножи для принесения жертвы. Делали они это быстро и сноровисто.

Когда огонь разгорелся, жрец, продолжая приплясывать, взял из рук помощника нож и, закатив глаза, закружился вокруг собранных вместе жертвенных животных и связанных

людей. Бог сам должен был указать на угодную ему жертву, подав знак. Несчастные люди, прижавшись друг к другу не сводили с него глаз. Некоторые мальчики тихо плакали. А толпа скакала вокруг, подбадривая жреца. Спокойными оставались только всадники.

Жрец завертелся волчком, раскинув руки. Он кружил все быстрее и быстрее и вдруг, споткнувшись, пошатнулся. Стремясь удержать равновесие, он задел одну из жертв — мальчика лет тринадцати. Разноголосый вой, рев и крик приветствовали выбор бога. Мальчик был высок ростом и хорошо сложен.

Пока жрец с багровым от натуги лицом и мутными глазами, шатаясь, приходил в себя, его помощники бросились на первую жертву. Избранника бога подвели за связанные локти к алтарю, а вскоре и жрец подошел туда, что-то бормоча себе под нос.

Помощники встали поодаль, а жрец толкнул мальчика так, что тот упал спиной с заведенными назад руками прямо на горячие угли. Стоя над ним, жрец запел, и все тут же подхватили песню, не переставая приплясывать. Остальные пленники немного приободрились — бог мог насытиться и одной жертвой.

Только мальчик не разделял общего восторга. Истошно вопя, он елозил по углям. Изпод него пробивался дымок. Когда жрец закончил заклинание и склонился к нему с ножом, мальчик боднул его головой в живот и вскочил.

Все ахнули. Обгорелые веревки упали с пленника, и он бросился бежать. Помощники главного жреца с криками кинулись за ним. Идол никак не отреагировал на то, что случилось под самым его носом.

Мальчишка бежал вниз по склону кургана, все увеличивая скорость. И вдруг его преследователи увидели нечто, заставившее их остановиться. У подножия холма еще слегка дымились кострище, валялись остатки обеда и лежала даже кучка свежего лошадиного навоза. Только тогда с вершины заметили двух всадников.

— Держи их! — закричал жрец, показывая на них ножом. — Держи! Они осквернили самого Архмаздру!

— Держи! Держи! — подхватили остальные.

Услышав крики, всадники пустили своих жеребцов в галоп. Конные мадьярские воины во весь опор помчались за ними.

Сбежавший мальчишка наблюдал за этими событиями из кустов. Ему не было жаль тех двоих, что удирали от воинов, — он не привык жалеть чужих. Важнее было другое — теперь его оставят в покое.

Лошади мчались нос к носу, как на скачках. Князь и гусляр подгоняли коней, не оборачиваясь назад, — позади была слышна погоня, не отстававшая ни на шаг. К первым всадникам присоединилось еще десятка три — каждый хотел испытать свою силу и ловкость в охоте на чужаков. Некоторые мадьяры приготовили арканы, какими ловят диких лошадей: чужаки должны быть доставлены к алтарю идола живыми и по возможности невредимыми.

Расстояние до преследуемых сокращалось, и виноваты в этом были лошади: старый Облак уже не мог состязаться с молодыми сильными конями мадьяр, которые были натасканы, как охотничьи собаки, на долгую погоню. Более молодой Воронок мог оторваться от погони, но Буян нарочно сдерживал его, чтобы не разлучаться с князем. Властимир замечал это глазом опытного воина и терялся в догадках — почему гусляр не спасается бегством, хотя может это сделать.

Беглецы не сразу заметили, что впереди темнеет какое-то препятствие. Но мадьяры, очевидно, об этом знали, потому что вдруг стали сдерживать своих коней.

— Они отстают, княже! — крикнул Буян. — Там что-то есть!

Властимир и сам понял это. Вдруг лошади встали на дыбы. Путь им преградила глубокая и широкая трещина с отвесными стенами, через которую едва ли могла перепрыгнуть самая сильная лошадь. Она походила на ножевую рану, нанесенную земле великаном. С противоположной стороны был насыпан земляной вал. Конца-краю этой трещине не было видно.

Что делать? Удирать князю и Буяну было некуда, и преследователи это знали. Возможно, они нарочно загнали беглецов сюда. Мадыяры начали окружать витязей, не спеша вынимая сабли и арканы.

Буян и Властимир развернули коней и, выхватив мечи, ждали.

Всадники уже оценивающе разглядывали чужих коней и выискивали в глазах славян первые признаки страха, столь желанного для всякого, кто привык наводить его на других.

Облак и Воронок, чуя сечу, приседали на задние ноги, грызли удила, выкатывали налитые кровью глаза. Властимир и Буян посмотрели друг на друга. Возможно, это их последний бой, и они попрощались без лишних слов.

Человек или зверь, которому есть куда отступать, всегда обороняется с оглядкой. Если же зверя или человека загнать в угол, — он продает свою жизнь уже за дорого и бьется до конца. Но эти мадыяры, очевидно, никогда не имели дела с людьми, которые решались на такой последний смертный бой, и приближались к ним с беспечными улыбками.

Пришпорив коней, десяток самых нетерпеливых и молодых устремились вперед. Князь первым же ударом отрубил одному мадыяру руку. Началась яростная сеча. Кони вертелись, храпели и лягались. Прикрываясь щитом, Властимир срубал одного конника за другим. За его спиной гусляр, тоже бросив повод на луку седла и сдавив коленями бока жеребца, Держа меч двумя руками, так махал им, что от врагов только головы летели. Он уже был забрызган чужой кровью с головы до ног. Если бы князь видел, как сражается гусляр, он бы наверняка поразился тому, что случай свел его с таким бойцом. Воронок хватал зубами угорских коней, бил копытами. Под ногами лошадей уже валялось десятка два трупов, искалеченные с трудом отползали в стороны, и вдруг мадыяры неожиданно отступили.

Властимир опустил меч, не понимая, что это значит. Неужели их оставят в покое, видя, что они, не получив ни царапины, уложили чуть не по десятку воинов каждый и многих ранили? Но тут засвистели арканы, и в следующий миг сразу две петли упали ему на плечи. Мадыяры скрутили обоих, обезоружили и верхом повезли назад, к кургану.

По дороге Властимир несколько раз оглядывался на Буяна. Тот мужественно сражался, но сейчас не выглядел воинственно — скорее он казался испуганным и настороженным. Князь и сам боялся, что их отвезут на курган и принесут в жертву богу, алтарь которого там был. Но когда обрадованный жрец уже стал спускаться к ним, прискакал еще один всадник. Он повелительным жестом приказал всем следовать за собой. Отряд повез пленников в обход кургана, к стану.

Властимир слегка приободрился, и даже Буян выпрямился в седле, но что ждало их дальше?

Вокруг них образовалась толпа. Опоздавшие напирали сзади, чтобы взглянуть на чужеземцев. Завизжала какая-то женщина, захныкал ребенок. Мадыяры провожали пленников мрачными взглядами.

С поля брани привезли мертвых и искалеченных. Воины подняли шестнадцать убитых на скрепленные копыта и понесли по образованному народом коридору, а их убийц повели следом. Раненые стонали, и, слыша их голоса, — толпа распалилась так, что охранникам пришлось сдерживать ее при помощи оружия. Несколько камней попало в пленных — каждое попадание было встречено криками восторга.

Глядя на кричащую, рвущуюся к ним толпу, Властимир старался держать себя в руках — он был князем, и не пристало ему показывать простолюдинам, да еще чужеземцам, свои чувства, свой гнев и горечь поражения. Он старался не обращать внимания на злобные крики и внешне был спокоен. Иное дело — Буян. Он вертел головой и кусал губы. В глазах его читалось нетерпение и страх. Несколько раз он бросал взгляды в сторону Властимира, и, когда глаза их встретились, гусляр торопливо зашептал:

— Слушай меня, князь! Я попробую договориться с ними. Я упрошу отпустить одного из нас, и им будешь ты!

Властимир удивленно глянул на гусляра:

— Почему я?

— Не перечь! — сказал Буян срывающимся голосом. — Я знаю, что делаю! Ты лучше меня, ты — князь, ты — воин. А я ничто — изгой-гусляр! Меня заменить можно. Я... я смерти боюсь!.. Не то что ты — тебя боги послали. Я договорюсь, и ты уедешь.

— А что же ты?

— А что — я? Со мной ничего не будет. — Буян уже совершенно не владел собой. — Со мной ничего не будет! Я сам так решил. Ты только согласишься с тем, что я предлагаю. Пойми, я дело говорю! Нашей земле ведь это надо!

Властимир неожиданно для себя подумал, то Буян прав — его путь был еще не закончен. И это даже хорошо, что Буян сам решил остаться — несмотря на то что новгородец оказался хорошим товарищем, своей неугомонностью и всезнайством он раздражал князя. Даже сейчас он не может вести себя как подобает мужчине. Если бы на его месте был Рат, Властимира бы огорчила потеря. Но Буян... Так и в самом деле будет лучше.

Его размышления были прерваны. Путь был окончен. Пленников подвели к самой богатой открытой повозке. В ней на звериных шкурах и коврах с ярким узором сидел, развалясь, высокий, могучий, немолодой уже воин в цветном халате, накинутом поверх кожаных одежд. Башлык и пояс его были богато расшиты. Перед повозкой на коленях, склонив головы, стояли полуголые рабы, среди которых были и славяне. За повозкой замерло несколько всадников — судя по всему, стража. В ее числе Властимир с удивлением заметил женщин, хотя длина и толщина кос у мужчин и женщин была примерно одинакова.

Вождь надменно посмотрел на стоявших перед ним пленников — спокойного Властимира и дрожавшего Буяна — и махнул рукой. К нему подошел невысокий, похожий на купца человек и, склонившись, выслушал его тихое бормотание. Затем он повернулся к славянам:

— Светлейший и сильнейший вождь всех мадьяр степи Шаркань желает знать, кто вы, откуда и с какой целью осквернили своим присутствием курган нашего бога, повелителя и создателя степи Архмаздра.

Властимир не успел рта раскрыть, как гусляр шагнул вперед и заговорил быстро, глотая слова:

— Великий вождь, мы ни в чем не виноваты — мы просто ехали и решили заночевать. Мы не знали — степь не куплена... А потом мы уехали и решили не мешать. Ваши люди погнались за нами — мы только защищались! Мы ни в чем не виноваты, мы...

Легкий толчок в спину заставил его замолчать.

Толмач стал переводить слова гусляра, но вождь, не, дослушав — похоже, ему было достаточно увидеть выражение лица Буяна, — махнул рукой и что-то сказал. Толмач кивнул и перевел:

— Светлейший и сильнейший вождь Шаркань не хочет знать ваших оправданий. Он хочет знать, кто вы и откуда! Советую не сердить его, — последние слова толмач явно добавил от себя.

— Имя мне — Властимир сын Улеба, я князь города Резани, — спокойно сообщил Властимир. — Мой спутник — гусляр из Новгорода, Буян.

Толмач перевел вождю. Выслушав, Шаркань сокрушенно покачал головой и зацокал языком. Он не сказал ни одного слова, но толмачу этого и не надо было.

— Светлейший и сильнейший вождь не верит чужеземцам, — сказал он. — Вы осквернили нашего бога, нарушили священный ритуал, что оставался неизменным от прадеда отца нашего вождя. Вы могли быть подсланы теми, кто хочет смерти нашему народу, а посему вы должны немедленно назвать свои настоящие имена или доказать, что вы не лжете.

Услышав такое, Властимир вскинул голову и гордо посмотрел на вождя мадьяр.

— Я князь! Считаю, что этого достаточно. Я не собираюсь этого доказывать.

Буян обратил в его сторону полный ужаса взгляд. Толмач весьма красноречиво покачал головой и стал переводить слова князя. Вождь насупил брови — ответ резанца заставил его

задуматься. Было видно, что это занятие ему непривычно и он не любит, когда его заставляют это делать.

Буян это понял и отчаянно бросился на выручку князю.

— Вождь, выслушай, — зачастил он, — и сам рассуди. Мы ехали по степи, никого не трогали и ушли с кургана, чтобы не мешать твоим людям. Мы только оборонялись, когда на нас напали, а что убили многих, так то удача, не более. Никто нас не подсылал, сюда по своим делам едем. Мы все немного ошиблись, так давайте мирно разойдемся — степь большая, места всем хватит.

Он замолчал, потому что по знаку недовольного его болтовней хана один из охранников зажал гусяру рот ладонью, а другой сильно ударил его в живот, так что Буян задохнулся.

— Ты будешь говорить? — через толмача обратился к Властимиру вождь Шаркань.

— Я все сказал, — буркнул князь.

Буян в ужасе закрыл глаза. Он боялся, что гордость князя до добра не доведет. Степной же вождь думал иначе. Ему нравился бесстрашный славянин. Шаркань что-то сказал, и толмач перевел:

— Ты горд, резанский князь, — услышали славяне его слова, — но ты глуп — взял себе в попутчики болтуна с душой женщины...

Обиженный Буян вскинул голову. В толпе кто-то засмеялся.

— Тебе мы верим, — продолжал толмач переводить. — Но твой спутник не заслуживает веры — от страха любой говорит не истину, а то, что хочет услышать победитель. Тебе будет сохранена жизнь, но он умрет.

Властимир перевел взгляд на Буяна — тот побледнел от страха. Охранники достали сабли.

— Я гусяр, певец! — вскрикнул Буян, когда ему накинули веревку на шею и потянули в сторону — Хотите спую?

Он нетерпеливо уставился на толмача, ожидая, когда тот переведет его слова вождю. Но толмач не торопился. Шаркань поправил подушки под собой и вдруг изрек на ломаном славянском наречии:

— Пой. Понравишься — сохраню жизнь.

Властимир был удивлен, что вождь знает их язык, но Буян обрадовался. Ему развязали руки. Властимир же пока оставался связанным. Буян принялся растирать затекшие запястья — предстояло выдержать серьезное испытание: своим пением он мог спасти себе жизнь. По знаку Шарканя один из рабов принес мешки новгородца. Вынув гусли, Буян на краткий миг прижал их к сердцу и мысленно обратился к Велесу: «Как отца тебя почитать стану и потомкам своим накажу, коли поможешь...»

Толпа затихла, и в этой тишине гусяр ударил по струнам, и полился его высокий сильный голос:

То не облако в лес хоронится,
не туманы полезли с реки —
проскакала по лесу конница:
все русалки да все лешаки.
Сказку слушали, да не до конца —
разбежались, кому невтерпеж...
Старый конь просил добра молодца,
наточившего свой острый нож:
«Не губи меня, добрый молодец,
я тебе еще пригожусь!
Я в жару воды дам колодезной,
с чародеем вмиг подружу.
Не губи меня понапрасну ты —

это наговор, это ложь...»

Когда его голос стих, в стане долго стояла точно наколдованная тишина. Молчали все — даже лошади притихли, опустив головы. Люди словно ждали, когда вернется эхо голоса гусяря, Сам Властимир был поражен — до этого Буян только что-то напевал себе под нос или насвистывал, но пел только в Ласкове. Князь сам не ожидал, что его так очарует песня гусяря.

Наконец вождь Шаркань пошевелился и встряхнул головой, отгоняя оцепенение.

— Проси, — молвил он на ломаном славянском.

Буян пал на колени.

— Отпусти ты нас! — воскликнул он. — Не простые мы путники, не за золотом в путь отправились. Ждет нас дело, и дело немалое...

Вождь прикрыл один глаз.

— Вы вместе? — обратился он к Властимиру. — Да.

— Хорошо. — Вождь немного помолчал, потом кивком головы указал на князя одному из стоящих позади него людей. Тот вышел вперед и молча освободил резанца.

— Князь пусть едет, — услышали славяне на этот раз через толмача решение Шарканя — Я отпускаю его, а гусярь останется. Петь нам будет.

Два воина встали рядом с гусярем, обнажив сабли.

— погоди, вождь! — воскликнул Властимир. — Нельзя так! Он свободный человек! Что ж, ты его клеймишь, как раба, будешь? Коли так — я тоже остаюсь. Не пойду никуда без Буяна.

Гусярь вздрогнул — он не мог поверить услышанному. Вождь внимательно посмотрел на них обоих и наконец сказал:

— Я понял тебя, князь. Вы осквернили нашего бога, вы преступники. Но мне жаль убивать тебя, Властимир, потому что ты равный мне, и жаль убивать Буяна, потому что он хорошо поет. И вот мое решение! — Он махнул рукой, и толмач послушно отступил в сторону. — Певец останется здесь, пока князь будет выполнять свой долг. Потом он должен вернуться за своим спутником... Я много слышал о славянах, об их честности. Я хочу проверить — так ли верны славяне слову, как говорит о них молва? Если ты, князь из Резани, — он с трудом выговорил название города, — вернешься за ним, я отпущу вас обоих. Но если ты скроешься — он будет принесен в жертву нашему светлому и могучему Архмаздре! Я сказал!

Князь и гусярь переглянулись. Оба понимали, что дело им предстоит нешуточное. Без помощи и подсказки Буяна Властимиру будет трудно, почти невозможно выстоять против Змея. Он наверняка погибнет, а это означает смерть гусяря. Но даже если князь и победит, Шаркань в любой момент может перестать ждать.

— Ничего, — шепнул Буян. — Я что-нибудь придумаю.

— Не надо, — остановил его князь. — Я сделаю все и приеду. Вождь не успеет с тобой справиться. Положись на меня.

Их разговор был прерван толмачом.

— Светлейший и сильнейший вождь Шаркань просит дорогих гостей в свой шатер, — сказал он. — Скоро начнется пир во славу могучего властелина мира Архмаздры. Он, — толмач кивнул на Буяна, — должен на нем петь.

Их окружили воины и повели к шатрам, которые начали разбивать рабы и женщины по всему стану. Но, к огорчению Властимира, повели их в разные стороны.

Пир во славу Архмаздры в тот вечер кипел во всех шатрах, но самым богатым был в шатре самого Шарканя. Там всюду шло веселье — звучала музыка, перебродивший кумыс и награбленное в набегах на караваны и города вино лилось рекой, рабы бегом меняли опустевшие блюда на полные, а танцовщицы — среди них были и славянки, что глядели в сторону Властимира робкими оленьими глазами, — в танце еле успевали увертываться от

похотливых рук пьяных гостей. Кроме трех старших сыновей вождя с ним пировали два его брата со своими сыновьями, личные советники и лучшие воины. Князя усадили среди них и обслуживали наравне с остальными, но никакого особого внимания не уделяли, если не считать охранника, который все время сидел у князя за спиной.

Буян появился позже. Властимир удивился, не увидев на его ногах цепей, — вождь дал достаточно ясно понять, что гуслий для него почти раб. Ему вручили гусли. Залпом осушив чашу вина, Буян запел.

Он опять пел о том же старом коне, но на сей раз князю показалось, что голос его дрожит. Ни один мадьяр, исключая вождя, не знал языка славян и не понимал смысла слов, поэтому большинство и не очень-то слушало новгородца. Буян же пел, почти не останавливаясь, и ни разу не посмотрел на князя, сидевшего рядом с ним.

А после пира к вождю пришел жрец Архмазды. Стан уже затихал, отходя ко сну, только в некоторых шатрах еще продолжались разговоры за чашей вина и песни. Шаркань возлежал на подушках, а его новая наложница разминала ему заплывшие жиром плечи — вечерами вождь всегда чувствовал боль в плечах. Когда жрец вошел, девушка вскочила и отошла к полотняной стене, сложив руки на груди и поклонившись — жрец любого мог отправить на алтарь Архмазды за непочтение к себе.

Шаркань был явно недоволен приходом жреца.

— Что нужно тебе? — хмуро спросил он.

Движением пальца жрец приказал девушке выйти, и та не осмелилась его послушаться.

— Ты знаешь что, — заговорил жрец, когда они остались одни. — Чужаки. Мне нужна их кровь. Ты знал об этом с самого начала, но почему-то решил сохранить их жизни. Более того, ты даже пообещал отпустить их!

— Только когда один вернется за другим, — ответил Шаркань.

— Он может и не вернуться, — возразил жрец. — Нельзя верить обещанию врага.

— Славяне нам сейчас не враги.

— Враги все, кто оскорбил великого Архмазду. Бог повелел мне убить этих двоих, ибо они несут смерть нашему народу. Ты же идешь против бога. Берегись, Шаркань!

— Два человека не могут уничтожить весь мир, — махнул рукой вождь. — Такой силы нет ни у кого...

— Есть у славян! — перебил вождя жрец. — Ты не все знаешь про славян, я же через бога кое-что знаю. Славяне — это опасная сила. Она пока спит, но однажды проснется, и тогда... Вождь, я именем наших потомков требую их смерти!

— А я хочу, чтобы они жили! — Шаркань начал гневаться. — Мне нравится голос этого светловолосого новгородца и его песни. И я обещал им жизнь при всем народе. Люди скажут: «Наш вождь не хозяин своему слову — выберем другого, который говорит то, что делает, и не меняет решений». Тогда мне конец. Вряд ли тебе будет так же хорошо при другом вожде. Все знают, с какими богами ты на самом деле общаешься, выдавая этих огромных змей за посланцев Архмазды! Подумай, жрец!

Жрец промолчал. Вождь говорил правду, но жрец должен был добиться своего.

— И все-таки мне нужны их жизни, — тихо и упрямо промолвил он. — За чужаков тебя никто не осудит, а я вступлюсь за тебя перед народом.

— Князь ел за моим столом, пил из моей чаши, — лениво возразил вождь. — Это значит, что пока он в стане, ему ничто не может грозить... Но он на рассвете покидает нас. Я дам ему в спутники моего сына Керека. Светловолосый певец останется пока у меня...

Жрец поклонился — он услышал и понял именно то, что хотел.

— Я поговорю с могучим Кереком, — промолвил он и, пятясь, покинул шатер хана.

Едва он вышел, из-за полога выглянула девушка-наложница. Увидев, что жреца нет, она приблизилась к Шарканю и встала на колени перед его ложем, предлагая себя.

ГЛАВА 15

Властимиру прислуживали так, словно он был одним из сыновей хана, — почтительно, но без лишней угодливости, что почти убедило его в искренности намерений мадьярского вождя.

Перед самым отъездом к нему пришел один из сыновей хана и назвался Керек. Властимир видел его вечером по дле вождя. Керек через толмача сообщил князю, что отец послал его сопровождать Властимира и помогать ему в выполнении его дела. Керек даже предложил резанцу самому выбрать слугу, который должен их сопровождать. Присутствие еще одного угра показалось Властимиру подозрительным, но отказ мог выглядеть еще более подозрительным, и он выбрал слугу, цветом волос похожего на славянина. Керек был не очень доволен его выбором, и это послужило для князя знаком, что этот слуга не имеет тайного задания навредить резанцу. Но вообще же молодой сын вождя старался понравиться гостю чем только мог.

Словно в уплату за Буяна вождь сделал Властимиру богатый подарок — двух коней, которых тот сам выбрал в табуне. На каждого коня навьючили мешки с запасами пищи и воды, одежду, шкуры, оружие и посуду. То же было уложено в тороки Керека и слуги, сопровождавшего их...

Молодая жена Керека (пока у него была всего одна жена, но он надеялся в тех местах, куда едет Властимир, приобрести вторую) долго и со слезами прощалась со своим господином у порога его шатра, вынеся полугодовалого сына на последний погляд. Видя с седла, как прощается Керек с женой, Властимир все более убеждался в том, что Шаркань поступил с ним честно — он не стал бы посылать сына убить его, когда у того маленький ребенок и такая юная нежная жена. Ведь Шаркань знает, как могуч резанец и что с ним не так-то просто справиться. Князь вспомнил свою сестру и ее сына Игоря, а потом, неожиданно, Веденею. Он представил ее с сыном на руках — с его сыном — и с трудом смог опять сосредоточиться на настоящем: она далеко, а ему дорога на юг, дальше и дальше от той милой сердцу деревни на берегу озера Ласково.

Они не спеша поехали через стан. Мимо них под охраной двух воинов провели Буяна с гусями за спиной. Гусяр только мельком бросил взгляд на проезжавших, словно и не узнал князя. Тот почувствовал обиду — ему расхотелось сказать Буяну что-нибудь на прощание. Певец скрылся под пологом шатра самого Шарканя. И вскоре оттуда донесся его голос — Буян опять пел для вождя и его приближенных. Песня была та же самая — видимо, она нравилась кочевым мадьярам, ведь в ней пелось про лошадей. Властимир, понимая, что теперь долго не услышит голоса гусяра, поневоле прислушивался к песне. В ней появились новые слова, которых вчера не было:

Должен же меня ты хоть раз понять —
я же друг твой, в конце-то концов!
Или ты меня захотел сменять
на тех двух молодых жеребцов?

Властимир невольно оглянулся. Позади него ехали двое его новых попутчиков, и два молодых жеребца, дар Шарканя, шли за ним, нагруженные припасами. Керек и слуга, чьего имени Властимир так и не узнал, ехали молча, даже понурившись, словно поняли слова песни и отнесли их на свой счет...

Новые попутчики оказались людьми малоразговорчивыми. Слуга, возможно, и хотел поговорить, но его сдерживало присутствие Керека, который ехал подле князя, погруженный в свои думы. Он был почти на полголовы выше Властимира и немного шире в плечах, хотя резанский князь был совсем не малого роста.

Они ехали строго на юг. Летняя степь начала выгорать — трава сделалась жесткой и пожелтела, исчезли цветы, и только кузнечики и полевые сверчки по-прежнему трещали без умолку да саранча брызгала во все стороны из-под копыт. Один раз взлетела тяжелая дрофа — раньше, чем Властимир сообразил, что это, Керек метким выстрелом из лука подстрелил

птицу, а слуга положил ее в дорожный мешок.

Степь тянулась во все стороны ровная и гладкая. Мир делился на две половины — внизу зеленое с желтизной море травы, а сверху синее с белыми облаками море небесное. Теплый ветерок волнами катал травы и обвевал лица всадников. Если бы не он, было бы слишком жарко и душно. За несколько дней путешествия по степи Властимир так и не смог привыкнуть к ней. Ему хотелось скинуть легкий плащ-корзно, подставить тело солнцу — загорелая кожа уже не боялась горячих касаний Ярила, но степняки не снимали одежды, не стал этого делать и князь. Оставалось только терпеть и ждать прохладного вечера.

Проехав верст двадцать, путники остановились на берегу узкой степной речушки, обросшей кустами тальника. Здесь изжарили и съели подстреленную дрофу. Властимиру показалось странным, что они расположились на отдых так, чтобы их можно было увидеть издалека. Он осторожно оглядывался по сторонам, и один раз ему показалось, что кто-то движется за ними на большом расстоянии. Но отсюда увидеть было невозможно — может, это люди, а может, и табу-нок сайгаков или тарпанов. Он от души порадовался, когда они перед закатом остановились на ночевку на опушке небольшой рощицы, словно перенесенной сюда с севера, с берегов Оки или Трубеня, где стоит деревня Ласкова.

Пустив лошадей пастись по сочной, не тронутой степным безжалостным солнцем траве, Властимир, оставив Керека и слугу заниматься костром, углубился в лес. Толстые стволы привычно обрадовали его. Выросший в лесном краю, князь любил простор, но беспредельная ширь чужой степи угнетала его. Этот островок леса, возможно, говорил о том, что степи скоро придет конец и снова пойдут леса. Деревья в роще были знакомые, только выше и стройнее, чем на родине.

Неожиданно из-за кустов вышел Керек. Промолвив что-то неодобрительное, он взял князя за локоть и мягко, но решительно повел обратно на их стоянку. Властимир понял, что его не только сопровождают, но и охраняют. Вот только от чего?

Подозрения до самой ночи не оставляли резанца.

Среди ночи Властимир проснулся от неясного предчувствия. Костер еле теплился, Керек мирно спал неподалеку, слуга возле костра клевал носом. Властимир подошел, сел рядом и толкнул слугу, предлагая сменить его на страже. Тот понял, благодарно кивнул и улегся, натянув на голову кожаную куртку. Князь подбросил в костер веток, заставив его разгореться с новой силой.

В языках пламени ему чудились образы воинов, коней, взмахи мечей, рушащиеся дома. Тишину ночи нарушали только переступавшие стреноженные кони — они фыркали, вздыхали. Их что-то беспокоило — может, чуяли неподалеку диких зверей, может, просто им передавалось тревожное состояние человека.

Опустив голову на сжатые кулаки, Властимир задумался. Голос Буяна со странной силой звучал у него в ушах, словно гуслик стоял рядом:

Добрый молодец ножик вынул-то,
песню спел, чтоб идти веселей,
в лес-дремуч пошел, да и сгинул там —
лес не любит предавших друзей...

Над головой князя тревожно и сердито зашумели листья. Ночь надвинулась со всех сторон — даже костер сжался под ее тяжкими крылами, не в силах разорвать мрак... Как там говорил Буян? «Свет не от огня — свет от души человеческой».

Властимир встал и, крадучись, осторожно направился к лошадям. Услышав его шаги, кони зафыркали, но Облак узнал хозяина и ткнулся носом ему в ладонь. Он словно спрашивал: «Что решил, князь?»

Верность коня приободрила князя. Тихо, чтобы мадьяры не проснулись, он взял седло, уздечку и оружие. Прихватил в гороках только самое необходимое. Будто понимая, что

хочет сделать хозяин, Облак пошел за ним.

Отведя коня подальше на опушку, Властимир оседлал и взнуздал его, вскочил в седло и вытащил плетку-семихвостку. Вспомнилось, как Веденея, вручая ему плеть, наказала: «Коли хочешь ты, чтоб твой конь помчал выше леса стоячего, ниже облака ходячего, ударь его этой плетью промеж ушей. А коли захочешь, чтоб он опять на обычный скок перешел, изловчись и ударь его по глазам». Тогда он только усмехнулся на такие слова, но сейчас, когда там, в угорском стане, на волоске висит жизнь его друга, поверил Веденее.

Он размахнулся, примериваясь, но Облак вдруг осел на задние ноги. И тут сверху хрустнули, обламываясь, ветки, и на спину князю упал человек.

Спрыгнувший с дерева обхватил его ногами и руками, как дикого коня. Жесткие пальцы сомкнулись на горле. Властимир запрокинулся, отдирая руки врага, и они вместе упали, покотившись по земле.

Придавив горло резанца локтем, злодей занес нож. Властимир увидел блеск лезвия и в последний миг перехватил разящую руку. Нож несильно кольнул его в грудь.

Враг хотел занести нож для второго удара, но Властимир уже крепко держал его запястье. Сбросив с себя злодея, князь с удивлением узнал в нем того самого слугу, похожего на славянина. Слуга вскочил и бросился на Властимира с голыми руками. Почти не испытывая сожаления, Властимир всадил в его грудь нож до рукояти и вдруг почувствовал сзади чьи-то шаги.

Стремительно развернувшись, князь толкнул тело слуги назад — и сабля Керека, нацеленная в спину резанца, проткнула слугу, убив его.

Выдернув саблю из трупа, Керек двинулся на князя. У резанца против сабли был только нож — меч остался у седла отбежавшего в сторону Облака, но теперь они были один на один, и князь не ждал нападения сзади.

Керек бросился вперед, занеся оружие для удара, но князь увернулся. Мадьяр колот и рубил, но его сабля только со свистом рассекала воздух — искусный славянский воин был неуловим. Улучив момент, Властимир вырвал саблю у мадьяра, поставил ему подножку и пригвоздил к земле его же оружием.

Оставив умирающего Керека корчиться в траве, Властимир только сейчас ощутил боль от раны, нанесенной ему слугой. Осмотрев порванную на груди рубаху, он присвистнул — нож скользнул по кожаному мешочку, в который Веденея зашила осколок когтя убитого им в Муромских лесах, чудища. Острие ножа лишь оцарапало кожу. Зверь сохранил жизнь убившему его человеку.

Помянув добрым словом девушку, Властимир вскочил в седло. Облак скакал, отчего-то оглядываясь. Тут и Властимир услышал топот копыт. При свете очистившегося от облаков звездного неба он разглядел погоню из более чем десятка всадников. В ночи тускло сверкали обнаженные клинки сабель.

Мадьяры шли за ними по пятам, видимо, со вчерашнего дня и просто ждали удобного случая, чтобы закончить дело или подсобить Кереку, памятуя, что с князем в одиночку справиться трудно. А может, это была небольшая банда разбойников, что двигались сюда наудачу, заметив огонек костра? Нет, это были мадьяры. Их выдали высокие войлочные шапки.

Мадьяры растягивались цепью, пытаясь взять князя в кольцо. Властимир припал к гриве жеребца, молясь только об одном — чтобы тот не споткнулся. Но степные всадники были все ближе. Их целеустремленность показывала — они пришли сюда за головой князя, а где-то в это время, должно быть, сражается за свою жизнь Буян.

На ходу выдернув меч, Властимир резко развернул Облака навстречу погоне. Двое первых мадьяр не успели приостановить бег своих коней и расстались с жизнью, попав под резанский меч.

Если оставшиеся надеялись, что в одиночку князь против них не выстоит, они ошибались и скоро смогли убедиться в этом. Властимир налетел на них, как разъяренный вепрь. В ночи он смутно различал врагов, но разил без промаха. Обоюдоострый меч резанца

отбрасывал их легкие сабли и рубил руки, как рубил, забавляясь в юности сам князь, молодые деревца на скаку.

Он даже не заметил мига, когда пал последний враг, и размахнулся вновь. Меч со свистом описал дугу, не встретив сопротивления, и Властимир понял, что победил.

От косого удара погнулась стрелка на его шлеме, берегущая его нос, ныла рана на левом плече, в остальном же князь вышел из боя невредимым. Отсосав из ранки кровь и прошептав заговор, останавливающий бег руды, Властимир последний раз оглядел место побоища — раненые мадьяры еще шевелились, умоляя добить их, — и поехал прочь. Выехав на открытое место, он снова достал плетку и, размахнувшись, вытянул жеребца по ушам.

Облак завизжал так, что казалось, перебудит всю степь, осел на задние ноги, но в следующую секунду прынул вверх. Властимир только поразился, когда понял, что конь отмахал 33 один прыжок чуть ли не версту. Жеребец полетел над степью, лишь изредка касаясь ее копытами.

Ветер свистел у князя в ушах, звезды мелькали искрами небесного костра, степь волнами плыла навстречу, и только в груди, где оставалась царапина от мадьярского ножа, что-то прохватывало всякий раз, как подкованные копыта тяжело ударяли о землю. И скоро, скорее, чем князь успел привыкнуть и насладиться полетом — до сего часа летал он лишь во сне, — он заметил вдали огни.

Это был стан мадьяр. Князь стегнул Облака по глазам. Тот заржал тонко, по-жеребьячи, споткнулся, едва не выронив Властимира, и, к радости седока, пошел почти бесшумным шагом: всадник хотел подобраться к врагу незаметно.

Приближающийся в ночи навстречу стан молчал. Только побрекивали иногда собаки да фыркали пасущиеся кони. Мерцали редкие костры. В их свете были заметны черные силуэты шатров, кибиток и телег.

Властимир спешил и осторожно повел Облака мимо пасущегося табуна. Жеребцы, учуяв чужого, двинулись навстречу. Князь пошел быстрее, удерживая своего горячего коня.

На его счастье, часовые не обратили внимания на шум в табуне — мало ли что происходит среди жеребцов, а волка они и сами отгонят. Привязав Облака к крайней кибитке, Властимир, пригнувшись, пошел, придерживая у пояса меч и в любую минуту готовый метнуть нож, если кто-нибудь заметит его.

Крадучись, то и дело пластаясь по земле за шатрами, Властимир пробирался в центр стана, к шатру Шарканя. Только бы не заблудиться! Он представил, как откидывает полог, входит, шарит руками и обнаруживает, что ошибся. Все мадьяры просыпаются... От этой мысли его прошиб пот.

Он пошел дальше, и на фоне неба перед ним неожиданно вырос огромный шатер с конским хвостом на бунчуке. Ветер слабо колыхал длинные белесые волосы вымпела. Буян должен быть здесь.

У входа, опершись на копье, стоял воин. Властимир обошел, шатер с противоположной стороны, орудуя ножом и руками, сделал щель в полотняной стенке и юркнул внутрь.

Пахло дымом костра, остатками ужина, войлоком и давно не мытыми телами. Как это мадьяры всю жизнь дышат этой вонью? Слышался храп нескольких спящих людей. Властимир пополз, рукой ощупывая дорогу перед собой. Один раз он наткнулся на чью-то ногу. Судя по всему, это была женщина. Властимир пополз дальше. Неужели он ошибся и попал в шатер жен вождя? И тут наткнулся на цепь.

Одним концом цепь была впаяна в тяжелый кусок железа, другой тянулся к спящему человеку. Властимир осторожно коснулся его, боясь разбудить, и едва не закричал, узнав под рукой остроносые сапожки Буяна. Спящий дернулся и проснулся. Гусляр впотьмах не узнал князя. Крик готов был сорваться с его губ, но Властимир бросился к нему и прижал к постели, ладонью зажимая рот.

Буян брыкался, вырывался, старался укусить, готовый дорого продать свою жизнь, но Властимир, склонившись к его уху, успел шепнуть прежде, чем тот заорал на весь шатер:

— Тихо ты! Я это, я!

Гусляр тут же перестал сопротивляться и взглянул на князя. Властимир отпустил его, и Буян сцепил руки у него на шее.

— Ты! Ты вернулся! — прошептал он. — А я уж думал, что ты меня бросил!

Властимир разжал судорожно сведенные руки Буяна.

— Конечно, вернулся, — пробурчал он. — Разве я мог тебя оставить?

— Не ведаю, княже... Ты ведь князь, а я гусляр — ты мог и оставить меня здесь... А я, — вздохнул Буян, — уже успел проститься с жизнью — я знаю, меня хотят убить.

— Теперь пусть они только попробуют, — угрюмо пообещал Властимир. — Теперь я здесь!

— Меня собираются отдать в жертву их богу — я слышал разговор.

— Не отдадут, — шепнул Властимир. — Мы уйдем раньше. Пошли!

Но Буян покачал головой:

— Я не могу идти. Я закован.

Властимир нащупал на теле Буяна железный пояс, к которому замком крепилась цепь, ведущая к неподъемному куску железа.

— Они боятся, что я удеру, — объяснил Буян. — Я даже попытался, но меня поймали... Слушай, княже, что я скажу, — заторопился он, схватив князя за руки. — Пропала моя голова. Иди уж один. Возьми мой оберег. Я скажу, как он вещает... Уходи, спасайся сам!

— Ну уж нет, — строго сказал Властимир. — погоди, я достану ключи у вождя. Где он тут?

— Не достанешь! — шепнул Буян. — Вождя нет здесь. Ушел он куда-то и ключи с собой унес. А стан большой, до утра искать будешь... Слушай, коли и правда помочь хочешь. Там, за частоколом, слева от костра, мой Воронок стоит, я заметил. Седла с него и тороков так и не сняли. В сумке там пучок трав сушеных. Принеси их.

Властимир только удивился, что на пороге смерти Буян сохранил ясность мысли и додумался, как поступить. Князь поспешил к щели в задней стене.

Снаружи была глухая ночь и полная тишина. Зарево костров не разгоняло мрака, но после кромешной тьмы шатра видно было хорошо. Рядом Властимир увидел копья, поставленные с одной стороны мадьярского лагеря так плотно, что между ними с трудом можно было просунуть руку. За частоколом был привязан единственный конь.

— Воронок! Воронок! — позвал Властимир.

Услышав знакомый голос, жеребец прижался к частоколу. Князь увидел в щели сверкающий глаз — конь пытался разглядеть человека.

Властимир стал по очереди проверять копья, нашел одно шатающееся, как подбитый зуб, и вырвал. Остальные расшатывать и вырывать было уже легче. Сделав себе проход, князь протиснулся туда и оказался по ту сторону частокола.

Воронок и правда был оседлан, и Властимир полез в то-роки. Под пальцами что-то захрустело, и он вытащил пучок трав. Потом бесшумно пробрался обратно и вернулся в шатер.

Буян его ждал, натягивая цепь. Он взял у князя траву и стал ее перебирать на ощупь, изредка поднося к лицу и пробуя. Наконец Буян нашел широкий треугольный лист с резными ломкими краями и ткнул им в замок. Что-то хрустнуло, блеснула искорка, и замок открылся.

— Откуда у тебя разрыв-травы? — спросил Властимир, пока Буян осторожно, чтоб не звякнула, снимал и укладывал цепь.

— Подарили, — ответил тот, первым направляясь к выходу.

— Кто?

Буян уже сунул голову в щель, но оглянулся. В темноте блеснула его улыбка:

— Не Веденя, княже! Один волхв, я у него скрывался от варяжских мстителей. Ты его не знаешь... На прощанье дал трав — сказал, вдруг пригодятся. А Веденя — нет, она все в другую сторону поглядывала...

Воронок узнал хозяина и потянулся к нему, точно зовя поторопиться. Буян сунул травы в суму у седла и вдруг начал лихорадочно ощупывать вещи.

— Подожди меня немного, княже, — быстро шепнул он. — Я скоро. — И Буян мышью метнулся обратно.

— Куда? — спросил вдогонку Властимир. — Ехать надо, скаженный!

Но Буян уже убежал, и князю оставалось молить всех богов, чтобы оберегли от беды этого непутевого парня. Ему грозит смерть в стане, а он еще задерживается здесь!

Совсем близко тявкнула собака, и сердце Властимира замерло — к шатру двигались три тени. Кивнув охраннику у входа, они по очереди скользнули внутрь. А гусяр уже бежал обратно, обеими руками прижимая к себе мешок.

— Уж прости, княже, — сказал он, приторачивая мешок к седлу. — Но я гусяр — я не могу без гусель.

Властимир пробурчал что-то, и они быстро пошли вокруг стана, ведя Воронка в поводу. И в это время уже издалека, от ханского шатра, долетел крик:

— Держи его!

— Скорее!

Они побежали. Облак узнал их шаги и радостно заржал. Через мгновение оба витязя были в седлах.

Но из глубины стана уже катился вал поднятой тревоги. Несколько человек оказались на пути беглецов — не останавливаясь, князь срубил двоих из них, остальные достались Буяну.

Беглецы скакали во весь опор. Сзади вспыхивали факелы, раздавались крики. Стан мадьяр приходил в движение, снаряжая погоню.

Припав к гривам лошадей, два всадника уходили во тьму степи. Позади них равнина загоралась сотнями огней, слышался топот копыт и крики погони. Впереди пока еще была тишина, но на просторах степи нигде не было спасения от мадьярской конницы. Мадьяр было слишком много, и они были слишком близко.

На востоке, куда беглецы правили коней, уже светало. Еще немного — и короткая летняя ночь уступит место долгому дню, а при свете солнца уже нигде не спрячешься, не уйдешь. О сражении нечего было и думать — теперь враги налетят кучей, сомнут толпой, затопчут конями.

Буян скакал чуть впереди, привстав на стремянах, — его Воронок несся как птица. Гусяр то и дело оборачивался назад, вглядываясь в сверкающие огоньки. Они уже довольно далеко оторвались, но преследователи не отставали, они были готовы гнаться за ними до конца — пока не увидят их головы насаженными на копья.

— Сможем ли уйти, княже? — крикнул Буян на скаку.

Тот глянул назад:

— Не знаю.

Перед ними степь сморщила свое гладкое чело, образовав балки и овраги — верный признак того, что близко протекает река. А справа, примерно в версте от них, темнел лес.

Небольшая роща не была надежным убежищем — слишком много людей гналось за ними по пятам. Но Буян направил жеребца прямо к лесу, жестом велел Властимиру следовать за собой. Князь не стал перечить.

В чаще леска деревья, словно застигнутые потоком люди, лезли на пригорки и склоны оврагов. Будь лесок чуть побольше, можно было бы попробовать спрятаться здесь.

Проскакав половину леска, Буян неожиданно осадил Воронка. Князь прислушался: можно было различить шум погони. Мадьяры видели, куда свернули беглецы. Гусяр вскинул руку вверх.

— Уж вы гой еси, звери лютые! — громко крикнул он. — Звери лютые, незнакомые! Собирайтесь вы, звери лютые, да на голос мой, на призывнице!

Вдруг на пригорке, у подножия которого приплясывали их кони, зашелестела трава,

качнулись ветки кустов, и к двум людям вышли несколько поджарых степных волков.

Впереди выступала волчица — матерая, крупная, с отвисающими сосцами и холодными злыми глазами старухи ведьмы. За нею шли трое переярков — рослые и сильные. Позади виднелись еще пять зверей. Волчица, пригнув узкую морду, приблизилась под самые копыта мелко дрожащего Воронка.

Гусляр свесился к ней.

— За нами погоня, — быстро промолвил он. — Нашей смерти ваши же враги желают. Останови их, сестра моя, будь милостива. А тебе и детям твоим за то будет пожива — кони под ними сытые, стоялые. Встань нам защитой!

Он протянул руку, и Властимир едва не свалился с седла от удивления — волчица дала себя погладить между ушами!

Облак и Воронок с ужасом косились на волков.

Отойдя в сторону, волчица присела на задние лапы и, подняв морду в светлеющее небо, завывала.

Все остальные восемь волков ответили ей хриплыми голосами. И издалека пришел ответ. Этот новый вой так напугал жеребцов, что они сами бросились прочь, ломая заросли.

Буян не сдерживал Воронка, только обернулся и на скаку крикнул:

— Благодарю тебя, мать волков степных! Добрых дней да охот удачных!

Они вылетели из леса с другой стороны. Волчий вой не прекращался теперь ни на миг. Буян выпрямился в седле, с легкой улыбкой подставляя лицо ветру. На бледных щеках его понемногу разливался румянец.

Властимир косился на него со страхом — только волхвы и жрецы, да еще колдуны способны разговаривать с лесными зверями, а его спутника только что послушались волки.

Впереди опять расстилалась ровная степь. Жеребцы мяли рослую траву, которая поднималась им до колен. Они скакали тяжело, устало.

Буян весело сказал князю:

— Пора дать коням роздых — они сегодня жизни наши вынесли.

— А погоня?

— Нет ее более, — улыбнулся хитро гусляр. — Али волков позабыть успел?

— Волков-то я помню, но видано ли, чтоб десяток волков сотню мадьяр вспять повернули?

— Ты людских страхов еще не ведаешь, княже. Остановись и прислушайся, коль мне не веришь, — скачет ли кто за нами!

Властимир осадил Облака и спрыгнул наземь. Степь качнулась у него под ногами, и он рухнул на колени. Рядом тяжело спешился Буян. Князь коснулся ухом земли и не поверил себе.

Стояла тишина. Степь молчала на версты вокруг. Ни единого звука, ни единого шага.

— Я не верю, — шепнул князь. — Неужто спасены?

— А что я тебе говорил, княже? — гусляр сел, потом лег в траву, расправляя плечи. — Звери... Коли не остановили, то уж задержали — точно. А то и на ложный след навели. Теперь отдохнем...

Речь его становилась все медленнее и неразборчивее. Наконец он затих совсем. А князь давно уже спал.

ГЛАВА 16

Когда Властимир проснулся, над самой его головой висел яркий, слепящий глаз круг Солнца-Ярилы. Небо было раскалено, как камни очага в кузне. По тишине, нарушаемой лишь треском кузнечиков и шагами лошадей, он понял, что все в порядке, и сразу вспомнил, что случилось с ними вчера.

— Прогнева... — слышалось рядом. Властимир повернул голову на голос.

Возле них, опустив головы в траву, бродили их нерасседланные жеребцы и хрустели

травой. Шкуры их были с серым налетом присохшего пота и пены. В двух шагах от Властимира, разметавшись, спал Буян, чему-то улыбаясь во сне, как мальчик. Губы его слегка шевельнулись.

— Буян, — позвал тихо князь, — ты спишь? Гусляр улыбнулся шире:

— Нет уже...

Он открыл глаза и посмотрел в небо.

— Воля, — промолвил он. — Как хорошо на воле... Никогда не думал, что буду радоваться просто тому, что жив. До сего дня мне всегда хотелось еще чего-то большего!

— Буян, ты сейчас только что сказал... Мне послышалось, что ты назвал одно имя...

Гусляр сел.

— Ведаю, княже, о ком ты, — ответил он. — Она мне вроде как жизнь спасла — коли бы не ее оберег, не знаю, что со мной было бы! А что тебя взволновало так?

— Ничего. Просто показалось, что ты влюблен!

— Я? — Буян вскочил, вскинув руки. — Я же сказал — нет в мире ничего лучше воли! Хотя что-то мне говорило всегда, что придется однажды сразиться за нее. Вчера я чуть было в этом не разуверился, но благодаря тебе...

Он посерьезнел, встал и отвесил Властимиру низкий поклон.

Князь тоже встал. Буян смотрел на него непривычно строго и серьезно.

— Ты мне жизнь вчера спас, — сказал он. — Мне мало кто добро в жизни делал. Я...

Властимир обнял его за плечи, заставив замолчать.

— Я должен был это сделать, и я сделал. Я тоже перед тобой в долгу неоплатном — и мне ты не раз великую помощь оказывал, а я того не ценил. Ты же мне друг как-никак. И мы вместе одно дело делаем. Ты мне друг, а не в обычае нашем друзей бросать. И никогда я с тобой не расстанусь.

— Храни тебя боги, князь!

Буян тоже обнял Властимира и троекратно поцеловал. А потом шепнул:

— Никогда у меня не было брата — один я у родителей, но теперь я всем скажу, а как дети будут, то и детям тоже: есть у меня брат старший, за которым я бы в огонь и воду пошел.

— И у меня, — молвил Властимир, — до сего дня был только один брат, а теперь и второго я нашел. А раз так, то следует скрепить родство навеки.

Он достал нож, который отобрал у мадьяра, и, закатав рукав рубахи, сделал косой надрез, выжав кровь. Гусляр молча взял у него нож и сделал то же самое. Медленно, глядя друг другу в глаза, они соединили руки, мешая кровь в ранах, и прочли клятву-заговор:

— Именем бога, седого Сварога, именем черного Перуна. Впредь и отныне, на земле и на небе в тебе и во мне кровь одна. Мой род — твой род, мой дом — твой дом, мой враг — твой враг, мой друг — твой друг, мой путь — твой путь. И будет так, пока светит солнце и веет ветер, ныне, до смерти и после смерти. И да не разлучат нас люди и боги да не рассорят нас. И пусть запомнят этот час горы и доли, реки и море и вся земля наша, ибо слово наше крепко, слово наше верно, слово наше вечно!

Завершив обряд, побратимы сели на лошадей и пустились в путь.

В следующую ночевку костра не разводили, потому что вокруг не было ни единого деревца.

Утром они обнаружили, что буйство весенних красок здесь, много южнее Резанского княжества, уже давно сошло на нет и трава начала вянуть под лучами жаркого солнца. На землях славян тоже наступали Ярилины дни, пора жары. Свежая трава еще оставалась в редких низинах, у ручьев и речек. Коням еды хватало, иное дело — люди. В их седельных сумках оставалось так мало съестных припасов, что их едва хватило бы еще на два дня. Гусляр никогда не утруждал себя заботой о завтрашнем дне и брал в дорогу немного еды. Сейчас же, когда они здорово проголодались, беспечность Буяна стала раздражать князя.

Единственное, что им могло помочь, — это охота, но степь как вымерла — только

пустельги висели в знойном мареве, трепеща крыльями, да изредка жаворонки. И дело бы рано или поздно кончилось плохо, если бы вскоре после полудня третьего дня пути не увидели они вдаль темную полосу леса.

Скоро их кони уже мягко ступали по влажной от вечерней росы лесной траве, а сердца обоих путников наполнялись радостью — лес то место, где только младенец способен умереть от голода. Буян уже играючи на ходу свешивался с седла, собирая редкие ягоды, нашел даже гриб-сыроежку, так рано вылезшую на свет. Но это все была не еда — следовало подумать о мясе.

— Помнишь ли, княже, как я в том лесу волков подманил? — спросил Буян. — Давай-ка я и здесь то же попробую, а ты в засаде стань — может, кого подстрелишь!

Из засады охотиться на зверя, который придет на песню, — это не очень-то нравилось Властимиру, но лес, хоть и был густой и старый, не баловал путников звериными следами даже у ручья, а потому решили рискнуть.

Ни единой тропы не пересекло леса, словно тот вымер. Только возвышались толстые стволы вековых дубов и вязов, меж которых мелькали ели, а под ними теснились заросли молодняка и кустов. Кони с хрустом топтали папоротники и подминали копытами траву, грудью раздвигали сплетенные ветвями стены жимолости, бересклета и малины.

В низине густо рос орешник, плулая по склонам сухого оврага. Только переклик птиц нарушал тишину леса да шорох ветра в вышине. Поравнявшись с зарослями лещины, всадники спешили и пустили лошадей пастись. Ободряюще кивнув Властимиру, Буян прихватил гусли и ловко сбежал на дно оврага.

Прежде чем затаиться в засаде, Властимир проверил, откуда дует ветер, и пристроился в развилке кривой березы, между кустами орешника. Отсюда ему отлично было видно Буяна.

На дне оврага было небольшое открытое пространство, заросшее густой травой. Посередине этой полянки стоял старый замшелый пенёк. Гуслиар присел на него и немного посидел неподвижно, ожидая, пока успокоятся потревоженные его появлением птицы и князь отыщет подходящее место для засады с подветренной стороны. Внизу, где устроился Буян, не было ни малейшего ветерка. Не прошло и часа, как лес совершенно забыл о двоих людях, что вторглись в его пределы.

Положив гусли на колени, Буян коснулся струн кончиками пальцев и тихо что-то запел. Он мурлыкал мелодию себе под нос, и до спрятавшегося шагах в пятнадцати Властимира донеслись только отдельные слова — гуслиар пел что-то про лес и лесных зверей. Когда же Буян запел в полный голос, Властимиру вдруг самому страстно захотелось выйти к нему из кустов. Только шорох травы на другой стороне полянки отвлек его и освободил от чар.

Трава раздалась, и на полянку медленно и сторожко вышла лисица в летнем невзрачном наряде. Она остановилась в нескольких шагах от гуслиара, что пел, прикрыв глаза, как соловей, склонив голову набок. Когда она села, обвив хвостом ноги, князь понял, что лисица очарована голосом Буяна, в котором было что-то манящее, действующее даже на человека.

А Буян пел, забыв уже о том, что рядом в засаде ждет князь.

Как на голос тот да на пение
звери дикие собирались.
Собирались да со всех концов,
да со всех краев леса частого.
Приходил к нему волк с волчицею,
прилетали птицы со гнездышек,
прибегали зайцы с семейками,
горностаюшки да полевочки,—

тек его голос, и, очарованные им, на поляну один за другим выходили звери.

Не боясь лисицы, в траве столбиками стояли или не спеша передвигались скачками

зайцы, подняв уши, чтобы лучше слышать. На ветках расселись птицы, возбужденно и тихо перекликаясь. Змеей мелькнула в траве куница, спугнув тетерку. Над самой головой притаившегося князя присела белка, сложив лапки и цокая. Властимир подумал, что чуткий зверек вот-вот заметит его и поднимет тревогу, но белка перескочила на другой куст, поближе к певцу, так что князь остался у нее за спиной.

В траве шуршали мыши, вторая лисица присоединилась к первой, легкий шорох выдал подкравшегося одинокого волка, но все эти звери не годились для стрелы князя. Он уже решил, что здесь удача от них отвернулась, и собрался подстрелить зайца, чтобы хоть чем-то пообедать, но тут в зарослях мелькнуло белое пятно.

На голос Буяна из чащи тихо вышла белая молодая лань с фиолетовыми глазами. Она появилась как призрак, как русалка летней ночью — словно вечерний туман выткал ее меж тонких стволов орешника. Ни единый листик не шевельнулся при ее появлении, а звери молча, как во сне, не сводя глаз с гусяра, посторонились, давая ей дорогу к центру поляны.

Потряхивая ушами, лань приблизилась к Буяну и взглянула на него ласково и любопытно. Гусляр увидел ее, и князь услышал, как голос его дрогнул. Буян наверняка заметил, что, кроме нее, другой подходящей дичи здесь нет, но убивать такую красоту было жаль.

Властимир вспомнил охоту на диких лошадей в Муромских лесах и крапчатого жеребца, погоня за которым едва не стоила ему жизни. Лук его был давно нацелен, но при воспоминании о том случае рука его дрогнула, и стрела, назначенная в грудь лани, в сердце, поднялась чуть выше и попала ей в плечо.

Она вскрикнула. Гусляр вскочил. Песня смолкла, и чары пропали. Очнувшиеся звери бросились врассыпную, а раненая лань неловко повернулась и скачками помчалась в чащу.

Когда песня стихла, оборванная свистом стрелы, с глаз князя словно спала повязка. Кровь на светлой шкуре зверя пробудила в нем охотника. Забросив лук за спину, он выхватил из-за голенища нож и побежал по кровавому следу лани — у капли крови были хорошо видны на траве.

Он стремительно пронесся мимо Буяна, и гусляр побежал следом.

Крутой подъем по склону оврага подорвал силы раненого животного. Возбравшись наверх, охотники пробежали с сотню шагов и наткнулись на лань.

Она лежала вытянувшись, и трава пропиталась ее кровью. Обломанная во время бегства стрела торчала из плеча, и кровь бежала тонкой струйкой. Когда Властимир склонился над ланью с ножом, чтобы перерезать ей горло, она с усилием подняла голову и взглянула на него влажными фиолетовыми глазами, в которых дрожали совсем человеческие слезы.

Князю приходилось добивать раненых животных. Он добивал даже людей во время отражения хазарских набегов. Его рука не дрогнула, когда он оттягивал за уши голову лани, но в тот самый миг, когда нож уже готов был прорезать кожу, над ним неожиданно раздался ворчливый хриплый голос:

— Остановись, несчастный!

Он вскочил, удивленный.

К ним приближалась старуха — ветхая, сгорбленная, закутанная в летнюю жару в старые шкуры, с пуховым платом на голове. Темная юбка волочилась по траве. Из-под плата выбивались седые длинные волосы. Старуха обеими руками опиралась на суковатую палку с рогом оленя на конце. Ее морщинистое лицо, совсем черное от времени, искажала гримаса гнева. Маленькие блестящие глазки недобро сверкали, поджатые провалившиеся губы дрожали. Лань с усилием вскинула голову и посмотрела на старуху с радостью и надеждой.

Та вышла к охотникам и пристукнула палкой о землю.

— Остановись! — повторила она, хотя Властимир и так стоял не шевелясь. — Как смели вы охотиться в этих лесах и проливать кровь моих зверей без моего ведома?

— А это твой лес, что ли, бабушка? — спросил Буян.

— Мой! А чей же еще? Приходят, дичину бьют, покоя мне не дают. Ни почтения, ни

позволения, ни благословения не спрашивают.

— А кто ты такая, чтоб у тебя позволения просить поохотиться? — обрел голос Властимир.

— Сам должен знать, коль в лесу случалось бывать, — сверкнули глаза старухи, и она добавила, глядя на остолбеневшего от ее намека князя: — Вы мой закон нарушили, кровь пролили без позволения в заповедном лесу. Должны вы свой грех искупить.

Властимир опомнился и отвесил старухе поклон. Так говорить с ним могла только сама Зевана-охотница, явившаяся ему в этом непривычном облике.

— Ты прости нам этот грех, — стал оправдываться он. — Оголодали мы. Занесло нас сюда путем невольным. Если зверя твоего ранили...

— Не зверь это! — старуха снова пристукнула палкой. — Дочка это моя!

Властимир глянул в глаза лани, что не сводила их со старухи с самого начала.

— Что ж нам делать? — спросил он, убирая нож обратно.

— Коли вы и правда не для забавы охотились, то прошу быть моими гостями. Там вас хлеб-соль ждет. А заодно мне расскажете, кто вы и откуда и по какому делу путь держите. Ты за лошадьми сходи, — велела она Буяну, — а ты, стрелок, возьми ее. Сама-то она не дойдет!

Подивившись на то, как старуха быстро все устроила и вызнала про лошадей, Буян сбегал к оврагу. Властимир же осторожно под пристальным взглядом старухи поднял лань, что вся затрепетала при его прикосновении. Дождавшись Буяна, старуха повела их по лесу.

Она вскоре углубилась в такую чащу, что Буяну приходилось стараться, чтобы пройти там вместе с лошадьми. Князь следовал за старухой, таща на руках оказавшуюся слишком тяжелой лань, и с каждым шагом все больше убеждался в том, что он не ошибся и это не простая старуха. Она шла по густому лесу так легко, что оставалось только удивляться — ни листок не дрогнет, ни травинка не качнется, ни птица не вскрикнет.

Путь пролегал по старому бурелому. Рухнувшие деревья и сучья наполовину ушли в землю, заросли мхом. Приходилось ставить ногу осторожно. Нести лань на руках было неудобно, а забросить ее на плечо, как переносят убитую дичь, чтобы облегчить себе дорогу, он не мог, лань не сводила с него тревожных глаз. Кровь из раны уже перестала течь, но левый бок зверя, нога и рука князя были сильно перепачканы красным. Лань слабела на глазах.

Они прошли версты три или чуть больше, когда чаща внезапно раздалась, открыв маленькую полянку в окружении стоящих плотной стеной вековых дубов. Их густые кроны смыкались, закрывая небо. Слева круто вниз обрывались склоны заросшего ежевикой и крапивой оврага, в котором тихо звенел ручей. Поляну пересекала тропинка, ведущая к лепящейся к кустам бузины и калины низкой ветхой избушке под соломенной крышей, поросшей травой. Несколько ворон и сорок, сидевших на крыше, взлетели при появлении людей. Из-под ног поспешили к оврагу змеи.

Не останавливаясь, старуха прошла к дому, кивнув на лужайку:

— Лошадей здесь ставь!

Буян кивнул, проводил князя взглядом и принялся расседлывать своего Воронка.

Властимир же вслед за старухой вошел в избушку, едва не задевая головой низкие трухлявые притолоки. В избе было темновато и невероятно захламленно. Четверть тесной клетушки, которая словно уменьшилась с появлением высокого плечистого резанца, занимала сложенная из камней печь с лежанкой на ней, грубо обмазанная серой глиной. Против двери были устроены полати. Вдоль стен тянулись расшатанные лавки, у мутного окошка, единственного, освещавшего дом, стоял стол. Под потолком, на балках, висели пучки сушеных трав и гирлянды из венков. Всюду, где можно и нельзя, валялись утварь, тряпье, клочья шкур и мусор.

Старуха, кое-как поворачиваясь в тесноте и темноте избушки, вывалила на пол у печи ворох сена, постелив сверху чистое рядно.

— Сюда клади! — распорядилась она.

Властимир, стоявший на пороге со своей ношей на руках, осторожно положил лань. Она вытянулась и закатила глаза, словно умирающая.

Старуха стала выдергивать по былинке из каждого пучка трав. В воздухе поплыл знакомый по избушке Веденеи запах.

— Чего встал? — ворчливо прикрикнула она на Властимира. — Воды неси!

Властимир нашел валявшееся у двери ведро и вышел.

— В овраге ручей! — прозвучало вдогонку.

На поляне Буян за это время успел расседлать и обтереть лошадей. Он вел их к воде.

— Ну как там? — спросил он князя.

— Не знаю, — ответил князь. — Сейчас целить будет старуха.

Набрав ледяной воды, Властимир по Крутому склону оврага влез, оскальзываясь, наверх и вернулся в дом. Войдя, он остолбенел.

Старуха уже развела в печи огонь. На столе были по порядку разложены сухие травы, а также дохлая мышь, две лягушки, какие-то противные сморщенные комочки и слабо шевелящаяся огромная улитка. Но не это поразило князя — на сене лежала вытянувшись очень красивая девушка лет шестнадцати. Ее белокурые пушистые длинные волосы рассыпались по плечам; огромные фиолетовые глаза, в которых застыла боль, матовая розовая кожа щек, чуть вздернутый носик и пухлый маленький рот — все очаровывало. От ее невиданной красоты у Властимира захватило дух, и он не сразу заметил, что левое плечо девушки и белое вышитое по подолу алым узором платье на ее груди и боку испачканы свежей кровью, а из плеча торчит обломок стрелы.

Следом вошел Буян. Из-за плеча князя он увидел девушку и тоже встал как вкопанный. Старуха же, не обращая на них внимания, закончила что-то говорить у печи, подошла, взяла из руки Властимира ведро и молвила, возвращаясь к своему делу:

— Чего встали? Проходите, садитесь. Или вы не гости?.. Дочка это моя, Беляна.

Услышав свое имя, та подняла на них глаза.

По виду старухи девушка годилась ей в лучшем случае в правнучки, но друзья спорить не стали, молча прошли и сели. Во взгляде Беляны, следившей за ними, смешались страх и любопытство.

Буян прочистил горло и спросил:

— Да ты никак колдунья, бабушка?

Старуха налила воду в котел, стоявший в печи.

— А с чего ты взял это, молодец? — отозвалась она скрипящим от натуги голосом.

— Да так, — засмутился Буян, низя голову. — Дочка вот у тебя то девушка, то зверь лесной...

— Колдую помаленьку, — ворчливо согласилась старуха.

В это время, пользуясь тем, что старуха стоит к ним спиной и что-то тихо бормочет над кипящей водой, а Беляна от боли прикрыла глаза и не следит за ними, Властимир пихнул разговорчивого гусяра локтем в бок и выразительно показал глазами в угол у двери. Буян глянул туда — и язык прилип у него к нёбу.

В углу, откуда Властимир брал ведро, стояла метла. Там же в кучу была свалена какая-то ветошь и шкуры, а кроме этого, большие сапоги и человеческие и медвежьи кости.

— Я это сразу заметил, — шепнул князь на ухо гусяру. — Еще когда ведро брал.

— Выбираться отсюда надо, княже, — так же тихо сказал гусяр, — не то съедят нас тут, не побрезгуют! Вороной мой на месте не стоит — дороги просит...

— Выбираться-то надо, да как? Это же сама Зёвана. От нее не скроешься — пошлет стожар-цвет, и конец!

— Я придумаю что-нибудь, — пообещал Буян, хотя и не знал, как поступить.

От разговора их отвлек голос старухи:

— Чего расселись? Идите помогать!

Друзья вскочили. Старуха подошла к лежащей Беляне, обеими руками прижимая к себе дымящийся горшок с резко пахнущим варевом. Тонкими пальцами она выудила оттуда

пучок разварившейся в кашу травы и сказала Власти-миру:

— Рубашку-то порви на ней!

Ослушаться ее было невозможно, и князь рванул тонкую ткань, открыв белое нежное плечо. Кровь присохла к рубашке, и Беяна тихо застонала от боли, когда он обнажил рану.

Руки князя задрожали, когда он чуть было не коснулся ее маленькой груди, но старуха не дала ему отвлечься. Она ловко обложила рану и стрелу кашей из трав, поглаживая дочери плечо, потом знаком велела Властимиру придерживать девушку на месте за плечи и стала водить руками над раной, бормоча что-то одними губами. Сколько ни прислушивались друзья, не могли расслышать ни звука. Потом старуха вдруг схватила дочь за плечи, надавила — и стрела выскочила вместе со сгустком крови.

Беяна дернулась в руках Властимира и вскрикнула, но старуха уже обкладывала рану травами и заматывала ее чистой тряпичей, которую передал ей Буян.

— А теперь испей, доченька. — И старуха протянула девушке тот же горшок, из которого доставала травы.

Беяна покорно отпила немного. Глаза ее закрылись, она откинулась на рядом и мгновенно заснула.

Старуха поднялась, жестом велела Властимиру и Буяну сесть.

— Что ж, службу вы хорошо справили, — молвила она. — Пора и самим отдохнуть. Прошу к столу, гостюшки!

Она убрала со стола травы, извлекла из печи чугунок, расставила миски и глиняные кружки для молока, отрезала хлеба от целого каравай. Все это она проделала с быстротой и ловкостью молодой хозяйки, принимающей гостей, и друзья не успели опомниться, как перед каждым дымилась, исходя ароматом, полная миска густой мясной похлебки.

Со своего места Властимиру были хорошо видны человеческие кости в углу, но он не решался спросить, чьи это и не грозит ли им с Буяном то же самое. Буян уже беззаботно уписывал ужин за обе щеки, подмигивая князю. Тот попробовал и отдал должное угощению — старуха оказалась отменной стряпухой.

За едой незаметно разговорились — старуха старалась выпытать у них цель их поездки. Памятуя о том, с кем говорит, Властимир не собирался ничего от нее скрывать, но сдерживался, когда более молчаливый на этот раз Буян толкал его под столом ногой.

— Да, трудненько вам будет добраться до гор Сорочинских! — сказала Зёвана. — Я-то вас простила, препятствий чинить не буду. Но есть и иные. Кто вам на пути встретится — про то даже я не ведаю... Ну да ладно! Не со зла вы дочке моей боль причинили. Помогу я вам, чем смогу. Пошли!

Она встала и направилась к двери. Друзья последовали за ней, и Буян успел сжать руку Властимира, призывая к осторожности.

Покинув избушку, старуха направилась за дом, огибая заросли крапивы и бузины. Дальше они миновали густую поросль молодых деревьев и уткнулись в тын из старых, уже трухлявых и замшелых бревен, заостренных на концах. Старуха ловко пролезла в щель между двумя бревнами и поманила за собой своих гостей.

Пройдя вслед за ней, они оказались на заброшенном капище, обнесенном тыном, похожим на зубы дряхлого старика, — кольца ограды потемнели, покосились, а иные совсем упали. Все капище заросло бурьяном, в котором с трудом можно было разглядеть остатки землянки жреца. Зато сразу бросался в глаза идол, вырезанный из толстого ствола липы.

Он изображал поднимающуюся на задние лапы медведицу, с двумя медвежатами. Один малыш, чуть крупнее, прижался к ее ногам, второго она, почти как человеческая женщина, держала у груди — медвежонок цеплялся за нее лапками и пучил испуганные глазенки. Идол был старый, но еще крепкий. В колоде под лапами медведицы была ямка, в которой оставались угли.

Старуха набрала сухих веточек, сложила их в ямку, порылась в спутанной траве в основании статуи и нашла там кремень с огнивом. Ловко высекла искру и подождала, пока разгорится костерок.

— У кого есть что в дар? — спросила она, не сводя глаз с огня.

Буян сунул ей в морщинистую руку сорванный с дерева лист. Старуха досадливо покривилась, но ничего не сказала и бросила лист в огонь. Ее губы чуть шевелились. Скосив глаза на Буяна, Властимир увидел, что тот тоже что-то бормочет.

Оставленный без подкормки огонек быстро прогорел. Старуха вынула щепоть еще горячего пепла и долго рассматривала его.

— Что ж, — проскрипела она, сунув его ооратно. — Идти вам еще долго, и путь ваш будет труден. Вижу, ждут вас опасности, и опасности немалые. Я постараюсь умиловить богов, чтобы дали они вам добрый совет и не мешали в пути...

— Скажи-ка, а удастся ли нам выполнить то, ради чего мы пустились в дорогу? — спросил Властимир.

— Это зависит от того, что скажут мне боги, — уклончиво ответила старуха. — Но пока могу сказать — ничего не бойтесь, ничего вам не грозит под моим кровом. Пойдемте — скоро уж вечер, вам надо отдохнуть. Это мне покоя не будет до утра — все о вас буду заботиться!

Она погладила лапы медведицы и пошла к дому.

Солнце скрылось за деревьями, и на поляне быстро сгустилась тьма. Прохлада пробиралась под плащи. Крапива за избой оделась каплями росы, словно скатным жемчугом. Над головами уже посверкивали звезды.

Буян поймал за полу плаща согнувшегося, чтобы шагнуть в избу, князя:

— Погоди, друг.

Тот разглядел в темноте загадочный и тревожный блеск глаз гусяра, придвинулся ближе:

— Ты чего?

— Слушай меня, княже! Понял я — не настоящая это Зёвана. И нам надо быть настороже, ежели хотим живыми остаться.

— О чем ты, гусяр? Буян поднес палец к губам:

— Молчи, княже. Я тут кое-что приметил... Подожди меня здесь!

Оставив князя, он проворно бросился к зарослям крапивы, спустил рукав рубашки, чтобы на обжечься, и нарвал верхушек растения. Вернувшись, он отряхнул их от росы, оборвал увядшие листья. Потом достал из-за голенища нож. Проверив его остроту, гусяр довольно кивнул и сунул нож обратно.

— Вот теперь пошли в избу, княже. Да чур — во всем меня слушайся, а не то лежать твоим костям в той же куче.

— Откуда знаешь?

— Оберег подсказал, — загадочно молвил Буян, первым входя в дом.

Властимир последовал за ним, не говоря ни слова, хотя был твердо уверен — на сей раз недоверчивый гусяр ни разу не дотронулся до оберега.

В избе старуха возилась у полатей и обернулась, когда они вошли:

— Проходите, гостюшки дорогие. Я тут вам постелила. Тесновато у нас, так что не взыщите — вместе ляжете.

— Ничего, бабушка, — весело ответил Буян, толкнув князя локтем в бок. — В тесноте, да не в обиде. За доброту тебя благодарим!

Он отмахнул поклон, и старуха расцвела в улыбке:

— Учтивый ты, молодец! Проходите, устраивайтесь, только тихо — не разбудите Беяну...

Девушка металась во сне. Друзья прокрались мимо на цыпочках. Тут старуха заметила у Буяна крапиву.

— А это тебе зачем? — Она протянула к крапиве руку, но отдернула, ожегшись. — Али ночных комаров-кровопивцев боишься?

— Угадала, бабушка, — кивнул Буян. — Певец я — вдруг ко двору какому пригласят, а я весь в укусах.

— Следишь ты за красотой своей, ровно девка, — покачала головой старуха, — но тут тебя комары не потревожат. Выкинь ее да спать спокойно ложись!

Буян с готовностью сунул траву в загнеток печи и подмигнул князю.

— Ну, ложитесь, гости. — Старуха направилась к выходу — Я только на лошадок ваших последний раз взгляну и тоже на покой. Ночь на дворе...

Когда за ней закрылась дверь, с гусяра моментально слетела сонливость. Он прыгнул к печи, выхватил крапиву и разбросал ее вокруг их ложа. Потом ножом очертил круг и в изголовье воткнул тот нож в доски.

Властимир внимательно наблюдал за ним.

— Чего это ты?

— Ложись, не сомневайся, князь! — сказал гусяр, стаскивая рубаху. — Да смотри у меня!

— Скаженный ты, Буян. Одно слово — скаженный, — вздохнул Властимир, устраиваясь спать.

ГЛАВА 17

Тревога пробудила Властимира среди ночи. Он вспомнил, что уже после того, как они легли, вошла старуха, пристально посмотрела в их сторону, но ничего не сказала и вышла опять. Он все ждал, что опять заскрипит дверь, пропуская ее в дом, но не дождался и уснул под мирное сопение Буяна. И вот теперь его что-то пробудило.

Не открывая, глаз, он прислушался, Царила полная тишина, нарушаемая только дыханием спящих людей да тихим шелестом листьев за окном.

Буян ткнулся ему носом в плечо. Властимир попробовал осторожно снять с себя его руку, но тот неожиданно крепче обхватил его за плечи и придвинулся ближе. Князь понял, что гусяр только притворяется спящим. Коснувшись губами уха Властимира, Буян шепнул:

— Только молчи и глаз не открывай. Понял?

Властимир не успел спросить почему, как дверь заскрипела, открываясь. Любопытство все-таки заставило его посмотреть, что случится.

На сей раз старуха была будто выше ростом и как-то светилась. Она шла прямо на них, вытянув руки, как слепая. Глаза ее горели угольями и освещали избу. Князь с ужасом увидел, что Зёвана изменилась — стала выше, стройнее и моложе. Волосы ее рассыпались по плечам. Она что-то бормотала о черном соке и крови вороны. Руки ее дрожали, пальцы сжимались и разжимались, словно она пыталась стиснуть кому-то горло. Вдруг она вскинула руки и закричала пронзительным голосом. Князь от неожиданности вздрогнул, и рука Буяна опять сжала его плечи.

— Только не шевелись, — прошептал гусяр.

Ведьма бросилась к ним, но внезапно остановилась, дойдя до круга. Очи ее полыхнули так ярко, что при их свете князь с удивлением понял, что перед ним не старуха, а молодая женщина. Однако радости это не доставило.

С воем ведьма попробовала подобраться с другой стороны, но наступила босой ногой на крапиву. Что-то треснуло, лопнуло с хрустом, будто льдинка под ногой, и ведьма взвизгнула, скача на одной ноге.

Еле справившись с болью, она подкралась со стороны стены, но там ее ждал нож.

— Только не шевелись, — повторил Буян.

Руки ведьмы дрожали совсем близко от его головы — всего одно касание, и он будет в ее власти. Но в тот миг, когда она уже готова была схватить его, рукоять ножа вспыхнула, как подожженная. Искры попали ей на руки.

Ведьма отпрянула, затрясла обожженными руками. Волосы ее встали дыбом. Совершенно обезумев, она закружила по избе, то и дело бросаясь на спящих людей и опять натыкаясь либо на крапиву, либо на круг. Это еще пуще ярило ее. Она выкрикивала что-то несвязное, и от ее слов проснулся ветер, стены избы заскрипели, дверь захлопала, а в печи

что-то заухало. По углам зашевелились какие-то уродцы — они тянулись худыми лапками к людям. Что-то маленькое, мохнатое свесилось с потолка, как паук на паутине. Чтобы не видеть его, Властимир зажмурился — сверху их не защищало ничто, — но маленькое существо не спешило спуститься ему на лицо, а оставалось висеть на паутинке, раскачиваясь и визжа от досады.

По всей избушке что-то скакало, кувыркалось, визжало — Властимир не открывал глаз, ожидая, когда же все это кончится. Буян искусно притворялся спящим, но слышал все, что происходит.

Неожиданно раздался хриплый крик ведьмы, в котором смешались ярость и восторг. Князь снова открыл глаза.

— Смотрите! — воскликнула ведьма, указывая на спящую у печи Беляну. — Вот нам пожива!

Все существа радостно загалдели, забыв про спящих людей, и окружили девушку. Властимир увидел, как ведьма склонилась над ней со зловещей улыбкой, готовая схватить ее за шею. Беляну не защищал ни круг, ни нож, ни крапива. Первым порывом резанца было броситься на защиту девушки. Он уже приподнялся, но гусяр навалился на него.

— Не шевелись! — шепнул он. — Чуть выйдешь из круга — тут и смерть тебе, и я ничем не смогу помочь!

— Но они убьют ее!

Буян открыл глаза.

— Жди, что будет, — строго сказал он. — Не верю, что убьют.

Князю оставалось только смотреть. Заметив, что ни один мужчина не собирается вставать, чтобы защитить девушку, ведьма оставила спящую в покое и опять бросилась на них, заметив, что они бодрствуют. Вся ее свита устремилась за нею.

— Держи меня, если что, — шепнул князю Буян.

— Что? — переспросил Властимир.

Но Буян не успел ответить, потому что вдруг дернулся, словно его ударили в спину. Все тело его мелко дрожало. Он тяжело дышал, стиснув зубы. Ведьма торжествующе завывала.

Князю показалось, что какая-то сила пытается развести их в стороны — чьи-то холодные пальцы отрывали руку гусяра от его плеча. Рука Буяна против его воли поднялась, но в этот миг Властимир сам схватил гусяра за плечи и увидел, как губы того дрогнули в улыбке.

Ведьма отпрянула с воем, вздевая руки к потолку, закричала от бессильной ярости и последний раз бросилась на них, но ударилась о круг всем телом и выбежала вон из избушки. Ее свита, оставшись без повелительницы, тоже кинулась врассыпную.

Ночные события снились Властимиру всю ночь, обрастая новыми подробностями. Ведьма летала по избушке, и вместе с нею почему-то летали Беляна и Буян, смеясь над ним. Утром, почувствовав чье-то прикосновение, князь вскочил с криком.

Над ним сидел улыбающийся Буян.

— Доброе утро, княже, — приветствовал он его. — Как спалось?

— Ужасно. Тут всю ночь... Слушай, а ты что, ничего не помнишь?

— А что я должен помнить? — еще шире улыбнулся Буян. — Мне ничего не снилось, кроме Ласковы и лебедей над рекой... Как там она называлась? Не помнишь? Трубец?... Трубеж?..

— Язык у тебя саженный, Буян, — отмахнулся Властимир. — Тут ночью ведьма летала!

— Ведьма! — фыркнул Буян. — Скажи на милость!.. Тоже мне, выдумал.

Тут князь увидел свой нож, торчавший в изголовье. На костяной рукояти четко отпечатались чьи-то словно бы огненные пальцы. Крапива со вчерашнего дня не просто завяла, но высохла и пожелтела.

— Я все помню, — тихо молвил гусяр, — и это тебе не приснилось. Но не говори старухе и Беляне ничего — будто и правда это было только сном.

— Почему? — спросил князь.

— Как-нибудь позже объясню... А пока давай вставай — нам в дорогу пора!

Он соскочил с полатей и пошел к двери. В дверях он столкнулся с Беляной. Девушка несла ведро с водой.

— Доброе утро, — сказала она ласково. — А я вам поесть сейчас сготовлю. Умывайтесь пока!

После всего, что случилось ночью, в избушке князю было неудобно, и он поспешил вслед за гусяром. Но, проходя мимо Беляны, он успел заметить, каким нежным взглядом провожает его девушка. Это смутило его — ведь вчера он пролил ее кровь. Неужели в отместку она захочет, чтобы он на ней женился?

Истина открылась им, когда они собрались уезжать. Встав из-за стола, Буян отвесил старухе и Беляне низкий поклон:

— Благодарствуем хозяйшкам за хлеб-соль, но нам пора в путь-дорогу.

— Погодите, люди добрые, но вы не можете так просто уехать! — воскликнула старуха.

Недоброе предчувствие заставило и Властимира встать:

— А почему?

— Вы беду моей дочери накликали, — строго сказала старуха. — Прятала я ее в этих лесах от лихих людей, держала в облике лани, чтобы никто не догадался. Теперь же вы ее кровь пролили и сняли чары мои. А того вы не ведали, что поступала я так, чтобы от зла ее уберечь да для жениха ее сохранить. Уехал он с чудищем заморским в дальние земли сражаться, да пока не вернулся. Может, и сгинул там — никто не ведает. Ждала его моя дочка двадцать лет с небольшим — вечно молодая оставалась. А теперь ей придется среди людей век свой доживать по вашей милости — постареет теперь она скоро. Что ей тогда делать?

Беляна сидела на лавке присмиревшая и печальная.

— Ну, а мы чем помочь можем? — спросил князь.

— Отвезите ее в Киев — там на горе Хортой мой брат живет. Он подскажет, где ей от злодеев укрыться, которые ей грозят. Отвезете Беляну в Киев — вот и считайте, что долг заплатили.

— Сожалею, хозяйка, но мы не можем, — покачал головой Властимир. — Наш путь лежит в другую сторону, да и опасен он — негоже такую девушку с собой брать.

Беляна подняла на него глаза — в них уже дрожали слезы. Она потянулась к князю. Весь ее вид выражал тревогу и мольбу. Старуха затряслась от злости.

— Возьмешь, князь, — прошипела она, — или света белого невзвидишь! Или забыл, с кем дело имеешь?

Буян схватил Властимира за руку.

— Погоди, пожалуйста, княже, — сказал он. — Мы возьмем ее, бабушка, только сможет ли она на коне-то усидеть? Ведь путь-то не близок!

Старуха смягчилась:

— Сумела нынче встать да по хозяйству мне помочь — сумеет и доехать. Беляна вся в меня — нигде не сробеет. Иди собирайся, дочка!

Девушка просияла, поцеловала старуху в морщинистые щеки, весело кивнула мужчинам и убежала, что-то напевая.

Буян отпустил руку неподвижно замершего Властимира.

— Я потом тебе все скажу, княже, — сказал он. — Пока надо ехать!

Старуха привела откуда-то из лесу для дочери двух лошадей и быстро навьючила их припасами в дорогу. Кобыла под Беляной была молодая, легконогая, игривая. Забыв про вчерашнюю рану, девушка уверенно держалась в седле. Она радовалась как ребенок тому, что покинула родной дом. Ее спутники шагом двигались за ней по тропе, что указала им старуха, ведя в поводу заводного коня.

Властимир хмуро поглядывал на девушку. Он бы нипочем не согласился, если бы не

Буян. Гуслиар ехал молча, косясь на него.

— Не хмурься, княже, — подал он голос. — Радуйся, что живы!

— Радуйся! — отмахнулся Властимир. — Навязалась эта девка на мою голову — что с нею делать, ума не приложу. Вон все вскачь норовит пуститься — провалится еще куда-нибудь, а нам забота — вытаскивай!

— Не сердись на нее, князь. Она еще молода и глупа — ребенок совсем. Первый раз небось из дому уехала!

— А ты ее не защищай! — рассердился Властимир. — Ты ее взять согласился — ты и будешь выкручиваться, коли что с ней случится. И в Киев ты с ней отправишься — меня не заставите!

— А почему я? Что забыл я в этом Киеве?

— Но ведь это ты ее взял — с тебя и спрос.

— Я ее взял, чтобы тебя, неразумного, от беды избавить! Старуха и есть та ведьма, что ночью к нам подбиралась. Или не заметил, как она все руки прятала? Верно говорю, княже, — обожжены у нее руки о твой нож да мою крапиву. Не возьми мы Беляну — житья бы нам не стало. Ведь ты же девицу из лука подстрелил!

— А кто ее песней подманил? Скажешь — тоже я?

— Песня, каюсь, моя. Но кто стрелял? Там и зайцы были, а потерпи ты чуть — так и кабан бы вышел. Я ведь его чуял, да сказать не мог — спугнул бы зверя. Уж ты поверь мне — я еще ни разу не подводил тебя!

Властимир почувствовал справедливость его упреков — в самом деле, вот и этой ночью Буян спас его от ведьмы. Не догадайся он о круге да крапиве позаботиться, что бы с ними было?

— И сейчас, когда старуха тебя уговаривала Беляну взять с собой, — продолжал гуслиар, — ты чуть все дело не испортил. Зачаровала бы она тебя — совсем бы никуда не поехал. Ведь после того, как мы ее умысел ночной разгадали, ей терять было нечего. А у меня силы бы не стало с нею сражаться. У меня одна надежда — на оберег: что он мне говорит, то я и делаю.

— Понял я, Буян, понял, — перебил его Властимир. — Помолчи, заклинаю. Только вот ты мне скажи — что мне теперь с таким хомутом на шее делать-то? От одной ведьмы избавились — другую с собой возем, так получается?.. И дорога наша не в сторону Киева лежит.

— Знаю, княже, все знаю, — на лице Буяна опять была улыбка. — Погляжу я за Беляной — коли ведьма она, избавимся от нее, будь покоен. Да и если нет — найдем подходящее место и оставим ее там до лучших времен. Живы будем — воротимся, свозим в Киев красавицу. А коли нет — что ж, не судьба.

— Да ты что! — вскричал Властимир. — Хочешь ее подкинуть кому-то? И почему я должен буду за ней...

— Тише! — прижал палец к губам Буян.

Властимир еле успел замолчать — послышался быстро приближающийся топот копыт. Девушка, ускакавшая вперёд, вернулась и воскликнула звонко и весело:

— А вот и я, молодцы! Смотрите, что я вам принесла! Она ловко надела каждому на голову венок из цветов и засмеялась, хлопая в ладоши:

— Ой, как здорово! Буян прямо Купала!.. А о чем это вы тут шептались без меня?

Властимир сердито заскрипел зубами — услышала-таки, ведьма проклятая, — а Буян весело улыбнулся:

— Как раз о Купале! Скоро его ночь. Вот бы к ней в какое-нибудь село поспеть! Я так хочу в празднике поучаствовать. А ты, Властимир?

При Беляне Буян почему-то все время звал князя по имени.

— И я не прочь, — ответил тот сдержанно. — А когда Купалова ночь?

— Через две ночи на третью.

— Ой, как здорово! — захлопала в ладоши Беляна. — Я так хочу плясать! Я бы с

удовольствием сплясала с тобой, Властимир, а ты?

— Беяна, у тебя жених есть, — строго сказал князь. — Или мать все наврала?

— Конечно, есть. — кивнула девушка, — но он далеко. А у тебя нет невесты?

Властимир вспомнил Веденею.

— Есть у меня невеста, Беяна, — молвил он. — Ждет она меня дома, не дожидется.

Девушка убрала с лица улыбку и замолчала.

Дорога пошла вниз, потом снова вверх и заскакала с холма на холм. Овраги превращались в настоящие ущелья. На дне их бежали ручьи и речушки.

Путники по склону осторожно спустились на дно такого ущелья. Там обнаружилась заросшая старая дорога. Камни и упавшие деревья на ней часто преграждали им путь, не встречалось ни единого следа человеческой ноги, лошадиного копыта или колеса телеги. Только звериные следы пересекали дорогу.

Буян внимательно осмотрел опасно накренившийся над дорогой ствол толстой березы. Словно кто-то пытался повалить ее, но не смог. Береза цеплялась за склон половиной корней и могла рухнуть в любую минуту.

— Странный лес, — молвил Буян. — Неужели и здесь какое-нибудь чудище болотное поселилось? Дорога вроде как широкая и удобная, а никто по ней не ездит!

— Чует мое сердце, это козни Змея. — заявил Властимир. — Не нравится мне здесь что-то. Поехали-ка побыстрее!

Вырвавшаяся, как ее ни удерживали, вперед, Беяна вдруг завизжала и поскакала назад.

— Ой, спасите! Ой, боюсь! — закричала она.

Дорога в десятке шагов перед ними делала поворот, откуда и шарахнулась девушка. Ожидая встретить страшилище, из-за которого дорога оказалась заброшенной, Властимир и Буян разом обнажили мечи и поскакали туда.

Вылетев из-за поворота, они едва успели осадить коней и убрать оружие, потому что за поворотом их ждал самый обычный старичок путник, опирающийся на клюку.

— Добрый день, витязи, — кротко молвил он — Куда путь держите?

Пока Буян, пряча смущение, оглядывался, выискивая разбойников, которые могли подкрасться к ним, в то время как старик отвлекает проезжих разговором, Властимир внимательнее взгляделся в старика. За последнее время он уже дважды встречался с лешими и не очень-то удивился, поняв, что перед ним очередной лесовик.

— Здравствуй, стар-старичок, леший-лешачок, — сказал он, отвесив хозяину поклон. — Ты что это проказишь, людей пугаешь на дорогах? Не дело это для лешего, ох не дело!

Старичок весело хихикнул и почесал за ухом:

— А я просто решил чуток развлечься. Спутница ваша к травам лесным почтенья не имеет — ради прихоти их собирает, чтобы тут же и выбросить. Вот и решил я вас в сторону завлечь, чтобы лицом к лицу увидеться.

Буян тронул князя за плечо:

— Ты что, знаком с ним?

— Не со мной он знаком, а с приятелем моим, муромским лешим, — сказал леший. — Про то, что сей резанец для его леса сделал, все лешие давно прознали. Я приятелю своему стаю белок отправил и семью волков, когда ты лес от чудища очистил.

Властимир даже покраснел от смущения. Его подвиг, оказывается, всем известен.

— Скажи-ка лучше, леший, что же дорога эта заброшена? — спросил князь. — Или и в твоём лесу кто завелся?

— Заведется тут кто, как же! — ухмыльнулся леший. — За готовность помочь благодарствую, резанец, а только у меня свой защитник есть, не хуже.

— Это кто же такой? — ревниво насторожился Властимир.

— Так, есть один. Отшельник... Пришел откуда, не ведаю, поселился в пещере и живет. Ему звери сами ягоды да плоды земные носят, птицы зерно притаскивают, только за водой он ходит. Со мной не раз разговаривал — все про то, о чем я за весь век свой и не

слыхивал. Чародей он. Тут разбойнички пошаливали, да он прознал и напустил на них бурю. Ну, да вы только что то самое место проехали, видели, чай, что он устроил!

Буян с содроганием оглянулся:

— И все это сделал он один?

— А то! — лешего просто распирало от гордости. — Он все в мире знает!

— Все, говоришь? — насторожился Властимир. — А не подскажешь ли, где он живет, — мне бы с ним переговорить надобно.

— А чего не подсказать хорошему человеку. По дороге все прямо до оврага, потом по оврагу до трех больших камней, а там любой сыщет. Только будь с ним непочтительнее — все-таки чародей! Обидится, уйдет из моего леса — что я делать буду?

Властимир благодарно кивнул и поскакал по дороге туда, куда указывал леший.

Буян и Беяна догнали его уже в овраге. Князь теперь ехал медленно, погруженный в свои мысли. Когда к нему присоединились его спутники, он не сразу повернул голову в их сторону. Буян в молчании поехал следом по узкой тропинке. Беяна тащилась сзади, ворчливо бормоча себе под нос, что надо бы скорее ехать, чтобы поспеть на праздник, а тут собрались к какому-то отшельнику.

Облак сам остановился, отказываясь идти дальше. Бросив взгляд по сторонам, Властимир увидел на склоне оврага, саженьях в трех от него, три больших камня. Между ними темнел провал узкого входа.

Князь спрыгнул с седла и, бросив повод Буяну, полез вверх, к пещере, цепляясь за кустики и камни — склон был довольно крутым.

Добравшись до входа, он крикнул в темноту:

— Можно войти?

В ответ раздался приглушенный расстоянием голос:

— Входи, путник, входи.

Из глубины тянуло дымом, как из кузницы. Далеко кто-то шел ему навстречу — в темноте плыл маленький огонек. Вскоре князь увидел худого статного старика с длинной седой бородой и в длинном белом балахоне с меховым воротником. Отшельник держал в тонких пальцах светильник с растопленным жиром.

Старик внимательно осмотрел князя с головы до ног и выглянул наружу. Беяна под его тяжелым взглядом покраснела и потупилась, Буян невольно схватился за оберег.

— Зачем пожаловал? — спросил отшельник.

— Ты чародей, должен все знать. Вот я и хотел спросить у тебя — что меня ждет дальше?

— О будущем, стало быть, беспокоишься? Ну, идем, что ли!

Он поманил Властимира за собой и вошел в пещеру.

Большой камень, лежавший у входа, вдруг задвинулся сам собой.

Князь оказался в узком темном коридоре, скупо освещенном только лампадкой в руке отшельника. Дав князю осмотреться, тот пошел впереди, показывая дорогу. Заблудиться в подземном жилище было невозможно — ход шел совершенно прям. С низкого потолка свешивались узловатые корни деревьев, они же торчали из стен и пола. Приходилось следить, чтобы не зацепиться за что-нибудь плащом. Одной рукой придерживая меч, Властимир закутался в плащ — под землей было холодно, особенно после жары снаружи.

Отшельник шел впереди согнувшись, и князю тоже приходилось горбиться под низкими сводами. Ход был очень ровным. Видимо, его сделали люди, а не природа.

Низкий потолок резко поднялся над головой, и Властимир остановился. Отшельник же прошел чуть вперед и поставил плошку с горящим в жире фитилем на высокую подставку, где лежала большая книга, каких князь ни разу не видел. Он с удивлением огляделся.

В просторной комнате было довольно прохладно. Плошка с жиром давала мало света и не позволяла рассмотреть дальние стены. Резанец увидел только грубую лежанку из половины ствола дерева, покрытую шкурами, несколько пеньков, служащих для сидения, и деревянный стол.

Дав князю оглядеться, отшельник указал ему на один из пеньков:

— Присядь, путник. О чем ты хотел спросить меня? Я слушаю...

Прошло уже много времени с тех пор, как Властимир ушел вслед за отшельником. Буян и Беляна потихоньку подобрались к камням. Из пещеры не доносилось ни единого звука, сколько они ни прислушивались, и девушка начала всхлипывать.

— Старик убил его, — сказала она и бросилась на шею Буяну, обливая его слезами.

— Не бывать этому — Властимир не такой человек, чтоб от какого-то старика так просто смерть принять, — бодро ответил гусляр, хотя у самого в груди шевелился холодок: а ну как Беляна окажется права? — Вот увидишь, он скоро вернется!

— А если нет?

— Если нет, придется его выручать. Но надеюсь, этого не случится! Я в этом даже уверен!

Буян разомкнул объятия Беляны: ему что-то почудилось. Сначала он подумал, что ошибся, но нет — из глубины земли в самом деле доносились какие-то звуки. Он приник ухом к камням и услышал приближающиеся шаги двух людей.

Увидев его улыбку, Беляна вытерла слезы. Буян выпрямился и отошел подальше. Камень слегка дрогнул, отодвинулся, открывая проход, и навстречу гусляру шагнул Властимир. Резанский князь был непривычно задумчив и грустен.

Буян шагнул было к нему, но остановился — позади князя стоял отшельник, положив руку ему на плечо.

Старец вышел вслед за Властимиром и посмотрел на девушку и гусляра так, словно впервые увидел.

— Твои друзья? — спросил он у Властимира.

— Да. Мои спутники, — ответил тот. — Мой побратим и... так, одна...

— Что ж ко мне их не пригласил тогда? И для них у меня бы нашлось кое-что, ну да ладно... Прощай, князь!

Отшельник развернул Властимира за плечи к себе и пристально посмотрел ему в глаза.

— Прощай, князь, — повторил отшельник. — Иди к твоим друзьям — они ждут тебя. Но помни — один из них предаст тебя!

Это было так неожиданно, что Властимир оглянулся и встретился глазами с Буяном. Гусляр изменился в лице и покачал головой.

Отшельник, не прибавив больше ни слова, быстро вернулся в пещеру, и камень задвинулся.

Властимир и вслед на нем притихшие Буян с Беляной сошли на дно оврага, сели на лошадей и в молчании поехали прочь. Князь ехал впереди, гусляр и девушка держались сзади. Казалось, даже лошади погрустнели.

— Что он тебе сказал, княже? — шепнул Буян. — О чем предостерег?

Властимир взглянул на него как на чужого:

— Ничего он мне не сказал. Я больше говорил.

— Ты?

— Я. Я ему мою жизнь рассказал, даже про детство немного, что вспомнил. А он только слушал и порой что-то записывал. Я даже не подумал у него совет спросить... Хотя нет, я спрашивал, но он сказал, что я сам все знаю, только забыл, а как срок подойдет, вспомню.

— А ты помнишь, что он сказал потом, когда вы вышли?

Властимир поймал руку гусляра и сжал ее.

— Я сам все время над этим думаю, Буян, — сознался он, — и мне немного страшно.

Беляна ехала позади и, ничего не слыша из их речей, с досадой кусала губы.

Когда они отъехали подальше, ход опять открылся, пропуская отшельника. Старец вышел, встал в проходе, глядя им вслед. Потом не спеша снял с головы длинные белые накладные волосы и бороду. Под ними обнаружилось молодое лицо, русые кудри и короткая

полуседе́я борода. Буян бы с первого взгляда узнал Чистомысла, но гусяр был слишком далеко и уже не мог ничего увидеть. Волхв небрежно бросил накладные волосы в пещеру и три раза топнул ногой.

В ответ донесся конский топот, и с противоположной стороны оврага выбежал серый конь с черной гривой. На ходу подпоясавшись, Чистомысл сбежал к нему, вскочил в седло и ускакал. Камень сам закрыл вход.

Ближе к вечеру следующего дня всадники выехали из леса к реке. Путь им указали встреченные в лесу девушки-славянки.

— За рекой, широкой и спокойной, виднелся густой дремучий лес. На этом берегу склоны холма покрывала березовая роща, полого спускавшаяся к воде. С высоты холма всадникам была отлично видна большая деревня, распаханые поля и пастбища. А в сотне шагов перед ними парни готовили костры и сооружали помост для чучела Купалы.

Увидев это, Буян весело тряхнул кудрями и поскакал к ним. Спешившись, он включился в работу, рассыпая шуточки и прибаутки, даже пританцовывая на ходу. Кто-то рассмеялся, хлопая его по плечу, и он оглянулся на князя и девушку, жестом приглашая их подъехать и познакомиться.

ГЛАВА 18

До рассвета было еще далеко, когда Беляна, крадучись, выскользнула из дома и поспешила за огороды. Чтобы ее белые одежды не были заметны в ночной тьме, она накрылась лошадиной попоной.

Скоро настанет утро и начнется праздник Купалы. Все село, куда они приехали вчера, готовилось к нему. Ждали гостей из соседней деревни. Благодаря общительности Буяна их приняли радушно. Едва прознали, что он гусяр и певец, чего он и не скрывал, сразу три семьи захотели, чтобы гости жили у них. Как по сговору, в каждой оказалось по девке на выданье.

На Беляну тоже поглядывали местные парни, и кое-кто из них уже спрашивал у Буяна и Властимира, какого она ро-ДУ-племени. Но хотя девушке и льстили такие речи, они ей только мешали. У нее была своя цель.

Она добежала до края огорода, который обрывался у оврага, легко перелезла через плетень и бесшумно спустилась на самое дно.

Сюда она заранее принесла чистую холстину, горшок и метлу. Эти вещи она выпросила у хозяев дома, а содержимое горшка Беляна сварила из того, что взяла из своего родного дома. Вытащив горшок из лопухов, девушка понюхала его и осталась довольна. Вариво, конечно, остыло, но еще может подействовать.

Она расстелила холстину, бросила на нее попоны и встала в центре, приготовив метлу и горшок. Тихо шепча заговор который слышала от матери, она сбросила рубашку, пояс, распустила косу и осталась совсем нагая. Ей было холодно, и она торопливо потянулась к горшку.

Зачерпнув пригоршней его темное, похожее на речной ил содержимое, она провела ладонями по бокам. Первое прикосновение было противным. Сжав зубы, Беляна продолжала натираться холодной влажной мазью до тех пор, пока не растерла ее всю, и тогда ей стало жарко. Голова чуть закружилась, тело обрело легкость, проснулись непонятные желания — мазь начала действовать.

Пританцовывая, девушка бросилась к метле, схватила ее и села на нее верхом. Стоило ей чуть-чуть подпрыгнуть, как метла взвилась вместе с нею к небу, навстречу звездам.

Стиснув ногами и руками своего деревянного коня, Беляна закричала от счастья — столько времени она была лишена возможности летать. Она не боялась, что ее ликующий крик услышат в деревне, — накануне Купалиной ночи может случиться все что угодно.

От мази тело горело, и Беляна летела все быстрее, чтобы хоть немного остыть.

Играючи, она несколько раз пролетела над деревней так низко, что ее заметили и забрехали собаки. Подразнив их немного, Беяна поднялась выше и направилась в сторону леса, что стоял за рекой, — до рассвета оставалась мало времени, а у нее было одно небольшое дельце. Во время завтрашнего праздника она его легко устроит.

Ненадолго она зависла над рекой. В ее глубине теньями скользили белые тела русалок — водяницы заранее перебирались поближе к берегу, спускавшемуся к реке, носившему название Ярилиня кряж, где завтра будет праздник. Беяна поглядела на них и направилась к лесу.

Чаша оказалась гуще, чем она думала, и ей пришлось снизиться более чем наполовину, вглядываясь в поляны. Что-то ей подсказывало, что-именно в этом лесу появится цвет на разрыв-траве нужного возраста — ведь должно пройти не менее ста лет, прежде чем проросшая из семени трава наберет силы для первого цветения, а потом она цветет раз в двенадцать лет.

Она снизилась еще и полетела под верхушками деревьев. Лесные твари и нежить разбежались в стороны при появлении новой ведьмы.

Вдруг издалека донесся пронзительный громкий свист, не успела Беяна понять, что это, как ее метла дрогнула и полетела вниз. Девушка вскрикнула, когда метла сильно ударилась концом о землю. Беяна упала в траву под ехидный хохот незнакомца. От удара она не сразу пришла в себя, но потом поднялась и нашла метлу. Однако стоило ей попытаться сесть на нее, как опять послышался тот же свист, и девушка снова растянулась на земле.

Все дальнейшие попытки кончались неудачей — ей даже не давали подняться на ноги. Тело перестало слушаться, и она поняла, что мазь потеряла свою силу. Теперь ей придется добираться до деревни пешком. А это означало, что ее увидят люди и по ее виду сразу догадаются, что она ведьма. Тогда прощай, белый свет!

Хохот раздался над нею так близко, что она узнала его и от нового страха забыла обо всем. Пусть увидят люди — только бы вырваться отсюда живой!

Кто-то, хохоча и повизгивая, шел к ней по лесу — трещали ветви, качались деревья, жалобно кричали птицы и русалки в реке. Беяна слышала тяжелые шаги и дрожала от страха.

Ее враг остановился перед нею и вновь разразился хохотом. Девушка подняла голову и встретила с бездонным оком Лиха Лесного. Дрожь ужаса пробежала по ее телу — она не могла пошевелить ни рукой, ни ногой, а Лихо стояло над ней, до земли опустив длинные руки с уродливыми пальцами.

— Ага, — раздалось над нею, — испугалась?

Беяна смогла только кивнуть.

— Будешь теперь знать, как по моему лесу бродить без разрешения! — Лихо выглядело счастливым. — Будешь теперь со мной жить здесь, в лесу!

Оно протянуло руку, и от ужаса Беяна завизжала, задрожала словно в лихорадке. Костлявая рука тянулась к ее лицу.

— Отпусти меня! — выкрикнула она во весь голос. — Я по делу здесь!

Страшная рука остановилась:

— По какому делу?

Беяна попыталась успокоиться и задумалась. А что, если обратиться Лихо в союзники? Это ей даже понравилось.

— Мне разрыв-травы цвет нужен был, чтобы одного человека погубить, — призналась она. — Для того я сюда не в срок пришла, чтоб заранее место вызнать и цветом завладеть...

— А знала ли ты, что это мой заповедный цветок и тот, кто его найдет, рабом моим становится? — завизжало Лихо.

Беяна кивнула:

— Все ведала, на то и надежда была. Ты мне — разрыв-травы цвет, а я тебе — раба послушного на веки вечные. Завтра все сюда поспешат, чтобы счастья попытать, и он в их

числе. Хотела я его цветом тем подманить и погубить.

Чтобы завладеть жар-цветом, люди издавна шли на разные хитрости и подлости — тех, кто честно пытается достать заветный цветок, очень мало. Лихо знало об этом и не удивилось словам девушки.

— Ты верно угадала, — промолвило оно. — В моем лесу много жар-цвета, и кое-какие завтра расцветут. За один жар-цветок я готово согласиться с тобой на меню, но коли обманешь и не явится сюда никто — берегись! Не будет тебе ни в чем удачи от веку!

Оно сжало ей плечо, и Беяна завизжала от ужаса и боли.

Когда Лихо отняло костлявые пальцы, на плече ясно отпечатались значок, похожий на буквицу.

— Это знак мой тебе, — сказала Лихо. — Коли обманешь — нигде от меня не укроешься — найду и отомщу!

— Я все сделаю, не обману, — заторопилась Беяна, плача от боли в обожженном плече. — Не один, так другой — двое их, я одного тебе отдам, а получится, так и обоих... Только отпусти меня...

Она закрыла лицо руками и заплакала.

— Иди прочь, — прошипело Лихо, и по его знаку метла взвилась в воздух и закружила над Беяной.

Лихо быстро скрылось в чаще — только где-то вдалеке слышались его шаги.

Все тело Беяны ныло, но опять обрело легкость, и метла покорно далась в руки. Прежде чем улететь, девушка огляделась и поняла, что Лихо сказала правду — на поляне там и тут проглядывали листья разрыв-травы. Все они были большие, сильные — расцвести завтра может любой из них.

Беяна вскочила на метлу и быстро полетела в деревню, чтобы ее отсутствие не было замечено раньше времени.

Наутро все в деревне суетились в радостной предпраздничной кутерьме. Юноши и девушки первыми отправились на Ярилиный кряж. Семейные пошли туда позже.

Ярилиный кряж, ведущий на восток, откуда уже пустилось в путь по небу солнце, был украшен цветами. Всюду высились сложенные для костров дрова. Они образовывали два полукольца, в центре которых стояло чучело Купалы, пока еще не обложенное хворостом. Девушки уже успели оплести его цветами и все носили и носили венки, складывая их к ногам Купалы. Все они были в новых белых рубашках с вышивкой и с распущенными косами.

Буян с рассвета куда-то пропал, и до самого полудня Вла-стимир его не видел. Но на Ярилином кряже гуслир вдруг появился. В белых рубашке и штанах, с венком в золотых кудрях и широкой улыбкой на красивом лице, он вышел вперед, и его приветствовали криками: «Ой, Купала! Ладо Купала!» Гуслир вскинул руки, словно обнимая народ, и Властимир, хоть и радовался и даже кричал вместе со всеми, все же чувствовал легкую зависть к этому красавцу — сегодня все девичьи сердца будут принадлежать ему, только выбирай.

Два парня подвели ему белого коня, грива которого тоже была украшена цветами и колосьями ярового хлеба. Буян одним прыжком вскочил на спину неоседланного коня и, правя им коленями, проехал рысью перед всеми под приветственные крики.

Девушки окружили его, и с песней он отправился с кряжа к полям, сопровождаемый пляшущей и поющей свитой.

Настоящий праздник начался с закатом, когда зажгли костры на Ярилином кряже. Молодежь вернулась туда, и Буяна сразу же окружили парни и девушки, забрасывая его цветами.

Буян соскочил с коня. Девушки тут же образовали хоровод и закружили вокруг Буяна. Другие водили вместе с парнями хоровод вокруг костров и чучела Купалы. У многих парней в руках были факелы, и чем темнее становилось на небе, тем явственнее казалось, будто эти

огоньки пляшут вместе с людьми.

Где-то зачинали песни, но все замолчали, когда Буян запел возле самого большого костра. Он опять сидел на коне. Жеребец стоял под ним смирно, тоже зачарованный песней.

Все образовали один большой хоровод. Девушки подхватывали запев Буяна:

Ой, встало да красно солнышко!
Ой, Ладо мое, Купало!
А с солнцем да светлый месяц!
Ой, Ладо мое, Купало!
И вышли ко круче девушки,—
Ой, Ладо мое, Купало!—
восславить Ярилу-молодца.
Ой, Ладо мое, Купало!
Как скачет он по цветам-розе,—
ой, Ладо мое, Купало!—
по всем полям мимо реченьки,—
ой, Ладо мое, Купало!—
да по всей по родной сторонushке!
Ой, Ладо мое, Купало!
И все его славят, молодца,—
ой, Ладо мое, Купало! —
огни ему жгут купальные,—
ой, Ладо мое, Купало!—
да песни поют венчальные.
Ой, Ладо мое, Купало!
Венчается с красной девицей —
ой, Ладо мое, Купало!—
венчается добрый молодец.
Ой, Ладо мое, Купало!
Венчает их солнце ясное,—
ой, Ладо мое, Купало!—
костер их венчает в полночи,—
ой, Ладо мое, Купало!—
да светлый Ярило-молодец,—
ой, Ладо мое, Купало!—
их дарит своею милостью.
Ой, Ладо мое, Купало!

Последний запев повторяли уже все участники праздника. Девушки с визгом бросились в стороны, когда мимо них с мычанием и блеянием прошло стадо, которое гнали парни мимо Купалы, чтобы светлый бог одарил его своей милостью. Буян с широкой улыбкой проводил глазами коров и овец и, когда они скрылись во тьме, ударил своего жеребца пятками и погнал его на костер.

Все бросились врассыпную, но белый конь, чувствуя силу и умение всадника, птицей взвился над пламенем, не задев огня даже кончиком копыта.

Громкие крики были ответом на этот прыжок, и началось веселье. Скоро уже почти все прыгали через костры, мелькая белыми рубашками. Наиболее смелые скинули их и скакали нагими. Некоторые прыгали парами — их приветствовали особенно радостно. Удачливые прыгуны целовались тут же, на виду у всех, и убегали к идолу Купалы, где их ждал Буян с благословением.

Другие бежали к реке, оттуда уже доносились гадальные песни. С кручи было видно, как плывут по воде вдоль берега крошечные огоньки в венках.

Ночь окружила Ярилину кряж со всех сторон, в ней то там, то здесь вспыхивали огни, колокольчиками звенел девичий смех и песни, радостные и притворноиспуганные взвизги, не смолкали клики. Все закружилось в кутерьме общего праздника, когда забываешь, кто ты и где. В эту ночь исчезло все, что человека вело по жизни, все теряло смысл и значение — остались только песни, танцы, прыжки через костры, девичьи тайны и манящие таинственные тени в роще.

На миг очнувшись от сладкого угара Купалиной ночи и игрищ, Буян вдруг вспомнил о Властимире, но князя нигде не было. Впрочем, он давно не видел и Беляны, которая все, как помнилось, держалась подле резанца. Многие же парни и девушки уже разбрелись парами по роще. Князь мог последовать их примеру, и гусяр забыл про Властимира.

Властимир брел по роще хмельной без хмеля. Волшебные чары Купалиной ночи дурманили его голову. Неясная тревога и жажда необычного теснились в его груди, влекли куда-то. Он забыл про покой. Весна его давно ушла, миновали наивность и веселье юности, он был зрелым мужем, дожившим почти до тридцати лет, и три года из них на его плечах лежала забота о княжестве, но сейчас ему вдруг безумно захотелось сбросить груз лет и княжения, стать моложе. Впервые с тоской он подумал о Веденее — как далека и недоступна и вместе с тем желанна она! Побегать бы сейчас вместе с нею по притихшей роще, подальше от людей, обнявшись, упасть в росистую траву и забыть про все до утра... Но во тьме ночи не он — другие парни целовались с девушками, не она — другие девушки смеялись и в притворном испуге закрывались рукавами, другие пары бежали в чащу, сторонясь таких, как он, томящихся одиночек, пропадая в роще Купалы. И Властимир все брел и брел, шатаясь по роще, хватаясь за стволы и не зная, куда несут его ноги, — он просто не мог стоять на месте в такую ночь.

Роща оборвалась внезапно. Перед князем легла гладкая слюдяно-черная река. Спустившись с крутого берега, Властимир вошел в воду по колено. Река мягко толкала ноги, влекла за собой, и Властимир, вздохнув, бросился в воду, еще не зная, куда поплывет.

Он вынырнул сажень в трех от того места, где нырнул, и, гребя резкими сильными взмахами, поплыл на середину, чувствуя, как снизу его поддерживает волна и осторожно трогают русалки скользкими пальцами. На стремнине перевернулся на спину, раскинув руки и вытянувшись на ласково и упруго качающей его поверхности реки и глядя вверх, в бездонность и беспредельность открывшегося ему неба.

Мир вокруг него был погружен во мрак, освещенный только яркими звездами. Он легко узнавал Стожары, Матку-звезду, алый Смертонос, Добропана и мутную полосу Становища. Они мигали ему заманчиво и таинственно, а на кряже, мимо которого его влекла река, вспыхивали десятки рукотворных звезд.

Из-за леса вышла половинка луны. Горели, рассыпая искры, костры, через которые иногда кто-нибудь прыгал. Мелькали плясуны с факелами. Шум праздника, от которого князь бежал в рощу, далеко разносился по воде, достигая его Ушей. Слышались крики, смех, девичьи визги и обрывки величальных песен. Где-то там, среди них, был и Буян — время от времени доносился его красивый сильный голос. Похоже, он был совершенно счастлив.

Ночь не спеша перевалила за середину. Все плясали, пели и веселились кто во что горазд. С берега летели в реку венки. На восходе люди сожгут чучело Купалы, а сейчас оно стояло на вершине, подсвеченной снизу кострами.

Перевернувшись на живот, Властимир поплыл дальше, борясь с течением и радуясь силе и напряжению этой борьбы. Он победил реку и выбрался на другой берег.

Навстречу распахнул бездну мрака густой лес, в глубине которого что-то загадочно шепталось, шуршало, потрескивало, скрипело, глухо стонало или бормотало невнятно и замирало в терпеливом ожидании. Живой и волшебный лес Купалиной ночи, единственной ночи в году, когда возможно все.

Властимир сделал всего несколько шагов, когда навстречу ему из кустов, руками разводя травы, вышла нагая дева-русалка с мутным шальным взглядом ночных чар, от которых в эту пору никто не сможет спастись. Взглянув на нее, князь вспомнил свою

последнюю встречу с водяницами в конце весны в Муромских лесах, когда слепые и голодные с зимнего сна водяные девы едва не завлекли его к себе, но в ночь Купалы все меняло свои привычки и очертания, он даже не подумал испугаться.

Увидев человека, русалка остановилась, гибким сильным движением нетерпеливо отбросила назад, на спину, длинные зеленоватые волосы и пошла к нему, чуть шатаясь. Приблизившись, она вскинула руки в порыве бешеной, слепой страсти, обвила его шею, прижалась к нему всеми изгибами молодого гибкого тела, ища его губы. Властимир обнял ее тонкий стан, готовно отвечая на жадный поцелуй. Голова закружилась в хмельном угаре. Но, почувствовав мужскую силу, русалка отпрянула, трезвея. В глазах ее мелькнуло удивление и ужас, и она с криком бросилась бежать.

Та же сила, что увела его в рощу с праздника, бросила в реку и вывела в лес, теперь заставила Властимира без оглядки броситься за нею. Не потому, что он желал ее, а просто потому, что больше не мог стоять на месте — в движении, в слепом беге сквозь чащу искал он ответ на съедающие его сомнения и предчувствия.

Он все-таки догнал ее на лесной поляне, ловя жадной рукой выющиеся тонкие волосы. Остановившись, русалка глянула князю в глаза, разглядела в его очах слепую полупьяную страсть, сметающую все на своем пути. Дева отступила, вскинула руки, словно пытаясь оттолкнуть его, и, когда Властимир поймал ее за плечи, вскрикнула тоскливо, как кричит девушка, берегущая свою честь:

— Нет!

Крик утонул в горячем поцелуе, и русалка, застонав, растаяла в душных тисках объятий...

Встав из травы, Властимир огляделся. Угар проходил, и Он понял, что забрел в чащу. Нужно было искать выход, но ему было безразлично, когда он его найдет, и он пошел наугад.

Он не сделал и десятка шагов, когда впереди блеснул неясный свет, мерцающий желто-оранжевым, как огонек лучины, и Властимир пошел на свет — ему хотелось узнать, кто кроме него бродит по лесу. Огонек мигал, словно манил за собой, и князь невольно прибавил шагу, раздвигая ветки деревьев. Его вело любопытство.

Властимир приблизился и различил впереди человека. Он побежал и догнал незнакомца. Тот услышал шаги князя и остановился.

Это была девушка в белом, чем-то похожая на русалку. Она стояла не шевелясь и обернулась только тогда, когда Властимир подошел вплотную. На резанского князя глянули большие фиолетовые глаза.

— Беяна?

— Я, Властимир. — Девушка нежно взяла его за руку.

— Ты что тут делаешь?

— Наверное, то же, что и ты. — Она улыбнулась.

— А все-таки?

Беяна указала на огонек вдали:

— Видишь? На том месте расцветает разрыв-трава. Только несколько мгновений цветок сияет, и только тогда можно его сорвать. Я хочу его.

— А я тебе помешал, да?

— Не знаю. Может быть, еще не поздно... Но я боюсь — а вдруг там Лихо и его слуги? Они убьют любого, кто подойдет!

— В такую ночь ни у кого нет власти над людьми! — воскликнул Властимир, бросаясь вперед. — Хоть бы увидеть его!

И он побежал к поляне, твердо уверенный, что не будет рвать цветка, только посмотрит на него. Хоть и слышавший с малых лет о чудесном цвете разрыв-травы, он не знал, что будет делать с ним, коли тот попадет ему в руки.

Свет сиял все ярче и ближе. Он подыхал уже так ярко, что Властимир подумал, что цветок сейчас погаснет и он опоздает взглянуть на него. Отбросив колебания — в самый

последний миг припомнились все опасности, что подстерегают охотника за жар-цветом, — он побежал, вламываясь в заросли.

Чаща заухала, закричала страшными голосами, застонала. Что-то заскрипело в глубине леса. Завизжало Лихо, спеша к той же поляне, и закачались вековые деревья.

Властимир отбросил последнюю ветвь и замер, закрыв глаза рукавом от сияния, что слепило глаза даже под веками.

Поляна была залита огнем. Не сразу князь отнял от лица руку и слезящимися глазами разглядел папоротники. Между ними рос один, самый крупный. Он-то и сиял — в сердцевине его набухал, пульсируя, как сердце, крупный бутон. Он весь казался сгустком огня, настоящим костром, от которого даже исходил жар.

Цветок готовился распуститься с минуты на минуту, и князь осторожно приблизился, ожидая чуда.

Порыв ветра внезапно толкнул его — Властимир едва удержался на ногах. Деревья закачались, и совсем близко, в сажени от него, раздался громовой рев взбешенного чудовища. Решив, что это Змей, Властимир вскинул голову — и в этот миг разрыв-цветок распустился.

Волшебный цветок словно ждал, когда от него отведут жадные взоры, чтобы на единый миг явиться миру. Власти-миру показалось, что с неба опустилась звезда. Он отпрянул, закрывая лицо руками, а чья-то громадная тень склонилась над цветком, протягивая к нему жадные уродливые лапы.

Сквозь пальцы Властимиру показалось, что цветок затрепетал, пытаясь не дать чудовищу и ища защиты у человека, и, не понимая, зачем он это делает, Властимир рванулся к нему и сорвал жар-цвет.

Цветок закричал и встрепенулся, как птица, а тень наклонилась к человеку. Властимир отступал, прижимая к себе слабо вздрагивающий живой огонек. Цветок умирал у него в руке, но в этой смерти чувствовалась благодарность — за то, что умирает он именно так. Руку жгло, словно он сунул ее в расплавленное железо, но Властимир только крепче стискивал пальцы, терпя боль.

По непонятной причине тень не могла переступить через обезглавленную разрыв-траву. Одна лапа чудовища невзначай коснулась листа, и чудовище взвыло от боли, а затем быстро скрылось в чаще.

Князь стоял, постепенно успокаиваясь после всего случившегося. Он еще не решил, что делать дальше, как сзади послышались шаги, и его за локоть взяла Беяна. Глаза девушки восхищенно сияли.

— Я все видела, — прошептала она. — Ты все сделал правильно.

— Что это было?

— Само Лихо Одноглазое. Оно сторожило разрыв-цвет для себя, но ты победил его. Теперь ты сможешь все на свете, и я рада этому. Ты мне нравишься, и в эту волшебную ночь я хочу тебе это доказать: Пойдем со мной, только не оглядывайся.

— Почему?

— А ты не знаешь? Нельзя оборачиваться, когда идешь с Перуновой поляны, а то Лихо тебя к себе заберет навеки! Мы вернемся к реке и там... Пойдем, милый, пойдем!

Беяна тянула Властимира с поляны, соблазняяще улыбаясь. Князь следовал за нею — разгул Купалиной ночи дурманил разум, пьянил кровь, будил желания. Но в то же время все случившееся, сам цветок разрыв-травы и лес, из глубины которого снова доносились чьи-то голоса и шум, — все это заставляло Властимира медлить. А сзади приближался треск ветвей под шагами великана.

— Стой, князь! — донеслось издалека. И голос не чудовища, а человека.

— Пойдем, — Беяна повисла на его руке, заторопилась испуганно. — Не оборачивайся, иначе смерть тебе! Нельзя оглядываться, милый!

— Оглянись, князь! — голос был знакомым. Властимир не выдержал и оглянулся.

На том конце поляны замер Буян, такой, каким его князь оставил на поляне у реки —

без рубахи, босой, в закатанных до колен белых штанах, весь мокрый. На голой груди его болтался оберег.

— Стой, князь! — воскликнул он, бросаясь вперед. — Ко мне, скорее!

— Нет, — прошипело рядом.

Властимир обернулся к спутнице и отскочил с криком. За локоть его цеплялось существо, похожее на тощую кикимору, одетое в белую рубаху Беляны. Из кривой пасти высовывались клыки, белесые глаза сверкали, на тонких пальцах торчали когти, которыми нечисть впивалась в кожу князя. Существо с неимоверной силой потащило человека за собой в чащу, а вокруг все засвистело и заревело.

Оцепеневший от неожиданности Властимир не мог сопротивляться, его ноги сами следовали за Беляной. Он успел только мысленно попрощаться с белым светом, как вдруг чьи-то сильные руки схватили кикимору за запястья.

Она злобно завизжала, но подоспевший Буян одним рывком оторвал ее от Властимира и отбросил в сторону, закрывая князя собой.

Кикимора бросилась на гусяра, но тот ловко сбил ее с ног, и она рухнула в траву. Но тут же вскочила и прыгнула снова, выставив длинные руки со скрюченными пальцами, нацелив их в глаза Буяну. Гусляр вновь отбросил ее, но она не сдавалась. Прижавшись спиной к дереву, Властимир молча наблюдал за битвой — ведьма с воплями кидалась на Буяна, а тот ловко защищался.

Из леса выскочило несколько ведьм. Вместе они пытались одолеть удалого гусяра, но напрасно. Против четырех Буян сражался так же успешно, как и против одной. Его руки мелькали, нанося и отражая удары. Он только иногда отступал на шаг или припадал на колено, а ведьмы то и дело падали наземь. Какая-то бросилась на него сзади, но Буян мгновенно упал на спину, подминая ее, ногами отбросил двух других, что поспешили ей на помощь, и вскочил, отбросив ведьму, напавшую со спины, как тряпку.

В это время чья-то огромная лохматая лапа вынырнула из-за ствола, около которого стоял Властимир, наблюдая за сражением. Она зажала рот князя, чтобы тот не смог вскрикнуть. Властимир почувствовал противный вкус шерсти во рту и как кто-то шарит у него на груди, где он прятал цветок, сжимая стебель в кулаке. Цветок все еще жег ладонь, но уже не так сильно. Властимир рванулся, спасая жар-цвет, и нечаянно ладонь его раскрылась. Князь в ярости рванул державшую его лапу, и чудовище заревело от боли.

Буян обернулся на рев. Глаза его испуганно расширились, он на миг замер, и ведьмы тут же налетели на него. Обвешанный ими, как медведь собаками, Буян резко стряхнул их, и ведьмы посыпались в стороны, как спелые желуди. Одна из них сразу вскочила и устремилась на князя. Пальцы ее засветились, но гусляр встал у нее на пути. Лучи, яркие, как солнце, ударили из пальцев ведьмы в его раскрытую ладонь — рука Буяна вспыхнула. И он взмахнул руками, как колдун.

Увидев это, ведьмы бросились врассыпную, но одна вдруг вернулась и бросилась на Властимира. Тот видел ее краем глаза, но не мог даже сделать шага в сторону — чудовище из-за дерева вцепилось второй лапой в князя и тянуло его к себе. Вдруг Буян поймал эту самую резвую лиходейку. Одним рывком он поднял ведьму над головой и, размахнувшись, бросил прямо на чудовище, которое держало Властимира.

Послышался звук удара и вой. Лапы чудовища разжались, и оно неожиданно быстро убежало, ломая деревья.

Тяжело дыша, Властимир шагнул к Буяну, который стоял посреди поляны. Волосы гусяра мокрыми прядями прилипли ко лбу. На его груди, плечах и руках остались красные следы, словно от ожогов, — отпечатки когтистых лап ведьм.

Властимир подошел, взглянул в глаза побратиму, но не смог ничего сказать — горло перехватило, и он упал в траву, теряя сознание.

ГЛАВА 19

Его разбудило чье-то прикосновение:

— Эй, ты живой?

Голос был вполне человеческий. Властимир открыл глаза и увидел склонившегося над ним незнакомого парня. Тот облегченно вздохнул и протянул руку, предлагая встать.

— Ну, наконец-то тебя нашли! — молвил он. — Ты не представляешь, как долго мы тебя искали! Уж решили, что ты утонул или тебя лешие забрали... Хорошо, тебя наши видели, как ты в реку прыгал!

Властимир встал, опершись на руку парня, и огляделся.

Они были на поляне, где вся трава была смята и вытоптана, словно тут дрались не на жизнь, а на смерть несколько жеребцов. Под ногами хрустели безжалостно сломанные листья папоротника — князь лежал как раз на том самом месте, где вчера расцвела разрыв-трава. Словно во сне, он посмотрел на дерево, у которого боролся с чудищем, — на коре на уровне его лица остались глубокие следы когтей странной формы.

Парень тоже недоуменно огляделся.

— Вот и я думаю — что тут случилось ночью? — почесал он затылок. — Ты что-нибудь помнишь?

— Плохо помню... — Властимир потер рукой лоб. — Может, это и сон был... Я помню, ведьмы тут дрались, а потом Лихо или как его там... А! — его точно озарило. — Вот на этом месте, где мы стоим, разрыв-травы цветок распустился. Он как живой, как ребенок, ко мне тянулся, да только обронил я его... вот тут!

Он бросился к стволу дерева, раздвинул руками траву, ища потерю, но тщетно.

Парень понимающе тронул его за плечо.

— Пойдем-ка в деревню, — сказал он. — Разрыв-травы цвет если уж выронил, то никогда не найдешь. Он как счастье — один раз в жизни в руки дается. Пошли!

Не хотелось Властимиру верить в это, но под деревом ничего не было. Может, его взял Буян? Он ведь был здесь...

Парень рассказал по дороге, что все под утро, допев величальные песни, вернулись в село к праздничной трапезе, и тут выяснилось, что Властимира нигде нет. Буян, который не уходил с праздника ни на минуту, поднял всех на ноги и повел искать его. Кто-то заметил, что резанец ночью прыгнул в реку, перебрались на другой берег и вот нашли. Сейчас время уже было давно за полдень.

У ног парня вертелась собака — только с ее помощью ему удалось разыскать князя.

Властимира и нашедшего его парня встретили громкими криками восторга. Впереди всех бежал Буян, сияя от счастья. Подбежав, он горячо обнял Властимира и, отпустив его, придерживал за плечи, любуясь.

— Живой! Живой! — воскликнул он, встряхивая его. — А я-то думал — все, погиб! А ты жив! Я так рад!.. Что с тобой случилось-то?

И он снова обнял его.

Властимир с трудом отцепил от себя гусяра.

— Ты должен все знать лучше меня, — ответил князь. — Ты ведь там был да потом исчез!

— Я? Был? — переспросил удивленно Буян. — Где и когда?

— Сегодня ночью там, на поляне, где меня нашли. Там разрыв-трава расцвела, я сорвал цветок, а потом на меня ведьмы накнулись. А ты меня защитил. И знаешь, Буян, я был прав: Беяна — ведьма. Это она меня чуть не погубила, если бы не ты. И Лихо она тоже привела! Избавиться нам надо от нее, и поскорее...

— Погоди-погоди, — гусяр встряхнул князя за плечи. — Помолчи минутку, дай сказать... Беяна, говоришь? Да она уходила с одним парнем в кусты... И явилась назад задолго до конца праздника, я сам ее видел. А что до меня, то тут ты путаешь, все тебе скажут — ни на миг я никуда не уходил. Только ты пропадал, да и то — как пропал, люди видели.

Вокруг стояли жители деревни и кивали в подтверждение слов гусяра. Властимир

почувствовал себя обманутым.

— Неужели мне все померещилось? — молвил он. — И ты, и Беляна, и русалки, и Лихо, и разрыв-цветок?.. Ничего этого не было?

— Разрыв-травы цвет? Может, все и померещилось тебе. Не горюй — в Купалину ночь чего только не случается. Бывает, люди пропадают... А может, русалка твоя за тобой из Муромских лесов приплыла? Понравился ты ей... Скажи мне, как другу, чем она от обычных девок отличается? Лучше али хуже?

— Ну и язык у тебя, Буян, — отмахнулся Властимир. — Отвяжись!

Они сердито посмотрели друг на друга, потом вдруг рассмеялись и, обнявшись, пошли к оставленным на берегу лодкам.

В деревне их встретила Беляна — размазывая по лицу слезы, она повисла на шее Властимира и радовалась так бурно, что тот почти поверил — все ночные события ему приснились.

Уже после того как суматоха, вызванная пропажей князя и его поисками, немного улеглась и все разошлись по домам, чтобы наконец отдохнуть после праздника и пообедать, Буян попросил Властимира:

— Будь другом, полей мне! Я вчера сильно вспотел.

Они отошли к колодцу. Пока Властимир набирал ведро воды, гусяр стащил через голову свою вышитую рубаху и склонился, подставив загорелую спину:

— Давай, лей!

Властимир уже поднял ведро, но замер, увидев тело Буяна. На правом плече ясно выделялось красное пятно, похожее на ожог, нанесенный горячей лапой.

— Ты чего? Лей! — сказал гусяр.

— Ну-ка, выпрямись!

Буян распрямился, и князь выронил ведро:

— Что это у тебя?

— Где?

— А вот!

На груди, плечах и руках выше локтя у гусяра были ясно заметны красные пятна ожогов и царапины — точь-в-точь в тех же местах, что князь видел ночью после сражения с ведьмами. Властимир осторожно коснулся одного пятна:

— Это что — тоже мне мерещится?

Буян рассматривал следы и не спешил поднимать глаза.

— Ведаю я, княже, что за сомнения тебя гложут, — наконец тихо промолвил он. — Да только и сам я в толк взять не могу, что случилось. Не было меня там, а откуда это все взялось — не заметил. Прости!

— За что же? Ты жизнь мне рпять спас!

— Не я это! — вскрикнул гусяр. — И как случилось — не ведаю... может, какая иная сила вмешалась — того теперь уже не узнать...

Он умолк, и Властимир заметил, что Буян внимательно смотрит на его левую руку. Князь перевернул ее ладонью вверх и, уже ничему не удивляясь, увидел на ладони темный, словно испачканный сажей след, выглядевший как цветок.

— Разрыв-травя, — прошептал он. — Значит, он не упал тогда?

Гусяр взял его руку, разглядывая отпечаток.

— Выходит, так, княже, — сказал он весело. — Тебя боги хранят, надо понимать. Счастливцев ты — цвет разрыв-травы у тебя в руке сгорел — знать, клад тебя где-то ждет богатый.

Он весело улыбался, глядя на лицо князя, но тот отмахнулся почти сердито:

— На что мне клад искать? Я свой, кажется, уже сыскал.

Он умолк, и Буян потом так и не смог разговорить его и выпросить, что же случилось в Купалину ночь.

На следующий день они с Беляной отправились дальше. Жители деревни указали им прямую дорогу до ближайшего города, и на другой день всадники осадили коней у столба с указателем: «К Ореховцу».

— Что я говорил? — подбоченился Буян. — Послушай ты меня тогда, княже, мы бы уже давно в Ореховце были. Чужало мое сердце, что лежит наш путь через этот город, а ты мне верить не хотел. То судьба наша!

— Давно я понял это, Буян, — сказал Властимир, — но, коли поехали бы мы сразу до Ореховца, ничего бы этого не было.

Он показал на свою ладонь со следами цветка разрыв-травы, и гусяр кивнул в знак согласия.

Путь до Ореховца оказался неблизок. Город стоял всего в ста верстах ниже по течению реки от деревни, где справляли Купа-лу, но река вилась, словно змея, и приходилось объезжать все ее низины. Прямая дорога до города открылась на второй день.

Ореховец, как показалось на первый взгляд, был поболее Резани. Стоял он на холме на берегу реки. Дорога к главным его воротам тоже шла с холма на холм, позволяя издали разглядеть город. Леса отступили, от города почти на версту, а где и поболее, оттесненные посадками. Только заповедная роща осталась у самой стены.

Гладкий холм с ровными склонами был поднят повыше рвом и насыпью, на которой стояла рубленая из дубов стена с башнями сторожи. Над распахнутыми воротами башни были выше. Мост из бревен, поднимаемый на цепях толщиной с тело взрослого человека, лежал поперек рва, стенки которого тоже были сложены изнутри из бревен, как в колодце. Отведенные воды реки плескались там, на две сажени не подступая к стенам. А на вершине соседнего холма, где придержали коней наши путники, были видны тесовые крыши домов и маковки княжьего двора, но по мере того, как они спускались с холма, ближе к городу крыши становились ниже, прячась за стены.

Река огибала город слева, и с той стороны можно было увидеть причалы и стоящие на якоре корабли и челны.

Дорога, по которой путники подъезжали к Ореховцу, не пустовала — несколько телег, всадников и пеших странников шли в город и из него. Ехавший впереди Буян говорил не умолкая:

— Река эта, княже, именуется Доном. Севернее она к Итилю так близко подходит, что от одной реки до другой можно за день не спеша доехать. Ореховец — град торговый. Корабли по Дону до самого моря доходят. Я сам в Ореховце не бывал, но отец мой в юности здесь проезжал, когда за море ходил. Отец-то мой по всем морям плавал, про все страны знал не понаслышке.

У ворот их остановила стража — витязи княжьей дружины. Двое загородили копьями дорогу, а третий, постарше, спросил:

— Что за люди? Откуда едете и по какому делу?

— Люди мы славянского языка, а едем из города Резани, что на реке Оке к северу отсюда стоит, — честно ответил Властимир. — Мне имя — Властимир сын Улеба. Я князь...

— Князев ближник он, едет по делу резанского князя мимо Ореховца в Киев, — нагло перебил его Буян, выезжая вперед. — Мне же имя Буян сын Вадима из Новгорода, а это сестра моя, Беляна.

— Ты что, белены объелся? — шепотом напустился на гусяра князь. — Почему опять мне слова не даешь сказать?

— Да никто из славян не поверит, что князь просто так, как простой витязь, путешествует, да еще в таком обществе — гусяр и девушка. И неужели ты, княже, всем и каждому будешь рассказывать, что едешь со Змеем ратиться? Иль я тебя мало учил?

— Учил ты меня достаточно, но коли есть в этом городе князь, то я должен явиться перед ним под своим именем, не таясь, — все-таки ровня ему!

Буян замолчал и отъехал назад.

Сторожа, казалось, не обратили внимания на их перебранку.

— А по какому делу вы через Ореховец едете? Дорога на Киев в стороне отсюда лежит, — спросил старший охранник.

Властимир не успел ничего ответить, как опять вперед вылез Буян:

— Так ведь слава про Ореховский торг на весь свет гремит. О нем даже в Новгороде говорят с почтением — богатый-де торг да гостями именитый...

Такая лесть оказалась приятной сторожам.

— Вовремя вы приехали, — молвил старший. — Сегодня последний день летнего торжища — может, еще успеете поглядеть на товары и гостей!

По его знаку воины подняли копыя, и путники проехали в город.

Когда они ступили под арку ворот, старший заметил у седла в тороках Буяна гусли.

— Слушай, молодец, — остановил он Буяна. — Ты часом не гусляр?

— Гусляр, — довольно кивнул тот.

— Что ж сразу-то не сказал? — обрадовался старший. — Князь наш, Мал, большой охотник до песен и игры струнной. У него сегодня пированье, так поезжайте прямо туда — коли ты голосом так же хорош, как видом, пожалует он тебя, да и прочих. Коль что попросишь, не обидит.

При этом он выразительно посмотрел на Беляну и подмигнул девушке, но та отвернулась.

Буян отмахнул в седле благодарный поклон, и все трое поехали по центральной дороге к самому большому терему.

Пировали, однако, не только у князя, но и во всем Ореховце. Когда-то, когда Новгород был поменее, в нем так же отмечали окончание торгов.

На всех широких улицах и перекрестках прямо под открытым небом стояли столы, покрытые скатертями или просто рогожкой. Все они ломились от яств и вин. Горожане и с ними вперемешку торговые гости сидели тесно на лавках. Женщины, девушки и скоморохи сновали меж столов, подавая кушанья или веселя гостей. Звучали здравицы, песни, смех и шутки. Где-то со звоном разбился кувшин, весело взвизгнула женщина, дети бегали со сладостями, под столами вертелись собаки. Проезжим было трудно пробираться меж столов на лошадях. Их окликали, предлагали присесть, тянули полные братины. Гусляр весело скалился, вертел головой, вежливо отказываясь. Властимир только прикладывал руку к сердцу: ему хотелось добраться до ореховского князя поскорее.

Дорога вывела их на большую торговую площадь, где и стояли терема княжьей семьи. Края площади занимали многочисленные ларьки, середину — торговые шатры. Их оставалось немного, здесь были расставлены точно такие же столы, что и на улицах. Тут тоже шумел пир.

На площадь можно было попасть по трем широким и трем узким улицам. Налево дорога шла чуть вниз — к причалам, которые отсюда были видны: можно было разглядеть часть сходней и два корабля с носами в виде звериных морд. Вправо дорога шла чуть вверх и кончалась у капища Перуна — обнесенное тыном, оно тоже было хорошо видно всем. Между ними, прямо против той улицы, по которой прибыли путешественники, возвышался княжеский двор с пристройками и садами. Дома княжеских ближников стояли позади него или же по сторонам площади, подле торговых лавок и складов с товарами. Все это так напоминало Властимиру Рязань, что только мелочи указывали ему — он не дома.

Между пирующими проехать до княжьего терема было невозможно — разве что идти по столам. Поэтому Буян, не долго думая, соскочил с коня и смешался с толпой. Властимир не успел его окликнуть, как тот появился снова — уже не один, а с новыми знакомыми. Князя и Беляну пригласили к столу и принялись угощать.

Отказываться от угощения, тем более на пиру, не в обычае славян. Властимир успел проголодаться в седле и ел за двоих, тем более что Буяну было не до еды — осушив поднесенную чару, он наострил гусли и запел, заливаясь соловьем.

Голос у него был волшебный, и едва он допел вторую песню и замолк, чтобы смочить горло, как к нему сквозь ряды протолкались дружинники. Люд при их появлении раздался в

стороны.

— Наш князь услышал из окна твой голос, певец, — сразу обратился один из них к Буяну, — и захотел послушать твое пение; У него сейчас тоже праздник, гости собрались именитые — спой и для них!

Буян нашел взгляд князя, подмигнул ему и встал:

— Благодарствую князю вашему за приглашение, да только не один я — со мною сестра моя и друг.

— Что ж, — сказал дружинник — У князя места за столом на всех хватит. Пошли!

Трое дружинников уже взяли в поводья лошадей приезжих. Остальные окружили гостей и повели их в терем.

В светлице князя Мала тоже шумел праздник. Вдоль всей горницы стояли рядами столы дубовые, крытые узорчатыми скатертями. Жареные кабаны, лебеди и гуси, рыба, целые телята и поросята, горы хлебов радовали взор. В гостях у князя были самые богатые купцы, витязи его дружины, ближники-бояре. Скакали скоморохи, смеша себя, гостей и даже слуг, что непрерывно входили и выходили через боковые двери, внося новые кушанья и вынося пустые блюда.

При одном взгляде на это изобилие, пестроту и веселье у Буяна закружилась голова. Возможно, подействовало и вино, что подносили ему за голос в городе, но ему показалось, что он опять в Новгороде, на почетном пиру. Он шел вслед за дружинником, вертя головой во все стороны и подряд, приветствуя всех так, как привык дома.

Дружинники подвели их к столу самого князя. Ореховский князь Мал, в противоречие своему имени, был высок ростом, но худощав. Даже сидя он казался выше стоящего Властимира. Красный плащ и такого же цвета рубаха его были расшиты узорами и птицами. Он был уже не молод, но еще крепок. За столом рядом с ним сидели юноша немного постарше Буяна и девушка, при одном взгляде на которую Беяна ревниво поморщилась — княжна тоже была красива.

Мал осмотрел гостей и задержал взгляд на Буяне:

— Так это ты пел там, на площади?

— Я, светлый князь, — почтительно ответил Буян.

— Мне понравился твой голос. Скажи, кто ты и откуда, да смотри — ничего не утай!

— А таить мне, княже, нечего — зовусь я Буяном сыном Вадима. Гуслир я из Новгорода. Случай меня в путь отправил, и случаем же я сюда попал — отец мой когда-то бывал в Ореховце, вот и мне по смерти родителя захотелось сюда отправиться, посмотреть на город этот сказочный.

— И как город сей тебе?

— Правду сказать, княже, мой родной Новгород он мне напомнил, я словно дома побывал на час малый.

Родина всегда свята для любого человека, а потому Мал согласно кивнул Буяну и указал глазами на его спутников:

— А это кто с тобой? Тоже твои, новгородцы?

— Это сестра моя единая, Беяна, — гуслир ласково поглядел на девушку, что не сводила глаз с украшений на груди дочери Мала, — а это... — он малость помолчал и вдруг отвесил земной поклон своему спутнику, скидывая шапку, — друг мой и побратим, князь города Резани Властимир сын Улеба. Властимир с удивлением смотрел на склонившегося перед ним гуслира, а князь Мал встал из-за стола, протягивая руки резанцу:

— Здравствуй, брат мой, князь резанский, гость дорогой. Сделай честь — садись с нами!

Слуги принесли стул с резной спинкой для Властимира, подали полную братину, и князь, подняв ее, поклонился на четыре стороны и выпил за князя, гостей и весь город.

Что до Беяны и Буяна, то им места нашлись почетные, близко от стола князя. Прошло немного времени, и Мал окликнул Буяна, заметив, что гуслир не торопится много есть и

пить.

— Что же ты, Буян, гость новгородский, не ешь, не пьешь? Али не по нраву тебе что-то?

Буян вскочил:

— Благодарствую, князь ореховский, за добро да за угощение. Только сыт я уже.

— А раз сыт, не споешь ли нам?

Буян тут же схватил гусли и вышел перед столом князя на свободное пространство. Слуга принес ему скамеечку.

— Чем тебя, светлый князь, мне порадовать? — Буян настроил гусли и готовно положил пальцы на струны. — Сам закажешь или я выберу?

— Ты гусяр. — Мал подпер щеку тонкими пальцами. — Говоришь, что по всей земле прошел — сюда из Новгорода добрался. Вот и князь то же мне сказал, — он кивнул в сторону Властимира. — Ну так спой нам о том, что в пути повстречал. Ты, я чаю, много всего видывал, много чудесного!

Гости поблизости уже разворачивались боком, — чтобы удобнее было слушать гусяра. Даже скоморохи притихли.

Буян щипнул струны. Он много чего видывал в это лето, но не про все можно петь — кое-что лучше в тайне сохранить. А спеть хотелось — и про Гамаюна, и про Сирин, и про святилище Ящера в пещере, и про угров, и про Купалу. Но, встретившись глазами с Властимиром, он понял, о чем или, вернее, о ком будет петь, и увереннее ударил по струнам:

Зачинается песнь правдивая,
песня дивная, быль былинная.
Как по всей земле да река течет,
та река Окой прозывается.
Широка Ока, будто морюшко,
глубока Ока, будто небушко.
А над той рекой зори ясные —
зори ясные, зори тихие.
И не ветры там веют буйные —
на заре кричат белы лебеди.
Как на той реке град Резань стоит,
град Резань стоит, град не маленький.
Триста лет ему — будто суточки,
да и тысяча — словно день пройдет.
Не страшит его время-времечко,
не узнать вовек ему старости.
В граде том живут люди вольные,
люди вольные, люди гордые.
Все дела у них в руках спорятся —
могут град срубить, целину вспахать,
на борьбу идут всегда первыми,
и на празднике нет им равности...

Властимир понял, что Буян сочиняет на ходу. Сам он, в жизни не сложивший вместе и двух строк, мог только позавидовать умению гусяра и с удовольствием слушал его славословие Резани, которую Буян знал лишь с его слов, ни разу в ней не бывая.

Вдруг Буян запел о нем и его встрече в Муромских лесах с чудищем, и Властимир едва не бросился прервать, опасаясь, что тот может выдать и саму цель их пути, но гусяр о том не обмолвился и словом.

Когда он наконец закончил, Мал посмотрел на резанца с уважением. Чувствуя, что нужны доказательства своему подвигу, Властимир достал ладанку с когтем зверя и показал

ее князю.

Он сразу понял, что поступил правильно — отныне ореховский князь зауважал его еще сильнее и мог помочь, если нужда появится.

А Буян запел снова, теперь уже свою, новгородскую застольную песнь, что приходилось ему петь порой по нескольку раз за день. Два князя погрузились в беседу, его мало кто слушал, но он честно отработывал угощение и остановился только тогда, когда Мал обратился к нему со словами:

— Здравия тебе, добрый молодец, ты Буян-гуслиар да Вадимович. Аи потешил ты нас песней звонкою да гудением струнным порадовал! Отплачу я вам, добры молодцы, — ешьте-пейте вы с моего стола, отдыхайте вы в моем тереме. На прощанье хлеба-соли вы примете, только уж прошу я — не гневайтесь, что за труд не плачу монетою. Но ведь нынче-то злата-серебра не отыщешь во всем Ореховце!

Буян только вскинул брови, когда князь заговорил как сказитель. Но тут сразу и понял, почему Мал велел привести их с улицы: князь был сам, вероятно, искусен в игре и пении. Но потом до него дошло: что-то странное было в речах князя. Он вскочил и приблизился к самому столу.

— Уж ты гой еси, князь ореховский, — заговорил он, подыгрывая Малу, — чудны речи я слышу, странные! Не тропинки выются вдоль города — то дороги, дороги широкие. По дорогам тем да не путники и не калики перехожие — там купцы все едут с товарами. Кто ж из них пройдет мимо города — торг Ореховский на весь свет гремит!

— И потом, — добавил Властимир, — разве не только что кончился последний торг? Объясни нам, князь! Почему в городе нет злата-серебра?

Мал опустил глаза, его сын гневно стиснул кулаки, дочь вспыхнула румянцем. Словно бы ничего не переменилось и за столами по-прежнему шумел пир, а в зале словно тьма сгустилась.

— Хорошо, Буян, сын Вадимович, — тихо сказал князь Мал. — Ты и песни ладно поешь, и за словом в карман не лезешь. И ты, князь... Откроюсь я вам, гости, — уж двенадцать лет, как платит город наш дань Змею, что в горах Сорочин-ских живет. Раз в год наезжают его слуги-ратники, в свою землю отправляют дани-выходы. Вот и на днях приедут слуги Змеевы — они все товары да злато вырученное заберут, а коли что найдут еще ценного, то без счета возьмут... Уезжай-ка ты, Буян, из города, а то, как приедут они, увезут тебя гуслиаром к Змею!

Резанец подался вперед:

— А скажи-ка нам, светлый князь, отчего дань такая невиданная?

— Положил сначала Змей вроде дань малую, а берет теперь вдвое большую. Змею положено в год двенадцать коней вороных, двенадцать гнедых, дюжину рыжих и дюжину белых, дюжину быков и дюжину волов, двенадцать коров белых, двенадцать коров черных, двенадцать красных и двенадцать пестрых. А еще им надобно дюжину сундуков с златом-серебром и двенадцать с узорочьем кованым, тканым и вязаным. А сверх того — двенадцать кречетов и двенадцать лебедей... Эта дань последняя самая тяжкая — кабы не она, не так горько было бы все прочее.

— Это две дюжины птиц-то? Или на Дону лебедей мало?

— Далеко ты живешь отсюда, князь резанский, не ведаешь, что Змеевы слуги так людей наших зовут, — вздохнул Мал. — Каждый год должны мы давать Им по двенадцать девушек и двенадцать юношей, чтобы остальные жили в мире и покое. Приезжают слуги, мы мечем жребий — те, чьи жребии тонут, уходят к Змею в логово. И никто оттуда не возвращается! А ты говоришь — золото...

— А почему же вы это терпите? — воскликнул Властимир. — Мои резанцы давно бы ему шею свернули! Или перевелись богатыри в Ореховце?

— В том-то и дело, что перевелись! — вместо отца ответил его сын. — Сколько лучших людей, воев и богатырей, отправилось со Змеем ратиться, да ни один назад не вернулся. Да-#се из других краев приезжали...

Буян и Властимир переглянулись. Губы гусяра растягивались в улыбке. Он кивнул князю, и тот обратился к Малу:

— Слушай меня, князь-брат! Мы из Резани сюда приехали потому, что про Змея прознали. И готовы с ним сразиться.

Мал вскинул голову в испуге:

— И не думайте, гости! Смерти вы своей ищите — вас Змей огнем спалит, едва вы к его логову доберетесь, а и того еще сыскать надобно. Дорог-то там нет, и спросить не у кого будет. Лучше уезжайте подобиру-поздорову, коли жизнью дорожите!

— Нет, — решительно ответил Властимир. — Наша дорога туда. И мы пойдем вперед — или зачем столько прошли! Когда, говоришь, слуги Змеевы приедут?

— А что вы решили? С ними сразиться, людей наших отбить? Их же приедет не менее сотни, да сотня за воротами ждать будет — они ученые: мы не раз пробовали отбить данников!

— Ни с кем мы драться здесь не будем, — пообещал Властимир. — Просто у меня мысль одна есть... Говорить, Буян?

— Давай, коли дело. — Гусяр придвинул ближе скамеечку, на которой сидел.

— А дело вот какое — как сказал ты, светлый князь, дадут Змею в дань двенадцать девушек и столько же юношей. Вот и подумал я — Буян юн совсем, Беяна — тоже, да и я стариком не кажусь. Избавим мы троих людей от гибели, вместо них уйдем в Змеево логово.

Гусяр кивнул, а Мал забеспокоился:

— Вы точно смерти своей ищите, гости резанские! Да где же это видано, чтоб на смерть за чужих людей идти? Не могу я этого вам позволить, а коли упорствовать будете — и под замок посажу!

Беяна, услышав, что ее спутники о чем-то беседуют с князем, тихонько подобралась сзади и как раз в этот миг воскликнула:

— И правильно, княже! Я молода еще, жить хочу! Не позволяй им!

Вместо ответа Властимир и Буян встали рядом, твердо взглянув на изумленного Мала. Он смешался, отвел глаза. Буян строго смерил Беяну взором, словно невзначай тронул оберег, и девушка отступила, потупясь. А Властимир тихо сказал:

— Не время спрашивать да рядиться, князь! Как мы решили, так и сделаем. А ты лучше, коли хочешь землю свою Змея избавить, прикажи-ка отковать три жребия из свинца, потяжелее, и в дерево их одеть, чтобы снаружи незаметно было. И пусть к завтраму все готово будет!

ГЛАВА 20

На следующее утро в городе царила суматоха. Несколько купеческих судов успели уйти от пристани еще ночью. Другие спешно готовились отплыть. Сухопутные караваны проходили в настежь открытые городские ворота, торопясь уйти подальше.

Горожане же к воротам над капищем сгоняли скот, вели лошадей, на телегах везли или тащили в руках сундуки. Жители привыкли, что слуги Змея берут больше, и готовили это сразу, не желая, чтобы те пустились в поиски по домам. Скотина ревела, лошади ржали, брыкались.

Сорок юношей и два десятка девушек, все в белом и новом, как на смерть, стояли отдельно. Здесь были и девочки лет по тринадцать, и мальчики, им ровесники, и холостые мужики. Один попался даже ровесник Властимиру, а вот Беяна оказалась одной из самых старших: девушек в Ореховце старались выдать замуж пораньше и за кого ни попадя, лишь бы не попала к Змею. Младшие плакали, старшие их утешали, но не всякий из них мог сдержаться, глядя на заплаканную мать, отца, сестер и братьев. Какая-то женщина отчаянно обнимала и целовала подростка лет семнадцати — как сказал кто-то Буяну, у нее несколько лет назад уже увели старшего сына, которому тоже в тот год семнадцать минуло. Многие с сожалением поглядывали на красавицу Беяну — во всем городе краше ее была только

Любава, дочь князя Мала.

Среди всех спокойным был только Буян — не надеясь на свой жребий, он на рассвете прокрался в кузницу и потихоньку стащил оттуда гвоздь из лошадиной подковы. Его он забил в свой жребий. Тот ощутимо оттягивал ему руку. Но гусяр был уверен, что он не подведет.

Слуги Змея приехали сразу после полудня. Они ворвались в город с трех сторон, как завоеватели, с криками и гомоном, сверкая обнаженными саблями. Издалека услышав их говор, Властимир удивился — он не ожидал, что слугами Змея окажутся самые обыкновенные хазары. Всадники вылетели к капищу, осадили коней, и он понял, что не ошибся — это и в самом деле были хазары.

Их предводитель — он чем-то напомнил Властимиру мадьяра Керека — съехался с князем Малом под тыном и громко зачитал список даров. Князь принял свиток и молча показал на скот, лошадей, сундуки на телегах и людей, предлагая проверить.

Хазары верхами, не тудясь спешиваться, поехали проверить товар. Кончиками сабель они поддевали крышки сундуков, влезали в золото руками по локоть, ворошили меха и ткани, подозрительно принюхивались к винам в бочонках, коров, быков и лошадей осматривали со всех сторон, открывали рты и смотрели зубы. Точно так же вели они себя с людьми — вынимали у девушек серьги из ушей, снимали бусы и браслеты, щупали руки и грудь. У некоторых мужчин и юношей стаскивали рубахи, проверяли мышцы. Широкие плечи Властимира вызвали у хазар восхищение — они столпились вокруг него, прищелкивая языками и что-то лопоча по-своему. Князь ждал, когда его кончат рассматривать как диковинного зверя, и чувствовал, что его гнев сейчас выплеснется наружу.

Ему удалось с превеликим трудом сдержаться, да и то спас его Перунов жрец, как раз в эту минуту вышедший из ворот капища, чтобы благословить уходящих. Хазары недовольно расступились, и старик торжественно благословил всех сразу, обещая молиться за них, испрашивая милости у богов. От его слов девушки заплакали — жрец говорил с отъезжающими как со смертниками, судьба которых известна.

Хазары торопились, они оттеснили жреца и погнали всех людей прочь из города, к реке. Следом за ними двинулись их родственники и княжеская дружина во главе с самим князем Малом — проследить, чтобы все было по уговору.

Саженьях в ста ниже по течению, недалеко от пристани, берег был песчаным и пологим. Песок был истоптан скотом и птицами. Вдоль берега тянулись луга и перелески, озаренные солнцем, и река плыла мимо них лениво и ласково. Маленькие волночки набегали на мокрый песок.

Здесь, на берегу, издавна в Ореховце метали жребии.

Хазары, щелкая плетью, отогнали толпу провожающих подальше. Двенадцать жребиев из предназначенных для юношей и столько же для девушек были специально утяжелены немного с одного конца, но на внешний вид все они были одинаковы. Жребии ссыпали в мешки, чтобы никто не мог перебирать их, выискивая тот, что полегче. Несколько хазар внимательно следили, чтобы люди не задерживались в выборе и, взяв жребий, сразу отходили к воде.

Буян шел перед Властимиром и, запуская руку в мешок, обернулся и шепнул князю:

— Бери верхний — я подложил!

Тот кивнул — им нужно было получить заведомо тяжелые жребии, чтобы попасть в число тех, кого отведут к Змею.

Всех выстроили на берегу у небольшого обрывчика, где было удобно метать жребии. По сигналу все жребии сразу полетели в воду и упали с согласным всплеском. Тотчас же несколько из них камнем пошли ко дну, а люди с берега следили за ними жадными взорами — каждый пометил свой жребий и теперь старался разглядеть, утонул он или нет.

Заметив, что его жребий спокойно поплыл вниз по течению и не собирается тонуть, какой-то подросток с криком радости прыгнул в воду, ловя его. Все прочие, не обращая никакого внимания на хазар и их плети, попрыгали в воду. Те, чьи жребии утонули,

торопились выловить жребии счастливиц и содрать их метки прежде, чем кто-нибудь это заметит. В одном месте на мелководе вспыхнула драка из-за жребия, хазары кинулись разнимать. Виновником оказался тот самый семнадцатилетний юноша, у которого когда-то точно так же увели брата, — он попытался отнять жребий у мальчишки помладше, но тот вцепился в его руку зубами. Не тратя времени на разбирательство, хазары отвели к обозу обоих драчунов, вручив спорный жребий первому попавшемуся парню, протянувшему к нему руку.

Жребии Властимира и Буяна поплыли рядом, словно связанные, в камыши. Друзья поспешили за ними и настигли их в тот самый миг, когда один из них, булькнув, утонул. Второй же плыл дальше, словно был сухим листом.

Взглянув на него, Буян вытаращил глаза — плыл его собственный жребий, не только отлитый по княжьему приказу из свинца, но и утяжеленный гвоздем. Жребий Властимира лежал на дне. Друзья смотрели на жребий Буяна.

— Это что же выходит? — дрогнувшим голосом промолвил гусяр. — Как же это?

— Это значит, что мне идти, а тебе оставаться.

— Но мы не можем порознь! Вспомни — всякий раз, как мы разлучаемся, что-нибудь непременно случается: то угры нас поодиночке чуть не убили, то птица Сири́н, а потом и Сур-Топаз... Совсем недавно Лихо в Купалину ночь... Не должны мы быть порознь — иначе погибнем без славы!

Он пробовал утопить свой жребий, но тот упрямо всплывал, словно его толкали снизу.

— Ничего не понимаю, — пожал плечами Буян. — Он же тяжелее любого!

— Знать, доля твоя такая — остаться жить. А мне...

Буян схватил его за локоть:

— Не можем мы так все оставить. погоди, я достану себе другой!

— Где? По всей реке шарить будешь?

— Нет, свой кому-нибудь отдам.

Буян выхватил не оправдавший надежд жребий из воды и только успел оглянуться, ища кого-нибудь, как к ним, заметив, что они слишком долго беседуют, с берега прыгнул хазарин.

— Что там? — спросил он, указывая концом плети.

— Жребий, — быстро ответил Властимир. — Чей?

— Не знаю, — сказал Буян. — Чужой какой-то. Я свой ищу!

— Покажи.

Гусяр разжал ладонь.

— Что, утонул? — спросил хазарин.

— Да, — ответил Буян. — Мой на дне, а этот... Эй, чей жребий? — закричал он во весь голос.

Хазарин несильно вытянул его плетью.

— Врешь, — оскалился чужак. — Не бывало еще такого, чтоб человек ради другого от доли своей отказался. Из вас двоих жребий у тебя, значит, ты, — он ткнул концом плети во Властимира, — едешь с нами... — И добавил, угрожающе тряхнув плетью перед носом Буяна: — Ложь! Не лги нам!

Он что-то сказал по-хазарски остальным. Двое присоединились к нему, окружили Властимира и увели. Буян остался стоять по колено в воде, сжимая в кулаке бесполезный кусок свинца, опрaвленный в дерево. Потом размахнулся и с силой забросил его подальше. Жребий отлетел на десяток сажень, но опять не утонул, а поплыл вниз по течению.

На берегу Буян выяснил, что жребий Беляны тоже утонул. Среди девушек ссор было меньше, но слез и криков больше: у кого-то оставались женихи. Беляна, когда ее вели от реки к остальным избранницам, визжала, рвала на себе волосы, каталась в истерике, падала хазарам в ноги, но те уже углядели ее красоту и молча толкнули к прочим.

Оставшиеся счастливицы бросились к своим семьям и поспешили в город, подальше от реки, где уже поднимался плач матерей, сестер и невест. Буян смешался с толпой, упрямо

стараясь спрятать непрошеные слезы. Ему даже не дали проститься с князем, лишив возможности незаметно передать ему оберег. Конечно, резанец все равно не смог бы им правильно воспользоваться, хотя в момент настоящей опасности знаков, подаваемых оберегом, не поймет только мертвец. Но тот хазарин успел рассказать про Буяна остальным, и его все отгоняли, как назойливую муху.

Кругом стоял плач и шум, но Властимир словно ничего не слышал. Он целиком ушел в обдумывание планов и даже не видел, как к нему пытался пробиться Буян. Пленников согнали в два ряда и на всякий случай связали одной веревкой. Она была достаточно длинной, чтобы не мешаться при ходьбе, но она же и не давала им разбредаться, особенно пока им придется идти по перелескам и знакомым местам — хазары знали, что славянин, если захочет, способен раствориться в лесу бесследно, как вода в сухой земле.

Полоняников провожали за ворота их семьи. Когда их Уже выводили из города, Властимир оглянулся на толпу провожающих. Княжеская дружина сдерживала народ, сам князь Мал замер чуть впереди. Он пустым взором следил за удаляющимся караваном. В первом ряду стоял Буян, судорожно прижав руки к груди. Он впервые был не улыбочив, и князю показалось, что неунывающий гусяр плачет.

Во все стороны раскинулась степь — из края в край только равнина, редкие курганы с древними богами на вершинах, балки, заросшие кустарником, и дороги. Проложенные по звездам, они указывали путь во все стороны света. Однообразие степи нарушают табуны тарпанов, стада туров и сайгаков, что заходят сюда с востока. Порой пробегают дрофы и стрепеты, свистят сурки и суслики, в вышине трепещут крыльями пустельги, высматривают добычу и звенят голоса жаворонков. Степь живет своей жизнью, дышит, любит и ненавидит и меньше всего хочет знать о том, что творится за ее пределами.

По пыльной дороге не спеша с севера на юг движется облако серой куревы. Заметив ее, птицы тревожно взмывают повыше, звери чутко настораживаются и даже суслики стихают.

Караван приближается, и уже можно различить отдельные повозки и всадников.

Повозки, большая часть которых нагружена сундуками и мешками, влекомые быками, движутся гуськом. Чуть впереди едут несколько хазар. Прочие гонят скот, сбив его в один гурт и отделив только лошадей, либо сопровождают полоняников, что бредут по степной дороге. На каждого полоняника приходится по два охранника, и еще несколько носятся вокруг, разведывая местность или от скуки упражняясь в метании аркана на любую цель. Замыкают шествие примерно десятков воинов — время от времени то один, то другой отстает и оглядывается: нет ли погони? Но в степи не видно других людей, кроме тех, которые составляют этот караван.

Он движется почти без остановок. Солнце с чистого, без единого облака неба льет тепло без всякой меры. Третий день стоит удушающая жара, только привычные и не к такому хазары не замечают ее — полоняникам приходится гораздо хуже. Некоторые проклинают жару, и не у всех хватает внимания заметить, что впереди над землей клубятся какие-то облачка — то ли след уходящего табуна, то ли грозовые тучи.

Первые несколько дней, пока попадались островки леса и обросшие зарослями узкие речушки, хазары не спускали глаз с полоня — люди составляли половину ценности всего каравана, и потеря даже одного была трудновосполнима. Там, где была возможность укрыться беглецу, любой мог попытаться совершить побег. Поэтому первые дни хазары гнали полон, не жалея никого. Бичи, что то и дело мочились в воде, часто свистели над людьми: мокрая кожа сечет больно, но почти не оставляет следов, которые очень не любили хозяева хазар на телах полоняников. За дневной переход девушки так уставали, что засыпали, порой не дожидаясь ужина.

На четвертый день леса отделились вместе с последней рекой, и хазары сбавили ход, щадя пленных.

Подложив под голову кулак, Властимир лежал без сна, глядя на звездное небо. Вокруг вповалку спали другие полоняники — слышалось только их тяжелое дыхание и бормотание сквозь сон. Спящий лагерь освещало несколько костров, между ними не спеша бродили

хазары-сторожа, поглядывая по сторонам, — дня два назад на последнем ночлеге в камышах неподалеку кто-то бродил. Кто это был, разведать не удалось. Никто из полоняников не пропал, но хазары не теряли осторожности.

Охранник прошел мимо, но Властимир даже не повернул головы в его сторону. Он смотрел на звезды и вспоминал другую такую же ночь, накануне дня Купалы, когда он точно так же смотрел на звезды, плывя по реке, был свободен и до него доносились ослабленные расстоянием голоса праздника. Звезды остались теми же, но все прочее минуло безвозвратно. Он совсем один в кольце врагов, Буян далеко, а впереди только неизвестность. Но он все пройдет — был в этом уверен.

Подозрительный шорох рядом отвлек его от дум. Он нехотя повернул голову — кому-то из полоненных еще не спалось. С некоторым удивлением князь увидел, что кто-то в светлом, приметив, что хазарин возвращается, приник к земле. Властимир невольно затаил дыхание. Если этот полоняник решил сбежать, он не станет выдавать его.

Но пленник подполз вплотную и толкнул его в бок, предлагая подвинуться. Властимир посторонился, но незнакомец попался настырный — он немедленно улегся на освободившееся место и потормошил князя решительнее. Властимир отодвинулся еще, но теперь уже решил, более не притворяясь, выяснить, кто мешает ему спать.

Длинная русая коса упала на грудь Властимиру. Оказывается, это девушка. Размалеванная, словно явилась сюда на праздник, нахальная девка лезла ему под бок, и не просто лезла, а норовила угнездиться вплотную.

— Куда прешь? — зашипел Властимир, отталкивая ее. — Пошла прочь, бесстыдница!

Но девка попалась очень наглая, припала к нему, обхватив плечи Властимира рукой.

— А ну, вон отсюда! — Князь сделал попытку отделаться от нее силой.

Девка улыбнулась лукаво и зазывно:

— Тихо-тихо, миленький! — и припав к его уху губами, шепнула: — То не облако в лес хоронится, не туманы полезли с реки...

— Буян? — не поверил своим ушам князь.

— Я, княже, — расплылась в улыбке «девка», уже беспрепятственно устраиваясь рядом.

Властимир внимательно разглядел его в неверном свете догорающего костра. Гуслиар был в длинном белом платье с узорами по подолу, как у любой девушки. Две толстые косы цвета спелой соломы спускались почти до пояса. Подведены углем брови и глаза, натерты свеклой щеки. На первый взгляд его и правда можно было принять за девушку, особенно в темноте.

— Ты впрямь похож на девку, — молвил Властимир. — Но как это тебе удалось? Это все...

— А, пустяки. — Буян беззаботно махнул рукой. — Я дома на игрищах и не такое устраивал. Ко мне как-то один даже посвататься обещался и не верил, что я парень!

Он был явно очень горд собой.

— А как ты сюда попал?

— Да... Поменялся с одной дурочкой из обоза... Я ведь поклялся себе, что ни за что тебя не брошу, и когда вас увели, вспомнил про наши забавы — у хазар-то, чай, такого не видывали отродясь. Три дня крался по вашим следам, а потом на ночлеге толкнул одну светленькую, с косами, и все ей выложил. Она была рада-радешенька, даже не спросила, зачем мне это надо, — на коня без седла вскочила и ускакала...

— Да ты и коня ей отдал? — ужаснулся Властимир.

— Точно, — кивнул Буян, — вороного, ореховецкого. А Воронка — на его место. Ну, а гусли мои уже давно рядом с твоим мечом в обозе лежат.

Меч Властимира был среди другого оружия, что предназначалось в дар Змею, и должен был в конце концов достаться хазарам. Повозку с оружием охраняло несколько смен стражей днем и ночью — оставалось удивляться, как Буяну удалось добраться до нее.

— Ты понимаешь, чем рисковал-то? — рассердился Властимир, но голос его дрогнул

— он был слишком рад встрече с гусяром, чтобы всерьез желать обратного.

— Всем, — спокойно молвил Буян. — Если бы меня поймали, меня бы убили. Но мы не должны разлучаться, Властимир, или ты еще не понял того? Всякий раз, как мы расстаемся или ссоримся, с нами что-нибудь случается — то Сирин-птица, то еще что... И без меня ты со Змеем не совладаешь, помани мое слово. Я тебе еще пригожусь!

Эти слова напомнили Властимиру ту самую песню, что певал Буян перед мадьярами.

— Но я воин, а что можешь ты, гусяр?

— То и могу! Ты меня еще не знаешь. Погоди, дай только до Змеева логова добраться...

Он приподнялся на локте, сердито глядя на князя сверху. Тот потянул его обратно, а рядом раздался свистящий шепот часового-хазарина:

— Эй! Кто там? Спать, живо!

Буян дернулся, как потревоженный заяц, и сказал:

— Я пошел! Бывай, княже.

Он собрался ползти прочь, но Властимир краем глаза увидел, что хазарин направляется к ним. Буян не успел бы спрятаться среди девушек и был бы сурово наказан за попытку побега — князь не сомневался, что хазары именно так и расценят появление «девки» возле костра мужчин. Он поймал гусяра за локоть, рывком подтянул к себе и, прижав его к земле, прикрыл собой. Сообразивший что к чему, Буян притих, тяжело дыша.

Над ними слышались и остановились шаги сторожевого хазарина. Он подошел слишком близко, чтобы князь тешил себя надеждой, что все обойдется. Властимир затылком чувствовал на себе его взгляд. Он ждал, что тот сейчас поднимет тревогу, их растащат и тут непременно выяснится, что Буян не девка. И тогда... О последнем Властимиру было страшно и думать. Но хазарин-охранник лишь постучал пониже спины князя тупым концом копья и поощрил:

— Давай, давай... Скоро не до того будет!

Охранник еще постоял над ними, но потом ему наскучило, и он отошел к другим кострам. Там его спросили о чем-то хазары, рассмеялись, но никто из них больше не обращал внимания на пленников.

Когда разговоры и шевеление у костра немного поутихли, Властимир приподнялся, давая Буяну возможность дышать. Гусяр вжался в землю, глаза его поблескивали в свете звезд, как у зверя, он был бледен, но опять улыбнулся.

— Ох, княже, — молвил он, — сознаюсь — струсил я! Подумал — а ну как он остальных кликнет? Что тогда?

Властимир только покачал головой:

— Я сам того же боялся. Еще могли догадаться, что мы все это затеяли нарочно, и тогда не видать нам Змеева логова как своих ушей!

— Конечно, — кивнул Буян. — Мне б тогда точно не жить... Но, видно, боги еще не зовут нас к себе. Так что будь уверен, княже, — он под рубахой пошарил оберег, — исполнится что задумано в свой срок. Пока же надо, ждать и отдыхать... Я пошел!

— Погоди, — опять остановил его Властимир. — Подожди, пока они уснут, — а то изловят точно!

Но Буян уверенно покачал головой и неслышно растворился в темноте. Прислушиваясь к звукам ночи и вглядываясь во тьму, где должна была мелькать белая рубаха гусяра, Властимир так и не смог ничего увидеть и понял, что Буяну удалось незамеченным проникнуть в обоз и отпустить еще одну девушку.

Но тревога за друга не давала ему покоя еще очень долго, и прислушивался, пока его не сморил сон.

Наутро резко похолодало, легкие облачка на горизонте превратились в грозовые тучи, заволокли полнеба, оставив чистым только северный край. Стремительный южный ветер громоздил тучи одну на другую. К вечеру прошел мелкий дождичек. Он прекратился вскоре, но на следующий день с утра зарядил такой ливень, что обоз остановился, пережидая

непогоду.

Ночевать пришлось тоже под проливным дождем, не разводя костров. Ливень отступил под утро, но после дождя дорогу и всю степь смыло. Коня брели шагом, с трудом вытаскивая копыта из грязи, телеги вязли. Хазары злились и непрерывно щелкали бичами, подгоняя полоняников и заставляя их вытаскивать телеги, которые через десяток шагов снова увязали в грязи. Девушки так измучились, что их, уже падающих, как мешки, усадили на телеги. Но как только они отдохнули, их снова заставили идти. Через два дня прошел второй ливень, вовсе превративший степь в месиво.

За эти дни Властимир всего несколько раз мельком и издалека видел Буяна. Поговорить им больше не удавалось. Гуслиар держался среди девушек, как одна из них, и вел себя очень естественно. Они-то, может, и догадывались, что Буян мужчина, но хазары пока не догадывались. Буян не общался с Беляной — девушка могла его узнать и выдать неосторожным словом или жестом. Впрочем, все к тому времени были так измучены переходом по раскисшей от дождей степи, что никто ни с кем не разговаривал.

Только на десятый день после выхода из Ореховца полоняники увидели горы.

Небо расчистилось, ветер в вышине гонял остатки облаков. Вдалеке показались очертания горных вершин.

С седел хазары раньше славян заметили их и радовались, восклицая что-то на своем языке и поигрывая саблями и плетями. Обоз остановился. Полоняники всматривались в пугающую даль, терзаясь мыслями.

Рядом с Властимиром прерывисто вздохнул подросток, тот самый, который на реке дрался за жребий.

— Все. Вот и пришли. Это конец...

Голос его чуть дрогнул, и на него цыкнули.

— Будет тебе кликать беду, — хмуро молвил самый старший после Властимира полонянин. — И так тяжело на душе, а тут еще...

— Как знать, — вдруг бодро заявил Властимир, — может быть, конец ждет здесь вовсе не нас!

Остальные одиннадцать полоняников вытаращили на него глаза.

— Ты чего? — удивился старший парень. — Кто в горы попадает — назад не воротится!

— А ты откуда знаешь? — ухмыльнулся Властимир — Иль ты там бывал, иль видал того, кто оттуда ушел, что так говоришь?

— Все так говорят, — смешался парень.

— Врут все! Никто ж не ведает, почему не возвращаются люди. А если знают, что назад хода нет, то не от тех ли, что ход сей нашли? А раз так, то можно уйти из гор и блажь все это! Лучший способ узнать истину — это самим пойти в горы.

Он окинул притихших людей взглядом и по их молчанию понял, что они начинают верить ему.

Но миновало еще два дня, пока они не подошли к горам вплотную. Час за часом высоченный хребет приближался, становясь все больше. Полоняники опускали глаза — горы давили на людей, сгибали их своим молчанием. Ореховцы ни разу не видели ничего подобного, только слышали сказки об этом и теперь пугались одного вида покрытых вечными снегами вершин.

Непреодолимая стена камня вызывала трепет и ужас. Многим уже казалось, что дальше придется лезть на нее, но вскоре обнаружилось, что дорога ведет в ущелье, достаточно широкое, чтобы в нем разъехались две телеги. А по бокам поднимались каменные громады, оставляя наверху лишь узкую полоску неба.

Под ногами, копытами и колесами хрустели мелкие камешки. Огромные глыбы на склонах грозили сорваться в любой миг. Мимо них проходили с опаской. На склонах лепились редкие кустарники и корявые деревца, кое-где росла трава. В одном месте ущелье расширилось. Там с высоты с шумом падал ручей, своей вековой работой выбивший в

камнях озеро в несколько саженой шириной. Здесь обоз остановился. Все напились ледяной горной воды со странным непривычным вкусом, и хазары разложили костры, расположив их кольцом, внутри которого сгрудились телеги, люди и животные. Костры служили одновременно защитой от местных хищников — их рев порой будил людей и беспокоил скотину — и мешал полоняникам бежать в горы. Тот самый мальчишка, который первым испугался гор, попытался под Утро сбежать. Его изловили и выпороли так, что он с трудом поднялся. Властимир с еще одним товарищем по несчастью принял неудачливого беглеца после жестокой порки на руки. Но в этом хрупком теле чувствовалось славянское упрямство человека, который поклялся себе, что все-таки уйдет.

— Терпи, дурашка, коли жить хочешь, — шепнул ему Властимир и уже не отпускал от себя.

Ущелье вскоре закончилось отверстием огромной пещеры, у которого их уже ждали другие хазары.

Перед входом, достаточным, чтобы в него проехало сразу семеро всадников с высоко поднятыми копьями, была небольшая площадка. Всех полоняников согнали на нее, смешав девушек и юношей. Ожидавшие хазары не спеша принялись разглядывать их, переговариваясь с доставившей их охраной. Потом один из встречавших повелительно махнул рукой, полоняников окружили и, толкая тупыми концами копий, погнали в пещеру.

Поддерживая избитого мальчишку, Властимир вошел во тьму подземелья одним из первых. Рядом с ним оказался Буян, но гусяра быстро оттеснили, и тот ничего не успел сказать князю.

Людей почти бегом погнали навстречу мраку, который не могли разогнать даже факелы в руках хазар. Князю это все напоминало пещеры, по которым они путешествовали с Ратом и встретили забытый идол Ящера. Буян вспомнил о том же.

Коридор закончился гротом, из которого дальше вело несколько ходов. Здесь юношей и девушек разделили. Долго сдерживаемые слезы сами хлынули у девушек наружу, и это подхватило вскрики и горестные стенания. Полоняники прощались перед смертью. Какая-то девушка, совсем юная, вцепилась в шею одному из парней с такой силой, что понадобились усилия четырех хазар, чтобы разжать ее руки. Когда ее оттаскивали, она упиралась и кричала, пока могла:

— Я люблю тебя, Ждан! Люблю!

Хазары зажали ей рот и увели. Вместе с девицами ушел и Буян, как когда-то в стане мадьяр, даже не посмотрев на князя.

Девушек вывели на небольшой помост, огороженный низким заборчиком. В стенах пещеры горели факелы — в их свете хазары принялись осматривать полонянок, тыча пальцами и переговариваясь. Девушки, чувствуя на себе откровенные оценивающие взгляды, смущались и дрожали, сдерживая слезы.

Беляна была, напротив, возбуждена. Она знала, зачем пришла сюда. Хотя предпочла бы обойтись без пещер и их обитателей, но раз нет другого выхода, лучше покончить с этим делом сразу. Этот резанец с его стрелами и необыкновенной удачливостью должен погибнуть, и поскорее... А здесь никто не догадывается, что Властимир пришел сюда, чтобы убить Змея — того, кому все они служат, каждый по своей причине.

Хазары пока не обращали на нее внимания, занятые остальными девушками. Улучив минуту, Беляна протолкалась вперед, к самому краю помоста, и, подождав, пока взгляд одного из хазар, который явно был здесь главным, обратился на нее, не спеша обнажила плечо и открыла выжженное прикосновением Лиха клеймо.

На белой гладкой коже оно в кровавом свете факелов было хорошо заметно. Увидев знак, хазарин оторопел. Беляна дала ему время насмотреться, потом натянула рубаху на плечо и кивнула.

Хазарин подозвал одного из своих воинов и что-то тихо сказал ему на ухо. Тот почтительно поклонился и убежал куда-то по темному коридору.

Беляна успокоенно вздохнула. Полдела было сделано. Они со старухой не зря столько

ждали в том лесу. Но им не везло — все время подле резанца был этот гуслар, который слишком много знает, чтобы быть обыкновенным человеком. Его знание тайной магии, запретной во многих местах, его ум и сметка — он явно не тот, за кого себя выдавал, но он далеко, остался в Ореховце, и князь теперь падет.

Беляна, однако, не ведала, что гуслар стоит в нескольких шагах от нее. Буян же не понял, какой знак подала Беляна хазарам, и не знал, зачем ей это понадобилось. Но тут хазары-охранники копьями погнали всех девушек по коридору.

Тем временем мужчин точно так же с непонятной пока целью вывели на точно такой же помост и затем отправили дальше в глубину пещеры. Подавленные всем увиденным и происходящим, славяне не сопротивлялись.

Ход вился как след змеи. Боковые ответвления отходили направо и налево. На поворотах горели масляные светильники, озаря мрачные своды и каменные сосульки, свисающие с потолка. Было тепло и сыро, пахло затхлостью. Где-то звучно шлепались о землю капли — их не могли заглушить даже шаги людей.

Неожиданно полон остановили перед огромной, в два человеческих роста, овальной каменной глыбой. Передний хазарин сунул какой-то предмет, зажатый в кулаке, в щель сбоку, и глыба со скрежетом пришла в движение. Когда она отъехала в сторону, все увидели, что за нею открывается еще одна пещера.

ГЛАВА 21

Полоняников тычками копий и окриками втолкнули в новую пещеру, и камень задвинулся обратно. Подросток по-Дле Властимира прерывисто вздохнул.

Грот, куда их ввели, был огромным — почти три десятка сажень в длину и два десятка в ширину. У дальней стены он заворачивал направо. Пол, потолки и стены были неровные — сверху спускались толстые сталактиты, на стенах имелись складки, на полу встречались ямы и гребни. На ровных местах камни и щебень были собраны в кучи, между которыми были протоптаны тропинки. В стенах на разной высоте были выдолблены лежа разной длины и ширины. На каждом лежали ветошь, шкуры и тощие тюфяки, а кое-где и просто охапки соломы. В центре стояло несколько больших отесанных камней, служивших столами, а вокруг них — камни поменьше, вместо скамей. На столах стояла глиняная и деревянная посуда. Освещалось помещение несколькими светильниками, прикрепленными к стенам. В спертом воздухе, где пахло старыми шкурами и человеческим потом, они горели плохо и чадили.

Пока пленники осматривались, из глубины пещеры вышли люди и окружили их. Старожилы стали внимательно разглядывать новичков.

Здесь было около пяти десятков человек — большинство, как отметил Властимир, были его ровесниками или чуть помоложе. Но сейчас все выглядели старше своих лет — все одинаково мрачные, настороженные, постаревшие от того, что пришлось им пережить. Судя по всему, здесь были не только жители Ореховца, но и обитатели других славянских земель.

— Откуда вы будете? — наконец, спросил один из старожил.

— Из Ореховца, — ответил за всех парень, которого звали Жданом.

— А... понятно, — мрачно кивнул тот, кто задал вопрос. — Что ж, проходите!

Он сделал широкий приглашающий жест. Несколько человек стали накрывать на стол. Появился хлеб, репа, полосы вяленого по-хазарски мяса и кувшины. Пленники сели за стол.

— Ратибор? — вдруг воскликнул один старожил дрогнувшим голосом.

Сидевший подле Властимира подросток подпрыгнул от неожиданности. Из задних рядов к нему проталкивался парень не намного старше его и чем-то на него похожий.

— Горицвет? — ахнул подросток, подбежав к нему. — Ты живой?

Они бросились друг другу в объятия.

— Живой, живой! — повторял Ратибор. — Мы уж не чаяли... А мать-то как убивалась!

— Глазам не верю. — Горицвет не мог наглядеться на дорогое ему лицо. — Как ты

вырос! Ведь мальцом был, от земли не видать! А теперь — погляди-ка... Просто не верится.

— Ты тоже совсем другой, Горицвет. Я тебя и не признал сперва-то... — Ратибор обернулся к Властимиру и остальным и воскликнул взволнованно: — Брат мой старший! Три года назад точно так же сюда попал. Мы уж думали, что погиб, а он живой... Вот бы мать узнала...

Горицвет понурил голову.

— Лучше бы и не узнала, — сказал он. — Отсюда нет возврата, только смерть.

Ратибор прижался к брату. Двое сидевших за столом подростков потеряли кулаками повлажневшие глаза.

Властимир обвел всех взглядом — полоняниками овладело уныние и безнадежность.

— Нет, — строго и неожиданно громко молвил он, и все посмотрели на него. — Не след нам просто так сидеть и ждать, пока смерть придет за нами... Клянусь честью, силой Перуна и мечом Ругевита клянусь — мы еще покажем им всем... Выход найдется!

Полоняники посмотрели на него с недоверием, но тут странный шорох и царапанье у входа привлекли их внимание. Тяжелая каменная глыба, закрывавшая выход, дрогнула, натужно заскрипела и поползла вбок, открывая постепенно увеличивающуюся щель. Полоняники бросились в сторону, в темноту, стараясь спрятаться, полагая, что это хазары пришли за ними. Горицвет загородил собой младшего Ратибора.

За дверью, однако, не было слышно голосов обычно многочисленной охраны. Когда щель увеличилась настолько, что в нее мог пройти человек, кто-то бочком протиснулся в пещеру, не забыв что-то выдернуть из двери с той стороны. Заторная глыба вернулась на место.

— Княже! Княже! — раздался голос вошедшего.

— Девка! — удивился кто-то, увидев человека в женской одежде.

Но Властимир уже разглядел знакомые черты и вышел вперед:

— Буян? Как ты вошел сюда?

— Потом объясню. Князь, Беляна пропала!

— И что?

— Сейчас ты все поймешь! — Буян с Властимиром уселись на ближайший камень. — У меня предсказание того отшельника долго из головы не шло. О предательстве. И я за Беляной всю дорогу сюда, в полон, наблюдал. Сначала она вроде как все — печальна была, а потом присмирела и даже повеселела, словно не на смерть, а домой ее везут. Последние дни все на телеге ехала, не слезала, и охрана ее не сталкивала. А чуть нас завели в грот, точь-в-точь как у вас, — входят хазары, слуги Змеевы, говорят ей: «Пора!» — И она с ними пошла, не дрогнула. А других девушек уводили — они крик да плач подняли. Я дождался, пока все стихло, — и к тебе.

— Что ж тут такого? — засомневался Властимир.

— Чует мое сердце, что была она с хазарами в сговоре! — воскликнул Буян. — И оберег не молчит, покоя не дает... Не Медли, князь! Ночь скоро настанет — тогда и придет время Дело исполнять.

— А как мы выйдем?

— Ай не понял, как я вошел? — улыбнулся гуслиар и вынул из-за пазухи сухой лист. — Разрыв-трава любой замок отопрет, даже такой. У меня запас пока еще есть. Я теперь тебя, княже, одного не оставлю.

Полоняники столпились вокруг, с удивлением глядя на Буяна. Такого тут еще не бывало, сколько они себя помнили — пленные сами двери не открывали.

— А кто вы такие? — спросил один из них. — С виду люди не простые, знакомы меж собой и речи ведете странные? Что за люди вы и откуда? И почему ты в женское платье обрядился?

Названные братья встали.

— Имя мне Властимир, сын Улеба, Всегневых внук, — негромко сказал резанец. —

Князь я из города Резани, сюда приехал издалека нарочно — со Змеем силой помериться, постоять за землю-матушку. А к вам в обоз попал потому, что другой верной дороги в Змеево логово нет. Здесь же зверь сам на ловца идет.

Люди слушали его слова внимательно.

— Из какого ты, князь, города? — переспросил кто-то.

— Из Резани, что на берегу реки Оки стоит, отсюда к северу.

— Из Резани? — спрашивающий почесал в затылке — Что-то не слыхал такого города.

— Ничего, — уверенно кивнул Властимир. — Придет пора — ты еще услышишь о нем!

— А я — Буян, Вадима сын, друг его, — сообщил гусяр — Шел с ним от Резани, из лесов тамошних, и далее пойду до конца.

— А почто девкой вырядился? — спросил Горицвет.

— Жребий в Ореховце мне не вышел в полон идти вместе с Властимиром. Вот я нарядился, караван догнал и тайком в него проник, — объяснил Буян и принялся через голову, путаясь в подоле, стаскивать длинную девичью поневу. На парне оказалась расшитая по вороту рубаха, синие порты и остроносые сапожки. Полоняники весело захохотали, нахваливая удаль и хитрость Буяна.

— Слушай, а что это у тебя? — спросил мальчишка, указывая на оберег.

Буян подкинул на ладони резную фигурку.

— Оберег резанский, — объяснил он. — Хранит он от беды и лихих людей, а когда и совет даст — нужно только уметь слушать... Раньше, еще при Роде и сыновьях его, обереги по всей земле умели делать. А теперь на пальцах нетрудно пересчитать волхвов, которые могут настоящий оберег вырезать. Но их силу не сравнить с силой древних оберегов. А те со временем потеряли силу свою. Может, это последний древний оберег, что сохранил ее.

— А почему так случилось?

— Кто знает? Может, оттого, что сами люди стали иными, а может, тайна в них какая-то — про то я не ведаю!

Властимир только диву давался, слыша речи гусяра. И откуда он всего этого набрался? Вспомнил о волхве, которого Буян поминал пару раз. Не от него ли все знания гусяра?

Буян полюбовался на оберег и убрал его под рубаху. Один из слушателей протолкался вперед.

— А я-то смотрю и не возьму в толк, где я тебя видел! — воскликнул он громогласно с ильменским выговором. — Ты из Новгорода!

Буян улыбнулся во весь рот:

— Верно!

— Ты гусяр! Ваш дом стоял на Торговом конце, в середине улицы?

— Точно.

— И это ты тогда на свадьбе у Рюрика играл?

— Ну я. — Довольный Буян скромно потупился.

— Я тебя сразу и не признал, — сказал новгородец. — А ты меня помнишь?

— Нет.

— Я Изяслав, кузнеца Твердислава сын. Его кузня на Словенском конце первая. А у вас в Торговом конце такого кузнеца отродясь не рождалось...

— Точно! Изяслав, помню я тебя! — воскликнул Буян. — У тебя невеста в доме против моего жила...

— Верно! — радостно воскликнул Изяслав. — Здорово, земляк! Они обнялись, хлопая друг друга по плечам.

— Слушай, — отстранился Буян, — а как ты сюда-то попал?

— Мы с ребятами решили за зипунами на Итиль сходить, пограбить малость, — весело махнул рукой Твердиславич. — Да вот сюда попали. Тут с зимы... Да я не один здесь новгородец — со мной еще трое. Раньше нас шестеро было, но двоих уже к Змею увели.

Он обернулся, подзывая остальных новгородцев, но те не спешили подходить.

— Изяслав, — молвил один из них строго. — А ты что, не помнишь, что на всех концах прошлой осенью про него кричали?

Все как-то сразу притихли.

— Изгой он, — сказал тот новгородец. — Без угла и огня. У него полземли Новгородской варяжских мстителей кровных...

Не успел Буян и рта открыть, как заговорил Властимир:

— Про то, почему его изгнали, я ведаю. Буян мне все давно рассказал. Для тебя он изгой, а мне — побратим и верный Друг. Он мне столько раз жизнь спасал, сколько ты за свою жизнь кружек вина не выпил. Здесь нет его варяжских врагов, а ежели бы и были, то говорили бы они со мною, князем резанским. Гляди!

Он сунул под нос новгородцу даренный когда-то Торболдом перстень. Коли бы не заговорили здесь про варягов, так бы и не вспомнил про старый подарок, что каким-то чудом не потерял в дороге.

Увидев трезубец Рюрика, чванливый новгородец присмирел и отступил. Полоняники окружили гусяра, прося рассказать былинку или спеть, и разом замолчали, когда он тихим голосом начал сказывать о чудесах в дремучих лесах и о Соловье-разбойнике.

Заслушавшись его, полоняники не сразу услышали, как опять заскрипела дверь-камень, и опомнились только тогда, когда, бряцая оружием, в пещеру ворвался десяток хазар-охранников, выставив вперед копыя со сверкающими наконечниками.

Полоняники в смятении сгрудились в кучу, закрывая вскочившего Буяна.

Из-за спин хазар вперед выбежала девушка в темном узком платье с длинными распущенными белыми волосами. Она сразу ткнула пальцем во Властимира и закричала:

— Вот он! Вот! Хватайте его! Это он хотел убить Змея!

Властимир стоял как громом пораженный, не сводя взгляда с преобразившейся Беляны и не веря своим глазам.

— Правду сказал мне отшельник, — только и смог прошептать он.

Охранники-хазары бросились на безоружного князя, выставив копыя, но им наперерез с криком рванулся Буян и свалился под ноги переднему. Не удержавшись, хазарин споткнулся и упал. На него налетел второй, третий... Образовалась куча мала: из-под нее, пыхтя, ужом выполз Буян и закричал полоняникам:

— Други, что же вы стоите? Поможем князю! Аи не славяне мы!

На него навалилось сразу несколько охранников, и крик его прервался. Он отбросил одного, другого, но третий больно заломил ему руки за спину.

На шум и крики в проеме показалось еще несколько хазар. Они разом бросились к дерущимся, но тут полоняники молча пошли на них с голыми руками.

Сшиблись быстро и сильно. Кто-то из славян закричал, почуяв в груди холод копыя, но убившего его охранника повалили, отняли саблю. Изяслав вынул из груди умирающего копьё. Вооруженные бросились на помощь безоружным. Все больше сабель, копий и щитов переходило в руки славян. Те, кто еще оставались безоружными, все равно смело лезли в сечу, хватали нацеленные в них копыя, висли на них, пригибали к земле, рискуя жизнями. Заверещала Беляна — кто-то сильно отпихнул ее в сторону.

На отбившегося от троих хазар Властимира налетел новый охранник, целя копьём в грудь. Но князь левой рукой поймал ратовище у самого наконечника, отвел его в сторону и ударил охранника свободным кулаком.

Властимиру не раз приходилось так валить на охоте лосей, медведей и кабанов. Удар, который сбивал двухгодовалого лося с ног, отбросил хазарина далеко назад. Он упал и затих, оставив в руке Властимира копьё.

Вокруг кипело кровавое побоище. Полоняники дорвались до оружия и сражались с ожесточением людей, которым уже нечего терять. По полу ползали раненые и умирающие, сражающиеся спотыкались о трупы. Буян в разорванной от ворота до груди рубахе, схватив копьё посередине, пошел на двоих охранников, отбиваясь и сам нанося удары. Увлечшись с одним, он старался выбить хазарскую саблю и завладеть ею, но в это время второй хазарин

замахнулся ему в спину копьем.

— Берегись, Буян! — крикнул князь.

Гусляр обернулся, увидел охранника с выпученными глазами, что падал прямо на него. Копье, брошенное Властими-ром, попало хазарину в спину — алый от крови наконечник вышел из груди.

— Беги, князь! — крикнул Буян. — Беги, сразись со Змеем, пока они не опомнились! Мы их отвлечем.

Выдернув у убитого саблю, Властимир выскочил за дверь. Следом за ним бросилось еще пять или шесть полоняников.

Ркай, глава колонии гэтов, не спеша вошел в пещеру. Он коснулся выключателя — и мягкий слабый свет из скрытых светильников озарил ее своды: гэты плохо переносили свет солнца этой планеты, испытывая почти физическую боль.

Пещера была довольно просторна, с шершавыми толстыми стенами, поддерживающими неровный, скошенный к дальней стене потолок. Две большие двери в противоположных концах ее, замаскированные под камень, были заметны только опытному глазу. Над ними были установлены кондиционеры, поддерживающие постоянную влажность и температуру. Пол в центре пещеры понижался конусом. Там, в гнезде из мягкого материала, покоилось их будущее.

Вокруг почти двух сотен округлых, слегка различающихся по форме, зеленоватых в искусственном освещении, блестящих яиц обвивалась их мать, положив голову на кончик своего хвоста. Почуввав чье-то присутствие, она открыла глаза и угрожающе поднялась. Но, узнав Ркаю, сменила гнев на милость — опустила голову и медленно выползла из гнезда ему навстречу.

На первый взгляд они разнились очень сильно — никто посторонний не мог бы догадаться об их родстве. Высокий, чуть ниже сажени, тонкий и гибкий, как змея, на которую походил внешне, Ркай казался уродливой карикатурой на человека — длинные руки, выпученные немигающие глаза, прорезь рта, мелкие чешуйки на теле там, где его не прикрывала одежда, скользящие движения. Он выглядел так же, как и Хейд, ведь они оба были гэтами.

Но перед ним стояло существо, ни капли не похожее на него. Это был огромный дракон с кожистыми крыльями, сейчас сложенными на спине. Оранжевые глаза под наростами бровей внимательно и почти с материнской нежностью следили за Ркаем, когда он протянул руку и погладил ее по кончику носа.

Для Ркай — как и для Хейда, и для любого гэта — эта самка была матерью. Бесполое гэты не могли откладывать яиц. Эту работу у их вида выполняли особые высшие существа, к которым и принадлежала стоящая перед ним самка. Раз в два-три года, а порой и реже, самки откладывали до нескольких сотен яиц разного размера и формы. Из них в свой срок выводились гэты и высшие — крылатые самки и самцы. В гнезде, что охраняла самка, было много мелких яиц — будущих гэтов — и несколько более крупных.

Приласкав самку, Ркай подошел к краю гнезда. На некоторых яйцах были заметны темные пятна, другие чуть подрагивали пергаментной кожей. Одно из них дернулось, вспучиваясь, — самое большое.

— Они скоро вылупятся, — гордо сказала самка, склоняясь над яйцами. — Некоторые уже сегодня.

— Вот это, например. — Ркай показал на самое большое яйцо. — Из него может получиться новая королева.

— Я надеюсь.

— Не нравятся мне эти темные пятна. — Ркай протянул руки к пятнистому яйцу и потрогал его. Яйцо было твердым и прохладным. — Похоже, что оно мертво.

Тонкий раздвоенный язык самки коснулся скорлупы.

— Бедный маленький гэт, — печально сказала она. — Он там задохнулся... Неужели и

здесь начинается та же история?

Ркай пересчитал пятнистые яйца.

— Их почти половина, но это больше, чем раньше. Здешняя мягкая пища и мясо сделали свое дело. Мы еще будем продолжать эксперименты — возможно, придется начать массовую гибридизацию съедобных видов... Но для начала все-таки отлично.

В это время самое большое яйцо дрогнуло, вспучилось с одного бока и прорвалось. В разрыв потекла прозрачная жидкость, и показалась маленькая лапка с тонкими коготками, увеличивающими трещину.

— Началось! — воскликнула самка радостно, подавшись вперед.

На запястье Ркая вспыхнуло сигнальное устройство. Гэт не спеша, не отводя глаз от вылупляющегося существа, нажал кнопку.

— Говорит Нуйл, — прозвучало из микрофона. — Беспорядки на складе. Наш агент указал на источник готовящегося покушения, но там вспыхнул мятеж. Аборигены напали на охрану, нескольким удалось бежать. Они направляются к складам с оружием. Среди них, возможно, те, кто представляет для нас опасность... Они уже здесь! О нет...

Связь прервалась.

Ркай и самка смотрели на разорванное пополам яйцо. Из него на свет выбиралось существо, очень похожее на самку, — только слепое и без крыльев. Под тонкой кожей пульсировали кровеносные сосуды.

— Началось! — выдохнул Ркай. — И как раз тогда...

Он не договорил и бросился к выходу. Сначала узнать, что случилось у центрального пульта у Нуйла, а потом... Ркай растерялся — дэвсы оказались опасными врагами. Кто бы мог подумать, что под личиной двоих внешне безобидных аборигенов скрываются столь сильные соперники.

Но высокопоставленный гэт тут же взял себя в руки. Гэ-ты уже знали, чего можно было ожидать от этих двоих, которых ничто не могло остановить или заставить повернуть назад. Знали, но ничего не предприняли до самого последнего момента — до сегодняшнего дня, когда предпринимать что-либо уже было поздно. Но поздно ли в самом деле? Ркай внезапно остановился — как он не подумал об этом сразу! Эти двое даже не подозревают, как их легко уничтожить!

Когда он выбежал, самка посмотрела на гнездо — лопнули еще два яйца, и опять большие.

Первое сообщение о беспорядках на складах поступило, еще когда Ркай только направлялся в гнездо, но тогда этому не придали значения — склады были далеко, а количество охраны в них не давало решительно никакого повода для беспокойства даже после сообщения о проникновении Властимира и Буяна в пещеру. Численность хазар в несколько раз превосходила число взбунтовавшихся славян, которые к тому же не были знакомы с расположением подземных ходов. Но гэты не были готовы к столь стремительному развитию событий — они явно недооценили славян.

Властимир с боем прорывался по коридорам к складу с оружием, где лежал его меч. Вслед за ним успели выскочить только Буян и новгородцы — прочие остались сражаться с Драной. Уничтожая сбегающих со всех сторон хазар, они Добрались до высоких треугольных ворот в нише.

— Там оружие, — уверенно молвил Буян. — Открывай, княже.

— Почему я? — удивился тот. — Разрыв-траву у тебя.

— Была! — Буян показал пустые ладони. — В такой суматохе и не такое потеряешь...

А ты можешь!

У Властимира уже не было оснований сомневаться в знаниях гусяра — взглянув на его руки, князь вспомнил о сгоревшем в его ладони цветке разрыв-травы. След ожога давно исчез, но, когда он осторожно прикоснулся к двери левой ладонью, створки неожиданно скрипнули и поползли в разные стороны, открывая вход.

Сзади восторженно загудели новгородцы, с трудом веря в чудо. Пораженный Властимир отпрянул, со страхом рассматривая свою руку, но Буян не дал ему времени на раздумья и потянул за собой:

— Живее! Время дорого!

Они бросились в темноту склада, спотыкаясь о сваленные кое-как мечи, щиты, копья и доспехи. Как и в подвалах Сур-Топаз, здесь лежали изделия из самых разных земель. Прихватив факелы, новгородцы копались в вещах, отыскивая свои. Оружие резанца и вещи гусляра лежали близко от входа — их только что принесли сюда.

Разобрав оружие, они побежали по подземному ходу в ту сторону, откуда появились хазары. Несомненно, их направлял сам Змей, а значит, именно туда и лежал их путь.

В центре управления колонией было не так уж много гэтов — восемнадцать техников, следящих за приборами, и сам Нуйл, их непосредственный начальник. Все, едва бунт принял угрожающие размеры, разошлись по своим местам — к энергоустановке и в жилые корпуса. Несколько ученых-гэтов отправились в лаборатории — нельзя было допустить, чтобы эти славяне уничтожили опытные образцы.

Огни на пульте мигали, меняя положение и яркость, — отмечали расположение бунтовщиков. На всей территории складов уже кипело настоящее побоище: несколько человек прорвались на второй уровень и сейчас находились в непосредственной близости от центра управления колонией.

Склонившись к пульту, Нуйл следил за передвижением одной из групп. Что-то подозрительное было в ее скорости и целенаправленности — словно ее кто-то вел. Но кто? Среди гэтов нет предателей, а никто из хазар не знает, где находится центр.

На экране двигалось шесть красных точек — аборигены. Зелеными точками обозначались гэты — по цвету кожи. Нуйл видел, как бунтовщики приблизились к центру, и не мог понять, почему не срабатывают ловушки, устроенные специально, чтобы реагировать на красную местную кровь. Одно из двух: или никто из них не ранен, что вполне возможно, или...

Ответа на свой вопрос Нуйл получить не успел — вернее, он его получил, но слишком поздно. Дверь внезапно отъехала в сторону, панель двери, и в центр ворвались славяне. Ушедшего первым был самый обычный щит, но начищенный до блеска — лучи ловушек отражались от его поверхности и не срабатывали.

Ворвавшись в помещение, люди остановились, недоуменно озираясь. Замерли, пораженные их вторжением, и гэты.

— О боги, какая мерзость! — с нескрываемым презрением промолвил один из новгородцев. — Гады какие-то! Фу! — И он брезгливо сплюнул.

Властимир стряхнул с себя оцепенение. Это наверняка были слуги Змея — похожие на маленьких змеек. Или это его дети... Он поднял меч и крикнул:

— А ну говорите, где прячется Змей?

Без браслетов-переводчиков гэты не поняли ни одного слова, но интонации уловили верно. Нуйл смело пошел на Властимира. Ему и в голову не пришло испугаться этого варвара.

— Вон отсюда, ничтожество! — прошипел он злобно. — Вон и не смей возвращаться!

Встретясь Властимир с этим существом месяца три назад, он, может, и отступил бы, но сейчас в нем не осталось места страху и осторожности. Он увидел холодные выпученные глаза змея, подвижный язык в пасти и худое гибкое тело, ощутил его тяжелый запах, услышал ненавидящее шипение ядовитого гада, которому наступили на хвост. Он понял, что и это существо было причастно к бедам людей, и не только в Ореховце... Возможно, Змея и вовсе нет, а есть только эти твари, а тогда не все ли равно...

Эти мысли молнией пронеслись у него в голове, и князь наотмашь ударил мечом.

Разрубленное пополам тело упало к его ногам. Гэты шарахнулись в стороны.

Ободренные новгородцы разом устремились на них, торопясь убивать со звериной

жадностью. Умирая, гэты совсем по-человечески воздевали руки вверх. Будь они людьми, не было бы такого избиения безоружных, но холодные змееподобные твари не вызывали никаких чувств, кроме ненависти.

Властимир не принимал участия в бойне — здесь ему нечего было делать. Он должен был найти настоящего Змея, которого видел тогда в котле у волхва: или же убедиться, что его нет и в помине. Не окликнув даже Буяна, он выскочил в коридор и побежал наугад — в сторону, противоположную той, откуда они пришли.

Скоро шум позади затих — только его шаги гулко стучали по земле. Князь чуть сбавил ход — он был один, а здесь могли быть засады и ловушки.

Внезапно коридор раздвоился. Вправо и влево уходили два совершенно одинаковых хода, а впереди, куда он в полумраке чуть было не врезался, была глухая стена.

Властимир остановился, глядя по сторонам и не зная, куда идти. Где-то в конце одного из этих коридоров — он чувствовал это — его ждала ловушка, а в конце другого — Змей. Но ходы были одинаковыми — высокие, с гладкими стенами. И нигде ни знака, ни щербинки, ни следа.

Он уже хотел было бежать направо, как уже не раз поворачивал во время блужданий по этим коридорам, но вдруг прямо перед ним из-за стены послышался глухой удар и сдавленный рев. Приглушенный расстоянием, он все равно был такой мощный, что Властимир невольно попятился назад. Стена перед ним дрогнула, вспучилась. После второго удара по камню побежали трещины.

С потолка посыпалась пыль. Стена подрагивала под ударами, трещины разрастались, от больших во все стороны ползли мелкие. Выпало несколько камней, и вдруг вся стена обрушилась, рассыпалась в грохоте и пыли. Резанец едва успел отскочить, чтобы не быть погребенным под обломками, и увидел, как в пролом, не дожидаясь, пока осядет пыль, тяжело шагнул Змей.

О том, как он выглядит, Властимир слышал в Ореховце и потом, в обозе, но то, что он увидел, не имело с рассказами ничего общего. Ему вспомнилось то чудовище, что он убил в Мещерских болотах, — Змей походил на него. Та же скрежещущая шипастая чешуя, лапы с толстыми стальными когтями, огромные зубы в пасти и горящие маленькие глазки. Только уродливая голова на длинной шее имела рога и задние лапы чудовища были короче передних, да что-то похожее на крылья топорщилось на горбатой спине. Увидев дерзкого славянина, Змей закричал и пошел на него, протягивая вперед лапы.

Властимир еле успел увернуться от первого загребающего взмаха когтистой лапы и косо, на излете, зацепил ее мечом, не причинив зверю особого вреда, а только разозлив его. Змей распахнул крылья, загородив проход, и резко выбросил вперед голову с разинутой пастью.

И снова князь отступил, пригнувшись под тяжелой челюстью, и опять достал Змея только на излете, оцарапав ему кожу на подбородке. От боли зверь заревел и прыгнул на человека, стремясь его раздавить.

Властимир вжался в нишу, выставив щит. Когти проскрежетали по щиту, сдирая обшивку. Изловчившись, Властимир ударил мечом по лапе — со всего размаха, словно срубал голову.

Ответом ему был утробный рев ярости и боли. Меч окрасился омерзительной слизистой буро-черной с сизым оттенком кровью, раненый зверь отпрянул, поджимая лапу. Она повисла как неживая.

Боль разъярила Змея. Он стал разворачиваться в узком коридоре, чтобы ударить резанца здоровой лапой, но князь оказался проворнее — он выскочил из своего убежища и подобрался к спине Змея. Ему удалось вскочить на хвост, и он стал подниматься по дергающемуся телу Змея к его голове, чтобы отсечь ее.

Змей почувствовал, что у него на спине человек. Он остановился так резко, что князь чуть не свалился с него, и повернул голову назад, вытягивая длинную шею. Увидев перед собой распахнутую пасть и два ряда огромных, с локоть, зубов, Властимир не стал медлить и

ударил по зубам.

Сталь меча выбила искры из клыков. Соскользнув, меч разрезал губу Змея. Кровь брызнула на щит резанца. Змей поднялся на дыбы, и Властимир, не удержавшись, кубарем скатился с его спины на землю.

Удар хвоста отбросил его к стене, и Змей развернулся, чтобы растоптать врага. Князь с трудом увернулся — зверь наступил на плащ, и ткань с треском порвалась. Сбросив плащ, князь побежал обратно к перекрестку, где было просторнее.

Если бы он знал, куда бежит, он бы десять раз подумал. В проломе, из которого вылез Змей, открывался вход в гнездо с яйцами, в эту минуту из них вылуплялись детеныши.. / Самка охраняла детенышей, готовая их защитить, а с князем сражался самец. Спрячась Властимир под защитой пролома — он непременно погиб бы в зубах самки. В этот миг раненый самец настиг его, и князь, остановившись в шаге от пролома, развернулся для решительного боя.

Он сообразил, что загнал себя в ловушку, только после первого удара, когда, зацепив Змея мечом, захотел отскочить назад. Но отступить ему было некуда — он оказался прижат к груде камней, что осыпались, когда Змей ломал стену. Зверь понял, что настал его час. Он радостно заревел и Ударил мордой, как тараном в ворота.

Властимир вскрикнул от боли, когда его чуть не расплющило о камень. Щит принял на себя удар и раскололся. Но Властимиру очень крепко досталось. Ему показалось, что у него сломались ребра, и, когда Змей отвел морду для нового Удара, он удивился, обнаружив, что еще жив. Грудь болела, каждый вздох давался с трудом. Он не мог поднять рук, в голове помутилось, и осталась только одна мысль — он должен что-то сделать, прежде чем погибнет. Князь покачнулся, восстанавливая дыхание.

Голова зверя была рядом. Змей удивлялся, что его враг после такого удара не падает. Наверняка это какая-то хитрость. И Змей медлил, выжидая...

Властимиру случалось получать удары, которые убили бы менее крепкого человека. Однажды он свалился с обрыва вместе с конем — упрямый необъезженный дикарь решил умереть, только бы не носить на себе человека. Когда они упали на дно оврага, Властимир оказался под конем. Тогда только чудо уберегло его ребра, хотя потом он несколько дней не мог сделать ни одного резкого движения или глубокого вздоха. Но то, что он испытывал в тот раз, не шло ни в какое сравнение с тем, что в этот.

Змей размахнулся для нового удара, последнего для его врага. Тяжелая голова со страшной силой устремилась вперед, готовая расплющить человека, но встретила не грудь князя, а камень.

Змею показалось, что у него из глаз посыпались искры. Он заревел от боли, мотая окровавленной мордой, и не сразу почувствовал, что человек цепляется за один из его рогов. А когда обнаружил это, было поздно.

Властимира мотало во все стороны. Ослабевшая рука едва держалась за гладкий рог. Сорвись он, и его непременно бы растоптал зверь. Но вот рывок бросил его тело поперек морды чудовища. Не выпуская меча, цепляясь рукой и ногами, князь попытался оседлать голову Змея. Вставив сапог, как в стремя, в глазницу зверя, чем окончательно разъярил врага, он ухитрился усесться между рогами чудовища, на его затылок.

Сразу за рогами у Змея находились чувствительные виски. Каблуки сапог врезались в нежную кожу, и зверь обезумел от злости и боли. Стараясь стряхнуть дерзкого резанца, он запрыгал по коридору, мотая головой. Но Властимир держался крепко. Если бы Змей дал себе труд подумать, он бы просто боднул головой стену и раздавил человека, но боль в висках лишила его разума. С детства приученный к верховой езде, могучий Властимир был способен сломать ребра коню, просто сдавив ему бока ногами. Проломить череп чудовища князь был, конечно, не в состоянии, но помучиться его заставил.

Боль утомила Змея. Он бесился, мотал головой, стараясь стряхнуть врага. Властимира мутило, но он держался и упорно ждал подходящего момента.

Борясь с приступами тошноты, он едва не прозевал момент, когда его враг вдруг

остановился. Этот миг был краток, но Властимир, из последних сил подняв меч, успел глубоко всадить сталь в основание черепа Змея.

От истощного рева у него заложило уши. Зверь поднялся на дыбы, ударился рогами в потолок и вдруг рухнул наземь, судороги сотрясали его тело, а густая вонючая кровь толчками била из отверстия, проделанного мечом князя.

Змей затих навсегда еще до того, как стихло эхо его предсмертного рева. А Властимир все еще цеплялся за его рога, оставив меч в ране. Боль ослепляла его, он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой.

Наконец победитель поднял голову и огляделся. От дурного запаха змеиной крови клонило в сон. Вдруг какое-то движение привлекло его внимание и ужас заставил забыть об усталости.

Из пролома на него смотрел второй Змей.

В глазах чудовища застыло изумление. Самка выглянула узнать, чем все кончилось, и увидела, что самец мертв, а его убийца жив. Она могла бы убить его сейчас одним ударом лапы, но упустила этот миг — человек пошевелился и сполз с головы Змея. И не только сполз, а встал и с трудом вытащил засевший в черепе убитого зверя меч.

Самку охватил страх. Страх столь сильный, что она забыла о гнезде с яйцами. Когда человек, чуть пошатываясь, сделал к ней шаг, она бросилась удирать, но не в гнездо, а в левый проход. Но может быть, в этом и была хитрость — отвлечь врага от гнезда, ведь азартные охотники любят преследовать зверя.

Властимир ничего не знал о гнезде, однако и не спешил догонять второго Змея. Когда самка вылезла из пролома, он сам шарахнулся в сторону — самка была больше убитого им зверя раза в три.

Удивленный и слегка напуганный ее размерами, Властимир вытер вспотевший лоб. Неужели ему предстоит еще одна битва? Знать, предстоит. Он не мог не исполнить свой долг до конца, поэтому должен был преследовать врага, пока не расправится с ним.

Он пошел по следам зверя. С каждым шагом возвращались силы и ясность ума. Теперь его огорчало одно — пешком он не догонит Змея и тот улизнет.

Топот и ржание докатились до него эхом, и спустя несколько мгновений, когда Властимир поверил, что это ему не мерещится, подбежал верный Облак. Наверное, Буян разыскал лошадей и выпустил жеребца, уверенный, что тот отыщет хозяина сам. Помянув добрым словом вещего гусяра, Властимир вскочил в седло и поскакал по следам Змея.

ЧАСТЬ II

ГЛАВА 1

Ркай подбежал ко входу в особый, замаскированный грот. Над дверью вспыхнул огонек, означающий, что личный код высокопоставленного гэта определен. Дверь открылась, Ркай вошел в грот и заперся изнутри.

Он включил наблюдательную камеру, чтобы видеть, что творится в коридоре. Мимо прошли несколько гэтов и охранники-хазары. Вид их наполнил душу Ркая ненавистью — зря он доверился людям, пусть даже и находящимся под постоянным контролем. Люди всегда остаются людьми, и сейчас хазары, вместо того чтобы сражаться со славянами, драпали вслед за гэтами, а сражались только те, кто был отрезан от выхода.

Бунтовщики захватили больше половины подземелий и стремительно продвигались по следам гэтов. Вели их те двое посланцев дэвсов, которых они так и не смогли ни уничтожить, ни остановить.

Когда Ркай только собирался в экспедицию, его предупреждали, что здесь еще сохранились остатки когда-то могущественной, известной на всю Галактику цивилизации дэвсов, из-за чего и эту планету называли Дэвсой. После уничтожения этой цивилизации последние оставшиеся в живых дэвсы куда-то скрылись, но на планете остались их агенты под видом волхвов, колдунов, кудесников и пророков. С их помощью дэвсы оказывали сопротивление разного рода пришельцам, которые пытались закрепиться на этой планете. Несколько битв старые хозяева планеты проиграли, но, в случае с гэтами, удача им пока сопутствовала. Ркай когда-то был уверен, что захватить контроль над Дэвсой им удастся без

труда, но аборигены там, где им помогали дэвсы, сражались очень успешно — как здесь и сейчас.

Воспоминания о том, как его отговаривали братья за это дело, нахлынули на Ркая, и он заскрежетал бы зубами, если бы они у него были.

Мимо прошло еще двое гэтов. Позади них тащился крылатый самец — одно крыло его было повреждено и волочилось по полу. Из перелома торчала кость. Судя по всему, он долго не сможет подняться в воздух. Увидев работающую камеру Ркая, гэты остановились.

— Проходите скорее! — прикрикнул он на них. — Здесь скоро будет опасно.

— Что ты хочешь сделать, Ркай? — спросил один из них.

— Я не собираюсь отступать, не отплатив бунтовщикам за все! — Ркай отодрал изолирующую панель от стены и положил руку на пульт у кнопки. Всего одно нажатие — и взрыв уничтожит полгоры и всех, кто окажется под нею. Сегодня это будут все бунтовщики. Гэты потеряют очень много их, но зато Ркай утолит жажду мести.

Никто из славян — даже Буян — в эту минуту не подозревали, что их жизни висели на волоске, но в тот самый миг, когда Ркай решил вдавить кнопку в гнездо, чья-то рука сзади остановила его.

Пылая от бешенства, Ркай развернулся, чтобы узнать, кто осмелился помешать ему, и встретился взглядом с Хейдом.

— Ты не сделаешь этого, — спокойно сказал тот.

— Почему? — взорвался Ркай. — Они нас уничтожат, если я не...

— Глупец! Ты уничтожишь всех нас! Этот взрыв...

— Пытаешься убедить меня, что я сошел с ума? — зло прошипел Ркай. — После того как ты проторчал несколько дней в компании аборигенов, ты очень изменился, Хейд... Я бы сказал, что ты стал совсем другим — ты больше не похож на гэта. Но на сей раз речь идет о нашем будущем на этой планете, и я намерен сделать все для того, чтобы мы и наши дети обосновались тут навечно, даже если нам придется смести с лица планеты еще одну цивилизацию!

— Ты сошел с ума, Ркай, — покачал головой Хейд, — иначе бы ты сначала подумал о детях, для которых собираешься завоевывать эту планету. Взрыв, конечно, уничтожит аборигенов, но вместе с ними погибнет и королева! Наша последняя королева и ее кладка — они-то еще там! Взрыв — и их разнесет в клочья!

До Ркая дошло, что он чуть было не натворил. Он отступил от пульта.

— Яйца, — прошептал он поражение. — Как я не подумал раньше... Но ведь если они не погибнут под обломками, их уничтожат аборигены, если обнаружат...

— Не думаю, — сказал Хейд. — Я кое-что узнал о местных жителях. Те, с кем мы сейчас сражаемся, не воюют с детьми. Даже если найдут, они не тронут яйца, а мы потом вернемся за ними.

— Да, но они не воюют со своими детьми, а это яйца гэтов!

— Они могут не догадаться, чьи это яйца, а кроме того...

Он не договорил — громкий топот подсказал им, что приближается самка. Забыв про панель с кнопкой, оба гэта выскочили в коридор.

Самка бежала огромными скачками, вытянув шею. Ее паническое бегство испугало многих гэтов, и они побежали за ней, но на их пути встал Ркай.

— Защитим королеву — наше будущее! — крикнул он. — Это приказ!

В числе тех, кого остановил его окрик, было и несколько хазар. Им особого приказа не требовалось — они просто повернулись лицом к погоне.

В коридоре показался одинокий всадник на белом коне. Он казался совсем не страшным, и многие удивились — что заставило самку так панически удирать. Но среди беглецов оказалась Беяна.

— Это он, он! — закричала она, указывая на всадника. — Он хотел убить Змея!

Ркая предупреждали о том, что рано или поздно явится тот, кто покончит с ними, если они сами не уничтожат его. Предсказание исходило из очень надежного источника знаний о

дэвсах. Они обладали невероятными возможностями и могли найти единственного на земле человека, который смог бы уничтожить колонию гэтов. Гэты долго следили за его продвижением и, чем дальше, тем все больше убеждались, что это именно он — тот, кого им следует бояться.

Властимира встретили огненные лучи. Он слышал о том, что Змей дышит пламенем, и теперь убедился, что легенды говорили правду. Пламя опалило шерсть Облака, верный конь заупрямился и встал. Князю пришлось спешиться. Следующий луч ударил в центр щита, заставив Властимира покачнуться, но не причинив ему заметного вреда, хотя металлические части щита раскалились и жгли руку, а кожаные начали тлеть.

Несколько лучей ударили в лезвие его меча, и тот вдруг засверкал как солнце. Непривычные к яркому свету гэты отпрянули в стороны, и Властимир, не встречая больше сопротивления, пошел косить их направо и налево. По-прежнему на всякий случай закрываясь щитом, он прорубался сквозь строй гэтов, краем глаза успевая заметить, как разлетаются обрубки тел, окрашенные змеиной кровью.

Подросли хазары. Их было десять против одного, но даже окружить резанца им не удавалось. Князь постоянно двигался, то и дело меняя место, и хазары теряли одного бойца за другим. Самка успела скрыться за поворотом, с нею ушли и несколько гэтов.

Неожиданно князь услышал позади какой-то крик. Он обернулся и увидел Беляну. Девушка стояла, прижавшись к стене и не сводя с него взгляда, в котором было столько ненависти, что Властимир сразу вспомнил все, что было с нею связано, — и домик в лесу, где они чуть не стали жертвой ведьмы, и Купалину ночь, и Ореховец, где она отговаривала их от похода, и ее последнее предательство. Хазары, пользуясь его заминкой, набросились на него с новой силой. Но резанский богатырь, ловко отбиваясь, устоял на ногах. Властимир отступил на несколько шагов, упершись спиной в скалу в двух локтях от застывшей Беляны, и сам перешел в нападение.

Хазары отскочили, с трудом уворачиваясь от меча, что нестерпимо сверкало и свистело в воздухе. Князь бросился вперед, забыв, что позади осталась Беляна. Он успел услышать ее отчаянный и злобный визг, когда неожиданная тяжесть повисла у него на плечах.

Дочка ведьмы оказалась тяжела. Князь пошатнулся, пытаясь сохранить равновесие, а та зажала ему шею рукой и занесла нож. Но Властимир резко повернулся на месте, как делает это обвешанный собаками медведь. Рука Беляны сорвалась с его шеи, девушка упала на землю, и Властимир не глядя нанес удар мечом. В ответ раздался истошный крик ужаса и боли, но резанец не обернулся и снова принялся крушить хазар.

Но вдруг те бросились врассыпную. Властимир побежал было за ними, но его остановил топот копыт сзади.

Князь оглянулся — к нему подскакал Буян на неизменном Воронке и с ним десяток людей, среди которых были и все четверо новгородцев. Именно их атаки испугались хазары — они не привыкли сражаться в пешем строю с конными.

Буян держал повод Облака.

— Садись, князь! — крикнул он — Не уйдут они от нас!

Решительные лица за его спиной подтверждали слова гусяра. Властимир прыгнул в седло, и маленький отряд, разметаив удиравших от них хазар, поскакал по коридорам.

Буян вырвался чуть вперед, разведывая дорогу. То и дело попадались боковые ходы. Змей и его слуги могли нырнуть в Любой из них, однако вещий гусяр вел славян по верному пути.

Неожиданно ход расширился и заметно пошел вверх.

— Загнали мы их! — с довольной улыбкой крикнул Буян князю. — Чую — выход близко!

— Ну и что? Выход — значит, в степь уйдут, там не отыщешь.

— А ты еще не догадался, князь? Они ж под землей живут — значит, не выносят света дневного. Не пойдут они к солнцу; а путь во мрак мы им отрезали...

Но Властимир не разделял уверенности Буяна в победе — он знал, что загнанный в угол зверь или человек всегда сражается до последнего и часто побеждает. Если Змею и правда некуда уйти, надо быть осторожнее.

Он не успел сказать об этом гуслиарю, потому что впереди показалось тощее страшилище — хазарский хозяин, и все невольно придержали коней.

Гэт стоял у самой стены и бесстрашно в упор смотрел на приближающихся людей. Почему-то все сразу поняли, что он их не боится и что он очень молод. Его крупные глаза сияли в свете факелов, как две звезды. Он не шевелился, небрежно опираясь рукой о стену, и не сводил глаз, с людьми.

Властимир подскакал так близко, что мог бы с коня срубить гэта мечом, но что-то его удержало. Враг не сопротивлялся, и князь подумал, что это раб или преступник, прикованный в наказание к скале и нарочно оставленный тут на неминуемую смерть. Он уже убрал меч в ножны и приготовился спешиться, но тут гэт надавил на что-то в камне.

Буян сразу все понял.

— Все назад! — крикнул он и ударил Облака и своего коня плетью.

Старый конь шарахнулся в сторону, рядом с ним Воронок осел на задние ноги и попятился задом, наседая на остальных лошадей, которые в панике сбились в кучу, плохо слушаясь ничего не понимающих всадников.

Сверху раздался глухой грохот. Стены дрогнули. Лошади бросились назад, и в эту минуту своды начали рушиться...

От грохота и поднявшейся пыли никто долго не мог ни сдвинуться с места, ни сказать хоть слово. Наконец пыль осела, и глазам всадников предстал тупик.

Обрушившиеся своды хода погребли под собой смертника-гэта и отрезали преследователей от преследуемых. От пола до потолка поднялась груда камней. Внизу из-под них были заметны задние ноги лошади — один из всадников оказался недостаточно проворен.

Оставшиеся в живых помолчали, прощаясь с тем, чьей могилой теперь стали Сорочинские горы и кто вечно будет делить ее с гэтом, и повернули назад — искать другой выход.

О Змее Властимир старался больше не думать — обвал или погубил его под собой, или дал ему возможность уйти. В любом случае, сейчас Змей был для него недоступен. Князь не подозревал, что обвал перекрыл проход только в одном месте и за ним пещеры продолжают, а значит, Змей и его слуги наверняка живы.

Возвращались шагом. Буян что-то рассказывал своим соратникам. Князь не слушал его, ехал, уронив голову на грудь и размышляя о ближайшем будущем.

Он здорово устал. Болели сразу все ушибы и раны, полученные в битве с первым Змеем. Сначала он не заметил их в горячке боя, но теперь они дали о себе знать. Особенно болела грудь — похоже, у него все-таки было сломано одно или два ребра. Опираясь на луку седла, Властимир ждал возможности спешиться и отдохнуть хоть немного. Он понадеялся на опытного коня и прикрыл глаза — Облак сам следил, чтобы усталый хозяин не свалился с него.

Вдруг конь встал, и князь открыл глаза.

Где-то в боковом гроте полыхало зарево — в гнев восставшие разрушали и поджигали все что можно. Багровые отсветы играли на стенах и доспехах людей. В их свете своды подземных коридоров казались еще мрачнее.

Облак стоял розовый в зареве пожара, опустив морду. Прямо перед ним валялись убитые хазары, гэты и среди них — Беляна.

Глянув на расprostертое тело девушки, Буян соскочил с седла, опустился на колени и перевернул ее лицом вверх. Беляна была мертва. Ее длинные пышные волосы, окрашенные кровью, разметались. Распахнутые глаза были неподвижны. На бледном восковом лице застыло выражение ужаса и боли. Левый бок ее был распорот от плеча до бедра. Властимир глядел на кровь и не мог отвести глаз. Ему было тяжело оттого, что он убил такую юную

девицу. Но она оказалась ведьмой и изменницей. Буян поднялся и сказал горестно и в то же время с ожесточением:

— Она предала нас — свой народ, свой язык, свои обычаи... Предала и погибла. И так погибнет всякий, кто предаст... — Он вернулся к Воронку, сел в седло. — Оставим здесь лежать?

Властимир не мог отвести глаз от мертвого лица, которое и сейчас еще было прекрасно — так прекрасно, что, не будь на свете Веденеи, сердце резанского князя скорбело бы сейчас о погибшей любви.

— Нет, — услышал он свой голос. — Кто-нибудь останьтесь — похороните ее в земле.

Он не сказал, почему отказывает девушке славянского рода в чести возлечь на погребальный костер, обрекая ее душу на вечные муки подземного житья, и никто не спросил его об этом. Двое новгородцев спешили и подошли к ней, а остальные всадники тронули коней и поехали дальше.

Всюду, где они ни проезжали, было одно и то же. Почти все хазары были убиты, раненых добивали по дороге. Славяне разбрелись по пещере, ища добычу и освобождая пленных. Князя приветствовали криками, подбегали спросить что надо делать. Все единодушно приняли Властимира за главного над собой, и ему пришлось, усилием воли отогнав боль, принять командование. Буян, понимавший, что другу трудно полностью отдаваться этому делу, охотно избавлял его от части забот.

— Князь! Князь!

По коридору бежал человек. Это оказался Ждан из Ореховца. Он размахивал факелом.

— Князь, поедem за мной! — крикнул он. — Там мы такое нашли... Такое!

— Что там? — спросил Буян.

— Это, — Ждан оглянулся по сторонам, — не для всяких ушей... Едем, князь!

Он настойчиво тянул Облака за узду за собой, и Властимиру ничего не оставалось, как покориться.

Ждан вел Облака в поводу, освещая дорогу факелом. На пути им почти никто не встретился.

Их путь окончился перед каменными дверями, где их уже ждало несколько человек с факелами. В основном это были жители Ореховца из тех, что пришли сюда с Властимиром и Буяном.

— Мы не знаем, что там, — сказал Ждан, — но, наверное, что-то очень важное. Это единственная дверь, которую мы не смогли открыть.

Если бы Властимир не был так утомлен сражением, он бы заметил, что уже проходил здесь, когда преследовал второго Змея, а неподалеку оттуда находился пролом в стене, возле которого он бился с первым.

Буян спешил и дал руку князю, помогая ему сойти с коня. В другое время Властимира это бы возмутило, но сейчас он с благодарностью оперся на руку друга.

— Ломать двери, княже? — спросил Буян нарочито громко. — Или ты так их отопрешь?

— Как? — устало поинтересовался Властимир.

— Точно так же, как склад с оружием. — И гусяр поднял раскрытую ладонь.

Ободренный напоминанием, князь шагнул к дверям и прикоснулся ладонью к соединению створок. Они подчинились мгновенно и распахнулись, заставив многих свидетелей отскочить подальше.

Властимир и Буян остались перед дверьми одни. Изнутри на них пахло теплом и сыростью, как из бани. Когда они шагнули в проем, впереди вспыхнул мягкий розовый свет.

Друзья первыми вступили в широкий сводчатый грот. В противоположной стене зиял отчетливо видимый пролом.

В середине помещения было небольшое углубление, выложенное мягкими подушками и перьями птиц. Огромная перина была взбита и слабо шевелилась. Приглядевшись в неверном свете, Властимир не сдержал вскрика — в перине копошились голые слепые

существа, маленькие Змеи. Только были они ростом в полсажени, без зубов и крыльев, имели нежные лапки с крохотными когтями. Они, как новорожденные кутята, расплзались в стороны, ища мать. Но она была далеко, может быть, погибла под обвалом, а малыши...

Один детеныш подполз так близко, что ткнулся носом в сапог Буяна. Гусяр с проклятьем отдернул ногу и поддал малыша так, что тот с шипением отлетел обратно.

— Какая гадость, — брезгливо бросил он. — Убей их, князь!

Властимир не сводил глаз с отброшенного Буяном детеныша, который сучил слабыми лапками, пытаясь перевернуться на живот. Подчиняясь какому-то наитию, он потянулся и концом меча перевернул малыша.

— Почему я? — не глядя на гусяра, спросил он.

— Это твоя задача, князь. Затем тебя сюда привели.

— Кто?

Властимир глянул через плечо и встретил холодный чужой взгляд.

Он ожидал, что сейчас скрытный Буян начнет по своему обыкновению что-то сочинять, но тот вместо ответа сорвал с шеи оберег.

— Знаешь, что это? — спросил гусяр, протягивая его князю. — Думаешь, это простой резанский оберег, что девушка парню в поход дала?.. Нет! В нем таится сила, и сила та от богов ему досталась. Думаешь, случайно все, что с нами приключилось еще до нашей с тобой встречи и после нее? Нет, князь! Боги следят за твоим путем, тебя они избрали, в тебе сейчас таится надежда всей земли нашей матушки. Боги меня послали, чтобы берег я тебя и на путь добрым советом наставил, если что, а оберег мне силу дает и знание.

Он протягивал вещицу, словно предлагал князю взять ее, но тот медлил.

— Чудны твои слова, Буян-вещун! — молвил он наконец, и невозможно было понять, верит он гусяру или нет. — Коли в твоих словах правда, что ж раньше-то молчал?

— А надо ли было? — Буян повесил оберег на шею. — Не меч супротивника сечет — человек. И даже не рукой, а головой, мыслью своей, что рукою двигает... Каково же мечу, даже князьему, про себя правду вызнать! Но раз уж начал, скажу — ты и я не своей волей пущены, а потому не раздумывай — исполняй дело.

Властимир посмотрел на свой меч.

— Значит, мы, — в раздумье спросил он, — только стрелы в руках Перуна?

Буян ободряюще улыбнулся и положил руку на плечо князя.

— Стрелы! — воскликнул он, — Но не всякую стрелу для подобного дела в лук вложат... Не печалься, князь! Конец у всякой твари один, долг у всякой твари один. Наш известен — постоять за землю-матушку. Мы сами этот долг выбрали. А потому не медли, князь! — Голос его звенел под сводами пещеры, поднялся под потолок. — Убей зло, пока оно само еще зла не наплодило! Вырастут они, по земле нашей расплзутся, сердца людей отравят, землю нашу осквернят.

Он подтолкнул князя к гнезду.

Властимир поднял было меч, примеряясь для первого удара, но тут один из детенышей поднял голову и распахнул рот в беззвучном крике-зове. Мать бы его услышала...

И Властимир сунул меч в ножны.

— Не могу! — крикнул он в ненавистную сейчас улыбку гусяра. — Не могу! Дети ведь!.. Вырастут — вот тогда, может быть... А пока они невинны, зла нет на них.

Он устало опустил голову, ожидая упреков от Буяна, но тот оскалился весело и обнял князя.

— И снова говорю тебе, княже! На тебя надежда всей земли нашей матушки!.. Слушай меня, князь! — Гусяр схватил друга за плечи, развернул к себе. — Будет время, будет сон — мы туда не попадем... Будут многие испытания земле нашей и от этих детенышей, и от слуг их, что не родились пока. Вечно они будут вредить земле этой — реки кровью наполнятся, города разрушатся, но ничто не разрушит духа руса-чей. Всегда найдутся люди, в ком жив будет дух земли нашей: твой дух, княже, и дух богатырей, что придут после тебя. И так будет вечно, ибо дух — мое слово и слово мое — дух!

Буян умолк, и, словно подтверждая его слова, где-то наверху ударил далекий, но ясно различимый раскат грома.

Три часа спустя славяне собрались наконец все вместе. После битвы с гэтами и хазарами осталось около шести десятков воинов, да несколько человек было ранено. Среди пострадавших оказался и Горицвет, брат Ратибора, ^ он был первым, кого нашло хазарское копьё еще в гроте полоняников. Копьё вытащили из раны, остановили кровь, но юноша лежал на ложе бледный с закушенной губой и уже успел попрощаться с жизнью. Ратибор не отходил от брата ни на шаг и не сводил с него глаз. Он даже не позволял девушкам, что ухаживали за другими ранеными, подходить к нему и все делал сам.

Всего людей, считая и девушек, набралось более девяти сятков. Нескольких принесли из пытален гэтов. Но побы-1 вшие там люди почему-то не рассказывали обо всем увиденном, хотя их расспрашивали. Видно, то, что предстало их взорам, было слишком тяжело. Оно наполняло сердца людей мстительной ненавистью, и, попадись им в это емя живой гэт или даже детеныш, его бы ждала самая жестокая казнь, какую они только смогли бы придумать.

По счастью, Властимир и Буян не рассказывали об оставленных детенышах, и люди покидали пещеры, не подозревая о них. На складах нашли достаточно телег, упряжи, припасов и скота, чтобы снарядить караван. На телеги уложили раненых, припасы. Каждый брал, что хотел и мог унести. Не дожидаясь начала нового дня, двинулись в путь.

Было уже за полдень, но солнце уже ушло из ущелья. Караван растянулся по узкой горной дороге, направляясь на север. Всадники окружали караван со всех сторон, готовые встать на защиту только что завоеванной свободы. Люди торопились, стремясь поскорее покинуть ставшие ненавистными для них Сорочинские горы.

Никто не заметил других всадников, что замерли на гребне хребта. Они умело прятались среди камней и внимательно следили за уходящим караваном.

Один из них был волхвом — об этом говорил его наряд: белая длинная рубаха и штаны, плащ с символами и амулеты на груди. Человек рядом с ним казался воином чужого народа — одежда из выделанной кожи, длинные волосы и безбородое узкое лицо. Породистый конь под ним тянул тонкую шею и грыз удила.

— Пошли лучших людей, Лисохвост, — негромко сказал ему волхв. — Полоняники должны без помех и потерь добраться до Ореховца. Они сделали что могли — честь им за это и хвала.

— А что их теперь ждет? — Лисохвост тронул коня.

— Не ведаю пока. Надо проследить за некоторыми — они узнали слишком много.

— Гусярь или князь? — Лисохвост повернулся в седле. — Насколько я помню, этот резанец так и не взял твоего перстня, что пытался вручить ему муромский жрец.

— Да, это правда. — Волхв посмотрел на перстень с орлом и спиралью, что опять украшал его руку. — И я очень жалею об этом, но, с другой стороны, даже лучше, если такие люди останутся в памяти народной.

— Чистомысл, ты можешь мне сказать, почему ты выбрал именно Резань? — вдруг спросил Лисохвост. — Разве мало Других городов?

— Городов немало, и много среди них достойных, но у Резани есть одно преимущество — она более других способна дорожить старинными ценностями... Где, кроме нее, сохранилось от времен Ящера древнее искусство оберегов? Сам Ящер предсказал имя этого города — только он считал, что город будет основан в другом месте... Ну и просто мне понравилась резанская земля, — добавил он чуть смущенно.

— А лучше сказать, те две сестрицы из Ласковы! — со смехом молвил Лисохвост.

— Иди! — рассердился Чистомысл. — Они сейчас скроются из виду, а нашему отряду не следует привлекать их внимание — простые люди не должны о нас догадываться!

Лисохвост тронул коня по крутой тропке. Помедлив, Чистомысл тоже стал съезжать вниз.

— А ты куда? — обернулся Лисохвост. — Я сам справлюсь, не надо за моими делами

следить.

— Я не лезу в твои дела, — ответил Чистомысл. — Я хочу проникнуть в пещеры — посмотреть, что там осталось, все ли убиты или кто-то успел уйти. Что бы я ни нашел, все представляет для нас интерес.

Не обращая больше внимания на своего спутника, волхв подъехал к отодвинутому камню, из-за которого два часа назад выехал караван, и, спешившись, вошел под своды опустевших пещер.

Лисохвост догнал его немного погодя у входа в гнездо Змея. Чистомысл обернулся на его шаги:

— Ты?

— Я послал вместо себя другого, — махнул рукой Лисохвост. — Они и без меня справятся... Что там?

— Смотри сам. — Волхв посторонился, давая дорогу. Лисохвост вошел в грот, пригляделся и воскликнул:

— Какая гадость! Что это?

— Это, — Чистомысл подошел, встал рядом, — доказательство того, что я не ошибся в выборе посланцев. Право слово, я горжусь славянами, детьми Рода! За ними будущее, они были милосердны и сохранили потомство Змея.

Волхв склонился над детенышами, осторожно потрогал одного, что побольше.

— Ведь это драконы? — догадался Лисохвост.

— Называй так, если хочешь. Одно точно — они похожи на Ящера так, что мне даже немного жутко. Возможно, Ящер и они в родстве... Во всяком случае, когда-то, даже еще во времена Рода, драконов было гораздо больше, а до того. У ариев, они были приручены, как лошади. Мои предки летали на них, перевозили грузы. Существовала даже особая каста воинов на драконах... После гибели цивилизации ариев часть драконов одичала. Оставшиеся вырождались, а диких постепенно перебили. Несколько штук, уже дряхлые и немощные, еще живут где-то, но настоящих драконов у нас остались еденицы. Эти детеныши — спасение вида от гибели. Мы их вырастим, и они станут нашими помощниками... Конечно, мы оставим жить только самых больших и сильных.

Волхв поднял ближайшего к нему крупного детеныша. Мордочка с закрытыми кожей глазками и беззубым ртом оказалась на одном уровне с его лицом. Лапки с нежными, как у ребенка, пальчиками упирались волхву в грудь.

Внезапно Лисохвост расстегнул куртку и протянул руки:

— Дай-ка мне!

Взяв у Чистомысла детеныша, он прижал его к себе. Почувствовав тепло, новорожденный дракончик притих, замокал губами и заурчал. Лисохвост обнимал его двумя руками — малыш был больше двух локтей в длину.

Чистомысл наблюдал за своим спутником. Лисохвост еще очень молод, но уже умен. Следует порекомендовать его вождям уцелевших ариев, что теперь всеми назывались дэвсы.

— Побудь пока с ними, — молвил Чистомысл, — а я пройду здесь еще. Я не все осмотрел... Там еще кто-нибудь остался?

— Еще трое.

— Позови их сюда — пусть охраняют малышей. Я поищу средство связи — оно наверняка здесь есть!

Они разошлись в разные стороны. Лисохвост, бережно прижимая к себе малыша, поспешил к выходу, а волхв отправился на второй уровень пещер.

Любопытный Лисохвост нашел Чистомысла спустя два часа. Волхв сидел в огромном зале перед сплошной стеной приборов — Лисохвост никогда не видел ничего подобного, хотя и знал, что это за штуки. Чистомысл задумчиво барабанил пальцами по панели, лицо его было сурово.

— Они ушли, Лисохвост, — мрачно промолвил он. — Не убиты, а сбежали.

— Все?

— Нет, конечно. — Волхв кивнул на трупы, которые показывал экран. — Но кое-кто ушел. И в том числе Змей. Я нашел только одного убитого самца. Самки нет, а значит, они еще смогут начать все сначала... Зверь ранен, его надо добить, а не позволять ему затаиться и набрать силы.

— Ты опять пошлешь на них славян?

— Еще не знаю. Я прослежу за теми и другими. Князь — Резанец, а те редко бросают начатое на полпути... Но нам разыскать Змея надо раньше...

Он уселся поудобнее и поднял глаза к экранам. Тонкие гибкие пальцы волхва забегали по клавишам. Обозначения были ему мало понятны, но у него было много времени. Не спеша, методом проб и ошибок, он стал подбирать команды для машин. Наконец Чистомысл добился чего хотел и победно улыбнулся — все-таки он был прав, посылая славян — менее искусственные соплеменники его или Лисохвоста не отказали бы себе в удовольствии разбить все приборы. Для славян же машины ничего не значили, и они оставили их к покое. Гэты не отключили их и тем самым дали в руки преследователей возможность проследить свое отступление.

ГЛАВА 2

Гэты не подозревали, что у дэвсов, которых они мечтали стереть с лица планеты, осталось столько сил и возможностей для сопротивления инопланетному вторжению.

Они свернули в узкий, заросший сталактитами ход, где услышали эхо обвала и почувствовали, как земля задрожала у них под ногами. В Сорочинских горах землетрясения были редки, но обвал мог произойти в любой миг. И когда все уже решили, что они в тупике, раненный в крыло самец обнаружил этот ход. Головой он увеличил отверстие, туда отправили гэта-разведчика, который сообщил, что ход сначала узок, но потом расширяется настолько, что самка сможет пройти.

Самец, уцелевшие гэты и хазары принялись расширять лаз — как ни исхудала самка, высиживая яйца, пройти она пока не могла. Сама она ничего не делала и молча скорбела о детенышах и самце. Правда, у нее остались два самца, но второй был еще так молод, что сам был похож на детеныша.

Работы продолжались несколько часов. Драконы когтями разбивали камни, а гэты и хазары оттащивали их подальше и ссыпали кучей за своими спинами — камни должны были задержать погоню: Хейд был уверен, что аборигены найдут способ последовать за ними.

Наконец ход расширили настолько, что самка смогла проползти по нему, обдирая бока. Следуя за ней и чуть не наступая ей на хвост, Ркай проклинал все на свете — если бы у него было все необходимое, ему не пришлось бы заставлять самку так страдать. Ркай ее почти боготворил.

Только после того, как все вышли из узкого прохода, беглецы остановились и огляделись. Ркай воспользовался моментом и пересчитал оставшихся. Спасти удалось двадцати гэтам и почти сорока хазарам. Гэты были в основном младшими техниками из лабораторий и энергоустановок. Они мало что знали, кроме своей работы, и сейчас были бесполезны. Они и бежали с тем, что подвернулось под руку в последний момент, — личное оружие, браслеты-переводчики внутренней связи, какие-то вещички повседневного обихода. Хазары подготовились лучше — каждый прихватил коня, навьючив на него почти весь свой скarb и небольшой запас она для лошади и вяленого мяса для себя. Некоторые успели прихватить и заводных коней — в основном это были усы, что с самого начала думали о победе и подготовились, отходу заранее. Однако сейчас это было все, чем располагали разгромленные гэты, и приходилось радоваться и такой малости.

— Заметь это в своем отчете, — сердито бросил Ркай Хеи-ду не подумав о том, что сейчас отправить отчет на родную планету весьма затруднительно. — Пусть те, кто направил нас, хорошенько раскинут мозгами и подумают, можем ли мы справиться с этой планетой без их помощи!

— Непременно, — отмахнулся Хейд.

Ход тянулся вперед и чуть вниз, насколько хватало глаз при слабом свете факелов хазаров. Другого пути не было, и беглецы двинулись в неизвестность.

Ходы вились, словно змеи. Иногда они раздваивались — тогда вперед высылали разведчика — гэта или хазарина. Благодаря этому им вовремя удавалось обнаружить тупик.

Раз или два ходы расширялись до гротов шириной около двух-трех поприщ. Попав туда, они останавливались и тщательно все обследовали.

Несколько раз приходилось делать привалы — не ради гэтов, которые славились своей выносливостью, а чтобы дать отдых непривычным к долгим переходам драконам и лошадям. На первом привале пришлось забить двух заводных коней, чтобы накормить драконов. У лошадей кончилось зерно. Привычные ко всему хазарские кони могли какое-то время прожить на вяленом мясе, но если так пойдет дальше, их всех придется прикончить.

Хазары потеряли во тьме счет дням. Только жители полумрака гэты могли примерно сказать, что со дня ухода из обжитых пещер миновало почти четыре дня. Сколько им еще придется блуждать, не знал никто.

Вскоре после того, как беглецы покинули место четвертого привала, им улыбнулась удача — впереди они заметили свет. Сначала все подумали, что это выход, однако по мере приближения свет не становился ярче. Наконец загадка разрешилась, когда они остановились у входа в огромный грот.

Стены и потолок его резко расходились в стороны, пол ступенями понижался к дальней стене. На выступах стен, сводах и ступенях в изобилии рос светящийся мох, напоминающий спутанные и грязные волосы или осеннюю отаву. Увидев его, изголодавшиеся лошади вырвались из рук хозяев и жадно набросились на мох, зло огрызаясь друг на друга.

Гэты, люди и драконы осторожно ступили под своды пещеры. Они не видели ничего подобного в жизни и даже не слышали, что такое может существовать на этой планете, у себя дома они выращивали под землей кое-какие продукты питания, но здесь...

Заметив на камнях кроме мха еще и нечто шарообразное, похожее на плесневые грибы родной планеты, Ркай жестом подозвал одного из хазар.

— Ешь, — приказал он.

Все хазары были по существу рабами гэтов, так как в самом начале подверглись тщательной психологической обработке. А потому хазарин, не споря, отломил один из шаров поменьше, и стал жевать.

Гэты терпеливо ждали. Убедившись, что спустя полчаса хазарин не почувствовал себя хуже, они тоже отведали этих грибов. Гэты были всеядны, и не только перекусили, но и набрали грибов про запас.

В благословенной пещере решили отдохнуть, тем более что лошади не слушались и отказывались идти дальше. Пользуясь тем, что у начальника было хорошее настроение, Хейд рискнул реабилитировать себя в его мнении.

— Думаю, я знаю, где мы, — сказал он.

— Ты уже бывал тут со своими друзьями-аборигенами? — усмехнувшись, спросил Ркай.

— Нет, — не подавая виду, что его задела издевка, продолжил Хейд, — но если ты внимательно изучал материалы, переданные в твое ведение перед началом экспедиции, ты должен знать, куда мы попали.

— Это похоже на наши собственные колонии, что только подтверждает тот факт, что гэты должны завоевать планету во что бы то ни стало. Эта земля сама взрастила то, что нам подходит, — гэты заселят ее, а мы будем здесь хозяевами. Все великие дела сопряжены с трудностями...

— Все это так, — согласился Хейд, — но агенты Организации, доставив материалы, предупреждали, что цивилизация ариев-дэвсов тоже ушла под землю. И они использовали сходные технологии. А значит, мы находимся на территории, контролируемой дэвсами, и это их плантации!

Он обвел рукой пещеру, и Ркай запоздало заметил, что грибы растут четкими линиями, а потравленный конями мох даже удобряется.

Но если Хейд и рассчитывал образумить Ркая, то он этого не добился.

— Отлично! — воскликнул высокопоставленный гэт. — Мы найдем этих неуловимых дэвсов, или как там они себя именуют, и отомстим им за разгром нашей базы. Они, должно быть, поселились неподалеку отсюда, и мы их найдем!

Пылая энтузиазмом, он заставил всех собраться и выступить в поход.

Но сказать было легче, чем сделать. Подземный ход тянулся на поприща и поприща, а конца все не было видно. Порой им попадались гроты, где тоже рос светящийся мох и уже другие сорта грибов тянулись ровными рядами. Один раз они наткнулись на целый подземный лес — розовые, багряные и оранжевые кусты с перистыми листьями, собранными в розетки, стояли кругами, переплетаясь наверху ветвями. Они были достаточно высоки, чтобы под ними мог проехать хазарин на лошади, но высокие драконы ломали листья своими шеями. Несмотря на полное отсутствие ветра, листья необычного сада колыхались. Несколько кустов ближе к краю было срезано, и, похоже, совсем недавно, но никого из дэвсов и тут найти не удалось.

Вскоре после выхода из этого леса беглецы обнаружили очередной боковой ход, ведущий влево и немного вниз. Дно его оказалось так хорошо отполировано, что в него можно было смотреться как в зеркало. Ширина этого туннеля была такой, что в нем мог, вытянувшись во всю длину, улечься дракон, даже крупная самка.

Один из хазар, осматривая туннель, решил пройти немного вперед. Но вдруг он остановился, испуганно поглядел себе под ноги и с криком ужаса помчался назад. Он успел сделать всего несколько шагов к удивленным его поведением спутникам, как вдруг пол туннеля пришел в движение и поехал вперед, увлекая хазарина за собой. Скорость его все возрастала, и вскоре человек исчез из виду.

Хазары были испуганны, но гэты успели заметить, что в движение пришла только часть пола — та, что отливала зеркальным блеском. Туннель, несомненно, принадлежал дэвсам и мог привести гэтов туда, куда они и сами стремились попасть.

Ркай поделился своими наблюдениями с остальными. Хазары были против, но гэты горячо поддержали начальника, а с людьми спорить не стали. Им просто приказали осторожно идти по этому ходу, но не наступать на зеркальную полосу. Через некоторое время стало ясно, что этой движущейся дорожкой можно пользоваться. Дорога впереди казалась безопасной, не было видно ни пропастей, ни ловушек.

Ступая на зеркальную полосу, Ркай в глубине души трусил—туннель принадлежал презренным дэвсам, когда-то господствовавшим на планете и в своей гордыне не захотевшим принять новый порядок, предложенный Организацией, за что та их почти полностью уничтожила. Обозленные дэвсы ушли под землю, а поверхность планеты заселили потомки их диких родичей и избранные агенты Организации. Дэвсы должны мстить пришельцам, и — как знать! — не Приведет ли все-таки гэтов туннель в ловушку, где их ждет смерть и рабство? Но сожалеть было поздно, и туннель послушно понес гэтов и их спутников по подземному миру с такой скоростью, что никто не успевал запоминать дорогу.

Туннель то поднимался кверху, то резко падал вниз, то делал крутые и опасные повороты — если бы не сужающиеся в таких местах стенки, многие могли бы выпасть с движущейся ленты. Перегрузки были сродни космическим — непривычные хазары паниковали, коней еле сдерживали общими усилиями. Их можно было бы и бросить, но лошади были пищей для драконов.

Все уже были утомлены долгой дорогой — даже гэты чувствовали себя неважно, но вдруг скорость уменьшилась. Туннель пошел ровнее и через несколько минут плавного скольжения сам остановился у удобной площадки. На самом краю ее лежал уехавший первым хазарин — от страха он лишился чувств.

Путешественники выбрались на площадку, дали роздых лошадям и людям и после этого продолжили путь.

Двигаться пришлось осторожно — все вокруг говорило, что неподалеку находится поселение дэвсов. Как сообщали агенты Организации, дэвсы обычно селятся небольшими группами — от пяти до двадцати человек. Это вообще-то радовало, но сведения могли и устареть, ведь получены они были по местному летосчислению еще до рождения Христа, когда гэты отправили сюда две экспедиции и готовили третью.

Они прошли больше десятка попрish, когда шедший впереди хазарин дважды вскинул руку с факелом, подавая условный сигнал. Группа остановилась, и вперед неслышно устремились несколько хазар и гэтов во главе с Хейдом. Ркай ничего не знал об уровне развития оставшихся дэвсов и действовал осторожно.

Хазары и гэты под командованием Хейда крались к источнику света в новом гроте. Свет шел не от уже знакомой плесени и был гораздо ярче.

Это оказался факел из нефти — горючая жидкость поступала по тонкому шлангу из емкости в стене. В этом месте коридор расширился и разветвлялся на несколько ходов.

Подойдя к факелу, Хейд придержал разведчиков и осмотрел стены. Как он и предполагал, оттуда исходили невидимые лучи, готовые подать сигнал о наличии чужих. В этом случае незваных гостей уничтожил бы обвал — камни на потолке едва держались.

Защита была отличная, а пришельцы не знали, где отключается система или как экранизировать лучи. Но Хейд продолжал осмотр и наконец обнаружил одну тонкость, на которую не была рассчитана система защиты дэвсов.

Лучи не доходили до пола по меньшей мере на пол-локтя. Человек не смог бы пролезть в столь узкую щель, только Очень худенький ребенок, но гэту это было легко сделать.

Среди тех гэтов, что столпились у границы лучей, нашелся один — самый маленький. Он был наладчиком приборов в лабораториях и мог попробовать разобраться и с системой.

Гэт каплей ртути скользнул под лучами и устремился вдаль по коридорам. Все видели, как он осторожно вошел в первую дверь...

Каждый гэт постоянно носил с собой браслет с несколькими приборами — приемник-переводчик, анализатор среды и излучатель. Хейд мог, но не хотел сейчас связываться с маленьким разведчиком, чтобы их не засекли дэвсы.

Прошло несколько томительных минут. Наконец гэт показался в дверном проеме и сделал приглашающий жест рукой.

— Тут никого, — сказал он. — Система отключена.

Хейд проглядел момент, когда лучи исчезли. Но все-таки они проходили под обезвреженными камнями с опаской.

Драконы остались ждать их снаружи. Гэты разбрелись по разным комнатам, осматриваясь. Это оказалась станция управления и связи. В одной комнате нашли план поселения. Судя по нему, дальше по коридору были лаборатории и жилые помещения.

Оставив специалистов разбираться в аппаратуре, остальные в боевом порядке устремились в набег на дэвсов.

Впереди мчались хазары верхом на лошадях. Кочевники, хоть и ставшие послушными исполнителями воли гэтов, не отказались от привычки воевать конными. С криками они ворвались в зал, сметая на своем пути все.

Гэты не хотели подвергать себя риску, когда есть люди — пусть они убивают друг друга. Поэтому Ркай и другие отстали, а услышав впереди шум и крики, вообще остановились и решили подождать, чем все кончится.

Немногочисленные жители пещерного поселения не ждали нападения — защитная система не подала сигнала. Поэтому они растерялись, когда в центральный зал ворвалось три десятка всадников с саблями. Несколько дэвсов были уничтожены сразу же.

Но годы жизни в постоянной опасности сделали дэвсов отличными воинами. Каждый носил при себе оружие. Опомнившись от первого потрясения — всадники под землей! — они вступили в схватку.

У хазар было преимущество в росте — они могли рубить с седел, и их было почти в два раза больше, чем защитников. Но дэвсы защищались отчаянно, и схватка затянулась. Им

Удалось не только остановить натиск хазарской конницы, но и заставить ее отступить в проход.

В это время в бой вступили гэты. По уже почти вытеснившим непрошенных гостей хозяевам ударили лучи из па-рализаторов. Трое упали. Хазары снова кинулись вперед разъяренные тем, что их заставила отступить кучка пеших воинов. Оставшиеся в живых защитники, став спина к спине, сражались со всадниками. У них было славянское вооружение — обоюдоострые мечи и круглые щиты. Они могли выстоять в равном бою, но после того, как многие из них были парализованы или убиты, надежды почти не оставалось.

Хазары кинули арканы, и вскоре битва была окончена. Спешившись, хазары жестоко перерезали горло пленникам. Многие успели расстаться с жизнью прежде, чем гэты вмешались и остановили убийства.

Десять хазар остались охранять драконов. Из остальных тридцати в живых после схватки с жителями пещеры осталось двадцать, из них половина были ранены. Самих же защитников всего было четырнадцать. Только пятеро остались в живых.

Пленников поставили перед Ркаем. Никогда не видевший живых дэвсов, он рассматривал их с любопытством.

Дэвсы — или арии, как они называли сами себя, — мало отличались от людей. Пожалуй, они были чуть выше ростом, чуть шире в плечах и статнее. У них были красивые черты лица славянского типа, но большие глаза не были похожи на человеческие. Зрачки их то расширялись, то сужались, как у ночных животных, и казались то черными, то голубыми. Волосы у всех были белые независимо от возраста, а кожа темная, как от загара. Связанные арканами хазар, пленные дэвсы гордо смотрели на гэтов.

Послышался женский крик, и лица дэвсов дрогнули. Разошедшиеся в поисках добычи хазары притащили двух женщин. Их толкнули к мужчинам.

Одна из них, помоложе, была беременна, у другой на руках был двухгодовалый мальчик. Он испуганно молчал, но лицо его матери было мокрым от слез. Она краем глаза увидела лежащие повсюду тела убитых и вскрикнула, узнав одного из павших.

Хазары уже ощупывали женщин взглядами, ожидая сигнала от хозяев. Женщины догадывались, что их ждет, и жались к мужчинам, которые уже не могли их защитить.

Ркай приблизился к пленникам. Те косились на него, но ни один не поинтересовался, что с ними будет.

— Слушайте меня, дэвсы, — сказал Ркай. — Вы все приговорены к смерти. Ни один из вас недостоин жить на планете, что когда-нибудь будет нашей. Мы достанем вас и под землей, и здесь не сохранится даже памяти о вас. — Он обернулся к хазарам и приказал: — Запереть, кормить и строго стеречь. Раны залечить. Женщин беречь особо, не прикасаться к ним... А все это, — он махнул рукой на трупы, — немедленно разделать, пока мясо не испортилось.

Пленники нахмурились, ненавидящими взглядами провожая тех, кто считал их только живой пищей, обе женщины заплакали в голос.

Хазары погнали пленных. Никто из них не сказал ни слова.

— Погодите! — вдруг воскликнул Хейд. Хазары остановились. Хейд бросился к Ркаю:

— Мы не можем их просто так убить. Подумай, Ркай, что скажут высшие! Ты хочешь их съесть...

— А ты нет? — парировал Ркай. — Чем ты будешь питаться, скажи на милость? Теми грибами? И не забывай, что только после того, как нашу королеву стали кормить мясом аборигенов, она стала нести нормальные яйца, из которых появляются живые детеныши. Их мясо — наша жизнь, и твоя тоже!

— И все-таки подумай, Ркай! Мы первые после стольких тысячелетий захватили живых дэвсов! Ты понимаешь их ценность? За любого лаборатории высших наградят тебя так, что ты станешь богатейшим жителем Галактики! Их надо отправить туда или хотя бы проинформировать о поимке дэвсов агентов Организации...

Ркай перебил Хейда:

— Когда ты станешь начальником экспедиции, тогда сохраняй их жизни и их цивилизацию сколько влезет. Но я не намерен их щадить. Для этого нас и послали сюда!

Пленных увели. Ркай с несколькими техниками отправился изучать доставшееся им наследство разгромленной колонии. Остальные занялись трупами.

Наследство они получили богатое — аппаратура, способная заменить ту, что была утеряна, средства передвижения — правда, только под землей, приборы связи, в том числе и космической, и карты. Два последних обстоятельства встревожили Ркаю — выходило, что дэвсы до сих пор не теряли связи с Галактикой. Об этом стоило сообщить агентам Организации — У недобитой цивилизации, возможно, были союзники!

Первое, что сделал Ркай, — вызвал с орбиты подкрепление и отдал приказ осваивать лаборатории и всю технику, что Досталась гэтам. У них было слишком мало времени и сил, а надо было сделать очень много — оповестить всех своих шпионов, подключить резервы и новых рабов, чтобы полностью подчинить себе аборигенов. Но главное — найти и уничтожить тех двоих славян, что явились причиной их поражения. Пока их трупы не поступят на стол самого Ркай, все остальное может и должно подождать.

Работа кипела. Гэты послали инструкции многим своим Шпионам и подготовили планы операций. Опасаясь, что остальные дэвсы пронюхают о гибели своей базы, они в первый же день установили защитный экран — всякий, вызывавший станцию, получит возможность поговорить с автоответчиком.

Уцелевшие хазары были отправлены на поверхность для охоты за людьми. Про выход гэты узнали у пленных под пытками. Хазары притаскивали по пять-шесть человек за день. Всех их подвергали психологической обработке, переделав для этого кое-что из аппаратуры захваченной базы, и включали их в число охранников. За три дня число пленных увеличилось почти втрое. Еще немного, и можно начать планировать крупные операции на поверхности.

Ркай мерил шагами зал центра связи. Трое техников трудились, готовя первый сеанс связи с новыми шпионами. Он должен был состояться через несколько минут, и гэт нервничал.

Вдруг на экране возникло чье-то лицо — это был абориген. Удивленные техники бросились к приборам. Человек сумел выйти с ними на связь, хотя на полную мощность работал защитный экран, отражавший все волны. И все-таки лицо с экрана не исчезало. Зеленые глаза незнакомца беспокойно бегали, ища чего-то.

— Ничего не понимаю, — сознался наконец один из техников. — Капитан Ркай, аппаратура в порядке!

Лицо на экране расплылось в ироничной улыбке:

— Вот так! Наконец-то я вас нашел!

Было непонятно, по каким каналам он смог пробиться к ним, но факт оставался фактом.

— Кто ты? — быстро спросил Ркай, невольно протягивая руку к оружию.

— Не узнаешь? — человек на экране снова улыбнулся. — Я-то узнал твой голос, Ркай. Ты всегда ловко умел изменять облик, но голос изменить нельзя.

Ркай почувствовал холодок — о том, что некоторые гэты могли изменять свой внешний вид, знали только они сами. Его удивило, что эта тайна просочилась наружу: ведь способность к перевоплощению послужила основной причиной, по которой Организация остановила свой выбор на гэтах для захвата Дэвсы. Гэты были самыми верными слугами Организации и самыми неуязвимыми, и поэтому они заселили многие миры.

— Кто ты? — повторил Ркай.

— Меня можно было бы назвать человеком, но я — чистокровный арий. Мое имя Чистомысл, сын Добромира из рода Волхова, сына Рода Славного.

— Ваши дни сочтены! — презрительно рассмеялся Ркай.

— Нет, — спокойно ответил Чистомысл. — Нас гораздо больше, чем ты думаешь.

Просто мы не появлялись до поры... Но мы зорко следим за судьбой наших преемников, новых жителей планеты. И пока жив хоть один арий, мы не позволим непрошеным пришельцам безнаказанно бродить по этой планете. — Дэвсов через несколько лет не останется совсем! — возразил Ркай. — Или ты забыл, что христианство уже начало свое победное шествие по планете? Вас обвинят в колдовстве, объявят демонами, служителями Сатаны...

— Уже объявили! — мрачно согласился Чистомысл.

— Вот видишь! Людям не нужна память о прошлом — им подавай настоящее и ближайшее будущее! Агенты Организации хорошо потрудились над их разумом. Человечество уйдет вперед, оставив вас там, куда уже поместили христиане, — на дне зловонной ямы с серой и нечистотами...

— Нет, — тихо промолвил Чистомысл. — Я верю в людей. И я знаю, что они оправдают наши надежды. А вы — убирайтесь отсюда! Славяне жили на берегах этих рек уже двадцать веков назад. Еще за несколько столетий до начала великой греческой колонизации тут уже был народ, считавший эту землю своей. И сила этого народа не иссякла до сих пор. Или я не прав и вас не потрепали всего несколько дней назад? — В голосе обычно сдержанного волхва промелькнула явная издевка. — Это был только первый удар, а может быть и второй — посильнее. Вы будете уничтожены, если сами не уберетесь отсюда. Вас осталось десятка полтора-два, а сколько было? И сделали это те самые люди, о которых вы говорили, что они считают нас дьяволами!

— Так то язычники! — презрительно скривился Ркай. — Ничего, Организация достаточно сильна. Мы и их превратим в христиан. И тогда дэвсам придется отсюда убраться, иначе их уничтожат.

— Не беспокойся за нас — подумай лучше о своей судьбе! — строго оборвал его Чистомысл. — Я предупреждаю последний раз — мы даже позволим вам покинуть планету беспрепятственно...

— Посмотрю, как ты заговоришь, когда мы сделаем ответный ход! — в ярости выкрикнул Ркай. — Готовься, дэвс! Мы все равно сделаем то, за чем пришли. И ты проклянешь день, когда вздумал оказать нам сопротивление!

С этими словами он запустил в экран стулом. Экран взорвался, вспыхнул и погас.

Слова Ркая не были пустой угрозой, и он тут же начал действовать. От Хейда он знал о жителях Ласковы. И знал даже, кто из них особенно может заинтересовать гэтов. В любом случае этот дэвс станет сговорчивее, если в руках у Ркая будут заложники из славян.

В тот же день отряд хазар отправился на север, в глубь заокских лесов.

Жители Ласковы, которую давно не беспокоили разбоями и набегами, были удивлены, когда из леса вылетели конники и устремились к деревне.

Селяне не растерялись. С заставы только вчера приехали десять воинов помогать своим в уборке хлеба. Заметив опасность, они поспешили под защиту тына.

И все-таки деревня была не готова к нападению. Хазары малым отрядом прошли мимо дозоров незамеченными. Несколько всадников вылетели на мост поперек рва и помешали защитникам деревни закрыть ворота. Те вятичи, которые приняли участие в этой сече, пали под стрелами и мечами, но задержали злодеев.

Однако вскоре бой закипел в самом поселке. Мужчины сражались, женщины и дети спешили спрятаться в подземельях или убежать в лес по тайным ходам. Хазары метались по деревне, хватали всех, кто попадал под руку, поджигали кровли домов. Темно-сизый дым пополз над Ласковой. Стояла сушь, и деревянные избы горели очень быстро.

Дом Веденеи расположился у самой ограды, над оврагом. Перелезть через тын или скрыться в подземелье ей было легко. Но пожар грозил перекинуться на ее дом и уничтожить запасы трав, и девушка замешкалась, торопливо собирая пучки в мешок: ведь трава еще будет нужна раненым.

Со двора послышался испуганный визг Прогневы. Подхватив мешок, Веденея выскочила наружу и увидела свою сестру в окружении двух всадников, которые пытались

схватить ее. Веденя, не раздумывая, закричала, бросаясь к сестре, чтобы отвлечь от нее хазар, но тут подоспел третий. Выскочив из-за угла дома, он с радостным криком осадил коня прямо перед Веденей. Над головой девушки мелькнули конские копыта. Она отпрянула, закрывая лицо руками. Пахнуло потом жеребца и тяжким духом кочевника-воина. Она уже почти слышала свист волосяного аркана, видела торжествующий оскал хазарина, чувствовала, как грубые руки поднимают ее и бросают поперек седла...

В сознание ее вернул испуганный крик хазарина и яростное рычание.

Кочевник уже свесился с седла и протянул к желанной добыче жадные руки, как вдруг, откуда ни возьмись, перед его конем появился огромный, чуть ли не с молодого медведя ростом, волк. Оскалив зубы, чудовищный зверь встал на задние лапы и бросился на человека. Хазарин выхватил саблю, рубанул с маху, но только состриг клочок шерсти с волчьей шкуры — искры посыпались с выщербленного клинка, — а волк ударил лапой наотмашь, и всадник вместе с конем рухнул наземь.

Расправившись с врагом, волк повернулся к Веденее и припал на передние лапы, подставляя девушке спину. Медлитель было опасно, и ведунья уселась ему на спину. Едва она успела схватиться рукой за шерсть, как волк взвился в воздух, одним прыжком перелетев через тын.

Хазары, видевшие, как он расправился с их товарищем, все же помчались в погоню, надеясь достать зверя стрелой. Однако оборотень сразу ушел в чащу и пропал. Но вскоре хазары разглядели вдали его светлую шкуру и продолжили преследование.

Одной рукой прижимая к себе мешок с травами, Веденя пригнулась к загравке оборотня, доверившись стремительному бегу зверя. Ветви кустов хлестали ее по лицу, сухой сук сорвал с головы платок. Она не беспокоилась о себе — ее не отпускала тревожная дума о судьбе Прогневы. Правда, она успела заметить второго волка, мчавшегося по улице, и надеялась, что сестру тоже спасут.

Волк вылетел на берег Трубеня рядом с тем болотом, где только вчера Веденя сбирала одолень-траву. Широкие листья и желтые цветы ее еще качались на волнах под ивами. Берег с их стороны кончался обрывом; дальний, низинный был заболочен и зарос тальником и рогозом.

Волк на миг присел на хвост и прыгнул в воздух серой птицей. Мелькнула под брюхом река, и он легко перелетел на другой берег.

Подоспевшие хазары осадил коней и потянули с плеч луки. Переправляться на тот берег они боялись, а упускать такую добычу было жалко. Но волк уже умчал девушку в чащу леса.

Он остановился у корней толстого раскидистого дуба на вершине холма и присел, вывалив язык. Веденя опустилась на корень, уронив мешок в траву. Волк тут же полез холодным мокрым носом ей под руку, как собака, требуя ласки, но она оттолкнула его.

Тогда он перекувырнулся через голову и превратился в белоголового худощавого юношу. Веденя узнала Ярока. Он подсел ближе, мягко коснулся ее руки:

— Явор скоро будет здесь. Все хорошо... А не хочешь тут ждать — давай я тебя к нашей матери отведу?

Млава теперь жила с близнецами, и Веденя иногда навещала ее. Только недавно Млава переселилась к лесному извергу-отшельнику, устав от житья в лесу. Дети навещали мать, но не часто — боялись собак.

— Нет, — сказала Веденя, — я тут подожду.

— Он уже близко, — Ярок вскинул голову, раздувая ноздри, — чую.

— Я о Прогневе думаю, — объяснила девушка. — Что с нею?

— Явор придет — скажет, — обнадежил ее Ярок. — Кусты уже трещат.

Не прошло и минуты, как второй волк, с лохматой взмокшей шерстью и налипшими на бока водорослями, подбежал и с разбегу перекувырнулся через голову, приняв обличье Явора.

Близнецы бросились приветствовать друг друга, словно давно не виделись, но Веденя

вскочила и спросила:

— Что сестра моя, Явор?

Юноша понурился:

— Прогневу они увели. Не смог я...

— Почему?

— Меня остановили. Есть у них стрелы серебряные, да в рукояти сабель камни особые вделаны. Такая сабля любому зверю голову враз отсечет. Увезли ее...

Веденея задумалась. Она ничего не знала о странных серебряных стрелах, что отпугнули Явора, но поняла, что дело здесь нечисто.

ГЛАВА 3

На тринадцатый день после выхода из пещер караван увидел впереди на берегу реки стены Ореховца. Накануне Властимир отправил с вестью в город мальчишку попроторнее — чтоб непременно нашел князя и поведал ему, что его люди возвращаются.

Властимир имел все основания гордиться собой — ему не только удалось убить одного Змея и разорить его логовище, но и в пути сберець всех раненых.

Город ждал своих с нетерпением. Караван еще только подъезжал, когда его в нескольких поприщах от переправы встретила княжья дружина. Витязи приветствовали Власти-мира мечами и слегка преклонили перед ним воинский стяг. Дальше дружина ехала как почетный караул князя.

Перед городскими стенами народ толпой хлынул навстречу, сметая все заслоны: матери, сестры, друзья и братья искали своих. Найдя же, сразу вели домой, дабы не огорчать своей радостью тех, кому не суждено было никого встретить. До торговой площади доехало немного освобожденных из полона ореховцев, все иногородние да телеги с добром.

Ворота княжьего двора были широко распахнуты навстречу дорогим гостям. Вся дворня сбежалась поглядеть на богатырей — их уже так величали, на каждом углу возглашая им славу. От многоголосого шума кружилась голова — любопытных столько висело на заборе, что оставалось только удивляться, как он их выдерживает. Мальчишки свистели, пугая голубей.

Властимира и Буяна встречали на красном крыльце сам князь ореховский Мал, его жена, сын и дочь Красава. Девушка начала пряталась позади других, но потом, когда гости спешили и стали подниматься на крыльцо, выступила вперед.

Приветствуя победителей, князь Мал троекратно обнял резанца.

— Многая лета тебе, добрый молодец, — заговорил он, — добрый молодец, князь из Резани. Видно, та земля изобильна есть, раз родила она богатырей. Как про подвиг твой слово сложится да пойдет по всей земле-матушке. И века пройдут незаметные — сохранит народ тебя в памяти!

Властимир ответил только низким поклоном — все равно он не смог бы сказать ничего, да и говорить было не надобно.

Князь как почетного гостя сам проводил его наверх, пока глашатаи объявляли, что в честь победы над Змеем устраивает ореховский князь пир на весь мир завтра поутру.

На крыльцо, перед открытыми дверями в покои княжеские, вышла вперед Красава и низко поклонилась Властими-ру. Тот бережно взял девушку за плечи, глянул в ее смущенное лицо. Красава покраснела и опустила глаза.

— Я хотела тебя поблагодарить за всех девушек, коим ты женихов вернул, — сказала она.

— Я рад, что сделал это. Правда, не ведаю я имени твоего суженого!

— А у меня нет его пока. — Она подняла глаза. — Я за других благодарю.

Куда краше Беляны показалась Властимиру дочь князя. Синие глаза с поволокою, коса русая ниже пояса, алые уста... Загляделся в ее очи князь — поцеловал бы девицу, да не одни они были тут. Смутившись, он отстранил Красаву и прошел в терем.

Он не видел, каким взором провожала его красавица.

Князь Мал сдержал слово. На следующий день, на рассвете, выставили на улицы столы, крытые узорным шитьем, нарочно тем, что когда-то к Змею отправили. Из подвалов выкатили бочки стоялого меда и вина. На кострах жарились Целые туши быков, телят, поросят. Девки щипали дичь, потрошили саженных осетров и начинали их мелкой рыбешкой. Кроме того, своей очереди ждали два молодых тура и несколько косуль. По всему городу плыл сладкий сытый запах жареного мяса и печения — словно горы, высились караваи свежего хлеба.

Пир зашумел и в княжьем тереме, и на улицах. Почетными гостями князя были кроме самих героев все, кто сражался вместе с ними в Змеиных пещерах. Пожалуй, впервые за всю свою жизнь Буян на пиру был не только гусяром, но и просто гостем. Гусли его по привычке были под рукой, но он почти не пел — только слушал местных гусяров-песельников. Захмелев больше обычного, он поднялся и незаметно вышел на двор.

Уж давно наступил вечер. По одной на синем небе загорались звезды. Ущербная луна всходила прямо над головой, а левее еще пламенел закат. Прохлада забиралась под рубаху — ветер нес клочки облаков на север. Может, через несколько дней они останутся над Ласковой, прольются дождями над озером и тем домом...

Буян, как мальчишка, вскочил верхом на забор, благо с этой стороны его никто не мог видеть ни на улице, ни на дворе, и, покрепче ухватившись ногами за перекадину, подставил лицо ветру. Что-то бродило в душе — как всегда, когда на язык просится не рожденная еще песня. Он почти пожалел, что не захватил с собой гусель — тянуло петь для себя одного.

Он уже свесил на одну сторону ноги, чтобы спрыгнуть во двор и сходить за гусями, как увидел в полутьме за теремом какую-то тень, что явно не спешила выходить на свет. Человек не замечал гусяра, а Буян, попристальнее взглядевшись, признал в нем Властимира. Его другу тоже, зная, не сиделось на шумном пиру среди хмельных гостей. Князь резанский тихо прошел к конюшням, и Буян отвернулся, запрокидывая лицо к небу и выглядывая звезды. Он не видел, как вскоре вслед за Властимиром в ту же сторону прокралась вторая тень.

Властимир ушел от шума и суеты к верному другу Облаку. Обоих жеребцов поставили в княжьи стойла, где стояли только лучшие лошади, любимцы Мала. Чистые стойла были застелены свежей, пряно пахнущей соломой. От ярко горящего факела шерсть на белом Облаке отливала позолотой. Коня вычистили, вымыли, натерли до блеска копыта, расчесали и промыли гриву. То же самое сделали и Воронку, что стоял по соседству и уже дремал, а на его спине уютно устроился дворовой и осторожно, чтоб не пробудить, заплетал его густую гриву в косички. Когда скрипнула тяжелая дверь-воротина, он встрепенулся и мышью шмыгнул в угол. Воронок же только переступил во сне с ноги на ногу.

Учуяв хозяина, Облак потянулся к нему мордой. Властимир зашел к нему в стойло, протянул принесенную с пира краюху хлеба с крупинками соли. Приняв лакомый дар, Облак потерся мягкими губами о ладонь князя. Властимир пригладил всклокоченную после посещения дворового гриву и наткнулся на косицу у самой холки. Она была чуть растрепана от времени и приключений, но еще крепко держала ее красная нитка. Коснувшись нитки, припомнил Властимир ту, что вплела ее в гриву его жеребца. Пальцы замерли, и Облак, словно сочувствуя хозяину, ткнулся ему в плечо мордой.

— Ведаю, что тебе думается, — молвил Властимир, обнимая его голову. — И тебе, наверное, хочется ее руки на себе почувствовать. Она тебя гладила, помнится...

Жеребец косил синим глазом, будто говоря: «Да, бывало такое...»

— Не скучаешь по рукам ее? — спросил князь. Облак тряхнул гривой — нет, мол.

— Врешь, скучаешь, да сказать не можешь! — Князь потрепал его по спине. — А мне-то какво?.. Завидую я тебе, друг! Тебя-то она, может, когда и приголубит, а на меня и не взглянет вовсе.

Облак молчал, встряхивая гривой. Вдруг он поднял голову, раздувая ноздри, почуяв кого-то. Властимир обернулся и увидел, что в оставленную им приоткрытой дверь конюшни кто-то крадучись зашел и остановился на пороге.

— Чего встал? — окликнул незнакомца князь. — Коли добрый человек, проходи, а коли конокрад, лучше уйди вон, пока я тебя не выдал!

Факел осветил лицо ночного гостя, и Властимир удивился, узнав дочь Мала, Красаву. Девушка тихо приблизилась к стойлу.

— Что ж ты здесь делаешь, красавица? — спросил князь. — Прячешься от кого, не то бежать надумала?

Красава молчала.

— Ответь, не стесняйся. — Властимир приподнял ее лицо за подбородок. — Как-никак не тать, не убийца я ночной, что меня сторониться да таиться надобно. Коли что тайное имеешь — не выдам... А не хочешь молвить — молчи, не неволю.

Девушка вздохнула.

— Мне в горнице стало душно, — сказала она, — решила я выйти, ночью подышать...

— То и верно, — согласился Властимир. — Ночь нынче хороша! Только тут звезд не видать, разве что в окошечко!

Он улыбнулся, а Красава оставалась грустна и тиха. Лицо ее было бледнее обыкновенного, но в ночном полумраке князь этого не разглядел.

— А я сначала звезды разглядывала, — стала объяснять княжна. — А потом тебя увидела — ты из терема вышел... И не смогла на месте устоять, — закончила она совсем тихо...

— За мной ты, что ль, сюда пришла? — спросил он.

— За тобой...

— Ишь ты!

— Я бы за тобой и дальше пошла! — воскликнула девушка и, видя, что Властимир молчит, добавила пылко: — Посватайся ко мне, князь!

Властимир отвлекся от Облака:

— Что ты сказала?

— Возьми меня в жены, Властимир Резанский! — громко и страстно молвила Красава, придвигаясь ближе. — Возьми меня в жены, посватайся! Отец согласится, брат тоже, весь город рад будет — ведь ты его от Змея спас! И меня тоже. Ты красив, ты силен и богат и молод еще! Возьми меня — я тебе хорошей женой буду, любить буду крепко, до самой смерти, в Резань твою уеду...

Она замолчала, увидев, как изменилось лицо Властимира при ее словах. Князь стоял, задумчиво перебирая пряди конской гривы и не глядя на девушку.

Красава по-своему поняла его молчание.

— Иль не хороша я, не пригожа ли? — воскликнула она и гордо расправила плечи. — Посмотри на меня, Властимир, — видал ли ты вторую такую?.. Или не дочь князя я?

— Хороша ты, Красава-княжна, — тихо и медленно ответил Властимир. — На тебя любой, не дыша, заглядится. Любой за твой взгляд на дно морское пойдет, с чудищем сразится, самого Перуна за бороду дернет, да только не дело ты творишь, красавица. Ой, не дело! Да когда ж такое было, чтобы девушка сама себя сватала?

Красавица опустила голову и покраснела до ушей. Горючие слезы брызнули у нее из глаз.

— Так и знала я! — воскликнула она, сжимая кулачки. — Ты по той, что с вами ехала, сохнешь! Да ведь сам и сказал, что погибла она. Что ж нам до мертвых? У них свой мир, у нас — свой. Живым надо жить!..

— Ой, не поняла ты меня, Красава! — вздохнул Властимир. — Беляну я и в мыслях не держал. Не любя она была мне — не для меня птица...

— Значит, ты свободен и сердце твое открыто? — Красава мгновенно успокоилась. — Что ж тогда? Я не любя или другая есть? Мать тебе невесту на севере нашем нашла?

Властимир помедлил, обратя взор к Облаку и словно спрашивая верного коня — говорить ли? Облак молчал, отвернувшись. Властимир нежно погладил заплетенную Веденеей косицу.

— Ты умна и красива, Красава. Будь все иначе, посватался я бы к тебе в тот же день, как увидал впервые... Не одному мне ты, чай, голову дурманила, но тебе все бы простилось за красоту твою... Только на сей раз не по себе ты, девушка, сук рубишь. Уезжаем мы вскоре — тянет меня домой, к реке нашей, к лугам, к лесам, а пуще всего — в деревню на озере Ласково, там, где впадает в озеро речка Трубень. Лебеди там по весне Кричат, подруг зовут... И меня туда сильнее смерти тянет...

— Там невеста твоя живет? — с дрожью в голосе спросила Красава.

— Невеста, — кивнул князь, вспомнив глаза Веденеи, когда провожала она его. — Лада моя... Провожала она меня да косицу вот эту в гриву Облаку моему вплела. Пока цела косица, ничто нас не разлучит, никого я в сердце свое не впущу... И ты, Красава, прости меня за слово твердое — не судьба нам вместе быть, не бывать тому!

Девушка внимательно смотрела на косу и алую нитку в ней.

— Это она сама вплела? — спросила Красава.

— Сама. Ворожея она.

Красава опустила очи и поникла. Властимир обнял ее за плечи.

— Иди домой, девица, — сказал он, поворачивая ее. — Успокой сердце. И ты встретишь того, кому станешь милее всех на свете белом, милее отца и матери. Ты жди и верь — где-то скачет твой молодец, тебя ищет. Ты только жди его, ласточка!

С этими словами он вывел ее из конюшни и повел обратно в терем, где еще смутно доносился гул пира, но уже затихающий — многие гости спали или уехали домой.

Князь проводил княжну до крыльца ее светелки, поклонился на прощанье и ушел к себе, даже не оглянувшись.

Когда они шли к девичьей, Буян еще сидел на заборе. Он заметил пару и напрягся. Чего это Властимиру захотелось с девицей под луной прогуляться? Сам гуслар в последнее время на девок не смотрел почему-то — разонравились все разом — и не мог стерпеть такого в князе. Он слез с забора и поспешил за ними.

Однако парочка рассталась на крыльце, и князь ушел, не глядя на Красаву. Обрадованный Буян тенью последовал за Другом и вслед за ним вошел в отведенные им покои.

Если бы он задержался на дворе еще хоть ненадолго, он бы увидел, что, выждав немного времени, Красава снова показалась на крыльце. На сей раз она закуталась в длинный темный платок, чтобы не заметили ее в темноте, и, стараясь не шуметь, побежала обратно к конюшням. Одной рукой девушка держала концы платка под подбородком, другую прижимала к груди.

Когда она прокралась на конюшню, Облак еще не успел уснуть и дворовой не вылез из угла, куда спрятался при входе Властимира. Здесь девушку словно подменили — в глазах ее загорелась решимость. Пригнувшись, как ведьма, она поспешила вдоль стойл.

Облак задумчиво хрустел белоярой пшеницей — нынче только он, Воронок да любимцы Мала получили ее, — когда к нему подошла Красава. Жеребец повернул к ней голову — только что с нею был его хозяин.

Красава подошла совсем близко и осторожно огладила Облака по шее свободной рукой, по-прежнему пряча вторую.

— Ты прекрасен, как и твой хозяин, — шепнула она. — Я бы тебя любила, за тобой бы ходила, как ни за одним конем здесь... И тебе самому здесь нравится, не так ли?

Жеребец фыркнул.

— Ты хороший, ты умный, ты меня поймешь и поверишь, что у меня просто нет иного выхода, — сказала Красава.

Девушка взяла в горсть косицу и еще одну прядь гривы и протянула вторую руку с ножом. Облак слегка шархнул, краем глаза заметив лезвие. Но девушка торопливо

принялась перепиливать толстую косицу у самого основания, едва не ранив жеребца.

Отхватив ее, она разлохматила пышную долгую гриву Облака, чтобы не сразу можно было заметить утрату, и выскочила из конюшни.

Прижимая к груди отрезанную косу, она, задыхаясь, вбежала в сад, что рос за княжьем теремом, забилась в самые густые заросли и там прошептала истово:

— Как отрезала я косу, так отрезала я разлучницу от князя Властимира. Как унесла я ее, так пусть у него из сердца будет унесена соперница моя. Как заброшу я ее, так пусть князь Властимир забросит думать о ней! И так будет до тех пор, пока не сгниет коса в земле, — на веки вечные! И пусть забудет он искать ее, как я забуду, где ее обронила... На веки вечные, до скончания мира, пока светит солнце и веют ветры!

На последних словах Красава размахнулась и забросила отрезанную косу подальше в заросли. Белесая прядь пропала из виду сразу, но девушка решила днем на свой страх и риск вернуться сюда и осмотреться — хорошо ли схоронена вещица, не придется ли ее закопать или сжечь.

Поклонившись на четыре стороны ночным теням и духам, чтобы не полетели к князю и не поведали, что случилось, княжна отправилась к себе. Получилось ли ее колдовство или нет — покажет утро.

Наутро после пира терем проснулся поздно. Первыми, как всегда, вскочили слуги и холопы. Сам князь, его семья и гости не спешили вставать.

Буян же по давней привычке поднялся рано. Он вышел во двор пройтись.

Там уже были настежь распахнуты ворота, и первая телега медленно въезжала во двор. От сараев и кладовых до каморки ключницы и к задним дверям сновали слуги. Шевеление начиналось и у домов дружины и на конюшне.

На дворе также собирались конники. Еще издали гуслар узнал своих земляков. Вчера он слышал, как неугомонные новгородцы, собираясь продолжить прерванный поход за зипунами, подговаривали с собой парней из Ореховца. Как личные гости князя Мала, новгородцы ночевали в княжьем тереме, и теперь сбор был назначен именно на теремном дворе.

Около двух десятков ореховских парней выразили желание повидать мир. Большинство уже пришло на место сбора, приведя с собой заводных коней с навьюченными на них припасами. Изяслав разъезжал перед ними взад и вперед. Когда Буян сделал несколько шагов к ним, новгородец заметил его и направил коня в его сторону.

— Как здорово, что ты здесь оказался, Буян! — весело воскликнул он. — Я свидеться с тобой вчера хотел, да не успел, так боги тебя сами сюда вывели... Едем с нами, Буян!

— Куда? — спросил гуслар, хотя все понял.

— А так, — махнул рукой Изяслав. — На юг — мир посмотреть и себя показать... Свет велик, чай, города, страны есть разные. На юге города богатые, караваны в страны дальние ходят, а мы им перья пощиплем... Едем с нами, Буян! Ты земляк нам, вместе нам повезет, а твой меч, как я заметил, только Князеву уступит.

Он протянул с седла руку, но гуслар медлил, раздумывая. Совсем не те думы, что хотел, пришли на ум.

— А как же невеста твоя, Изяслав? — спросил он.

— А что она? — пожал плечами новгородец. — Ей что! Год прождала и еще год прождет, а то и два...

— Али пять, — тихо подсказал Буян.

— Али пять, — готовно кивнул Изяслав. — Да что тут думать-то, Буян! Бросай это все — и в седло! Время дорого! Поедем, на белый свет поглядим, до моря Черного дойдем. А там и далее — земля-то, она на море не кончается. Может, где есть края и покраше нашего...

— Да ты что ж, — воскликнул Буян, — совсем не вернуться можешь?

— А что? — подбоченился Изяслав. — Такое и раньше бывало, когда люди за своей долей из дому уходили. Может, все и так! Кто долю свою ведает?.. Так едем?

Буян отступил и покачал головой.

— Нет, — молвил он твердо. — Никуда я не поеду. Да и тебе бы после всех приключений домой спешить, а не бродить по белу свету...

— Меня укоряешь, а сам? Не видно, чтоб ты больно в Новгород спешил!

— Меня там никто не ждет, кроме варягов-мстителей, — ответил Буян. — А тебя там ждут.

Изяслав на эти слова помотал головой и замолчал. Буян глядел на него снизу вверх в надежде, что неугомонный парень одумается. Но Изяслав молвил:

— Так едем?

— Нет, — еще раз повторил Буян.

— Ну, тогда бывай, — сказал новгородец и повернул коня к своим. — Знать, судьба твоя такая — как мне в дальние страны плыть, так тебе — здесь... оставаться!

Он махнул на прощанье шапкой и первым выехал за ворота. Следом потянулись остальные. Трое других новгородцев проводили остающегося Буяна строгими взорами — они-то не забыли, что он бездомный изгой. Да Буян бы не отправился с ними, даже если бы ничто не связывало его с князем.

Он выскочил за ворота и, сорвав с головы шапку, махал землякам, пока они не скрылись за поворотом. Только потом отправился в терем, рассчитав, что завтрак вот-вот поспеет.

Войдя, он понял, что опоздал — все уже собрались во главе с Малом. Поклонившись ему, Буян подсел к Властимиру, с которым привык уже сидеть рядом как равный, и, пока Мал приносил духам-пращурам и богам положенные утренние жертвы, шепнул на ухо:

— Властимир, я после завтрака скажу, чтоб в дорогу нам припас готовили. За день управятся, а назавтра по зорьке и в путь-дороженьку двинем. Застоялись буйны кони, заскучали без дела молодцы, — и прибавил больше для красного словца, поскольку успел узнать нрав, друга: — Заждались молодцев красны девицы!

Властимир ожег балагура строгим взглядом:

— Замолчи! Нашел время!

Буян покорно прикусил язык, недоумевая, что за муха укусила князя.

Завершив службу, Мал кивнул ожидавшей в боковой двери ключнице, и та посторонилась, пропуская девушек с готовыми блюдами.

Пока те накрывали на стол да угощали, Властимир все поглядывал на Красаву. Стол у князя Мала был длинный, большой. Княгиня сидела по левую руку от мужа, рядом с нею — ее дочь. Справа раньше было место сына Князева, наследника, но в эти дни его занимал Властимир. Сидевший подле побратима Буян заметил, как то и дело румянцем вспыхивают щеки Красавы и как не сводит с нее глаз Властимир.

Когда подали вино и сласти, знаменуя окончание завтрака, Властимир неожиданно встал и, выйдя из-за стола, низко поклонился сначала князю Малу, а потом и княгине. Красава, догадавшись обо всем, выпрямилась и разом побелела, опустив глаза.

— Что ты, гость дорогой? — молвил Мал.

— Не вели казнить, князь ореховский, дозвожь слово молвить, — ответил Властимир так почтительно, что Буян насторожился.

— Что ж, говори, Властимир, князь резанский!

— Дозвожь, князь, мне просить у тебя и супруги твоей милости и не прогневайся!

Мал улыбнулся:

— Ты столько добра нашему городу сделал, что не просить бы тебе, а приказывать — все бы исполнили. Словом княжеским при детях клянусь — что ни попросишь, будет сделано и отдано. Говори!

Властимир отвесил еще один поклон — помертвевшей от ожидания Красаве.

— Отдай ты, князь ореховский, за меня дочь твою Красаву свет Маловну, — сказал он. — Люба она мне...

Если словом можно было бы убить, то Властимир, сам того не ведая, это сотворил.

Буян, услышав такое, застыл с открытым ртом. Княгиня и сын Мала удивленно переглянулись. Красава совсем склонила голову так, что лица ее не стало видно, и сцепила белые пальцы на груди. Властимир не сводил с нее глаз, а Мал смотрел на него. Притихли у двери служанки с ключницей.

— Что ж, — молвил наконец князь Мал, — просьба твоя, друг-князь, хорошая. Но что ж Красава? За нею последнее слово — пойдет ли она за тебя? Что скажешь, дочь?

Все разом посмотрели на княжну. Буян вспомнил, что уже видел этих двоих вчера вместе, но все равно что-то в нем оборвалось, когда девушка встала и, подняв алое от смущения лицо, тихо молвила:

— Согласна я...

Мал хлопнул в ладоши. Опомнившаяся ключница тут же подала на серебряном подносе чару вина, что невеста должна поднести жениху в закрепление сговора. Девушка вся трепетала, а Властимир не сводил с нее жадных глаз, даже когда пил.

Единым духом опорожнив чару, он расправил усы и поцеловал княжну в губы. Она чуть подалась вперед, отвечая, и Буян коротко застонал, роняя голову на руки.

— Что ж, — молвил князь Мал, — вижу, любы вы друг другу. Благословляю вас. Будет свадьба!

Услышав эти слова, Красава чуть не лишилась чувств. Все получилось, как она задумала. Кто бы мог подумать, что ей Удастся заполучить Властимира с помощью заговора! Что ж, пока эта косица не найдется, князь принадлежит ей. А позже она отыщет ее и сожжет, чтоб уж наверняка привязать его к себе. Торопясь, путаясь, она в уме проговорила слова заговора На любовь молодца: «Чтоб ему без меня, Красавы-княжны, не елось, не пилося, не спалось. Чтоб вечно он моим был... Чтоб забыл ту, резанскую, чтоб память о ней ушла на остров Буян за семь морей, за сто рек, под бел-горюч камень Алатырь, д как кто поднимет тот камень, тогда и выпустит на волю его думы... А до сей поры мой он, мой! Никому его не отдам!»

Буян улучил минуту и схватил Властимира за локоть.

— Я не ослышался, князь? — шепнул он. — Ты женишься?

— Да, Буян, женюсь, — твердо сказал Властимир.

— А как же Веденея? Или ты...

Властимир обратил на него удивленный взор:

— Кто это такая? Я что-то такого имени не припомню.

— Да ты что — все забыл? И Ласкову, и Веденею, что рану твою лечила?

— Забыл?.. Я и не помнил никогда.

И Властимир отступил, оставив Буяна ломать голову над этой загадкой в одиночестве. Он так глубоко задумался, что не сразу расслышал, что его приглашают пить на свадьбе.

Известие о том, что князь из Резани, избавитель города от Змея, берет в жены дочь князя Красаву, разнеслось быстро. Народная молва уже раздулась до того, что рассказывали, как резанец спас княжну от Змея и берет ее в награду за подвиг. Об этом говорили даже те, кто был в самом логове и доподлинно видел, что Красавы там не было. Во всяком случае, свадьбе никто не противился, и весь город замер в ожидании праздника, в то время как в теремах князя шла спешная подготовка.

Жених был издалека и собирался сразу после свадьбы везти молодую жену в Резань, чтобы и там справить свадьбу по закону и обычаю. Собирали невестино приданое, свадебный поезд, снаряжали дружину для охраны и почета. Все это требовало времени, и Красаве пришлось смириться с тем, что свадьба откладывается на три дня — раньше просто не успевали, хотя и торопились.

Весь Ореховец, и княжий терем особенно, был в радости. Днем и Властимир был счастлив, как и положено жениху. Но ночами он не спал, подолгу без сна ворочаясь на постели. На третью ночь после той, когда Красава сваталась к нему, сон опять бежал от его изголовья. Порой на час-другой забывался князь сном, но потом снова тревога не давала

покою. И как от нее избавиться, Властимир не ведал. Совсем измучившись, он не выдержал и под утро потихоньку вышел из покоев, спустился в сад, зайдя подальше, чтоб его не видели слуги, которые вот-вот пробудятся.

В саду было тихо и прохладно. Туман, словно паутиной, опутывал яблони, ветви которых гнулись под тяжестью плодов. Свежо пахло землей и утренней свежестью. Где-то вдали мычала выгоняемая скотина. В кустах неподалеку чирикали ранние птицы. В теремах стукнула дверь — там просыпались.

Князь брел меж стволов яблонь, как когда-то меж берез в Купалину ночь, не находя себе места. Но на сей раз, увидев впереди неподвижную фигуру, не свернул с дороги, а подошел ближе.

Буян сидел на корявом суку, свесив на одну сторону ноги, и задумчиво смотрел в туман. На легкие шаги Властимира он не оглянулся, и князь встал у дерева в молчании.

— Что-то тоскливо мне, Буян, — нарушил он молчание, — нерадостно... Что-то такое случилось, а что — не ведаю! Но тяжело мне.

Буян скосил на него глаза, не спеша нащупал оберег.

— Сам я не свой, Буян, — продолжал Властимир, не заботясь о том, слушают ли его. — Что со мной — сказать не могу, язык немеет... То ли забыл я что-то, то ли сделал не то, то ли все в мире изменилось...

Лицо гусяра напряглось от тревоги, и он до боли сжал кулак с оберегом.

— Правду молвил ты, друже, — тихо сказал он, — что-то случилось такое... Оберег мой замолчал!

Друзья переглянулись, но занятый только собой Властимир не увидел тревоги в глазах гусяра.

— Что случилось?

— Не ведаю, но раньше оберег всегда говорил, коли что. А то вдруг замолчал, как камень на дороге... Прав ты, Властимир, что-то творится неладное в свете!

Он настороженно поднял глаза к небу, прося Сварога открыть тайну. Властимир ждал слов Буяна, но понял, что другу не до него, и молвил, отходя:

— Видно, не узнать мне, что за печаль меня гложет... Прощай, друг! — Он побрел прочь понурившись и не видя, какими глазами провожает его Буян. Когда он отошел достаточно, гусяр тихо прошептал ему вслед:

— Ведаю я, княже, что за печаль тебе душу гложет — клятва нарушенная, надежда обманутая, любовь убитая. Но что заставило тебя слову своему изменить — то лишь оберег мой ведает... Потому он и замолчал!

ГЛАВА 4

В саду хоронился витязь княжьей дружины — еще молодой, безусый. Оставив свое оружие под кустами, он озирался по сторонам, опасаясь, чтоб его не заметили. В этом дальнем, скрытом от любопытных глаз уголке сада, где он ждал, могли прятаться только те, кто вынашивает тайные мысли. И самое опасное было — все тропинки отсюда вели или через забор на улицу, или к девичьей, где дожидалась завтрашнего дня невеста — княжна Красава. Увидеть ее кому-нибудь из мужчин до завтрашнего дня — означало сглазить невесту. Шорох травы заставил юношу пригнуться, но он сразу узнал девицу и бросился к ней:

— Людомила!

Сенная девушка княжны с разбегу бросилась ему на шею:

— Богданушко, свет мой! Всего-то на час малый смогла вырваться!

Юноша обнял ее. Людомила спрянула лицо у него на груди.

— В тереме такая суеда, — пожаловалась она. — Старшие боярыни и сама княгиня замучили нас совсем — подай, принеси, убери, сделай. И присесть некогда... Я с подружкой договорилась — если хватятся, скажет, что у меня матушка занемогла... А ты меня ждал?

— И давно! Как сменился, все тут сижу. И не первый день уж, — ответил Богдан.

— Ничего, вот отыграют свадьбу — и все утихнет... И мы опять с тобой...

Богдан крепче прижал Людомулу к себе.

— Нет, милая, — молвил он. Девушка испуганно отпрянула:

— Что ты сказал?

— Я узнал вчера, что еду сопровождать свадебный поезд молодых до самой Резани, — ответил юноша. — А как там — не ведаю, может, насовсем оставят...

Глаза Людомулы наполнились слезами. Она припала к любимому.

— Разлучить нас с тобой хотят, Богданушко! — вскрикнула она в голос. — Улетишь ты, сокол мой ясный, в чужую сторонушку — там меня забудешь, останусь я одна слезы лить горькие!

Богдану с трудом удалось немного успокоить девушку.

— Не плачь, не кручинься, ягодка моя! — молвил он, вытирая ее слезы. — Не рви сердца моего — мне ведь тоже нерадостно. А говорят, — добавил он, чтоб хоть чуть-чуть отвлечь ее, — что и самому князю резанскому свадьба эта не по нраву. Сколько раз видели ребята — ходит он мрачнее тучи, ни на кого не глядит. Вот и сейчас, когда я к тебе шел, повстречался он мне — шел за ворота, к реке, словно с похорон родной матери.

Людмила задумалась.

— Чует сердце мое, — сказала она, — никому эта свадьба счастья не принесет. Наши девушки тоже вроде как слышали от друга князя, гусяра, что приключилось с ним неладное — то ли опоили его зельем неведомым, то ли в пещерах Змее-вых узнал что-то тайное и страшное. Потому он и сам не свой... И нас с тобой, милый, разлучит эта свадьба...

Она опять собралась заплакать, но Богдану уже пришла в голову отличная мысль:

— Послушай, что придумал я, Людмила! Поехали со мной на Резанскую сторону — я в охране поезда, а ты — служанкой княжны. Там, в Резани, и мы свадьбу справим и при молодых останемся. Пойдешь за меня?

Он с тревожным ожиданием заглянул ей в лицо, и девушка с радостным визгом повисла у него на шее:

— Богданушко, милый мой! Сокол ты мой ясный! Пойду, конечно, пойду!.. Я сейчас же побегу к Красаве, попрошусь с нею — она теперь добрая, все разрешает. Согласится... Ты обожди меня тут — я скоро!

Людмила быстро поцеловала Богдана в губы и бросилась напрямик по кустам к терему.

Юноша пошел за нею, не в силах долго ждать. Людмила пробиралась по саду, нетерпеливо отводя ветви руками, и вдруг вскрикнула и остановилась, схватившись за горло.

В один миг Богдан был рядом:

— Что с тобой, ясонька?

— Бусы, — тихо ответила девушка. — Бусы рассыпались...

Она держала в горсти несколько алых бусинок и оборванную зацепившейся веткой нить. В траве остальные бусины блестели, словно ягоды.

Не сговариваясь, оба принялись торопливо подбирать бусины. Скоро все были собраны, и Людмила присела на траву, высыпав их на колени.

— Нитка слаба, — молвила она. — Надо бы какую покрепче, да где ж ее возьмешь сейчас.

Она стянула с головы платок, чтобы собрать бусины в него, но Богдан остановил ее:

— погоди, смотри, там что-то.

Он отошел на два шага и что-то снял с низкой ветки куста.

— Глянь-ка, что нашел я! И нить подходящая — алая да крепкая! — Он держал в руке толстую косу, сплетенную из белого конского волоса, скрепленную красной ниткой, мокрую от росы.

Это была та самая косица, что сплела в гриве Облака Веденя и которую три ночи назад отрезала тайком Красава.

Увидев косу, Людомила вскрикнула и отшатнулась:

— Не подноси! Положи туда, где взял! Вдруг какой колдун на нее порчу навел? Теперь к тебе она пристанет — что я тогда одна делать буду?

Богдан внимательно посмотрел на косу. На вид в ней не было ничего страшного.

— Кабы какой колдун, он бы ее получше схоронил, а не бросил в кусты, — рассудил он. — Я только нитку сниму, а косу назад положу.

Он потянул нить, а Людомила воскликнула:

— погоди! Надо с заговором!

Взяв косу, она поднесла ее к лицу и зашептала в жесткие волосы, не потерявшие еще своего конского запаха:

— Коса густа, пряма, толста, как держала ты волос, так держи свое слово. Как развяжу я тебя, так и ты развяжись с нами — не тревожь нас, не губи. Именем Белеса и Волхова помоги!

С этими словами девушка расплела косу и выдернула нитку. Конские волосы рассыпались по траве. Богдан собрал их в пучок и понес на то место, где взял. Людомила же стала по одной нанизывать бусины на нитку.

Заговор Красавы потерял свою силу. А заговор Веденеи должен был исполниться не раньше, чем расплетется коса в гриве Облака.

В то время, когда исполнялось заклятье Веденеи, Властимир задумчиво брел по берегу реки, гонимый тяжкими думами. Летний день не спеша клонился на вечер. Мягко шелестели ветви ветел, ветер перебирал головки камышей и шуршал зарослями тростника. Попискивали мелкие птицы, стрекозы и мошкара порхали повсюду. Все было тихо и спокойно, но душу князя глодала смутная тревога.

Остановившись на бережке, Властимир прилег, откинувшись на локоть. От воды веяло прохладой. Мелкие волны плескались у кончиков сапог.

Солнце припекало затылок, веки наливались тяжестью. Властимир из последних сил боролся с подступающей дремотой, как вдруг ему почудилось, что по тому берегу по высокой траве идет девушка, следя за плывущим по реке лебедем.

Не веря глазам, Властимир привстал. Показалась девушка ему до того знакомой... И вспомнил он ее и ахнул, хватаясь за занывшее от незнакомой боли сердце. По тому берегу сама Веденея шла!

Князь не сводил с нее глаз. Не думал он, что здесь ее увидит. Словно березка, стояла она на зеленом холме — стан тонкий да гибкий, коса русая ниже пояса и улыбка еле заметная. Вспомнил он ее — и отступила тоска, и легче стало на душе, и понял он, что томило его столько времени. Взыграло в нем ретивое — так бы и кинулся к ней через реку вплавь! Да не вплавь — кажется, пошел бы по воде, аки посуху!

Веденея присела у самого уреза реки, и подплывший лебедь ткнулся клювом ей в ладонь. Девушка приласкала тянущуюся к ней птицу, а потом оттолкнула, указав рукой на другой берег. Властимиру даже почудилось, что прямо на него девушка указала. И сердце его замерло, потому что Веде-ея встала, а лебедь поплыл к нему. Отвлечшись на птицу, князь пропустил миг, когда Веденея исчезла — даже травинка ни одна не дрогнула. То ли была она тут, то ли пригрезилось — не понять...

Но лебедь подплыл к берегу и затрубил, расправив крылья. Властимир наклонился к нему, и лебедь дался в руки. Князь нежно гладил тонкую шею, перебирая перья на голове и крыле там, где касались руки Веденеи. Но вдруг лебедь закричал, как подраненный, забился и вырвался, оставив в руках Властимира перо. Едва глянув на дар, князь вздрогнул — все перо было в крови.

Властимир поднял глаза на лебедя. Тот плавал у берега, бил крыльями по воде и то и дело косил на князя блестящим глазом. И вдруг закричал, заплакал, поднимая брызги. Властимиру почудилось, что это сама Веденея, ее голос звучал в лебедином крике: «Домой! Домой!»

Разбежавшись по воде, лебедь поднялся в воздух и закружил над головой следящего за ним человека, забирая все выше и выше. Прижав перо к груди, Властимир не отрывал от него жадного взора, пока лебедь не повернул к северу и с небес не донеслось последнее тихое: «Князь...»

Властимир не ведал, что распущенная косица сняла заклятье, наложенное Красавой, что именно о таком случае предупреждала Веденея в день отъезда: «Расплетется она — и тебя домой потянет...» Махнув рукой птице, Властимир побежал к городу.

Буян в княжьем саду наигрывал на гусях и мечтательно мурлыкал что-то себе под нос, подбирая слова. Вокруг него столпились боярышни, несколько ближних боярынь княгини и княжны и даже сенные девушки. Когда князь влетел в сад, они с испугу брызнули врассыпную, а гусяр вскочил, оборвав песню.

— Все! Кончено! Едем, Буян, домой! — выкрикнул Властимир и добавил, поймав недоумевающий взгляд Буяна: — Я вспомнил...

Уезжали по вечерней заре, впопых, чтобы ненароком не столкнуться с ореховской дружиной. Побег жениха накануне свадьбы всегда расценивался как оскорбление, и за него порой жестоко наказывали, если не приказывали жениться насильно. И тогда ни к чему оправдания и невеста в далекой стороне — закон сурово карал всякого, кто нарушил брачный сговор. Ореховский князь мог и не пойти на Резань войной за бесчестье свое и дочери, но перехватить беглецов в дороге он мог.

Хорошо, помогли местные мальчишки. Убежденные балагуром-гусяром, что жених просто решил последний холостой вечер провести на реке, они потихоньку вывели Облака и Воронка задними воротами из конюшни вниз, к самому причалу. Тем временем Буян проник в кладовую и набрал припасов в дорогу — хлеб, копченых окороков, другой снеди — благо к свадебному пиру там всего было припасено вдоволь. Он мог бы захватить и пару заводных коней, но это было бы слишком подозрительно.

Решив, что искать их будут в первую очередь на северной дороге, друзья вместе с конями на закате тихонько переплыли реку и ушли на восток, в степное раздолье. Только на второй день они повернули на север, в сторону Резани.

Шли торопливо, не щадя коней и себя, — обходили большие села и торные дороги, забирались в чащи лесов, без опаски заговаривали только с одиночками-извергами, спали вполглаза, ели в седлах, сухомыткой. Лишь на исходе восьмого дня, когда до Резанских лесов было рукой подать, поверили, что спаслись.

Но хода не сбавили — иное торопило их. Что за весть принес князю лебедь, не понял никто — оберег Буяна молчал, как и прежде, а сам Властимир не мог даже догадаться. Самое главное для него было увидеть Веденею.

В спешке проскочили мимо Резани и берегом Оки пошли на Ласкову. И тайная тревога переросла в страх, когда на знакомом берегу озера увидели погорелье.

Это был самый странный набег хазар, какой помнили старики. Хазары словно очень спешили — налетев как туча, они пометались по деревне, зоря все, похватали в полон кого успели, мимоходом бросили несколько факелов на крыши и умчались, не принимая настоящего боя. Возможно, они самовольно отлучились от большого войска на пару дней за добычей и торопились назад, а может, испугались подоспевших с поля воинов.

Жители Ласковы тут же отправили гонца за подмогой, а сами принялись унимать пожар, что разросся необычно быстро, как в сказке. Не успели хазары скрыться за лесом, как огонь охватил сразу половину изб.

Воины заставы, получив известие о нападении на Ласкову, кинулись в погоню. На вторую ночь они настигли хазар и отбили почти весь полон, но сами хазары, кроме нескольких убитых на месте, ушли и увели с собой всего четверых ласковцев: старуху, тетку Млавы, двоих мальчишек десяти и двенадцати лет и Прогневу.

А в самой деревне в сече погибло десять человек, трое опалились при тушении пожара

и умерли от ожогов, да в одной избе сгорел младенец, забытый в люльке. Много было раненых, но еще больше погорельцев — восемь семей остались без крова, у трех уцелели только стены, а остальные сильно недосчитались своего имущества.

Веденя лишилась сестры. Дом же ее не пострадал. Но сгорела банька, где девушка хранила свои травы и лечила тяжелых больных. Горевать Веденее о сестре времени не было — много было раненых и обожженных при пожаре, следовало позаботиться обо всех, да еще и пополнить запасы целебных трав — уцелело слишком мало. Девушка оплакала сестру и других погибших и отдалась повседневным заботам.

Всадников заметили на девятый день после хазарского набега, ближе к вечеру. В поселке было много из соседних деревень — помогали родичам отстроить погоревшие дома и тын. Как раз в те дни поспели для уборки яровые, и рук не хватало. При деле были все.

Двух всадников заметил мальчишка с тына. Едва он крикнул о них, они скрылись на опушке леса и пропали из виду, но вскоре опять появились, заставив настороженных селян не спускать с них глаз — вдруг это опять хазары, разведчики. А может, и вестовые из Резани. Всем сразу подумалось одно — те хазары были передовым отрядом, а теперь на Оку пришло большое войско и будет война. Какая-то женщина запричитала, будто уже валялись на улице мертвые. На нее зашикали.

Всадники были незнакомыми — это заметили издалека. Лошади шли тяжелым усталым шагом, с трудом повинаясь привставшим на стременах всадникам. Один вырвался чуть вперед — его красный плащ бился на ветру.

Несколько человек вышли их встретить к воротам:

— Кто такие? Какого рода-племени?

Передний осадил белого жеребца, роняющего с губ пену. И конь, и всадник были в дорожной пыли.

— Где Веденя? — выкрикнул всадник хрипло — Она жива?

— А сестра ее, Прогнева? — спросил второй.

И тут только признали тех двоих, кто приезжал к ворожее по весне, на кукушечьи кумины, — князя и гусяра.

Перед ними молча расступились, указывая дорогу.

Недоброе шевельнулось в груди Властимира, за молчанием людей угадавшего беду, постигшую девушку. Не спешиваясь, он прищпорил усталого Облака и поскакал к ее дому.

Та хозяйничала в почти достроенной баньке — брат с отцом обещались закончить все через несколько дней, — когда услышала топот копыт и голос, от которого все поплыло у нее перед глазами:

— Веденя!

Она выскочила во двор. В распахнутые настежь ворота низко наклонившись под перекладиной, ворвался пропыленный усталый всадник на загнанной лошади. На потемневшем, постройневшем лице такими же, как запомнила она, остались только стального цвета глаза.

— Веденя! — воскликнул Властимир, спрыгивая наземь и, не сдержавшись, вымолвил: — Лада моя!

Он бросился к ней, протягивая руки, и девушка оказалась у него в объятиях, припав к груди. От него терпко пахло дорожной пылью, лошадьё и потом. Девушка зажмурилась чувствуя, как он осторожно, нежно, почти невесомо, ласково целует ее в висок.

— Лада моя, солнышко, — шепнул он. — Живая...

Неожиданно он отпустил, почти оттолкнул ее. Веденя взглянула на него: Властимир, сорвав шапку, низко поклонился ее отцу и брату, что вышли следом за нею.

Позднее они все сидели за ужином и слушали рассказ Веденей о том, что тут случилось. Положив кулаки на стол, князь не сводил с девушки строгого взора. О себе и своих приключениях гости еще не сказали толком ничего, кроме того, что не зря проделали путь и много всего повидали в дороге.

Буян больше молчал и иногда теребил оберег. Он начинал понимать, в чем причина его молчания — камень-оберег замолчал в тот самый день, как хазары увели Прогневу. Словно что-то порвалось меж ними... И это было слишком больно.

Неожиданно он сорвался с места и выскочил за дверь.

— Чего это он? — недоуменно спросил брат девушек, Ждан.

— Больно ему, — тихо молвил Властимир. — Он о Прогневе только и думал в дороге...

Веденея подняла на него глаза. Встретившись взглядом с нею, князь кивнул и встал, отправляясь следом за гусяром.

В полуверсте от Ласковы, на месте впадения в озеро Трубеня, высился рукотворный курган. Старики рассказывали, что в незапамятные времена где-то севернее этого озера стоял град. Налетели раз хазары, или угры, или какая еще злая сила из степи и весь град пожгли. Кого не убили — в полон увели, кого не увели — в граде сожгли. И никого живого не осталось, кроме одного мальчишки десяти лет. Забился он в печь в кузне отца — дом сгорел и кузня тож, а печь уцелела. Выбравшись на волю, увидел отрок отбившегося от табуна коня и поскакал подмогу звать.

В те поры младший Князев брат из того города с дружиной был в Муроме и возвращался домой. Его-то войско и встретил отрок и все ему рассказал. Поспешила дружина с князем за хазарами. Тех же словно видение задержало — встало перед их конями чудное красное зарево и не пускало дальше.

Тут-то и догнал их князь с дружиной. Бились они на берегах этого озера и побили хазар, освобождая весь полон. Сколько хазар живыми ушло — про то мало кто ведает: известно только, что потом двадцать лет было спокойно на берегах Оки и во всей округе.

На месте битвы в честь павших воинов воздвигли курган, который называли Трубным. Говорят, что тот отрок потом стал трубачом в дружине князя и много раз приезжал на это место и сынов привозил. А жители погибшего города не вернулись на старое место — расселились они по берегу озера Ласково, что прозвали так за ласку этих мест к ним, бездомным и все потерявшим. Что же до князя с дружиной, то ушли они куда-то на юг, где новый город построили.

Буяна Властимир и увязавшиеся за ним отец и брат Веденеи нашли на Трубном кургане. Гусляр стоял, раскинув руки и обратив лицо к небу. Он замер, не шевелясь, точно с богами разговаривал, так что никто не осмелился подняться к нему. Остановились у подножия кургана, оттуда слушали голос гусяра, который впервые дрожал и срывался:

Ой вы гой еси, ветры буйные,
суховейные, ураганные!
Да покиньте вы колыбель свою
в чистом небушке во Свароговом.
Вы летите-ка, ветры буйные,
да по всей земле, по просторушку.
Отыщите вы, ветры буйные,
мою любушку свет-Прогневушку.
Да летите вы вдаль без устали
до границ земли да и далее,
разыщите, где ее спрятали,
где злодей ее...

Голос его сорвался. Буян замолчал, закрыв глаза рукой.

Люди внизу наблюдали за ним внимательно и с опаской — странные речи вел приезжий, до него никто не вещал с кургана.

Отняв руку от лица, Буян взглянул в небо. Оберег его Молчал по-прежнему, но что-то другое придало гуслиару веру в свои силы. Он взмахнул рукой, чертя в воздухе имя Стрибогово.

Снизу с него не сводили глаз.

— Чего это он? — спросил Ждан у князя. — Скаженный или кто?..

— Тихо, — строго сказал Властимир. — Он волхв...

Неожиданно волосы гуслиара взъерошил ветер, налетевший издалека. Второй его порыв был мощнее, и Буян покачнулся. Ветер хлестал его в лицо, бил в грудь. Расставив ноги для опоры, Буян терпел его удары и понял, что не зря когда в завывании ему слышались слова:

Уж ты гой еси, добрый молодец,
добрый молодец да Буян-гуслиар!
Пронеслась твоя песня звонкая,
все ветра она собрала к тебе.
Облетели ветра землю-матушку,
принесли ветра новость дивную.
А уж в чистом поле холм высок стоит,
да на ровном поле, на скатерти.
Все холмы стоят, как поставили,
этот круг себя поворачивается.
Уж на том холме дуб могуч растет,
дуб могуч стоит, всем дубам отец.
Корни в сердце земли упираются,
ветви в неба твердь да впиваются,
а в обхват дуб да триста сажен,
триста сажен да с половиною.
У того дуба сук единый есть —
а длиной тот сук двести сажен.
И как этот сук на полдень глядит,
а на том суку ворон сед сидит.
Уж был черен он, ну а ныне сед.
Уж как сотня лет, как на дуб он сел
и сидит с тех пор, не шелохнется.
Лишь глядит вокруг взглядом зорким.
Уж как когти его да в кору вросли,
уж как перья его да в листву вошли.
Уж и знает все этот ворон сед —
на любой вопрос он и даст ответ
и любому он добрый даст совет.
Вот к нему ступай да выводывай!

Голоса ветров смешались, теряя ясность и уносясь вдаль. Буян стоял ни жив ни мертв — ему казалось, что это заговорил сам Стрибог, и от этого ему стало страшно. Мог ли он еще год назад думать, что придет час — и ему подчинятся силы, которые и волхвов не слушаются! По привычке он схватился за оберег — камень отозвался гудением, как струна под ветром, но это был не тот звук, что привык слышать от него гуслиар, а новый.

С трудом придя в себя от шальной мысли, что отныне Они с оберегом единое целое, Буян глянул вниз. У подножия кургана стояли трое мужчин и подошедшая туда Веденя, двигаясь как во сне, Буян сошел и приблизился к ним. Властимир заглянул ему в лицо, молча обнял за плечи и повел в деревню.

На рассвете Властимир пробудился и почувствовал, что кого-то не хватает в избе. Буян

мирно спал. Во сне на губах его играла исчезнувшая было вчера улыбка. Окинув избу взглядом, князь понял, что исчезла Веденея. Торопливо сунув ноги в сапоги и на ходу натягивая рубаху, он вышел на двор.

Стояла утренняя тишина, нарушаемая только голосами просыпающейся деревни — хозяйки доили коров и выгоняли их на пастбище. Обоих жеребцов под навесом тоже не было, одна воротина была распахнута. Веденея куда-то ушла с конями, и Властимир пошел по следу — копыта своего Облака он мог узнать из тысячи.

Он вышел за тын и спустился к озеру. Туман скрывал его вместе с ивами по берегу и мостками, где бабы стирали белье. Князь пошел наугад, ловя редкие звуки. Роса вымочила штаны выше колен, кусты выныривали неожиданно, как хазарин из-за утла, и били мокрыми ветками по лицу.

Рядом послышались всплески, лошадиное фырканье и чей-то голос. Князь тихо подошел ближе.

Над озером туман чуть редел, и Властимир увидел Веденею. Девушка стояла по колено в воде в одной белой рубахе, прилипшей мокрым подолом к ее ногам, с распущенными волосами, покрывавшими спину. Перед нею, опустив мор-Ды, замерли Облак и Воронок — без седел и уздечек. Девушка наклонилась, зачерпнула воды и обрызгала ею сначала Облака, а потом Воронка. Она брызгала на них снова и снова, и князь видел, как двигаются ее губы, вполголоса произнося заклинание. С трудом он разобрал несколько слов:

Заклинаю тебя конем —
жеребцом твоим верным, буланым.
Пусть помчит он тебя, желанный.
Заклинаю тебя конем!..

Завершив обряд, Веденея пригнула головы жеребцам, и стали пить озерную воду. Они пили не спеша, тянули воду сквозь зубы. Властимиру показалось, что девушка как-то особенно ласково и печально огладила Облака по крутой шее. Он представил, что так же она когда-нибудь погладит и его, и невольно шагнул вперед. Топкий берег с чавканьем принял ногу.

Лошади заржали. Веденея оглянулась и увидела князя.

— Иди сюда, раз пришел, — тихо молвила она и махнула рукой. — Только прежде друга своего приведи.

Властимир вернулся в деревню, и первый, кого он встретил, был Буян, уже одетый, стоявший у ворот.

Когда они вернулись к озеру, их кони уже паслись на берегу, а Веденея ждала их в воде. Она знаками велела им присоединиться к ней и, когда они подошли, набрала в пригоршню воды и повторила тот же обряд, что и над лошадьми обрызгав их водой.

— Как вода сия смывает грязь с тела, так я смываю тяжесть с ваших душ, — сказала она. — Да будет путь ваш скор и легок, как бег этой воды. Да будет он прям, как полет капли. Да будут души ваши чисты, как озерная волна. Да будут они сильны и неутомимы, как течение реки, что лениво спит подо льдом до поры, а весною ломает лед и вырывает с корнем деревья. Доброго пути и удачи вам!

Друзья молча отдали ей поклон, и Веденея первой направилась к берегу.

Выйдя, она шагнула в кусты и вынула приготовленный кувшин с обвязанным тряпицей горлышком. Отвязав ее, девушка протянула кувшин друзьям:

— Испейте, витязи, настоя материнкового, на семи медах сваренного, у семи трав сок впитавшего. Силу материйке — малой травинке дала сама мать-сыра земля. Как земля сильна, так и вы будете сильны силой ее и удалью... А теперь собирайтесь в путь, — добавила она, когда Буян вернул ей кувшин, — вам до солнца надо быть в дороге!

ГЛАВА 5

По рассветному лесу шагом пробирались два всадника. Птичий переклик смолкал при их приближении и возобновлялся, только когда они отъезжали подальше. Во всех гнездах уже вывелись птенцы.

Властимира и Буяна Веденея проводила только до берега озера. Потом молча припала на миг к сапогу Властимира и, не молвив ни слова, пошла назад. Пока князь затаив дыхание провожал глазами любимую, на трону вышли два отрока шестнадцати лет. Лошади шарахнулись, отвлекая князя от дум.

Близнецы сели на землю. Лошади, глядя на них, вели себя беспокойно, точно узрели волков.

— Кто вы такие? — спросил князь.

— Ты коника-то придержи, — миролюбиво посоветовал один — а то еще норов покажет... Не бойся нас — не обидим. Мы видели, как с вами Веденея прощалась...

— А вы ее знаете? — любопытствовал Буян.

— Еще бы! — откликнулся второй. — И сестру ее, Прогневу тоже немного знавали.

При упоминании о Веденеевой сестре Буян потупил взор.

— Прогневу хазары увели, — молвил он тихо.

— Не хазары.

— Что? — разом воскликнули друзья. — А кто же тогда?

Мальчики переглянулись.

— Мы не знаем, кто они, но это не обычные хазары, — неуверенно заговорил один из них. — Мое имя Явор. Я в тот день кинулся Прогневу выручать, да хазарин на меня плеть поднял. А у плети той рукоять серебром окована — для меня ее удар смерть бы принес.

— Это один-то удар? — усмехнулся князь. — Не верится что-то...

— Эх, человек, и плети разные бывают, и те, кого они секут, тоже неодинаковы, — возразил второй мальчик. — Не люди мы.

Властимир удивленно вскинул брови — по виду мальчики как мальчики, одинаковые как две капли воды, белоголовые, — но Буян коснулся его руки:

— Обрати.

Отроки согласно кивнули.

— Мы можем пригодиться тебе, князь, — сказал один из них.

— С собой вас взять, что ли? — спросил он.

— Нет, мы не напрашиваемся. Но я запах той плети на всю жизнь запомнил — он ведь мне не первый раз попадается. Первый раз, когда мы с братом этим летом познакомились с одним чужеземцем. Он тоже так пах.

— Кто такой? — выкрикнул Буян, едва не выпрыгивая из седла.

— Также не человек, — пожал плечами отрок. — Мы имени его не спросили, хотя и говорили с ним. Он нас к себе звал, говорил, что мы из его рода-племени и должны к своим вернуться. А как же мы можем быть из его рода, — со смехом Добавил отрок, — когда он на змею походил!

Тут уже и Властимир заинтересовался — похожими на змею были и слуги Змея.

— Как он выглядел? — допытывался Буян.

— Гибкий, тонкий — чисто змея, только с руками и ногами. В одежды странные закутан, и пахло от него противно так...

— Они, — уверенно молвил Буян. — Больше некому. Это они нам за то, что мы им устроили, мстить решили. Счастье еще тебе, княже, что Веденея цела осталась...

Властимир глубоко задумался.

— В Сорочинских горах их не осталось, — молвил он тихо, — дуб тот невесть где стоит... Куда ж ехать-то? Нам ведь теперь спешить надобно, пока они и Веденею не увезли.

Отроки переглянулись и встали.

— Не увезут, — сказали они твердо. — Мы того не допустим но и ты, человек, не оплошай. Мы, может, и из его рода, но эта земля — наша родина, здесь мать наша, наши

леса. Мы не хотим, чтобы чужаки здесь свои законы правили и решали как кому жить и где. Поезжай, человек! Мы тебя подождем.

Они кивнули и ушли в лес.

— Путь долог, конец неблизок. Пора ехать, друже! — сказал Буян.

— А куда? До твоего дуба или Змеево новое логово искать?

— Поедем по звезде Полынь, — предложил гусяр с неизменной улыбкой. — Когда в первый раз пускались в путь, я вел тебя на ее свет. Потом мы свернули, и пропала она. Но мы добрались наудачу. Вчера мельком приметил я ту звезду. Чую — на сей раз хитрее Змей будет, больше ее не покажет, да только я ту сторону запомнил. Дорога известна. Едем!

Друзья-побратимы не ведали, что на самом деле означало новое явление на небе звезды Полынь.

Зато это очень хорошо знал Ркай. Накануне на его станцию связи пришел сигнал о запуске корабля с орбиты — там узнали о разгроме станции и спешно слали подкрепление. Ркай передал координаты их новой базы.

И вскоре на небе зажглась и, прочертив огненный след, погасла красная звездочка. Те, кто увидел ее, подумали: «Опять маньяк пролетел...» Кто-то признал в ней Змея Огненного, кто-то — ангела, и весьма немногие — спускающийся космический корабль. Чтобы его не заметили дэвсы, он спускался по очень низкой орбите, но Буян случайно углядел его полет.

Посадочная площадка была устроена в чаще леса, неподалеку от выхода на поверхность из подземной системы. Об этом месте Ркай узнал от пленных. Всего несколько дней назад этим ходом воспользовались хазары, привезя заложников. Среди них Ркаю особенно понравилась одна девушка — Прогнева. Так когда-то и отцу Явора с Яроком понравилась их будущая мать Млава.

Над поляной завис огненный шар. От него волнами исходило тепло. Разогревшись при прохождении атмосферы, корабль медленно остывал в прохладном утреннем тумане. Цвет его сменился с ярко-оранжевого на алый, потом на бордовый, и наконец он стал темно-лиловым с бурыми гранями.

Только тогда он мягко сел в жирную размягченную его теплом землю с чавканьем, как в болото.

Это был небольшой спускаемый аппарат. Корабль, от которого он отделился, вращался над Землей за маскирующей завесой достаточно высоко, чтобы его не могли обнаружить. Все системы маскировки работали на полную мощность, и даже сами гэты не сумели бы его сразу найти.

Люк открылся, и Ркай невольно сделал несколько шагов к кораблю. Он передавал, что на базе произошла катастрофа, но не ожидал, что наверху так быстро примут меры, и был приятно удивлен.

На черную обгорелую траву по одному сходили высокие гэты в тяжелых скафандрах высшей защиты. Гэты использовали эти скафандры и на Земле в качестве доспехов.

Эти гэты отличались от самого Ркая и его подчиненных. Они были выше ростом и сильнее. У них во рту были настоящие зубы — след давней специализации, когда одни гэты служили только для защиты колонии, а другие — только для работы под их охраной. Это были настоящие солдаты, умеющие только воевать. Некоторые старые касты в их обществе исчезли с течением времени, и остались всего три — крылатые драконы, самки и самцы, рабочие гэты и охранники. Сам Ркай был универсалом — смесью рабочего и охранника. Такие выращивались в особых лабораториях. Кроме Ркая к таким из старожилков относился только Хейд и десятка два разведчиков. Все разведчики, за исключением Хейда, погибли от рук аборигенов. Общество рабочих-техников наскучило Ркаю, Хейда он недолюбливал и поэтому искренне обрадовался появлению взвода охранников — их было сорок вместе с двумя командирами.

Но сюрпризы на этом не кончились. Солдаты выстроились в два ряда по стойке «смирно», а из недр корабля выбрались еще пятеро.

Любой, увидев их, подумал бы сначала, что это люди — больше, чем гэты, они походили на местных жителей, но только фигурой. Тела их окутывала прозрачная дымка защиты, реагировавшая на малейшие неровности почвы, вообще на любое прикосновение, так что под их неслышными шагами не погнулась ни одна травинка, не сдвинулась с места ни одна песчинка. Их лица были скрыты под полупрозрачными накидками, открытыми были лишь почти человеческие губы. Видны были также их большие раскосые глаза, сверкавшие из-под накидок. Прочие черты лица меркли в сиянии, что разливалось от их голов. Позади, за спиной, у каждого горбились сложенные крылья, за что гэты почитали их особо — ведь крылья были только у драконов, от которых зависело размножение гэтов.

При их появлении все гэты почтительно склонились а пятерка подошла к Ркаю.

— Тебя и твоих спутников посетила в нашем лице великая благодать, — прозвучал мелодичный голос. Он принадлежал одному из сверкающих существ, но губы всех пятерых не двигались. — Организация зорко следит за своими слугами и никогда не оставляет их в нужде. Именем Высшего Судии мы прибыли сюда, чтобы от Его имени помогать тебе в большой и трудной борьбе с закосневшими в своем самомнении и невежестве жителями этой планеты, совращаемыми изменниками всему светлому, слугами Тьмы — дэвсами. Ты — один из самых ревностных воинов Судии, тебе Он подарит высшую милость, когда дело будет завершено.

Ркай смиренно ответил:

— Я жду только мига, когда двое наших самых заклятых врагов будут у меня в руках, о высшие!

— Будь уверен — ты получишь их. Никто не уйдет о'Гтгра-ведного гнева Высшего Судии! — сказал один из сверкающих существ. — А теперь пойдем побеседуем.

Ркай посторонился, и пятеро вошли в отворившийся зев подземелья.

— Как символично и прозорливо каждое решение Нашего Судии, — тихо сказал один из них, — когда Он указал вам, своим преданным слугам, на эти коридоры и передал в руки ваши их обитателей! В своей милости Он сделал так, что творения рук этих дэвсов ныне обратятся против них и воспитают силу, что станет острием оружия, которое уничтожит их навсегда. Те, кто отверг благодать Отца нашей Организации, должны умереть, а их слуги станут рабами тех, кто верно служит нам!

Ркай шел следом за сверкающими существами и не чувствовал под собой ног от счастья. Сама могущественная Организация, что много тысячелетий следит за порядком во Вселенной и направляет планеты по лучшему и наиболее удобному пути развития, заинтересовалась им! Когда-то, несколько тысяч лет назад, Дэвса, тогда носившая другое имя, отказалась войти в лоно семьи планет, принять новый порядок, принять веру в Творца Вселенной и Отца Организации. Она бросила вызов Организации, и ее цивилизация была уничтожена. Уцелели жалкие остатки ариев, растерявших свое могущество и знания. Планету населили полудикие племена и переселенцы с других миров, за которыми зорко стали следить агенты Организации, прививая им с колыбели любовь и почитание Организации и ее Творца.

Но арии не исчезли совсем. Много веков спустя они восстановили свои силы и стали бороться с агентами Организации. Они стали хитрыми, очень хитрыми, и борьба затянулась еще на несколько тысячелетий. За это время усилились новые народы, и среди них эти славяне, в жилах которых течет кровь ариев. Славяне никогда не откажутся от родства со своими покровителями. Первой задачей Организации было нарушить эту духовную связь: поссорить ариев и славян. Когда это удастся, арии лишатся последнего союзника на планете, и уничтожить их не составит труда. Помочь вбить клин между славянами и потомками вымершей цивилизации должны были и гэты, которым надлежало сеять зло от имени хранителей древних знаний ариев. Сами гэты об этом не знали — агенты Организации умело скрывали истинную причину, по которой жители умирающей планеты, гэты, оказались именно здесь, где тоже водятся крылатые звери, похожие на их драконов.

Агенты Организации шли по подземным переходам. Здесь их сияние просто слепило

всем глаза. Источником их энергии были электромагнитные поля планет и звезд. В относительно разреженной атмосфере Земли они усилили свои поля, чтобы изолировать себя от всего земного.

Хейд был в лаборатории, когда техник доложил о прилете пятерых агентов Организации. Как и все, кто служил Организации и ее Творцу, Высшему Судие, Хейд поспешил приветствовать могущественных существ, которых в обиходе называли просто агентами.

Вокруг каждого агента вился его слуга — маленький золотистый шарик, который мог улетать с поручениями и соединяться с сиянием, исходящим от хозяина. Он мог проникать в сознание жителя любой планеты, на которого ему укажут, и тогда тот на некоторое время получал невиданные знания и силу для выполнения особой миссии.

На Хейда агенты не обратили внимания, и он отошел в тень за колонну. Его надежно скрывал мрак, но он все равно трусил, потому что никто не может спастись от гнева агента, если тот даст своему слуге-духу приказ уничтожить свидетеля. А что свидетель есть и о нем знают, Хейд понял, когда один из слуг-духов подлетел к нему, покругил над его головой и вернулся к хозяину. На миг он слился с ним, передавая информацию, но агент никак не прореагировал.

В просторном зале собрались все агенты, но разговаривали они только с Ркаем. Капитан колонии горячо объяснял, что, как и почему он намерен сделать с аборигенами, которых послали дэвсы для уничтожения гэтов и посрамления Организации. Хейд даже немного гордился своим начальником: никто бы не мог найти лучших слов. Агенты, встав полукругом, слушали его внимательно и молча. На фоне их сияния Ркай казался совершенно черным.

— Эти дэвсы до того обнаглели, что гордятся тем, что их называют слугами Дьявола, — говорил Ркай. — Один из них вышел со мной на связь. Он назвался Чисгомыслом, потомком Волхова. Он предложил нам убираться отсюда! Убираться, оставив тут гнездо мятежа, который однажды может потрясти всю Галактику! А ведь и в самом деле может так случиться, что ее жители, выйдя когда-нибудь в космос, завоюют Галактику, а за ней — и Вселенную...

— Последнее не столь страшно, — сказал один из агентов.

— Но тогда под угрозой окажутся все подвластные Организации миры! Мы не должны этого допустить — этот народ должен быть уничтожен!

— Ты берешь на себя смелость решать за Творца Организации! — В голосе агента прорвался гнев. — Ты слишком смел.

Ркай позеленел и ссудулился, сжался в комок. Хейду стало его жаль — он сейчас умрет. Но один из агентов протянул руку и осенил голову гэта величественным жестом.

— Ты не умрешь, — прозвучал голос. — Организации нужны верные и ревностные слуги, готовые предать смерти ее врагов. Скажи, чего ты хочешь?

— Крови! — воскликнул Ркай. — Могущественнейшие, я прошу крови тех двоих, кого презренные дэвсы послали уничтожить нас. Пусть они будут принадлежать мне — их тела и души! Уж я-то с ними расправлюсь!

— Ты получишь их, — согласно кивнули агенты. — И мы по воле Творца поможем тебе в этом, но, прежде чем получишь возможность сделать с ними, что хочешь, ты должен будешь заставить их послужить нам — нашей Организации.

— Но это трудно. У славян есть нечто такое... Особенно опасен один из них, и я еще не разобрался, кто именно...

— Ты узнаешь. Но прежде запомни — ни один из них не будет опасен для тебя и всех в этой подземной цитадели, если не достанет необходимое оружие. Лишь один арийский меч на планете будет способен уничтожить вас. К сожалению, мы не знаем, сообщили дэвсы славянам об этом мече или нет. Если да — их надо уничтожить любыми средствами, если нет — мы не должны позволить им заполучить оружие или хотя бы узнать о нем. Тогда их можно заставить служить нам. Ты сможешь сделать это. Подойди!

Ркай с трепетом приблизился. Агенты окружили его плотным кольцом. Их слуги-духи отделились от них и закружили над всей группой во все ускоряющемся танце. Потом слились в один маленький круг, который венцом воссиял над головой Ркая. Хейд любовался этим зрелищем затаив дыхание — он никогда не видел ничего подобного и теперь гордился тем, что представитель его племени отмечен высшей благодатью и он, Хейд, это видел.

Сияние тем временем уменьшалось в размерах и вошло в голову Ркая. Агенты отступили в сторону, и слуги-духи опять закружились вокруг них золотистыми шариками.

Ркай медленно открыл глаза. То, что происходило с ним, не поддавалось описанию. Он и не подозревал, что может овладеть такой силой, от которой ему даже стало страшно. Он получал возможность найти своих врагов, отомстить им тысячу раз, завлечь сюда и предать в руки агентов Организации или уничтожить. Ради этого стоило согласиться на любые условия.

— Слушай нас, Ркай, — услышал он голос агента. — Ты захватишь врагов, но поступишь с ними так, как хочешь, тогда только, когда они выполнят волю Нашего Творца и Судии. Для этого мы и прибыли сюда!

— Я повинуюсь, — ответил Ркай.

В это время Хейд заметил, как один слуга-дух вертится над его головой. Он испугался, что тот выдаст его агентам, но золотистый шарик вдруг ловко упал ему на голову...

Отныне и Хейд стал орудием агентов Организации — они опасались могущества, которое Ркай мог использовать в своих целях. Хейд был нужен им, чтобы в случае чего противодействовать своему капитану.

Эта истина открылась Хейду на миг и ушла, но он знал, что должен сделать в первую очередь. Получив разрешение от самих светлых агентов Организации, которой служил с рвением и трепетом, он узнает, что за оружие способно поразить их защиту. Что он будет дальше делать, Хейд пока не знал и сам.

Впрочем, помочь ему наверняка сможет та девушка, которую доставили хазары несколько дней назад. Ркай уже четырежды посещал ее, чтобы проэкспериментировать с оплодотворением, но всякий раз получал отказ. Хейд при особых обстоятельствах не остановится ни перед чем, но и девушка могла бы помочь ему, используя особое отношение Ркая к самой себе.

Прогнева вздрогнула и вскочила, когда дверь пришла в движение. Не первый день она находилась тут, в комнате с гладкими белыми стенами и светом в потолке, а не из окошка. Ее навещал здесь только один человек — красивый парень с очаровательной улыбкой. Он говорил ей о том, что жить не может без ее красоты, что она одна для него в целом свете, но Прогнева не верила ни одному его слову и опять и опять указывала ему на дверь. Он уходил, обещая вернуться снова, и девушка уже начинала его бояться. Неужели это опять он явился?

Прогнева знала, где находится, — тот парень рассказал ей, что она в логове Змея, и в первый день тайком показал ей огромное крылатое чудовище, что пожирало тушу лошади, разрывая ее кривыми острыми зубами. Он сказал, что любого, кто рискнет убежать, чудовищный Змей ловит и тоже съедает. Но при этом он умолчал о том, что сам здесь делает, — на раба он не походил и выволить Прогневу отсюда не обещал. Девушка догадывалась, что ее воздыхатель был как-то связан со Змеем, и ненавидела его.

Через потайной глазок Хейд часто видел эту девушку и понимал, почему Ркай обходится с ней так бережно и не собирается использовать ее, как и прочий биоматериал. Все-таки надо признать, что среди аборигенов этой планеты встречаются красивые люди, чье совершенство не могли не оценить даже жители иных миров. Прогнева была из таких, и она была сестрой той, что спасла его когда-то. Поэтому Хейд только приоткрыл дверь, чтобы в полумраке коридора Прогнева могла приглядеться к его чертам прежде, чем он выйдет на свет.

Поскольку он не двигался, Прогнева немного успокоилась и смогла его спокойно рассмотреть. Выждав еще немного, он обратился к ней:

— Не бойся меня, девушка. Я не причиню тебе зла. При звуках его голоса она отпрянула, прижавшись к стене.

— Убирайся прочь, чудовище! — воскликнула она. — Змей поганый!

— Если я выгляжу не так, как ты, это еще не значит, что я твой враг, — возразил Хейд. — Хуже, когда тебя обманывают, меняя обличье. Я знаю — сюда ходит один из нас, Ркай. Он обращается в человека, но на самом деле выглядит, как и я.

— Я это знаю. — ответила Прогнева, чем немало удивила Хейда — он не думал, что она так умна и прозорлива. — И можешь ему передать, что в любом обличье он меня не получит, пока я жива!

— У него есть способ сделать так, что ты его примешь, — сказал Хейд. — Он пока не хочет его применять, но будь уверена — это случится, когда он от твоего упорства потеряет терпение.

— Если он так нетерпелив, что готов на злое дело, почему же не сделал этого раньше? Ведь я в его власти!

Почему? Хейд не хотел признаваться в этом даже себе — он подозревал, что с Ркаем случилось то, что обычно происходит в таких случаях, просто бесполое гэты не нашли для этого названия. Но, побывав у аборигенов, Хейд знал, как может это называться, — Ркай, похоже, влюбился в девушку.

Прогнева, видя, что он колеблется, зло сощурилась.

— Пусть! — гневно воскликнула она. — Если он такой — пусть попробует! Он еще узнает меня!

Хейд быстро шагнул вперед, давая девушке возможность разглядеть себя лучше. Как он и предполагал, это возымело действие — Прогнева побледнела и испуганно присмирела.

— Он слишком могуществен, чтобы слабой женщине бороться с ним. Но я хочу тебе помочь — мне знакомо чувство благодарности. Я не хочу умирать во имя слепой мести — я хочу вернуться на родину. Если Ркай погибнет, прекратится война с вашим народом, ибо никто, кроме него, не желает так сильно вашей смерти. Я могу помочь тебе, если ты поможешь мне...

— Чего-чего?

— Послушай, есть одно оружие, которое способно поразить Ркая даже сейчас, когда он облечен могуществом свыше. Это оружие наверняка осталось от других людей, что жили тут давно. — Хейд решил опустить подробности о дэвсах и их цивилизации. — Ркай знает, что это за оружие и где оно находится. Ты ему нравишься, это заметно. Подольстись к нему и выведай все. Тебе он не откажет. Потом ты скажешь мне, что вызнала. Я устрою тебе побег, а сам... Но это не важно, — он решил не говорить ей, что собирается убить этим оружием Ркая и самому стать капитаном колонии. Хейд знал, что тогда он будет действовать с землянами по-другому. — Я даже помогу тебе встретиться с твоим женихом, если ты уговоришь его оставить нас в покое...

Покой ему был нужен, и он знал для чего. Для этого он был готов даже на убийство начальника, и в этом помочь ему должна была Прогнева.

Девушка сжала кулаки и, выпрямившись, пошла на Хейда. Он стоял в дверях, ожидая ее слов.

— Что? — тихо промолвила она. — Оставить вас в покое? После того что вы наделали? Да как ты смеешь, Змей проклятый? Думаешь, я глупа и не ведаю, что творите вы и слуги ваши? Вам ни в чем нет веры! Убирайся вон! Я не желаю вам помогать.

Ее палец указал на дверь. Хейд отступил, и дверь за ним закрылась.

Он задумчиво побрел по коридору. Девушка отказала ему в содействии. Ничего, он сделает все сам, раз решил. Придется, правда, немного изменить планы, но он и так уберет Ркая с дороги и займет его место.

Хейд знал славян хуже, чем ему представлялось. Успокоившись после его ухода, Прогнева вспомнила его слова об оружии и подумала, что и в самом деле неплохо было бы это выведать. Тогда можно надеяться, что Змей будет уничтожен. А уж потом попробовать

убежать отсюда.

Тихий шорох где-то под кроватью привлек ее внимание. Тут не водилось крыс и мышей, но могли скрываться какие-нибудь твари, подобные Змею, те же гадюки, которых она очень боялась. Прогнева мгновенно вскочила на постель, поджав ноги, и с тревогой ждала, кто оттуда выползет.

Шорох стал громче, словно кто-то вылез из узкой щели. Послышался явственный чих, напомнивший девушке о домовых, кикиморах и шишигах.

— Кто тут? — шепнула она.

— А ты меня не выдашь? — послышался в ответ молодой голос.

— Кто ты? — спросила Прогнева. — Человек?

— Почти... Ты не закричишь, если я вылезу? Тут так пыльно...

Пыли, правда, Прогнева в этой тюрьме ни разу не видела, но ответила:

— Давай вылезай, только скажи, кто ты!

— Сейчас.

К удивлению Прогневы, из-под ее постели ужом выполз отрок ее лет — белоголовый, в драной грязной куртке из волчьей шкуры и домотканых штанах, босой, с кривым ножом за поясом. Усевшись на пол и поджав ноги, он отряхнул лохматые волосы от набившейся в них земли и улыбнулся девушке:

— Ярок я. Сестра твоя, Веденя, знакома мне.

— Веденя? — Прогнева едва не спрыгнула к нему на пол. — Ты видел ее? Жива она?

— Жива! — Ярок гордо выпятил грудь. — Я сам ее от хазар унес. А за тобой братец мой, Явор, кинулся — только остановили его. Хазары-то те слугами Змея оказались!

— То я знаю, — вздохнула Прогнева. — Как ты нашел меня? Отсюда ни выхода, ни входа нету.

— Э, — махнул рукой Ярок, — для нас с братом ход везде есть. Где человек след искать будет, там след нам сам в руки пойдет, как пес к хозяину. Мы как князя с гусяром проводили, так по следам хазар отправились. А под землей кротовые норы есть — кому надо, тот пройдет, ровно по улице.

— Погоди, — остановила она его, — ты сказал — князя с гусяром? Каким гусяром?

Ярок по-собачьи склонил голову набок, разглядывая зардевшееся лицо девушки.

— Приезжал тут один гусяр с князем по зову Веденеи. Она им про тебя поведала, и они в путь отправились, чтоб Змеево логово найти и тебя спасти. А гусяр тот, как я про тебя сказал, так и притих, опечалившись...

Прогнева соскочила на пол и поцеловала Ярока в губы.

— Спасибо за весть добрую! — сказала она засмущавшемуся отроку. — Помнит он меня, не забыл!

— Они тебя ищут, а мы раньше успели, потому как им напрямик хода нет, — объяснил Ярок. — Но раз мы дорожку разведали, теперь им ее покажем — надейся на нас!

Он высвободился из ее рук и приготовился скользнуть обратно под кровать, но Прогнева удержала его:

— Стой, Ярок. Говорил тут мне один змееныш: совладать со Змеем и его слугами может только одно оружие, что где-то хранится. Про него знает их начальник по имени Ркай... Он сюда ходит, к себе меня склоняет... Ты вот что, пожди тут немного — как придет он еще раз снова меня уговаривать, я и спрошу у него, в чем его смерть. Он мне, может, и ответит, а ты все запомни и передай князю. А еще скажи, что может этот Змей обличье менять, как хочет, — пусть он остережется.

Ярок чуть не спросил ее, как же она доверилась ему, — ведь он тоже может менять облик. Но вспомнил, что девушка не знает этого и от радости, что добрую весть принес, забыла расспросить подробно, как же он попал сюда.

— А что мне передать гусяру?

— Гусяру... — Прогнева зарделась. — Гусяру передай вот это!

Она быстро и легко коснулась губами его щеки и отскочила назад.

— Только ничего не говори больше, а то он загордится, — добавила она.

Ярок кивнул понимающе. Та русалка, что ждала его всегда у маленького безымянного озера, тоже сначала вела себя так неприступно.

В это время его острый слух волка-оборотня уловил чье-то приближение — кто-то шел по ходу снаружи быстрыми шагами, ступая почти неслышно и как-то странно, словно скользил по земле.

— Идет кто-то! — молвил Ярок.

Прогнева вся сжалась.

— Прячься, — быстро приказала она. — Если это он, ты слушай и запоминай. А если нет...

Ярок быстро пополз под кровать и там незаметно для девушки принял облик паучка, на каких никто и никогда не обращает внимания. Дверь бесшумно отворилась, и Прогнева поняла, что предчувствие не обмануло ее — за нею стоял тот красивый незнакомец, Ркай, изменивший облик ради ее красоты. Девушка изобразила на лице приветливую улыбку, готовясь выведать у ничего не подозревавшего Ркая его тайну.

ГЛАВА 6

Не первый день друзья провели в седле. Много верст легло между ними и деревней на берегу озера. Дорога вела их на северо-запад, увлекая все дальше и дальше.

На пятый день побратимы окончательно уверились, что едут правильно. Встретилась им телега, которую влекли два быка. За нею всадник помоложе Буян гнал двух коров и несколько овец. Быками правил старик, видимо, его отец. На узлах, сваленных в телегу, сидела старуха, две девушки и мальчик лет десяти. Одна из девушек держала на руках младенца. Поравнявшись со всадниками, телега остановилась.

— Добрый день, люди добрые, — первым приветствовал их Буян, — Кто вы и откуда путь держите?

Старик отдал поклон:

— Здорово и вам, добрые молодцы! Едем мы из земли Новгородской, из деревни, что под городком Изборском, перебираемся южнее — в земли Муромские и Черниговские...

— Езжайте в Рязанскую землю, — сказал Буян. — Тамошний князь всех примет, никого в обиду не даст, ни старого, ни малого.

Сын новгородского крестьянина доверчиво посмотрел на гусляра.

— Нам бы, коли так, до самого князя добраться, — сказал старик. — Как-то заходили к нам купцы с юга и рассказали, что князь из города Рязани Змея одолел...

Властимир покраснел:

— Правда?

Буян отвернулся, пряча улыбку.

— Все так говорят, — ответил молодой крестьянин. — А еще говорят, что спас он красавицу и женился на ней.

— Не женился, — пробормотал Властимир. — И никого из красавиц я не спасал. Наоборот... Змей вот его невесту украл.

Буян сразу перестал улыбаться и хмуро смерил Власти-мира взглядом.

Крестьяне, кажется, не заметили слов Властимира.

— Мне непременно надо повидать рязанского князя, — повторил старик, — коли правда, что про него говорят купцы. Вы, я вижу, его хорошо знаете, так, может, подскажите, сможет ли он опять на бой отправиться, нашу землю освободить...

Буян толкнул князя локтем в бок и шепнул:

— Пропал ты, княже, верно говорю. Теперь тебе покоя не будет — весь свет в Рязань на поклон ездить будет: там от Змея освободи, тут чудо морское одолей, еще где колдуна приструни... Придется мне с тобой по свету колесить, отдыха не зная! Вот она, слава!.. Ну, ничего, я про твои подвиги такие песни сложу — их веками петь будут.

Властимир отмахнулся от него, как от мухи, и обратился к старику:

— Что у вас случилось в земле Изборской?

— В земле нашей Змей Огненный появился. Днем и ночью он летает по небу, дома огнем палит, людей уносит, поля топчет...

Властимир сразу вспомнил свое видение, что подвигло его на этот путь. Тогда в котле лесного отшельника он тоже видел горящие деревни, убитых и раненых и тень огромного Змея над землей в дыме пожарищ. Он не сомневался, что это все — злодеяния второго Змея, которого он не убил под Сорочинскими горами. Змей может за миг преодолеть путь, который самый лучший конь пробежит только за тридцать дней. Возможно, он теперь летает над землей, лелея месть Властимиру.

Он подтянул повод:

— Где, говоришь, деревня ваша?

— Налегке дня за три доедете, — указал рукой молодой крестьянин. — Налетел Змей на нас — кого убил, кого спалил, кого с собой увел. Не многие спаслись, как мы. Решили мы бросить нажитое и уходить подальше.

— Идите в Резанскую землю, — сказал Властимир. — А мы меж тем с вашим Змеем разберемся... Едем, Буян! Хотели мы Змея найти, а он сам о себе весть подал.

Он поскакал вперед по дороге. Буян же оглянулся, услышав вопрос старика:

— Будь другом, добрый человек, скажи, кто это был? Речи он вел странные...

— Это-то? — Гусляр хитро усмехнулся, глядя вслед князю. — Это сам князь резанский, Властимир, победитель Змея!

Он рассмеялся в лицо оторопевшим изборцам и поскакал догонять друга.

Эта встреча была не единственной — вскоре им повстречались еще три семьи, перебивавшиеся на юг, подальше от того, что происходило в Новгородской земле. Каждый встречный рассказывал о том, что творит Змей, и Властимир, мрачней все больше и больше, торопил себя и Буяна.

На шестой день они наконец ступили на Новгородскую землю.

Буян трепетал при одном воспоминании о родном городе. Там ему грозила смерть за участие в восстании. Правда, в Новгороде могли и не знать о том, что он ко всему прочему еще убил варяга в Ростке, да и время прошло — о нем могли забыть... Но если не забыли? Ох и коварен Змей! Нарочно в Новгородской земле разбойничать начал, верно, знает, что У Буяна там враги со всех сторон. И оберег снова замолчал — похоже, не к добру.

Сердце его предательски дрогнуло, когда они увидели озеро и город на его берегу. Стены Новгорода поднимались на естественном возвышении, дорога бежала вдоль Ильменя к воротам. Город отражался в спокойной ясной воде, и Буян, подъехав к самому берегу, спешился и, опустившись на колени, почерпнул горстью воды. Князь терпеливо ждал.

— Ты понимаешь меня, Властимир, — молвил он тихо. — Это моя родина... Я боюсь идти дальше, но пойду. Ради тебя и Прогневы. Только обещай мне...

— Все, что хочешь! — отозвался Властимир.

— Если что, скажи ей, что я... — Буян выпрямился, взглянул на стены на том берегу. — Скажи, что я думал только о ней и ни о ком другом... Впервые в жизни я думал только об одном человеке, самом для меня дорогим. У меня нет никого, кроме тебя и ее, запомни это и передай ей!

Властимир подъехал и ткнул его концом плети в плечо.

— Будет тебе раньше времени с жизнью прощаться, — сказал он твердо. — Змея берегись больше, а не варягов. И потом — не забывай, что я все-таки князь. Если что, я смогу тебя защитить. Едем!

Буян весело улыбнулся и вскочил в седло.

Дорога к Новгороду вилась вдоль берега Ильменя. Взбодрившийся Буян рассказывал Властимиру о городе, который знал как свои пять пальцев, о своем детстве и об отце. Властимир был поражен — он знал гусляра как весельчака и не подозревал, что тот способен

на глубокое чувство. Но по родине гуслиар тосковал и любил ее истово и преданно.

Дорога спускалась в низину сухого лога. До города оставалось совсем ничего, чуть более трех верст, но отсюда Новгород был почти не виден.

В логе на склонах стояло несколько домов с усадьбами. Все они были брошены, и совсем недавно, — бродили оставленные куры, на деревьях висели неубранные яблоки, на заборах сохли ткани, двери были распахнуты настежь, и царила тишина. Друзья ехали, удивленно поглядывая по сторонам. Буян мрачнел все больше и больше — он уже забыл, что в Новгороде его может ждать гибель: его заботили другие думы. Уж если такое произошло у стен Новгорода, то что творится в нем самом? И почему все так произошло?

— Слушай, — Властимир толкнул друга, — в деревне кто-то есть. Спросим, что произошло!

Буян и сам расслышал стук топора. Всадники повернули на звук и вскоре увидели старика, у порога своего дома рубящего дрова. При их приближении он оторвался от своего дела.

— Добрый день вам, путники! — молвил он. — Куда и откуда путь держите?

— Едем мы издалека по земле — на людей посмотреть да себя показать, — заговорил Властимир. — Да вот сюда заехали, а здесь дела чудные творятся... Не скажешь ли, добрый человек, отчего вся деревня словно вымерла? Что случилось?

— Случилась беда и у нас, и в самом Новгороде, — охотно ответил старик. — Недавно все это было... Доходили до нас слухи, что на юге Змей завелся... Мы слухам тем не больното верили. Да вот несколько дней назад налетел Змей Огненный из земли Изборской. Деревню соседнюю всю пожег — никто не спасся. Вот наши-то все и подались в город под защиту стен высоких да дружины Рюриковой...

— А ты что ж, дедушка? — спросил Властимир.

— А что я? Я стар, Змей на меня не польстится, коли прилетит... А от него никакие запоры не спасут. Он ведь на сотню сажень огнем пышет, дома, как сухая солома, вспыхивают...

— А ты сам видел это?

— Сам не видел. Да слухами земля полнится... Наши говорят, что сам Рюрик собирается в Резань за тамошним князем посылать — он-де, там, на юге, в Сорочинских горах, уже одного Змея порешил, так не согласится ли и Новгород оборонить.

Властимир покосился на Буяна.

— А ты знаешь, старик, кто я? — спросил резанец.

— Нет. А чего мне в том спросе — ты ж тоже имени моего не спросил, путник...

— А в том, что я тот самый резанский князь Властимир и есть!

Удивленный старик выронил топор и, вытаращив глаза, открыл рот. На лице его читалось такое явное и недоверчивое изумление, что Властимир улыбнулся, а Буян беззвучно расхохотался, отворачиваясь, чтоб не обижать старика насмешкой.

Немного придя в себя, старик сделал несколько шагов к всадникам и вдруг рухнул на колени перед копытами Облака, немало напугав этим коня.

— Спаситель наш! — воскликнул старик в восторге. — Сокол ты наш ясный! Витязь непобедимый! Дождались наконец! Да откуда ж ты прознал-то про беду кашу?

— Слухами земля полнится, — повторил Властимир слова старика. Его начали раздражать эти восторги новгородца.

Старик с трудом поднялся с колен и схватился за сапог князя.

— Ой вы гости-господа! — ощерился он беззубым ртом. — Не откажите, с коней сойдите! Хоть и разграбил нас Змей распроклятый, для дорогих гостей хлеб-соль найдется... Эй, внучка! Выйди-ка к гостям!

На зов старика из избы выглянула девушка лет двадцати, чем-то похожая на Беляну. Властимир с подозрением разглядывал ее, но она на вид была самой обычной, каких много в каждой деревне.

— Выйди, — приказал ей старик, все еще цепляясь за князево стремя, — подай гостям

угощение... А вы пройдите в дом, не обижайте нас!

Старик настойчиво приглашал друзей за собой, но, чем настойчивее он становился, тем меньше Властимиру хотелось сходить с коня. Он поймал взгляд Буяна и заметил, что гусяря терзают те же сомнения.

— Не след нам останавливаться, княже, — сказал тот. — Чует мое сердце — Змей рядом...

Услышав эти слова, старичок испуганно присел и огляделся.

— Типун тебе на язык, молодец, — строго молвил он. — Совсем недавно прилетал, проклятый, когда так же вот какой-то парень про него в разговоре помянул. Парня того и всех, кто рядом стоял, он враз в пыль обратил. Так что молчи, коли жизнь тебе дорога! А не то... *

Старик вдруг запнулся, уставившись на Буяна. Гусляр заметил, что тот во все глаза смотрит на его оберег. И хотя талисман все еще молчал, гусляр ревниво спрятал его под рубаху.

Неловкость смягчило новое появление внучки старика. Девушка обеими руками прижимала в себе большой пузатый кувшин и две глиняные кружки. Вручив их друзьям, она налила им молока и с улыбкой смотрела, как они пьют. Молоко было холодное и вкусное.

— Благодарствую, красна девица. — Князь вытер усы, возвращая кружку.

— На здоровье, князь, — тихо и смущенно ответила она, пряча улыбку.

Возвратив свою кружку, Буян обратился к старику:

— А не подскажешь ли, дедушко, где нам найти Змея?

— И не спрашивай, молодец, — старик замахал руками. — Найти его невозможно — он сам находит, кого хочет. И тот пропадает без следа...

— Ну, это мы и раньше слышали, — заметил Власти-мир. — Ты скажи, куда он последний раз прилетал. Может, там какие следы остались...

— А чего указывать? Сюда он и прилетал, в деревню-то нашу. Мы с внучкой тогда в лес уходили, возвращаемся — а в ней никого. Только и уцелело что несколько коз, что в крапиве попрытались...

По виду старика нельзя было сказать, что он слишком горюет о потере родных и близких, но сказать об этом вслух никто не успел, потому что как раз в эту минуту девушка, отошедшая поставить кувшин на лавку под окном, испуганно закричала:

— Глядите, вот он!

Все разом обернулись. Девушка показывала пальцем на черный столб дыма, что поднимался в небо кругами. Откуда точно поднимался, мешали разглядеть края лога. Столб дыма темнел на глазах и шевелился как живой. Видно было, что где-то вдаль он движется по земле. Закричали вороны, закружили в небе, как клочья дыма от столба. Из-за их грая с трудом можно было расслышать отдаленный рев чудовища.

— Змей! — горестно воскликнул старик, падая в пыль и закрывая голову руками. — Спасайтесь, коли жизнь вам дорога!

Девушка с криком бросилась в дом.

— Ну уж нет! — Властимир привычным движением выхватил меч, перекинул щит вперед, на грудь. — На сей раз он от меня не уйдет!.. Буян, за мной!

Они пришпорили коней и поскакали навстречу черному столбу дыма, даже не оглянувшись на старика.

Когда топот их коней затих в отдалении, старик не спеша поднялся на ноги и из-под руки посмотрел на столб дыма. Выражение лица его изменилось — с него исчезли робость и испуг. Теперь он походил на воина, таящегося в засаде.

Девушка вышла из дома и остановилась на пороге, тоже глядя на дым. Она выглядела спокойной и серьезной.

— Быстро они явились, — заметил старик. — Я не думал, что они будут так спешить — это может повредить делу.

р Я вызвала их сразу, как только ты остановил этих двоих для разговора, — сказала

девушка. — Они прилетели вовремя.

— Надеюсь, что все сойдет удачно — Старик прищурился. — Подумать только — этот абориген был почти у меня в руках, и я сам отпустил его на свободу и для чего? Чтобы он сразился со «Змеем»!.. Смешно!

— Капитан, надеюсь, мы по-настоящему повеселимся, когда эти двое будут убиты или попадут к нам в плен. Вряд ли у них хватит сил и умения противостоять нашей мощи — они же не знают, чего от нас теперь можно ожидать!

Старик сгорбился. Его облик стал меняться — кожа потемнела, приобрела зеленовато-бурый оттенок, глаза выпучились, волосы на голове исчезли, рот превратился в беззубую щель, руки удлинились... Через минуту на дворе стоял сам капитан Ркай, и девушка тоже превратилась в гэта.

— Надо было раньше использовать эту возможность, — проворчал он. — Тогда бы нам не пришлось столько терпеть их.

— Раньше мы не знали всей их силы, и существовала вероятность ошибки, — возразил Ркай. — Кроме того, нам надо было как можно дольше оставаться в тени, а с этим вот, — он обвел рукой опустевшую деревню, — мы бы засветились гораздо раньше... Правда, для того чтобы пополнять запасы пищи для драконов и нас, нам все равно приходилось опустошать иногда поселения аборигенов... Ну, ладно, хватит пустых речей! Нам надо быть на месте, когда этих двоих притащат ко мне!

Они направились за дом. Вскоре оттуда поднялся в небо и бесшумно полетел к востоку небольшой катер, издали похожий на звезду или искру от большого костра, что разгорался на западе, рождая столб черного дыма.

Друзья выскочили из лога, и Буян горестно застонал — дым находился дальше, чем они предполагали, в нескольких верстах от них. Но самое страшное было не это — дым поднимался из-за стен Новгорода. Гуслиар чуть не заплакал, видя, как Змей безнаказанно губит его родной город.

Что же до Властимира, то у него с Новгородом не было связано ничего личного. Только одна мысль владела им — успеть добраться до города прежде, чем Змей, насытившись, улетит восвояси. Крикнув Буяну, чтоб не отставал, он поскакал во весь опор.

Ворота Новгорода были распахнуты настежь, стражи около них не было, а по мосту бежали куда глаза глядят люди. Первые встретились князю и Буяну еще в сотне саженой от стен.

— Что там происходит? — крикнул князь.

— Не спрашивай, человек, а лучше уезжай отсюда подобру-поздорову! — отозвались ему. — Что там творится — про то не расскажешь.

Над стенами плыл дым первых пожаров, звенел набат в Детинце. Властимир, конем раздвигая толпу, ворвался в город, за ним неотступно следовал Буян.

По улицам меж дворов метались жители, спасая пожитки или туша пожары. Столб дыма, из которого несло резким запахом тухлятины и слышался низкий переливчатый рев невидимого зверя, колыхаясь, бродил по соседним улицам, к которым пришлось пробираться через толпу. Люди хватали стремяна побратимов, то кричали, умоляя о защите, то просили уносить ноги и не губить себя. Убрав меч, Властимир угощал мешавших проехать плетью направо и налево, и Буян, по себе помня силу Князева удара, только сочувствовал несчастным.

Змея они увидели на площади, где он кружил на одном месте в кольце занимающихся пожаром домов, словно не мог решить, по какой из улиц лучше направиться.

Теперь он выглядел как вихрь крутящегося воздуха, исходящего жаром, от которого и загорались деревянные дома вокруг. Время от времени из недр вихря вылетали молнии. Горячий ветер мешал приблизиться вплотную — кони осаживались на задние ноги, гнули шеи до земли. Старый Об-лак упал на колени.

Буян и Властимир увидели страшную картину — все, что оказывалось под Змеем, засасывалось вихрем и уносилось вверх. Прямо на глазах у изумленных людей была

подхвачена какая-то женщина, что на свою беду отважилась перебежать пустую площадь напрямик. Вихрь взмыл вверх, пропуская ее под собой, а потом резко опустился — и донесся только ее испуганный крик и громкий гулкий рев.

Помедлив, вихрь двинулся прямо в сторону князя и гусяря. Подхваченные его порывом, трещали и рушились ограды, рассыпались кровли на ближайших домах. Кони пятились, не в силах противостоять напору. Стало жарко, и пот потек так обильно, будто каждого окатили из ведра водой. Промокшая упряжь скользила на мокрых спинах лошадей.

— Ты видел что-либо подобное? — крикнул Властимир Буяну — по-иному разговаривать рядом с воющим и реющим Змеем было невозможно.

— Никогда, — сознался Буян. — Но слышал!

— Что?

— Легенда есть такая, старая. Когда-то Перун точно такой же вихрь встретил. И вихрь так же точно людей губил и все кругом палил — и ничем его взять было нельзя! — Прикрывшись от ветра рукой, Буян разглядывал Змея в его новом обличье. — Тогда Перун метнул в него молнию — и сразил Огненного Змея!

В это время Змей словно услышал его слова — сразу две молнии вылетели из недр черного вихря и ударили совсем рядом с лошадьми. Напуганные кони шарахнулись прочь, едва не сбросив всадников. Но богатыри сумели удержаться в седлах.

Лошади развернулись на задних ногах и понесли по улице не разбирая дороги. Друзья тщетно пытались остановить их, а по пятам за ними гнался Змей, дыша огнем и не переставая угрожающе реветь. Когда всадникам удалось повернуть за угол, он тоже сделал поворот. И тут же Властимиру в голову пришла отличная мысль.

— Буян! — позвал он на скаку.

Гусляр глянул через плечо.

— Слушай меня, Буян. Нам от него не уйти — рано или поздно он нас догонит... — начал князь, но Буян его тут же перебил:

— Уже догнал!

Властимир глянул вперед и едва успел осадить жеребца — улица уперлась в тупик.

Здесь был забор, настоящий тын из заостренных бревен. Дороги дальше не было, если только у лошадей вдруг бы выросли крылья и они перелетели через высокий забор.

Властимир бросил быстрый взгляд назад на приближающийся вихрь и крикнул Буяну:

— Достань меч!

Буян немедленно выполнил его просьбу.

— А теперь запоминай, что я скажу. — Властимир развернул Облака так, чтобы видеть разом и друга, и приближающегося Змея, до которого оставалось чуть более полутора десятка саженей. — Он гонится за нами, сомнений нет. И мы его едва ли сможем одолеть — я не Перун, да и ты тоже, хоть и умен Не как человек. Он уверен, что мы в тупике, но он не заметил, что из этого тупика два выхода. Сейчас по моему знаку мы поскачем в разные стороны и уже оттуда разом... — И он поднял меч, не находя в спешке слов, чтобы все объяснить.

Но Буян уже понял его замысел и весело оскалился во весь рот.

Огненный Змей был уже так близко и воздух так накалился, что стало трудно дышать. Лошади шатались от удушья и слабости, отказываясь повиноваться. Буян сухими губами шептал заговоры, оберегающие коней от жара. Властимир ждал, не сводя глаз со Змея.

Ему показалось, что в черном вихре он уже различает черты крылатого зверя. От нескольких молний занялся забор, у которого они стояли. Искры опалили шерсть лошадей, одна прожгла его плащ.

И в тот миг, когда Змей уже готов был поглотить друзей, Властимир крикнул и вонзил шпоры в бока Облака.

Конь шарахнулся мимо горящего забора так стремительно, что князю пришлось напрячь все силы, чтобы не свалиться. Огненный Змей с грохотом опустился на то место, где только что стояли две лошади, и закричал в бессильной ярости. Этот рев сказал Властимиру,

что Буян тоже успел увернуться. Выждав немного, он поднял меч, как копье, и крикнул что есть мочи:

— Буян, пора!

Он не знал, услышал ли его крик гусяр, но сам послал Облака вперед. Старый конь заупрямился, не желая лезть в пекло, но потом подчинился воле хозяина. Сделав несколько шагов, конь резко стал, повинуясь руке всадника, и Властимир метнул меч в самое сердце черного вихря.

Раздался громкий треск. В детстве Властимиру приходилось видеть, как взрываются грибы-дождевики, рассыпая облачка пыли. И сейчас ему показалось, что перед его глазами лопнул огромный, с дом величиной, гриб-дождевик, обдав его облаком горящих искр. Завизжал обожженный ими Об-лак. Властимир его не удерживал, ему и самому хотелось убраться отсюда подальше. Спасая лицо от огня, он закрыл голову полой плаща и доверился чутью старого коня. Позади него ревел и грохотал Огненный Змей.

Неожиданно рев, в котором ясно слышались гнев и боль, стал быстро стихать. Властимир удивленно поднял голову.

Огненный Змей, вытянувшись и приняв облик обычного Змея, быстро летел прочь от города. В том, что он спасался бегством, сомнений не возникало — князь часто видел полет раненой птицы, когда она пытается удержаться в воздухе на одном крыле, и сейчас он сразу понял, что ему удалось ранить чудовище. Кое-как успокоив коня, он отправился назад, на место битвы, — узнать, что с Буяном.

Гусяра он увидел сразу и едва не закричал от счастья, удостоверившись, что друг жив и здоров. Тот склонился над двумя мечами, что глубоко ушли в землю. Властимирово оружие было сломано.

— Ты его ранил, — молвил гусяр. — Мой меч достал его на излете.

Властимир спешил, бережно поднял обломки меча. Гусяр стиснул его плечо.

— Не горюй, друже, — молвил он. — Хороший кузнец тебе лучше этого откует. Я одного тут знаю, он недалеко должен жить...

— Я не о мече, — ответил Властимир. — Просто думаю, каким же оружием против Змея сражаться надобно, чтоб от первого же удара не ломалось... Того, малого Змея, я мечом в уязвимую маковку черепа поразил. Второго такого случая не будет. Как же теперь-то?

Но Буян его не слушал. Он огляделся и заметил, что к ним со всех сторон бегут люди, еще не верящие, что избавлены от Змея. В первую минуту гусяр чуть-чуть испугался — новгородцы могли схватить его и отвести к Рюрику на суд, а у того расправа с мятежниками коротка, но потом решил, что их с Властимиром подвиг все прошлые вины перевесит — не выдаст их Новгород. Он махнул рукой и спросил:

— Эй, други, не знаете ли, кузнец Твердислав жив? Меч сломался...

— Не время о мечах думать, — остановил его князь. — Кругом огонь — надо город спасать!

Горожане, поняв, что Змей изгнан, уже занялись растаскиванием горящих заборов и стен. Гусяр и князь поспешили на помощь.

Приближался вечер, когда удалось в основном справиться с пожарами на улицах. Забитый и залитый водой огонь умирал. Пепелища еще тлели, но опасность миновала. Только на окраинах, над которыми пролетал раненый Змей, еще кое-где воевали с пожарами.

Властимира и Буяна славил вся улица, где происходило сражение. Два дома спорили о том, чтобы принять гостей, — прочие были либо бедны, либо пострадали от пожара. Буян же повторил вопрос:

— Нам кузнец нужен. Твердислав жив ли?

— Жив Твердислав, — отозвался один новгородец. — Сосе-Ди мы с ним с нынешнего лета. А ты сам не новгородец ли будешь? Откуда этого кузнеца знаешь?

— Просто бывал тут. А Твердислав мне нож изрядный сделал. Вот и запомнил...

Мужик повел их в сторону, которая была очень знакома гусяру. Он шепнул

Властимиру:

— Ой, чует мое сердце — признают меня здесь!

— Это почему еще? — удивился князь — Мы тут уже давно, а тебя еще никто не спросил, откуда ты, как звать.

— Они, верно, решили, что раз ты из Резани, то и я оттуда, но...

— Что «но»?

— Но мы идем в сторону моего дома. Там меня каждая собака знает.

Новгородец гордо вышагивал, ведя их за собой, и рассказывал всем встречным о сражении со Змеем, поскольку не все его видели. Буян и Властимир шли позади, ведя лошадей в поводу. Со всех сторон на них сбегались поглазеть зеваки. Толпа свидетелей битвы торопилась следом — к ней приставали люди, желая разузнать, как все было. К тому времени, как они вышли на родную улицу Буяна, за ними шла толпа человек в пятьдесят, не менее.

— Мой дом в другом конце улицы, — объяснил новгородец, обернувшись к гостям, — а кузнец тот в середине улицы дом срубил, у старого пепелища.

Услышав про это, Буян вздрогнул. Наверняка это старое пепелище от его дома.

Страшная догадка подтвердилась, когда они дошли до этого места. Гуслар даже вскрикнул, остановившись, — на месте его дома стояла только полуразрушенная печь и сильно разросшийся бурьян.

Властимир догадался, что это был за дом, и крепко взял друга под локоть, потянув его прочь. Но мужик, который их вел, все заметил.

— А чего это ты, добрый молодец, так на пепелище уставился? — обратился он к Буяну. — Иль чем знакомо тебе это место?

— Да так, — замялся Буян. — Просто подумалось, что тяжело смотреть на это. Был дом... Семья моя на пожаре погибла. Тоже Змеево злодейство?

— Нет, не Змеево. — Мужик тяжело вздохнул. — Здесь в прошлом году жил один парень, тебе ровесник. Знатный гуслар был. Враг его попутал на бунт, он и сгинул вместе со своим отцом. Зарубили его варяги, а дом сожгли.

Буян не стал расспрашивать про мать, про остальную семью, чтоб не выдать себя. Но не успел он сделать и трех шагов, как один из горожан остановил его:

— Погодь немного! Я, кажись, тебя признал!

Буян остановился как вкопанный. Новгородец протолкался сквозь толпу и подошел к нему вплотную.

— Где-то я тебя видел, — молвил он громко. — Ты не жил здесь ранее?

Следивший за красой своей, как девушка, Буян от души порадовался, что не успел еще отмыться после пожара. Лицо его и волосы были в золе и пепле, сразу разглядеть черты было невозможно, и он покачал головой:

— Обознался, человек! Не новгородец я. Бывал однажды в прошлом году, — и сказал первое, что пришло в голову: — Знахарь я из Ростoka. Боримиром звать. Только и там давно я не бывал, с тех пор как родные мои сгорели четыре года назад.

Что в те поры в Ростoke случился большой пожар, Буян знал точно. Но он не успел ничего прибавить, как из задних рядов его окликнули:

— А ты точно знахарь?

— Точно, — отозвался Буян. — А что тебе в том за дело?

— Дочь у меня помирает, — объяснил горожанин. — Уж кого я только не просил! Никто помочь не может. Полгода уж чахнет. Ты б посмотрел ее, что ли, добрый человек! А я уж тебя уважу...

— Да помолчи ты, Верила, — остановили его. — Люди устали, а ты со своей дочкой. До утра подождать не можешь?

— Мы зайдем утром, зайдем, — быстро сказал Буян. — Я правда устал сегодня. Скажи, где живешь-то?

— А зачем? — молвил Верила — Я сам за вами завтра приду и провожу до дому!

Верила проводил их до избы, где они решили переночевать.

ГЛАВА 7

Всю ночь Буян ворочался на постели, раздумывая, что же перевесит — их победа над Змеем или то, что для новгородских варягов он остался преступником? Что бы ни случилось, он уж как-нибудь выкрутится!

Верила зашел утром и терпеливо дожидался, пока гости встанут и позавтракают. Только тогда он ступил в горницу и с порога отвесил Буяну низкий поясной поклон:

— Добрый день тебе, свет Боримирушко. За тобою я! Не пора ль идти?

Буян встал и сказал князю:

— Отказать не могу — обещался. Идешь со мною? — Иду. — Властимир тоже поднялся с лавки.

— А ты куда, господин наш? — всполошился хозяин дома.

— Да так... Подсобить, ежели что, — ответил Властимир. — Потом сразу к кузнецу отправимся. Чего время зря терять?

Буян в знак благодарности прижал руку к сердцу и поклонился — он понял, что князь защитит его, если что случится.

В сенях Властимир придержал друга за локоть.

— А ты правда людей исцелять можешь? — шепнул он по-раженно. — Вот уж не думал, не гадал!

— А как тебя исцелял, забыл, что ли? — так же тихо отозвался Буян. — К тому же я Верилу хорошо знаю и дочку его. Коли не ошибаюсь, то уже сейчас могу сказать, чем она больна. Придумать бы теперь, как ее вылечить...

Властимир только подозрительно покосился на друга — порой Буян действовал отчаянно и не боялся ничего.

До самого Верилиного дома, что оказался недалеко от злосчастного пожарища, гусяр хранил сосредоточенное молчание. Их провожало несколько человек и вездесущие мальчишки. Князь заметил, что тот человек, что вчера спрашивал Буяна, откуда тот родом, и на сей раз держался поближе к ним. Гости отмыли с лиц сажу, и теперь красавца гусяра можно было признать за версту.

Верила проводил гостей в горницу на втором этаже добротного рубленого дома с крытым подворьем. Не спрашивая, что где находится, Буян сразу направился в девичью светелку, где лежала хворая дочка Верилы.

Вместе с гусяром в комнату вошла ее мать. Увидев чужого, девушка приподнялась на подушках, которыми ее обложили. На лице ее, худом и бледном, отразилось изумление. Она готова была назвать Буяна по имени, но тот приложил палец к губам и спросил у ее матери:

— И давно она не встает?

— А с весны, почитай, — ответила женщина. — На Семик слегла. И что с нею такое?

Буян деловито кивнул матери и подошел к постели девушки. Все прочие домашние и несколько Любопытных остались в дверях. Их с трудом выпроводили, и у постели больной остались только родные.

Девушка не сводила глаз с Буяна — на ее щеки даже вернулся румянец. Гусяр для вида ощупал ей руки и плечи, оттянул нижнее веко и спросил у девушки:

— Вижу я, тайная думка есть у тебя, девица? Не хочешь ли ею со мной поделиться?

Девушка густо покраснела и отвела взор.

— Это не для всяких ушей? — продолжал Буян.

Девушка кивнула.

И тогда Буян наклонился к самому ее уху и шепнул:

— Милый бросил?

Девушка вздрогнула всем телом, точно птица, и оглянулась на гусяра.

— А ты откуда знаешь? — тихо спросила она.

— Я, милая моя, все знаю, — сказал он успокаивающе. — И даже то, что никто из живых не ведаёт... Скажи-ка лучше — давно он пропал-сгинул?

— Второй год уж, — ответила девушка. — Обещался вернуться по весне на Кукушкины кумовины, а его все нет. Уж рябинник скоро...

— Его Изяславом зовут, ведь так?

От удивления девушка села на постели, забыв про все на свете. Ее родители во все глаза смотрели на Буяна.

— Да ты никак ведун, молодец? — воскликнул Верила. — Как ты мог прямо так угадать?

— Изяслав, кузнеца Твердислава сын? — сказал Буян, повергая всех в изумление. — Живой он, девица, живой. Видал я его в горах Сорочинских, где князь мой Змею хвост прищемил...

Девушка вскрикнула и бросилась Буяну на шею, целуя его в обе щеки и смеясь сквозь слезы.

— Ой, молодец, ой спасибо тебе! — причитала она. — А я-то уж все глаза проглядела, все слезы проплакала... Ни дня не проходило, чтоб я его не ждала, сокола моего ясного, друга милого... Только что ж он забыл-то про меня? Иль другая сердце иссушила? Иль Змей его не пускает?

Буян с трудом освободился из ее объятий:

— Не плачь, девушка, не сокрушайся так. Помнит он тебя, не забыл, да только отвадили его от дома родного!

— Кто? — воскликнула девушка в удивлении и ярости. — Кто, скажи, Бу...

Гусляр еле успел схватить ее за руку, чтоб она не произнесла его имени. В том, что девушка его узнала, он не сомневался с самого начала — уж кто-кто, а его соседка забывчивой никогда не была. Не выпуская ее руки из своей, он оглянулся на стоящих поодаль отца и мать девушки:

— Отвадили Изяслава Твердиславича не лихие люди и не девица-разлучница. Кто сделал это, не ведал, что творил... В поле, при дороге, что к Ильмень-озеру идет, рябину срубили. В той рябине душа и тоска твоего милого. Ушел он, не вернулся, а ты его у той рябины ждала, на дорогу бегала. У той рябины вы и распрощались, рябина та ваши клятвы слушала и связала навек. На том самом месте надо снова рябину посадить — как рябинка примется, так поправишься, девица, а милый дорогу домой вспомнит: потянет его на родную сторонкушку пуше прежнего.

— Это правда? — прошептала девушка, смотря ему в очи.

— Слова мои крепки и верны, как крепок и верен Алатырь-камень, — строго сказал Буян. — Исполнишь, что велю, — и сама удивишься, как все случится быстро да ладно.

Девушка вынула руку из его ладони и села, опустив ноги на пол:

— Я тотчас пойду!

— Ой, дитяtko мое ненаглядное! Встала! — воскликнула мать, бросаясь к ней. — Вот радость-то! — И она низко поклонилась Буяну в ноги. — Не знаю, как звать-величать тебя, моло...

Тут она взгляделась в Буяна повнимательнее, и по ее молчанию гусляр понял, что и она его признала. Не отвечая ей юноша поспешил к выходу, на лестнице увлекая за собой ждущего его за дверью Властимира. Князь сразу догадался что в горнице произошло что-то странное, и не стал спрашивать.

Они почти выбежали за ворота — и остановились как вкопанные. Буян выругался сквозь зубы и едва не повернул назад.

У ворот их ждали варяги княжьей дружины. Человек тридцать стояли впереди, держа оружие наготове. За ними полукругом замерло примерно столько же всадников. Горожан оттеснили подальше, всех, кроме одного, который все выпрашивал Буяна вчера о роде-племени. Несомненно, это он навел варягов.

— Этот, — сказал тот человек, указывая на Буяна. Воевода варягов шагнул к юноше:

— Ты — Буян, сын Вадима Храброго?

Домочадцы Верилы и любопытные высыпали вслед за друзьями на улицу и, услышав эти слова, зашептались: «Буян... Гусляр Буян вернулся... Какой?.. Да тот, что в прошлом году...»

— Указом государя нашего Рюрика ты изгнан из города, — объявил варяг. — За возвращение тебя ждала смерть, и ты знал это... Почему ты вернулся? Теперь ведь тебя казнят!

— Меня звал долг, — тихо молвил Буян. — Я поклялся, что пойду за резанским князем до конца, и я пошел. Мне не было дела до того, что ждет меня здесь...

— Теперь тебе есть до этого дело! — перебил его варяг. — Благодарение богам, Рюрик нынче в отъезде — умирляет сумь да карелу. Но скоро он вернется и тогда решит твою судьбу. Взять его!

Несколько варягов поспешили выполнить приказ, но им заступил дорогу Властимир:

— Все назад! Именем Рюрика!

Варяги отшатнулись, когда Властимир сунул им под нос перстень с трезубцем Рюрика.

— А кто ты такой, скажи на милость? — спросил воевода у князя.

— Имя мне — Властимир сын Улеба, князь Резани. Коли верно то, что говорят, то Рюрик собирался послать за мной...

— Ложь это! — воскликнул вдруг новгородец-наводчик. — Ни за кем Рюрик не посылал. Он вместе с изгоем — значит, и сам изгой! Хватайте их обоих!

— А Рюриков знак? — колебался воевода. — Что он значит?

— Тать он! Варяга убил, а перстень себе забрал!

— А ведь верно. Или нет?

— А поддержи-ка их под замком в темнице до приезда Рюрика — тогда у него сам и спросишь, звал он из Резани князя или не звал? — возразил новгородец. — А про гусляра этого и вызнавать нечего. Бунтовщик это, изгой, Буян, Вадимов сын.

По знаку воеводы варяги набросились на побратимов.

Всадники сдерживали народ, чтобы горожане не пришли на помощь друзьям. Буян и Властимир не успели дать достойный отпор — на них повисло сразу по десятку воинов, им заломили локти назад, связали. Буян сопротивлялся отчаянно, и его пришлось стукнуть чем-то тяжелым по голове. Полуоглушенного, его потащили волоком вслед за варягами, уводящими Властимира.

По дороге князь ловил на себе любопытные взгляды. Предатель шел впереди и всем объяснял, что поймали двух воров, которые, пользуясь тем, что в городе пожары и суматоха, учинили разбой и грабеж. Те из горожан, кто не видел вчерашних победителей Огненного Змея, корили побратимов и грозили им кулаками.

Темница, куда заточили обоих друзей, находилась под палатами самого Рюрика. Они были сделаны наполовину из камня, наполовину из дерева и стояли в Детинце, выстроенном еще несколько веков назад. Высокий тын огораживал широкий двор и многочисленные постройки. Темница была со стенами из камня — для надежности.

Перед тем как с Властимира сняли путы и столкнули в подвал через узкую дверку, предатель-новгородец прошептал ему в лицо:

— Теперь-то ты от судьбы не уйдешь!

Дружинник-варяг пихнул князя, и тот кубарем скатился вниз по скользкой лестнице на дно подвала. Вслед ему, швырнули не пришедшего в себя Буяна, и дверь захлопнулась. Подвал погрузился во мрак.

Темница, в которую их поместили, была небольшая — две сажени в длину и столько же в ширину. Узкая лестница с обкатанными временем ступеньками круто поднималась к маленькой дверце, на которую снаружи навесили замок. В стене против двери было окошечко чуть шире ладони. Углы завесила паутина, земляной пол был утоптан до твердости камня. Постелью тут служила кучка гнилой соломы. А еще стояла маленькая скамеечка, на

которой их ждал кувшин с водой, накрытый тряпицей.

Властимир осторожно усадил Буяна на солому и смочил ему виски и губы водой, смывая с его лица кровь. Тот застонал сквозь зубы и спросил:

— Где мы?

— В темнице, — ответил князь. — Сколько раз мне приходилось в такую же людей сажать, но чтоб самому тут оказаться...

Буян попытался улыбнуться и скривился от боли — чей-то кулак разбил ему губу. Он осторожно притронулся к ране пальцами. Властимир отвел его руку и смыл кровь.

— Прости меня, княже, — сказал Буян, не открывая глаз. — . Подвел я тебя. Не надо мне было в город заходить. Теперь ты здесь, аки убийца или тать какой, со мной наравне...

— Молчи, — остановил его Властимир. — Кто ж знал-то? А чтоб человеку запретить на родине побывать — это каким же зверем надо быть? Не будет удачи в жизни тому, кто сие запрещает. И самому ему судьба умереть, аки псу бездомному, в чужой земле, от родных вдали!

— Вот и ты вещим стал, друже. — Буян снова криво ухмыльнулся и поморщился.

— Не горюй раньше срока, — успокоил его князь. — Переждем. Рюрик вернется, я с ним поговорю. Про кольцо правду скажу — Торболд, шурин мой, дал мне его перед дорогой. Пусть Рюрик посылает в Муром, проверит... А тем временем я тебя отспорю — коли что, и виру Резань за тебя заплатит. Мой город побогаче Ореховца будет!

Буян слабо улыбнулся:

— За добро благодарю тебя, Властимир. Сердце в тебе верное... Только боюсь я чего-то. А чего — и сам не ведаю.

Что-то неясное тревожило и Властимира, но что — он не мог понять.

В молчании и ожидании прошел день. Дважды к ним заходил варяг-охранник, приносил пищу и сменял воду в кувшине. На расспросы он не отвечал и когда вернется Рюрик — не сказал.

Буян почти весь вечер простоял у окошка, до которого он еле доставал, глядя на двор. Властимир видел, как томился гусяр — что орел в клетке. И в нем самом свербила какая-то мысль, не давая покоя.

— У меня надея на Рюрика, — изрек Буян, — но вдруг он не приедет в эти дни? Что тогда с нами будет?

И тут Властимира осенило:

— Тот предатель! Буян обернулся:

— Что «тот предатель»?

— Когда нас сюда привели, тот новгородец шепнул мне: «Теперь от судьбы не уйдешь». Я тогда запомнил эти слова, но не понял, что они значат. А теперь думаю — не Змеем ли заслан этот человек?

Буян сел, опустив голову, и тихо сказал:

— Значит, друже, Змей нас так одолел... И варяги за него. Хо́да нам отсюда нет, а слуги Змеевы заберут нас ночью. Вот беда-то!

Он обхватил виски руками, погрузившись в думы.

Прошло время. На дворе все стихло. Стемнело, на забо-ролах стены зажгли факелы. Далеко в городе прозвучал первый переклик сторожей.

В подвале уже давно было темно, хоть глаз коли. Только единая звездочка сияла в кусочке неба, видимом из оконца. В ее свете можно было разглядеть только пятно окошка и светлую рубаху гусяра, что лежал на соломе без сна.

Не спалось и Властимиру. Теперь он снова чувствовал себя старшим и ответственным за две жизни — свою и младшего Буяна.

Неожиданно гусяр приподнялся на локте и протянул руку в темноту. Властимир, подошедший к окну, услышал его зовущий шепот:

— Иди сюда, не бойся... Откуда взялась?

— Кто там у тебя? — окликнул его князь. — Крыса, что ли?

— Нет. — Буян зашуршал соломой. — Ласка...

На руках у него сидел маленький темный комочек. Властимир подошел ближе. Ласка оказалась ручной. Она доверчиво давала себя погладить, принюхиваясь к рукам гуслира. Когда Властимир пощекотал у нее за ухом, она соскользнула с рук парня на пол и потерялась о Князевы сапоги.

— Одного не могу понять, — сказал Властимир, — как она сюда попала? Мы же здесь с утра! Неужели она тут все это время пряталась?

Буян присел, лаская зверька. На лице его играла самая нежная улыбка, на которую он был способен.

— Слушай ласку, князь, — молвил он, поднимая голову. — Она знает...

— Что?

— Выход... Ласка-ласочка, милая подружечка, подскажи, дорогу покажи!

Ласка еще немного потерлась о его руку, а потом подняла хвост, потянулась и направилась к дальнему углу подвала.

Властимир, хоть и давно перестал сомневаться в способностях друга, не слишком доверял тварям земным, исключая своего верного Облака. И потому он не сразу тронулся с Места, когда ласка остановилась в углу и запищала.

Буян дернул князя за руку:

— Пошли. Время дорого!

— Куда? Сквозь стену? Да даже если ход и есть — не можем же мы стать ростом с ласку?

Но гуслир не стал его убеждать.

Света узникам не полагалось, и Буян на ощупь пошел в тот угол. Проведя ладонью по стене, он почувствовал, что два камня, в щель между которыми прошмыгнул зверь, шатаются. Подошел Властимир. В темноте он правой рукой коснулся плеча Буяна, левой нажал на камень. И вдруг послышался знакомый скрежет, какой он слышал в подвалах Змея, и камни легко отвалились в стороны. На левой ладони оставалась печать цветка разрыв-травы.

Властимир отпрянул. Буян, ощупав стены открывшегося хода, шагнул вперед.

— Спасены! — шепнул гуслир. — Благодаря тебе и ласке. Пошли!

— А вдруг этот ход ведет в тупик? — усомнился Властимир, идя за ним.

— В тупик — значит, назад повернем. Или ты опять своим даром воспользуешься...

Узкий ход был так тесен, что идти пришлось боком. Первые десять шагов он вел прямо, но потом повернул и стал резко подниматься вверх. Без ступенек здесь было трудно, хорошо, помогала теснота хода — друзья упирались в стены плечами.

Шедший первым гуслир вдруг остановился.

— Пришли, — шепнул он. — Открывай выход, княже! Властимир дотянулся левой рукой до бревенчатой стены — и им в лица пахнуло ночным воздухом.

Они выбрались из Новгорода два часа спустя. Всякого, кто ночами бродит по городу без дела, могли схватить и доставить в Рюриков двор для допроса. Но Буяну и Властимиру повезло. Они добрались до двора, где оставили лошадей. Хозяин дал им еды в дорогу и показал, как мимо сторожей выйти из города.

Но выросший здесь Буян и сам это знал. Они были снова на свободе, и одно только тревожило Буяна — он так и не успел узнать что-нибудь о матери. Где она? Жива ли? Что стало с ней после того, как сгорел их дом? Узнать об этом он уже вряд ли когда сможет.

Спеша убраться от города побыстрее и подальше, беглецы до света гнали лошадей напрямик по лесам и перелескам. Только под утро, когда лошади стали спотыкаться о корни и камни, всадники сдержали бег коней.

Не сразу решились они остановиться на отдых. В любую минуту их могли настигнуть варяги — теперь, раз они совершили побег, в их виновности уже никто не будет сомневаться.

Их могут поймать и предать суду и казни.

Густой лес обступал друзей со всех сторон. Лошади шли без тропы, напрямик, ломая подрост. Тропа говорила бы о том, что тут хоть иногда ходят люди, но обоим беглецам сегодня не хотелось видеть никого.

Впереди слышался переливчатый звон ручья. Учув волю раньше людей, жеребцы прибавили ходу, переходя на рысь, но всадники твердой рукой сдержали их.

У ручья могла ожидать засада. Конечно, в такой безлюдной чаще это было невероятно, но оба они сначала подумали о ней и только потом решили, что пока им ничего не грозит. Посмотрев друг на друга, приятели разом рассмеялись, и Властимир промолвил:

— Теперь я понимаю тебя, Буян! Мне впервой изгоям себя чувствовать. Но нас двое, и мы еще за себя постоим!

Уже без опаски, сторожась только диких зверей, друзья спустились к ручью и спешили. Но только Властимир собрался, ослабив уздечку Облака, напиться сам и дать напиться коню, как Буян оттолкнул его от воды.

— Ты чего это, Буян? Опять что привиделось? — изумился князь.

Но юноша покачал головой.

— Нельзя пить эту воду, друг, — молвил он. — Отравленная она!

— Как это?

Буян указал на другой берег:

— Видишь, княже? Черемуха растет! По весне она в воду цвет роняет, по осени лист, летом — ягоды... Вода в этом ручье ее соками отравлена. Кто изопьет водицы той — уснет надолго, а то и вовсе на веки вечные.

— Что же теперь? — Властимир с тревогой посмотрел на невысокое деревце в двух саженьях от себя. — Пить-то хочется.

— Идем против течения, — сказал гусяр. — Горечь всю вниз относит, а там вода еще чиста.

Они отошли на десяток шагов, напились сами и напоили лошадей и не спеша начали выбираться из чащи.

Из-за густых деревьев они не видели, как в небе пролетел Огненный Змей. Он, еще не зная, что враги ускользнули из ловушки, торопился в Новгород.

Уставшие путники устроились на ночлег на небольшой поляне, заросшей высокой травой. Лошадей стреножили и отпустили пастись.

Сил разжигать костер уже не было, и друзья уснули, едва их головы коснулись земли. Они спали так крепко, что не заметили, как из чащи вышло какое-то чудовище, похожее на медведя. Оно немного понаблюдало за спящими людьми и лошадьми и снова скрылось в чаще бесшумно и осторожно, чтобы никого не разбудить.

Буян проснулся от того, что Воронок схватил его зубами за ворот рубахи и потянул вверх, встряхивая. Гусляр сел протирая глаза. Жеребец все еще держал его за ворот.

Протерев глаза, юноша обнаружил, что еще ночь.

— Ты, видно, умом тронулся, Воронок! — напустился он на коня. — Самое время спать, а ты что? Зачем разбудил?

Воронок помотал головой, встряхивая Буяна за шиворот.

— Да встаю, встаю! — Гусляр вскочил и увидел, что над Властимиром замер Облак, тревожно вскинув голову и прядая ушами. В глазах коня, глядевшего в темноту леса, ясно читалась тревога.

Лес был темен и тих. Буян прислушался, но не уловил ничего подозрительного, кроме, пожалуй... Он втянул ноздрями воздух, от души жалея, что нет у него нюха, как у собаки. В эту минуту подул резкий ветер, и Буян вскрикнул — на него пахнуло дымом.

Ветер усилился. Теперь сомнений не оставалось — приближался лесной пожар. Буян еще не видел меж деревьев кровавых отсветов, но знал, как порой быстро по ветру идет огонь.

— Властимир, пожар! — крикнул он.

Князь быстро поднялся. Распутав и оседлав лошадей, друзья пустились в путь, держа наискось по ветру, обходя полосу огня.

Они не прошли и полверсты, как огонь приблизился настолько, что его стало отлично видно. Ночь отступила перед языками огромного костра, что низом тек по лесу, гоня перед собой зверей и птиц.

Неожиданно огонь оказался прямо перед ними. Всадники спустились в овраг, а подняться не смогли — на той стороне тоже был пожар. Охваченное огнем дерево, жалобно хрустнув, надломилось и рухнуло на дно оврага, чудом не задев лошадей. Повернув, всадники поскакали по оврагу.

Когда они выбрались наружу, справа и слева уже всюду бушевало пламя. До этого огонь стлался по земле, а теперь охватил деревья. Перепуганные звери и птицы метались в горячем воздухе, натываясь на людей и забыв про страх перед человеком.

Всадники поскакали, как и прежде, поперек хода пожара, но ветер резко изменился, и огонь пахнул им в лицо, останавливая. Огонь следовал за ними по пятам, раз за разом отрезая их от спасения. Лошади уже отказывались ступать на горячую землю.

Вдруг откуда-то издалека, перекрывая шум и треск пламени, донесся гулкий, быстро приближающийся рев чудовища. В этом реве слышалось торжество.

— Огненный Змей! — закричал Властимир.

Буян поднял голову и увидел, как высоко над горящим лесом к ним не спеша летел подсвеченный снизу огнем Змей — такой, какого Властимир убил в подземельях — два распахнутых крыла, огромная пасть и извивающийся хвост. Змей парил в горячем от огня воздухе и внимательно смотрел вниз.

— Это он за нами! — крикнул Буян. — Вызнал, что мы спаслись из темницы... Что ему стоит лес подпалить!

— Значит, выхода нет?

— Выход есть отовсюду, пока жив человек, — ответил гусяр. — Только на сей раз я его не вижу...

— Зато я вижу... Скачем!

И Властимир пришпорил Облака, но не от Змея, а прямо на него. Как раз там-то и было жарче всего, но князь рассчитал правильно — Змей смотрел вперед и по сторонам, а то, что творится у него под брюхом, он видеть не мог.

Они чуть не оторвались, когда Змей их все-таки заметил. Оглянувшийся Буян увидел, как зверь повернул голову назад и издал крик ярости. А потом дыхнул огнем.

Поток пламени поджег верхушки деревьев над всадниками. На их головы посыпались горящие ветки. Завизжал обожженный жеребец. Властимир сорвал с себя и бросил загоревшийся плащ. Припав к гривам лошадей, беглецы бесстрашно и отчаянно поскакали сквозь огонь.

Им казалось, что горит даже воздух. Дышать было нечем. Люди, пряча от огня лица, доверились лошадям. Те мчались, не видя перед собой ничего, и каким-то чудом находили в сплошном огне и дыме путь, где можно прорваться.

Змей выпустил еще несколько струй огня, но сам уже ничего не видел в пожаре под собой. Тогда он, чтоб не бить вслепую, стал разворачиваться в полете и не заметил высокой сухой ели, полыхавшей как факел. Змей врезался в нее, ожегся и потерял равновесие. Отчаянно работая крыльями, он попытался выровняться, но не смог и тяжело рухнул наземь. Далеко разнесся его полный боли и ярости вопль, заглушивший рев пожара.

Беглецы услышали это, уже выбравшись в лес, не тронутый пожаром. Здесь, в спасительной прохладе, можно было Дышать, и они осадил дрожащих, с обгоревшей шерстью коней и оглянулись. Они стояли на пригорке и видели всю горящую чащобу. В небе Змея не было.

— Ага, попался, окаанный! — воскликнул радостно Буян грозя светлеющему предрассветному небу кулаком. — Понял как леса наши жечь!

— Едем отсюда, пока целы, — позвал его Властимир. — Пожар кругом.

Огонь гудел и ревел уже далеко позади. И вдруг тишину прорезал истошный вопль, полный силы и ненависти. Оба всадника разом обернулись.

— Что-то Змей расшумелся, — вслух подумал Властимир. — Или не сгорел еще?

— Сгорит он, как же! Экая громадина! И вовек не спалиться ему!

— Ничего, огонь все съест.

Они успокоились, но не проехали и полуверсты, как им пришлось снова оглянуться. Змей и вправду был Огненный, и огонь, похоже, верно служил ему. По лесу по следам друзей катился новый огненный вал.

Друзья опять пришпорили усталых коней. Лошади поняли, что от их силы и выносливости зависит жизнь их хозяев и их собственная. Они помчались так, что всадникам стало казаться, что на ногах жеребцов выросли крылья. Ветер свистел в ушах, ветки хлестали посильнее кнутов.

Им удалось-таки оторваться от пожара, даже перестало пахнуть паленым. И в это время лошади выскочили на небольшую поляну, где посреди короткой, словно остриженной травы росло четыре странных растеньица.

ГЛАВА 8

На первый взгляд в них не было ничего странного — из высокого стволика торчали во все стороны веточки с мелкими листьями. Наверху — розоватое в утреннем свете соцветие. Трава вокруг самого большого ростка была малая да хилая, а близ самого стебля и вовсе было голо. Срединное деревце поднималось в высоту почти на сажень, три других были чуть поменьше ростом.

Самое удивительное было то, что в сумерках было видно, как вокруг листьев витает какая-то дымка. И пахло от растений странно.

Лошади замерли, подойдя поближе.

— Что это, как думаешь? — спросил Властимир.

— Купина неопалимая, — ответил Буян. — Только не слышал я, чтоб она такой вырастала.

— Чудная она какая-то, — заметил князь.

— Да, — согласился гусяр. — Я первый раз ее вижу. Но люди сказывали, что она такая... Головы дурманит почище прочих. От других дурманных трав надо сок выпить, а у купины хватит и просто рядом постоять...

Он вдруг зевнул и не спеша слез с коня. Воронок тут же опустил голову в траву и принялся с аппетитом ее щипать.

— Буян? — удивленно окликнул его Властимир. — Ты чего? Отдыхать собрался?

Гусяр присел на траву:

— А что, нельзя?

— Так ведь ехать надо!

— Куда? От огня мы оторвались, а здесь...

— Но ведь ты сам только что говорил, что эта купина дурманит головы! Неужели ты сам...

Властимиру стало жутко — он понимал, что они попали в ловушку. Но страшнее всего было то, что он и сам уже не хотел никуда ехать, и только упрямство заставляло его сидеть на коне, который давно уже потихоньку пасся на поляне.

Прислушавшись, князь различил гудение приближающегося пожара, вновь запахло дымом — огонь шел по их следам.

— Буян! — опять окликнул он друга. — Не пора ли отсюда выбираться?

Гусяр приоткрыл один глаз.

— Пора бы, — молвил он к радости Властимира и не спеша встал, — да только захотят ли того наши кони да наши ноги?

— А чего им упрямиться? Облак мой к трудам привык...

Князь посмотрел на своего старого коня и умолк — его жеребец дремал.

— Видишь теперь? Отсюда нам хода нет.

Властимир зло посмотрел на деревца купины, образующие общий куст, который торчал на поляне с таким видом, словно гордился собой.

— Но ведь вокруг ни кости, ни туши зверя, — поразмыслил он вслух. — Как же зверь лесной от нее спасается?

— Про то нам узнавать некогда, — быстро сказал Буян, показывая назад.

Огонь уже вышел на опушку. Листья купины трепетали, куст почуял огонь. Дымка вокруг него стала гуще, а запах усилился. Лошади подошли ближе к кусту.

— Говорят, что купина огня не боится, — сказал Буян, тоже шагнув к растению. — Все вокруг горит, а она стоит, ни лист не дрогнет. И потом на гари растет одна-одинешенька, и горя ей мало — ну точь-в-точь иные люди: всем плохо, а им хоть бы что, и после большой беды они одни живут припеваючи.

Огонь уже понемногу охватывал поляну с двух сторон, но почему-то не спешил заходить на нее. Будто невидимая стена препятствовала ему. В спасительном круге оказались двое людей и лошади. Дышать стало совсем неважно из-за запаха купины, но пламя ближе не подбиралось.

— Чуешь, княже? — вдруг сказал Буян. — Вроде как Змей опять поднялся?

— Тогда худо наше дело. Он нас по пожарам загоняет. Силы-то в нем немерено, а у наших коней?

Рев взлетевшего Змея слышался уже не так далеко. Змей, должно быть, крыльями гнал огонь в ту сторону, куда ускакали друзья. Оставалось удивляться, как это он смог узнать, где их искать.

И тут купина вспыхнула сама собой, но каким-то странным негорячим пламенем. Куст занялся весь снизу доверху. А трава осталась нетронутой, и пожар остановился на опушке. Точно этот слабенький огонь был сильнее того, что напустил лютый Змей.

Купину не зря прозвали неопалимой. В огне она стояла, как прежде, прямая и стройная — только чуть дрожали листочки. Забыв про все на свете, друзья не сводили с нее глаз.

И тут не тронутые пламенем кусты на одной стороне поляны раздались, и к людям вышло чудовище на задних лапах, похожее на медведя. Оно подошло к купине и через ее костер поглядывало на людей.

Буян стряхнул с себя оцепенение и встал.

— Уж ты гой еси, уж ты лютый зверь, — начал он напевно, как привык заговаривать лесных тварей.

Уж ты зверь лесной, зверь неласковый!
Ты не тронь нас, зверь, мирных путников,
и конями нашими побрезгуй.
Ты послушай нас, не прогневайся,
не прогневайся, не обманывай.
Заклинаю я божьим именем —
я Велесовым да прозванием.
Подчинись нам, зверь ты неласковый,
расскажи, как отсюда выбраться...

— А коли станешь упираться, то не будь я князь Властимир, ежели не намну тебе бока! — добавил князь решительно.

Чудовище пристально посмотрело на резанца, и тот почувствовал, что сказал лишнее.

— Ну, а если станешь сговорчивым, — молвил он потише, — то по возвращении в Резань принесу я жертвы в твою честь.

Медведь встал на задние лапы и проревел вполне человеческим голосом:

— Зачем в лес пожаловали?

— А ты все должен знать, — огрызнулся Властимир.

— А ты совсем разум потерял, — в тон ему шепнул Буян. — Разве можно так с ними? Вот перестанут они нам помогать!..

— Они и раньше-то нам не больно споспешествовали, — тихо молвил Властимир, — и теперь вот стоит и торгуется... А мы тем временем сгорим.

Медведь прислушался к словам князя с интересом и повернулся к друзьям спиной, проревев:

— Идите за мной!

И потопал в чащу вперевалочку.

Друзья взяли за уздечки лошадей и поспешили следом. Когда они, оставив купину позади, покинули поляну, Властимир указал Буяну на следы, оставляемые зверем:

— Глянь-ка!

На горелой траве отпечатались человечесьи следы.

— Оборотень!

— Долго же ты соображал! — откликнулся медведь, не оборачиваясь.

Лошади шли за оборотнем как привязанные. Медведь вел их по горелому, еще дымящемуся лесу. Листвы и хвои уцелело немного. Под копытами коней хрустела зола и головешки.

Медведь вывел их на опушку, за которой открылась низина с редкими чахлыми деревцами и низкими кустиками. Кочки, что кое-где стояли плотным строем и перемежались только островками-холмиками и озерами блестящей, как слюда, воды, говорили о том, что путники вышли к болоту.

Оборотень остановился и присел на поваленное дерево, всем своим видом показывая, что дальше не пойдет. Так он больше, чем раньше, походил на человека, одетого в медвежью шкуру, — даже положил ногу на ногу.

Буян полез в седельную суму, достал ломоть хлеба и протянул медведю. Тот поднялся, двумя лапами принял дар и стал с чавканьем есть. Князь с удивлением смотрел на него, сдерживая взволнованного и напуганного близостью зверя Облака.

Доев, оборотень вытер лапой пасть и поднял морду, которая походила на человеческую так, что было жутко.

— Вот это и было то, что надо, — довольно сказал оборотень. — А то — «бока намну» да «жертвы принесу»... На что мне жертвы? Я сам мясо добуду! А вот чтоб хлеба, как человеку...

— Но ты помог нам не за хлеб? — спросил князь.

— Вестимо, не за это, — оборотень утробно рассмеялся. — Я видел вас, следил потихоньку — огня-то я не боюсь, не зверь же совсем дикий!.. Видел я, как за вами Змей гонялся над лесом, все целился вас спалить... Ну, и решил на вас поближе посмотреть.

— Ну, и как мы тебе кажемся?

— Людьми, — ответил оборотень загадочно и повернул в лес.

— Прощай! — молвил ему Буян.

— Слушай, а может, еще останешься? — окликнул Властимир. — Нам в болоте дорогу покажешь...

Оборотень ответил уже из-за деревьев:

— Солнце скоро встанет. Должен я до первого луча его у себя в избушке оказаться, иначе смерть мне. А в болоте поезжайте все прямо и прямо, никуда не сворачивая. И ни с кем не заговаривайте — а то в яму к болотнику попадете. Он в нее всех сажает, а выпускает только тех, кто ему служить пообещается до самой смерти. Так что даже ежели мать родная вам встретится, не оборачивайтесь на нее, коли жить хотите.

— А другой дороги нету? — голос Буяна чуть дрогнул.

— Из этого леса-то? Есть. Но вам в другую сторону надобно, та вам не подойдет.

— Это почему еще? Нам все едино! И откуда ты знаешь, что нам подойдет, а что нет?

Буян еще горячился, но Властимир придержал его за локоть.

— Перестань языком молоть, — строго приказал он. — Не доведет он тебя до добра!.. Весь свет уже, верно, прознал, что я еду со Змеем ратиться, вот и этот медведь — тоже...

Властимир посмотрел вслед оборотню, но тот уже пропал из виду.

Над болотом, казалось, витали какие-то чары — они ехали целый день, но не встретили ни единой птицы. Только мошкара вертелась перед лицом, мешая говорить и набиваясь в нос и уши. Буян мотал головой и тихо бормотал что-то под нос, непотребными словами поминая всех летучих тварей на свете.

Вокруг стелилась унылая болотная равнина, которую немного оживляли лишь островки леса и бочаги с водой. Но та вода была мертва — даже лягушки не прыгали в нее при виде всадников. И кони сами не просились пить. Небо заволокло тучами. Лишь изредка сквозь них проглядывало солнце, словно уже пришла осень.

После полудня решили ненадолго остановиться, дать роздых лошадям, которые не знали его с ночи. Друзья присели на невысокий холмик, вытянув ноги. Жеребцы стояли поодаль, опустив головы и время от времени пытаясь щипать жесткую болотистую траву.

Буян не мог долго сидеть на месте. Он вскоре вскочил, прошелся туда-сюда, оглядываясь. Равнина тянулась в стороны, сколько хватало глаз.

— Чтоб сдохнуть тому оборотню! У, нечистая сила, — вдруг выругался он.

— Ты чего, Буян, взъелся-то? — спросил князь.

— А то как же, княже? Указал нам дорожку проклятый медведь. А про то, сколько дней нам по этому болоту идти, не сказал! Вдруг по нему ходу целый месяц или бодее? И что вообще это за болото чудное? Кто в нем, кроме болотника, водится? И как этот болотник выглядит? Человек ли он или нелюдь вроде лешего?

— Да замолчишь ты хоть когда? Что у тебя язык за зубами не держится?

— Потому я им и мелю, что сейчас молчать придется, — загадочно изрек гусяр и указал вдаль: — Гости у нас!

Властимир вскочил и с удивлением увидел, что по кочкам, несомненно хорошо зная дорогу, в их сторону скачет всадник на вороном добром коне. Незнакомец припадал к гриве, темный плащ его бился позади на ветру.

Подъехав к островку, он осадил коня и сорвал с головы воинский шлем.

Воин был еще молод, безус — лет на пять-шесть помладше Буяна. На узком юном лице сверкала хищная улыбка. Одет он был во все темное — даже меховой воротник плаща был черен.

Обут он был в высокие сапоги с острыми носами, а одет в синие порты и короткополую епанчу с мехом по вороту, перетянутую поясом, к которому крепились ножны с ножом. Меч его висел сбоку седла.

Незнакомец потрянул черными жесткими кудрями и спросил весело:

— Что вы за путники за такие? И что в болотах делаете?

Властимир заметил, что Буян уже открыл рот — для того, чтобы ответить всаднику: «Не твоё дело», — но успел стиснуть ему руку.

— Ты чего? — удивленно прошептал Буян.

— Нам оборотень что велел? Ни с кем не заговаривать, пусть даже мать родная... или Прогнева, — задел князь гусяра за живое. — Иначе бототник нас к себе заберет. Забыл? А парень этот не нашего вида человек, таких я не встречал в наших краях.

— А что же чужак в ваших родных болотах делает? — весело спросил парень. — Имя мое вам ничего не скажет, а о деле поведать могу. Послали меня, чтоб двоих людей найти да весть им передать добрую. Должны они где-то здесь быть — в болоте. Вас, вижу я, двое. Так, может, вы и есть те, кого я ищу?

Чтобы не отвечать, друзья подошли к своим лошадям и занялись осмотром их сбруи. Незнакомый парнишка не спешил уезжать.

— Я даже уверен, что это вы и есть, — молвил он решительно. — Мне сказали — один из них князь из города Резани, а другой — гусяр. Мы их в Новгороде потеряли, да...

Услышав про Новгород, друзья не выдержали и взглянули на парня. Тот довольно

улыбнулся:

— Что, попал верно? Ну, давайте знакомиться. Я — Пепел, Лисохвостов подручный, а вы кто?

Скажи он — Чистомыслов, Буян, может быть, ему и поверил — он хорошо помнил волхва. Но имя его помощника, Лисохвоста, гусяру было неизвестно. Он вскочил в седло и кивнул князю: пора, мол, в путь. Властимир оседлал Облака, и друзья отправились дальше.

Пепел тащился чуть позади и время от времени начинал снова:

— Ну сколько раз можно повторять, что я как раз вас и ищу? Третий день из седла не вылезаю! Мне уж эти болота до смерти надоели! И кто вам чушь такую сказал, что здесь нельзя ни с кем разговаривать? Я же говорю — и ничего!

Трудно было молчать, когда так и тянет сказать крепкое слово, чтобы этот навязчивый отстал. Но даже Буян ехал словно в рот воды набрал. Пепел, видно, понял, что таких не уговоришь, и отстал со словами:

— Ну и ладно! Ну и блуждайте по вашим болотам без конца. А я домой поехал! Прощайте!

Он повернул коня и поскакал обратно по своим следам. Провожавший его взглядом Буян еле удержался, чтобы не сказать: «Скатертью дорога!»

Однако после отъезда незнакомца им и между собой расхотелось разговаривать. Что это за место за такое, где за слово человеческое такая кара положена?

Вечерело. Солнце не спеша спускалось к западу, окрашивая небо в рыжие и алые цвета и предвещая прохладный ненастный день. Усиливающийся ветер тащил по небу все новые и новые облака, собирая их над болотом. Быстро темнело.

Друзья выбрали местечко повыше и подальше от окон с водой — известно, что всякая нечисть страсть как любит именно там заблудших подкарауливать. Лошадей привязали так, чтобы не подошли к озеркам даже случайно — лишиться коня было нельзя.

Пока было светло, наломали веток, запалили костерок. Чтобы не слишком донимала мошкара, Буян бросил в огонь пучок травы беляницы. Над островом стал стелиться пахучий дымок.

Друзья сидели у огня друг против друга, чтобы видеть, что творится у каждого за спиной. Но ни единый шорох не тревожил покоя болота — только хрустели травой лошади.

— Слушай, Буян, — подал голос Властимир, — я вот все о том парне думаю, о Пепле... Если его Змей послал, то почему на нас до сих пор не напали?

— Нападут на нас, как же! Мы же его с собой не взяли — где ему на нас Змея навести.

— Верно говоришь, только он ведь мог и впотай по следам пойти, а костер наш издали видать.

— Его бы мы тоже приметили, — обнадежил князя гусяр. — Только вот что, Властимир, ради нас самих — давай-ка поменее меж собой судачить. А то, кто знает — может, болотник и на такие речи людей имаёт?

— Да ты что, Буян! Белены объелся? Тогда болотник бы Пепла сразу заглотнул, еще как он впервой рот открыл!

Буян не ответил — он во все глаза смотрел за спину Властимиру.

— Прав ты был, княже, — шепнул он сдавленно. — Следил за нами парень тот, а может, не парень то был вовсе, а самый болотник... Гляди!

Резанец обернулся. В ночи к ним медленно двигалось несколько огоньков голубого цвета. Они мерцали, переливались, будто сюда шли люди с необычными свечами. Потом друзья с ужасом увидели, что точно такие же огни горят со всех сторон.

Путники вскочили, озираясь. Огньков было все больше, и они уже образовывали четкий круг. Лошади испуганно жались друг к другу.

Издалека, из самой, казалось, сердцевины ночи, послышался громкий призывный вопль, словно кто-то тонул в болоте. Огоньки задвигались скорее, торопясь окружить двоих на острове.

— Уходить надо, Властимир, — быстро шепнул Буян.

— А куда?

— Все равно. Куда глаза глядят, только не туда, где кричали, — вдруг это болотник?

— Скаженный! Ночью по болоту?

— Нас так и так словят... Эх, оберег молчит! — Буян с досадой ударил себя в грудь.

Со всех сторон послышался многоголосый хохот и бормотание десятков голосов.

Буян опрометью кинулся к лошадям и вскочил на спину Воронка.

— Торопись! — закричал он, вздыбливая жеребца. — Не время мешкать!

Он указывал куда-то во тьму, и Властимир решил, что оберег что-то подсказал-таки гусляру, а потому тоже оседлал Облака.

Еле дождавшись, пока друг сядет в седло, Буян погнал Воронка в болото.

Огоньки устремились за ними. Те, на которые они направлялись, вдруг вспыхнули так, что лошади замерли в испуге и шарахнулись в сторону. С трудом найдя опору под ногами, они вынесли всадников на тропу, но огни не дали им сделать и шага. Они теснились вокруг с шипением, толкая лошадей с тропы в болото. Задние ноги Облака вдруг с чавканьем ушли куда-то по бабки. Заржав, жеребец брыкнулся — что-то темное оторвалось от копыт и тяжело плюхнулось в воду.

И вдруг за кольцом огоньков замелькало непонятно что — человек не человек, да так стремительно, что сомнений не оставалось — это сам болотник. Люди и лошади замерли. Властимир пожалел о том, что его меч сломан, хотя неизвестно, поможет ли меч против болотной нелицы. Вдруг огоньки злобно зашипели, и черный как ночь всадник вынырнул из темноты и помчался по тропе.

Что заставило друзей броситься за ним — они так и не поняли. Все решили лошади, разом перестав слушаться повода. Они поскакали за всадником, который мелькал впереди, отчаянно гоня своего коня.

Началась слепая скачка в ночи. Друзья почти не видели того, кто скакал впереди. Тьма была — хоть выколи глаза. Всадника можно было распознать только по чавканью и всплескам копыт на болотной тропе. Жеребцами овладело настоящее исступление — они летели так, словно на каждой паре ног у них выросли крылья. Позади ревела и ухала отстающая постепенно нечисть.

Месяц наконец вырвался из-за туч и осветил равнину, которую пересекала река. Восток розовел, предупреждая новый день. Слева вставал темный лес, но черный всадник помчался направо, вдоль берега реки, и друзья старались не отставать от него ни на шаг. Сделать это было трудно — под незнакомцем был на диво сильный конь. Как ни погоняли Властимир и Буян своих лошадей, догнать не могли.

Неожиданно всадник осадил коня на вершине небольшого холма и поднял руку. Друзья поравнялись с ним. Рассвело достаточно, чтобы они с удивлением узнали в нем того самого упрямого Пепла, что приставал к ним в болотах с разговорами.

Юноша весело улыбался, чем-то напоминая Буяна.

— Что я говорил? — воскликнул он. — Я же все эти дни за вами ехал. На пожаре только след потерял... Теперь можете говорить без страха — болото осталось далеко позади.

— Кто ты? — спросил Властимир.

— Имя мне — Пепел, я говорил уже. А вот кто я... Не важно! Важно другое — вы целы и невредимы.

— Кто послал тебя? Боги?

— Называйте их так, коли охота, — дернул плечом Пепел. — Они мне не велели ничего рассказывать — если случай выпадет, они сами явятся и скажут. А нет — что ж, значит, так суждено. Здесь мы расстанемся. На прощанье скажу вам то, что велели передать. Первое — будьте очень осторожны. Змей вас в первый раз только испытывал, теперь же он хочет вас уничтожить. Попадётесь к нему — живыми не выберетесь, и мы вас не спасем, не успеем... А второе...

— Погоди, — остановил его Буян. — Тебе, я вижу, многое ведомо. Скажи, Пепел, не знаешь ли ты, где в поле на холме дуб стоит об едином суку, на том суку ворон седой сидит,

не вставая. Нам бы до того дуба добраться...

— Это-то вы и сами узнаете скоро, — улыбнулся Пепел, — коли вокруг посмотрите!

Он махнул рукой, и гусяр увидел на востоке высокий холм. На нем зоркий глаз мог различить дерево.

— Он? — выдохнул Буян.

Пепел не ответил, съезжая с холма.

Друзья помахали ему на прощанье и отправились на восток, к холму.

Сидящий на суку ворон был очень стар. У него давно не было сил самому летать за добычей — пищу ему носили другие птицы. Порой и люди тоже, останавливаясь под деревом, угощали его. На земле лежали пустые лукошки и кувшины. У ворона давно ослабли крылья, поседели перья, когти вросли в кору дуба. Он почти все время спал.

Разбудил его шум крыльев. Старый ворон приоткрыл один глаз. Над суком кружили два сокола. Один из них держал в когтях убитую утку-чирка. Сокол с пустыми лапами сел подле ворона, второй парил над вещей птицей.

— Что вам здесь нужно, люди в облике птиц? — ворчливо спросил ворон.

Он говорил так тихо, что его расслышал только один сокол.

— Нам нужно, о ворон-отец, чтобы ты сказал двум нашим друзьям то, что мы вывели для них, — ответил сокол. — А за это мы тебя угостим. Этого чирка мы убили только что.

Второй сокол осторожно сел и положил птицу к лапам старика. Ворон стукнул клювом в глаз чирку.

— Что за друзья у оборотней? — спросил он чуть мягче.

— Люди. Славяне, нашего языка и рода. Они отправились в опасный путь, чтобы убить Змея, что землю нашу зорит, только не знают они, как одолеть его. Мы признали, что есть только одно оружие, способное убить Змея...

Ворон покосился на говорившего одним глазом.

— Что за оружие? — произнес он тихо.

— Агриков меч. Лишь он, единый на всем белом свете, Может отсечь голову главному Змею и пересилить его силу. Чуть возьмет его человек в руки и мощнее любого чудища сделается.

— А как же эти двое вышли на бой? — старик хрипло рассмеялся. — Ведь Змея без Агрикова меча не одолеть. Глупцы!..

— Ты старше и мудрее, ворон-сед, — сдержанно заговорил один из соколов, — а мы наполовину люди и потому можем ошибаться, но сейчас именно ты дал маху. Эти люди убили уже одного младшего Змея, а другого ранили. Змею тогда удалось ускользнуть, но теперь...

— Он ускользнет от них точно так же! — рассмеялся ворон, покачиваясь на суку.

— Что ты говоришь? — разом воскликнули оба сокола.

— Одного меча еще недостаточно, — ехидно молвил ворон. — Есть еще кое-что, без чего даже с мечом Агрика ваши люди будут слабее котят перед Змеем, но тайну эту знаю один я, только я, потому что я старше всех птиц в мире!

Он гордо выпятил худую грудь, гордясь собой. Подслеповатые глаза его сверкали, клюв раскрылся, лохматые перья встопорщились. Он даже попытался переступить с ноги на ногу, забыв, что когти его давно вросли в кору дерева. Пытаясь поднять лапу, он не удержал равновесия и чуть не упал — помешало ему в этом только то, что он не мог сдвинуться с места.

Соколы чуть не рассмеялись, и это рассердило ворона.

— Прочь отсюда! — закричал он гневно, топорща перья. — Чтоб духу вашего тут не было! Вздумали еще надо мной насмехаться, сосунки человеческие!

Соколы взлетели, закружили над дубом.

— Ты не забудешь, ворон? Передашь им? — спрашивали они.

— Летите прочь, иначе вас растерзают на части! — крикнул им ворон. — Ничего я не скажу — сами со своими друзьями договаривайтесь, если они захотят с вами, оборотнями,

разговаривать!

И он отвернулся.

Соколы тихо присели на край сука. Здесь их от ворона отделяла листва, и тот не мог их увидеть.

— Как думаешь, Ярок, старик сдержит слово? — спросил один из них. — Мы так торопились! Я думал, у меня крылья отвалятся!

— Не ведаю, брат. Боюсь, что мы прилетели поздно и они уже здесь побывали. Мы столько времени провели под землей, что могли ошибиться в днях. И где их искать, не знаю!

Ярок уже подумывал о том, как бы самим предупредить друзей О мече, но его удерживала та мысль, где ворон говорил об одном условии. Что это за тайна, без которой даже волшебный меч Агрика бессилён? И меч ли это вообще? Он вспомнил, что сказал тогда пришелец — он подслушивал под кроватью Прогневы, когда та заставила Ркая разговариваться. Тогда он сказал: «Оно только выглядит как меч...» Что это значит? Девушка удовольствовалась ответом и не стала выяснять, что это означает, а сами близнецы плохо разбирались в мече.

Вдруг дуб, на котором сидели птицы, чуть качнулся, хотя ветра не было. Ворон не обратил на это никакого внимания — Он клевал тушку чирка, — но соколы встрепнулись и поднялись в воздух.

Взлетев повыше, они увидели, что холм начинает медленно поворачиваться. Вытянутый сук указывал раньше на запад, а теперь стал указывать на север, так что седой ворон оказался сидящим лицом к востоку. Но он даже не заметил поворота и продолжал клевать птицу.

Дуб повернулся еще немного, выравниваясь по солнцу. Соколы с высоты оглядели холмистую равнину, рассекаемую рекой, и увидели, что со стороны реки к дубу не спеша приближаются двое всадников. Зоркие глаза хищников легко узнали князя и гусяря.

— Успели, — молвил Ярок. — Они только подъезжают.

— Любопытно знать, старик расскажет им хоть что-то?

— Должен, а если нет, то это придется сделать нам.

— Но они нас еще не видели в облике птиц и вообще в ином облике! А что, если гусярь будет стрелять? Лук у него хороший, стрелы соком колюки-травы пропитаны. Такие стрелы бьют без промаха. Захочет удаль показать...

— Они не будут стрелять в соколов — не такие люди, — возразил брат. — Мы подождем здесь.

И соколы повисли в воздухе, словно выглядывая мышей-полевок, но на самом деле следя за всадниками.

Буян и Властимир поняли, что достигли цели. Они издалека увидели, что дуб двигался, как и сказали гусярю ветры. Подъехав ближе, они увидели и самый сук — длинный, корявый, он не казался уродливым на огромном кряжистом дубе. Узловатые корни вылезали из земли почти на полсажени. Земля за века жизни дерева здесь была истощена так, что близ него были только камни да песок. Под густой тенью дуба-великана не росло ни травинки — весь холм закрывали его ветви.

Пораженные необычной величиной дуба, его толщиной и высотой, его старостью и статью, друзья не сразу заметили седого ворона. Он сидел на самом большом суку, но не на его конце, видимом издалека, а ближе к стволу, наполовину скрытый листвой. Ворон же не обратил на них внимания — он сосредоточенно клевал чирка, разбрасывая вокруг его перья. Он придерживал утку одним свободным пальцем.

Ворон размерами был не меньше орла. Его тяжелый клюв был длиной почти с ладонь Буяна. Глаза же его, светло-голубые, казались слепыми. Алая кровь чирка окрасила его грудь и придавала ворону зловещий вид.

Когда всадники поравнялись с деревом, ворон оторвался от еды и прокрипел:

— Кто вы такие?

ГЛАВА 9

Буяну и Властимиру никогда еще не доводилось видеть говорящих зверей и птиц, хотя гусляр и пел про них песни. Они сначала завертели головами, ища того, кто их окликнул, и, не найдя никого, обратились к ворону.

— Это ты нас позвал, вещун? — окликнул его Буян.

— Я. Кто вы такие?

— Люди языка славянского, из дальних земель, — сказал Властимир. — Едем в путь-дороженьку не еврей волею — занесло нас неволею. Завелся на земле нашей лютый Змей, не стало от него никому житья. Одних он в плен берет, других огнем сжигает, третьих так сжирает, а кого не тронул — заставляет платить себе дани-выходы непомерные. Много уже от него зла людям сотворилеся — города пожжены, села порушены, люди в полон уведены. Решили мы в путь отправиться, чтобы поквитаться со Змеем, запретить ему ходить на землю нашу. Отправились мы, нашли его логово, да ускользнул от нас Змей. Теперь снова его ищем — он затаился где-то и мстит нам и всему народу нашему, снова города палит, людей уводит, девиц похищает... Подскажи, птица мудрая, научи, птица вещая, — где найти нам обидчика, как найти нам его логово?

Буян похлопал Властимира по плечу, хваля за красноречие. Ворон перестал клевать птицу и постучал клювом-по суку. Тот отозвался сухим легким звоном, словно был полный внутри.

— Говоришь, со Змеем ратиться решился? — вдруг хрипло рассмеялся ворон сухим старческим смешком. — Нашел его, на бой вызвал, а Змей ушел?... Видно, не захотел он с вами силу тратить да себя умалять... Разве вы ему противники? Так — озорники, мальчишки неразумные...

Он рассмеялся, раскидывая крылья, и благоразумие опять покинуло Властимира.

— Ах ты, птица старая, глупая! — в сердцах воскликнул он. — Рано ты, пенек трухлявый, потешаешься да над нами насмехаешься! Мальцы вырастут, смена отцам будет. За то, — что худа смена та, не ее вина, а тех, кто воспитывал так худо. А раз ты стар и всем птицам отец, то хула на тебе!

Он погрозил ворону кулаком, и тот замолчал. Глаза птицы загорелись холодным синим пламенем.

— Рано насмехаюсь, говоришь? — прошипел он, взъерошивая перья. — А как же мне над вами не смеяться, когда вы на Змея отправились, а того не знаете, что нельзя его одолеть обычным оружием, а только одним-единым на всем свете белом. Знает про то Змей, потому и без опаски летает на землю вашу.

Властимир вспомнил, что недавно он убил одного Змея обычным мечом и потом ранил второго.

— И опять ты врешь, птица старая! Я дважды со Змеем ратился и простым мечом одолел его!

— То были малые Змеи, — оборвал его ворон. — Попробуй-ка большого Змея порешить. Его только один Агриков меч одолеть может, потому как в нем сила прошлых времен закована, и должен меч сей трижды зло поразить. Один раз это уже случилось в те века, когда дуб этот еще желудем был, а двум другим случаям пора, видно, еще не пришла...

— Не пришла, так придет! Не тебе судить. Говори, где тот меч спрятан?

Ворон так захохотал, что Буян невольно отпрянул, и даже Властимир почувствовал страх.

— Это знает только тот, кто сторожит его в земле далекой, неизвестной! — воскликнул ворон — Да только добраться туда вам не под силу — попасть на тот остров может только конь златогривый о трех ногах да о шести крылах. Шерсть у него серебряная, из ноздрей пламя пышет, из ушей дым валит, а промеж ушей у него камень-самоцвет. От него во мраке светло, как днем при ясном солнышке. Только сгинул тот конь в те поры, когда дуб этот был тонким прутиком, пропал в земле, где болота, озера да горы лесистые, где чудища живут

незнакомые, а люди — как звери дикие.

Друзья переглянулись. Надеялись получить совет, да выяснилось, что дорога к Змею закрыта.

— Я все равно пойду, — шепнул Властимир.

— И я с тобой. Мне житья не станет, коли руки опущу сейчас, — отозвался Буян и крикнул: — Эй, ворон-вещун, последний раз спрашиваем. Дорогу туда укажи!

Ворон забил крыльями, словно пытаясь взлететь.

— Нет вам туда дороги! — закричал он. — Кто туда пойдет, назад не вернется!

В это время холм опять дрогнул.

Друзья сначала не обратили на это внимания — они видели, как он поворачивался в первый раз, и решили просто переждать. Но земля пришла в движение — вершина поворачивалась по солнцу, а подножие — против солнца. Дуб пытался противостоять этому и вдруг хрустнул по всей длине, от корней до сучьев.

Не успели друзья опомниться, как из узкой щели дерева выскочили какие-то человечки и набросились на них. Были они маленького роста, коренастые и темнолицые, одеты в шкуры зверей. Кривыми пальцами они сжимали блестящие короткие мечи, похожие на хазарские сабли, и ножи с широкими лезвиями. Удивленные их неожиданным появлением, друзья растерялись, а когда опомнились, было уже поздно.

Маленькие люди вцепились в уздечки лошадей, схватили всадников за ноги, карабкались друг на друга, чтоб скрутить витязей. Бросив поводья, славяне стряхнули с себя налипших людей — они посыпались, как желуди, но на их место кинулись новые. Лошади не могли сдвинуться с места, увязнув в толпе.

Сразу трое повисли на плечах Властимира, еще двое на руках, какой-то самый ловкий пытался схватить его короткими пальцами за шею. Князь повел плечами, стряхивая их, но размахнулся слишком сильно и едва не потерял равновесия. Чтоб не упасть, он уцепился рукой за луку седла. Карлики визжали, как поросята. Князь почувствовал веревку на шее. Ее рванули сзади, натягивая. Один карлик повис на ней всей тяжестью, затягивая петлю. Чтоб не задохнуться, Властимир откинулся назад — и тут на него навалились толпой, не давая больше выпрямиться. Кто-то уже торопливо вынимал из стремян его ноги. Лишившись опоры, князь тяжело, мешком, упал наземь. Карлики с радостным визгом навалились на него сверху.

Властимиру удалось освободить одну руку. Он выдернул из-за голенища нож и стал наносить удары вслепую, кому достанется. Карлики завизжали, бросились врассыпную, но раньше, чем Властимир смог раскидать их всех, кто-то поймал его руку с ножом и вонзил зубы в запястье. Неожиданная боль была столь сильной, что князь разжал пальцы.

На шее по-прежнему кто-то натягивал удавку. Туман застилал князю глаза, он не видел, что с Буяном, жив ли друг. Ему не хватало воздуха, удары его слабели, и только ярость придавала ему силы. Но потом кто-то из карликов, раздосадованный таким упорным сопротивлением, ударил его по голове и бил до тех пор, пока Властимир не потерял сознание.

Сколько прошло времени, Властимир не знал. Он понял, что дышит, а значит, жив. Голова гудела и звенела, как потревоженный улей. Больно было не только наморщить лоб — казалось, внутри все болит даже от мыслей, что теснились в ней. Воспоминания нахлынули, как вода в трещину плотины — дуб, седой ворон, карлики, драка, потом... Что было потом? Что случилось? Где он? Где Буян?

Подождав, пока боль в голове чуть успокоится, Властимир попытался приподняться, но не смог даже пошевелиться. Более того — все тело от первого же движения так заболело, что он проклял все на свете.

Карлики, похоже, его отделали так со злости, что попался им соперник посильнее их. Князь чувствовал боль во всем теле — и это было единственное, что он чувствовал.

Наставник, обучавший зеленую молодежь, и в том числе княжеского сына, воинской

науке, научил юношей умению забывать про боль, заставляя ее уходить прочь. Он говорил: «Болит не от раны — болит от страха того, что будет еще больнее. На любую силу есть большая сила, на боль тоже есть средство. Как заболит что, скажите: „Мать-Сыра Земля, дочь её; Змея. Именем Огня живого заклинаю тебя. Унеси боль за страны дальние, за реки широкие, за горы высокие, на море-океан, на остров-то Буян, спрячь боль под камень бел. Пусть, берет ее тот, кто смел, — кто камень тот отвалит, тот боль мою помянет, кто камень отопрет, тот боль мою возьмет...“»

Произнеся это, Властимир почувствовал, что тело обрело привычную легкость, словно он только что проснулся после долгого сна. Он прислушался к своим ощущениям.

Оказалось, что он был крепко связан по рукам и ногам, как жертвенный теленок перед алтарем. Руки его были безжалостно закручены назад и совсем онемели. Шея после удавки еще болела, грудь стискивал жесткий волосной аркан. Князь лежал на голой земле, упираясь щекой в сбившуюся траву. Земля была холодной и твердой как камень. Он попробовал двинуть плечами под веревкой, но все было без толку. Он заоченел, тело затекло от неудобной позы.

Над ним завывал ветер, но больше не доносилось ни звука. Властимир долго не решался открыть глаза, боясь увидеть вокруг своих врагов, но время шло, а ничто не выдавало рядом присутствия человека. Вот только, если прислушаться, можно различить какое-то неровное дыхание рядом...

Решившись, Властимир открыл глаза — и чуть не закричал от радости. В двух шагах от него лежал точно так же безжалостно скрученный Буян. Лицо его украшали синяки и ссадины, губа была рассечена и покрыта коркой спекшейся крови. Вторую рану прикрывали волосы на лбу. Рубаха на нем была разорвана в клочья. Веревки врезались в кожу, та даже посинела. Но он был жив и в сознании.

Однако это было единственной радостной новостью. Когда Властимир повел глазами по сторонам, он похолодел.

Вокруг расстилалась холмистая равнина. На холмах лишь кое-где росли небольшие кустики и деревья. Леса не было совсем, даже вдаль. Где-то неподалеку журчал ручей. Везде, куда мог достать взгляд, были только холмы и равнина, равнина и холмы. И до окоема ни единого признака человека. Ветер гулял вольно, пробирая тело под одеждой.

В животе Властимира не ко времени заурчало, и веки гусяра чуть дрогнули.

— Властимир? — шепнул он чуть слышно.

— Я, — отозвался тот. — Ты жив, друг...

— Жив. Разве я тебя брошу?..

Властимир против воли почувствовал облегчение — если балагур-гусяр еще шутит, значит, рано умирать.

— Долго мы тут лежим?

— Не знаю, — из-за разбитого рта Буян говорил невнятно. — Я очнулся — была ночь... Потом — полдень... А теперь наверное, опять день?

Властимир поглядел на небо:

— Да, позднее утро, должно быть...

— Значит, два дня мы тут... Или больше — я не знаю...

Он открыл глаза, поморгал, привыкая к свету, и посмотрел на Властимира, что лежал на боку напротив него. Вдруг глаза его испуганно расширились.

— Властимир, — выдохнул он. — Гляди...

Тело совершенно не слушалось, но на лице гусяра была такая тревога, что Властимир собрал силы и рванулся, выворачивая шею вбок, насколько смог. Повернувшись, он скосил глаза туда, куда смотрел Буян, и почувствовал, как, несмотря на холодный ветер, по спине потек пот.

На вершине соседнего холма стоял волк.

Вытянув шею и прижав уши к затылку, он внимательно смотрел желтыми глазами на двух связанных людей на холме, и такая злость и вожеление горели в его глазах, что те

сразу поняли — зверь уже видит в них добычу.

Появился еще один волк, за ним второй, третий... Затаив дыхание друзья наблюдали, как шестеро зверей подходили все ближе и ближе. Трое волчат семенили позади матери. Они скулили, поджимая хвостики. Было видно, что стая голодна и такая добыча была для нее желанной. Вожак, что показался первым, облизывался, холодным взглядом ощупывая людей.

— Это конец, — прошептал Властимир, опуская голову на землю. — Прощай, Буян. Я надеюсь только, что они не заставят нас долго мучиться... Волк режет сразу...

— Рано ты, княже, о Морене, о смерти задумался, — неожиданно хрипло, словно говорил через силу, отозвался гусяр. — Может, еще обойдет нас стороной она!

Князь посмотрел на юношу и увидел, что тот прикрыл глаза, закусив губу. Лицо его застыло в напряжении, словно он силился расслышать что-то, недоступное прочим. Властимир верил другу, но не сейчас же, когда...

Волки уже набрались решимости. Они убедились в том, что это не ловушка, и трое взрослых были уже рядом.

Неожиданно Буян рванулся вверх всем телом, пытаясь приподняться. Глаза его загорелись, на губах дрогнула улыбка:

— Смотри, княже! Смотри!

Но Властимир и сам уже прижатым к земле ухом слышал приближающийся топот, и сердце его подпрыгнуло от радости, когда на холм вылетел Воронок — порядком отошавший, со сбитым набок седлом, коростой грязи на ногах и спутанной, в репьях, гривой. Выскочив, он с хриплым ржанием бросился к хозяину, распугав волков.

Звери кинулись в разные стороны, поджав хвосты, но остановились неподалеку, зло щелкая зубами, а потом снова стали приближаться. Воронок, видя их сужающееся кольцо и жадные голодные глаза, завертелся на месте, заржал, брыкаясь ногами. Голод способен заглушить самый сильный страх, а волки в стае и вовсе не знают его. Видя, что жеребец всего один, звери стали подбираться к нему. Воронок завертелся волчком, топчась на месте и только чудом не задевая лежавших под его копытами людей. Один раз копыто тяжело чвакнуло о землю перед самым лицом Властимира. Князь попытался согнуться калачиком, чтобы конь, отбивающийся от волков, его не затоптал. При этом он оглянулся на Буяна.

Гусяр замер, приподнявшись с натугой. Лицо его напряглось, глаза расширились. Страшно было его остановившееся лицо, набухшие жилы на висках, выступивший на челе пот. Взгляд его замер на жеребце, и князь понял, что Буян колдует. Впервые он воочию увидел, как это происходит, и ему стало жутковато.

Волки подбирались с трех сторон сразу. Воронок ждал, кося глазом себе за спину, а потом вдруг резко выбросил задние ноги. Звери отскочили, увертываясь, но один промедлил — и копыто перебило ему переднюю лапу. Брызнула кровь. Охромевший волк с воем упал на землю. Воронок тут же бросился вперед — и челюсти его сомкнулись на загривке другого неосторожного хищника. Тот завизжал от боли, как щенок. Жеребец поднял его за шиворот, встряхнул и отбросил прочь. Укушенный зверь отполз в сторону, унося на спине кровавые следы лошадиных зубов.

Напуганные волки заострожились, закружили поодаль. Упускать такую добычу им не хотелось, но в их подвывании и рычании слышалась неуверенность. А жеребец не стоял на месте — выждав с минуту, он опять бросился на хищников.

Они метнулись врассыпную. Воронок погнался за трехлапым волком, но в это время двое других бросились на него с боков. Один взвился в прыжке, вцепился в холку жеребца, но Воронок проворно упал, перекатился на спину, подминая под себя зверя. Волки в ярости кинулись к нему, но тут же отступили, когда он вскочил и заметался, щелкая зубами и лягаясь.

Вывернув шею, Властимир следил за сражением, открыв рот. Он только поражался, как много может быть у зверей упорства и силы, и надеялся, что у Воронка их окажется чуть больше. Он совершенно забыл, что в этом необычном сражении участвует еще и Буян.

Жеребец вернулся к людям, готовый к новой битве, а волки топтались поодаль.

Подмятый лошадьё волк валялся на земле. Звери косились на необычного коня и подвывали, словно переговаривались. Их пыл угас, и князь не удивился, когда они, выстроившись цепочкой, не спеша побрели прочь. Жеребец следил за стаей пристальным взором, пока та не перевалила за гребень соседнего холма и не скрылась из глаз.

— Воронок!

Голос Буяна как-то странно завибрировал, и жеребец оглянулся. В два шага он приблизился к лежащим на земле людям и стал по-собачьи грызть на Властимире веревку.

Лошадиные зубы справились с пенькой живо. Князь напряг руки, освобождаясь от веревок, и сам развязал себе ноги.

За голенищем Буяна оказался не найденный карликами нож, и с его помощью князь быстро разрезал веревки, опутывавшие новгородца.

— Хороший у тебя жеребец, Буян! — воскликнул Властимир.

Ответа не последовало. Буян лежал на боку, вытянувшись и закрыв глаза. Лицо его, все еще напряженное, было белее снега, мокрые волосы прилипли ко лбу.

— Буян? — бросившись к другу, князь встряхнул его за плечи, приподнял, послушал сердце. Гуслир похолодел, его сердце не билось.

— Буян! Буян, друг! Слышишь ли меня? — звал князь уже без надежды. Сомнений, что гуслир умер, не было.

Но Властимир все равно не мог поверить в это. Он кричал, тряс за плечи бесчувственное тело друга. Как боги допустили, чтобы погиб Буян, отдав за него жизнь? Он столько раз уже защищал его, и вот теперь... Неужели же так ценен князь, что, защищая его, гибнут лучшие люди?

— Прости меня, Буян, — прошептал Властимир, обнимая его. — Прости за все, брат.

Лица их соприкасались, и Властимиру почудилось, что на щеке он почувствовал легкое дыхание. Не веря себе, он поднес ко рту гуслира лезвие ножа — и оно покрылось еле заметной мутью, запотев от дыхания. Властимир снова принялся тормозить друга, растирать ладонью ему грудь и руки. Тот задышал глубже, слегка пошевелился и застонал.

— Буян! Буян? — позвал князь.

Гуслир разлепил мокрые ресницы, глянул мутно. — Ты живой, Буян! Живой! Князь снова потер ему грудь, но тот остановил князя:

— Не надо. Дай дышать!

— Дыши, дыши, — Властимир отпустил друга, чтобы не мешать ему возвращаться в мир живых. Буян снизу вверх глянул на него и слабо улыбнулся:

— Прости...

— Да за что же? — воскликнул Властимир. — Ты жизнь нам спас, чуть собой не пожертвовал, а я...

— Вот за то и прости! — легкий румянец пополз по щекам Буяна. — В колдовстве я не опытен... Сил не рассчитал... Я Воронка, еще когда в первый раз очнулся, позвал... Сам не знаю как, но позвал. А когда снова глаза открыл, то сразу почувствовал, что мчится он сюда, на призыв мой, и скорее умрет, чем остановится. Я ждал, верил, что рядом он, и подгонял его как мог, силы давал... А потом надо было самим волкам страх внушить, а Воронка драться с ними заставить... Он ведь волков знаешь как боится! У других волхвов это запросто получается, а я вот чуть жизни не лишился...

— Ты только побереги себя, Буян. Опыт со временем придет. И не такое сможешь... — уверенно молвил Властимир. В тороках гуслира нашлась кое-какая смена одежды и, что для него было самым важным — его гусли. Они надеялись, что им удастся добраться до какого-нибудь селения и вызнать, куда их занесло. Друзья тешили себя надеждой, что вряд ли очередные слуги Змея, эти карлики, думают, что их жертвы уцелеют. О них, наверное, все забыли.

Плохо было другое — исчез Облак. Гуслир не знал, был ли старый конь вместе с Воронком, когда он позвал своего, или нет, но одно было несомненно — найти его было невозможно. Князь печалился о верном товарище, но делать было нечего. Примерно час

спустя, когда Буян совсем оправился, они тронулись в путь. После долгих споров гусяр настоял, чтобы Властимир ехал на коне, а он пойдет пешком, ведя норовистого Воронка в поводу.

Сколько хватало глаз, повсюду простиралась всхолмленная равнина, поросшая травой, мелким кустарничком и рощицами небольших кривых деревьев. В низинах текли ручьи, реки или лежали маленькие болотца, над которыми облаками стояла мошкара. Комарье с гудением и визгом набрасывалось на двух людей и лошадь. Приходилось выбирать путь по высотам, где ветер отгонял эту летучую погань. Они шли почти весь день, но не встретили ни домика, ни даже человеческих следов. Только звери изредка показывались им и не спешили уходить — верный признак того, что людей они не видели и не боятся.

Новый день тоже не принес ничего. Они развели огонь, надеясь, что его свет приманит к ним хоть какого-нибудь дикаря, но надежда была напрасной. Они были одни в целом свете, и оставалось только идти на юг по солнцу и гадать, сколько же времени им так идти.

Стало прохладнее. Небо заволокло тучами, подул северный ветер. С вершин отдельных взгорбин можно было увидеть, что на западе не то идет проливной дождь, не то поднялись горы. Глядя на них из-под руки, Буян вспомнил, что он как-то слышал от варягов о северных землях — там нет ничего, кроме таких унылых равнин, рек и болот. И земля такая тянется до самого моря, а с запада ее ограничивают горы. Но если это так, то блуждать им по этим равнинам еще много дней — до самой зимы, пока хоть на какое-нибудь жилье набредут. Это его огорчало, и он пока не хотел делиться своими мыслями с Властимиром.

Ближе к полудню на вершине одного холма они увидели единственное дерево — толстую покляпую березу. На голом, лишенном коры и листьев суку сидела кукушка и задумчиво чистила перья. Друзья подошли к птице. Заметив их, кукушка перестала обираться и уставилась на них не по-птичьи внимательно.

Выпустив повод Воронка, Буян шагнул к березе и вскинул в приветствии руки, заговорив:

Спой нам, мудрая кукушка!
Спой, таинственная птица,—
где же мы, в края какие
занесло двух чужестранцев?
Мы скитались по дорогам,
в Новгороде бывали,
а теперь вот очутились
где — еще не знаем сами...

Кукушка внимательно слушала Буяна и вдруг захохотала по-человечьи и вспорхнула.

Пораженный Буян отпрянул. Кукушка, все еще дико и страшно хохоча, сделала над ними круг и улетела вдаль.

— Не звала ли она нас за собою? — предположил Властимир.

— Все может быть, только смех ее мне не понравился...

— Но что ж сделаешь? Другого выхода, видать, нет. — Князь натянул повод, разворачивая жеребца. — Знать, судьба у нас такая. Едем!

Они отправились в ту сторону, что указала им кукушка. Хотелось побыстрее хоть куда-нибудь прийти — надоела эта равнина им до смерти.

Они не прошли и трех верст, как впереди показалось какое-то пятнышко, быстро приближающееся к ним. Путники остановились.

Не успели они и глазом моргнуть, как пятнышко превратилось во всадника на сером коне с золотой гривой, который летел над землей, делая за один скачок по несколько верст. В следующее мгновение перед ними остановилась огромная старуха, правившая этим жеребцом, закутанная в шкуру медведя с головой зверя. Длинные седые волосы разметались космами по плечам. У нее было морщинистое уродливое лицо, на котором ярко, как уголь,

горел единственный глаз. Одной рукой старуха правила своим конем, а в другой у нее была коса. Конь под ней был странный — очень близко держал передние ноги.

Остановившись подле побратимов, старуха оглушительно свистнула, а потом спросила визгливым голосом:

— Кто такие? И что в моих владениях делаете?

Буян поклонился и ответил:

— Ты прости нас, хозяйюшка, — не своей мы волею. Занесли нас сюда вороги неведомо как. Теперь вот домой направляемся, хотели только спросить, в какую сторону ехать... Не воры мы, не разбойники — просто путники мирные.

— А кто ты такая, бабушка? — как можно вежливее вставил слово Властимир. — Что за страна-то такая у тебя?

Старуха от его слов нахмурилась. Жеребец под нею нетерпеливо переступал с ноги на ногу. Подлетевшая кукушка испуганно взвилась в поднебесье, по-человечьи захохотав оттуда.

— Сначала ответь, ты кто таков сам-то будешь, молодец? — рявкнула она.

Буян обернулся и шепнул князю:

— Она, видать, волшебница — конь у нее не простой. А потому не след нам с нею ссориться.

Князь сказал громко:

— Имя мне Властимир, князь я из Резани. Друг мой — Буян, гуслиар из Новгорода...

— А меня Лоухи зови, — представилась старуха. — И вся земля, что видишь ты, — моя страна. Вообще-то сама я живу гораздо севернее, но здесь мои охотничьи угодья да пастбища. Не было до сих пор мне зла от славянских князей. Поэтому дорогу я вам покажу. Да только условие у меня есть, — Лоухи довольно оскалилась. — Кто ко мне придет да уйти захочет, тот должен мне самое ценное, что имеет, оставить. Когда-то я так этого вот конька и заполучила...

Старуха замолчала, внимательно рассматривая путников горящим глазом. Вдруг она протянула косу и ловко срезала ремень, державший мешок с гуслиями.

— А, кантеле! — воскликнула она, подхватывая мешок. — Я забираю их!

— Куда? — Буян бросился к ней — Отдай, я не могу без них!

— Отлично! — кивнула Лоухи. — Тогда ты тоже останешься у меня.

Она уже протянула руки, чтобы схватить Буяна, но ее остановил Властимир:

— Не тронь, Лоухи! Это друг мой, я не могу его оставить!

Старуха хитро прищурила глаз:

— Стало быть, дорог он тебе, князь из Резани?

— Дороже брата родного, — ответил Властимир и понял, что Буян пропал, потому что старуха тотчас откликнулась:

— Чтобы покинуть мои владения, каждый должен отдать самое дорогое, что есть у него. Твой друг дорог тебе — значит, ты им и откупишься. Я забираю его, а ты можешь ехать!

С этими словами она подхватила Буяна под руки, одним рывком вздернула на спину своего коня и бросила поперек седла, как кочевник бросает полонянина. Буян, как заколдованный, не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Старуха Лоухи пристроила в торока гусли и, развернув коня, показала Властимиру рукой на небольшую речку:

— Езжай, молодец, вниз по реке и доберешься.

Властимир не знал, что делать. Серебристый конь ее летает как птица, а сама она ведьма, каких мало. Но может быть, найдется на нее какая-то управа? Не хочет он без гуслияра дальше ехать!

Обессиленный Буян оглянулся на князя и увидел, что тот замер словно громом пораженный. Он закричал:

— Что же ты стоишь, Властимир? Или ты ослеп? Погляди — неужто не видишь, что за конь под старухой Лоухи? Вспомни, что ворон сказал!

Властимир вышел из оцепенения и сразу вспомнил слова седого ворона о волшебном златогривом коне, что может достичь острова, где спрятан таинственный Агриков меч. Под старухой был конь о трех ногах — две передние в бабках срослись в одно широкое копыто. Длинная грива вспыхивала и отливала золотом, шерсть блестела серебром, на боках из-под покрывавшей их звериной шкуры высывались крылья, уже готовые расправиться.

Властимир прищипорил Воронка и подскакал к Лоухи:

— Погоди, старая! Давай честно!

— Честно? — Лоухи удивилась. — Но я и так честна с тобой, князь из Резани. Чего тебе надобно?

— А того! Мы, славяне, тем и славны, что с малых лет не приучены своих людей в беде бросать. Где это видано, чтобы славянин славянина в рабство продавал? Коли хочешь его увести, давай биться с тобой — кто победит, тот и гусяра с собой уведет.

Лоухи хитро поглядела на Властимира и вдруг захохотала.

— Клянусь моими волками, неплохо придумано! — промолвила она, отсмеявшись. — Так мне еще не приходилось дань получать!.. Но будь по-твоему, человек. Только учти — не по себе сук рубишь.

— А ты не бахвалься раньше времени, шкуру неубитого медведя не дели, лебедя не щипавши — за кушанье не садись, — возразил Властимир. — До тебя так многие говорили да бахвалились, а только я здесь, а они где? Сгинули без следа!.. Скажи лучше, что ты ставишь, чтоб уж все было равно!

Лоухи прыгнула на землю и хлопнула коня по крутой шее:

— Вот его!

Властимир сделал вид, что недоволен. Он придирчиво осмотрел жеребца.

— На что мне трехногий уродец? — молвил он сердито. — Он же шагу не ступит — упадет. Нет!

— Да ты глянь только! — воскликнула оскорбленная его речами старуха. — Второго такого во всем свете не сыщешь! Гляди!

И она откинула со лба коня густую челку.

Меж ушей его торчала шишка размером с кулак. Когда луч солнца упал на нее из-за туч, она вдруг засверкала как свеча. Жеребец же заржал, и из ноздрей у него полыхнуло пламя. Он широким сильным движением расправил крылья и замахал ими так, что поднялся ветер. Лоухи, повиснув у него на узде, еле смогла его укротить.

— Вот каков он. От того камня, что во лбу видел ты, по ночам светло как днем. Конь этот может море в два прыжка перелететь, землю всю за день obeжит, а ты говоришь — уродец! Только не получишь ты его никогда! Вовек тебе меня не одолеть.

Властимир спокойно ответил:

— Что ж, поглядим.

ГЛАВА 10

Лоухи взяла повод жеребца, отвела его к дереву и привязала к сухому суку. Потом сняла с седла Буяна и привязала его веревкой рядом с конем.

Стараясь не глядеть в лицо друга, князь спешился, снял с коня уцелевшие меч и щит Буяна, проверил то и другое по руке. Щит подходил как нельзя лучше, а вот меч был легковат, но делать было нечего.

Лоухи взмахнула косой, и та превратилась в длинный меч с двойной рукоятью, какой Властимир видел только у варягов. Старуха взялась за него обеими руками и, взмахнув пару раз для пробы сил, встала, готовая к бою.

Властимир не знал всех возможностей оружия старухи, поэтому не спешил нападать, и Лоухи ударила первая. Ее меч описал в воздухе дугу и наткнулся на выставленный Щит, на миг застряв в нем. Пользуясь тем, что ее бок открыт, Властимир попробовал ударить старуху справа, но та ловко отскочила и коротко ткнула князя мечом. Властимир едва успел

закрыться щитом второй раз.

Лоухи перешла в яростное наступление, и Властимиру пришлось отступить, обороняясь. Двуручный меч старухи грозно свистел в воздухе, но никак не мог достать проворного князя. Властимир не стоял на месте, все отбегал назад и в стороны, вынуждая свою противницу тратить силы понапрасну. Время от времени он сам кидался на нее, чтобы найти у Лоухи слабое место, но не находил и снова отступал.

— Куда же ты! — взвизгивала Лоухи, когда он опять ускользал от нее, вместо того чтобы встретить удар, как положено воину и мужчине. — Ты же витязь! Сражайся!

Но Властимир понимал, что в этом случае ему не выстоять перед мощной Лоухи. Его удача была в проворстве — однажды старуха опоздает поднять меч, и он этим воспользуется. И он снова лишь изредка нападал и тут же опять отскакивал, прикрываясь щитом и гася тяжесть сыплющихся на него ударов.

Рассвирепев от бесплодных попыток достать неуловимого резанца, Лоухи вдруг сама шагнула назад, притворно отступая, но когда Властимир подался вперед, топнула ногой по земле.

Вершина холма, где они бились, отозвалась гулом и дрожью, словно пошевелился спящий зверь. Сделав еще шаг, Властимир неожиданно почувствовал, что земная твердь уходит у него из-под ног.

Не веря своим глазам, — он посмотрел себе под ноги — там, где он стоял, земля размягчалась, словно болотная грязь, засасывая его. Ноги его все глубже погружались в болото. Он попробовал сделать шаг в сторону, на твердое место, но земля крепко держала его.

Всюду, куда он ни ступал, земля под его ногами превращалась в болотную жижу. Лоухи ликовала, не пытаясь скрыть своей радости — она прыгала на месте, размахивая мечом.

— Пришел тебе конец, резанец! — вопила она. — Готовься к смерти!

Подняв меч над головой, она бросилась на него.

Ноги Властимира уже ушли в землю почти до колен, и почва схватила их крепко, как зверь желанную добычу. Собрав силы, князь попытался выпрыгнуть, но не тут-то было — он провалился еще на вершок. В последний миг, когда сверкающий меч старухи уже мелькнул над его головой, он поднял щит, защищая голову.

Страшный удар, рубящий человека напополам, обрушился на него. Щит Буяна был сделан из дерева, обтянутого толстой кожей и скрепленного по краям железной полосой. Дерево не выдержало и треснуло вдоль. Меч сверкнул возле головы князя, промахнувшись на волос. Князь отбросил бесполезные обломки, а старуха завывала от радости и подняла меч для второго, последнего удара.

Второй удар Властимир принял на свой меч, перехватив его двумя руками. Он был опытным бойцом — если бы не державшая его за ноги земля, у него достало бы умения и сил достойно завершить бой, но теперь... Он не мог так долго держаться... Он еще отбивал удары Лоухи, но уже чувствовал, что это ему удастся лишь потому, что она сама пока щадит его, желая позабавиться.

И тут Буян почувствовал, что колдовские путы его отпустили, осталась только крепкая веревка. Воротились силы, и он закричал, взывая к земле:

Уж ты гой еси, земля сырая!
Как тебе, земле, не стыдно —
тот, кто за тебя сразился,
от твоей погибнет хляби!
Чем тебе он не угоден,
чем, скажи, он провинился?
Ты предать его не в праве,
пока путь наш не закончен.

Укрепись, земля сырая!
Кость яви нам, а не мясо!

Услышав его голос, оба противника — князь и старуха — на миг остановились. Лоухи обрадованно захихикала, грозя ему кулаком:

— Аи, хорош! Хорош! Не прогадала я — такого певца получу! Ты мне горы свернешь, реки узлом завяжешь, само солнце заставишь по-иному ходить! Готовься пока!.. Аи, хорош, хорош!

Она так развеселилась, что отвлеклась от Властимира. Князь же после слов Буяна почувствовал, что земля под ногами твердеет. Но она грозила намертво захватить его ноги. Он собрал силы и вырвался из ее объятий в тот самый миг, когда вершина холма опять обрела твердость. Сапоги князя были вымазаны в желтовато-бурой, словно болотной, грязи, но он прочно стоял на земле, которая — он знал это — больше его не предаст.

Лоухи поздно увидела, что князь освободился, и задрожала от ярости. Погрозив улыбающемуся Буяну кулаком, она снова бросилась на Властимира. Тот ждал ее, чуть отведя меч в сторону. Всякий другой бы понял, что князь задумал какую-то хитрость, но Лоухи обезумела от того, что ее жертва избежала ловушки. Она налетела на него, подняв меч над головой двумя руками, и с размаха опустила его... на пустое место. Властимир увернулся от падающего клинка, и тот с хрустом вошел в землю до половины, разрезав ее как каравай. Не удержавшись на ногах, Лоухи качнулась вперед, пытаясь вытащить меч, и князь, не чувствуя сожаления, ударил ее сапогом пониже спины.

Старуха растянулась на земле. Она тут же проворно перевернулась, чтобы встать, но не смогла пошевелиться — над нею встал Властимир. Кончик его меча касался морщинистого старушечьего горла.

— Вроде меч не велик и тонок, да любого силача с ног свалит, — молвил он. — Ну, что, старуха, чья взяла?

Боясь, что он проткнет ей горло, Лоухи только колотила руками по земле и выла от злости:

— У-у! Твоя взяла, витязь, князь из Резани! Ты победил меня... Меня! — вопила она в ярости. — Меня еще ни один витязь не заставлял отступить! Я любого могла победить! Сколько воинов против меня выходило нарочно — ни один одолеть не мог! Ты первый... У-у! Лучше бы тебе не являться сюда совсем!..

Властимиру надоели причитания старухи, и он нажал острием меча посильнее:

— Кончай выть, волчица! И убирайся, куда я не передумал! Я оставляю тебе жизнь потому, что спорили мы не на нее... Иди прочь и не вздумай мешать мне! Поняла ли?

Он убрал меч от ее горла, и Лоухи торопливо встала.

— Поняла, князь, поняла, — промолвила она торопливо, — Как не понять!

— Коня я забираю и друга своего, Буяна, — тоже, — сказал Властимир. — И мы уезжаем. А ты запомни, кто тебя первый в грязи вывалял!

— Запомню, все запомню, — ответила Лоухи. — Князь из Резани, именем...

— Властимир, — напомнил победитель Властимир.

Он отвязал златогривого коня и освободил Буяна. Гусяр обнял побратима.

— Спасибо тебе, друг, — сказал он — И меч мой пригодился...

— Да, о мече! — Властимир обернулся к Лоухи. — Слышь, старая! А правду говорят, что конь сей может отнести любого туда, где Агриков меч сокрыт?

Старуха вздрогнула, будто ее ущипнули:

— А чего? Может, князь, он все может, только надо знать, куда править!

Властимир уже хотел было спросить ее, в какую сторону надо ехать за мечом, но Лоухи вдруг свистнула, да так, что лошади шарахнулись в сторону. Ветер пригнул к земле кусты, сорвал с березы птицу.

Властимир с Буяном увидели, что издалека к ним несутся два волка. Они мчались, перескакивая через речки и холмы, как златогривый конь. Шерсть на их спинах блестела

точно так же, как и у него. Подлетев, волки припали перед старухой, задрав морды.

Друзья уже решили, что сейчас она натравит зверей на них, но Лоухи крепко помнила урок. Она ловко вскочила на спины зверей, встав на каждую одной ногой, и снова свистнула. Волки разом прынули вперед и понесли хозяйку вдаль с холма на холм.

Друзья провожали ее взглядом до тех пор, пока она не скрылась из виду, и только, после этого отправились в путь.

Трехногий златогривый конь Лоухи сначала сопротивлялся, почуяв на себе чужого, но Властимир без долгих споров ударил его кулаком промеж ушей, и тот смирился от неожиданной боли. Сам князь, забывшись, отшиб кулак о камень-самоцвет на его макушке.

Они направили коней в указанную старухой сторону, но сразу поняли, что ехать им теперь вместе непросто.

Повинуясь всаднику, златогривый конь подпрыгнул и мигом перенес его на соседний холм, до которого было не менее ста саженей. Буян же на Воронке остался далеко позади.

Осадив коня, Властимир подождал, пока друг подъедет ближе.

— Трудненько нам будет так ехать, — сказал тот, равняясь. — А порознь нам никак нельзя. Что делать будем, Властимир? Мой Воронок на скаку за твоим не угонится, даже когда тот шагом пойдет.

— Кабы осталась при мне та плеть, что Веденя дала, — вздохнул Властимир. — Она силу коню дает как птица лететь... Я ею пользовался когда за тобой в угорский стан вернулся. Тебе бы она помогла, да...

— И поможет! — обрадованно воскликнул Буян.

— Как! Пропала ж она вместе с... — он не мог вслух назвать имя старого коня.

— Ты прости меня, княже, — потупился Буян, — но не пропала она. Я ее у себя в тороках схоронил до случая...

— Да ты что! — ахнул Властимир. — Воровать? И у кого — у друга! Этого я тебе не прощу!

— Простишь! — звонко выкрикнул Буян — Я ее нарочно перепрятал, чтобы ты не забылся. Тебе Веденя что сказывала? Три раза только можно ею пользоваться — на четвертый убьет она коня... Так вот — два раза уже было!

— Когда? Один только — когда я к уграм в стан скакал!

— И один раз до этого, когда я Сирин-птицу от тебя отгонял: я ее той плетью ударил, чтоб унесло ее от нас подальше... Про то я тебе не сказывал, хотел до случая подождать.

Воспоминание о птице Сирин, когда гусяр спас ему жизнь, заставило Властимира успокоиться. Гусяр был прав, пряча от него плеть. Только почему раньше не сказал про первый случай?

Буян тем временем достал Веденеину плеть из тороков.

— Ну, княже, пора в дороженьку!.. Или мы еще что забыли?

Властимир молча кивнул, и Буян, примерившись, ударил Воронка плетью. Жеребец завизжал и, подобрав ноги, скакнул ввысь. Следом за ним поднялся златогривый конь — и холмы с березами на вершинах остались далеко позади.

Кони летели по поднебесью как птицы. Облака проплывали у них под ногами. В их разрывах внизу мелькала равнина — холмы, ручьи, речки, озера, еловые чащи да болота. Несколько раз вроде как деревеньки промелькнули, но друзья не обратили на них внимания.

Жеребцы камнем пали наземь, оттолкнулись и опять взмыли к солнцу.

Вновь кони коснулись земли на гребне хребта, который путники видели раньше издалека, и опять взмыли в воздух. Под копытами коней пронеслись скалы, каменистые склоны ущелья с озерами и руслами узких речек — и все осталось позади. Властимир и Буян смотрели вниз, на открывающуюся им землю — они до сих пор не ведали, что она такая большая. Даже дух захватывало — так хотелось остановиться, поглядеть на все ближе, но горы пронеслись и пропали, а внизу раскинулась бесконечная гладь воды, сверкающая под лучами солнца.

— Море-океан! — крикнул Буян на лету. — Это море, князь! Мы летим верно!

— Это и в самом деле море? — отозвался Властимир. — Никогда бы не поверил!

— Держись, княже! То ли еще будет!

Безграничная водная гладь сверкала синим и зеленым с серебряными искрами. Белые глыбы облаков отражались в нем, а в воде тенями скользили морские чуда и огромные косяки рыб. Несколько маленьких скалистых островков попало на пути и унеслось назад. Появился корабль с вырезанной звериной головой на носу и косым полосатым парусом. Буян, как мальчишка, помахал им шапкой и заорал что-то веселое. Он даже захотел снизиться и натянул повод Воронка, но Властимир окликнул его:

— Куда ты, бешеный! А если тебя приметят?

— А я того и хочу! — веселился гусяр. — Подумай только, что они своим детям, когда вернутся, расскажут! Такое не забывается — люди в небе летают как птицы! Когда такое еще будет?

— А ты говорил, что когда-то люди летали.

— Было такое, но то на ящерах в века стародавние, а в наше время...

Пока они спорили, корабль скрыли облака, и побратимы полетели дальше.

Солнце склонялось к закату прямо перед ними. Море впереди уже начинало розоветь, и в нем черным пятном встала какая-то земля. Трехногий жеребец направился прямо туда, расправив крылья и вытянув шею.

У Властимира перехватило дыхание и ком подкатил к горлу, голова закружилась, когда земля стремительно, как пущенный камень, стала приближаться. Он схватился за луку седла и не сдержал вскрика, когда жеребец опустил на крутой берег. Тяжелые копыта ударили в камни, выбив три ямки. Конь едва не споткнулся, но выравнялся и поскакал от берега в глубь острова. Следом за ним, немного отстав, приземлился и Воронок.

Гусяр вскоре догнал князя. Его жеребец шел полным скоком, а конь Властимира шел неспешно, согнув кругую шею и смирив дыхание.

Остров, который они не успели путем осмотреть с высоты, оказался ровным, лишь впереди, в нескольких верстах перед ними, вставала одинокая гора, покрытая лесом. На равнине же росли только невысокие кусты и короткая жесткая трава. И никого живого, кроме птиц над морем.

Только топот копыт двух коней нарушал тишину острова. Гора была все ближе, и кусты пошли гуще. Всадникам пришлось сдерживать бег коней.

— Как думаешь, где искать меч? — молвил Властимир.

— Мнится мне, на вершине, что впереди, должен он быть сокрыт, — ответил Буян, подумав. — Коли это тот остров, больше нигде. Но где он там — не ведаю.

Горы им достичь сразу не удалось — оказалось, что кусты скрывали залив, который надо было обойти. Всадники остановились — чтобы достичь подножия горы, им надо было пройти не менее трех-четырех верст, пробираясь меж скал и корявых деревьев, теснящихся на камнях.

Делать было нечего: кони устали, и друзья спешили, осторожно ведя их в поводу. Вскоре заросли совершенно скрыли от них залив, и только по шуму прибоя можно было сказать, что они не заблудились. Стало быстро темнеть.

Идти было тяжело — кусты цеплялись колючими ветвями. То и дело приходилось останавливаться, чтобы выбрать более удобный путь или расчистить дорогу лошадям. Устав сражаться с растениями, они скоро вынуждены были спуститься ниже, к самому прибоя, что с ревом и гулом налетал на каменистый пляж, изогнутый наподобие лука. Властимир с удивлением следил за водой.

— Неужели она никогда не останавливается? — задумчиво спросил он. — Хотя бы по ночам?

— А ты видел, княже, чтобы ночью перестала течь река? — ответил ему вопросом Буян.

— Эко, хватил! То река — ее море к себе тянет, вот она и течет, даже подо льдом. А тут что?

— Кто знает?.. Может, на дне чудища морские дышат и колышут воду, а может, это сами реки, сливаясь в океан, воду его волнуют, — пожал плечами гусляр. — Коли бы доплыть до края моря, так можно было бы узнать наверняка. Так же — что гадать?

— Тише, — вдруг остановил его Властимир, — ты ничего не слышишь?

Буян остановился, прислушался.

— Скажут, — удивленно протянул он. — Или мне только блазнится?

Топот копыт и в самом деле приближался. Скоро можно было увидеть несколько всадников с факелами, что мчались прямо на них по берегу залива. Издалека славяне разглядели их оружие и одежду и совсем не обрадовались.

— Варяги, — сквозь зубы процедил Буян, — будь они неладны!

— Викинги, должно, — поправил Властимир. — Мне Торболд рассказывал о них. Они родичи варягов, даже язык схож.

— Родичи они или нет, а нам от этого не слаще, — возразил Буян.

Больше они ничего не успели сказать, потому что хозяева острова осадили перед ними коней.

Впереди возвышался на белом жеребце высокий могучий викинг в кожаных доспехах и рогатом шлеме, из-под которого торчали рыжие волосы и такого же цвета борода. Подле него были два воина помоложе — они держали факелы. Сзади остановилось еще несколько всадников.

Рыжий некоторое время разглядывал пришельцев из-под низко надвинутого наглазника шлема и наконец что-то проговорил. Язык и в самом деле был знаком Властимиру и немного Буяну, но рыжий так картавил, что его не сразу поняли и скорее догадались, что он спрашивал, кто они и откуда.

Как всегда, первым придумал ответ Буян:

— Мы плыли по поручению великого Рюрика, государя Гардарики, к конунгу всех викингов Эрику Красноглазому. Наш корабль высадил нас на этом острове после того, как за нами погнались пираты. Кормчий обещал подобрать нас после сражения, но корабль погиб. Мы знали о том, что на острове есть поселение викингов, и решили идти к вам и просить о помощи. Эрик Красноглазый и Рюрик, новгородский князь, щедро наградит тебя, конунг, за помощь нам.

Рыжий викинг с любопытством рассматривал гостей острова.

— А чем докажете, что вы — послы Рюрика?

— Посол — он, — Буян указал на Властимира, — князь резанский Властимир, Рюриков зять. У него перстень с личным гербом Рюрика, который тот вручил ему в Новгороде перед отплытием. Я же — всего лишь спутник его...

— Чем докажешь, что твой слуга говорит правду? — обратился рыжий к Властимиру.

Буян обиженно засопел, а Властимир спокойно показал даренный Торболдом перстень с трезубцем:

— Вот, смотри.

Викинг наклонился вперед, близоруко прищурился, но Властимир держался как настоящий князь и не спешил приближаться. Тогда рыжий конунг сделал вид, что разглядел все, что надо, и, еще немного подумав, предложил сухо:

— Что ж, для меня честь принять послов из Гардарики. Скажи своему слуге, князь, что он может следовать за нами, а сам присоединяйся ко мне. Будете гостями!

Властимир сдержанно поклонился:

— Благодарствую, конунг!

— Придется тебе позади ехать, — шепнул он гусляру. — Не обессудь!

— Ничего, я, привык, — отозвался тот, — Только обидно мне, что все меня за твоего слугу принимают.

— Кто — все? Викинг этот первый! А вот удивления достойно, откуда ты все это узнал — и про Гардарику какую-то, и про этого самого... Эрика Красного?

— Эх, Властимир, — Буян гордо улыбнулся — Знать, больше твоего я с варягами

общался, пировал вместе с ними в Новгороде. Они к нашим медам непривычны — перепьются и начнут хвастать, кто у какого конунга в друзьях да в родственниках. Только запоминай! Знаешь сколько у них конунгов? На каждом острове свой! Так что ошибиться я не мог... Успокойся, князь-друг, и веди себя так, как до сих пор вел, а я уж не сплешаю...

Кивнув гусяру, Властимир присоединился к рыжему викингу, и все отправились к нему в гости.

Викинга звали Рориволдом, и жил он на этом острове уже много лет. Его замок стоял в глубине залива, где у причала покачивалось несколько драккаров. На одном из них он сразу пообещал отправить мнимого посла и его слугу завтра поутру в море.

Замок высился на приморских скалах, со стороны берега огороженный стеной из каменных глыб с башнями и тяжелыми подвесными воротами, мостом через глубокий ров с отвесными краями. На дне его плескались воды залива, отведенные сюда через канал.

Внутри, в замке, все напоминало дом самого Властимира: здесь были и главный терем, и конюшни, и жилища слуг, и склады, и прочее. Только все было сложено из камня. Сам терем состоял из двух башен и перехода между ними с широким входом, в который все въехали прямо на лошадях; слуги жили в сараях, немногим отличающихся от скотских хлевов, и были одеты в тряпье, какого дома у Властимира не найдешь в собачьей конуре в подстилке. На стенах всегда наготове были котлы со смолой и камни, словно завтра ожидалась война.

Рориволд вел себя так, словно его почтил присутствием тот самый конунг Эрик. Он въехал в ворота собственного замка с чрезвычайно довольным видом, его громкий голос вмиг созвал всех слуг. Не слезая с коня, Рориволд потребовал, чтобы для гостей были немедленно приготовлены покои и в парадной зале накрыли достойное угощение. Отдав приказы, он, так и не спешившись, отправился дальше по двору окруженный слугами и своей охраной.

Вся его свита и гости вслед за ним въехали в зал, где под сводами гулко раздавалось эхо от топота коней и голосов людей. Пол был покрыт отшлифованными плитами, уложенными в узор. Стены закрывали шкуры зверей вместе с головами и старинные стяги с гербами. В глубине, где были два высоких узких окна, жарко горел огонь в камине, обогревая зал, в котором были две двери: налево — в женскую и направо — в мужскую половину замка.

Властимир и Буян с любопытством все разглядывали — никому из них не случилось видеть ничего подобного. Робкие слуги — по железным ошейникам Властимир признал в них рабов — молча приблизились и приняли коней. Их напугал необычный конь Властимира — златогривый трехногий жеребец Лоухи казался им чудовищем.

Другие слуги проводили гостей в комнаты с такими же каменными стенами, что и во всем замке. Это показалось Властимиру странным — кругом есть лес, отчего бы не построить деревянные хоромы: в них и теплее, и уютнее, а то в его комнате камин горел не переставая, и все равно было прохладно и сыро от близкого моря.

Не успел князь осмотреться, как явились слуги и внесли ванну с горячей водой. Властимир последний раз мылся и отдыхал по-человечески в Новгороде после победы над Змеем. Поэтому, увидев все, что для него приготовили, он помянул добрым словом викинга. Приглашение он принял, но двух девушек, что вызвались ему помочь, решительно прогнал — ишь чего удумали, бесстыдницы! Он вполне справится и сам — не больной и не старый!

Вскоре после того как Властимир помылся и устроился отдохнуть, дожидаясь, пока позовут на угощение, в комнату гостя зашел хозяин.

Властимир вскочил. Рыжий викинг оказался выше ростом, чем Властимир.

— Всем ли ты доволен, русский конунг? — с порога спросил Рориволд.

— Всем, хозяин, — улыбнулся, поклонившись, князь. — Только я не русский, а резанский князь. Только государь наш Рюрик может так называться.

— А резанский — это из той же земли?

— Резань — город мой родной, я князь Резани природный, мои предки тем народом

века правили. А Рюрик князь принятой, его земля Новгородская позвала.

— А велик ли твой город, конунг?

Властимир вспомнил стены на берегу Оки, свой терем, который не видал с весны, улицы, посады, поля вокруг града и ответил:

— И велик, и богат, и славен тож, — но тут он вдруг подумал, что Рориволд не зря про город его спрашивает, и спросил сам:

— А что тебе в том за нужда, конунг Рориволд? Или ты хочешь прийти к нам? Предупреждаю — друзей мы примем, а с врагами разговор у нас короткий. Пытался как-то один варяг град мой под себя забрать, да не вышло. Побили его, принял он смерть бесславленную.

— Не про то ты думаешь, гость дорогой, — обиделся Рориволд. — Мы здесь живем — третий год людей не видим, разве что пираты мимо пройдут. Отец мой простым воином по всему свету ходил, все страны посмотрел. Брат — на другой берег океана пять лет назад отплыл, землю новую искать. Только я сижу, ровно старик дряхлый, на своей земле, ничего не вижу и не знаю, что в мире делается... Ты б, когда добрался к Эрику Красноглазому, замолвил за меня словечко — бросил бы я все да и уехал куда-нибудь, славы да богатства искать, заодно и мир посмотреть.

Властимир вспомнил, что они находятся на острове посреди моря синего, и подумал, что не врет викинг. Он еще не стар, а сила уже почти вся в жир ушла. Такому и впрямь не дома бока пролеживать, а где-нибудь в море-океане с ветрами спорить да с врагами биться.

— Хорошо, — кивнул он, — буду в столице, укажу на тебя Эрику. А то и самому Рюрику, коли жив останусь.

Рориволд просиял так, что Властимир тут же решил, что обрел друга, и пожалел, что зря обнадежил его. Он пообещал себе, что, может, и откроется викингу, зачем сюда прибыл. Рориволд отворил дверь и пригласил резанского князя за собой.

Они спустились в парадный зал, где за два часа слуги совершенно его преобразили. На полу была набросана солома, скрывшая каменный узор, в углах свалили сено и рогожи, центр зала занимали столы, крытые рядом. На стенах ярко горели факелы, озаряя все красноватым светом и придавая всему зловещий и загадочный вид. В очаге жарилась целая туша быка.

Кроме самого Рориволда и его гостей в парадный зал спустилась почти вся его дружина — около пятидесяти воинов. Все они столпились вокруг стола, ожидая хозяина и гостей.

Слуги уже заставили стол блюдами с яствами. Рориволд усадил гостей на почетные места. Властимир настоял, чтобы Буян сидел с ним рядом, сказав, что новгородец ему не слуга, а друг и побратим. Дружинники расселись по своим местам.

Тут до сих пор закрытые двери на женскую половину распахнулись, и в зал вошла молодая женщина в сопровождении четырех других женщин разного возраста — одна была ее ровесница, одна чуть помоложе и две постарше.

Разговоры сразу смолкли. Вошедшая женщина была очень красива — невысокая, худенькая, с тонким станом, одетая в серо-желтое платье с шитьем по рукавам и подолу. Ее пепельные косы были закручены вокруг головы и спрятаны под венец, светло-голубые глаза были печальны, розовые губы не улыбались. Она держалась гордо. Рориволд подошел и подал ей руку.

— Моя жена Рогнеда, — сказал он Властимиру. — Я думал ты совсем не спустишься сегодня, как обычно, — прибавил он тише, обращаясь к ней.

— У нас гости, и я не хотела упустить такого события, — так же тихо отозвалась госпожа Рогнеда и посмотрела на князя с гусляром. — Я рада вас видеть здесь, господа. Сожалею, что не вышла к вам сразу — мне нездоровилось.

— Девчонка, наверное, умирает от скуки, — шепнул Буян другу, пока тот, поклонившись хозяйке, сел на место. — И я ее понимаю!

Властимир, который уже слышал от Рориволда о скуке островной жизни, этому не удивился, тем более что муж Рогнеде был явно не мил — что-то слишком пристально она

посмотрела на Буяна и даже попыталась улыбнуться гостям со значением. Рядом с толстым могучим Рориволдом она казалась рябинкой подле кряжистого дуба.

Викинг отвел жену к столу, и только после этого дал знак к началу праздничного пира.

ГЛАВА 11

Угощение у викингов было на славу — такого количества мясных блюд и разнообразного вина Властимиру не приходилось встречать ни разу. Только если в одно собрать все пиры, где ему вышло побывать, вот тогда и можно сравнивать.

Все вокруг было столь необычно, что он больше смотрел по сторонам, чем в тарелку. Викинги оказались мастерами по части того, кто больше способен съесть или выпить. У него дома любого из гостей, кроме самых привычных, уже давно бы оттащили слуги и положили где-нибудь в углу отсыпаться, а эти все ели, пили и горланили пьяными голосами песни, а несколько шутов скакали меж столов и дразнили викингов, перекидываясь с хозяином шуточками. Рориволд был уже достаточно пьян, чтобы прощать им их выходки, но славянам поведение шутов не слишком нравилось — у славян ни один скоморох не позволит себе такого. Впрочем, Буян быстро нашел с шутами общий язык и чувствовал себя в своей тарелке.

С Властимира с самого начала пира не спускала глаз Рогнеда. Она сидела напротив мужа, но взгляд ее чаще останавливался на госте, нежели на нем. И Властимиру казалось, что во взгляде жены викинга сквозило какое-то участие, словно она что-то знала о князе, но была вынуждена хранить тайну.

Посреди пира, когда уже все были сыты и пьяны, она вдруг встала и подошла к мужу. Властимир проводил ее внимательным взглядом и услышал, как она, наклонившись к уху мужа, шепнула достаточно громко, чтобы услышал резанец:

— Господин мой, гости наши скучают! Не позволишь ли мне развлечь их?

Рориволд внимательно посмотрел на Властимира, на Рог-неду, на болтающего с шутами Буяна и с явным недовольством кивнул.

Супруга конунга подошла к Властимиру и сказала:

— Мой супруг милостиво разрешил мне немного развлечь тебя, господин.

— Благодарствую, госпожа, за заботу, — князь поклонился, прикладывая руку к сердцу, — но тебе не стоит так стараться. Я не скучаю совсем!

Князь знал, что хозяин огорчится, если гость на званом пиру будет скучать. Это значит, что хозяин не радушен. Рогнеда же под видом заботы о госте, похоже, задумала что-то свое.

— И все-таки ты скучаешь, как и я, — возразила она и ласково коснулась его руки прохладными пальцами. — А потому я решила пригласить сюда моего скальда. Он — мой единственный друг и собеседник на этом забытом всеми богами острове...

Она быстро хлопнула в ладоши и что-то шепнула подбежавшей служанке. Та удалилась.

— Ты наговариваешь на свою землю, госпожа, — сказал Властимир. — Сей остров боги почтили своим особым вниманием — ведь на нем есть ты, его лучшее богатство!

Рогнеда улыбнулась:

— Да, но золоту не место в запертом сундуке на дне сырого подвала.

На это Властимир не смог возразить, и Рогнеда присела подле него на скамью. Буян отодвинулся подальше, уступая ей место, но разговора с шутами не прервал.

Рогнеда время от времени поднимала на резанца голубые печальные глаза, в которых таилась страсть. Никто не обращал на нее внимания, и Властимир от души порадовался, когда двое слуг ввели скальда. Он повернулся к певцу и отвлекся от Рогнеды.

Скальд был еще молод — на год или два младше Властимира, но совершенно сед и слеп. Его вели под руки слуга и мальчишка, который нес на спине инструмент певца, очень похожий на гусли. Буян приготовился слушать с особым интересом.

Рогнеда поднялась навстречу скальду, взяла его под руку и отвела к столу, усадила и

сама начала его угощать, подавая кушанья и наливая вино. Пока он ел, она тихо и ласково разговаривала с ним, как со старым другом.

— Я все вызнал, княже, — шепнул Буян. — Когда-то этот певец пробовал свататься к ней, да оказался беден. Потом сюда приехал. Рориволд как-то застал его в спальне жены. Он ему вишь глаза-то и выколол, да убить не смог — голос у него знатный, а у викингов это вроде закона, чтоб каждый конунг своего певца в доме держал. Вот Рориволд его и терпит.

— Откуда ты все узнал-то? — подивился князь.

— А от них, — Буян кивнул на шутов. — Зря я, думаешь, все с ними болтал? Они все знают!

Скальд наконец наелся, и леди Рогнеда попросила его спеть для гостей. Певец кивнул и послушно встал. Тут же мальчишка взял его за руку и повел в середину зала, где усадил его на стул и положил ему гусли на колени.

Когда раздался голос певца, в зале было еще шумно, но потом песня дошла до ушей каждого, и понемногу все притихли, слушая. Рогнеда опять села поближе к Властимиру.

— Я попросила его спеть какую-нибудь старинную балладу, — шепнула она.

Скальд пел высоким нежным голосом — по сравнению с ним сильный голос Буяна казался грубоватым. После первых слов песни князь просто остолбенел и уже не сводил с певца глаз — скальд пел про дуб, что рос в чистом поле. Дуб тот был об одном сухом суке, и смотрел тот сук на стороны света, следя за бегом солнца по небу. Был не упомянут только ворон на том суку, а так все оказалось очень похоже на то, что Буян и Властимир видели на самом деле. Князь оглянулся на Буяна и заметил, что и гуслиар слушает с волнением.

Но дальше друзья удивились еще больше — в песне сказывалось о рыцаре Агрике, который возвращался домой с войны:

К дубу подъехал рыцарь усталый,
возвращавшийся с битвы кровавой —
три головы он срубил дракону,
три дня и три ночи со зверем сражаясь.
Рукой зажимал он рану под сердцем —
кровь по капле наземь сочилась.
Конь его пал на колени под дубом,
спешился рыцарь и меч свой вынул.
Поцеловал он клинок булатный,
голосом тихим с ним попрощался
и, размахнувшись из сил последних,
меч свой вонзил он дубу под корни.
Дуб застонал, шелестя листвою,
меч принимая в свою утробу.
Рыцарь же лег под высоким дубом,
лег и дышать перестал навечно.
Кости его стали прахом и пылью,
ржавчина съела панцирь железный,
имя и титул его забылись,
но не забыт его меч булатный.
Ждет он того, кто его достанет,
чтобы вкусил он последней битвы,
ибо ее наступает время...

Отзвенело эхо последней струны, и в зале повисла тишина. Потом все заговорили, а скальд одиноко сидел у огня, тихонько перебирая струны и чему-то улыбаясь.

Рогнеда пожала плечами, обращаясь к Властимиру:

— Я никогда не слышала эту песню. Это что-то новое... Рориволд тоже был удивлен.

— Эй, скальд! — рявкнул он на весь зал, — Откуда ты взял эту песню? И почему запел ее сегодня? Она мне понравилась! Что ж ты не пел ее раньше?

— Я не пел ее никогда и не буду больше петь, — ответил слепой певец, — потому что лишь сегодня здесь находится тот, кто должен ее услышать и для кого она предназначена.

— А кто тебе ее напел?

— Ветер... Волны, — ответил скальд с блаженной улыбкой. — Мир...

— Разрази меня Один, если я что-нибудь понимаю, — пробурчал Рориволд себе под нос. — Кто сегодня в этом зале? Те же, что и всегда, да еще и... Посол? Вряд ли!

Что же до Властимира, то он, услышав ответ скальда, весь ушел в думы.

Упившегося Рориволда увели под руки. Еще раньше со своими служанками удалилась Рогнеда, на прощанье кивнув князю с улыбкой. Мальчишка-поводырь увел слепца, лишив князя возможности расспросить его о смысле песни. Он был уверен, что речь идет о том самом мече, что ему надо добыть, но верно ли, что он находится под корнями того дуба?

Эта дума не отпускала его и тогда, когда он возвращался к себе в покои, слегка опьяненный вином Рориволда. Буян отстал, и князь остался совсем один.

Вдруг кто-то заступил ему дорогу. Погруженный в мысли, Властимир не сразу узнал человека в темноте, а узнав, удивился:

— Рогнеда?

Жена викинга вышла из тени и положила руки на плечи князя. Приблизив к нему лицо, она сказала:

— Я ждала тебя, русский конунг!

Она ждала поцелуя, и Властимир не смог ей отказать. Рогнеда трепетно прижималась к нему, положив голову ему на плечо.

— Ты силен и красив, русский конунг, — шептала она. — Я таких никогда не видела. Ты другой... Знаешь, у нас есть несколько рабов из твоей страны — они заметны среди прочих, как соколы среди ворон. Если такой убегает, его даже не пытаются ловить — все равно живым не дастся... А тебя я выбрала...

— И ты красива, Рогнеда, — молвил Властимир, — да только в гостях я — негоже мне хозяину нашему, а твоему мужу за заботу и ласку неблагодарностью черной платить. Иди к себе.

Но женщина не спешила отпускать его:

— Он не заметит — он пьян! Он мне хвалился, что уедет отсюда с тобой, бросит меня здесь одну ради золота и приключений. Я ему не нужна — возьми меня хотя бы на одну ночь! Я заплачу тебе!

Властимир отодвинул ее от себя:

— Нет, Рогнеда! Не в наших обычаях так с женами хозяев наших и друзей поступать!

— Друзей? — подняла брови Рогнеда. — Думаешь, Рориволд тебе друг? Да он тебя на драккар посадит и в город отвезет, а там цепи наденет и продаст, а то и продавать не станет — здесь цепи наденет!

— Опомнись! — воскликнул Властимир. — Что ты говоришь-то? Он ведь хозяин, а мы у него в гостях!

— Он пират! Что море выбросило, то ему принадлежит. Вчера только из похода вернулся, добычу привез. Ты ему можешь дорогу в Гардарики показать, вот он тебя и не убил сразу! Иди ко мне — я тебе потом помогу бежать. Иди, не пожалей!

Она опять бросилась ему на шею, жадно ловя его губы, но Властимир ничего не замечал. Он впервые встречался с таким двойным вероломством — муж обманывает гостей, а жена обманывает мужа или и мужа, и гостей разом для своего удовольствия. Кто же из них лжет? Хотелось бежать, предупредить Буяна. Но что делать дальше?

Рогнеда уже почти утянула его за дверь в его покои, когда опять послышались шаги. Женщина мгновенно отпрянула, проворная, как змея, а князь вышел навстречу незнакомцу. И вновь был удивлен — перед ним стоял мальчишка-поводырь слепого скальда с факелом в

руке.

— Ты что здесь делаешь? — спросил Властимир.

Мальчишка взял его за руку:

— Идем со мной!

— Зачем?

— Там ждут тебя. Очень ждут!

— Не ходи! — Рогнеда выскочила вперед, как кошка, вцепилась в руку князя, с силой отдирая пальцы мальчишки. — Там засада! Они тебя убьют или закуют в цепи! Послушай меня...

— Госпожа, это ему нужно, — возразил мальчик и поднял на Властимира большие глаза. — Если ты, росский конунг, хочешь знать, что тебе готовит судьба, иди за мной.

— Он тебя обманет! — закричала Рогнеда.

— Если веришь мне — идем! — звонко воскликнул мальчик, протягивая руку.

Властимир взглянул ему в глаза и взял его за руку:

— Веди.

Рогнеда побежала за ними, дергая Властимира за рукав:

— Не ходи туда, конунг! Прошу, вернись! Я люблю тебя!

Но Властимир оттолкнул ее, и она, зацепившись за что-то подолом, упала, в ярости колотя кулаками по полу и зовя Властимира.

Мальчик шел не говоря ни слова. Властимир же мучился сомнениями — а вдруг она ему не солгала? Он ведь один и безоружен, а во тьме в путанице коридоров так легко напасть из-за угла.

Чем дальше, тем больше подозрения закрадывались в душу Властимира. Мальчик вел его куда-то вниз, в подвалы замка. Узкие ходы с вырубленными крутыми ступеньками путались, изгибались и пересекались, как корни трав в земле. Своды становились все ниже и ниже, каблуки сапог скользили по плесени. Пахло гнилью, тухлой водой и мышами. Но время шло, они забирались все дальше и дальше, а никто на него не нападал, и князь немного приободрился.

— Кто тебя послал? — спросил он у мальчика на ходу.

— Ветер... Волны... Мир, — отозвался поводырь ровным голосом.

Властимир вспомнил, что точно так же ответил Роривол-ду скальд, и до самого конца пути не произнес ни слова.

В этих ходах, видно, редко кто бывал. Откуда-то звучно капала вода. Воздух стал тяжелым, неживым.

И вдруг своды раздались в стороны. Властимир увидел в свете факела, чадающего и мигающего в спертом воздухе, что они оказались в маленькой, не шире двух с половиной сажений в поперечнике, комнатке.

— Вот, — молвил мальчик, — пришли.

Властимир шагнул с последней ступеньки лестницы. Под сапогом хлопнула тухлая вода.

Мальчик стоял у входа и светил ему. При неверном освещении князь увидел, что в центре комнаты находится огромный старый пень шириной почти в полторы сажени.

— Попробуй вытащить пень, — сказал мальчик. — Под ним то, что тебе нужно.

Между пнем и полом обнаружилась небольшая щель. Властимир просунул туда руку и нащупал там что-то, похожее на кожу.

Выпрямившись, он примерился и взялся за пень под корнями, немного потоптался на скользком, залитом водой полу, отыскивая опору, и, найдя ее, рванул пень.

Сапоги заскользили по раскисшей глине, он едва не упал теряя равновесие, но уперся в корни пня коленями и устоял! Покрепче вогнав каблуки в глину, он рванул опять.

Пень поддаваться не желал — корни его уходили, наверное, в самое сердце земли, — но вода и время подточили их. Рванув в третий раз, Властимир почувствовал, что пень

поддается.

Сначала он поднимался тихо, незаметно, и князь не мог сказать — то ли пень рвется из земли, то ли это его пальцы скользят по мокрому дереву. Но потом вдруг внутри раздался треск и стон разрываемой плоти — и пень выскочил из земли. Не удержавшийся на ногах Властимир упал на колени.

— Вот это сила! — восхищенно прошептал мальчишка.

Стоя на коленях в развороченной глине, Властимир рассматривал то место, где только что был пень, который, как огромный паук, лежал у стены.

— Посвети-ка получше! — попросил князь. Мальчик шагнул ближе и встал у него над плечом.

Под корнями пня оказалась яма — неглубокая, но достаточно большая. В ней лежало нечто длинное, завернутое в кожу, которую Властимир нащупал вначале.

Князь медленно протянул руки к находке и достал ее. Она оказалась тяжелой. Положив ее на сухое место, Властимир стал разворачивать кожу. Она слоилась и расползалась под пальцами. И вот глазам князя предстал длинный меч в ножнах. При свете факела можно было рассмотреть сложный узор на них.

— Неужели Агриков меч? — благоговейно выдохнул он, любуясь находкой.

Мальчик молчал.

— Кто послал тебя сказать мне это? — спросил Властимир. — И откуда тот слепец знал обо мне? Кто ему нашептал?

— Ветер, волны, мир, — быстро повторил мальчик.

— Кто?

— Нам надо возвращаться, — ответил мальчик. — Ты получил то, что хотел, — теперь сумей это защитить!

И он направился к выходу.

Властимир вспомнил Рогнеду и ее предостережение о предательстве Рориволда. Мальчик не солгал ему — значит, солжет кто-то из них.

Взяв меч, князь проверил, легко ли он скользит в ножнах, и поспешил следом за проводником.

Поднимаясь на первый этаж замка, князь невольно замедлил шаг, прислушиваясь, как на охоте, и сразу понял, что за время его отсутствия в доме Рориволда что-то произошло. Там и тут в стенах торчали факелы. По каменным плитам пола стучали сапоги, где-то бряцали оружием, слышались крики и шум. Шедший впереди Властимира мальчик кивнул ему головой и растворился в путанице ходов, будто и не было его тут.

Коридор вывел князя в парадный зал, где всего несколько часов назад шумел пир. Сейчас столы были перевернуты и сдвинуты, скамьи брошены как попало, от выпавших из очага искр загорелась солома на полу, тлели стяги на стенах. При свете факелов было видно, что тут кипит сражение.

Десяток викингов кучей, мешая друг другу среди разбросанных скамей, лезли с оружием на Буяна. Гусляр стоял на столе самого Рориволда, возвышаясь над ними. Он был один против десяти, но не собирался отступать или сдаваться. Он не замечал князя, пока тот не обнажил меча, бросаясь ему на подмогу.

Длинное тело меча оказалось необычной формы. Совершенно прямое лезвие было срезано на конце косо, как у ножа для хлеба. Ближе к рукояти, которую слагали две змеи, по краю клинка шли два ряда зазубрин, на каждой из которых было высечено по какому-то знаку. Они вспыхнули, когда свет факелов упал на них, и Властимиру показалось, что змеи рукояти зашевелились, плотно обхватывая его руку.

Подняв над головой обретенный меч, Властимир крикнул гусляру:

— Держись? Буян! Я иду! — И бросился на викингов сзади.

— Коней выводите, княже! Я тут сам! — ответил гусляр.

Но Властимир, убив двух противников, оказался на столе спина к спине с другом. Его

меч блестел и переливался, словно был из самоцветных камней. Лезвие его уже было окровавлено — меч словно сам провел князя сквозь ряды викингов, как нож проходит сквозь масло.

В зал ворвался Рориволд с новыми силами викингов. Теперь против побратимов было три десятка врагов.

— Помнишь угров, княже? — быстро молвил Буян, подняв меч над головой.

— Помню, но их вроде поболее было.

— Верно, зато и арканы у них были.

— Тогда чего же мы ждем? Друзья переглянулись.

— Наверное, когда подойдут поближе? — улыбнулся Буян.

— Так они вроде как рядом, — князь кивнул на викингов.

— Тогда веди, князь!

И Властимир, взмахнув мечом, прыгнул вперед.

Викинги шарахнулись в стороны, когда меч в руках резанца описал сверкающую дугу. Несколько человек были рассечены им поперек груди. Причем доспехи не оказали мечу ни малейшего сопротивления. Кровь брызнула в лицо князю. Крики в зале перекрыл приказ Рориволда:

— Брать живыми! Не дать уйти!

Щита у Властимира не было, и он схватил меч двумя руками, как Лоухи. Теперь приемы, какими пользовалась старуха, сами вспомнились, и он только успевал уворачиваться от падающих по сторонам пораженных викингов, пробиваясь к выходу. Буян шел позади, и князь слышал, как он выдыхает, с маху добивая попавших ему под руку раненых или тех, кто пытался напасть на князя со спины. Позади гусяря оставались только те, кто уже не мог сражаться.

Викинги оказались настоящими витязями. У дверей друзей встретил заслон из самых опытных воинов. Впереди, закованный в латы, ждал сам Рориволд с топором в одной руке и коротким мечом в другой. Властимир очень удивился, когда узнал в воине рядом с рыжим викингом Рогнеду. Две длинные пепельного цвета косы падали из-под ее шлема на кольчугу. Она была готова к битве. В голубых глазах ее застыла ненависть.

— Ты оскорбил меня, и ты умрешь! — звонко крикнула она и первая бросилась на князя.

Остальные викинги встретили ее порыв криками одобрения. Меч Рогнеды Властимир отбил своим — точно молнией ударил. Меч противницы переломился со звонким хрустом, словно треснула льдинка. Потеряв равновесие, женщина чуть не упала, но Властимир перехватил ее за локоть и толкнул в объятия Рориволду.

— Поучи свою жену, конунг! — крикнул он. — Пусть узнает, как должна вести себя замужняя женщина с чужеземцами!

И тут же ринулся на врагов. Мечи и разбитые щиты отлетали в стороны, падали головы...

Ощетинившийся сталью ком сражающихся выкатился на двор, где еще царила ночь, хотя в воздухе уже витала утренняя свежесть. Сторожа на стенах, увидев бой, оставляли свои посты и присоединялись к сражающимся.

Славяне пробирались к конюшням, оставляя за собой тела раненых и убитых. Викинги то отступали, то накидывались снова. Они боялись невиданного меча Властимира, но их было слишком много, а славян было всего двое, и ни у кого из них не было даже кожаных доспехов.

Несколько викингов, оставшихся на стенах, заметили это и подняли луки. Властимир ничего не видел — он сражался, но Буян, защищавший его спину, углядел какое-то движение наверху.

— Пригнись, князь! — крикнул он, заметив нацеленный лук, и дернул друга за локоть.

Князь пригнулся, но было поздно. Стрела впиалась ему в плечо выше локтя. Но если бы не рывок Буяна, она вошла бы князю в шею или грудь.

Викинги приветствовали удачный выстрел громкими криками, но Властимир, оперевшись на гусяра, здоровой рукой поднял меч, показывая, что еще может сражаться, и они поостереглись сразу нападать.

Буян быстро осмотрелся. Они стояли у самой стены замка, у подножия одной из двух башен. До распахнутых дверей конюшни было всего пять-шесть саженей по двору, но именно там стояло больше всего викингов. Зато прямо позади них в стене была низенькая дверь, ведущая, возможно, в подвал. Гусяру показалось, что она не заперта. Более того, она чуть дрогнула, словно за нею кто-то стоял.

Не трата времени, Буян потащил Властимира туда, толкнул сапогом дверь и скатился вместе с другом в подземелье по крутым ступеням. Кто-то, стоящий у двери, тотчас запер ее перед носом викингов.

Те стучали в дверь рукоятями мечей и кулаками, проклиная сразу всех славян, их богов, того, кто запер дверь, его родню, друзей и знакомых.

Не обращая внимания на их крики, Буян помог князю сесть на пол и ощупал рану. Стрела сидела в мышце, пройдя навывлет. Властимир перестал скрипеть зубами и чувствовать боль — он приказал себе забыть о ней и, когда Буян сказал, как обстоит дело, молвил только: — Тащи.

Буян отломил оперение и вытащил стрелу с другой стороны руки.

— Ты ранен? — раздался над ними женский голос. Легкий язычок пламени над светильником из жира осветил нежное печальное лицо и голубые глаза. Рогнеда склонилась над потерявшим от изумления дар речи Властимиром и коснулась раны.

— Я перевяжу, — предложила она.

— Нет, — князь перехватил ее руку — Сначала скажи мне, что ты задумала.

— Я? — ее брови поднялись. — Я хочу тебе помочь!

— Но ты только что помогала им — там, с оружием, — возразил князь — И еще раньше, когда хотела меня соблазнить...

Он не договорил — Рогнеда влепила ему пощечину.

— Я? Соблазнить тебя? Да никогда! — Светильник задрожал в ее руке, голубые глаза наполнились слезами — Это грех! Как ты мог подумать, чтобы я... к чужому человеку!..

Властимир был сбит с толку ее слезами:

— Но ведь я сам видел... И только что, на дворе, ты бросилась на меня с мечом и в доспехах...

Буян коснулся его руки, призывая к молчанию:

— Змей.

— Что?

— Змей это был, — уверенно сказал новгородец. — Агриков меч ты получил, теперь он от нас не отстанет. И девой он тоже прикинулся, чтоб не догадались мы... Как ты попала сюда, красавица? — обратился он к Рогнеде.

— Я увидела, что внизу идет бой, и поспешила сюда. В темноте я не разглядела, кто с кем бьется, подумала, что чужеземцы ночью напали на замок. Я решила спрятаться сюда, чтобы они меня не нашли — Рориволд знает об этом подвале. А потом в шелку я увидела твое лицо и поняла, что ты невиновен, — Рогнеда улыбнулась Буяну.

Гусяр встал и отвесил ей низкий поклон:

— За добро и отвагу твою благодарю тебя, красна девица. За нас тебе отплатится добром да счастьем — не простые мы люди, богами меченные. Помоги нам еще раз — проведи в конюшню, чтоб мы уехали!

— Сначала надо рану перевязать, — возразила Рогнеда.

Вдвоем с гусяром они прижгли огнем и перевязали руку. Властимир осторожно подвигал ею — было немного больно, но через день-два все должно было зажить.

В дверь мерно и мощно бухал топор, круша дерево. Она уже трещала и шаталась. Торопясь уйти от погони, беглецы поспешили следом за Рогнедой тайными ходами.

Ненадолго показалось Властимиру, что они опять спустились в те подземелья, где он

нашел Агриков меч, — те же затхлые коридоры, вода под сапогами, гниль и теснота. Но вскоре путь пошел наверх, и они выбрались к точно такой же двери. Рогнеда достала связку ключей, выбрала один и отомкнула дверь.

— Выходите, — шепнула она. — Конюшня прямо перед вами. Ближайшая ее дверь — боковая. Только будьте осторожны.

Властимир шагнул во двор первым, держа меч в здоровой руке. Буяна Рогнеда задержала, припав к его груди.

— Возьми меня с собой, — дрогнувшим голосом вдруг попросила она.

Буян поцеловал ее:

— Красива ты и любви достойна, ладушка, но есть у меня невеста. Прости!

— Что ж, иди.

И она опустила голову.

Малый двор, открывшийся взорам беглецов, был погружен в полумрак. Удары топора глухо доносились сюда из соседнего двора, отделенного зубчатой стеной. Боковая дверь была закрыта.

Властимир первым добежал до конюшни и коснулся замков ладонью, как делал уже не раз. Двери подались со скрипом. Подоспевший Буян прошмыгнул внутрь и окликнул князя:

— Порядок, Властимир! Кони здесь!

Сторожко оглядевшись — не видел ли кто их, — князь шагнул следом. Буян уже седлал своего Воронка. Трехногий жеребец понуро ждал поодаль.

— Ты, друже, вперед езжай, — предложил гусяр, — да пораскидай их там. С таким конем никакая рана не помеха! Мне дорожку расчистишь. А там, в чистом поле, главное — не потеряться!

Когда всадники вырвались на главный двор, викинги как раз разбили дверь в подвал и один за другим побежали туда, ища беглецов. Конечно, они знали, что те не будут дожидаться врагов под дверью, а уйдут, но все равно были поражены, когда славяне оказались за их спинами.

Лучники на стенах подняли тревогу и вскинули луки, но Властимир пришпорил жеребца, и тот взмыл в воздух, расправляя крылья. Стража, увидев летающего коня, с криками побросала оружие. Некоторые прыгнули во двор, спасаясь, когда конь ловко вскочил на стену.

На ночь мост, ведущий в замок через ров, поднимался. Властимир спустился вниз и, примерившись, рубанул волшебным мечом цепи, удерживающие ворота поднятыми.

Ему показалось, что перед глазами сверкнула Перунова молния, а рука онемела до плеча. Сам он покачнулся в седле, чуть не падая, но цепь была перерублена, и мост с грохотом и лязгом упал. А ворота князь открыл уже привычным способом.

Буян уже несколько минут сражался с викингами. Воронок бился вместе с хозяином, хватая врагов зубами и брыкаясь. Увидев, что путь к свободе открыт, Буян пустил коня вскачь. Несколько викингов попытались встать у него на пути, но испугались мчащегося на них во весь опор могучего жеребца и отступили. Гусяр по мосту выскочил из замка. Над ним мелькнуло брюхо златогривого жеребца. Он пролетел в небе и пропал в лесу у подножия горы.

До нее было гораздо ближе, чем показалось вначале. Воронок вломился в заросли, проскакал не более версты, когда на прогалине, где дорога уже явно шла вверх, встретился всадник на златогривом коне. Властимир приветствовал друга взмахом руки и направил жеребца к вершине горы, которая виднелась над кронами деревьев.

ГЛАВА 12

Вблизи вершины гора выровнялась, и златогривый жеребец пошел неспешным шагом. Но Воронку все равно приходилось бежать, чтобы не отстать. Следовало быть очень осторожными и то и дело прислушиваться — обозленные викинги могли снарядить погоню,

особенно если Буян прав и среди них есть слуги Змея, принявшие облик людей. Покинуть остров они сейчас не могли — Воронок не мог подняться в небо: Ве-денеина плеть потеряла свою силу. Оставалось три выхода: расстаться, бросить тут Воронка в надежде, что старухин конь вынесет двоих, или же попробовать найти помощь на вершине горы. Друзья ехали в молчании, решая, что предпочесть.

— Ты слышишь? — вдруг спросил Властимир. — Звенит вроде что-то?

Буян насторожился:

— Не викинг ли?

— Нет. Должно, кузня...

Властимир осекся, пораженный и испуганный смелостью своей догадки — всем ведь известно, что Сварогова кузня находится на острове где-то в северных морях. А вдруг?..

По глазам Буяна он понял, что и гусяру пришло на ум то же самое, и они поскакали на звон.

Чем ближе они подъезжали, тем больше убеждались, что не ошиблись — на острове и впрямь работала кузница. Звон усилился, стена леса раздалась, и всадники оказались на поляне у подножия голой скалы, похожей формой на богатырский шлем. В скале была нора, у входа в которую жарко горел огонь. Подле него на камне коренастый, плотно сбитый человек ковал подкову. Доковав, он бросил ее в холодный ключ, от которого вниз сбегал водопад, и выудил откуда-то вторую.

Когда всадники спешили, кузнец отложил работу и повернулся к ним, вытирая руки о передник.

— Пожаловали? — басом молвил он. — Ну, здравы будьте! Что привело вас ко мне?

Был он невысок — по плечо Буяну, но плотен, как дуб матерый. Только штаны из кожи, сапоги да передник — вот и все, что носил кузнец. Густая борода спускалась на могучую грудь. Сильные руки, казалось, могли легко расплющить в пальцах камень, а глаза смотрели внимательно и спокойно.

— Ну, чего стали? — повысил голос кузнец. — Коня подковать али меч закалить?

— А откуда знаешь, о чем думы наши? — обратился к нему Властимир.

— Я, свет ты мой, все знаю, — прогудел кузнец в бороду. — Конь у тебя поправки требует, а меч...

Властимир достал из ножен Агриков меч. Только при свете дня стало заметно, что сталь потеряла блеск и гладкость, а с одного края заметна ржавчина.

— Слишком много лет пролежал он в земле сырой, — сказал кузнец, беря его в руки. — Крепко свое держит земля сырая, не так-то просто у нее забрать то, что ею уж отмечено, да можно — когда хотение имеется. Закалю я его тебе так, что век меня помнить будешь!

— Сделай милость, отец, — попросил Властимир.

Кузнец положил меч в огонь.

— Только помощь мне нужна, — не оборачиваясь, бросил он.

Буян успел привязать коней и готовно спросил:

— Что надобно, боже?

Кузнец оглянулся на гусяра, недобро нахмурился, но не стал гневаться.

— Добро. Ниже по берегу ручья горлянка-трава растет. Собери-ка, да поболее — в соке ее меч закалять будем!

Буян умчался, как мальчишка.

Огонь пылал так, что Властимир не мог заставить себя подойти ближе пяти шагов, но кузнец шагнул к самому пламени и ловко выудил клещами раскалившийся докрасна меч.

— Держи! — крикнул он князю.

Властимир взялся за рукояти клещей. Кузнец же поднял сразу два молота — большой и поменьше — и заработал двумя руками, правя клинок.

Искры рассыпались, ровно брызги. Несколько их попало на руки и лицо князю, и тот очень удивился, не почувствовав боли от ожогов. Он не отрывал глаз от меча и мелькающих

молотов, что выбивали на нем затейливую мелодию-перезвон, от которой закладывало уши. Под частыми ударами меч медленно менялся, становясь чуть длиннее и уже. Змеи на рукояти под огнем слабо шевелились, или это только казалось Властимиру от жара?

Вернулся Буян с охапкой горлянки. Не прекращая работы, кузнец указал ему глазами на котел с водой, что стоял подле, и гусяр вывалил туда свою ношу. В котле забурило, словно вода сразу же закипела.

Отбросив оба молота и схватив другой, поменьше, кузнец взял из рук князя клещи и, склонившись над мечом, застучал по краям мелко, едва касаясь. Губы его чуть шевелились, словно он заговаривал оружие.

Ударив последний раз, он отложил молот и сунул меч в котел с травяным настоем, очень быстро остывшим.

Над котлом поднялся пар, такой густой, что в нем скрылся кузнец. Властимир отступил от жара, заслоняясь рукою. Сквозь шипение остывающего меча было слышно бормотание кузнеца:

— Пора лучу лететь к мечу, пора вершить, как я хочу. Я поручу лететь лучу воспламенить его свечу. Пора уже прозреть мечу, пора зажечь свою свечу!.. Бери!

Потный кузнец вынырнул из тумана, вставшего над котлом, и протянул Властимиру мокрый меч с налипшими на лезвие стеблями горлянки. Под лучами солнца меч сверкал так, что больно было глазам. Властимир бережно взял его.

— Вот, — промолвил кузнец, — твой меч. Получил он силу самой земли-матушки, силу растений, детей ее. Бери его, воин, — теперь он готов на подвиг.

Властимир низко поклонился кузнецу:

— Не знаю, как тебя и благодарить-то, добрый человек!

— Погоди благодарить, — прогудел кузнец, оглаживая бороду. — Меч-то проверить сначала надобно! Живому он должен жизнь нести, а мертвому — забвение.

Властимир перехватил мокрую рукоять и оглянулся, ища, на чем бы испробовать оружие. Его взгляд остановился на златогривом коне о трех ногах. Решившись, князь подошел к коню.

— Негоже, — молвил он, — такому красавцу калекой быть! И размахнулся для удара.

Меч описал сверкающую дугу и со свистом упал вдоль сросшихся в бабках ног жеребца. Почувствовав боль, тот заржал, даже закричал человеческим голосом и взвился на дыбы, натягивая повод и брыкаясь, но уже не три, а четыре копыта мелькали в воздухе. Две передние ноги были окровавлены, и кровь стыла на стали меча.

Кузнец выглядел довольным.

— Вот все по слову моему и случилось, — объявил он. — И меч закалили, и коня поправили... Теперь можно и в путь-дороженьку на родимую сторонку.

— Кто ты? — спросил у него Властимир. — Хоть имя свое скажи!

— Знаешь имя-то, — сухо ответил кузнец.

Не отвечая на изумленный взгляд Властимира, он повернулся и пошел в пещеру.

Буян тронул Властимира за рукав:

— Пора, а то, не ровен час, разгневается он на нас.

Из пещеры вдруг хлынул свет, и друзья поспешили покинуть поляну, ведя коней в поводу.

Они спустились в лес у подножия горы, все еще молча, под впечатлением о неожиданной встрече.

— Видать, и правда боги нас послали, — нарушил молчание Буян, — раз не оставляют нас своей милостью. Ободришь, князь-друг! Смотри-ка, что нашел я еще, пока горлянку искал!

Он выудил из-за пазухи несколько стеблей травы.

— Вот и выход. Ведаешь ли, что за трава у меня? Нет? Соколий перелет! Та самая, что Веденея в плетъ ту заплела. Поможет она нам, князь, Воронка моего поднимет. А потому не время медлить! Пора в дорогу, как нам и наказывали!

Друзья вскочили на коней. Примерившись, гусяр с силой хлестнул Воронка по ушам травой. Тот вскинулся, оскалился и вдруг легко, как птица, взмыл к небу. До князя донесся торжествующий смех юноши, и он тоже прищипорил своего крылатого коня, чтобы не отстать от друга.

На рассвете следующего дня они осадили коней в версте от того самого дуба, с которого начали свое необычное путешествие. Солнце только чуть поднялось над равниной, и дуб отбрасывал длинную тень. Старый ворон на сухом суку удивился, увидев двух всадников под самым деревом.

Буян ожидал, что Властимир сначала похвалится перед вороном-вещуном — удалось ему достать и коня и меч. Но князь не стал тратить время на разговоры с птицей. Без слов подойдя к дубу, он обнажил меч и ударил им под корни.

Казалось, ничто не может повредить дубу, но от несильного Властиминова удара он задрожал, как пруттик. Недозрелые желуди обсыпались с веток, ворон испуганно закричал, забил немощными крыльями.

Властимир примерился было, чтобы ударить второй раз, когда вершина холма вдруг пришла в движение. Дуб резко качнулся, и холм начал оседать.

— Властимир, надо уходить! — крикнул Буян, бросаясь к лошадям.

— Нет, — строго возразил князь. — Не время нам отступать сейчас — должен я вызнать, что за тайну хранит этот дуб, почему он на месте стоять не может.

— Смерти ты своей дождешься, глупый! Вот помяни мое слово...

Но договорить гусяр не успел — холм дрогнул последний раз, на миг застыл, а потом все разом — дуб, лошади, люди — провалились под землю.

Князь почувствовал, как земля подалась под ногами, потом разошлась по сторонам, вскрикнула, как живое существо, и сомкнулась над ним снова, словно вода омута. Во мраке издали донеслось испуганное ржание лошадей, тихий крик Буяна — и падение во тьму, падение без конца...

Он пришел в себя, но не спешил открывать глаза. Удивительно было, что он не расшибся при падении. Значит, кто-то ему помог, не дал разбиться. Но кто? И куда он попал?

Он лежал на чем-то мягком, напоминающем выделанные шкуры. Было прохладно. Чувствовалось легкое жжение там, где кто-то обработал ушибы. Где-то мерно и звучно шлепалась вода в гулкую пустоту. Но больше никакие звуки не нарушали тишины.

Выждав немного, Властимир открыл глаза и увидел над собой гладкий потолок бледно-голубого цвета. Пол же был простой, каменный. Он что-то напоминал Властимиру, но тот пока не мог вспомнить, что именно.

Окон в комнате не было, а свет давали четыре светильника по углам. Они тоже были знакомы князю, настолько, что он заподозрил неладное.

Кроме низкой лежанки у стены, где обнаружил себя Властимир, в комнате был только маленький столик у изголовья, на котором стоял кувшин. Опасаясь, что незнакомые хозяева могли подсыпать что-либо в питье, Властимир не стал прикасаться к нему.

Он сел, оглядел себя. Плащ исчез вместе с шапкой, не было и оружия. Видно было, что его тщательно обыскали — кто-то снял даже даренный Торболдом перстень и срезал с пояса кошель. Все это не обрадовало князя.

Смутная тревога усилилась, когда князь не обнаружил здесь двери. Только в одной из четырех совершенно одинаковых стен имелась узкая прорезь, но в нее ничего не было видно — только чернота.

Князь прошелся по комнате, осматривая стены в поисках тайного запора. Сомнений не было — он пленник, но чей?

Ответ напрашивался сам собой, но он ему не верил, не хотел верить... И все-таки: если не слуги Змея, то кто же?

Неожиданно светильники мигнули и разом погасли. Князь оказался в полной темноте и услышал рядом какой-то шорох, словно двигали что-то тяжелое. Он приготовился, предположив, что дверь все-таки есть и сюда сейчас наверняка запустят какое-нибудь

чудовище. Но ничего не произошло. Ничто больше не нарушало тишины.

Когда свет неожиданно зажегся вновь, оказалось, что лежак и столик с кувшином исчезли, а впереди вместо одной из стен зиял черной пустотой коридор.

Властимир сделал несколько шагов в ту сторону и остановился. Ему показалось, что воздух перед ним чуть заметно блеснул. Князь осторожно протянул руку — пальцы наткнулись на что-то холодное и гладкое, словно лед. Он нажал сильнее, уже двумя руками. Стена дрогнула, но не подалась, а сам Властимир отшатнулся — ему почудилось, что за стеной кто-то стоит.

Ркай довольно улыбнулся, когда человек отступил от стены.

— Он умен, этот ваш абориген, — сказал стоявший рядом с ним агент Организации. — Не стал биться о невидимую преграду...

— Умен и хитер. И еще постарается перехитрить нас, — усмехнулся гэт. — Они порой ведут себя странно. Мы решительно отказываемся их понимать — разговаривают с деревьями, травами... Это еще куда ни шло, но они точно такие же разговоры ведут с неживыми вещами — водой, ветром, солнцем, огнем, даже болезнями!

— В Организации считают, что это еще не причина для их физического уничтожения, — заметил агент. — Другое дело, если придется подвергнуть их массовой психологической обработке, чтобы они тоже служили нам.

— Этот экземпляр отлично подойдет для первого опыта, — сказал Ркай. — Пока он находится у нас, мы навели кое-какие справки о нем и людях его сорта. Если он будет выполнять наши инструкции, то многие последуют за ним добровольно. Кроме того, территория его владений — энергетически богатая зона. Если там установить направляющий маяк, эта Ре-зань станет через несколько поколений центром огромного государства, занимающего половину материка. Это должно заинтересовать Организацию!

Он посмотрел в светящееся лицо агента, но тот молчал и рассматривал человека.

— Да, заинтересует, — обронил он.

— Значит, можно начинать?

— Да.

И агент включил внешнюю связь.

Властимир вздрогнул и стал затравленно озираться, когда неизвестно откуда послышался голос:

— Приветствуем тебя, человек. Мы долго ждали возможности поговорить с тобой.

Голос был странный — ровный и слегка скрипучий.

— Выйди, не играй в прятки! — крикнул князь.

— Я непременно покажусь в свое время, — ответил голос, — но пока поговорим так.

— Кто ты?

— Мое имя тебе ничего не скажет. Открою лишь, что могущество наше сравнимо с божественным...

Услышав о богах, Властимир успокоился — если это и в самом деле боги, то бояться их нечего... Если они, конечно, не боги преисподней, где томится черное воинство и его предводитель Черный Змей.

— Ты — слуга Черного Змея? — решил спросить он.

В ответ раздался смех:

— Нет. — Тогда... тогда, может, ты сам Змей и есть?

Ответом была тишина, и Властимир почувствовал настоящий страх. Так и есть — он попал к Черному Змею, повелителю Пекла. Говорят, те, кто попадают к навьим, его подручным, испытывают страшные муки.

— Не-ет. Я не Змей. Хотя... ты близок к истине. Но я открою ее тебе немного позже.

С этим Властимир решил пока не спорить. — Тогда скажи мне, где мой друг Буян? Где мой конь и меч? Если ты не враг мне, где они, или отпусти меня, чтобы я мог отыскать их сам!

— И это тебе будет позволено немного позже, — обнадее-, жил его голос.

— Когда?

Говоря с человеком, Ркай быстро набрал на панели внутренней связи код вызова. Тишину нарушил гнусавый звонок. Властимир услышал его и завертел головой, пытаясь понять, что случилось. Но звонок отзвенел, и наступила тишина — Ркай отключил связь с ним.

В лаборатории все было готово — оставалось только привести туда человека и запустить машину. Ркай приказал охране явиться к нему и опять включил связь с пленником.

— Ну, — услышал Властимир голос, — скоро ты сможешь увидаться со своими друзьями.

— Когда это будет? — Властимир бросился к прозрачной двери.

— А он способен выбраться отсюда самостоятельно? — спросил агент. — Может, у них есть какой-то особый орган для ориентации? Вы проводили анатомическое исследование человека?

— Проводили, — сказал Ркай. — Ничего особенного нет — просто хорошо развитый мозг, который они не используют до конца.

Властимир уловил иноземную речь. Он не понял ни слова, но стало хоть ясно, что его пленитель не один.

— Если они когда-нибудь научатся использовать свой мозг полностью, они покорят Галактику, а то и всю деленную, — заметил агент. — Но Организация никогда не допустит этого.

— Перед тем как устранить его, я сообщу ему о наших планах, — сказал Ркай. — Он мне столько бед причинил, что я не могу отказать себе в удовольствии доставить ему немного душевных мук. Он ведь любит свой народ — пусть пострадает, зная его дальнейшую судьбу и невозможность что-либо изменить.

К ним подошли трое гэтов-лаборантов в сопровождении шести солдат и одного агента Организации. Все они были вооружены, но Ркай махнул рукой:

— Оружие не понадобится — он будет лишен возможности сопротивляться! А сейчас пусть он нас увидит...

И он протянул руку к пульту в стене.

Невидимая стена поползла вбок. За нею Властимир увидел несколько странных существ. Двое были похожи на людей, но остальные...

Змеевых слуг, с которыми он сражался в Сорочинских горах, ни с кем спутать было невозможно. В выпуклых зрачках стоящего впереди существа он прочел нескрываемую ненависть. Некоторые змееныши были чем-то вооружены. Ничего не зная об их оружии, князь понимал, что преимущество на их стороне. Он продержится какое-то время, но конец угадать нетрудно. И все-таки в душе он приготовился к бою.

Два агента остались довольны его поведением.

— Надо признать, что в жителях этой планеты мы не ошиблись, — мысленно передал один другому.

— Да, если бы не дэвсы, планета уже принадлежала бы Организации, — откликнулся другой. — Но с помощью этого человека власть дэвсов падет, и тогда Организация станет контролировать уже всех, а не только принявших нашего Мессию...

Ркай тщетно искал на лице Властимира следы испуга. Князь был спокоен и насторожен, не выказывая нетерпения от затянувшегося молчания.

— Ты полностью в моей власти, человек, — сказал Ркай.

— Тогда подойди ко мне и проверь это, — отозвался Властимир.

— Сейчас ты пойдешь с нами туда, куда я захочу, и будешь делать то, что я прикажу.

— Не рано ли бахвалишься? Я уже один раз чуть не уничтожил вас, а теперь-то dokonчу что начал!

— Это ты много на себя берешь, — возразил Ркай и сделал непонятное движение рукой где-то внизу, у повернутого к князю спиной сундука, словно открывал замок.

Князь ждал, что сейчас его враг достанет какое-то оружие, но тот выпрямился с пустыми руками. Властимир же почувствовал, что в комнате появился незнакомый запах — резкий и приторный, словно что-то протухло. Принюхиваясь, он осмотрелся и с удивлением увидел, что из-под пола из всех четырех углов сочится сизоватый дымок.

Пожар? Властимир не знал, из чего сделаны стены его комнаты. Запах этого дыма не был похож на запах горящего дерева, сухих листьев, кожи или птичьих перьев. Голова у него начала кружиться, как всегда бывает при пожаре, когда надышишься дымом.

Властимир бросился к прозрачной стене, хватил по ней кулаком.

— Что ты хочешь сделать? — крикнул он.

— Ничего особенного, — спокойно ответил Ркай, но глаза его засветились от радости, когда он увидел, что ему удалось взволновать человека. — Тебе не будет больно, — прибавил он едко.

Властимир закашлялся. Комната была полна дыма, дышать становилось трудно — горло болело при каждом вдохе, грудь сдавило. Он попытался задержать дыхание, но этого хватило ненадолго. Выдохнув, когда уже в ушах звенело от напряжения, Властимир задышал полной грудью, решив покончить со всем поскорее. Не грех звать смерть, когда она избавит от мук, которые невозможно терпеть.

Ркай смотрел на человека, который явно решил покончить с собой, задохнувшись, и от души сожалел, что нельзя добавить в газ яду. Выждав немного, он пустил новую струю. Дым повалил клубами, совершенно скрыв князя.

Когда газ заполнил всю комнату, Ркай перекрыл его поток и пустил другой. Тот был прозрачный, и в комнате посветлело. Когда же развиднелось окончательно, все увидели сидящего на полу у стены человека. Он был бледен, мокрые волосы прилипли ко лбу, глаза плотно закрыты, но он дышал глубоко и медленно. Внимательно посмотрев на него, Ркай дал команду открыть комнату.

Властимиру показалось, что он уснул, притерпевшись к отвратительному запаху. Потом князь открыл глаза и обнаружил, что сидит на полу в углу. Во всем теле была слабость, словно после тяжелой болезни. Перед глазами стоял туман. Проморгавшись, Властимир увидел, что перед ним стоят несколько змеенышей с оружием. Для него все гэты были одинаковы — он определил, что тот, который не вооружен, — главный. Он не сделал даже попытки пошевелиться. Пусть убивают, если вошли для этого. Князь подивился своему спокойствию.

— Вставай и иди! — послышался голос главного змееныша.

И Властимир встал как заколдованный. Его окружили, взяв оружие наперевес, и он пошел вслед за главным.

В коридоре Ркай оглянулся и приблизился к резанцу. Властимир отметил, что этот змееныш ниже ростом и более худой, чем остальные. Он казался старичком.

— Видишь теперь, — прошипел Ркай ему в лицо. — Ты полностью в моей власти. Твое тело тебе не подчиняется — сказали идти, и ты пошел. Скажут еще что — и ты сделаешь!.. Увести! — Ркай отстал от конвоя.

Князь толкнули в спину и повели по подземному лабиринту.

Властимир шел как во сне. Тело и правда не повиновалось ему. Ноги двигались словно по чужой воле. Даже руки больше не принадлежали ему. Он был не связан, но не мог сделать даже малого движения — даже пошевелить пальцами или повернуть голову.

Это наполнило его душу смятением и страхом. Забыв, что дал себе зарок запоминать дорогу, он сосредоточился на том, чтобы вернуть рукам силу и опять подчинить себе тело. В какой-то миг ему удалось по своей воле тряхнуть головой, словно пробуждаясь, но тут они куда-то пришли.

Стена опять сама отъехала в сторону, и они шагнули в большой светлый зал с такими же белыми гладкими стенами и блестящим полом. Стены были наполовину покрыты точно такими же не то изразцами, не то резьбой, что он видел уже в одной из комнат подземелий Сорочинских гор.

В середине помещения стояло несколько чудных кресел, на которых можно было сидеть полулежа. И одно такое стояло за прозрачной стеной. Очевидно, это места для высоких особ, например, для того невысокого существа, решил Властимир.

Несколько гэтов суетились, что-то делали с креслами. Властимир пристально следил за ними, пытаясь постичь смысл их действий, и не заметил, что одно кресло занято.

Тихое жужжание словно бы заблудившейся мухи усилилось, и послышался сдавленный крик боли.

Кресло стало само поворачиваться. Увиденное заставило князя вздрогнуть от ужаса.

К креслу ремнями была накрепко прикручена молодая женщина, совершенно нагая. Несколько острых спиц с веревочками протыкали ее тело. Женщина, судя по всему, испытывала сильную боль. Она терпела, закусив губу до крови, но потом не выдержала и забилась в крике.

На кресло опустилась крышка с пологом. Из-под него еще пару раз донеслись стоны женщины — и все стихло.

Покончив с несчастной женщиной, несколько змеенышей направились к Властимиру. Он понял, что настала его очередь, понял, что его ждет. И напрягся изо всех сил, пытаясь сбросить невидимые колдовские путы.

Когда руки гэтов коснулись его, он вдохнул полной грудью и неожиданно для самого себя выбросил руки в стороны, раскидав врагов.

На него сзади набросились охранники, но руки уже подчинялись воле человека, и Властимир расшвырял их как детей. Гэты отскакивали, как желуди, но лезли опять и опять.

Стоя на пороге лаборатории, Ркай удивленно созерцал драку. Кто бы мог подумать, что этот организм так быстро оправится от действия психотронного препарата? Но гэт должен был это предвидеть — ведь человек выдержал почти смертельную дозу, что было уже невероятно.

Но наконец одному из солдат удалось применить парализатор. Щелкнул переключатель — и человек медленно опустился на пол.

Властимир почувствовал небольшую боль, словно от комариного укуса. Но холод вмиг охватил его всего, и он упал, опять лишившись возможности управлять своим телом.

Его подняли и перенесли в кресло, которое оказалось подогнано точно под его рост.

Он пробовал слабо сопротивляться, когда его начали опутывать ремнями и привязывать к креслу. Потом зажали в тисках голову. Холодные браслеты сомкнулись на запястьях и ногах, стальной обруч лег поперек груди, еще один — на животе. Гэтские лаборанты воткнули ему в кожу несколько игл с проводами.

Закончив, они отошли в сторону. Властимир приготовился к боли и смерти. К нему подошел Ркай — главный змееныш.

— Ну, вот и все, человек, — довольно прошипел он. — Теперь до тебя дошло, что ты зря боролся с нами? Мы слишком могущественны, чтобы кто бы то ни было безнаказанно противодействовал нам...

Властимир скосил на него глаза.

— Я... узнал тебя, — прохрипел князь.

— Как это?

— Это ты был... Огненный Змей, потом — в образе женщины в замке викинга, а еще раньше — тем новгородцем, что выдал нас.

— Верно! Только во всех человеческих образах был я, а Змей был настоящим Змеем. Но ты его уже никогда не увидишь!

— Пусть так, — Властимир прикрыл глаза. — Но на мое место придет другой. Он отомстит за меня и за всех... кого вы замучили.

— Ну, это вряд ли, — самоуверенно заверил его Ркай и приказал лаборантам: — Начинайте!

Властимир почувствовал, что кресло его ожило. Браслеты плотнее сжали запястья. Там, где вонзились иглы, появилась и запульсировала боль. Голова закружилась. Он стал

задышаться — обруч словно намеревался раздавить его грудь. Собрав последние силы, он попытался освободиться. Ему удалось вырвать голову из тисков, содрав кожу на висках. К нему опять бросились гэты, схватили за плечи и горло. Горячее желание жить делало князя мощнее всех этих пришельцев. После очередного рывка он услышал желанный щелчок — один из браслетов не выдержал и лопнул. Иглы, что были воткнуты в эту руку, выскочили. Властимир принялся срывать остальные оковы, не чувствуя боли. Но в тот самый миг, когда ему казалось, что он вернул себе свободу, кто-то прикоснулся к его виску чем-то ледяным. Холод опять пронзил все тело Властимира, и князь обмяк, теперь уже надолго теряя сознание.

ГЛАВА 13

Придя в себя, Властимир удивился, что еще жив. Это походило на пробуждение после смертельной болезни, когда все качают головами и пораженно шепчутся: просто чудо, как он остался жить после всего...

Властимиру показалось, что у него отнялось все тело. Он не сразу вспомнил, что случилось до того, как он потерял сознание, а вспомнив, испытал ужас. Неужели он больше никогда не сможет шевельнуться? Находиться в полной зависимости от своих врагов и не смочь даже пальцем двинуть — что может быть страшнее?

Он боялся открыть глаза, чтобы к новым мукам не прибавился ужас слепоты — глаза горели так, что казалось, будто под веками у него по углю. А может, они отрезали ему язык?... Нет, хвала богам — он был цел!

В руках началось покалывание, и Властимир обрадовался этому — не все еще потеряно. И он не оставит попыток освободиться, пока жив. И он еще разыщет свой меч и уничтожит змеиное племя под корень!

Рядом кто-то пошевелился.

— Кто здесь? — спросил Властимир.

В ответ раздался смех Ркая:

— Если ты откроешь глаза, ты увидишь кое-что очень интересное!

Князь размежил веки. Его кресло стояло напротив той самой прозрачной стены, которую он заметил сначала. И там по-прежнему стояло еще одно кресло, но на сей раз в нем сидел... он сам!

Властимир подался вперед, мимоходом отметив, что стальные тиски больше не держат его кисти и голову. Но сейчас было не до этого. Князь помотал головой, надеясь, что наваждение пропадет, но ничего не помогало. Да, там был он — князь узнал себя: каждую черточку лица, каждую нитку на одежде. Только взгляд его двойника был пуст и неподвижен. И это казалось страшнее всего. Князь взглянул в глаза второго Властимира и охватило отчаяние. Что все это значит?

— Кто это? — спросил он.

Ркай ответил не сразу — он уловил в голосе Властимира испуг, и это обрадовало его. Он торжествовал победу над врагом.

— Это — князь Резани Властимир!

— Не может быть! — вырвалось у князя. — Я — Властимир...

— Был! — прозвучало над ним. — Ты умрешь через несколько дней — как только мы убедимся, что твой двойник ведет себя так, как надо нам. Ты же нам больше не понадобишься. Ты не нужен больше никому — вместо тебя в Резань вернется он и скажет, что убил Змея и получил в награду силу поверженного.

— А что будет на самом деле? — содрогнувшись, спросил князь.

— На самом деле он никого не убьет. Но зато станет нашим верным слугой, — усмехнулся Ркай. — А потом он благодаря нашему могуществу пойдет по земле от стен своего города до границ земли.

— С войной?

— Ты верно догадался! Наш новый князь завоюет весь мир, станет основателем огромного государства, даст жизнь целой династии владык. Твоя Резань станет столицей мира...

— Мира, построенного на крови и обмане?! — вспыхнул Властимир. — Если за всеми «подвигами» этого... существа будете стоять вы, то я догадываюсь, что ждет покоренные народы — муки и смерть! Нет, я бы предпочел, чтобы Резань всю жизнь оставалась небольшим незаметным городом, чем...

— Чем перешла бы в руки другого? — угадал его мысль Ркай. — Тебе не хочется умирать? Ты останешься в живых, если будешь нам служить. Мы отпустим тебя, и уже не твой двойник, а ты сам будешь великим владыкой. Мы дадим тебе силу — не сомневайся!

Властимир поглядел в пустые глаза того, кто был сделан только затем, чтобы принести миру смерть. Он заметил, что его двойник дышит и моргает. Значит, он уже живой и у него может быть душа... Хотя нет — души не может быть у вещи, лишенной воли и самостоятельности. Вещь будет действовать вместо него, и никто не догадается о подмене? Кроме... Да, Веденя догадается, но будет поздно. Властимир не знал, известно ли его двойнику о девушке из деревни Ласковы, но ему подумалось, что сердце ее не обманет.

Ркай внимательно наблюдал за человеком, без труда проникая в его мысли. Сомнения, терзавшие душу резанского князя, не тревожили высокопоставленного гэта — скоро он умрет, и уже никого не будет интересовать, что он желал в жизни, к чему стремился.

Гэт посмеивался над человеком и пропустил момент, когда на челе князя печальное раздумье уступило место суровой решимости. А когда заметил, его пленник уже начал действовать.

Стальные тиски по-прежнему удерживали Властимира в кресле, но главное, левая рука была свободна. Князь коснулся ладонью груди, и металлическая полоса лопнула. Печать разрыв-травы действовала!

Ркай бросился к нему, чтобы помешать, и Властимир, не раздумывая, ударил его в змеиное лицо.

До сих пор не знавший силы удара славянского кулака, Ркай свалился на пол и на время лишился чувств.

Торопясь, пока змееныш не пришел в себя, Властимир совсем освободился от пут и бросился на своего двойника, который тоже делал попытки освободиться, но безуспешные. Разбежавшись, Властимир врезался плечом в прозрачную стену, такую же, что была в его комнате-тюрьме, но не смог добраться до своего двойника. Двойник же, очевидно, не мог оттуда уйти. Его необходимо было уничтожить во что бы то ни стало.

Сзади зашевелился на полу приходящий в себя Ркай. Опомнились и охранники. Князь чудом успел увернуться от чего-то светящегося, летевшего в него. Ему показалось, что из руки гэта вылетела молния, ударившаяся в прозрачную стену и рассыпавшаяся искрами, и Властимир взмолился Перуну, прося защитить его от молний: «Все они подвластны тебе, о Сварожич! Укрой, защити меня от них, уклони свои стрелы!»

Услышал ли Перун его мольбу, нет ли, но и второй выстрел охранника был неудачен. Властимир пригнулся, ныряя под луч, и бросился к двери, в которую его сюда ввели. Он приложил к ней ладонь...

В суматохе гэты остерегались стрелять. Славянин отлично уворачивался от лазера, а неудачные выстрелы могли разрушить все оборудование. Ркай решил выпустить пленника в коридоры, все равно ему не найти выхода, и вызвать подмогу.

Князь вырвался на свободу, преследуемый по пятам воем тревоги. Он сразу догадался, что значит этот низкий гнусавый звук, похожий на гудение потревоженного улья, — скоро змееныши кинутся на него всеми силами. Властимир решил найти Буяна, если он тут, и бежать отсюда как можно скорее.

Буяна разбудил скрип и шорох. Убежденный, что ему все еще снится сон, гусяр просто повернулся на другой бок.

Однако его не оставили в покое. Кто-то осторожно потряс его за плечо.

— У тебя отличная реакция, человек, — произнес незнакомый голос.

Эти слова и странное шипение, которым они сопровождались, подняли Буяна с постели вернее холодной воды. Он вскочил и сел на ложе, протирая глаза и от души надеясь, что это все еще сон.

Он сидел на узкой лавке у стены в маленькой комнатке без окон, похожей чем-то на новгородскую темницу. Свет лился из распахнутой двери, за которой был виден сводчатый коридор. Прямо перед Буяном стояло существо, отдаленно похожее на змею, только с руками и ногами. Таких он уже видел в Сорочинских горах.

Несколько минут гэт и гусляр смотрели друг на друга.

— Здравствуй, человек, — прошелестел гэт. — Меня зовут Хейд. Как твое имя?

— Сейчас узнаешь, — ответил Буян и бросился на него.

Но его вытянутые руки уперлись в железные прутья — Хейд проворно отпрянул, а между ними упала решетка, на которую наткнулся гусляр.

Гэт стоял совсем близко, словно хотел насладиться яростью пленника. Вцепившись в решетку, Буян решил, что не доставит ему такого удовольствия.

— И правильно, — услышал он. — Если ты, человек, будешь вести себя пристойно, ты получишь свободу.

— Как ты узнал, о чем я думаю? — не сдержался гусляр.

— Я читаю твои мысли, как книгу, и могу заранее предугадать твои намерения. Поэтому дай мне слово не бросаться на меня в надежде лишить жизни, и я смогу не только освободить тебя, но и кое в чем помочь.

— Мне нужна только одна помощь, и ты должен знать какая, если умеешь раскрывать тайны чужих душ, — сказал Буян.

— Если бы ты мог, подобно мне, читать мысли, я бы открыл тебе много, — молвил Хейд. — Ты узнал бы столько, что наверняка из нашего врага превратился в друга. Ведь по сути дела мы пришли сюда с миром. Войну нам навязали...

— Кто? Мы?.. Но ведь Змей...

— Если ты пообещаешь, что не попытаешься воспользоваться своей свободой для сведения счетов, я освобожу тебя, — перебил его Хейд.

Буян оглядел маленькую комнатку в длину всего сажень и в ширину почти такую же. Сейчас решетка перегораживала ее пополам, делая еще меньше. Гусляр подумал, что сможет вызнать что-нибудь о Властимире, если этот, как его, Хейд, что ли, захочет ему действительно помочь.

И только он так подумал, как гэт шагнул к решетке и коснулся ее рукой. Буян не успел удивиться способностям пришельца, как решетка вырвалась у него из рук и умчалась вверх.

Он был свободен. Хейд стоял на пороге.

— Ты отпускаешь меня? — пораженно прошептал Буян. — Я же не давал еще слова!

— Ты забыл, что я читаю твои мысли. Сейчас у тебя добрые намерения. Ты думаешь о своем друге, а не о том, чтобы нам навредить. Ты узнаешь о друге, но чуть позже. Пока я хочу кое-что показать тебе. Пошли!

Хейд повел человека по коридорам. Шаги гэта были не слышны, но стук подковок на каблуках гусляра далеко разносился по подземелью.

— Я нарушаю закон, выпуская тебя, — сказал Хейд. Гусляр, сам в последнее время находящийся вне варяжских законов, с сочувствием спросил:

— Почему?

— Я хочу жить и хочу, чтобы жил мой народ, — ответил Хейд. — Не важно где — но жил. Ради этого я пошел бы и на большее!

Он пригласил человека войти в небольшую комнатку, подобную той, в какой проснулся Буян. Только здесь в стене был маленький светильник и стояли две низкие лавки. Гэт коснулся рукой выпуклости в стене, и дверь сама задвинулась.

— Теперь мы можем поговорить, — сказал Хейд и сел, кивнув Буяну на лавку напротив.

— Ты должен знать, — заговорил пришелец, — мы не желали никому зла, когда явились сюда. Ты считаешь нас врагами, и другие люди — тоже. Но если бы они и ты знали правду — все было бы по-другому. Нам бы помогли, вместо того чтобы уничтожать. Если ты готов по-настоящему помочь своей земле, я расскажу тебе историю нашего появления здесь.

— Зачем вы пришли? — спросил Буян.

Хейд опустил голову. Как рассказать этому аборигену о смерти планеты? О жуткой экологической катастрофе, что разразилась несколько веков назад, и как ученые тщетно пытались приостановить смерть своей земли и сохранить хотя бы остатки природы? Как описать вымирание народа, наступившее одновременно с гибелью планеты, и отчаяние, охватившее всех, когда поняли, что им предстоит в течение столетия умереть и оставить планету пустой и безжизненной, что они — последние и после них не останется никого и что смерть их от голода и удушья будет мучительной? Даже самым сильным, которые решались есть себе подобных, чтобы оттянуть свой конец, было не на что надеяться — планета теряла атмосферу. Неожиданно появились агенты Организации. Гэты приняли их с восторгом и согласились на что угодно — лишь бы не умирать. Несколько кораблей отправились в разные концы Вселенной на поиски подходящих планет, которые им назвали агенты. Одной из них была Дэвса, где они сейчас и находятся. Уже не одно столетие они тайно живут в подземных городах — изучают местное население по заданию Организации и пытаются восстановить свой род. Что творится на других гэтских планетах, неизвестно — связь очень затруднена. Человек должен понять — гэты никому не хотят причинять зла, они только изучают людей. Человечество не так уж велико числом, а земли много — рано или поздно гэты найдут подходящий уголок и поселятся там. Но сначала надо получше узнать своих соседей, чтобы быть уверенными в их намерениях по отношению к гэтам.

— Но если вы пришли с миром, то почему не сказали об этом сразу? — подал голос Буян, и Хейд понял, что уже некоторое время говорит вслух. Как всегда бывало у телепатов-гэтов, они могли, задумавшись, незаметно перейти с размышлений на разговор или наоборот.

Буян уже несколько минут испытывал странное головокружение. Такое с ним бывало в детстве, когда перекачаешься весной на праздничном дереве и земля уходит, из-под ног. Он рванул ворот рубахи и невзначай коснулся давно молчавшего оберега. На сей раз тот действовал — раз коснувшись его, гусяр уже не мог отнять руки. Что-то новое, незнакомое проснулось в нем — это был другой Буян, которому ведомы все тайны мира. И теперь гусяр наблюдал за собой как бы со стороны — собственный голос казался ему звучащим издалека.

— Агенты Организации обещали нам пустую планету, — нехотя ответил гэт, — но здесь оказались вы.

— Мы родились здесь, а вы пришли как захватчики-хазары. Но те хоть не селятся на пепелищах разграбленных городов, а строят свои силами рабов.

— А что нам остается делать? — Хейд в этот раз не заметил состояния своего собеседника, иначе он бы десять раз подумал о том, что говорит. — Мы — только орудия, исполнители чужой воли. Наша встреча здесь — это не встреча двух народов, это столкновение двух, если угодно, мечей, каждый из которых держит сильная рука. И мечу не дано знать воли руки, он в ее власти. Над этой планетой кружит наш корабль, где ждут высадки основные силы, — Хейду вдруг захотелось открыть человеку все до конца, он не видел, что тот судорожно стискивает в кулаке оберег. — Я родился на нем и попал сюда недавно. Моей целью было разузнать, как продвигаются исследования местного населения.

— Повтори, кому ты служишь? — опять услышал Буян свой голос.

— Организации. Она существует со времени рождения нашей Галактики. Тебе неизвестно, что это такое, а мне трудно объяснить... Организация контролирует жизнь на всех планетах и объясняет каждой ее назначение. Только в ее власти дать жизнь планете или умертвить ее. Организация столь могущественна, что может погасить солнце-Буян почувствовал, что начинает привыкать к себе новому и больше удивляется не своим вопросам, а ответам Хейда.

— Значит, это все нужно не вам, а Организации? — спросил он.

— Она обещала нам этот мир, а каковы ее цели — я не знаю. Да мне это и не важно...

Буян стал кое о чем догадываться. В этом ему помогал оберег.

— Значит, мы с Властимиром охотимся на Змея, а Организация охотится на нас.

— Я не знаю, — повторил Хейд, и это было правдой. — Но точно известно одно — причина кроется не в вас двоих. Не за тобой и твоим другом из Резани охотится Организация, а за теми, кто послал вас.

Буян не знал никого, кто бы мог направить его на этот путь, кроме, пожалуй...

— Неужели, цель Организации — Чистомысл? — воскликнул он.

Сказав, он испугался, что проговорился и выдал волхва врагам, но Хейд покачал головой:

— Вряд ли. Есть те, кто стоит и за ним.

— Кто?

То, что Чистомысл был тоже посланцем неизвестных сил, было ново для Буяна. Ему самому стало интересно узнать все до конца.

— Дэвсы, — услышал он. — Те, кто предпочитают никогда не показываться простым жителям вашей планеты, а действ-вуют через своих слуг и друзей. Никто не знает точно, где они скрываются, сколько их осталось. Они называют себя ариями, а мы их — дэвсами. Они-то — подлинная причина появления на этой планете нашего народа...

— Значит, вы нужны для того, чтобы уничтожить Чисто-мысла и тех, кому он служит?

Хейд удивился догадливости этого аборигена и ответил:

— Да.

— А мы с князем тогда?..

— Вас избрали дэвсы для того, чтобы вы нам помешали. Но любая битва, как ни совершенно оружие дальнего действия, рано или поздно заканчивается. Мы — орудия, и мы должны быть отброшены в сторону — ты и я, а значит, нам нет больше причин ссориться. Организация благодаря вам обнаружила дэвсов и теперь всеми силами обрушится на них. И дэвсы будут уничтожены...

Буян почувствовал незнакомый доселе страх — страх того, что он не может что-то изменить. Подобное чувство возникало у него всякий раз, когда жизнь Властимира оказывалась в опасности, но тогда оно было слабее. Теперь его ответственность возросла...

— Но как я... как мы могли вывести Организацию на дэвсов, если даже никогда не видели их? — воскликнул он.

Вместо ответа Хейд указал на его грудь:

— Что это у тебя?

Буян разжал ладонь и посмотрел на фигурку воина:

— Оберег... Он от беды хранит, а еще...

Гусляр не стал рассказывать, что оберег еще пока дает ему силы, которых он и сам еще не понимает.

— А еще он позволяет ариям, то есть дэвсам, следить за вами. По этому знаку их и нашли, — ошарашил Буяна Хейд. — Ты — словно маяк для тех, кто хочет уничтожить дэвсов, но если ты решишь расстаться с оберегом, то не только спасешь свою жизнь, но и обезопасишь своих друзей-дэвсов.

Буян задумался. Если оберег позволяет ариям следить за ним, то с помощью него, наверное, можно точно так же следить и за ариями. Если эта Организация действительно хочет уничтожить Чистомысла и остальных, то сделать это она сможет как раз тогда, когда обманутый Буян решит расстаться с оберегом, думая, что так спасает своих друзей.

Чтобы не подать виду, что разгадал замысел гэта, гусляр изобразил на лице отчаянную решимость.

— Нет, — сказал он, — если я — причина того, что целый народ будет уничтожен, так пусть и я погибну вместе с ним, но оберег останется у меня.

Хейд попытался проникнуть в сознание гусляра, но не смог отыскать там иной причины его решения.

— Ты даже не знаешь, что тебя ждет, — сказал он и поднялся. — Идем. Я кое-что тебе покажу!

Он опять простым прикосновением открыл выход, и они пошли дальше.

Попадавшиеся им на пути гэты провожали внимательными взглядами Буяна, но ни один не заговорил с Хейдом. Гусляр молчал, осматривая подземелье.

Они свернули в узкий темный ход, ступенями спускающийся вниз. Только в его начале и в конце горел свет. Гэт шел уверенно, а Буян несколько раз споткнулся впотьмах.

Спустившись по лестнице, они оказались в коридоре, куда выходили несколько решетчатых дверей. По затхлому запаху, вони, грязи и тесноте зарешеченных клетушек Буян догадался, что они пришли в подземную тюрьму.

— Не бойся, Властимир, — громко сказал он, обращаясь к другу, несомненно, сидящему где-то здесь. — Я все выдержу. Я достаточно силен. Прости, но я не могу поступить иначе. Речь идет не о наших жизнях, но о целом народе. Нам придется пожертвовать ими ради них...

— Твоего князя здесь нет, — оборвал его Хейд. — Я привел тебя сюда, чтобы кое-кого показать...

Он указал Буяну на одну из решеток. Гусляр подошел к ней и в полутьме с удивлением разглядел внутри, на ложе из соломы, молодую женщину с испуганным лицом. Волосы рассыпались по ее плечам, грязное, изодранное платье едва прикрывало тело. К груди она прижимала младенца, закутанного, судя по всему, в обрывки ее же собственного платья. Подле нее сидел мальчик не старше двух лет, не по-детски хмурый. Буян встретился взглядом с молодой матерью, и у него тоскливо сжалось сердце. Может, и Прогнева где-то сейчас так же томится в застенке...

— Видел?

— Кто она? За что ее? Ведь у нее дети!..

— Она дэвс, женщина-дэвс... Несколько недель назад мы захватили эту пещеру дэвсов и убили ее обитателей. Она и эти дети — одни из немногих, кому мы сохранили жизнь.

Буян гневно сверкнул очами, оглянувшись на гэта.

— Но почему вы с ними не можете жить в мире?

Хейд смерил женщину в камере пристальным взглядом, прежде чем ответить.

— Их гибель — условие нашего существования. Так велит Организация. И наконец, дэвсы... отличная пища.

— Вы их съели?! — в изумлении вскричал гусляр и указал на пленников. — И этих съедите?

От крика гусляра в пещере пробудилось и заметалось эхо. Женщина в камере заплакала, прижимая к себе ребенка.

Буян схватил гэта за узкие плечи и встряхнул в бешенстве, какого и сам от себя не ожидал.

— А что из того? — вдруг вспыхнул Хейд. — Это право победителей. Съев их, наша королева стала откладывать нормальные яйца, и нашему народу больше не грозит вымирание. Они — настоящая находка для нас, наше спасение!

— Ничто не может оправдать гибель целого народа, даже если за их счет выживет другой! Нельзя выживать за счет других, — сказал Буян, но бессердечного пришельца это не волновало.

— Если ты не хочешь, чтобы она и эти дети в свое время стали нашей пищей, если ты хочешь спасти их от смерти, — сказал Хейд, — то я тебе помогу. Я готов рискнуть и отпустить их с тобой...

— Правда? — спросил Буян, глядя в выпученные глаза гэта.

— Да, если ты согласишься обменять их на оберег. Гусляр невольно прижал оберег к груди. Велика ли его цена в сравнении с жизнями существ, почти неотличимых от людей — женщины и детей.

— Нет, — покачал он головой. — Даже ради них я не могу пожертвовать оберегом...

Услышав это, женщина поднялась, подошла к решетке.

— Любой арий с радостью умрет за свой народ, — прошептала она. — Если ты можешь защитить всех остальных — не думай обо мне. Я пожертвую жизнью ради моего народа. Держись!

И она вернулась в свой угол, покачивая младенца. Буян кивнул на женщину:

— Слышал? Что ты можешь предложить ей и мне после таких слов? Мы не согласны!

— Я могу сказать только одно — пока ты спал, Организация уже обнаружила ариев по твоему оберегу. Твое геройство восхитительно, но оно опоздало!

— Пока я спал? — переспросил Буян. — Но сколько же прошло времени?

— Не знаю, как наверху, но тут с того дня, когда вы попали к нам, миновало семь суток. Идут восьмые. За это время агенты Организации подготовились... Ты проспал своих ариев!

Буян услышал, как сдавленно вскрикнула подслушивающая женщина. Убийцы уже вышли на след, арии будут уничтожены, он опоздал!..

Хейд наблюдал за ним. Он еще не сказал новгородцу самого страшного. По плану агентов еще предстояло создать копию князя Властимира — послушную игрушку в их руках.

Отчаяние Буяна и размышления Хейда прервал донесшийся издали рев. Гусляр услышал Змея и отбросил в сторону все сомнения. Пора было действовать. То же самое решил и Хейд. Он поспешил к лестнице.

Зажав в кулаке оберег, Буян сорвал его с шеи и бросился за гэтом.

— Стой! — крикнул он на бегу. — Ты хотел получить оберег? — И когда пораженный Хейд развернулся к нему, он замахнулся кулаком с зажатым в нем оберегом: — Так получи!

Ему показалось, что его рука до локтя налилась тяжестью, словно закованная в камень. Кулак врезался в голову гэта, и тот упал. Перепрыгнув через неподвижное тело, Буян побежал вверх по ступеням. Он не знал, что там случилось, но Змей ревел неспроста. Новгородец решил, что в поднявшейся суматохе ему удастся отыскать Властимира и сообщить ему все, что он узнал.

На бегу Буян опять надел оберег на шею, но уже не прислушивался к его голосу. Его новая сущность подсказывала ему сама, что надо делать. Его вела двойная ответственность — за князя, которого он должен был найти, и за народ, который он, еще не зная как, должен предупредить об опасности.

Неожиданно впереди, из-за поворота, послышался быстро приближающийся топот бегущего человека. Шаги гэтов бесшумны, но Буян уже знал о загадочных агентах, которых никогда не видел, и решил, что это один из них. Захватить одного — и тогда можно торговаться с ними.

Бегущий вынырнул из-за угла прямо под его кулак. Но, уже нанеся удар, гусляр понял, что это не враг.

— Прости, Властимир! Обознался!

Князь помотал головой, приходя в себя, и Буян потащил его назад, откуда только что пришел.

— Уж ты прости меня, — бормотал он на ходу. — Услышал шаги — думал, эти...

— Буян! — удивился князь. — Вовремя ты!.. Теперь нас двое!

— Ты сам-то идти можешь?

— Могу! Думаешь, меня так легко свалить?

Но помнивший свою неожиданную силу гусляр немного в этом сомневался.

Сразу стало ясно, что суматоху поднял Властимир, сбежавший из плена. Куда идти и где прятаться, Буян не знал, но ноги сами вынесли его обратно к подземной тюрьме.

На пороге ее валялся еще не пришедший в себя Хейд. Буян перешагнул через него, с содроганием подумав, что невзначай убил его, но жалеть о нем не стал. Он показал князю на женщину с детьми:

— Она из рода ариев, а они наши друзья. Ей грозит гибель. Надо ее спасти.

Властимир, не раздумывая, шагнул к решетке, но женщина, услышав слова гусляра,

вскочила и бросилась ему навстречу с криком:

— Нет! Не надо тратить на меня время. Уходите сами, спасите мой народ... Я подожду вас тут — с детьми я не могу далеко уйти.

— Молчи, неразумная, — перебил ее князь.

— Идите, — повторила женщина, качая головой. — Я подскажу вам выход, но светом солнца заклинаю вас — спешите! Я не боюсь смерти. Торопитесь! Надо предупредить остальных. А уж они отомстят за нас!

Она с нежностью посмотрела на Буяна и кивнула ему головой, потом указала сквозь решетку в глубь пещеры.

— Там дальше найдете тайный ход. Как войдете в него, сверните направо — левый путь полон ловушек и опасностей. Идите, там выход из пещеры.

На лестнице послышался приближающийся шум погони. Властимир побежал искать этот ход, а Буян в последний раз припал к решетке.

— Идем с нами, — повторил он. — Тебе грозит смерть. И они могут заставить тебя выдать тайну хода — подумай об этом, пока не поздно.

Женщина улыбнулась и погладила шелковистые кудри гусяря:

— Я знаю, что им сказать. Не бойся за меня. Прощай!

— Буян, где ты там? — послышался голос Властимира.

Женщина неожиданно притянула голову гусяря к решетке, коснулась губами его щеки и отпустила.

— Я вернусь, — шепнул ей Буян и убежал.

Властимир ждал его, упираясь могучей рукой в низкий потолок. Над его головой нависла каменная глыба, открывавшая слабо освещенный проход. Не останавливаясь, Буян пробежал под нею, и князь бросился за ним. Когда он отнял руку, глыба упала на место, отрезая друзей от преследователей.

ГЛАВА 14

Они бежали, пока их могли нести усталые ноги. Только когда силы были уже на исходе, они упали на землю, с трудом переводя дыхание.

Властимир напряженно прислушался.

— Вроде оторвались, — хрипло выдохнул он. — Ничего не слышно, Буян...

— Похоже, что так, — ответил гусярь.

Князь огляделся. Откуда здесь пробивался свет, было непонятно. Над ними нависал сводчатый потолок. Свет, слабый, едва заметный, лился, кажется, из самих стен.

— Куда мы попали? — спросил князь.

— Не ведаю, — отозвался Буян.

— Уж не в Пекле ли мы оказались?

— Нет, друже. Думаю, что еще не в Пекле... Но надо идти.

— Куда ж?

— Женщина та, в темнице... Мнится мне, ее родичи сии ходы проделали. И сейчас грозит им гибель неминуемая, коли мы не поторопимся и не предупредим их об опасности. А потому пошли. Время дорого!

— Погоди, Буян, объясни. Что за люди ее родичи и какая беда им грозит?

— Эх, Властимир, кабы я все ведал! Знаю одно лишь — Змей призвал новые силы, они войной сюда идут. Вот-вот они тут будут. Тогда конец всем.

— И нам?

— И нам тем более.

Опять в гусяре проснулось то вещее, что уже стало частью его самого.

— Вспомни-ка, княже, что говорил я тебе о пути нашем, и твоём особенно. Боги нас послали, чтоб постояли мы за землю нашу родную светлую... Смогли они нам помочь, а себя защитить не смогли. От Змея и ближних его грозит им гибель. Только мы двое знаем о ней, и

только в наших силах с бедою такой совладать.

— Ты хочешь сказать, что мы должны защитить самих богов? Но неужто они сами себя спасти не могут? Ведь всемогущи же они!

— Вспомни лучше, княже, мудрость народную — на всякую силу найдется сила большая. Сильны наши боги, а только пришло время, когда сила их не спасет.

— А мы? Что мы можем сделать, раз богам оно не под силу?

— Многое! — горячо воскликнул Буян. — Раньше боги светлые нужны были нам, а теперь мы богам надобны. И не думай о том, что мы всего-навсего люди смертные и что мало нас. Порой и малый нож может сделать то, что не под силу сотне мечей булатных. И может быть, только мы, слабые, и способны ныне спасти сильных...

Властимир удивленно поглядел на друга. Он и раньше-то вел себя странновато, а теперь вон как заговорил.

— Значит, полагаешь, нож сотню мечей пересилит? — переспросил он.

— Да. Сейчас надо предупредить... Ведь Змей и его змееныши не главные враги. И над ними есть хозяева — какая-то Организация. Вставай, пошли.

— Пошли, — Властимир тоже поднялся.

— Знаешь, сколько мы уже времени под землей находимся? Нет?.. Восемь дней!

— Да ты что?

— А ты думал — меньше?.. Ну, пошли! И побратимы отправились дальше.

— И откуда ты знаешь, куда нам идти? — спросил князь. — Может, ты сам из этих.

Он побоялся произнести — богов, но веселый смех гусяра рассеял его сомнения.

— Эка хватил! — воскликнул Буян, отсмеявшись. — Был бы я богом — нам бы много легче пришлось... Нет, князь, не бог я — просто знаю много... А куда идти — то ты и сам ведаешь. Идти нам с тобою только вперед — другой путь вовеки нам заказан.

С этим трудно было не согласиться, и князь промолчал.

Вскоре им попалась развилка — ход раздваивался. Не раздумывая, друзья свернули вправо, как советовала та женщина, и вскоре увидели то, что заставило их ускорить шаг.

Стало светлеть. Но это вовсе не был выход на поверхность, как подумалось им вначале, — просто стены пещеры густо поросли необычной плесенью, которая светилась голубоватым светом. А прежде, видимо, ее было меньше. Чем дальше шли они, тем ярче становился свет. Вскоре можно было бы и книгу прочесть.

Стены хода резко раздались в стороны, открывая огромный грот, не меньше того, где когда-то они нашли святилище Ящера. Поперек их пути текла широкая и быстрая река.

Друзья подошли к берегу. От воды веяло прохладой, и им сразу же захотелось пить. Буян первым наклонился к воде, почерпнул ее и тут же выпил.

— Как лед! — Он подышал на руку, согревая ее. — Точно не ведаю, но кабы были мы на поверхности, сказал бы я — то холодная струя Почай-реки, а река эта всему смерть несет. Чем она — лучше уж пусть сама Смородина!

Властимир попробовал воду. Она и правда была так холодна, что тут же заломило зубы, но, притерпевшись, пить было можно.

— Почему смерть? — молвил он. — Пить можно!

— Можно, — согласно кивнул гусяр, — да упаси тебя боги входить в реку — есть у нее струя ледяная, а есть и огневая: не заморозит Почай-река тебя льдом, так посечет огнем, а значит, нам на ту сторону не перебраться.

Властимир посмотрел на тот берег. Над серединой реки поднимался не то пар, не то туман, словно и впрямь бурлит в глубине огневая струя Почай-реки. Сквозь туман на том берегу он разглядел другие входы подземных путей. С их же стороны ход был единственным.

— Вдоль берега, что ль, идти нам? — предположил князь.

— Выходит, только так — коли нельзя одолеть преграду, надо ее обойти, — согласно молвил Буян. — Слышал я, что течет Почай-река из озера ледяного да в озеро огневое. Тепло мне больше по душе, нежели лед, да только, видно, придется нам на огненное озеро как-

нибудь в другой раз посмотреть.

— Почему?

— Сам посуди, княже, — Буян указал пальцем, — в ту сторону нам не пройти!

И Властимир был вынужден согласиться — справа, откуда вытекала Почай-река, своды оставляли полоску берега, в то время как ниже по течению они сужались так, что и мыши там трудновато было пройти.

Делать нечего — глотнув на дорогу еще ледяной воды, друзья отправились вверх по течению Почай-реки.

Дорога заметно сузилась. От холода реки на стенах и берегу намерз лед, сапоги стали скользить. Здесь даже светящаяся плесень не выдерживала мороза — ее стало меньше, и под сводами начала сгущаться темнота. Если так пойдет и дальше, то там, где свет исчезнет совсем, придется идти, рискуя сорваться со скользких камней в ледяную воду. Словно в подтверждение этому, Буян споткнулся о камень и чуть не съехал в реку, но удержался.

На их счастье, версты через три им опять встретился просторный грот с высоким потолком. Они уже изрядно замерзли, от их дыхания поднимался пар, под ногами хрустел ледок, на стенах намерз слой инея толщиной в полпальца. Слабый свет отражался в льдинках, играя тысячами огней.

Друзья разошлись по сторонам, выбирая дальнейший путь.

Всюду по берегам был лед, порой он застывал глыбами в полтора-два локтя высотой и самых причудливых очертаний. В другое время князь бы подивился этому, но сейчас ему лед был не по нраву. С досады он пнул один обледенелый валун, и тот отозвался гулким звуком, будто был пуст внутри.

Князь ударил еще раз. Точно! Валун внутри был пуст!

— Эй! Буян! — позвал он. — Я что-то нашел!

Скользя по льду, гуслиар подбежал и тоже пнул валун. Кусок льда отвалился — под ним оказался вовсе не камень. Присев, гуслиар поковырял его ножом.

— Вроде кожа, — молвил он. — Но задубела вся... Властимир тоже присел.

— Какой-нибудь зверь замерз?

Буян уже ковырял у самой земли.

— Не похоже на зверя, княже, — улыбнулся он. — Давай-ка его перевернем!

Находка, намертво вмерзла в лед и камень, но Буян отчаянно работал ножом, не щадя лезвия. Схватив находку за выдолбленные им щели, друзья с трудом перевернули ее.

Лед захрустел, осыпался. Сапоги людей заскользили, но они устояли на ногах.

Перед ними лежала лодка, сделанная из кожи, натянутой на железную основу. Дубленая кожа звенела от мороза, но еще сохраняла прочность. Под лодкой обнаружились два железных весла и два маленьких мешочка. Они намертво примерзли к земле и порвались, когда их отодрали. В одном оказался трут и кремь, а в другом — соль.

— Это, наверное, еще предки тех ариев сделали! — восхитился Буян, рассматривая находку. — Может быть, они лодку для таких, как мы, оставили... Аи, благодарствуем, хозяева неведомые!

— А может, это змеенышей лодка? — усомнился Властимир.

— Вряд ли. Они здесь недавно, а лодка сия, похоже, не меньше сотни лет тут лежит.

Он столкнул лодку на воду, бросил в нее весла, залез сам, и Властимир последовал за ним.

В ледяной воде железные весла тут же покрылись льдом. Их невозможно было взять в руки — примерзали пальцы. Поэтому пришлось отложить их и отдаться на волю волн. Почай-река понесла лодку вниз по течению.

Прошло немного времени, и друзья опять оказались в том самом гроте, где впервые ступили на берег реки. Лодка не спеша вышла из-за поворота, и глазам беглецов предстал отряд гэтов, толпящихся на берегу.

Они увидели друг друга одновременно. Змееныши обрадованно закричали и бросились к берегу, но остановились, едва коснувшись воды.

— Ага! — злорадно воскликнул Буян и показал гэтам кулак. — Не могут нас достать!

Властимир даже не успел предупредить его — он-то помнил о молниях, что могут, подобно богам, метать гэты, — и гусяру пришлось узнать это самому. Поняв, что до славян не добраться, гэты вскинули оружие — и несколько лучей ударили в борта лодки. Посыпались искры, но желеар и обледенелая кожа выдержали. Буян отшатнулся, закрывая лицо.

— Быстро на дно лодки! — приказал князь, дернув его за собой.

Друзья спрятались за высокими бортами, затаились. Лодка медленно плыла мимо гэтов и представляла собой отличную мишень. Несмотря на то что холод пещеры сковывал движения гэтов, постепенно они пристрелялись. От одного удачного выстрела задымился край лодки. Попадание было встречено криками восторга. Князю показалось, что он различает самодовольный голос Ркая, и он выпрямился, поднявшись над бортом.

— Куда, жить надоело? — зашипел на него Буян.

Гэты, судя по всему, были того же мнения — выстрелы участились. Властимир видел их молнии, некоторые ударялись о борта лодки. Одна из них попала в весло, и оно нагрелось. Воспользовавшись этим, Властимир схватил его и стал грести, помогая течению. Молнии с шипением шлепались в воду вокруг него, ударялись о борта лодки. Одна даже краем ожгла плечо, но Властимир продолжал грести, не поднимая головы. Он забыл про все на свете и греб стиснув зубы, думая только о том, чтобы поскорее уйти от обстрела.

Приподняв голову над бортом, Буян следил за гэтами, которые бежали по берегу вслед за лодкой. А та уже была на самой стремнине, до нее было почти сорок сажений, не меньше. В полумраке попасть с такого расстояния в движущуюся цель очень трудно, и Буян был уверен, что им удастся уйти. Он едва не закричал от радости, когда лодка на полной скорости скрылась за поворотом.

Гэты бежали по берегу и, пока могли, стреляли вслед лодке, но уже без уверенности, что попадут.

Властимир перестал грести, когда стало ясно, что враг оставил погоню. Разогнавшаяся лодка постепенно снижала ход, а друзья разглядывали места, по которым они плыли.

Река текла по огромной пещере. Берега ее поросли чем-то, напоминающим траву, а стены и высокие потолки в изобилии покрывала светящаяся плесень. От ее розоватого отблеска казалось, что здесь всегда царит вечер. Не хватало лишь камышей, комаров и мычания далекого стада, идущего в деревню.

Свесившись через борт и подперев щеку ладонью, Буян пристально смотрел в воду.

— До чего же велика! — нарушил молчание Властимир. — Раньше, когда я сказки и былины слушал, то не верил им. Считал, что нельзя живому человеку в подземную страну попасть — нет там ничего. А теперь вот плыву по реке, что наверху не течет, свет вижу, травы какие-то чудные растут...

Буян что-то промычал, не отрывая глаз от воды.

— Что нам теперь делать? — продолжал Властимир. — Далеко мы без еды не уйдем — хоть какую-никакую сыть нам надобно. Живет ли кто тут али нет? Ты вроде все ведаешь, Буян, — есть тут кто-нибудь, кроме нас, как думаешь?

Гусяр не повернул головы. Глаза его остановились, заметив что-то в воде. Он весь подобрался, как охотник в засаде, рука его медленно поползла к ножу за голенищем. На миг он прикрыл глаза, глубоко дыша, и открыл их снова.

— Ты чего удумал, Буян? — спросил князь. — Коли опять песню складываешь, так не ко времени — надо думать, как живыми остаться. А может, ты искупаться решил?

— Не мешай, — прошипел Буян, занося нож.

Он вдруг перегнулся через борт лодки так быстро, что князь еле успел поймать его за пояс. Гусяр резко и сильно ударил по воде и, поднатужившись, вынул насаженную на нож рыбину.

При одном взгляде на нее Властимир почувствовал, что готов умереть с голоду, но не съест ни кусочка. Рыбина длиной почти два локтя была совершенно прозрачной и

напоминала не то змею, не то сома. Сквозь тонкую кожу просвечивали все кишки. Можно было увидеть, как бьется сердце. На огромной уродливой голове ее был только большой широкий рот и ни намека на глаза. Рыбина билась, колотя хвостом, и разевала рот. Прозрачная кровь стекала по руке Буяна за борт и на дно лодки.

Прижав быющуюся добычу коленом, гуслир быстро оглушил ее, выпотрошил и отделил голову. Потом разрезал стекловидное тело вдоль, вынул хребет и поманил князя:

— Присоединяйся, Властимир!

— Ты точно разума лишился, — покачал головой тот. — Разве это можно есть? Она либо ядовита, либо заколдована!

— Что поделаешь, княже, выбирать не приходится, — развел руками Буян.

Добычу обильно посолили найденной в лодке солью. Сырая рыба была непривычной на вкус. Однако они быстро расправились со своей долей.

Собрав окровавленные рыбы кишки, Буян бросил их в реку, благодаря ее за дичь. Они поплыли по течению недалеко от лодки, и, не прошло и минуты, как еще несколько таких же рыбин устроили за них драку. Они так увлеклись этим, что забыли об осторожности, и Буян насадил на нож еще одну.

— Ловок ты! — похвалил Властимир.

— Да ладно! — отмахнулся Буян, свежую добычу. — Тебе бы с мое поскитаться по лесам, еще лучше смог бы. Я год почти по лесам скитался, как Новгород меня изгнал, жил как зверь дикий. Вот и научился рыбу в ручьях рукой ловить... А эту поймать еще легче — она ж меня не видит!

Пока свеживали рыбу и ели, за берегами не смотрели. А когда наконец подняли головы, подивились, как изменилось все вокруг.

Почай-река несла их стремительно, как весенний буйный ручей. Тому, кто оказался бы на берегу, пришлось бы бежать со всех ног, чтобы держаться наравне с лодкой. И скорость все увеличивалась. Вода скакала по камням, как молоденький жеребенок.

Река одолела поворот, и они вылетели на стремнину. Вода неслась куда-то с необыкновенной быстротой — такое друзья уже видели в Сорочинских горах. Тогда Властимир подумал еще — как это можно по таким рекам плавать, а теперь оказалось, что он сейчас может это испытать сам.

Лодка налетела на невидимый подводный камень, и ее швырнуло, обдав друзей брызгами. Они оказались гораздо теплее, чем раньше, или же путешественники успели притерпеться — узнать они не успели.

Им пришлось снова взяться за весла, чтобы удержать лодку прямо — ее так и норовили перевернуть волны. Почай-река словно обезумела — подхватив лодку, она тащила ее вперед, а там уже нарастал грохот близкого водопада.

Властимир попытался направить лодку к берегу, но быстрое течение влекло лодку дальше.

— Это все из-за твоей рыбы! — крикнул Властимир Буяну. — Не надо было ее ловить!

— И остаться голодными? — огрызнулся тот. — Надо было просто раньше к берегу приставать!

— Теперь уже поздно спорить. Сейчас нам конец...

Грохот еще невидимого водопада уже почти не позволял им слышать друг друга. Но течение вдруг замедлилось, однако было еще достаточно мощным, чтобы в очередной раз, швырнув их на камни, окатить брызгами.

От неожиданности Буян заорал, отряхиваясь, — вода была горячая.

— Это же просто кипяток! — воскликнул он...

— Ты что-то говорил про то, что Почай-река течет из ледяного озера в огненное, да? — спросил Властимир.

Они оказались в пещере с подземным озером. Два водопада — с ледяной и горячей водой — низвергались в него с противоположных сторон. Там, где их воды сталкивались, стояло вечное облако пара, скрывая берега и размеры озера. В центр этого пара и вынесло

лодку.

Волны беспрерывно толкали ее то в одну, то в другую сторону. Друзей окатывали то ледяные, то горячие струи.

— Так долго мы не выдержим! — крикнул Властимир. — Надо выбираться отсюда. Лучше в ту сторону, — махнул он рукой, — там наверняка нет водопада. Слышишь — шум тише!

— Да, ты прав, — молвил Буян и встал на дне лодки, ловя равновесие.

— Бросай эти шуточки! — князь попытался усадить гусяра назад. — Вывалишься!

— Не мешай, — огрызнулся Буян и, сложив руки у рта, закричал в туман: — Слушай меня, Почай, всем рекам отец, брат самой Смородины! Отпусти ты нас, не задерживай, смертью нас не казни, не испытывай. Коли мы умрем, не прибавишь ты своей славы и чести себе не сделаешь. А отпустишь нас, да укажешь путь — будет слава тебе во веки веков... А еще лучше, — добавил он чуть громче, — укажи нам, Почай, как найти людей, что на твоих берегах от века живут. У нас для них весть срочная — беда им грозит неминуемая, и о том только мы ведаем!

Когда Буян заговорил, Властимир успокоился — он уже поверил в чудесные способности друга. Гусяр, замолкнув, сел, и они не удивились, когда лодку повернуло еще раз, и она поплыла прямо, не сворачивая.

Облако пара осталось позади, и друзья увидели новую реку, вытекавшую из озера. Она с ревом и грохотом низвергалась в узкий проход — казалось, достаточно было раскинуть руки, чтобы упереться в оба берега. Но путешественники просто схватились за борта лодки, чтобы не выпасть, и опять отдались на милость волн.

Их несло удивительно мягко — словно водяная змея приняла их на спину. Сидящий впереди Властимир заметил, что лодку несет прямо посредине и там течет не водяная струя, а чуть ли не плавленый металл. Вода от него шипела и поднималась струями пара. Буян, сидевший у князя за спиной, вдруг воскликнул:

— Властимир! Кажись, лодка наша горит!

Властимир оглянулся и увидел, что кожа обшивки начала тлеть. Лодка вскоре нагрелась так, что за железный каркас схватиться было уже невозможно. Он дымился.

А берега тем временем разошлись в стороны. Ширина Почай-реки увеличилась, и скорость упала. Дымящаяся лодка уже неторопливо ползла вдоль берегов. Ее постепенно прибывало к одному из них, но до берега еще было довольно далеко.

Властимир и Буян ползали по своему суденышку, стремясь хоть как-то унять огонь. Буян стукнул по пламени каблуком, кожа прорвалась, и в лодку хлынула вода. Лодка качнулась, черпая бортом воду, и друзья оказались в речке.

Здесь текла ледяная струя, горячая осталась по ту сторону утонувшей лодки. Торопясь, пока от ледяной воды не свело ноги, они поплыли к берегу.

Словно обруч сомкнулся на груди Буяна. Он попытался сделать вдох и не смог. Сердце испуганно застучало, но раньше, чем он попрощался со всем белым светом, Властимир, заметив, что гусяр тонет, схватил его за волосы и потащил за собой. Буян был почти в обмороке, когда князь выволок его на берег.

Царила глубокая тишина, нарушаемая только тяжелым дыханием приходящих в себя людей. Время от времени Буян, наглотавшийся воды, принимался откашливаться. Обоих от лютого холода била мелкая дрожь. Властимир сетовал, что здесь не из чего развести огонь, чтобы согреться, тем более что кремень и огниво уцелели — он их успел сунуть за пазуху.

Буяну было все еще плохо.

— Ни за что бы не поверил, что ты плавать не умеешь, на берегу Ильмень-озера выросши, — сказал князь.

— Да умею я, — ответил Буян, — но испугался вот... Все так быстро случилось... Я опомниться не успел!

— Сейчас-то ты как?

— Вроде отошел, — Буян попробовал встать. — Идти могу!

— Тогда пошли, — Властимир поднялся тоже. — На ходу согреемся, а то так и совсем замерзнуть недолго!

Почай-река вынесла их на каменистый берег, где на обточенных водой и временем валунах росли только мхи и та же плесень, от которой исходил слабый розовый свет. Поодаль, в стене, заметили начало единственного хода отсюда, но внутри было темно. Некоторое время друзья колебались, но выбора у них не было, и они отправились туда.

Свет с берегов Почая еще доносился сюда, позволяя видеть стены и пол, но за поворотом их окружила полная тьма. Они шли наугад, вытянув вперед руки, чтобы ни на что не наткнуться. Семенить медленно, на ощупь оказалось очень трудно. Они выдохлись быстрее, чем если бы бежали.

Позади осталась, верно, не одна верста. После реки с водопадами, ледяного купания и вообще всего этого нескончаемого дня друзья буквально валились с ног. Они с трудом дошли до места, где на камнях рос маленький пучок плесени, дававший свет не ярче лучины. При его свете откатали в сторону несколько камней и, растянувшись на земле, мгновенно заснули.

...Властимиру приснилось, что Змей пустился за ними в погоню и нагнал их, когда они легли спать. Он сперва бросился на Буяна, терзая его, как волк овцу. Видевший все Властимир не мог помочь другу — нож оставался у Буяна, но даже если бы нож был у него, он все равно ничего не смог бы сделать — его самого крепко держали змееныши. Князь зажмурился, чтобы не видеть ужасной смерти друга, но ушей заткнуть не мог, и до него ясно доносились крики и стоны Буяна.

Из последних сил он рванулся, раскидывая врагов, раскрыл глаза...

И проснулся.

В подземелье царили тишина и покой. И все-таки что-то встревожило князя, что-то случилось.

Он прислушался — и в самом деле уловил вроде бы как тихий стон.

— Буян! — крикнул Властимир, решив, что это стонет гусляр. — Что случилось?

— Это я у тебя должен спросить! — недовольно ответил новгородец. — Сам не спишь — так хоть другим дай! Что случилось?

— Ты стонал.

— Я? — Буян коснулся лба ладонью. — С чего бы мне стонать?.. Может, ты сам стонал?

— Нет, я это слышал ясно, как тебя сейчас!.. Вот, послушай сам, приложи ухо к стене.

Они замолчали, прижавшись к камням, но кругом была полная тишина. Напрасно Властимир ждал — Буян уже начал коситься на него с ухмылкой.

— Померещилось тебе, княже, — наконец изрек он. — Меньше надо снам доверять — обманут.

Властимир только пожал плечами. А потом внимательно взгляделся в проход. Он уходил вперед и саженьях в десяти плавно поворачивал. Свет, идущий оттуда, был намного ярче, чем тот, от плесени, к которому они уже привыкли. Друзья отправились туда.

ГЛАВА 15

Они вошли в огромный подземный зал, выложенный красивыми каменными плитами, со сводчатым потолком. Несколько лестниц вели к дверям в нишах. Каждая дверь была изукрашена по-своему — листьями, травами, неведомыми птицами, сказочными зверями. Можно было рассмотреть и слова неизвестной письменности.

Здесь уже не было ставшей привычной плесени, но свет шел откуда-то с потолка — там было несколько колодцев, из которых и лился свет, очень похожий на дневной.

Но было совсем безлюдно.

Зато здесь они нашли то, о чем мечтали, — в скале был вырублен источник, до краев наполненный чистой водой. Она по капле стекала из разинутой головы зверя, очень

похожего на льва, только с крыльями. Друзья напились.

Из шести обнаруженных дверей открывалась только одна. И побратимы шагнули туда.

За дверью оказался крутой спуск с обветшалыми ступенями. На дне нового грота лежало озеро, по берегам которого обильно росли подземные травы. Оно было почти круглое. На другом берегу в него не спеша тек ручеек. Сводной стороны от него виднелся черный провал выхода, а с другой...

Властимир победно оглянулся на Буяна: видишь, мне не послышалось!

Стремясь рассмотреть получше то, что в слабом свете и тумане казалось им обманом зрения, они обогнули озеро. У самого ручейка в камне намертво был укреплен толстый железный столб. Из нескольких гнезд в нем выходили цепи, уже немного проржавевшие. На цепях висел опутанный ими богатырского сложения человек. Они оплетали его плечи, врезаясь в сильное тело так, что он не мог пошевелиться и висел, не касаясь ногами пола. Две цепи сковывали его ноги. Еще одна охватывала его шею.

Услышав их шаги, гулко отражавшиеся от стен пещеры, неизвестный узник с усилием поднял голову и взглянул в них. На узком красивом бледном лице выделялись большие темные глаза, полные страдания. Сухие губы его дрогнули, и он тихо попросил:

— Пить...

Буян тут же бросился к озеру, но узник простонал:

— Нет. Не эту...

В голосе его промелькнул ужас. Гусяр кивнул и побежал к источнику, из которого они сами напились. Он вернулся, неся воду в найденном в том зале ковшике. Узник потянулся к нему и, торопясь, выпил все, стараясь, чтобы не пропало ни капли. Допив, он хрипло спросил:

— Откуда вы?

Неизвестный узник был так высок и плечист, несмотря на измученный вид, что гусяр казался рядом с ним нескладным мальчиком десяти лет. Узник жадно всматривался в лица путников. В глазах его понемногу проступало удивление. Чувствовалось, что он тут в одиночестве очень давно.

— Вы сверху? — наконец спросил он.

— Да, — ответил Буян. — Сверху.

На тонких губах узника дрогнула улыбка.

— Как там?

— Все хорошо. Над нами земля славянская — города, поселки, деревни... Мир стоит, торги шумят, купцы с товарами едут в страны дальние и к нам издалека люди приходят... Вот уже десять лет, как сидит в Новгороде варяг Рюрик, государь славянский...

— А как Новгород? — перебил узник.

Гусяр дернул плечом:

— Что ему — стоит он... Еще краше стал.

— А ты, видно, его хорошо знаешь? — молвил узник.

— Да уж неплохо, — гордо отозвался Буян. — Я родился в нем, да только выгнали меня из Новгорода.

— Кто? — быстро перебил незнакомец. — Навьи?

— Нет, — удивился Буян. — Варяги. Отец мой против них народ вывел, да только разбили нас. Отца моего убили или смертью лютой казнили — про то даже мне неведомо, а я по земле теперь скитаюсь без угла.

Незнакомец поник головой.

— Прости, — Буян осторожно коснулся его плеча, — но скажи нам — кто ты. За что заковали тебя и кто? Не можем ли мы чем-нибудь помочь?

Узник поднял голову. Глаза его блеснули.

— Уходите, — выдавил он. — уходите, откуда пришли, — оставьте меня!

Властимир подошел поближе:

— Это твой стон я слышал?

— Больше тут никого нет.

— Послушай, друг, — заговорил Властимир. — Имя мне — Властимир, князь я из города Резани. Не в обычае резанцев людей в беде бросать. Если помощь тебе нужна — так и скажи. Сейчас мы торопимся, а потом, когда вернемся, непременно тебе поможем. Говори, в чем дело!

— Не спеши, — медленно сказал узник. — Ты помощь мне предложил, имени моего не спросив, резанец, а как узнаешь, с кем разговариваешь, — тут же от своих слов откажешься.

— Именем Перуна клянусь — не откажусь! — воскликнул Властимир. — Кто ты?

— Волхов.

От неожиданности Буян отступил, споткнулся и упал.

— Волхов! — восхищенно прошептал он. — Основатель Новгорода... Значит, не умер ты?

Воцарилось молчание.

— Что решили вы? — спросил Волхов дрогнувшим голосом.

Буян встал, подошел.

— Как случилось, что попал ты сюда? — спросил он. — Ходили слухи, что тебя навьи задушили во сне.

Точеное лицо Волхова ожесточилось:

— Не навьи то были — люди, слуги мои, моим же сыном наушаемые... За то, что водил я дружбу с самим Перуном и жена моя была его сестрой, за силу мою колдовскую да за знания... Ночью они задушили меня, а днем сказали новгородцам, что умер я от собственного колдовства... Не колдовство меня предало, а сын, который ждать моей смерти устал... Днем он мне пышные похороны устроил, да только знал, что меня так просто не убить. Вот и заковали меня здесь заговоренными цепями, неотмычными. Знаю, что меньшие мои дети меня не предали и покинули Новгород, где брат их, отцеубийца, княжить сел. Сколько веков я тут смерти дожидаюсь — сказать уж не могу, да только не приходит она, хотя всегда рядом ее чую. Устал я...

Голова его поникла на грудь. Длинные волосы закрыли лицо.

Буян неожиданно снова вскочил на камень и, выудив из рукава платок, заботливо отер пот с чела Волхова. Тот с недоверием следил за юношей.

— Не кручинься, отец волхов, — молвил Буян. — Сейчас мы и правда спешим, но я знаю одного волхва, Чистомыс-лом его зовут. Так он говорил как-то, что от тебя, Волхов, род он свой считает. Я найду его и про тебя скажу — он с богами знается. Может, подскажут они, как твоей беде помочь!

Волхов улыбнулся.

— Я буду ждать, — сказал он. — Сколько надо, подожду — только уж и ты не забудь.

— Только ежели смерть меня настигнет раньше срока!

— Мы тебе помощь обещали, — сказал Властимир, — помоги и ты нам, чародей.

— Силы во мне ни капли не осталось, иначе я бы давно освободился, — ответил ему Волхов. — Я вам не помощник. А совет дать могу. Многое тут, в подземном мире, творится, и мало что мимо меня проходит. Спрашивайте — может, гонитесь вы за кем-то или за вами кто спешит?

— Гнаться мы ни за кем не можем — увели коней наших много дней назад и куда — неведомо... Но коли ты все знаешь, скажи — где спрятали Агриков меч, который я недавно нашел на дальнем острове?

— Агриков? — переспросил Волхов. — А зачем он тебе, князь?

— Змея поразить. — И Властимир, не дожидаясь вопроса, рассказал Волхову все, что с ними приключилось: как он весной отправился на поиски Змея, как сразил его меньшего брата в Сорочинских горах, как бился в Новгороде, как добыл меч и коня златогривого, да только налетели слуги Зме-евы, все добытое отняли силою, а их самих в подземелье запрятали. Хотели их верными рабами своими сделать, да только сбежали они и теперь ищут утерянное.

Волхов нахмурился, раздумывая.

— Конь твой о шести крылах был? — вдруг спросил он. — И во лбу камень-самоцвет ярче солнца под землей горит?

— Верно! — воскликнул Буян. — А второй конь вороной, с белой звездой во лбу, молодой еще и норовистый. А в тороках гусли торчали...

— Ты что-то о наших конях слышал, Волхов? — спросил Властимир.

— И слышал и видел. Некоторое время назад провели здесь змееныши зеленые двух ваших коней. У этого озера остановили они их, напоили и дальше повели...

— Куда? В какую сторону? — чуть не закричал князь.

— Отсюда только один выход, да только не знаю, стоит ли искать их теперь, — ответил Волхов. — Кони ваши из этого озера пили, а вода эта особая — кто ее глотнет, тот исчезает.

Друзья переглянулись. Казалось невероятным — их кони исчезли!

— Нет, — решительно покачал головой князь. — Может, еще не поздно. Идем, Буян... А тебе, Волхов, за помощь и добрый совет поклон — мы тебя не забудем.

Отвесив узнику поклон, Властимир пошел в обход озера к выходу. Буян задержался подле прикованного Волхова.

— Я вернусь, обязательно, — пообещал он, — Да только есть у нас еще одно дело, без которого весть наша ненадобна будет... Ты, Волхов, с богами-ариями знал, так не подскажешь ли — как нам к ним пробраться? Беда им грозит от Змея того — призвал он своих слуг и хозяев, чтобы они богов уничтожили. Я и оберег мой — тому причина невольная. И хочу я свою вину искупить, о беде их предупредить. Так уж ты помоги — дорогу к ним подскажи!

— Покажи оберег, — потребовал Волхов.

Буян без колебаний полез под рубаху и вытянул оберег за шнурок. Глаза Волхова загорелись.

— Тот самый, — задохнулся он и откинулся назад, ударившись затылком о цепи. — Резанский... Он делал — узнаю... Слушай меня, Буян-гуслар, я попробую богам весточку передать, коли сил хватит, но главное только ты можешь сделать. Оберег этот обладает силой, с какой даже мне соперничать трудно. Он может многое — надо только воспользоваться его силой правильно. Ты сам к Сварогу обратись. Коли сильна вера твоя, услышит тебя Сварог... Ну и я попробую — может, еще не забыли меня...

— Забыли, так я напомним, — обнадежил его Буян.

Гуслар собрался идти, но Волхов остановил его:

— Еще хочу помочь вам, люди... Князь твой сказал, что будет со Змеем биться. Оботри мне еще раз лицо тем платком — коли кровь ядовитая змеиная князя забрызгает, пусть утрется им, и яд не причинит вреда.

— За князя благодарствую, — ответил Буян, разворачивая платок. — Ты не знаешь, кто он для меня!

— Знаю, — молвил Волхов. — Или не ведун я?

Обтерев лицо Волхова, Буян бегом догнал поджидавшего его Властимира и с того берега озера махнул узнику рукой. Тот кивнул ему в ответ, но когда друзья скрылись в ходе, он снова понурился, и из груди его снова вырвался стон, какой слышал Властимир.

Тем временем славяне спешили по коридору. Тот тянулся долго, извиваясь как змея, то поднимаясь, то опускаясь. Несколько раз им приходилось останавливаться и отдыхать — давала себя знать усталость.

Постепенно становилось все светлее и светлее, и путешественники уже подумывали о том, что выход близко. Собрав остатки сил, они пробежали последние несколько десятков сажень — и застыли на пороге.

Это был вовсе не выход на поверхность, а нечто совсем новое. Впереди, сколько хватало глаз, тянулся подземный лес. От приступки, на которой они оказались, вниз сбегала узкая крутая тропка, пропадавшая в зарослях. Лес раскинулся вольно, вправо и влево он тянулся до горы, охватывая ее с двух сторон.

Ясно было одно — лошади где-то здесь. Но где именно? И как людям не заблудиться в дремучем лесу, освещенном лишь розовым лишайником?

Над ними сомкнулись ветви. Некоторые деревья были чем-то похожи на дубы и рябины, таких было больше половины, попадались порой подобия елей, ясеней, осин и нежной-дерева. Но были и совсем невиданные, с большими листьями, похожими на лопухи с изрезанными краями, сидевшими прямо на лохматых, словно укутанных звериными шкурами стволах. И кустарники были необычными. В чаще стоял пряный запах, от которого закружилась голова.

Они прошли совсем немного и вдруг у ручья обнаружили дикую яблоню. Раньше, чем Властимир успел его остановить, гусяр уже сорвал яблоко и раскусил.

— Кислятина, но есть можно, — ответил он на немой вопрос друга.

Тишину леса нарушило пение птиц. Все дышало миром и покоем, и путешественники решили передохнуть.

Оставив Властимира собирать сушняк для костра — его валялось здесь более чем достаточно, — Буян пошел по берегу ручья за добычей.

Вернулся он не скоро, но в двух руках тащил столько, что сразу стало ясно — с голоду они тут не пропадут. Дичь оказалась непуганая — он почти голыми руками поймал двух молодых птиц, похожих на тетеревов. Мог бы поймать и больше, да стало жаль плохо летающую молодь. Еще по дороге он набрал охапку трав, и, пока Властимир ошипывал птицу, Буян перебирал находки.

— Глянь, дикий лук! Там его целая полянка. У нас он в эту пору пропадает, а тут еще даже цветет! Сverbигуз — это туда же... Царь-трав... За нее бы любой знахарь что хочешь отдал...

Здесь было изобилие таких трав, какие редко встречаются наверху, — сизая пряная печаль-трав, дуркоман, сонная одурь, колюка-девясил, лютый цвет...

— Весь мир, что ли, хочешь отравить? — спросил, усмехнувшись, князь.

— Весь не весь, а кое для кого пригодится... Глянь, что тут растет, — само святоянское зелье. О нем, чай, и Веденя только сказки слышала!

— Ты сам только сказки сейчас говоришь, — оборвал князь. — Не понадобится нам твоя трава, будь она сто раз волшебная. Против Змея траве не выстоять!

— Ну, Змея ей, может, и не одолеть, а вот в ином деле пригодится. Ты меня слушайся, Властимир, я плохого не присоветую!

Они вместе расправились с обеими птицами, оставив только косточки.

Собрав травы — ни с одной Буян не согласился расстаться—и затоптав костер, друзья отправились в путь. У ручья, охотясь на птиц, Буян заметил нечеткие следы копыт, а потому они решили пойти вверх по ручью.

Поток прыгал по камням, ведя их с равнины в гору; стволы росли уже меж камней. Как-то незаметно исчезли тонкие осинки и рябины, остались только дубы, но таких размеров, что приходилось запрокидывать голову, чтобы разглядеть их вершину. Толстые корявые сучья переплетались на высоте не менее десяти—двенадцати сажен. Потемнело, светящегося лишайника стало меньше. Даже птицы смолкли. Путники все шли вверх по ручью, встречая на участках мягкой земли отпечатки подков.

Они углубились в самый настоящий дремучий лес. Он напомнил Властимиру тот весенний Муромский бор, в котором он тогда чуть не прогневал Святобора, — дубы сплелись ветвями, паутина висела над головой, цепляясь за лицо. В чаще зазвучали тревожные странные звуки, пронесся ветер, закачались вершины дубов.

Неожиданно впереди послышался громкий злобный рев. Друзья остановились. В полумраке между стволами мелькнуло что-то большое и светлое. Оно непрерывно ревело и приближалось огромными скачками.

Это чудовище напоминало сразу быка и кабана — свиная морда, бычьи рога, дыбом щетина и короткий пороссячий хвост. Маленькие глазки были налиты кровью, с клыков

падала желтоватая пена. Чудовище мчалось прямо на людей, готовое к бою.

Не сговариваясь, те ждали на месте до последнего мгновения, а потом разом прыгнули в стороны, и зверь пронесся между ними. Но он почти тут же остановился, взрыв каменистую землю копытами, и, приняхиваясь, переводил взгляд с одного человека на другого. Он ждал, готовый броситься снова.

Друзья стояли у деревьев, но забраться по ним наверх было невозможно — зацепиться было не за что.

— Что делать будем, Властимир? — позвал Буян. — Он нас так не отпустит!

Зверь повернулся к нему и злобно щелкнул зубами. Пена хлопьями падала на камни.

— Может, отвлечь его?

Стоило Властимиру подать голос, как зверь развернулся к нему.

— Не выйдет, — сказал Буян, и морда тут же обернулась в его сторону. — Он нас слушает.

— Хочешь сказать, что он понимает человеческую речь?

Зверь рывкнул, подпрыгивая и словно желая сказать, что князь угадал верно. Теперь он выжидал, косясь на свои жертвы по очереди и предупреждая не только слова, но и движения — всякий раз, как кто-то из людей чуть шевелился, переступая с ноги на ногу, он делал к нему шаг. Ясно было, что первой жертвой зверя станет самый нетерпеливый.

Буян внимательно рассматривал их противника. Что-то в нем было необычное, но что?... Он не сразу понял, а когда заметил, то чуть не вскрикнул от радости — как же он сразу не обратил внимания, что зверь весь белый с красными глазами! Что там ему говорил Чистомысл про таких вот белых зверей?

Властимир боковым зрением увидел, что гусяр отчаянно подмигивает ему, указывая глазами на зверя, который водил мордой из стороны в сторону, ожидая любого движения или звука от своих жертв. Властимир непонимающе пожал плечами.

— Отвлеки его, — прошипел Буян, и зверь немедленно сделал к нему шаг.

— Понял! — нарочито громко ответил Властимир.

Услышав его голос, зверь тут же развернулся к князю, сопя и стуча зубами. Князь отступил на полшага назад — зверь тут же приблизился ровно на столько же. Он пригнул голову к земле и рыл копытом землю, готовясь к прыжку. Властимир сделал еще шаг, чтобы между ним и зверем оказалось дерево. Отсюда он мог видеть, что, пользуясь короткой передышкой, Буян торопливо роется в своих травах. Выхватив наконец, что искал, гусяр свистнул.

От резкого звука зверь заревел и бросился к юноше. Тот и не думал уходить и стоял прижавшись к стволу дерева, но в тот самый миг, когда зверь распахнул пасть, он быстро сунул ему в зубы какую-то траву с желтыми цветами. Пасть захлопнулась. Буян чудом успел отскочить в сторону.

Зверь невольно проглотил траву и бросился за удиравшим новгородцем.

— Беги, Властимир! — услышал князь крик гусяра.

Буян прыгал с камня на камень так ловко, словно всю жизнь прожил в горах. Зверь гнался за ним. Он тяжело дышал, с морды его текла пена, он уже хрипел от натуги и злобы, но не прекращал погони.

Взобравшись на крутой склон, Буян остановился перед огромной глыбой. Он развернулся, бежать было некуда — сзади стоял его преследователь.

Пена на его губах была слегка окрашена кровью. Медленно, словно у него не осталось сил, он приблизился вплотную и обнюхал застывшего Буяна. И вдруг зверь стал судорожно хватать пастью воздух, его выпученные глаза остекленели, с клыков потекла вспененная кровь. В следующий миг он захрипел и рухнул наземь к ногам Буяна.

Тот стоял не двигаясь, прижавшись к камню и закрыв глаза. Зверь дергался в судорогах. Подбежавший Властимир оттащил Буяна подальше и встряхнул, приводя в чувство.

— Ты прямо волхв! — восхищенно воскликнул князь. — Чем ты его?

— А той травой, что у ручья насобираю, — ответил Буян. — Святоянское зелье... Я, когда его увидел, сразу подумал — что оно мне так напоминает. Решил — возьму пока, потом вспомню. А тут на ум само пришло — растет наверху его родич, как две капли похож, — зверобой его прозывают.

— И ты решил, что это зверя убьет? — догадался Властимир.

— Точно! Только я для верности лютого цвета добавил — и сработало!

Зверь уже перестал биться и валялся на камнях, задрал ноги. Морда его была облеплена мелкими желтыми цветами лютоцветы, пена все еще лилась на камни, словно из прохудившейся бочки. Обойдя тушу, Буян пнул сапогом в оскаленную морду.

— Половину всей травы я на тебя извел, — упрекнул он зверя. — Где теперь новую сыщу? Назад, что ли, ворочаться?

— Назад некогда. Вперед надо — жаждали нас наши кони.

Ручей мчался по склону вниз, торопясь на камнях и рассыпая мелкие брызги. Спеша вверх, друзья тоже прыгали с камня на камень и перевели дух, когда попали на плоскогорье, по которому ручей тек уже медленно.

Здесь стеной стоял тростник, но не простой — он колыхался сам, хотя ветра и не было. Когда люди шагнули в него, он угрожающе зашелестел, и в глубине его зарослей заворочалось что-то темное. На всякий случай друзья выбрались из тростника.

Вскоре они добрались до истока ручья. Чуть выше по склону была поляна, где росли такие толстые и старые деревья, что на память невольно пришел тот дуб об одном суку. Но эти на вид были старше того дуба на несколько сот лет. Ни единой травинки не росло под ними — только валялись сухие листья, веточки и чешуйки коры. Ветви сплетались так густо, что под деревьями царил густой сумрак. В глубине при приближении людей зажглись чьи-то глаза и послышался шорох.

Друзья старались идти осторожно, но под ногами то и дело хрустели и трещали сучья. Приглядевшись, витязи заметили в полумраке огромный дом или замок, сложенный из целых глыб, но уже почти разрушенный. Между стенами проросли деревья. Все это выглядело таким древним, что легко было догадаться — построить такой замок могли только арии, не иначе.

— Вот сердцем чую, что близко мой Воронок, — молвил Буян. — Я его, как тогда, на севере, чую... Воронок!

Властимир не разделял его веры, но на крик гусяра неожиданно быстро пришел ответ. Ржание раздалось совсем близко — не то из-под камней, не то из-за них.

— Воронок! — громче позвал Буян. — Ко мне!

Слышно было, как жеребец застучал копытами. Стук их быстро приблизился, пронесся мимо — и затих неподалеку. Жеребец заржал — в его голосе был испуг.

— Где наши кони? — недоуменно спросил гусяр.

— А не об этом ли нас Волхов предупреждал, когда говорил, что кто из озера того напьется, исчезает? — вспомнил Властимир.

— Ты хочешь сказать, что они стали невидимыми?

— Не только они стали невидимыми, но и мы для них — тоже... Как же нам быть?

— Ну, попадитесь только мне, лошадиные похитчики! — воскликнул Буян, и совсем рядом Воронок отозвался ему печальным ржанием. — Встречу — и никакие чары вас не спасут!

— Погоди, может, есть чары, чтоб лошадям нашим помогли? Ты все знаешь, Буян, вспомни — не слыхал ли чего такого от своего Чистомысла?

Гусяр пристально посмотрел на князя и расплылся в улыбке.

— Есть, — произнес он. — Есть одно средство, только вот как его применить? Лошади-то невидимы... Придумал! Ну-ка, княже, за работу — разведи костерок!

Когда на камнях заплесало пламя, Буян сунул Властими-ру в руки сизый пучок печаль-травы:

— Возьми. Здешние травы — чувствую — против верхних двойную силу имеют,

потому как здесь их никто не собирает. Следи за мной: как остановлюсь где — подпали траву, чтоб тлела только, да и обойди с нею то место. Понял?

Гусляр пошел по поляне, оглядываясь и громко зовя лошадей:

— Воронок, Воронок да дружок Огонек! Вам не время спать — время к нам бежать. Во чистом лугу, во густом бору отзываются-просыпайтесь да на голос мой собирайтесь. Встаньте вы передо мной, как листва перед травой — как листва стоит, не ворохнется, словно мертвая — не шелохнется!

Он догадывался — жеребцы были где-то рядом. Продолжая тихо повторять их имена, Буян встал подальше от камней и кивнул Властимиру. Тот сунул печаль-траву в огонь, она задымилась, и князь подошел к гусляру.

В этот миг слабо тлевшая трава вдруг задымилась так, что закашлялись не только люди, но и лошади. Буян прикрыл рукой глаза, спасаясь от едкого дыма. В ноздри ударил резкий незнакомый запах...

А потом гусляр почувствовал, что чей-то мягкий нос настойчиво толкает его. Буян открыл глаза и поразился, как стало неожиданно светло — мир расцветился золотистыми, голубыми и бледно-зелеными красками. Весело заиграла листва на деревьях над ними. Даже руки и одежда стали голубоватого оттенка. Свет исходил от камня меж ушей златогривого крылатого жеребца, которого держал под уздцы Властимир. Дотлевший пучок печаль-травы валялся у его ног, и златогривый конь осторожно тянулся к нему. А перед Буяном стоял его Воронок и, судя по всему, надеялся получить из его рук какое-нибудь угощение.

— Воронок, друг ты мой милый! — воскликнул гусляр, обнимая голову коня и целуя его в морду. — Ты со мной, жив и здоров! Пришел, и не один, как чуял — Огонька с собой прихватил! Ай, лошадушки, мои душеньки!

Кони были оседланы и оружие на месте. Буян первым делом полез в тороки и, только убедившись, что гусли на месте, достал уже зачерствевший ломоть хлеба, затем, отвернувшись от жадных губ Воронка, разломил его и протянул жеребцу его долю.

Властимир ласкал златогривого жеребца. Камень меж его ушей полыхал как звезда.

— С Огоньком нам света не надобно, — молвил ему Буян. — Задержались мы тут, княже. Седлай коня — да в путь!

— Как ты назвал его? — отозвался Властимир. — Огоньком?

— А чем плохо? Негоже коню без имени — ровно и не свой он тогда! А сияет он так, что по-иному назвать его и нельзя!

Властимир посмотрел на жеребца. Конь кивал головой, словно соглашался с гусляром. И князь потрепал его по долгой гриве.

— Что ж, — заключил он, — пусть будет Огоньком.

ГЛАВА 16

Путешественники перекусили черствым хлебом и, отдохнув после долгого пути, отправились дальше. Оставалось сыскать Агриков меч — и они будут во всеоружии, как прежде. А потом они должны будут найти ариев.

Дремучий лес встал вокруг стеной. Путники еле разбирали дорогу в полумраке. Куда же идти?

Но никто не мог им дать совета — ни лесные великаны с торчащими из земли корнями и обломками сучьев, ни камни, ни валежник, о который запинались кони, ни паутина. Она была всюду — свисала бородами с сучьев, оплетала своей сетью деревья, мешая проезду, покрывала камни, прилипала к людям и лошадям. То и дело приходилось останавливаться и снимать липкую сырую сеть с лошадиных голов или со своего лица. Жирные черные пауки, каждый размером с птицу, качались над головами всадников и в любой момент были готовы укусить. В полумраке наткнуться на кого-нибудь из них было проще простого, помогал только самоцвет во лбу Огонька — Властимир ехал первым, освещая дорогу.

Какие-то существа, похожие на русалок, вдруг выскочили наперерез всадникам, но

шарахнулись в сторону от света камня. Вдали замерли их испуганные крики, им откликнулись другие, в ветвях над головами людей. Лошади заупрямились идти дальше, едва не вставая на дыбы, — пришлось свернуть с прямого пути, так и не узнав, что их напугало.

Слабый свет лишайника, пробивающийся сквозь ветви, стал слабеть и наконец погас. Казалось странным, что и под землей таким образом сменяются день и ночь. Всадники решили передохнуть.

Остановились они на первой же поляне, поскольку впереди, сколь хватало глаз, полян не попадалось. Только чуть в стороне что-то вставало черной громадой.

Когда подъехали поближе, оказалось, что это еще один замок, тоже покинутый, но на сей раз не такой ветхий. Сохранилось четыре стены, часть крыши и даже еще не обрушился вход. Он манил к себе черным провалом, но путники не отважились зайти в него. У порога валялись кости, в их числе — лошадиные и человечесьи. Однако было видно, что замок пустовал уже много лет — пауки оплели вход толстым слоем паутины, сквозь кости проросла редкая хилая травка.

Решив не испытывать судьбу, люди развели костер подальше от входа, за камнями. Туда же отвели лошадей и устроились на ночлег.

Первым выпало караулить Властимиру. Выждав положенное время, он растолкал Буяна и, напоследок подбросив веток в костер, лег спать.

Буяну и так не спалось. Пользуясь случаем, он сдвинул оберег ладонями и попробовал обратиться к Сварогу, как учил Волхов. Он попытался представить себе того кузнеца на острове, что закалил Агриков меч. Остановившимся взором глядя в огонь, Буян мысленно позвал его так, как уже когда-то звал Воронка через леса и доли: «Ко мне! Скорее ко мне... Друг мой, друг мой, скорее, мой друг! Змеи смертью нам грозят, если не поторопишься. Враг к земле нашей идет, надо к бою готовиться...» Он не знал, откуда ждать опасности и какой, а потому просто повторил еще раз все, что услышал от Хейда, так, как запомнил, — если его услышат боги, они поймут. Боги мудры — они сами разберутся, кто им грозит и почему.

Огонь от его слов разгорелся сильнее. Опять проснулась вещая сила. Буян почувствовал себя, как тогда на кургане, когда говорил с ветрами, — это было знание своей силы и могущества, и гуслир больше не дивился этому.

Перед его взором на миг мелькнуло чье-то лицо — витязь не намного старше его, в сияющем доспехе. Глаза их встретились — и Буян зажмурился, не выдержав света, что исходил от лица витязя. Он отшатнулся — и видение пропало.

Гуслир несмело открыл глаза, пытаясь понять, что случилось. Выходило так, что он только что действительно говорил с богами — витязь, что явился ему, был незнаком, но что-то было в нем родное, славянское.

Буян посмотрел на оберег, что еще сжимал в кулаке. Фигурка воина чуть оплыла, словно подтаяла, и гуслиру подумалось, что видел он самого Сварога...

Тихий хруст привлек его внимание. Буян поднял голову — и застыл.

Пока он рассматривал фигурку, с другой стороны к костру осторожно подобрался крупный тощий зверь, похожий разом на волка и ободранного медведя. Под выпуклым лбом сидели раскосые глаза, в которых светились ум и злоба. Он приблизился к самому костру.

Желтоватые глаза зверя остановились на юноше, и Буян понял, что перед ним оборотень. Не сводя глаз с человека, тот сделал шаг к спящему. Теперь он мог бы наступить на него передней лапой.

Гуслир осторожно потянулся к мешку, на котором сидел, чтобы достать плеть. Волшебная сила в нем еще не заснула, и он знал, как надо поступить. Зверь тоже не сводил с него глаз и склонился над спящим, словно желая показать, что при первом же признаке опасности он успеет сомкнуть челюсти на его горле.

Буян старался не делать резких движений и уж тем более не окликал Властимира — еще неизвестно, как тот себя поведет, когда, проснувшись, обнаружит у самого лица страшные клыки.

«Смотри мне в глаза, — повторял Буян мысленно. — Только смотри мне в глаза и

больше никуда. Ты не должен отводить взгляда ни за что — иначе смерть... Смотри мне в глаза... Волк не волк, серый зверь, мой слуга ты теперь».

Зачарованный оборотень подался вперед, впиваясь взглядом в лицо человека. Буян наконец нащупал в мешке плетку и поднялся во весь рост.

Резкий размах напугал зверя и разрушил непрочные чары. Оборотень отпрянул, но потом бросился к спящему человеку, чтобы прокусить ему горло, и в этот миг Буян ударил его плетью по морде.

Веденея предупреждала, что четвертый удар этой плети несет смерть. Однако оборотень не умер, а зарычал от боли и, забыв про князя, бросился на новгородца.

Проснувшийся Властимир успел заметить, как перед его лицом мелькнули задние лапы прыгнувшего зверя. Тот одним махом перелетел через костер и попал под второй удар заговоренной плети. На сей раз он завизжал, а гусяр ударил еще раз, по глазам.

Оборотень отшатнулся, оступился и упал спиной в костер. Взлетела туча искр. Зверь закричал человеческим голосом, встал в огне на задние лапы и сделал шаг к Буяну. По его морде текла кровь. Гусяр ударил его опять, метя в рассеченный нос. Прикрыв морду лапами, оборотень повернулся к нему спиной, и новый удар достал его загривок и спину. Зверь глухо застонал, сделал два шага и рухнул на камни мордой вниз. Тело его забилося в судорогах, когда подскочивший Буян принялся хлестать его по спине и бокам.

Властимир бросился к другу и силой отнял плеть, сам едва не получив ею по лицу.

— Ты чего это разошелся так? — спросил он, обезоружив гусяра.

— Он тебя чуть не сожрал, — отдуваясь, сказал тот. — Я хотел наверняка.

— Он и так должен сдохнуть. — Князь пнул замершее тело ногой и отошел к костру. В это время тело оборотня дрогнуло и пошевелилось.

— Властимир! — позвал Буян. — Скорее!

Князь вернулся с плетью, но добивать врага ему не пришлось.

Застыв на месте, они смотрели, как на их глазах оборотень превращается в человека. Шерсть становилась все короче, словно таяла; морда стала плосче, лапы превратились в руки, хвост укоротился. Зверь весь ссохся и превратился в очень худого парня не намного моложе Буяна. Лохматые обрывки шкуры еле прикрывали его тощее грязное тело со следами шрамов. Гусяр перевернул его носком сапога и увидел, что лицо его залито кровью.

Пока они рассматривали оборотня, тот вздохнул и еле слышно застонал от боли.

Буян упал перед ним на колени.

— Воды, княже! — выдохнул он. — Мы еще можем его спасти.

— Зачем? Сам же только что его чуть не убил!

— Я оборотня убить хотел, а это человек, — возразил Буян.

Неподалеку, в камнях, нашлось озерцо. Властимир принес воду, и гусяр осторожно смыл кровь с лица оборотня и смочил его губы. Тот потянулся к воде.

— Открой глаза-то, — обратился к парню Буян. — Не бойся, попробуй.

Он похлопал его по щекам и приподнял за плечи. Веки парня дрогнули, он чуть приоткрыл глаза и, увидев лицо Буяна, тут же зажмурился. Голова его запрокинулась.

Буян положил руку ему на сердце.

— Обморок, — заявил он. — Возись теперь с ним...

— Сам же взялся исцелять его, — проворчал Властимир. — Где это видано, чтоб так с оборотнями возились, ровно с детьми малыми?

— Но мы в ином мире... где все по-другому... И вести себя тут надобно иначе.

Благодаря усилиям Буяна оборотень пришел в себя, задышал глубже.

— Посмотри на меня, — позвал его гусяр. — Кто ты такой?.. И не бойся меня — не такой уж я страшный. Ну, смелее!

Парень осторожно приоткрыл глаза и посмотрел на юношу.

— Кто ты? — спросил он еле слышно.

— Нет уж, сперва сам скажи, — упорствовал гусяр.

— Дай ему в себя прийти, раз уж убивать раздумал! — сказал Властимир.

Услышав голос князя, парень резко сел, хлопая глазами.

— Это правда? — воскликнул он. — Вы меня не убьете?

— А зачем?

— Но ведь я... ведь ты, — парень кивнул Буяну, — меня чуть не убил, а теперь...

— Теперь раздумал, — ответил Буян. — Я друга моего от оборотня защищал. А с тобой мы не ссорились... Слушай, а ты, часом, есть не хочешь?

— А у тебя есть? — спросил оборотень, тут же оживившись.

— Есть, конечно.

Гусляр пошел к своим вещам, оборотень следовал за ним по пятам. Достав хлеба, Буян протянул его гостю и, пока тот жадно ел, давясь и кашляя, подмигнул Властимиру и показал глазами на оборотня. Тот понял, что у Буяна есть какая-то новая задумка.

Гусляр сел, разглядывая местного жителя, и изрек:

— Видать, совсем вы тут отошали...

Парень помотал головой, не переставая жевать.

— Не-а, — протянул он с полным ртом. — Наши сытно живут — это я от них сюда ушел. А здесь жрать нечего...

— А что тебя в дремучий лес потянуло? Или прогнали тебя за что-то?

— Сам я... Говорили у нас, что за лесом есть город мертвый — лес этот вырос, чтоб город от глаз чужих закрыть. Я хотел посмотреть, правда ли то, что про него говорят.

— А что говорят? — Буян подсел поближе.

— Говорят, что там сокровища несметные таятся, а сторожит их огромный дракон... Ну, знаете, такое чудище с крыльями, — объяснил парень, видя недоумение на лицах слушателей.

— Змей, что ли?

— Зовите так, а по-нашему — дракон... Я и решил туда отправиться. Давно уж иду — счет дням потерял!

Буян коснулся его плеча рукой, привлекая внимание.

— А скажи-ка нам, друг, не видел ли ты тут таких существ: маленьких, зеленых, на змей похожих? — спросил он. — Шли они этим лесом и двух лошадей в поводу вели.

Парень оскалился:

— Только не говорите мне, что вы с ними не заодно! Я вас по лошадям признал. Потому и вышел к вам — узнать, что этим зеленым тут надобно?

— Ты видел змеенышей? — вскричали друзья хором так, что оборотень отпрянул. — Где? Когда?

Буян встряхнул парня за плечо:

— Говори, коль жить хочешь! Иначе не помилую! Что ты видел?

— Не скажу!

Властимир вскочил и пнул его ногой:

— Признавайся, живо! Али не видишь, что люди мы?

— Говори, парень, — строго добавил Буян. — Мы сами за ними гонимся. Они наших лошадей спрятали, да вот сыскали мы их недавно.

Оборотень недоверчиво покосился на новгородца:

— Правда?

— Жизнью клянусь! А теперь говори, что знаешь.

— Знаю одно — подались они в тот самый заброшенный город. Я за ними шел, да только заметили они меня. Молнию послали — я три дня отлеживался, пока рана болеть перестала. Вот они меня как, — он задрал шкуру, показывая еще не заживший ожог на боку. — Я уже домой побрел, боялся по дороге с голоду сдохнуть. А тут огонь ваш увидел. Подхожу — лошадей признал. Ну, думаю, попались! Хоть одному — а отомщу за рану-то. Ну и есть хотел — голодному все едино... А оно вон как повернулось!

— Да, бывает, — согласно протянул Буян. — Тебя звать-то как?

— А Седым зови.

— Что ж, Седой, я Буян, а это — Властимир. Мы славяне, сверху... Ты нас по следам змеенышей в город тот проводишь? Нам очень надо.

Оборотень по очереди посмотрел на них и кивнул.

Наутро все трое отправились в заброшенный город. По словам Седого, до него было не более двух-трех дней пути, но сколько времени придется проплутать там, ища меч — если гэты действительно спрятали Агриков меч там, — сказать было трудно.

Дремучий лес и не думал кончаться. Подходил к концу второй день их путешествия по мрачной, словно мертвой, чаще, а впереди не было никакого просвета.

Только на третий день чаща несколько поредела — камней стало меньше, стволы деревьев тоньше и на полянках появилась трава. Однажды видели какого-то зверя, но он умчался так быстро, что никто его толком не разглядел. Заметили лишь, что ростом он был с косулю, но видом схож с кабаном.

Они опять вышли на тот самый ручей. Напившись вдосталь и напоив лошадей, на его берегу устроили охоту, разжились дичью.

Дальше ручей повел их в ущелье, где на склонах росли горные травы. Все было здесь так похоже на Сорочинские горы, что славяне не удивились бы, встретив знакомый ход в подземелье.

Седой бежал впереди. Иногда он замирал, припадая на четвереньки и становясь очень похожим на волка. Всадники, ехавшие следом, уже не обращали на это внимания. Они часто слышали вой и рев незнакомых крупных тварей, а на водопое замечали их следы. Но свет от камня во лбу Огонька отгонял всех непрощенных гостей — он был слишком ярок для привычных к полумраку зверей.

Ущелье становилось все мрачнее, и Седой стал держаться поближе к людям.

— Тут всякие хищники водятся, — сказал Седой. — Лошадь для них, Может, и великовата, но я — в самый раз.

Справедливость его замечания оценили очень скоро. Они не прошли и версты, как впереди и сверху послышался утробный вой, которому ответил другой. Седой встал между лошадьми и с тревогой огляделся по сторонам.

— Они сюда бегут, — определил он. — Впереди ущелье сужается, так что если мы успеем туда раньше них, нам может повезти. Иначе они всех слопают.

— Кто — они? — спросил Властимир. — Ты их видел?

— К несчастью, да. Но лучше бы и не знать, что такие есть!

Всадники прищипорили упирающихся лошадей и поскакали вперед. Седой бежал между ними.

За поворотом им открылось совсем узкое ущелье — конь мог перепрыгнуть с края на край. Камни нависали над ним. На одном из них замер, свесившись вперед, зверь, похожий на паука количеством ног и на медведя — мордой и шкурой. Глаза его светились, как угли, с изогнутых клыков капала желтая тягучая слюна. Увидев всадников, он завыл и попытался поднять огромный камень. Вниз посыпались мелкие камешки.

Ответный вой раздался с другой стороны, и всадники увидели там второго зверя, поменьше. Он тоже расшатывал камень, и дело у него шло на лад.

— Скорее! — закричал Седой. — Чего вы ждете?

Лошади сами бросились вперед по ущелью. Позади них на дно с грохотом скатились два камня, подняв тучу пыли. Грохоту и грому вторил рев зверей.

— Сейчас они спустятся, — на бегу проговорил Седой, — проверить, убиты ли мы... И если обнаружат, что нет... побегут в погоню. И будут бежать, пока не настигнут... Я их знаю!

Он замолчал, потому что начал отставать от скачущих во весь опор лошадей.

Эхо принесло сзади негодующий рев зверей, обнаруживших, что добыча ускользнула. Но всадники оторвались, и можно было надеяться что-нибудь успеть придумать.

Ущелье было по-прежнему таким же узким, но теперь на склонах его стали попадаться деревья, которые должны были немного задержать неповоротливых преследователей.

Копыта лошадей неожиданно застучали по чему-то твердому.

— Дорога, — объяснил Седой. — Древние люди ее мостили — так нам говорили.

Всадники придержали лошадей. Под ними и в самом деле была дорога из плотно пригнанных друг к другу каменных плит. Наверняка когда-то они были гладкими, но время изрезало их трещинами. Дорога спускалась по склону ущелья.

— Там город, — сказал Седой.

Не тратя времени на то, чтобы выяснить, есть ли погоня и близка ли она, беглецы поскакали к городу.

Открывшийся их глазам город занимал всю долину. Многие строения, даже разрушенные, были высокими, как скалы, окружавшие их.

Копыта коней застучали по сохранившимся камням мостовой, в щелях между которыми кое-где проросли деревья. Порой мелкие зверьки выскакивали из-под копыт лошадей и исчезали в развалинах.

Люди невольно сдержали лошадей, поехали шагом по мертвому городу. Высокие здания чем-то напоминали замки викингов — многочисленные башни с крытыми переходами между ними. Чем ближе они подходили к центру города, тем выше и, как ни странно, целее были дома, улицы чище и уже, а травы, деревьев и зверьков — меньше. Скоро город стал напоминать подземные переходы, с которых славяне начали путешествие, — казалось, что и само небо-потолок опустилось ниже.

Центральные улицы выглядели так, словно жители бросили их недавно. Так и казалось, что вот-вот распахнется окно и кто-нибудь в него выглянет.

Седой вертел головой в полном восхищении.

— Никогда не видел ничего подобного! — воскликнул он. — Вот уж не думал, что это правда!

— Что — правда? — немедленно откликнулся Буян.

— Правда, что жил когда-то на земле, наверху, народ и был он мудр и силен. Силен настолько, что решил поспорить могуществом с самими богами. Разгневались на него боги — и низвергли народ вместе с городами его под землю. Целые страны пропали — на их месте только пустоши да болота раскинулись, а порой и леса дремучие. Вот откуда здесь лес и ручей — их боги тоже в подземелье свергли...

— А где же люди?

— Не знаю. Говорят, чары на них наложены — являются лишь по ночам, а днем невидимы они.

Буян вдруг остановил коня и спешился.

— Ты куда? — остановили его Властимир и Седой.

— Хочу проверить, верно ли это. Слышал я, что не людей свергли, а богов. Да и интересно — коли та женщина, в тюрьме, из этого племени, то почему они город бросили? Тут-то, чай, жить удобнее, чем в тех пещерах.

Буян подошел к ближайшему дому и толкнул тяжелую дверь. Она не поддавалась.

— Властимир, иди сюда — твой разрыв-дар нужен.

Князь подошел, прикоснулся к двери, и она со скрипом открылась.

Люди и подбежавший следом оборотень осторожно ступили в дом.

Вверх вела лестница, сложенная из изукрашенных камней. На нижней ступени, скрючившись, застыл высохший труп человека.

Люди взбежали по лестнице и оказались в зале, куда выходило несколько дверей. За первой же их встретила ужасная картина — на пороге лежала женщина, прижимая к себе младенца. Ребенок постарше распростерся позади.

Буян присел у трупа, осторожно перевернул его. Женщина совершенно высохла, но не разложилась, ее платье даже сохранило свой зеленый цвет. Длинные волосы умершей спутались, закрывая лицо. Гуслир нежно убрал прядь — женщина была совсем молода, не старше Прогневы. На ее лице, чем-то похожем на ту арийскую женщину в темнице, застыло

выражение удивления и страха. Она вряд ли успела понять, что ее убило. Следов крови не было. Может, ее и всех остальных отравили?

Как же эти боги, построившие такие дома, дали себя уничтожить? И где их потомки, которых он с Властимиром ищет? Знает ли Чистомысл об этом городе? Конечно же гибель сюда принесли те неизвестные агенты из загадочной Организации, которым служат змееныши. Как же предупредить ариев, где их теперь искать?

А люди, живущие наверху, забыли о своих предках или считают предками не тех. Кому-то ведь надо было, чтобы забыли потомки свои корни, свои обычаи? Уж не тем ли силам, что спешат сюда издалека, из иных миров, от иных звезд? Они хотят, чтобы люди забыли, кто они и откуда, а те, кто помнит, должны умереть... Умереть, как арии, как память о них — людях, равных богам и богами бывших.

Буян почувствовал, что все так и было, и задумался.

Властимир и Седой разбрелись по дому. Когда они час спустя вернулись, Буян все еще сидел на том же месте. Князь тряхнул его за плечо:

— Пошли... Там все то же: они мертвы.

Люди вышли из дома и отправились дальше. Несколько раз они останавливались и заглядывали в некоторые дома: везде было одно и то же — людей настигла внезапная смерть. И нигде никаких следов крови. Буян совсем помрачнел.

Из раздумий их вывел приближающийся шум и топот — словно к ним мчалось целое стадо туров. Всадники обернулись и в конце улицы увидели тех самых зверей, что подкарауливали их в ущелье. Но на сей раз их было не двое, а пятеро. Вытянув вперед по две из восьми лап, они бежали прямо на людей.

— Они нас выследили! — завопил Седой и бросился бежать. — Скорее!

Всадники догнали его, и Властимир посадил его в седло позади себя. Огонек и под двумя седоками шел все тем же размеренным шагом. Он мог бы в несколько прыжков унести на своей спине и Буяна, но тот наотрез отказался расстаться с Воронком и скакал не отставая.

Как они ни спешили, погоня приближалась. Чудовища рвались к ним, на их жвалах уже поблескивали нити паутины, которую они готовились набросить на свои жертвы.

Лошади обогнули замок — и налетели на высокую глухую стену. Что там было за нею, узнать не пришлось — пауки были уже рядом. Двое из них прыгнули, мелькнули нити паутины — и задние ноги Воронка оказались опутаны ею. Жеребец испуганно заржал, а зверь стал подтягивать паутину к себе.

— Буян, скорее ко мне! — Властимир тянул ему руку с седла. — Мы еще успеем спастись!

— Нет! — гусляр выхватил меч. — Я не оставлю Воронка!

Развернувшись в седле, он с маху рубанул паутину. Она лопнула с гулким хлопком, и зверь откинулся назад. Хромая из-за налипшей паутины, Воронк поспешил прочь, но второй паук тоже выплюнул липкую сеть. Он метил в человека и попал. От рывка Буян вывалился из седла, и паук поволок его к себе.

Властимир ничего не успел сделать — Седой его опередил. С криком он бросился на загривок чудовищу. В полете его тело вытянулось, потемнело, и на спину зверю упал уже волк, вонзивший зубы в шею врага.

Тот поднялся на задние лапы, пытаясь стряхнуть противника. Но при этом зверь ненадолго забыл о человеке, и тот освободил от паутины руку и стряхнул с себя паутину.

Чудовище тем временем справилось с оборотнем и придавило его лапой к земле. Трое других чудовищ, до сих пор не участвовавшие в схватке, выскочили вперед. Шерсть на их спинах стояла дыбом, глаза горели, челюсти стучали. Они присели на задние лапы, вытянув передние, готовясь обрызгать липкой паутиной Властимира и лошадей.

Три струи вылетели одновременно и попали в цель. Но в тот самый миг, когда звери готовы были торжествовать победу в предвкушении скорого обеда, всех неожиданно озаарила

яркая вспышка взявшегося непонятно откуда света.

Паутина ударила Властимира в грудь, залила его ноги и намертво прилепила к седлу Огонька, который тоже завяз в ней передними ногами и распахнутыми крыльями. Будь у князя меч, он бы и тогда вряд ли что смог сделать. Он ждал, что и его сейчас, как Буяна, стащат с седла и поволокут к этим пастьям. Мысленно он уже простился с жизнью, так как не представлял, как им спастись.

Когда вспыхнул свет, он подумал, что это колдует Буян, или... Но натяжение паутины внезапно ослабло, а чудовища припали к земле, пряча головы.

Буян первым увидел то, что остановило врагов, и не поверил своим глазам.

На стене стоял неизвестно откуда взявшийся крылатый пес. Видом он не отличался от обычных собак, но был раза в два крупнее. Огромные оперенные крылья были раскинуты, янтарного цвета глаза горели, под дрожащей губой сверкали клыки. Пес зарычал и камнем пал на чудовищ.

Первой его жертвой стал тот, под лапами которого корчился, стараясь освободиться, Седой. Зверь припал к земле, а крылатый пес сел ему на голову. Блеснули клыки, раздался хруст, брызнула кровь и слизь — обезглавленный зверь завалился на бок, корчась в судорогах. Седой поднялся на ноги, отряхиваясь, а пес кинулся на других пауков.

Сложив крылья на спине, он отважно и умело сражался с противниками, каждый из которых был крупнее его в три раза. Пес то атаковал их, кусая за лапы, то уворачивался, избегая их паутины. Две лапы у одного паука уже были оторваны, другой ослеп на один глаз. Пес проскользнул у него под брюхом и рванул зубами незащищенную кожу. Из раны хлынула слизь. Зверь упал, дергаясь в судорогах, а пес накинудся на другого врага.

Оставшимся чудовищам сражаться было труднее, потому что каждый старался удержать свою добычу — один уже подтянул Буяна к самым челюстям, выпуская липкую нить, которая опутывала новгородца все теснее. Другой сражался с князем — ему жертва явно была не по зубам, но он не хотел ее упускать. Властимиру удалось освободить одну руку, а Огонек упирался всеми четырьмя ногами. Сдвинуть его было почти невозможно.

Уже освобожденный Седой перекусил несколько нитей, а дальше Властимир освободился сам. Страхнув с себя остатки паутины, князь поспешил к чудовищу, которое отступало, унося Буяна.

Две передние лапы его держали юношу, а потому зверь не мог обороняться ими. Седой завертелся перед его мордой, не давая уйти, а Властимир, подобрав оброненный гусяром меч, обошел врага и ударил его в брюхо.

Шкура лопнула, обдав князя брызгами, и чудовище дернулось, роняя добычу. Оно с быстротой молнии развернулось к новому врагу, но, едва увидев спину зверя, Седой тут же запрыгнул на нее и вонзил зубы в шею чудовища поближе к голове. Зверь встал на дыбы, стряхнув с себя оборотня, и прыгнул на всадника. Огонек еле успел отступить, а Властимир рубанул по нацеленным на него челюстям. Липкая нить, что уже готова была выброситься из них, так там и осталась, залепив зверю пасть. Не тратя времени, Властимир ударил еще раз, превращая отвратительную морду чудовища в кровавое месиво.

Тем временем крылатый пес, уничтожив одноглазое чудовище, расправился с другим противником и огляделся по сторонам. Третий зверь успел очистить морду от паутины и теперь подкрадывался к князю сзади, пока тот атаковал своего противника, который уже поднял лапы, чтобы сбросить человека с лошади.

Буян и крылатый пес увидели грозящую Властимиру опасность одновременно. Но опутанный паутиной гусяр мог помочь другу, только предупредив его криком, а пес в тот же миг одним прыжком бросился на зверя.

— Сзади! — услышал Властимир крик друга. Он обернулся, но крылатый пес уже сбил чудовище с ног, и они покатались по земле, сцепившись в смертельной схватке. Для князя и Седого остался только один противник.

Добить его не составило труда. Пока оборотень терзал поверженное тело, Властимир подбежал к гусяру и разрезал на нем подсыхающую паутину. Она сильно стиснула грудь

юноши, и тот еле дышал.

Князь помог ему встать. Буян сиял от счастья.

— Удостоились! — прошептал он с блаженной улыбкой — Хвала богам — они нас не забыли и весть мою приняли!

— Откуда ты знаешь про это?

— Как же не знать-то? — Буян кивнул на крылатого пса. — Ведаешь ли, кто это?

ГЛАВА 17

Как раз в это время тот опрокинул своего врага на спину и откусил ему полголовы. Оставив изуродованное тело дергаться в последних судорогах, пес соскочил с него и, встряхнувшись, как простая собака, подошел к людям.

При одном взгляде на него Седой, бросив рвать паука — он был голоден и торопливо выедал нежное мясо, — упал брюхом на землю и заскулил. Но пес не обратил на него внимания. Расправив крылья, он приближался к людям. Когда до них оставалось шагов десять, бурая шерсть его вспыхнула белым и золотым огнями. Князь и гусяр от неожиданности невольно зажмурились.

Когда они решились открыть глаза, пес по-прежнему стоял перед ними, гордый, сверкающий. Он тяжело дышал через полуоткрытую пасть, показывая ровные зубы.

Буян отступил и почтительно поклонился псу.

— Благодарю тебя, Сварожич-Огнебог, — молвил он дрогнувшим голосом. — Не оставили боги нас в своей милости...

Пес не дал ему договорить и вдруг облизал лицо гусяра.

Тот захлопал мокрыми от собачьей слюны ресницами и несмело потянулся к блестящей шерсти Огнебога. Его пальцы погрузились в сверкающую гриву на шее пса, перебирая спутанные в драке пряди, и лицо юноши осветила недоуменная улыбка. Он не верил себе — он, простой гусяр, не только оказался приближен к миру светлых богов, но и смог так запросто коснуться одного из них!

— Благодарю тебя за милость, вестник богов, — молвил он. — Передай им — пусть готовятся к бою с неведомым могучим врагом — Организацией.

Огнебог посмотрел на людей, вильнул по-собачьи хвостом и, отступив, взлетел. Мелькнули сияющие крылья — и он пропал.

У стены остались пять убитых пауков. На их телах были заметны следы огромных собачьих зубов.

Властимир смотрел на то место на стене, где исчез крылатый пес.

— Понял, княже? Сам Огнебог, Сварожич Семаргл, нас посетил, — торжествующе объявил Буян. — Через него передали мне боги, что весть мою приняли. И мы нужны им, как ни старались мне змееныши внушить обратное.

— А что змееныши еще тебе сказали? — спросил князь.

— Сказали они мне, что их боги сюда спешат, чтобы наших богов-ариев известить, и что, когда придут те, нас арии просто отбросят в сторону, как мечи, когда дело до рукопашной доходит... А вишь, наврали — всегда мы своим богам будем нужны: и до, и после любого боя, потому как мы с ними один народ, один корень. Мир этот наш, и никуда ни мы, ни они от него не денемся. Только у нашего народа такая земля живая, и бросать ее нельзя. Идем, Властимир, время дело исполнять!

Они поймали отбежавших в сторону коней и двинулись дальше по мертвому городу. Через некоторое время их догнал Седой с раздувшимся от сытости брюхом и перепачканной мордой. Тяжело вывалив язык, он, прихрамывая, бежал чуть впереди лошадей, по запаху ведя всадников к логову дракона.

Самого зверя они услышали раньше, чем увидели, — голодный дракон заревел так, что лошади встали на дыбы.

Пришлось спешиться и подкрадываться к нему, прячась за домами.

Дракон был прикован ржавой цепью к камням в основании высокого здания, похожего на башню в замке викингов. На вершине ее была площадка, на которой что-то светилось так ярко, что отпала надобность в самоцвете во лбу Огонька — свет на башне сиял гораздо ярче, почти как настоящее солнце.

Дракон оказался очень похож на тех Змеев, с которыми князю пришлось сражаться в Сорочинских горах. Властимир даже протер глаза, не веря себе. Но потом он заметил отличия — этот зверь больше напоминал огромную ящерицу, похожую на тех маленьких, что он ловил в детстве на берегу Оки, в лугах, — та же морда с узкими челюстями, то же туловище и кривые лапы, такой же тонкий хвост. Гребня на спине и голове не было, и когти на лапах оказались тоньше, чем у пришлого Змея. И этот дракон имел кожистые, как у летучей мыши, крылья, сложенные на спине. Шею его охватывал стальной ошейник, который натер ему кожу почти до крови. На боках под чешуей можно было пересчитать все ребра. Время от времени дракон поднимал морду и тоскливо ревел.

Некоторое время путники рассматривали его из-за угла.

— Вот на таких зверях когда-то, во времена Ящера, летали наши пращеры, — шепнул Буян.

— Летали б и до сих пор, да только мало их осталось, — добавил Седой. — Я слышал — их даже в чертогах богов едва десяток наберется, да и те старые.

Дракон опять заревел.

— Если были они домашними, то почему бы вам, умники, не подойти и не приласкать его, как собаку? — перебил их Властимир. — Он сторожит мой меч. Как с ним без оружия справиться?

Буян обернулся к другу:

— А ведь верно! Он домашний — значит, убивать его не надо! Ну и голова у тебя, Властимир.

— Убивать не надо, так, может, просто подойти и попросить его пропустить нас внутрь? Ты со всякими тварями земными и подземными разговариваешь, так, может, заговоришь его, сделаешь помирнее?

Буян кивнул:

— Верно молвишь, князь! По коням!

Он бросился к лошадям.

Князю пришлось догонять его:

— Куда несет-то тебя, скаженный?

— Обратно к тем чудовищам, которых только что Огнебог победил! Верно ты сказал, Властимир, — задобрить его надо. А раз он голоден, то и дать ему надо свежего мяса — он, чай, его давно не видел!

Они поскакали назад.

Про убитых зверей еще не пронюхали трупоеды-падаль-щики, или же их здесь вовсе не было. Каждый зверь был раза в два крупнее лошади вместе со всадником, а потому выбрали самого мелкого из пятерых и, опутав его растопыренные ноги его же паутиной, волоком потащили к дракону. По пути Буян надрезал брюхо туши, чтобы прозрачная кровь текла за ними.

— Это для дракона, — объяснил он. — Коли с цепи сорвется голодным, так пусть уж по этим следам до остальных доберется, а нас не тронет...

Когда дракон увидел лошадей, людей и тушу убитого чудовища, он забыл про все на свете. Натянув цепь до отказа, он тянулся к ним, фыркая и рыча одновременно. Голод явно убил в нем сторожа.

Тушу оставили лежать на камнях достаточно близко от прикованного зверя, чтобы занимать его мысли и желания, и достаточно далеко, чтобы он не мог до нее дотянуться.

Люди крадучись обходили обезумевшего зверя, который прыгал, царапал камни когтями, ревел и бил себя хвостом по бокам. Он не замечал людей, но они все равно заходили с разных сторон, — не сговариваясь, на случай, если он все-таки решит напасть на

них. В этом случае один из них уцелеет и, добыв Агриков меч — если он там, — вернется и сразится со Змеем.

Они зашли сторожевому дракону за спину и увидели, что держащая цепь скоба порядком проржавела, а по камню, в котором она была укреплена, бегут трещины. На глазах людей камень вдруг развалился.

Дракон упал и перекувырнулся через голову. Встав, он оказался прямо перед тушей и тут же впился в нее зубами.

С содроганием слыша ужасный хруст, с каким голодный дракон дробил кости чудовища, пожирая его целиком, люди побежали по ветхим ступеням вверх.

Лестница обвивалась вокруг башни, как змея вокруг дерева. Многие ступени на ней рассыпались в пыль, другие, на вид прочные, рушились, едва к ним прикасались.

Неожиданно оставленный внизу Огонек заржал и, оборвав повод, взлетел на лестницу. Устоять на узких ступенях он не мог и завис в воздухе, махая крыльями и предлагая Властимиру свою спину.

Князь сел на коня, помог взобраться Буяну, и они вмиг оказались на вершине башни.

Ступив на нее, друзья сразу побежали в разные стороны — Буян, чтобы посмотреть, что делает дракон, оказавшийся на свободе и не грозит ли беда оставленным внизу Воронку и Седому.

То, что он увидел, заставило его с криком перевеситься вниз, и он чуть не упал с башни. Дракон успел сожрать чудовище, но не насытился и оглядывался в поисках съестного. Лошадь могла стать для него лакомым блюдом, но перед мордой дракона крутился оборотень, не давая приблизиться к обезумевшему от страха Воронку. Потом оборотень стал отступать по кровавому следу, оставленному мертвым чудовищем, маня дракона за собой. Тот пошел за Седым, не сводя с него глаз. Так они и скрылись за поворотом.

Озабоченный судьбой оборотня, Буян обернулся к Властимиру только после того, как тот дважды окликнул его.

Крыша башни представляла площадку шириной не менее двух десятков саженей со сложенной из камня оградой. Все вокруг было усыпано старыми доспехами, оружием, большей частью невиданным, посудой, узорочьем кованым. Попадались даже плуги, бороны и косы. Видимо, все это свалили сюда только потому, что сделано оно было из железа, стали, бронзы, меди, серебра и прочих металлов. Под ногами хрустели наконечники стрел и женские украшения, щиты и доспехи высились кучами, мечи и копья торчали, словно посевы смерти. Только там, где на башню ступили люди, пол был расчищен. Властимир нашел на нем следы гари, похожие на те, какие он видел в Новгороде, когда туда прилетел Огненный Змей.

— Видимо, сюда они и принесли мой меч, — молвил он подошедшему Буяну. — Думали, что мне его вовек не сыскать!

— Ищи его скорее и бежим отсюда, — отозвался гусляр. — А я тем временем себе кое-чего подберу.

Он наугад потянул свернутую кольчугу.

— А внизу что? — спросил Властимир. — Как Седой?

— Нет больше Седого, Властимир, — тихо ответил Буян. — Видел я, он дракона за собой увел — а там, кто ведает?..

Они помолчали, поминая нежданного друга и попутчика и в думах прося богов не забыть о нем. Но делать было нечего, и они вернулись к прерванному занятию.

Агриков меч выпало найти Буяну, который, подбирая себе доспехи, переворошил несколько куч всякого добра. Заметив знакомый клинок, он позвал князя, не смея сам дотронуться до меча. Освобожденный, тот засиял, словно живой, радуясь хозяину.

Готовые к сражению, они опять оседлали Огонька и спустились вниз. Дракона там не было, не вернулся и Седой. Воронок не сразу признал Буяна в сверкающей кольчуге, панцире и шлеме. Гусляр оставил себе старый меч, Властимир же, потерявший все свое

оружие вместе с Облаком, вооружился заново полностью.

— Пора и назад, — сказал князь. — Мы уже пять или шесть дней как ушли от Змеева логова. Они там, верно, думают, что мы погибли.

— Надеюсь только, что мы успеем до того, как их боги примчатся, чтобы сразиться с нашими, — добавил Буян. — Мы должны опередить их и приготовить незванным гостям хорошую встречу. Пусть знают, как соваться к нам без приглашения!

Витязи вскочили на коней и поскакали по своим следам назад.

Когда они проезжали мимо стены, у которой их настигли чудовища, то обнаружили там только дракона, который мирно дремал среди объедков. Но Седого нигде не было.

— Это тоже зачтется Змею, — молвил Властимир. — Я припомню ему, что наш друг пожертвовал собою!

Прогнева проснулась от того, что дверь начала открываться. Девушка так привыкла к ее тихому шороху, что узнавала его даже во сне. Она вскочила, оправляя рубаху.

В дверях стоял человек. В полумраке коридора она его не узнала сразу, а когда он шагнул в комнату, отпрянула с криком:

— Нет! Это невозможно!.. Прочь, призрак!

Перед нею стоял Буян. Он тяжело дышал, как после бега, вышитая рубаха была порвана на плече. Он быстро шагнул в комнату и схватил девушку за руки.

— Я верил, что найду тебя! — воскликнул он. — Ты здесь, Прогнева!

Раньше, чем она успела опомниться, гусляр обнял ее и жадно поцеловал.

— Нашлась, — прошептал он, — живая... Идем со мною, скорее! Здесь оставаться опасно!

Не дав ей времени понять, что происходит, он дернул ее за руку вон из комнаты и почти бегом потащил по коридору. Девушка следовала за ним без сопротивления.

— Что случилось? Как ты здесь оказался? — окликнула она его на бегу.

Буян оглянулся:

— Все потом, потом... Ты веришь мне?.. Тогда бежим! Неожиданно совсем рядом раздался резкий вой. Прогнева взвизгнула и прижалась к юноше:

— Что это?

Гусляр обнял ее за плечи, успокаивая и давая время отдышаться.

— Ничего особенного, родная... Просто там князь со Змеем бьется, А я за тобой поспешил — мне без тебя не жить, ты же знаешь!

— Не знаю, — осторожно сказала Прогнева. — Ты мне этого не говорил никогда!

— Теперь сказал, — юноша стыдливо отвел взгляд. — Не мог я раньше этого сказать — сначала сам себе не верил, потом не мог... А теперь чую — если сейчас не скажу, никогда у меня духу не хватит... Люблю я тебя, Прогнева! Больше жизни люблю — ты одна у меня в целом свете, веришь ли?

Он напрягся, ожидая ответа, и девушка обняла его за шею:

— Верю!

Но Буян вдруг сильно сдавил ее плечи и отбросил назад. Оказалось, что из-за угла на гусляра бросился какой-то незнакомый человек с поднятым оружием.

Два меча скрестились со звоном и лязгом. Буян атаковал, как дикий зверь, — за его спиной, прижавшись к камню, стояла Прогнева, боясь даже пошевелиться. Она только следила, как мелькают мечи, и молилась всем богам разом, чтоб уберегли ее милого, ее суженого, который наконец-то нашел ее. Она радостно вскрикнула, когда незнакомец упал.

Буян повернулся к ней, держа окровавленный меч на отлете. Он протянул к ней руку, и Прогнева бросилась к нему в объятия.

Рядом шевельнулся поверженный враг и приподнял голову. Увидев победителя, он зло прищурился и прохрипел:

— Змей...

Тяжелый грохот копыт Огонька породил в подземельях такое эхо, что в глубине

коридоров заметались испуганные тени их неведомых обитателей. Два жеребца мчали напрямик. Перед всадниками рушились стены, рассыпались столбы-сталактиты. Они пролетели пещеры, где встретили Волхова, так быстро, что не успели вспомнить, в какой из них находится он. Почай встретил их холодом, но кони двумя птицами перемахнули на тот берег — их только обдало паром от горячей струи — и поскакали к логову Змея.

Кони мчались вперед как на крыльях. Они словно понимали, что от них требовалось. Быстроногий Огонек вырвался вперед, опередив Воронка. Самоцвет в его лбу горел, освещая дорогу всадникам. Огонек уже расправил крылья, готовясь взлететь.

Коридор оборвался стеной, в которой торчала огромная глыба. Она закрывала проход, через который славяне сбежали от гэтов десять дней назад. Не тратя времени, Властимир рубанул глыбу мечом — и она раскололась, осыпавшись обломками. Обрубив края входа, чтобы прошла лошадь, князь первым въехал в логово.

Пленная арийка, увидев их сквозь решетку своей тюрьмы, радостно вскрикнула.

— Вы вернулись! О, вас не узнать! Гэты подумают, что это сами воскресшие арии вернулись, чтобы отомстить за свой народ! — молвила она восхищенно.

В найденных доспехах ни князя, ни гусяра действительно узнать было почти нельзя. Гордый своим преображением, Буян помахал женщине мечом, не снимая шлема и не подняв забрала. Властимир хотел было разбить ее решетку, но она отступила:

— Нет, спешите! Я здесь в безопасности!

Издалека донесся рев Змея.

— Они ждут нас, княже! — сказал Буян.

— Тем лучше! Ищи Прогневу и других пленников!

И Властимир помчался вперед. Огонек согнул шею дугой и, оттолкнувшись копытами, взмыл в воздух, почти касаясь сводов пещеры. Оставшийся внизу Буян махнул ему рукой:

— Скачи, друг! Потом встретимся!

Златогривый жеребец как птица летел вперед, изредка касаясь копытами пола. Ветер свистел в ушах князя. Свет камня во лбу Огонька на краткий миг выхватывал из темноты мрачные стены подземелья, своды потолка, пещеры. Конь сам знал, где искать Змея. Не успел Властимир опомниться, как они оказались перед огромными коваными воротами.

Осадив коня, князь хотел было ударить мечом по замку, но в этот миг ворота распахнулись сами.

Навстречу ему выступили змееныши. Они вскинули свое оружие. Властимир помнил, что они могут повелевать молниями, к тому же их было слишком много. Если от одной молнии он еще надеялся увернуться, то от десятка ему не спастись. Но отступать он не хотел и, прищпорив жеребца, помчался на врагов.

Они встретили его огнем молний. Властимир только почувствовал тепло, когда они коснулись его...

Гэты изумленно отступили, опуская оружие. Десять лазерных лучей ударили в человека в доспехах. Они ожидали, что железо расплавится и человек просто сгорит, но этого не случилось. Доспехи засверкали как солнце. Конь и всадник стали единым сияющим существом, и ярче солнца сверкал в руке князя Агриков меч.

Ркай выглянул из-за спин своих воинов. Властимир узнал его и устремился навстречу. Тот сразу все понял и спрятался, а князя встретил новый шквал огня.

Горячие лучи ударили в грудь Огонька там, где его широкую грудь теперь прикрывал кованый доспех. Нагревшийся панцирь ожег коня, и взбешенный от боли жеребец с яростью ринулся на врагов.

Несколько менее проворных тут же упали, раздавленные его копытами. Кого-то еще он достал зубами. Прочие бросились врассыпную, но их настигал меч Властимира.

На помощь первым гэтам из ворот выскочили новые, но десять или сто — для князя сейчас было все равно. Он был неуязвим, его доспехи успешно отражали огонь молний, а Агриков меч, радуясь битве, разил без промаха. Он уже до половины окрасился бледной зеленоватой кровью змеенышей, и Огонек спотыкался о разрубленные трупы врагов.

Поняв, что его просто так не взять, гэты бросились бежать. Они помчались кто куда, разбегаясь, как вспугнутые мыши. Несколько гэтов кинулись обратно в ту пещеру, откуда выскочили. Надеясь, что они приведут его к главному Змею, которого он не добил в Сорочинских горах, Властимир поскакал за ними.

Но пещера оказалась пуста. Гэты метались по огромному залу, а князь их преследовал. Несколько зеленых чуть замешкались у дальней стены. Не успел Властимир понять, что они там делают, как прямо на него с потолка полетела каменная глыба. Огонек мигом шарахнулся в сторону. Камень едва не раздавил Властимира. Стены пещеры дрогнули от грохота, жеребец под князем осел на задние ноги, а когда пыль рассеялась, оказалось, что все гэты куда-то пропали. Он развернул коня и поскакал наугад.

Подземные коридоры как вымерли. Гэты надежно попрятались.

Впереди, за поворотом, что-то блеснуло. Князь подумал, что это сверкает чешуя Змея, и устремился туда. Но призрачный свет ускользал, не давая приблизиться. Он удирал, летя впереди, как мотылек.

Неожиданно он пропал, но не успел Властимир остановить разогнавшегося Огонька, как свет возник снова, на этот раз сверху, почти над его головой.

— Сдавайся, человек, — послышался откуда-то ровный голос. — Ты все равно не сможешь сразиться с нами. Если ты опустишь и положишь на землю свой меч, ты сохранишь себе жизнь и получишь возможность вернуться домой со своими друзьями. Если нет — ты будешь уничтожен!

Но Властимир сдаваться не собирался, он отлично помнил слова Ркая о том, что в Резань вернется его двойник и что Агриков меч настолько ценен, что враги будут стремиться заполучить его любой ценой. Пока меч у него, Властимир непобедим. И он вскинул меч:

— Если вы так хотите взять его, то пусть самый смелый из вас подойдет и возьмет его из моей руки. Но пока я жив, я не выпущу его.

— Хорошо же, человек, — прозвучал тот же голос. — Но не говори потом, что тебя не предупреждали!

И тут вспыхнул свет.

От неожиданности Огонек припал к земле, клоня голову, да и сам Властимир был ослеплен. Они оказались в самом центре огромной пещеры. Вдоль стен стояли гэты, и с ними сияющие существа, каких князь никогда не видел... Хотя нет — в тот самый день, когда он впервые пришел в себя здесь, в подземельях, он видел одного или двух таких вместе с Ркаем. Но он даже в страшном сне не мог помыслить о том, что их так много.

Отовсюду на него смотрели выпученные холодные глаза змеенышей, чуть светящиеся отраженным светом, как у диких зверей. Гэты казались еще уродливее на фоне тех сияющих существ, что полыхали так, что больно было глазам. И все они хотели его смерти — князь понял это.

Они дали ему несколько секунд, чтобы осмотреться, а потом со всех сторон разом ударили молнии.

Властимир вскинул меч, отсекая их и не давая коснуться ни себя, ни своего коня. Огонек под ним вертелся как ужаленный, уворачиваясь. Князь ничего не чувствовал — меч летал словно помимо его воли. Он только слышал, как шипят и потрескивают рассекаемые молнии, искрами оседая у копыт коня.

Сияющие существа налетели на него, как свита ведьмы в той далекой лесной избушке. Властимир отмахнулся мечом — в воздухе возник сверкающий круг, образовав непреодолимую преграду. Враги остались кружить снаружи, шипя от злости. Только молнии, что они не переставали испускать, проникали внутрь круга, но князь успевал отражать их.

И все-таки борьба была неравной. Властимир видел, как сужается вокруг него кольцо. Однажды Огонек споткнется или сам не заметит, как шагнет хотя бы одной ногой из круга, и тогда он окажется беззащитным перед полчищем врагов.

Тогда Властимир вздыбил Огонька и сам выскочил из круга.

Гэты бросились на него со всех сторон с радостным воем. Князь заметил, что у

некоторых из них кроме молний в руках оружие, очень похожее на хазарские сабли.

Перехватив меч двумя руками, Властимир отмахивался, раскидывая врагов, но они лезли, как из-под земли, словно он, рассекая напополам двоих, рождал таким образом четверых. Но их оружие не могло причинить ему большого вреда — их сабли тупились о его доспехи, молнии отражались от лезвия меча или крыльев коня.

Сверкающие существа, что птицами мелькали вокруг, не спешили кидаться на человека. Они неожиданно собрались вместе, в один сияющий силуэт. Лучи, подобные свету солнца, ударили из него в князя и его коня. Не выдерживая жара, Огонек отступил, пригибая голову к земле. Властимир еле успел закрыться щитом — его обдало жаром, словно он шагнул в костер. Щит накалился, прожигая руку сквозь рукавицу, и князь его отбросил. Враги нанесли новый удар. И Властимир, хоть и хранили его доспехи, почувствовал, что его дела плохи.

Огонек отступал до тех пор, пока не уперся задом в стену, и встал, расставив ноги и пригнув голову к земле, словно собирающийся бодаться бык.

Но Властимир не разделял его решимости. Отступить было некуда, змееныши и их странные союзники удвоили усилия. Князь понял, что они решили испепелить его, поскольку по-иному уничтожить его у них не вышло. Ему уже стало жарко, по спине под кольчугой бежали горячие струйки пота, стало трудно дышать. Хотелось стащить шлем и вытереть взмокший лоб. От сияния слепило глаза, и он перестал видеть своих врагов.

Змеи выдали себя сами — они закричали и бросились в атаку, решив добить ослабевшего врага. Этот крик словно пробудил Властимира, и он снова поднял меч, готовый сражаться.

Испепеляющие лучи ударили в темное от крови лезвие, мгновенно сожгли кровь, и Агриков меч опять засиял как солнце. Властимир не видел, что лучи отразились от меча и поразили тех, кто пускал их. Только услышал их пронзительные крики. Горячие лучи, мешающие ему сдвинуться с места, почти совсем утратили свою силу, и Властимир теперь смог различить противников. Он прищипорил коня и ринулся вперед.

Сияющие существа разлетелись в стороны, как пушинки, и закружили над его головой, стараясь достать его сверху. Но их огонь для Властимира теперь был не страшнее укусов комаров.

Неожиданно одна из стен пещеры дрогнула, словно от удара изнутри. Вспомнив, как появился Змей в Сорочинских горах, Властимир решил, что это явился он, и отступил, чтобы враг не растоптал его и не засыпал камнями.

Все — и гэты тоже — повернулись в ту сторону. Изнутри донесся гулкий удар, словно далекий раскат грома. По стене побежали трещины, она вспучилась и рухнула, подняв тучи пыли.

Поднявшись до потолка, пыль скрыла, что там происходит. Властимир перехватил меч поудобнее, ожидая Змея, но вступить в бой ему не пришлось.

Из-за рухнувшей стены донесся топот копыт и клики воинов. Там шла еще одна битва. Мимо Властимира промчалось несколько гэтов. Они спешили так, словно за ними по пятам гналась сама смерть.

Ее появления не пришлось долго ждать, но князь был весьма удивлен, когда преследователи змеенышей оказались незнакомыми витязями с мечами, сверкающими так, словно их только что извлекли из раскаленного горна. Первые из них промчались мимо князя, даже не оглянувшись на него, и скрылись в коридорах.

В мгновение ока пещера оказалась заполненной незнакомыми воинами, а гэты и их помощники исчезли.

Властимир с удивлением рассматривал пришельцев. Все они были как на подбор — высокие, статные, закованные в доспехи, так что с трудом можно было рассмотреть их лица. И кони у них были им под стать — крепкие, сильные, похожие чем-то на Огонька, только без крыльев. Всадники, пользуясь тем, что не было приказа преследовать врага, скидывали шлемы, обнажая молодые, большей частью безусые лица.

Один из них, по виду воевода, шагом подъехал к Властимиру. Из-под надвинутого на глаза забрала торчала только коротко обрешанная полусекая борода. В правой руке он держал посох, как копье, правя конем левой.

— Рад видеть тебя живым, Властимир, — молвил Чистомысл. — Вижу, что явились мы в нужное время.

— А откуда ты знаешь меня? — спросил князь. — И кто вы такие?

— Ты знаешь, кто мы. Сам же призывал нас с другом твоим Буяном.

— Мы звали? — не понял Властимир и вдруг догадался: — Так это вы...

Ему стало страшно — он подумал, что разговаривает с самим Перуном. Видя искренний испуг у него на лице, Чисто-мысл улыбнулся:

— Нет, не боги мы. Ты слышал о нас. Мы дэвсы, или арии. А боги послали нас в ответ на ваш зов. Мы узнали о том, что готовится здесь, и примчались на помощь.

Один из воинов подъехал к Властимиру и сорвал с головы шлем. Тот удивился, встретив знакомое лицо болотника.

— Привет тебе, князь Властимир! — задорно и весело сказал парень. — Не признал?.. Я ж Пепел! Болота помнишь?

— Помню, — кивнул Властимир. — Вот уж Буян обрадуется, когда узнает, что весточка наша дошла до вас!

— А кстати, где он? — спросил Чистомысл.

— Вот того не ведаю.

— Неладно это, — сурово заметил волхв и повернулся к своим витязям.

— Воины! — крикнул он зычно. — Битва еще не окончена. Наши враги разгромлены, но живы. Не дадим уйти ни одному из них. Вперед!

Арии ответили ему таким громким криком, что с потолка посыпалась пыль. Лошади их заржали, грохоча копытами. Всадники развернули их и поскакали в поисках врагов. Около князя задержался десяток бойцов, и в их числе Пепел. Чистомысл велел им пойти под начало князя.

Властимир окинул взором витязей, которые ждали его приказа. Его удивило, что витязи были в доспехах, очень похожих на его собственные, только поскромнее.

— Что ж, — молвил он, — найдем самого Змея?

ГЛАВА 18

Буян преследовал несколько удиравших гэтов. Он попал туда, где у них были лаборатории. Не готовые к тому, что люди окажутся здесь, и решив, что гэтские воины перебиты или взяты в плен, немногочисленные мирные гэты ударились в бегство. Гусяр в твердой уверенности, что и этим нельзя давать пощады, помчался по их следам.

Он отвлекся от преследования, когда неожиданно из-за поворота вынырнуло несколько всадников. Гусяр вмиг осадил Воронка и приготовился к битве, но передний вскинул руку:

— Свой!

Буян остановился:

— Кто вы?

— Ты звал нас — мы пришли, — коротко ответил незнакомец и снял шлем.

Под ним оказалось горбоносое загорелое лицо с крупными веснушками и тонкогубым хищным ртом. Длинные рыжеватые волосы человека были собраны в хвост.

— Я Лисохвост, — представился незнакомец. — Чистомысл велел мне найти тебя и привести к нему.

— Чистомысл? — обрадовался Буян. — Так он здесь?

— Боги от тебя узнали о беде и прислали его на зов, — ответил Лисохвост.

— Хвала богам, — гусяр с чувством поцеловал оберег. — Но я сейчас спешу. Оставьте меня!

— Ни за что! — крикнул Лисохвост. — Мы последуем за тобой. Ты нужен нам!

И он сказал это так, что Буян не стал спорить.

На ходу Лисохвост успел коротко поведать Буяну о том, что арии уже разгромили большую часть гэтов и их союзников, агентов, и теперь главная задача — не дать им уйти и уничтожить всех, загнав в угол. Легкость, с которой отряд двигался по подземелью, доказывала близость победы — отступавшие гэты думали только о своей шкуре.

Отряд на полном скаку завернул за поворот — и застыл как вкопанный.

Здесь был небольшой грот, почти половину которого занимал сверкающий огнями шатер. Его вершина упиралась в потолок, внизу что-то клокотало, словно кипел огромный котел. Несколько всадников окружили его, держа оружие наготове и не давая приблизиться к нему кучке гэтов.

— Что это? — спросил Буян.

Лисохвост не ответил. Он ринулся было на гэтов, но вдруг осадил коня и выругался.

— О, нет! — выкрикнул он в ярости. — Это невозможно! Уведите Буяна!

Буян не понял, в чем дело.

— Вы должны нас пропустить, иначе он умрет, — выкрикнул один из гэтов. — Этот человек дорог вам — не становитесь причиной его гибели. Если вы дадите мне возможность с моими соратниками и с ним зайти на корабль и покинуть это место, он останется жив и мы обещаем отпустить его позднее!

Буян узнал в этом гэте Хейда. Но говорил он странные вещи.

— Что такое корабль? — шепотом обратился новгородец к ближайшему из ариев — Я не вижу здесь ни корабля, ни лодки!

— Да вот корабль, слепой, что ли? — ответил всадник. — Уйди, не мешай!

— Я мешаю? — возмутился гусяр. — Кому? Только что вы говорили, что я вам нужен...

— В другом месте, — отрезал, услышав их разговор, Лисохвост. — Скачи отсюда к Чистомыслу — он хотел видеть тебя немедленно!

— Но почему?..

В это время Лисохвост подал команду. Всадники расступились, давая дорогу, и Буян забыл и о корабле, и о Чисто-мысле, и обо всем на свете.

Всадники образовали проход до самого входа на корабль. По нему навстречу остолбеневшему Буяну не спеша и даже важно шествовало десять гэтов во главе с Хейдом.

Подле Хейда, поддерживаемый под локти двумя гэтами, шел... Властимир.

Гусяр почувствовал, что падает с седла.

Кто-то подхватил его сзади. Обернувшись, юноша встретился взглядом с одним из всадников, не старше его самого.

— Пойдем, — шепнул арий. — Я отведу тебя...

— Куда? — простонал Буян, качая головой. — Я не могу его бросить... Как же это случилось-то?

— Уже не важно. Но они не должны уйти...

— Вы хотите их... — Буян со страхом схватился за грудь. — Нет!

— Я подчиняюсь воеводе. Он решает, что нам важнее! — решительно возразил парень.

Под пальцами гусяра оказался оберег. Он молчал, но снова что-то шевельнулось в душе Буяна — нечто, и он вспомнил свой разговор с князем в подземельях несколько дней назад.

— Стойте! — крикнул он, вырываясь вперед, — Стойте! Это не Властимир!

Гэты замерли, но не успели они опомниться, как князь шагнул к гусяру и строго молвил:

— Молчи, неразумный! Не узнаешь, что ли, меня? Мы же с тобой вместе столько дорог прошли, столько всего пережили... Я думал, что обрел в тебе друга и брата, а ты вон как, не веришь мне?.. Зря я тогда...

Он не договорил и горько махнул рукой. Жест этот был так знаком Буяну, что он почти почувствовал раскаяние и опустил голову.

Гэты вместе с Властимиром опять двинулись к кораблю, провожаемые суровыми пристальными взглядами. Лисохвост, сбоку глянув в лицо Буяну, дернул его за рукав, предлагая отъехать назад и не мешаться.

— Почему он перешел на их сторону? — спросил Лисохвост.

Князь услышал его слова и обернулся:

— Так было надо. Ради нас всех. Я сам пришел к такому выводу. Не волнуйтесь за меня. А ты, Буян, коли обидел тебя чем, прости.

Буян поднял голову и встретился взглядом с князем. Тот стоял в окружении гэтов, и Хейд придерживал его за локоть. Князь был без доспехов и оружия — только вышитая рубаха, плащ на плечах, порты и знакомые сапоги с подковами. На шее в вырезе ворота виднелся шнурок ладанки, где хранил Властимир обломок когтя муромского чудовища. Резанец был спокоен и уверен в себе, он даже попытался ободряюще кивнуть гусляру на прощанье и чуть улыбнулся.

Юноша тоже кивнул, но, едва гэты сделали первый шаг к кораблю, он воскликнул:

— Пойдите, еще два слова!

Все гэты, Хейд, дэвсы и даже Властимир выглядели раздосадованными.

— Что тебе еще, человек? — прошипел Хейд.

Буян тронул коня, выезжая вперед.

— Властимир — настоящий Властимир! — как-то рассказывал мне о двойнике, которого змееныши сделали, чтобы выпустить в мир смерть и горе, — заговорил он. — Я не поверил тогда, но сейчас вспомнил... Если ты и есть Властимир, мой друг и названный брат, то назови мне одно дорогое для тебя имя — всего одно, и я поверю тебе, как ты мне верил всегда. Назови!

— Чье имя?

— Мой друг сам догадается, — закончил Буян и сжал зубы, словно боялся, что заветное слово само вырвется.

На него глядели с недоумением. Буян кусал губы — он не был уверен, что князь вспомнит и поймет, что он хотел у него вызнать. А если скажет, то... Гусляр решил довериться случаю — как скажет этот человек, так и будет: вспомнит имя — настоящий, не вспомнит — двойник. Буян не хотел думать о том, что настоящий князь может забыть имя и погибнуть вместо своего двойника.

Голос Властимира заставил его вздрогнуть.

— Ты напрасно думаешь, что это задание для меня сложное, — сказал он. — Я помню твоё имя и уже называл его — Буян сын Вадимович. Что, неверно?

Гусляр покачал головой.

— Не думал я, — промолвил он, — что Властимир забудет имя своей невесты.

— У меня нет невесты, — ответил князь.

— У тебя нет невесты? Ты не резанский князь. Ты — самозванец и будешь убит!

Властимир быстро шагнул вперед, расправив плечи и исподлобья оглядел дэвсов.

— Хотел бы я знать, — с угрозой молвил он, — кто сможет это сделать? Уж не ты ли, верный друг?

Буян почувствовал, как все от него отшатнулись, словно он уже занес над головой, безоружного свой меч. Он покачал головой, а Властимир усмехнулся. И тут тенькнула тетива, и князь пошатнулся, раскинув руки.

Из его горла, прошив его насквозь, торчала стрела. Он качнулся, поднял руки к шее, царапнув вышитый ворот. Глаза его расширились, и он, захрипев, рухнул под копыта Воронка.

Все начали оглядываться, ища стрелка. У входа в грот стоял всадник и медленно опускал лук, не сводя глаз с убитого.

— Пепел? — ахнул Лисохвост. — Что ты наделал! Ты... знаешь, что сделал?

— Я только что от Властимира Резанского, — тихо сказал Пепел. — Это был двойник его, сделанный гэтами.

Буян пришел в себя первым и встал на стременах, выхватывая меч.

— Они опять хотели обмануть нас! — вскричал он. — Смерть змеенышам! Вперед, за мной!

Ариям не надо было дважды повторять приказ — они подняли мечи и ринулись на сбившихся в кучку гэтов.

Хейд бросился под копыта Воронка, пытаясь поймать узду коня.

— погоди! — крикнул он Буяну, останавливая его. — Ты не можешь, не должен так поступить! Мы проиграли, я признаю вашу победу. Вы сильнее. Дайте нам уйти — мы хотим уйти с миром, только уйти, чтобы никогда не возвращаться на эту планету. Мы оставим ее вам и вашим детям, а сами исчезнем... Дай нам уйти, прошу тебя! Ведь ты же мудр — не совершай глупого и жестокого поступка. Я прошу только сохранить нам жизни. Мы не принимаем участия в делах Ркая, мы просто ничего не могли сделать, чтобы помешать ему. Мы...

— Слишком много слов, — оборвал гуслар.

— Пойми, — Хейд нырнул под меч, уворачиваясь от удара, — что мы только хотим жить. Мы слишком хотим жить, мы сами, даже забыв о продолжении рода. Отпусти нас — здесь те, кто не виноват в том, что Ркай и агенты Организации творили на планете...

— Отпустить вас? — сверкнул Буян глазами. — Ни за что! Вслед за вами, прослышав о нашем милосердии, сюда ринутся искатели приключений из других миров. И неужели ты думал, что я хоть на миг забыл о корабле, что ждет вас где-то там, высоко? Что вам мешает потом вернуться со свежими силами и напасть на нас? Молись своим богам перед смертью — это единственная милость, которую я тебе могу обещать!

— Да пойми же ты, глупец! — рассердился Хейд. — В случае нашей гибели нас будут искать. Сюда придут другие и будут мстить вам и вашим детям!

Арии остановились, но Буян решительно занес меч.

— Не бойся за нас, — холодно бросил он. — Кто бы и когда бы ни явился, мы свою землю в обиду не дадим и детям то же накажем!

Он опустил меч на голову гэта.

Брызнувшая кровь послужила сигналом. Арии кинулись на гэтов, рубя без пощады. Те, кого не сразили мечи, были затоптаны конями. Их потом добивали, перерезая горло.

Пепел не принимал участия в побоище. Когда все гэты были зарублены и кровь их залила пол и копыта коней, Буян подъехал к парню.

— Где настоящий Властимир? Веди!

Властимир преследовал удиравших. Агенты умчались далеко вперед, опередив гэтов. Обернувшись к князю, один из змеенышей споткнулся и упал с криком. Вопль оборвался, когда копыто жеребца раздробило хрупкий череп гэта. Прочие бросились врассыпную. Властимир чуть придержал коня, отмахнувшись мечом. Кто-то закричал, раненный, но князь не стал задерживаться и поскакал дальше.

Впереди посветлело. Своды пещеры повышались, она стала шире. Топот копыт отдавался гулким эхом, а впереди что-то слабо урчало, словно какой-то огромный пес грыз кость.

Огонек выскочил из прохода и остановился, когда Властимир натянул повод. Внезапно он понял, что оторвался от своих спутников и остался один. За крылатым конем им было трудно угнаться.

А то, что открылось взору Властимира, заставило его содрогнуться. Хоть князю и было страшно, но он порадовался, что сразится со Змеем один на один, не подвергая опасности жизни молодых ариев. А у него с этим чудовищем старые счеты.

Князь вступил в огромную пещеру, в которой, казалось, мог бы поместиться весь замок викинга Рориволда с прилегающими скалами. Она была залита светом, исходящим от огромного шатра, вознесенного над полом. Провал двери сиял, как единственный глаз исполина. Внутри все слабо гудело и урчало, как в потревоженном улье, — этот звук он

услышал, еще подъезжая.

Сияние было так сильно, что слепило глаза. Князь только заметил, что странный дом — настоящее логово Змея — напоминает шатер, но узкий, не похожий на шатры мадьяр.

Властимир приблизился и почувствовал жар. Он исходил из-под шатра и был гораздо сильнее и горячее, чем тот, что князю уже пришлось испытать сегодня. Властимир прикрыл голову от горячего ветра, вырывавшегося оттуда, новым щитом и не сразу заметил, когда из логова выскочил сам Змей.

Он услышал громовой рев, от которого у него заложило уши. Князь опустил щит и увидел перед блестящим шатром знакомые очертания крылатого врага.

Распустив крылья, огромная самка впереvalочку шла навстречу человеку. Она узнала того, кто недавно убил ее самца. Ненависть и жажда мести толкнули ее вперед.

Громадная лапа взлетела, чтобы пасть на голову дерзкого и раздавить его вместе с лошадей, но Властимир, прикрывшись щитом, снизу ткнул ее мечом.

От боли самка заревела, вставая на дыбы. Кровь из раны хлынула на князя — если бы не щит, он был бы весь облит ею. Рукоять меча сразу стала липкой. Запахло кровью и паленой кожей. Князь глянул — самка трясла лапой, а кожа вокруг раны обуглилась.

А меч по-прежнему сиял, будто князь держал в руках факел.

— Ты и правда чудо-меч, — шепнул князь. — Ну, раз так, то сослужи мне главную службу — сруби Змею голову!

Самка опять бросилась в битву. Рана на лапе разжигала ее ярость. Она расправила крылья и ринулась на всадника, стараясь раздавить его своей тяжестью.

Но Огонек увернулся от нее в самый последний миг. Голова самки тяжело врезалась в камни, дробя их в пыль. Она промахнулась на аршин, и Властимир рубанул ее по голове.

Голова самки была закована в броню потолще, чем костяные пластины на голове убитого самца. Агриков меч отскочил от нее, выбив искры, а Змей заревел от злобной радости, празднуя неудачу врага. Змей мигом развернулся, бросился вперед, разинув пасть...

Перед лицом князя мелькнули загнутые огромные зубы. За ними извивался похожий на змею язык, а за ним шевелилась огромная глотка, откуда несло смрадом. Он отпрянул, ткнул мечом в пасть зверю наугад и еле успел выдернуть руку — взревев от боли, Змей сомкнул челюсти.

Волна горячего зловонного дыхания обдала Властимира, на лице повисли капли кровавой слюны. Пасть Змея наполнилась кровью — князь пропорол ему язык. Раненый Змей хрипло, не разжимая зубов, заревел, мотая головой. Ноздри его трепетали, из них вырывался дым, глаза полыхали огнем, чешуйчатое горло дрожало. Он не выдержал наконец и закашлялся, плюясь огнем.

Огонек шархнулся в сторону, уворачиваясь от языков пламени. Змей с ревом скакал по пещере, мотая раненой головой и преследуя всадника.

Все вокруг Властимира горело и плавилось. Он осторожно правил конем, уводя его от Змея.

Неожиданно сзади раздался грохот. Властимир обернулся.

Оказывается, в пылу сражения князь не заметил, что оказался возле самого шатра. Властимир увидел нацеленный на него оттуда огненный глаз. И отвлекшись на это, князь пропустил очередной бросок Змея.

От гибели Властимира спас Огонек, заметивший ринувшуюся на них сверху тень. Жеребец заржал и скакнул в сторону. Не ожидавший этого князь вылетел из седла и упал на нагретые камни, а возле него Змей врезался мордой в стену шатра.

Раздался гулкий грохот железной полости. Змей заревел от боли. Вскочив, Властимир ударил зверя по голове, обрубив рог над глазом.

Змей повернулся к нему, намереваясь схватить. Князь еле успел отпрыгнуть в сторону и ткнул острием меча в сверкающий прямо перед ним глаз.

Брызнула горячая слизь и кровь, попав на лицо и руки Властимира. Агриков меч глубоко засел в глазнице чудовища, и, когда оно вскинуло голову, князь взмыл в воздух,

держась за рукоятку своего оружия.

Змей мотал головой из стороны в сторону. Отягченный повисшим человеком, меч туго ходил в глазнице, расширяя рану. Кровь текла по морде и шее зверя. Тот метался, махая крыльями и хвостом. Неловко повернувшись слепой стороной, он наткнулся на шатер, который покачнувшись, загудел как колокол, но устоял. Рассвирепев, Змей размахнулся головой, как молотом, и ударил по шатру уже намеренно.

Удар получился такой сильный, что меч вылетел из раны и упал. Падая, Властимир невольно разжал пальцы, и Агриков меч зазвенел по камням всего в нескольких саженьях от него.

Властимир упал на камни и не смог сразу подняться — падение оглушило его. Когда же он собрал силы, чтобы встать, над ним уже склонялся Змей, дыша ему в лицо огнем. Князь почувствовал боль там, где на кожу попала кровь — теперь она тлела, обжигая его.

Змей заревел, и его рев был полон торжества. Властимира обдало потоком горячего воздуха. Он еле успел откатиться в сторону — на то место, где он лежал, обрушился залп огня.

Князь глянул — стреляли из шатра. Очевидно, там засели остальные враги. Если Змей убьет князя, они уйдут целыми и невредимыми. Если князь поразит чудовище, они все равно уйдут. Но можно было рискнуть уничтожить сам шатер.

Увернувшись от нового потока пламени, выжегшего на камнях черное пятно, Властимир опрометью побежал к шатру, еле успев подхватить по дороге меч. Змей гнался за ним, то и дело плюясь огнем. Он видел, что враг убегает, и утратил осторожность.

Остановился зверь лишь тогда, когда Властимир подбежал к самому шатру. Здесь человека вернее всего могли достать огнем, но в этом случае обитатели шатра ранят и самого Змея. Князь запомнил, откуда в него целились, и решил пусть ценою своей жизни использовать это против Змея. Приблизившись к огненному глазу, он остановился около этой круглой штуки и прижался спиной к железной стене.

Он не знал, какая паника поднялась на спускаемом аппарате космического корабля при этом его маневре. Если Змей повредит орудие, может произойти крушение и аппарат погибнет. Властимир не подозревал, что вывел обезумевшее чудовище на самую уязвимую и жизненно важную деталь этого челнока — последней надежды инопланетян.

Одноглазый зверь пошел вперед, забыв об осторожности. Властимир увернулся и разрубил мечом горло чудовища.

Все произошло почти одновременно — падение Змея, грохот пробитой стены и... взрыв.

Князю почудилось, что раскололась сама земля и обрушила на него поток огня. Все тело, казалось, вспыхнуло, а на свежие ожоги хлынула горячая кровь издыхающего Змея. Его тяжелая голова упала на Властимира, придавив к земле и заливая его кровью...

Грохот был слышен по всему подземелью. Все арии сразу поняли, что произошло, и поспешили к месту происшествия.

Там вовсю полыхал пожар. Корабль был охвачен пламенем, он превратился в огромный костер, в котором было бесполезно пытаться кого-то спасти. На самой границе огня, там, куда никто не совался из-за жара, валялась туша убитого Змея. Длинный хвост его подрагивал. Недалеко замер Огонек — в его остановившихся глазах отражался пожар.

Сквозь треск и рев пламени арии слышали вопли гибнущих в огне немногих гэтов. Агенты Организации гибли молча — один горящий силуэт показался-таки из огня: он таял, как снег под солнцем, и превратился в струю горящего металла прежде, чем сделал три шага.

Лисохвост, прискакавший вместе со всеми, сказал, глядя на пламя:

— Вот и конец им настал. Пошли отсюда — надо сообщить Чистомыслу, что все кончено.

— Жаль резанца, — вздохнул Пепел. — Он мне нравился...

Вдруг Огонек внезапно ожил, рванулся в самое пекло, к туше Змея, которая уже начинала гореть.

— Он ума лишился! — воскликнул Пепел.

— Нет, это непростой конь, — рассудил Лисохвост.

И тут волшебный конь, схватив зубами за ворот кольчуги, вытащил из огня своего хозяина князя Властимира, так и не выпустившего меча из рук.

Ядовитая кровь Змея спасла князя от огня, но зато сама жгла и разъедала ему кожу. На руках вздулись волдыри. Один арий неосторожно схватил князя за руку. Волдырь лопнул, и Властимир застонал, приходя в себя от боли.

Лисохвост наклонился над ним:

— Сейчас мы тебе поможем, резанский князь. Властимир медленно разлепил веки и спросил:

— Где Буян?

Гусляр в суматохе сражения в подземелье отстал от своих и заблудился. Торопясь найти Прогневу, он поскакал наугад и неожиданно за поворотом наткнулся на труп ария. Поблизости не было других мертвецов, и Буян заподозрил неладное. Он спешился, рассматривая следы.

Здесь были кроме убитого два человека — мужчина и женщина. Следы их вели в слабо освещенный коридор. Буян отправился туда.

За поворотом вскоре мелькнули две тени. Услышав топот копыт, они побежали, но пешим от могучего коня оторваться было не так-то просто. Буян издали различил мужчину и женщину и крикнул им:

— Не спешите! Вам никто не причинит вреда. Змей повержен!

Но те только прибавили шагу.

Догнав их, Буян преградил им дорогу и спешился. Мужчина тут же обнажил оружие.

— Не подходи, Змей! — выкрикнул он странно знакомым голосом. Девушка за его спиной испуганно сжалась, воскликнув: «Чур меня!..»

Но Буян и сам застыл как вкопанный, не в силах ничего понять. Перед ним стоял он сам, а за его спиной к камням прижалась Прогнева, следя за ним огромными от ужаса глазами.

— Прогнева, — позвал гусляр. — Ты не узнаешь меня? Это же я, Буян!

Он сорвал с головы шлем, думая, что она просто не верит ему, но девушка только помотала головой и простонала:

— Оставь нас, оборотень, пощади! Уходи своей дорогой...

— Нет, Прогнева, — сказал ее спутник, — он умрет. Змеенышам только смерть!

— Кто змееныш? Я? — удивился Буян.

— Ты же знаешь, Прогнева, что змееныши могут менять обличье? — сказал Лже-Буян девушке. — Вон он сменил облик, чтобы меня с тобой, лада моя, разлучить.

Гусляр почувствовал, что теряет терпение.

— Я настоящий Буян! — воскликнул новгородец. — Испытай нас, Прогнева! И пусть умрет обманщик!

Девушка отшатнулась в сторону, переводя взгляд с одного на другого. Буян вспомнил, как Хейд проговорился: гэты, мол, умеют проникать в мысли человека, и со страхом ждал первых слов Прогневы — о чем бы она ни подумала, это станет известно Змею немедленно, и он сможет ее обмануть. Буян притронулся к оберегу, прося его, чтоб он защитил его душу от вражьих сил, и обратился к Прогневе.

— Вижу я, что трудно тебе решиться, девица, — заговорил он так же напевно, как когда-то в Ласкове. — Ждет тебя не горе-кручинушка, ждет тебя думка немалая — как узнать-отличить ясна сокола, ясна сокола, добра молодца, не принять за него Змея лютого. Помогу я тебе, душа-лапушка, разрешу твои думы тяжкие...

Прогнева невольно шагнула ему навстречу, ловя каждое слово.

— Что ты говоришь? — прошептала она взволнованно.

— Я сказал свое слово твердое, — продолжал Буян, — и тебе не лгал, не обманывал. Уезжал от тебя да один Буян, да другой тебя охмурил сейчас. Ты же помнишь, любушка, первого. Пред тобой — два Буяна разные. Один — истинный, другой — оборотень. Лишь одно неизменным осталось — его голос да песни звонкие. Коли сложит он песню новую, песню новую, небывалую, пусть погибну я смертью лютою.

С этими словами он замолчал и приготовился ждать.

Лже-Буян не сводил с него глаз. Щека его подрагивала, и гусяр подумал, как ему тяжело будет убивать самого себя.

— Что ж ты не поешь, гусяр-певец, добрый молодец? — спросил новгородец.

— Легко же тебе насмехаться, змееныш проклятый, — ответил Лже-Буян. — Не могу я петь сейчас — не до песен мне!

— Соловей в клетке не поет, хоть она из чистого золота, — кивнул Буян, — но Буян-гусяр всегда пел — и когда плохо ему, и когда смерть ему грозила. Для того и голос ему боги дали!

Рука молодца сама выхватила меч. Лже-Буян шарахнулся в сторону, уворачиваясь от прямого удара. Прогнева вскрикнула, когда встретились два меча.

Закрыв свою душу от врага, Буян понял, что поступил верно — враг мог угадать его удары и отвести их. Теперь же битва была на равных, и сразу стало ясно, что Лже-Буян плохо бьется на мечах. Он отражал удары, как испуганный мальчишка, махая мечом, как косой. Буяну не составило труда отвести его меч в сторону и пронзить врага насквозь.

Прогнева вскрикнула, закрывая лицо руками, и тихо сползла по стене. Обтерев меч о плащ, Буян подошел к ней и поднял, покорную и безвольную, силой подтаскивая к труп.

— Смотри, — строго сказал он, — кого ты принимала за Буяна.

Девушка глянула и отшатнулась. Тело Лже-Буяна менялось на глазах, теряя человеческий облик. Прогнева отвернулась с отвращением. Со смертью чары рассеялись, и перед людьми лежал убитый Ркай. Буян, конечно, не знал, что прикончил главного гэта, которого не спасли ни обман, ни знания, ни даже странное влечение к земной девушке.

Буян ласково обнял возлюбленную.

— Ну, что, Прогневушка, не пора ли домой собираться?

Но она вдруг отпрянула от него с ужасом:

— Не касайся меня, Буян! Меня Змей обнимал-целовал. Тебе после него зазорно станет. Оставь меня!

Она повернулась было убежать, но гусяр опять сжал ее в объятиях.

— Постой, Прогнева! Видел я, когда сюда скакал, в одном месте подземном озерцо с водой ключевой, чистой. Есть в тороках у меня травы целебные, чародейные. Среди них трава — луговая заря. Омакни ее ты в то озеро да в воде его искупайся — тут же грех твой с тебя и снимется!

Прогнева кивнула ему с такой доверчивой радостью, что Буян просиял. Он усадил девушку рядом с собой на коня и поскакал к тому озеру. На берегу он полез в тороки, наугад выхватил пучок сухих трав и вручил его своей суженой.

Сам Буян отвернулся, обнимая морду льнувшего к нему Воронка и слушая, как плещется в прохладной воде Прогнева, что-то напевая.

Когда она оделась и вышла к нему, свежая, чистая, с мокрыми волосами, еще красивее, чем была, он поднял ее на руки и понес, не сводя с нее глаз. Воронок побрел следом.

ГЛАВА 19

Арии хозяйничали в очищенных от гэтов пещерах. Всюду слышался их говор, сверкали факелы. Буяна и Прогневу встретили и объяснили, где искать Чистомысла.

В широкой и просторной пещере, куда открывалось сразу несколько выходов,

столпились арии, окружив женщину с двумя мальчиками. Увидев входящего Буяна, который осторожно вел в поводу Воронка с сидевшей в седле Прогневой, она подбежала к нему и обняла.

— Вот и встретились! — воскликнула она радостно. — Говорила я, что все будет хорошо! С победой вас... А это кто?

Буян нежно глянул на Прогневу, которая уже подозрительно сузила глаза, не сводя глаз с незнакомки.

— То невеста моя, Прогнева, — ответил гусяр, и девушка облегченно улыбнулась.

— Невеста твоя красавица, — одобрила женщина. — Счастья вам с нею, любви и согласия, а еще сыновей добрых — красотою в вас да отвагою!

— Родишь мне сыновей, Прогнева? — спросил Буян.

Девушка стыдливо отвела взор.

Их разговор прервал усиленный эхом топот и истошный рев. В грот выскочил крылатый Змей. Он неловко взмахнул крыльями, одно из которых волочилось по земле. За ним скакало несколько всадников, размахивая арканами. Веревки опутали лапы, шею и кончик здорового крыла зверя, и он рухнул на землю.

Тотчас же все арии, что были в гроте, бросились на него, стали связывать дергающиеся лапы и накинули на глаза Змею плащ.

— Смотрите, не повредите крылья! — раздался над ухом Буяна знакомый крик.

Гусляр оглянулся — позади него стоял Чистомысл: в доспехах, с обнаженной головой и мечом на бедре. Он опирался на свой посох. Поймав взгляд Буяна, волхв кивнул ему и Прогневе особенно.

— Вот и встретились мы, Буян-гусляр, — молвил он. — Поговорить нам надобно!

Они отошли в сторону.

— Его теперь убьют? — Буян указал на связанного Змея.

— Зачем убивать калеку? У него крыло сломано, не видишь разве? Мы его вылечим и приручим. Будет нашим верным помощником.

— Змей?

— А что из того?

— Но он и его змееныши хотели вас всех уничтожить! Они смерти вашей желали, а вы жизнь им спасаете! Как же так?

— Когда ты проживешь столько же, сколько я, ты поймешь, что любая жизнь спасения и прощения достойна, — назидательно молвил волхв. — Ты научишься ценить даже жизнь врага, потому что не ты ее дал ему и не тебе ее отнимать. Ты поймешь, что жизнь — это все! Весь мир!

— Мир?! — крикнул Буян возмущенно. — Тебе хорошо так говорить, тебе и богам — вы же не знали, что нам пришлось пережить. Змей мести справедливой достоин!

Чистомысл улыбнулся в усы, его светлые глаза повеселели:

— Не знали, говоришь?.. А отшельник, что говорил с Вла-стимиром? То я был!.. А отрок в замке викингов, что про меч князю сказал да слепому певцу песню в уста вложил?.. А ласка в Новгороде? Это все Пепел был — всадник, который вас из болота к дубу вывел. По моей указке он вам помогал.

Чистомысл подмигнул оторопевшему Буяну.

Мимо них волоком протащили связанного Змея. Он уже не сопротивлялся и присмирел.

— Но это что же выходит? — прошептал Буян. — Значит, боги с нас глаз не сводили?

— Ты близок к истине, гусляр. Мы следили за вами, когда было можно. Вы нашими глазами и ушами в этом мире были. Через вас мы и об угрозе нового вторжения Организации узнали... Не бойся — теперь нам никто не страшен. И все благодаря вам!

— Но как же вы следили за нами? Мы же не часто ваших посланников видели.

Чистомысл коснулся оберега на груди Буяна:

— А вот кто нам путь указывал да советы подсказывал. Гусляр удивленно поднял брови:

— Оберег? Но он же молчит почти всегда. Раньше чаще говорил.

— Да, — согласно кивнул Чистомысл. — Но есть у нас его преемник, новый оберег, душа земли, ее заступник. Он и привел нас сюда.

— Кто ж он? Князь?

— Нет, вещий Боян, — ты!

Буян покраснел, думая, что шутит волхв. Но глаза Чистомысла были добры и спокойны. Он смотрел на юношу, как отец на любимого сына.

— Это как же так? — выдохнул гусяр.

— Помнишь ту Купалину ночь, когда неведомо кто в твоём обличье князя от зла защитил?.. То оберег был. В ту ночь оберег твой тобою стал, а ты — оберегом. С того дня начала перетекать в тебя оберегова сила — в тебе увеличиваться, а в нем уменьшаться, покуда совсем почти не растаяла.

— Но тогда выходит, — Буян погладил замерший камень, — что оберег и должен был замолчать?

— Верно, должен. Просто не было подле тебя никого в тот день, кто б истину растолковал... Оберег сей в века стародавние вырезал волхв Резанец, богатырь с силой чудесной, и другу своему отдал, в путь на бой его провожая. По имени того волхва город Резань был назван. Отдал он оберегам свою силу, но не мог дать им вечности. Все в мире стареет, всему свой предел положен. Ты был послан нам умирающим камнем. Знали мы, что новый оберег рожден будет от смертного мужа смертной женой и сбережет он душу живую в мире нашем. Ныне знаешь ты многое, коли не все, Боян-вещун, камень-оберег. Ответь нам — пойдешь ли с нами?

Волхв протянул ему руку, но Буян не спешил отвечать.

— А кто вы? — наконец спросил он.

— Ты знаешь уже — арии, или дэвсы. Одни называют нас богами, другие — слугами темных сил. Мы живем на этой земле давно... Нет. Я умолкаю. Смертным о нас все знать нельзя, а ты пока не встал в наши ряды.

Буян оглянулся на Прогневу:

— Но как же я могу пойти за вами? Ведь у меня она...

— Человеку всегда трудно решиться покинуть родных и друзей, чтобы обрести новую семью, — молвил волхв. — Ты нужен нам, Боян, как воздух, как надежда, но я не тороплю и говорю тебе: ты можешь отказаться и никто на тебя зла держать не будет.

— Мне можно подумать? — шепотом спросил Буян, не сводя глаз с Прогневы, что не слышала разговора, но старательно прислушивалась.

— Думай, — промолвил Чистомысл. — А чтоб ты не забыл, на-ка, возьми сей перстень!

Он взял руку гусяра и надел ему на палец тяжелый перстень с изображенными на нем вороном с мечом и спиралью.

— Даю его тебе не как знак того, что отныне ты наш слуга, но как напоминание о том, что должен ты однажды вернуть мне его со своим согласием или отказом. Я буду ждать.

Чистомысл вышел из грота.

Издалека послышался оклик — к Буяну бежал арийский воин.

— Вот ты где! Я ищу тебя. Там князь — ему худо.

— Что? Властимир? — воскликнул Буян и поспешил за гонцом.

Властимира перенесли в старые жилые комнаты дэвсов-ариев. Возле него хлопотали два лекаря, толпились любопытные и предлагавшие свою помощь. Но все они расступились, когда в комнату влетел Буян. Гусяр бросился к распростертому на постели Властимиру.

Князь жестоко пострадал от Змея. Тело его всюду, где могла проникнуть едкая кровь, было обожжено. На коже вздулись волдыри, многие из них лопнули — из них сочилась кровь, причиняя князю сильную боль. Властимир стонал сквозь зубы.

— Погоди, друг, я сейчас, — сказал Буян.

Торопливо нашарив за пазухой заговоренный Волховом платок, он осторожно обтер им

лицо князя, стирая засохшую струпьями ядовитую кровь. Чары мигом принесли облегчение — Властимир приоткрыл глаза. Его поначалу мутный взгляд понемногу прояснел и остановился на гусяре.

— Ты? — узнал он друга. — Здесь...

— Здесь я, здесь и не уйду. Все будет хорошо!

Властимир попытался пошевелиться, но каждое движение — даже вдох — отзывались болью. Все тело горело, словно он до сих пор лежал в луже змеевой крови.

— Слушай меня, Буян... — прохрипел князь. — Поезжай к ней... к Веденее... скажи, что я все сделал... убил Змея... Прогневу, сестру ее...

— Здесь Прогнева, здесь, — гусляр кивнул на дверь, где стояла девушка.

— Здесь... — Властимир попытался улыбнуться. — Хорошо... скажи Веденее тогда, что я ее любил... Только ее да землю нашу. Пусть простит и будет счастлива...

— Э, нет, рано ты о смерти задумался, — решительно перебил его Буян. — погоди, ты еще ей сам это скажешь, или не зваться мне Буяном!

— Нет! — вскрикнул Властимир. — Я...

И забился от боли.

Оставив друга, Буян выскочил из комнаты. Воронок стоял в трех шагах от этих покоев. Гусляр кинулся к торокам, нашарил среди травы и листьев несколько зеленых ягод и вернулся. Он потребовал холодной воды, и когда ему подали, выжал из ягод сок в воду и поднес чару к губам князя, заставляя его испить.

Вода приятно охладила воспаленное горло. Властимир сам не заметил, как выпил все, но это было последнее, что он почувствовал перед тем, как погрузиться в глубокий сон.

Столпившиеся вокруг арии внимательно наблюдали за гусляром. Один из них поднял выжатую ягоду и спросил:

— Ты не отравил его часом, чтоб не мучился?

Буян усмехнулся:

— Это не яд, это сонная одурь. Я его к Веденее свезу — у нее он поправится. Пусть в дороге поспит.

Он взглянул на Властимира. Тот уже крепко спал.

С рассвета шел дождь, и Веденя не отходила от окна. Все валилось у нее из рук сегодня — не елось, не пилося, не ходило, не спалось. Даже дело любимое — травы перебирать — и то пресытило. Девушка с трудом заставила себя приготовить обед на два дня, чтобы не утруждаться завтра, и присела у окна, глядя на серую пустую улицу и стену соседнего дома. Осень в этот год пришла рано — в середине листопада-месяца. Второй уж день шли дожди.

Сердце-вещун чувало беду. Накануне снился ей князь в светлом венце с печалью на лице. Будто подошел он к ней, поклонился и сказал: «Ты прощай, радость моя, солнце ясное. Не водиться нам с тобой, не венчаться. У меня теперь любовь сыра земля, повенчал нас с ней да булатный нож».

Хотела она прикоснуться к нему, да закричал он по-звериному и растаял.

И теперь весь день у нее не шел из головы этот сон. Веденее стало страшно. И погода тоже не радовала.

Вдруг дворовый пес, что забился под навес, выскочил, подбежал к запертым воротам и забрежал.

Сердце стукнуло и забилося, как пойманная птичка. Не помня себя, Веденя выскочила, как была, под дождь, с усилием распахнула ворота и чуть не закричала, зажав себе рот ладонью.

На том конце улицы сквозь пелену дождя к ее дому двигалась телега, в которую был впряжен один конь. Три всадника сопровождали ее. Ведунья узнала переднего, но не двинулась с места, а застыла, прижав руки к груди, и помертвела, уставившись в землю. Она не пошевелилась, когда телега поравнялась с нею. Прогнева спрыгнула на землю, обняла сестру, но та не ответила на объятия. На того, кто лежал в телеге, заботливо укрытый от

дождя, Веденея боялась взглянуть.

Прогнева повисла на шее вышедшего встретить гостей отца. Буян и молчаливые всадники завели лошадей под навес и бережно перенесли больного в дом. Потом те двое, решительно отказавшись принять угощение и только взяв хлеб-соль на дорогу, вывели телегу за ворота и поехали прочь, а Веденея все стояла в воротах.

К ней подошел Буян — чужой, незнакомый в кольчуге, поножах, шлеме и плаще. Он взял ее под локоть и повел в дом, оставив ворота распахнутыми, словно в дом пришла беда.

В избе отец споро затопил печь. Прогнева, скинув плащ-корзно и убрав волосы — как успела приметить Ведения, в две косы, ровно замужня, — помогала отцу. Буян за локоть, как неживую, провел Веденею в дальний угол, и она застонала, пробуждаясь от оцепенения.

На постели, укрытый шкурами, вытянувшись лежал Властимир — потемневший, похудевший, Сильные когда-то, а теперь недержалые руки безвольно лежали поверх одеяла. Лицо было спокойное.

Подведя девушку к князю, Буян отступил, сорвал с головы шлем. Прогнева помогла ему снять мокрый плащ, стала расстегивать на плече кольчугу. Она что-то нежно зашептала гусляру на ухо, и Веденея от этого сестриногo голоса не смогла сдержаться и запричитала, упав на грудь Власти-миру.

— Уж ты сокол мой ясный, лебедь белый! Что же ты меня не приветишь? Отзовись, сердце мое, открой очи ясные!.. Ой, за что ж ты меня покидаешь, на беду-печаль оставляешь! Очнись-пробудись!

Буян, вырвавшись из рук Прогневы, бросился к ней и силой оттащил от князя.

— Пусти! — кричала Веденея, вырываясь. — Дай попрощаться, пусти на последний погляд!

— Рано ты его хоронишь! — крикнул Буян, встряхнув Веденею за плечи. — Живой он! Живой! Поняла?.. Лечить его надо, а не отпевать!

Веденея взглянула в его очи и замерла, успокаиваясь. Видя, что она пришла в себя, Буян отпустил ее, и девушка медленно склонилась над князем, послушала биение его сердца. Оно стучало тихо и слабо, но ровно, и ворожея подняла глаза на домашних.

— Раз он жив, я его исцелю, — тихо и твердо сказала она.

И снова забрехали псы в Ласкове. Порываясь выскочить за ворота, сторожевые собаки исходили от лая, каким каждая из них издавна встречает своего ближнего родича и первого врага — волка.

Перебрех означал, что позванные явились на зов и ждут неподалеку. Набросив плат на голову, Веденея выскользнула из дома. Миновав тын, скользя по мокрой жухлой траве, спустилась в овраг. Одной рукой девушка прижимала к себе кувшин, опасаясь, чтобы не выронить его.

За оврагом, в редком и прозрачном по осенней листопадной поре березняке, ее ждали Явор с Яроком.

Близнецы, которых учуяли псы в поселке, затаились не хуже волков — если бы они не показались сами, Веденея непременно прошла бы мимо.

— Ты звала — мы пришли, — сказал Ярок.

— Что надо сделать? — добавил Явор.

Веденея протянула им кувшин.

— Князь мой, Властимир Резанский, с победой вернулся, — сказала она. — Да только захворал он, Змеевой кровью обожженный. Исцелить его надобно. Помочь ему могут травы чародейные. Их у меня немало — сбирала, как чуяла... Но нужна ему еще и цвет-вода, чтобы силы дать. Есть где-то родник ее, но найти его может только человек с чистым сердцем и юный. Вы молоды и чисты, вам цвет-вода откроется. Найдите ее — без цвет-воды смерть князю.

Близнецы переглянулись.

— Он убил Змея? — спросил Явор.

— Да.

Мальчики снова посмотрели друг на друга и неожиданно поклонились Веденее по-славянски — в пояс. Потом Ярок забрал у нее кувшин, и они молча пошли в лесную чащу.

Проводив посланцев, Веденей сразу отправилась домой, сердце летело туда — узнать, как там без нее Властимир, не стало ли ему хуже?

Она осторожно спустилась в подпол, где хранила свои запасы в холодное время и где когда-то отлеживался Хейд.

Большая часть трав погибла во время хазарского набега — уцелели только те, что она давно за ненадобностью не доставала отсюда, да те, что унесла в мешке — сырые и неперебранные. Хорошо, что огонь не тронул подарков Хейда. Они лежали отдельно. Ворожея редко ими пользовалась, приберегая для крайних случаев. Теперь же случай настал.

Веденей нашла прозрачную, словно из льда, коробочку, в которой хранилось снадобье от змеиного яда — желтоватые, похожие на рыбью икру крупинки. Властимиру это снадобье могло помочь.

Из своих трав девушка отобрала рудометку и свербигуз — исцелить раны и остановить руду-кровь; первенец, зель-траву, дуркоман — от язв на коже, к ним свербежницы и девясил; топтун-траву — раны заживить и под конец — царь-траву, она же любим-корень — для возвращения сил. Чтобы вошел любим-корень в полную силу, следовало сварить его в цвет-воде. Она мысленно торопила Явора и Ярока.

Вечером на дворе ворожеи топили баню. Жители Ласковы уже прослышали о возвращении князя и толпились подле дома — всем хотелось вызнать поболее. Но ворота были плотно закрыты от любопытных глаз.

В новорубленной бане было жарко и душно — топили не жалеючи. Пока заваривались травы, Веденей обрызгала все углы пучком печаль-травы и воткнула над входом сухие стебли дуркомана — от нечисти. От этого недовольно заворочался в своем углу банный, но вылезти не посмел, забоявшись. Потом Веденей сняла рубаху и распустила косу, шепотом приговаривая заклятья ко всем силам земли и неба о помощи.

Властимиру было совсем худо — потеряй он еще два-три дня, и ничто не могло бы поднять его на ноги. Ядовитая, да еще и сгоревшая на нем кровь Змея оставила на его теле столько ран и язв, что Веденей, оставшись в бане наедине с ним, для начала стала отмывать и отпаривать своего милого, как немощного старика.

Горячий пар клубился, засты свет, пот тек в три ручья. От жара спирало дыхание, волдыри на теле князя лопались, исчезали гнойники, оставляя легкие, быстро заживающие шрамы. Целебный настой целил язвы. Горячий взвар с шипением скатывался на пол, и ему вторил тихий голос ворожеи, раз за разом, для верности, повторявшей заговор:

Шла русалка лесной дороженькой,
оцарапала резву ноженьку.
А из ранки той да не кровь-руда,
а из ранки той да чиста вода.
Да чиста вода та ручьем текла,
да по всей земле та вода прошла.
Да на остров тот да на гол Буян,
на Буяне том да высок курган.
На кургане том камень Алатырь —
камень Алатырь лежит во всю ширь.
Не поднять его — не свернуть его,
пока род людской на земле живет.
Как под камень тот утекла вода,
а за ней болезнь навсегда!

Незаметно потекли дни. Накануне праздника Макоши справили свадьбу Буяна с Прогневой. Отец девушки был рад пристроить меньшую дочь, хотя старшая еще ходила в девках. Но тогда следовало бы ждать полного выздоровления Влас-timiра, что седьмой день уже отлеживался в доме ворожеи, и спрашивать его решения, а Буян ни за что не хотел ждать даже лишних трех дней. Во время праздника Макоши, жрец Сухобой предсказал по жертвам, что Буяна и его жену ждет богатство.

На следующий день, на рассвете, вернулись Явор с Яроком, первыми замеченные собаками. Близнецы без страха, словно отныне что-то переменилось в мире, подошли под самое окно избы, поставили кувшин и ушли. Веденя их так и не видела.

В тот же день она в цвет-воде заварила ждавший уже столько дней настой любим-корня и принялась отпаивать Властимира.

Он сразу пошел на поправку. Уже на второй день, когда Веденя склонилась к нему, он встретил ее приветливым взглядом и попытался что-то спросить, но она не стала его слушать.

На четвертый день, улучив минуту, к другу зашел Буян. Гуслар опять надел свой доспех, вынесенный им из подземелий. Он не улыбался — видно хотел сказать что-то важное.

— Прощай, княже, — молвил он с порога, не садясь. — Уезжаю я — проститься пришел.

Властимир рванулся к нему:

— Куда?

— Дела есть, — неопределенно ответил гуслар. — Загосте-вался я, а зима скоро — надо спешить все дела переделать.

— Как был ты, Буян, взбалмошем, так и остался, — покачал головой князь. — Кто ж в зиму в путь отправляется? Зимой люди добрые по домам сидят, детей растят, по дорогам без дела не ездят!

— Так и мне по делу. Меня ждут.

— Кто?

— Не знаешь ты его.

— А Прогнева что же? Бросаешь?

— Не бросаю, — Буян разом погрузнел. — Прогнева жена моя.

— И ты ее за собой потащишь?.. Ну, ты точно неразумен, как дитя малое!

— Нет, она меня тут пождет. Весною я за ней приеду и с собой ее увезу.

— Правильно, — кивнул Властимир. — А я тем временем в Резани велю терем для вас срубить. А не захочешь терем — сам дом поставишь в городе...

Буян строго качнул головой.

— Не понял ты меня, княже, — сказал он и глубже надвинул на лоб окованный сталью шлем. — Не жить мне и в Резани. Я весной насовсем уеду. Без возврата.

Он махнул на прощанье рукой и шагнул к двери — незнакомый воин, готовый к битве и походу, витязь-одинок, каких полно на дорогах, а в прошлые времена было еще больше. Властимир с тревогой смотрел ему вслед.

— И что же, — не сдержался он, — мы больше не встретимся?

Буян обернулся уже от двери:

— Нет.

— А как же наша клятва? Мы же братались, помнишь?

— Клятву, — вздохнул Буян, — я не забыл. Но есть клятва большая. Перед всей землей нашей... Прощай, княже. Может, боги будут к нам и дальше милостивы!

— Прощай, — ответил Властимир.

Шагнув во двор, Буян подошел к Воронку, что, уже оседланный, ждал хозяина у березы. Отдохнувший на домашних харчах, жеребец отъелся и обленился. Гуслар проверил, много ли припаса в тороках да крепко ли привязаны гусли. Тут девичьи руки сзади обхватили его за шею.

— Куда ты собрался? — воскликнула Прогнева. Буян повернулся, обнял жену:

— В дорогу я, ладушка, — дело зовет.
— Это князь тебя отправляет?
— Нет, то сам я, по своим делам... С Властимиром я уже простился. А теперь с тобой. Он потянулся поцеловать ее, но Прогнева отвернулась.
— Ты что, — воскликнула она, — меня тут оставляешь?
— Пережди, Прогневушка, до весны только. Весною вернусь я за тобой и увезу в ту сторонушку, где дом наш стоять будет. А пока нет у меня угла — как же я могу тебя по дорогам с собой возить? Властимир предлагал нам у него в Резани поселиться... Да только ты ведь поедешь, куда мне судьба велит. Так?

— Знамо дело, поеду, — кивнула Прогнева. — Я твоя жена и хочу всегда быть с тобой. Бери меня сейчас с собой, а не то я за твоим конем пешая пойду — заплутаю где, сгину в дороге, тебе же горько будет. А одна не останусь нипочем! Бери меня с собой!

— Но ты даже не знаешь, куда и зачем я еду! Может, узнав, захочешь к отцу вернуться?

— Назад мне хода нет, — решительно ответила Прогнева и так глянула на Буяна, что тот сдался.

— Быть по сему, — согласился он. — Только живее собирайся!

— Ой, да я скоро!

Она действительно обернулась за единый миг. Не успел Буян вывести Воронка за ворота, как она уже догнала его с небольшим узелком в руках. Приторочив его к вещам Буяна, она на виду у всей улицы поцеловала его в щеку и вскочила в седло за ним.

— А куда мы едем? — спросила она, устраиваясь поудобнее.

— Сперва в Резань — скажем, где им искать своего князя, а потом к Чистомыслу. Ждет он меня!

Прогнева ничего не ответила, только склонила голову ему на плечо, а Буян, трогая Воронка, украдкой глянул на даренный волхвом перстень с вороном. Он знал, что должен согласиться на предложение Чистомысла.

Потом еще долго в Ласкове рассказывали о всаднике на вороном коне, который как-то под вечер вылетел, будто птица, за околицу, пронесся по полю и пропал за опушкой леса. Говорили, что там конь его взвился в небо, будто орел, но потом ни разу тот всадник не появлялся на берегах озера, и легенду забыли.

Услышав со двора топот коня, Властимир понял, что друг уехал, и ему стало горько, словно Буян его обманул. Он загрустил, вспоминая гусляра, и не заметил, как к нему подошла Веденя.

Девушка присела на лавку, сложив руки на коленях. Властимир почувствовал ее ласковый теплый взгляд и поднял глаза. Веденя тревожно нахмурилась, приметив, что князь печален.

— Что случилось, княже? — заботливо молвила она. — Аль болит где?

— Веденя, ты знаешь, что Буян уехал? — спросил Властимир.

— Про то я ведаю, — кивнула ворожея. — Он и Прогневу с собой взял. Что ж — не след тосковать да печаловаться. На роду им дорога написана — и не нам запрещать да удерживать. Путь у каждого есть — путь единственный, важно только избрать его вовремя.

Она наклонилась и нежно погладила ладонь Властимира, успокаивая. И князь вдруг взял ее руку и свои.

— Веденя, — вырвалось у него само, — пойдешь за меня?

Ворожея вздрогнула, замерев. В глазах ее мелькнул испуг. Она смешалась, заторопилась куда-то, вынимая руку, и, поняв, что так легко ей не вырваться, только чуть отсела и потупилась, покорно оставив ладонь в горячих руках Властимира, что, замерев, со страхом и надеждой ждал ее слов.

— Знает сокол, — тихо шепнула девушка, низя глаза и покрываясь стыдливым румянцем, — в небе летаючи, — не уйти от него серой уточке. Знает молодец, вопрошаючи, — не откажет ему красна девица...

Последние слова она сказала совсем тихо, но Властимир ее понял. Не выпуская ее руки, он сел на лавке, притягивая ее к себе за плечи.

Княжескую свадьбу, что прогремела перед самыми Колядами, в Ласкове потом вспоминали очень долго, рассказывая о ней не только детям и внукам, но и всем заезжим людям. И стоило впоследствии кому из жителей Ласковы оказаться в другом городе или деревне, как он при случае непременно хвалился тем, что из его односельчанок однажды вышла княгиня.

1996 г.

НАЙТИ СВОЙ ПУТЬ (В. Гопман)

*Сей кубок ратным и вождям!
В шатрах, на поле чести,
И жизнь, и смерть — все пополам;
Там дружество без лести,
Решимость, правда, простота,
И нравов непритворность,
И смелость — бранных красота,
И твердость, и покорство.*

В. А. Жуковский

Удивителен мир романа Галины Романовой. В нем, если воспользоваться выражением В. А. Каверина, «чудесное существует как воздух, которым дышат его герои». С чудесами

резанский князь Властимир и новгородский гуслар Буян встречаются буквально на каждом шагу. Русалки и водяной, лешие и птица Гамаюн, птица Сирий и оборотни, девы-воительницы поляницы и Соловей-разбойник, псоглавец и Лихо Лесное, вещий ворон и болотник — в определенном смысле роман можно назвать мини-энциклопедией сказочных существ русского фольклора.

В романе присутствуют те основные элементы сказочного жанра, которые описаны в одной из основополагающих работ по фольклористике — в «Морфологии волшебной сказки» В. Я. Проппа. Это и выбор дороги, по которой герои отправляются навстречу своему предназначению; и встреча князя с чудесным помощником — гусларом Буяном, который умеет разговаривать с ветром, рекой, зверями, что не раз спасало героям жизнь; и помощь чудесных животных (конь Огонек, отнятый князем у злобной старухи ведьмы Лоухи); наконец, схватки со сказочными животными.

Нередко Романова прибегает к контаминации, используя в произведении сюжеты различных русских былин и волшебных сказок. Это расширяет возможности автора, позволяет свободнее, гибче строить фабулу. Отметим наиболее характерные моменты. Змей, с которым сражается князь, традиционный персонаж русского фольклора. Со змеем бились Алеша Попович, Никита Кожемяка, Добрыня Никитич. Не случайно, что Властимир, как и Добрыня, родился в Рязани (в романе — Резани), и точно так же, как Добрыне, идущему на бой со змеем, мать дает волшебную плетку, так и Веденея дает князю плетку, которая не раз выручала его, а Почай-река, которая встречается героям романа, — это, конечно, Пучай-река из былин о Добрыне. В образе гуслара Буяна контаминируются черты легендарного певца Бояна и двух знаменитых новгородцев — Торгового гостя Садко и удалого Василия Буслаева. Наконец, драматическое описание сожженной деревушки Ласковы в романе напоминает памятник древнерусской литературы «Повесть о разрушении Рязани Батыем».

Романова использует материал не только русского фольклора. Например, ведьма Лоухи — не кто иная, как один из центральных персонажей карело-финского эпоса «Калевала»; Лоухи, «хозяйка Похьелы», страны мрака, холода и зла, с помощью коварства и обмана завладела волшебной мельницей Сампо, а потом пыталась погубить народ Калевалы. А в главе, описывающей пребывание Властимира и Буяна на острове викинга Рориволда, ощутимы влияние на автора романа древнеисландской литературы — скальдической поэзии и эддических сказаний.

Время и место действия романа связаны с историческим временем (примерно IX век) и реальным пространством (Среднерусская возвышенность). Но и художественное время романа, и его художественное пространство самостоятельны, автономны. Герои то путешествуют по местам, имеющим реальную географическую «прописку», то оказываются в достаточно условном «некотором царстве, некотором государстве». Контаминировано и время романа — оно вбирает в себя события и явления, относящиеся к разным эпохам. Все это необходимо автору для сгущения волшебного, фантастического, что позволяет отчетливее обрисовать образ главного героя и масштабность стоящей перед ним цели.

Правда, сам князь Властимир не очень хорошо понимал, что же побудило его пуститься в путь. Об этом он спрашивает у первого встреченного им сказочного существа, лешего:

«Ну, раз ты все знаешь, леший, то скажи мне тогда — в чем мое призвание? Почему мне не сидится дома — нет ли тут чар каких?» — «Чар тут мало, всего только — постоять за нашу землю. И ты, и я — все мы этой землей живем, что с ней случится — ни вам, людям, ни нам, лесным и водяным жителям, никому житья не будет».

Гуслар Буян помогает князю осознать эту цель, проникнуться важностью своей миссии, понять, что на него, Властимира, ложится ответственность за судьбу всего народа. Потому Буян выступает в романе не только как помощник князя, но и как его наставник (будучи куда моложе его):

«Думаешь, случайно все, что с нами приключилось еще до нашей встречи и после нее? Нет, князь! Боги следят за твоим путем, тебя они избрали, в тебе сейчас надежда всей земли нашей матушки. Боги меня послали, чтобы берег я тебя и на путь добрым советом наставил, если что, а оберег мне силу дает и знание...»

Потому Властимир не только смел, решителен, отважен — в нем воплощаются народные представления о доброте и справедливости. Властимир побеждает не только различных чудищ, но и самого Змея, наводившего ужас на славянские земли, потому что сражается за правое дело. Избавление героя от многочисленных опасностей и подвиги его были бы невозможны без действия чуда, которое, в соответствии с жанровыми законами, защищает добро и карает зло. Об этом хорошо сказал Станислав Лем:

«Законы сказочного мира обусловлены этически. Сама его физика стоит на стороне добрых героев».

А когда, осознав предопределенность своей судьбы и судьбы Буяна, осознав, что они только «стрелы в руках Перуна», князь поддается минутной слабости психологически тонко выписанной Романовой), Буян поддерживает побратима:

«...не думай о том, что мы — всего-навсего люди смертные и что мало нас. Порой и малый нож может сделать то, что не под силу сотне мечей булатных. И, может быть, только мы, слабые, и способны ныне спасти сильных...»

Роман — не только сказка. Это интереснейший опыт соединения фольклорной сказки и научной фантастики. Не много можно назвать в современной литературе книг, авторы которых ставили перед собой такую цель наверное, потому, что считали невозможным смешение двух жанровых систем. На самом же деле сказка и фантастика не просто близки — в научной фантастике используются именно фольклорно-сказочные принципы изображения мира и человека. По точному выражению одного из крупнейших исследователей этой проблемы, Е. М. Неелова:

«волшебнo-сказочные корни питают все древо научной фантастики».

Фантастика входит в роман с сюжетной линией инопланетян — ящероподобных гэтов, собирающихся колонизировать Землю. Контакт между двумя цивилизациями — тема не новая в фантастике, но Романова предлагает неожиданный и оригинальный поворот темы. Контакт усложняется тем, что гэты подчиняются некоей могущественной межзвездной организации, которая и нашла для гэтов, чья планета погибла в результате экологической катастрофы, Землю — и готова отдать ее им в обмен на произведенную в их будущем «доме» определенную «этническую чистку». Преследуя неизвестную цель, хозяева пришельцев хотят их руками уничтожить немногочисленных оставшихся в живых представителей пранаселения Земли, дэвсов, которые находятся в родстве со славянами и помогают им, принимая облик волхвов.

Примечателен разговор между гэтом Хейдом и Буяном в конце романа. Поначалу мы (вместе с гусяром) проникаемся сочувствием к судьбе несчастной расы — и понимаем, что разумно звучат слова, обращенные к землянину:

«Наша встреча здесь — это не встреча двух народов, это столкновение двух, если угодно, мечей, каждый из которых держит сильная рука».

И наверное, контакт был бы возможен — если бы не точно найденная писательницей деталь: оказывается, самка гэтов начала откладывать яйца только тогда, когда стала питаться человечиною... И тогда становится понятно, в чем же был подлинный смысл схватки

Властимира со Змеем — гэтским крылатым драконом...

Зло карается, добро торжествует. Властимир и Буян играют свадьбы. Казалось бы, наступает традиционный для сказки счастливый конец. Но — это для сказки. «Властимир» — произведение нетрадиционное, содержание его куда шире, чем рассказ о богатырских подвигах, финал романа открыт. Князь Властимир выполнил предначертанное ему — спас родную землю, теперь начинается новая пора его жизни, отныне оседлой, и заниматься он станет укреплением своего княжества. Но у Буяна иная судьба. И об этом просто и мудро говорит Веденя, утешая мужа после отъезда Буяна и Прогневы:

«...не след тосковать да печаловать. На роду им дорога написана — и не нам запрещать да удерживать. Путь у каждого есть — путь единственный, важно только избрать его вовремя...»